159

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

33
С-42

Скворцов, А. сост.

ОСНОВАНІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

Составилъ **А. Скворцовъ,**

профессоръ Новоалександрійскаго Института Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства.

[illegible]

Цѣна **2** р. **50** к.

ПОГАШЕНО

РЕДКИЙ ФОНД

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Гольдберга, Екатерининскій кан., № 94
1898.

РФ-651
Финуниверситет
Библиотека
Ленинградский пр-т

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе VII

Введеніе 1

§ 1. Опредѣленіе хозяйственной дѣятельности; зависимость ея отъ природы и техники. Неточность опредѣленія разными авторами термина „общественное хозяйство".—§ 2. Краткій схематическій очеркъ экономическаго развитія до конца ремесленнаго періода. Опредѣленіе термина „общественное хозяйство". Задача политической экономіи.—§ 3. Другія науки, изучающія хозяйственную жизнь общества: *исторія экономическаго развитія и хозяйственная статистика;* ихъ методъ. Методъ политической экономіи. Основныя посылки дедуктивнаго изслѣдованія экономическихъ явленій. Экономическая политика, ея задача. — § 4. Политико-экономическія школы.—§ 5. Раздѣленіе политической экономіи.

Отдѣлъ I. Ученіе о производствѣ.

Глава I. *Факторы производственнаго процесса* 39

§ 1. Первичные факторы производства, природа и трудъ. Объективные и субъективный факторы производства.—§ 2. Природа, какъ факторъ производства. Зависимость хозяйственной дѣятельности отъ природныхъ условій на различныхъ ступеняхъ культуры.—§ 3. *Трудъ, какъ факторъ производства.* Кооперація простая и сложная. Общественное раздѣленіе труда; историческій моментъ появленія его. Трудъ непроизводительный; непроизводительное населеніе, какъ указатель производительности общественнаго труда. Масса труда въ обществѣ. Производительность и интенсивность труда; различіе этихъ терминовъ.—§ 4. *Капиталъ, какъ факторъ производства.*

Происхожденіе слова и различныя опредѣленія понятія капиталъ. Капиталъ съ общественной и съ частно-хозяйственной точки зрѣнія. Происхожденіе капитала.

Глава II. *Ученіе о цѣнности.* 58

§ 1. Потребительная цѣнность. Мѣновая цѣнность. Свободныя и хозяйственныя блага. Трудъ, какъ мѣрило мѣновой цѣнности товаровъ. Возраженія противъ теоріи трудовой цѣнности. Общественно-необходимое рабочее время. Опредѣленіе цѣнности количествомъ израсходованной трудовой энергіи. Цѣнность, придаваемая квалифи-

СТР.

цированнымъ трудамъ.—§ 3. Историческое развитіе ученія о мѣновой цѣнности. — § 4. Относительная и эквивалентная форма цѣнности. Всеобщій эквивалентъ. — § 5. Покупка для продажи. Прибавочная цѣнность.—§ 6. Образованіе прибавочной цѣнности въ процессѣ производства. Цѣнность рабочей силы. —§ 7. Историческое происхожденіе капитала; первоначальное накопленіе. Состояніе земледѣльческой техники въ Европѣ передъ наступленіемъ эры капитализма.—§ 8. Необходимое и прибавочное время. Постоянный и перемѣнный капиталъ. Основной и оборотный капиталъ.—§ 9. Норма прибавочной цѣнности. Необходимый и прибавочный трудъ. Различныя формы выраженія нормы прибавочной цѣнности.—§ 10. Рабочій день. Сумма прибавочной цѣнности; зависимость ея отъ числа занятыхъ рабочихъ.—§ 11. Причины колебанія нормы прибавочной цѣнности; вліяніе на ея величину интенсивности труда. Относительная прибавочная цѣнность. —§ 12. Вліяніе производительности труда на сумму и норму прибавочной цѣнности, на цѣнность товаровъ и относительную прибавочную цѣнность.—§ 13. Возрастаніе капитала.

Отдѣлъ II. Ученіе о распредѣленіи.

Содержаніе и раздѣленіе этаго отдѣла 98

Глава I. *Ученіе о заработной платѣ* 99

§ 1. Опредѣленіе термина: заработная плата; цѣнность труда и цѣна рабочей силы. Формы рабочей платы; зависимость величины ея отъ различныхъ условій. Издѣльная плата, ея значеніе для промышленности и земледѣлія.—§ 2. Законъ Рикардо о высотѣ рабочей платы. Фондъ рабочей платы.

Глава II. *Ученіе о народонаселеніи* 107

§ 1. Представленіе о значеніи населенности страны до XVIII вѣка; поощреніе увеличенія населенія. Книга Годвина и отвѣтъ на нее Мальтуса. Ростъ населенія Англіи со времени перехода къ денежному хозяйству.—§ 2. Разборъ теоріи Мальтуса Чернышевскимъ.—§ 3. Опредѣленіе наиболѣе вѣроятнаго maximum'а прироста населенія.—§ 4. Разборъ критики Чернышевскаго.—§ 5. Теорія перенаселенія капиталистическихъ странъ К. Маркса. Временныя причины, вызвавшія перенаселеніе Англіи въ періодѣ 1830—60 годовъ. Обстоятельства, смягчающія дѣйствіе закона Маркса. Непримѣнимость этаго закона къ странамъ съ неразвитымъ капитализмомъ.

Глава III. *Ученіе о прибыли* 127

§ 1. Ученіе о прибыли Рикардо. Несогласимость ученія Рикардо объ уровнѣ прибыли съ закономъ равенства этаго уровня въ разныхъ предпріятіяхъ.—§ 2. Различное опредѣленіе Марксомъ термина „авансированный капиталъ". Отличіе основного капитала отъ другихъ частей постояннаго капитала.—§ 3. Условія равенства уровня прибыли различныхъ предпріятій и значеніе органическаго сложенія капиталовъ для уровня прибыли, по Марксу.—§ 4. Объясненія неравенства уровней прибыли въ схемѣ Маркса.—§ 5. Цѣна производства по Марксу. Невозможность осуществленія обмѣна для раздѣла

стр.

прибавочной цѣнности по схемѣ Маркса.—§ 6. Дѣйствительное сложеніе общественныхъ капиталовъ, опредѣляющихъ уровень прибыли. Приростъ капиталовъ въ зависимости отъ ихъ величины и формы приложенія въ предпріятіи.—§ 7. Дѣйствительная величина уровня прибыли и уравненіе ея въ предпріятіяхъ разнаго рода. Предпріятія, прибыль коихъ не подчиняется общему правилу. — § 8. Различіе уровня прибыли въ различные историческіе моменты и въ странахъ новыхъ и старыхъ. Отношеніе между высотой заемнаго процента и доходомъ предпріятій; зависимость послѣдняго отъ величины основного капитала.

Глава IV. *Ученіе о рентѣ*. 164

§ 1. Теорія ренты Рикардо и возраженія на нее Кэри и Родбертуса.—§ 2. Разсужденіе Маркса о земельной собственности и значеніи капиталистическаго земледѣлія. Капитализація ренты. Указаніе Маркса на заблужденія при анализѣ ренты; особенность положенія земельнаго собственника сравнительно съ капиталистомъ.—§ 3. Избыточная прибыль (Surplusprofit). Иллюстрація образованія избыточной прибыли по Марксу и разборъ этаго примѣра.—§ 4. Ученіе Маркса о дифференціальной рентѣ перваго рода.—§ 5. Дифференціальная рента 2-го рода.—§ 6. Абсолютная земельная рента Маркса. Условіе занятія подъ культуру худшихъ земель. Причины образованія избыточной прибыли въ земледѣліи и обращенія ея въ ренту по Марксу.—§ 7. Разборъ ученія Рикардо-Маркса о дифференціальной рентѣ 1-го рода. Опредѣленіе терминовъ „богатство“ и „плодородіе“ почвы; значеніе богатства почвы для условій приложенія къ ней капитала.—§ 8. Различіе результатовъ приложенія капитала въ формѣ основного или оборотнаго для образованія ренты.—§ 9. Абсолютный предѣлъ производительности почвъ; значеніе этаго предѣла для повышенія урожаевъ почвъ различнаго плодородія.—§ 10. Опроверженіе положенія Рикардо о большей цѣнности продукта, получаемаго съ худшихъ почвъ. — § 11. Выводы о дифференціальной рентѣ Рикардо-Маркса.—§ 12. Ученіе о рентѣ Родбертуса.—§ 13. Разборъ этаго ученія; подтвержденіе положенія Родбертуса о значеніи матеріала въ земледѣліи. Вліяніе величины нормы прибавочной цѣнности въ фабрикаціи на ренту.—§ 14. Измѣненіе роли постояннаго и перемѣннаго капитала въ земледѣліи съ прогрессомъ земледѣльческой техники.—§ 15. Измѣненіе характера земледѣльческаго прогресса въ послѣднія десятилѣтія. Причины, препятствующія уничтоженію ренты при различныхъ формахъ хозяйства. Общіе выводы о рентѣ.

Глава V. *Формы производства*. 230

Содержаніе задачи разсмотрѣнія формъ производства.

§ 1. Формы обрабатывающей промышленности: домашнее производство, ремесленно-цеховой строй, мануфактура; различные способы происхожденія послѣдней. Вліяніе мануфактуры на производство и на работника.—§ 2. Фабрика. Возрастаніе количества продукта при машинномъ производствѣ. Вліяніе машиннаго производства на работника; образованіе искусственнаго перенаселенія. Предѣлъ

СТР

капиталистической эксплоатаціи машины и вліяніе машинъ на стоимость продукта. Стремленіе къ повышенію нормы прибавочной цѣнности путемъ удлиненія рабочаго дня. Измѣненіе общественныхъ отношеній подъ вліяніемъ капитализма.—§ 3. Право собственности на землю; ограниченія его. Собственность личная и общественная. Виды личной собственности. Крупное землевладѣніе, зависимость его отъ естественныхъ условій страны и связь съ арендным способомъ землепользованія.—§ 4. Аренда, ея вліяніе на технику земледѣлія; взгляды различныхъ авторовъ на арендный способъ землепользованія и его значеніе для земледѣльца-фермера. Нѣкоторые особые виды аренды.—§ 5. Формы хозяйственныхъ предпріятій въ земледѣліи. Крупныя, средніе и мелкія хозяйства. Оптимистическій взглядъ на судьбу мелкаго земледѣльца-собственника. Періодъ упадка мелкаго землевладѣнія. Крѣпкое крестьянство; причина его упадка.—§ 6. Общинное землевладѣніе; условія образованія общины въ различныхъ районахъ. Способы разверстки земли между сообщинниками. Неудобства общиннаго землевладѣнія и землепользованія; попытки устраненія этихъ неудобствъ. Неправильность сравненія общиннаго землевладѣнія и землепользованія съ фермерскимъ хозяйствомъ. Неизбѣжность паденія общины.

Отдѣлъ III. Обращеніе.

Глава I. *Обращеніе вообще*. 270

§ 1. Товарный капиталъ. Время обращенія товара. Первоначальный и прибавочный производственный капиталъ. Необходимость накопленія сокровища—потенціальнаго капитала, какъ фонда погашенія и прибавочнаго капитала.—§ 2. Издержки обращенія; возмѣщеніе ихъ капиталисту.—§ 3. Циклъ оборота капитала. Несовпаденіе рабочаго періода съ временемъ производства товара. Значеніе длины рабочаго періода для образованія уровня прибыли.—§ 4. Длины рабочаго періода съ точки зрѣнія интересовъ общества.—§ 5. Обращеніе товаровъ въ обществѣ при простомъ воспроизводствѣ. Группы производственныхъ отраслей. Отношеніе вновь произведенной въ текущемъ году цѣнности къ цѣнности предметовъ потребленія.—§ 6. Возстановленіе основного капитала при простомъ воспроизводствѣ; затрудненія, вызываемыя имъ въ обращеніи.—§ 7. Коррективъ, вносимый въ обращеніе добываніемъ золота.—§ 8. Обращеніе при расширеніи производства. Потребительный фондъ и вліяніе его на ходъ производства предметовъ потребленія; подтвержденіе выводовъ, сдѣланныхъ въ теоріи ренты.

Глава II. *Торговый капиталъ и его прибыль* 296

§ 1. Роль торговаго капитала въ обращеніи.—§ 2. Источникъ прибыли торговца и отличіе обращенія торговаго капитала отъ другихъ видовъ обращенія. Вліяніе вмѣшательства торговаго капитала на производство и кризисы.

стр.

Глава III. *Рынки и пути сообщенія* 302

§ 1. Рынокъ; значеніе естественныхъ водныхъ путей въ древности. Попытки устройства искусственныхъ водныхъ путей и улучшенія сухопутныхъ дорогъ до введенія парового транспорта.—§ 2. Техника парового транспорта; величина основного капитала и значеніе этой величины для опредѣленія стоимости транспорта. Родъ товаровъ, транспортируемыхъ желѣзными дорогами и расцѣнка стоимости ихъ транспорта.—§ 3. Водный паровой транспортъ; вліяніе техники его на международный обмѣнъ.—§ 4. Вліяніе парового транспорта на развитіе промышленности; ростъ городовъ.—§ 5. Разсѣяніе промышленности; статистическія доказательства этого явленія.—§ 6. Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на земледѣліе различныхъ странъ; измѣненіе земледѣльческаго хозяйства странъ континентальныхъ.—§ 7. Ходъ развитія густонаселенныхъ странъ экстенсивнаго земледѣлія; развитіе района „дикаго скотоводства".—§ 8. Спеціализація производства по районамъ подъ вліяніемъ парового транспорта; районъ горныхъ промысловъ.

Глава IV. *Образованіе рыночныхъ цѣнъ товаровъ.* 325

§ 1. Отклоненія рыночныхъ цѣнъ отъ цѣнностей товаровъ по ученіямъ классической школы и Маркса.—§ 2. Вліяніе на цѣны условій транспорта.—§ 3. Необходимость уравненія цѣнностей и цѣнъ продуктовъ обрабатывающей промышленности въ разныхъ странахъ.—§ 4. Цѣны продуктовъ земледѣлія; объясненіе отклоненія ихъ отъ цѣнностей въ современномъ мірѣ.—§ 5. Цѣны продуктовъ горнаго промысла; причины, вызывающія пониженіе цѣнъ массовыхъ продуктовъ этаго рода. Неосновательность вывода Рикардо о рентѣ горныхъ промысловъ.—§ 6. Устраненіе конкурренціи, какъ регулятора цѣнъ продуктовъ; тресты и другіе союзы предпринимателей.

Глава V. *Ученіе о деньгахъ.* 344

§ 1. Различная роль денегъ въ обращеніи. Монета и монетный матеріалъ. Валютная монета и биллонъ.—§ 2. Развитіе монетнаго обращенія въ Европѣ и роль золота и серебра въ обращеніи въ разное время. Добыча золота и серебра и отношеніе ихъ цѣнностей.—§ 3. Цѣнность денегъ: ученіе Локка, Ло, Рикардо и Милля. Ошибка Рикардо.—§ 4. Цѣнность и цѣна благородныхъ металловъ. Демонетизація, какъ причина паденія цѣны серебра. Значеніе уменьшенія добычи и измѣненія техники добыванія для цѣны золота. Рента съ копей благородныхъ металловъ.—§ 5. Значеніе цѣнности монеты для различныхъ функцій ея въ обращеніи. Монометаллизмъ и биметаллизмъ; значеніе теоріи Зюсса для рѣшенія вопроса о роли золота, какъ монетнаго матеріала. Неудобства биметаллизма.—§ 6. Количество потребной для обращенія монеты.—§ 7. Бумажныя деньги; возможность ихъ обращенія. Причины, вызывающія появленіе ихъ; вліяніе выпуска ихъ на цѣны товаровъ. Необходимость временныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ.—§ 8. Возстановленіе металлическаго обращенія. Затрудненія, сопряженныя съ различными способами возстановленія металлическаго обращенія. Причины, обусловливающія необходимость изъятія бумажныхъ денегъ и условія выполнимости этой операціи.

стр.

Глава VI. *Кредитъ и банки* 386

§ 1. Опредѣленія кредита. Вексель; его происхожденіе; первые банки (жиро-банки) и первыя банковыя операціи. — § 2. Отличіе торговли деньгами отъ другихъ видовъ торговли. Процентъ; производительность капитала.—§ 3. Высота процента; зависимость ея отъ предпринимательскаго дохода; повышеніе дохода предпріятій благодаря участію заемныхъ капиталовъ.—§ 4. Акціонерные банки. Акція и облигація; колебаніе ихъ цѣнъ. — § 5. Операціи коммерческихъ банковъ.—§ 6. Общества взаимнаго коммерческаго кредита. Государственные банки. — § 7. Вліяніе кредита на потребность въ деньгахъ: векселя, чеки, разсчетныя палаты, банковые билеты.—§ 88. Кажущееся увеличеніе капиталовъ общества; денежные кризисы.— § 9. Фиктивные капиталы; превращеніе дохода предпринимателя въ процентъ съ капитала и уравненіе обѣихъ величинъ.— § 10. Значеніе предъидущаго вывода для теоріи уровня прибыли. Вліяніе вмѣшательства заемнаго капитала на уровень прибыли капиталовъ различнаго сложенія. Высота прибыли торговаго капитала.—§ 11. Вещный кредитъ; ломбарды, варранты, ипотека. Организація ипотечныхъ банковъ. Родбертусъ о земельномъ кредитѣ. Значеніе ипотечнаго кредита для организаціи земледѣльческаго хозяйства. Общій результатъ вліянія кредита на формы капиталистическихъ доходовъ.

Отдѣлъ IV. Потребленіе 415

§ 1. Индивидуальное потребленіе. Группы потребностей. Значеніе нѣкоторыхъ явленій съ точки зрѣнія прогресса индивидуума.— § 2. Развитіе общественнаго потребленія въ исторіи; непосредственное и посредственное общественное потребленіе. — § 3. Производительное и непроизводительное потребленіе; значеніе послѣдняго для развитія индивидуума.

Заключеніе. 424

Предисловіе.

Обычай — предпосылать изложенію содержанія книги такъ называемое „предисловіе“, конечно, очень удобенъ для читателя, такъ какъ въ предисловіи авторъ—или излагаетъ свое profession de foi или, по крайней мѣрѣ, приводитъ тѣ мотивы, которые побудили его взяться за разработку той или другой темы и, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, такъ или иначе рекомендуется читателю. Но выполненіе требованій этаго обычая можетъ и затруднять автора, и именно въ такомъ затруднительномъ положеніи чувствуетъ себя авторъ лежащей передъ читателемъ книги. Принято думать, что книга, которая, судя по заглавію, содержитъ болѣе или менѣе полное изложеніе той или другой науки, — особенно если это не много-томное сочиненіе,—представляетъ учебникъ или руководство для учащихся той или другой категоріи. Такой взглядъ обыкновенно подтверждается и самими составителями подобныхъ книгъ и, тѣмъ болѣе трудно оправдать въ глазахъ читателя появленіе книги въ томъ случаѣ, когда авторъ не задавался цѣлью создать учебникъ, но имѣетъ въ виду дать систематическій обзоръ всего цикла явленій, составляющихъ предметъ изслѣдованія науки.

Все это побуждаетъ автора сдѣлать попытку охарактеризовать здѣсь же свой трудъ, на сколько это возможно сдѣлать въ немногихъ словахъ.

Авторомъ руководила мысль: разсмотрѣть весь циклъ экономическихъ явленій въ современномъ обществѣ, какъ продуктъ эволюціи общественно-экономическихъ отношеній подъ вліяніемъ матеріальныхъ факторовъ, обусловливающихъ формы того „процесса между человѣкомъ и природою“, — въ которомъ и заключается первичная сущность всей экономической жизни человѣка. Конечно, первоначальная идея такого объясненія, равно какъ и самыя

объясненія многихъ явленій, — не принадлежатъ автору: ихъ авторъ цѣликомъ заимствовалъ у основателей теоріи экономической эволюціи.

Но, заимствовавъ основную идею и методъ изслѣдованія у авторитетныхъ представителей науки, авторъ пытался приложить основныя положенія ученія къ объясненію тѣхъ явленій, которыя еще не были объяснены съ точки зрѣнія указанной теоріи. Однако, и въ изложеніи теоріи нѣкоторыхъ явленій, объясненіе которыхъ было дано самимъ основателемъ теоріи экономической эволюціи,— Марксомъ, — авторъ не нашелъ возможнымъ слѣдовать ученію названнаго авторитета. Сказанное относится именно къ ученіямъ объ уровнѣ прибыли и о рентѣ, относительно которыхъ авторъ, по существу, остался при ранѣе высказанныхъ имъ мнѣніяхъ [1]), такъ какъ изложенное въ соотвѣтствующихъ главахъ III тома „Капитала“ кажется ему недостаточно убѣдительнымъ. Этимъ отнюдь не умаляются, конечно, заслуги Маркса, который и здѣсь, не смотря на ошибку въ основномъ положеніи, устранилъ массу недоразумѣній. Но, признавая важнѣйшей заслугой Маркса,— рядомъ съ развитіемъ идеи эволюціи экономическихъ формъ,— полное утвержденіе въ наукѣ теоріи трудовой цѣнности (съ ученіемъ о прибавочной цѣнности), авторъ считалъ своею обязанностью, указать возможность приложенія этихъ осново-положеній науки и къ объясненію тѣхъ явленій, относительно которыхъ въ „Капиталѣ“ сдѣланы, — ненужныя съ точки зрѣнія автора, — отступленія отъ этихъ положеній.

Сверхъ того, авторъ думаетъ, что при попыткахъ объясненія хода экономической эволюціи обращалось недостаточно вниманія на зависимость эволюціи, съ одной стороны,—отъ естественныхъ (на первомъ мѣстѣ — географическихъ) условій, съ другой — отъ техники производства. Значеніе техники было, правда, рѣзко подчеркнуто Марксомъ при изложеніи эволюціи промышленнаго строя, но слишкомъ мало принято имъ во вниманіе (въ ученіи о рентѣ) по отношенію къ земледѣлію. Между тѣмъ автору, какъ агроному, эти факторы общественно-экономической эволюціи пред-

[1]) Въ статьяхъ: „Прибыль и процентъ“ и „ученіе о рентѣ“ [Юридическ. Вѣстн. 1890 г. № 1, 3 и 4] и въ книгѣ: Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство. Варшава 1890 г.

ставлялись чрезвычайно важными и потому онъ счёлъ необходимымъ выдвинуть ихъ значеніе.

Уже сказаннаго достаточно, кажется, чтобы заключить, что книга, характеризованная выше, не есть учебникъ или пособіе для выдержанія какихъ-либо экзаменовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, исходя изъ мотивированныхъ подробно во вступленіи соображеній, — авторъ нашелъ необходимымъ исключить многіе отдѣлы, которые давно уже составили неотъемлемую часть той „schuhlmässige Lehre“, которая входитъ въ содержаніе учебниковъ политической экономіи; эти отдѣлы оставлены авторомъ безъ разсмотрѣнія, такъ какъ онъ думаетъ, что они (какъ напр. ученіе о свободѣ торговли, о фабричномъ законодательствѣ и т. п.) могутъ входить только въ курсъ экономической политики.

Наконецъ, авторъ не считалъ нужнымъ давать перечня литературы или уснащать страницы книги выносками съ указаніями, на какой страницѣ, у какого автора находится приведенное въ текстѣ положеніе. Перечень литературы имѣетъ смыслъ въ учебникахъ или Handbuch'ахъ; выноски же, безъ нужды затрудняя большинство читателей, могутъ быть полезны развѣ что для лицъ, спеціально интересующихся даннымъ вопросомъ, а такія лица, обыкновенно, и сами легко оріентируются, безъ содѣйствія автора.

Итакъ, пусть читатель отрѣшится отъ мысли, что лежащая передъ нимъ книга представляетъ учебникъ политической экономіи и берется за чтеніе ея только въ томъ случаѣ, если его интересуетъ вопросъ объ экономической эволюціи общества. На сколько удалась автору его попытка изобразить эту эволюцію, читатель можетъ судить по прочтеніи самой книги.

Новая Александрія
9-го Декабря 1897 года.

А. Скворцовъ.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Приступая къ изученію какой-либо науки, необходимо прежде всего ознакомиться съ объектомъ, изучаемымъ данной наукой, а затѣмъ съ прилагаемыми при изученіи методами. Предметомъ нашего изученія будетъ *политическая экономія*, или, какъ иногда называютъ эту науку—наука о народномъ хозяйствѣ, или національная экономія. Который изъ этихъ терминовъ предпочтительнѣе, это мы можемъ рѣшить только на основаніи опредѣленія характера и содержанія науки, потому разсмотримъ сначала, чѣмъ занимается эта наука. Смыслъ названія «политическая экономія»—названія, болѣе стараго, чѣмъ два другія—указываетъ, что это наука объ общественномъ или государственномъ домоводствѣ,—хозяйствѣ. Но такое опредѣленіе даетъ намъ очень мало, такъ какъ оно заключаетъ два термина, которые сами требуютъ поясненія.

Поэтому прежде всего необходимо выяснить, что̀ такое хозяйство вообще и каково отношеніе изучаемыхъ въ нашей наукѣ явленій къ обществу и къ тому, что̀ носитъ названіе общественнаго хозяйства. Замѣтимъ сейчасъ же, что при объясненіи содержанія науки нельзя исходить изъ буквальнаго смысла ея названія, такъ какъ это названіе часто присвоено наукѣ случайно и при томъ въ то время, когда сама наука находилась въ младенчествѣ и содержаніе ея часто было не вполнѣ ясно самимъ авторамъ названія.

Подъ хозяйственною дѣятельностью человѣка мы разумѣемъ ту его дѣятельность, которая имѣетъ цѣлью удовлетвореніе его матеріальныхъ потребностей, полученіемъ, помощію эксплуатаціи силъ и богатствъ природы, необходимыхъ для этого предметовъ. Не всѣ, однако, авторы опредѣляютъ такъ эту дѣятельность. Говорятъ, напр. (пр. Исаевъ и мног. друг.), что всякая дѣятельность человѣка, имѣющая цѣлью удовлетвореніе его потребностей, называется хозяйственною. Но едва ли кто отнесетъ къ этой дѣятельности удовлетвореніе, напр., потребности въ

движеніи помощію танцевъ, гимнастики и т. п. *Здѣсь важенъ не родъ потребности, а способъ ея удовлетворенія: характернымъ для хозяйственной дѣятельности отличіемъ отъ другихъ видовъ человѣческой дѣятельности является именно то, что въ хозяйственной дѣятельности человѣкъ эксплуатируетъ природу и ея силы, съ цѣлью полученія извѣстныхъ матеріальныхъ предметовъ для удовлетворенія своихъ потребностей*, и результатомъ такой дѣятельности являются матеріальные предметы или явленія (напр., свѣтъ, теплота и т. п.), удовлетворяющіе извѣстную матеріальную потребность. Именно эта конкретность результатовъ хозяйственной дѣятельности отличаетъ ее отъ другихъ видовъ человѣческой дѣятельности. Это имѣлъ въ виду и основатель нашей науки, Адамъ Смитъ, называя свое сочиненіе: «изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ», ибо только матеріальные предметы, предназначенные на удовлетвореніе потребностей человѣка и составляютъ то, изъ чего слагается его богатство.

Изложенное опредѣленіе хозяйственной дѣятельности позволяетъ сдѣлать нѣсколько выводовъ, имѣющихъ существенно-важное значеніе, какъ для точнаго опредѣленія самаго объекта, подлежащаго нашему изслѣдованію, такъ и для нашего отношенія къ тѣмъ выводамъ, которые дастъ намъ изслѣдованіе. Что касается объекта—содержанія науки, то даннымъ опредѣленіемъ мы исключаемъ изъ своего разсмотрѣнія всѣ тѣ сферы человѣческой дѣятельности, которыя не имѣютъ цѣлью добыванія матеріальныхъ предметовъ и не даютъ *непосредственно* конкретныхъ матеріальныхъ результатовъ.

Съ другой стороны, по отношенію къ выводамъ, которые дастъ наше изслѣдованіе, мы должны сдѣлать слѣдующее заключеніе: если хозяйственная дѣятельность человѣка заключается въ эксплуатаціи силъ природы, то значитъ, она, во 1-хъ, необходимо слагается подъ вліяніемъ природныхъ условій мѣстности, а послѣднія всюду и всегда опредѣляются дѣйствіемъ непреложныхъ законовъ природы; потому и эта дѣятельность будетъ въ извѣстной мѣрѣ направляема этими законами, а слѣдовательно и въ ходѣ развитія ея должна проявиться извѣстная закономѣрность. Во-вторыхъ, эксплуатируя природныя силы, человѣкъ только направляетъ ихъ извѣстнымъ образомъ, чтобы достигнуть поставленныхъ имъ себѣ цѣлей: бо́льшаго онъ сдѣлать не въ состояніи, да и для такого направленія онъ можетъ только воспользоваться тѣми же силами природы, которыя дѣйствуютъ по строго опредѣленнымъ законамъ, и, слѣдовательно, и самая дѣятельность будетъ опредѣляться этими законами, т. е. опять-таки въ ходѣ развитія этой дѣятельности должна существовать такая же правильность и закономѣрность, какая характеризуетъ явленія природы.

Кромѣ того, для того, чтобы воздѣйствіе человѣка на природныя силы было успѣшно, ему необходимо изучить свойства и законы дѣйствія этихъ силъ, или законы природы. Такое изученіе только и можетъ обезпечить ему отысканіе и выборъ всѣхъ тѣхъ пріемовъ, совокупность которыхъ составляетъ технику въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Слѣдовательно, *техника есть сочетаніе пріемовъ, основанныхъ на примѣненіи законовъ природы* (въ предѣлахъ познанія ихъ человѣкомъ) *для эксплуатаціи природныхъ силъ*, съ цѣлью полученія извѣстныхъ продуктовъ. Но если пріемы, примѣняемые человѣкомъ для эксплуатаціи природы,— то, что мы назвали техникой,—если эти пріемы составляютъ результатъ изученія человѣкомъ самой природы, то отсюда прямое заключеніе, что съ увеличеніемъ знаній человѣка о природѣ техника должна измѣняться, а съ нею, понятно, будетъ измѣняться и результатъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Какъ увидимъ, это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе для пониманія исторіи хозяйственной жизни человѣчества и для обоснованія теоріи нашей науки.

Насколько разнообразно и велико количество предметовъ, служащихъ цѣлью техническихъ пріемовъ и разнообразіе тѣхъ природныхъ условій, въ которыхъ эти предметы добываются, настолько же велико и число отраслей техническаго знанія; и хотя эти знанія, или соотвѣтствующія науки, могутъ быть соединяемы въ отдѣльныя группы, сходныя между собою, но обыкновенно изученію одного человѣка доступна только часть ихъ. Стоитъ только упомянуть о горномъ дѣлѣ съ его отраслями (разработка каменоломенъ, добываніе каменнаго угля, нефти, разныхъ металловъ и ихъ рудъ и обработка ихъ въ металлургіи); затѣмъ отрасли филоратурнаго (прядильно-ткацкаго) дѣла; сельское хозяйство съ его отраслями; машиностроеніе и проч.,—чтобы видѣть разнообразіе техническихъ отраслей.

Но, какъ ни тѣсна связь между хозяйственной дѣятельностью человѣка и техникою, какъ ни ясна зависимость результатовъ этой дѣятельности отъ тѣхъ средствъ, которыя прилагаетъ техника, все же сама техника не подлежитъ изученію политической экономіи. Какъ уже было сказано, предметомъ ея изученія является общественное хозяйство. Если, какъ было выяснено, хозяйственная дѣятельность отдѣльнаго человѣка, или просто его хозяйство, состоитъ въ приложеніи техники съ цѣлью полученія извѣстныхъ продуктовъ, то этимъ, конечно, сказано, что и хозяйственная дѣятельность общества имѣетъ отношеніе къ техникѣ, примѣняемой при добываніи нужныхъ обществу предметовъ, но еще не дано опредѣленія самаго термина «общественное хозяйство». Нерѣдко можно встрѣтить очень простое опредѣленіе этаго понятія, по которому общественное хозяйство есть совокупность хозяйствъ лицъ, составляющихъ

общество. Такое опредѣленіе однако, отличаясь простотой, грѣшитъ невѣрностью. Какъ справедливо было замѣчено (Менгеръ) такая совокупность хозяйствъ отдѣльныхъ индивидовъ еще не составляетъ ничего цѣлаго, никакого хозяйства, ибо все общество, всѣ индивидуумы данной страны не вступаютъ, какъ одно цѣлое, ни въ какія непосредственныя отношенія съ природой, характеризующія хозяйственную дѣятельность, по крайней мѣрѣ, въ современномъ намъ мірѣ, въ цивилизованныхъ обществахъ. Потому говорить объ общественномъ хозяйствѣ въ этомъ смыслѣ нельзя просто въ силу того, что такого хозяйства не существуетъ. Столь же часто подъ общественнымъ хозяйствомъ (замѣняя при этомъ обыкновенно терминъ «общественное» терминомъ «народное») подразумѣваютъ еще дѣятельность различныхъ органовъ государственной или общественной власти; эта дѣятельность выражается отчасти въ настоящей хозяйственной дѣятельности, какъ напр. постройка дорогъ, мостовъ, разработка рудниковъ и т. п.; отчасти въ тѣхъ видахъ дѣятельности, которые правильнѣе соединять подъ именемъ финансовой, наприм. собираніе податей и налоговъ и расходованіе ихъ. Впрочемъ, нѣкоторые авторы включаютъ если не всѣ, то бо́льшую или меньшую часть вопросовъ этой области въ число предметовъ, изучаемыхъ политической экономіей (г. Исаевъ, Ад. Вагнеръ), и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ авторы считаютъ важнѣйшими задачами политической экономіи выясненіе такихъ вопросовъ, которые не могутъ быть подведены подъ указанное опредѣленіе. Но если такого рода дѣятельность можетъ быть названа общественнымъ хозяйствомъ съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ совокупность хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ общество, то все же политическая экономія этими вопросами не занимается. Мы думаемъ, что вопросы о томъ, въ какомъ смыслѣ должно разумѣть выраженіе, что политическая экономія занимается общественнымъ хозяйствомъ и что́ именно должно составлять предметъ этой науки,—могутъ быть наилучшимъ образомъ выяснены, если мы обратимся къ исторіи и разсмотримъ вкратцѣ, какъ шло развитіе хозяйственной дѣятельности человѣка въ исторіи и какъ возникли и развились тѣ формы хозяйствъ и сопровождающія ихъ общественныя отношенія, которыя характеризуютъ хозяйственный строй нашего времени.

§ 2. По взглядамъ современной науки, человѣкъ, съ перваго момента появленія своего на землѣ, былъ животнымъ общественнымъ, т. е. жилъ группами, члены которыхъ въ началѣ находились между собою въ кровномъ родствѣ. Съ теченіемъ времени эти группы, первоначально состоявшія изъ небольшого числа особей каждая, въ силу естественнаго прироста или благодаря соединенію между собою отдѣльныхъ группъ (интеграціи), разрастаются. Интеграція группъ является въ

первое время слѣдствіемъ борьбы за существованіе, которая разыгрывается среди различныхъ группъ такъ же легко, какъ и среди низшихъ животныхъ и по тѣмъ же мотивамъ, т. е. главнымъ образомъ ради средствъ существованія,—пищи.

Первыя человѣческія общества, безъ сомнѣнія, жили въ тѣхъ областяхъ, гдѣ человѣкъ могъ находить достаточное количество годной для него растительной пищи—плодовъ, и только съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ голода, онъ перешелъ къ пищѣ животной. Морганъ думаетъ, что животныя теплокровныя и наземныя—птицы, млекопитающія и прежде всего, быть можетъ, самъ человѣкъ — доставляли дикарямъ первую животную пищу. Въ это время появленіе лука и стрѣлы для охоты, являющихся первыми и единственными пока орудіями въ борьбѣ съ сильными звѣрями, знаменуетъ собою наступленіе новаго періода. Дѣйствительно, съ этаго времени хищники всякаго рода, охотящіеся за человѣкомъ, становятся для него менѣе опасными, а его охота на звѣрей, доставляющихъ ему пищу, становится успѣшнѣе. То и другое устраняетъ препятствія къ размноженію человѣка на землѣ, поскольку это размноженіе задерживалось указанными обстоятельствами.

Слѣдующій періодъ характеризуется переходомъ человѣка къ рыбной пищѣ, или введеніемъ рыбы въ число пищевыхъ средствъ, и Морганъ придаетъ этому обстоятельству очень большое значеніе, такъ какъ видитъ въ немъ появленіе первыхъ зачатковъ кулинарнаго искусства въ видѣ умѣнья очищать рыбу, варить, или вообще подвергать пищу дѣйствію огня, слѣдовательно, и умѣнье пользоваться огнемъ.

Рядомъ съ этой борьбою человѣка съ природою идетъ борьба между собою отдѣльныхъ стадныхъ человѣческихъ группъ, — борьба, которая неизбѣжно приводитъ, съ одной стороны, къ соединенію отдѣльныхъ группъ (интеграціи), съ другой — къ появленію разнообразія въ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ группы, къ раздѣленію (дифференціаціи) въ средѣ самой группы.

Первоначальный источникъ и причина явленій того и другого порядка есть именно борьба группъ между собою. Въ первое время побѣдители съѣдаютъ побѣжденныхъ, но затѣмъ начинаютъ обращать ихъ въ рабство, и этотъ моментъ наступаетъ тогда только, когда, съ одной стороны, данная группа будетъ настолько обезпечена въ средствахъ существованія, что голодъ, какъ повелѣвающій факторъ, будетъ отсутствовать; съ другой—когда работа раба можетъ доставить не только средства, необходимыя для поддержанія его жизни и способности къ работѣ, но принесетъ еще нѣкоторый плюсъ, иначе говоря, когда трудъ сдѣлался болѣе производителенъ.

Обращеніе въ рабство военно-плѣнныхъ есть безспорно одинъ изъ

способовъ интегрированія группъ. Но рядомъ съ этимъ и, вѣроятно, еще ранѣе происходило соединеніе группъ подъ вліяніемъ перехода отъ питанія плодами къ животной пищѣ и охотѣ за дикими животными. Такой переходъ долженъ обнаружиться въ тѣхъ группахъ, которыя были вытѣснены изъ странъ подтропическихъ, изобилующихъ растительными плодами, въ болѣе умѣренныя зоны, гдѣ такого обилія нѣтъ. Но разъ этотъ переходъ совершился, естественно, что мелкія группы должны интегрироваться въ болѣе крупныя, которыя легче и успѣшнѣе могутъ охотиться за сильными дикими звѣрями, оберегать себя отъ всякихъ нападеній и выходить побѣдителями въ борьбѣ группъ между собою, которая теперь становится острѣе, ибо въ погонѣ за дичью группы легче приходятъ въ столкновеніе другъ съ другомъ, и ранѣе занявшая данную территорію группа заинтересована въ ея сбереженіи, какъ поля для охоты.

Очевидно, что уже въ этотъ періодъ должно проявиться нѣкоторое разнообразіе въ ходѣ развитія хозяйственныхъ формъ различныхъ группъ въ зависимости отъ характера занятой страны. Такъ, въ областяхъ, покрытыхъ сплошнымъ лѣсомъ, было мало или совсѣмъ не было такихъ животныхъ, которыя легко поддавались одомашненію: по крайней мѣрѣ, всѣ извѣстныя намъ домашнія животныя по самому характеру своему никогда не принадлежали къ лѣснымъ, и, наоборотъ, даже ближайшія къ нашимъ домашнимъ, по зоологической классификаціи, животныя, жившія въ лѣсахъ (зубръ, бизонъ и туръ), сколько извѣстно, никогда не были приручены. Но зато тѣ же лѣса заключали значительное количество животныхъ, охота за которыми могла доставить человѣку пищу и другіе необходимые предметы.

Естественно поэтому, что жители лѣсныхъ областей болѣе долго оставались при охотничьемъ образѣ жизни, часто совсѣмъ не имѣя домашнихъ животныхъ, тогда какъ жители открытыхъ мѣстъ — степей — прямо наталкивались всею обстановкою на покореніе себѣ бродившихъ вокругъ нихъ стадъ дикихъ животныхъ, лишенныхъ сколько-нибудь значительныхъ средствъ защиты. Обиліе такихъ, допускающихъ одомашненіе животныхъ настолько важно, что отсутствіемъ ихъ Морганъ объясняетъ то обстоятельство, что американскіе аборигены, развивавшіеся первоначально, по его мнѣнію, быстрѣе жителей стараго свѣта, впослѣдствіи оказались отсталыми.

Конечно, покореніе животныхъ не сразу измѣняетъ бытъ населенія; на первыхъ порахъ оно уменьшаетъ только необходимость охоты за дикими животными и вызываетъ раздѣленіе труда въ семьѣ или группѣ: теперь женщины чаще остаются дома, приготовляютъ пищу и ухаживаютъ за домашнимъ скотомъ, когда мужчины отправляются на охоту. И, можетъ быть, женщинѣ принадлежитъ честь перваго занятія земледѣльческой культурой; таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Моргана, который

полагаетъ, что эта культура первоначально явилась въ видѣ садовой и огородной. При этомъ искусственное разведеніе растеній, по крайней мѣрѣ, травянистыхъ (и хлѣбныхъ), имѣло на первыхъ порахъ цѣлью доставленіе корма животнымъ, и только позднѣе тѣ же или иныя сродныя растенія и ихъ плоды начинаютъ потребляться самимъ человѣкомъ.

Слѣдующая стадія развитія—переходъ къ осѣдлой жизни и земледѣльческому быту—вызвана была опять борьбой за существованіе. Достигнувъ, благодаря прирученію животныхъ, возможности болѣе правильнаго питанія, группы населенія начинаютъ быстро размножаться, увеличивая, сообразно своему росту, и стада своихъ домашнихъ животныхъ. Такъ какъ эти стада должны быть питаться исключительно произведеніями естественныхъ пастбищъ, то изъ-за этихъ пастбищъ возникаетъ борьба между различными группами, и побѣжденныя вытѣсняются въ менѣе благопріятныя области, гдѣ содержаніе столь многочисленныхъ стадъ становится гораздо труднѣе, а потому населеніе вынуждено изыскивать средства продовольствія и своихъ стадъ, и самого себя въ культурѣ растеній. Съ наступленіемъ этого момента является необходимость осѣданія населенія на опредѣленныхъ мѣстахъ.

Конечно, земледѣліе не сразу сдѣлалось главнымъ способомъ добыванія средствъ существованія: рядомъ съ нимъ,—то преобладая, то уступая ему въ значеніи,—оставались и прежніе промыслы—пастушество или вообще содержаніе домашнихъ животныхъ и охота на дикихъ животныхъ, звѣроловство и рыболовство. Безъ пособія того или другого изъ этихъ промысловъ земледѣліе собственно, т. е. производство хлѣба, въ это время не могло еще обезпечивать жизни человѣка, такъ какъ, съ одной стороны, животная пища сдѣлалась потребностью для человѣка въ періодъ номадной, или охотничьей жизни, съ другой—земледѣльческій продуктъ доставлялъ только пищу, но не доставлялъ матеріаловъ для платья, жилища и вообще для удовлетворенія другихъ потребностей, кромѣ питанія.

Во всякомъ случаѣ, однако, съ переходомъ къ земледѣлію, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оно дѣлается главнымъ промысломъ, раздѣленіе труда въ группѣ принимаетъ болѣе широкіе размѣры: прежде оно ограничивалось раздѣленіемъ по поламъ въ предѣлахъ семьи,—теперь оказывается необходимымъ и выгоднымъ, съ одной стороны, соединеніе бо́льшаго числа группъ для взаимной и совмѣстной защиты противъ враговъ; съ другой—выдѣленіе изъ среды этихъ группъ особой группы, берущей на себя обязанности внѣшней охраны,—воиновъ. Но затѣмъ внутри каждой группы выдѣляются еще отдѣльныя лица, берущія на себя функцію охраны правъ отдѣльныхъ семей. Именно въ этотъ историческій моментъ выдѣленіе особой функціи правителя и судьи становится необходимымъ, благодаря тому, что является стремленіе къ прочному владѣнію землею,

которую воздѣлалъ земледѣлецъ. Стремленіе это усиливается, вслѣдствіе одновременнаго болѣе рѣзкаго обособленія семьи отъ общины, установившейся на первыхъ порахъ земледѣльческаго быта, когда обработка нетронутой почвы требовала совмѣстныхъ усилій всей группы. Теперь семья начинаетъ чувствовать свою силу вести самостоятельно борьбу за существованіе и, естественно, стремится къ обособленію. Это стремленіе къ обращенію участка земли въ полную собственность является главнымъ образомъ слѣдствіемъ того, что только при этомъ условіи оказывается возможнымъ использовать вполнѣ употребленный на обработку участка трудъ, и это обособленіе постепенно развивается. Начавшись первоначально съ выдѣленія извѣстнаго участка земли на территоріи,— владѣльцемъ которой считается община,—во временное пользованіе семьи, оно вызываетъ затѣмъ стремленіе со стороны извѣстныхъ, по крайней мѣрѣ, семей— удержать данный участокъ въ своемъ пользованіи возможно долгое время и наконецъ обратить его въ семейную или личную собственность, ибо уже довольно скоро обнаруживается, что различные участки даютъ неодинаковые результаты въ рукахъ различныхъ семей, и что эти результаты являются отчасти выраженіемъ внутреннихъ свойствъ самой почвы, а отчасти слѣдствіемъ приложенія бо́льшаго или меньшаго количества труда человѣкомъ и вообще его воздѣйствія на природу.

Выдѣленіе группы воиновъ—защитниковъ, не занимающихся непосредственно добываніемъ пищи и предметовъ, нужныхъ для жизни, вызываетъ необходимость увеличить производство этихъ предметовъ остальнымъ населеніемъ; а такой переходъ отъ производства исключительно для надобностей семьи къ производству избытка, поступающаго въ видѣ податей и налоговъ на содержаніе воиновъ, съ одной стороны, возможенъ только съ увеличеніемъ производительности труда, съ другой—вызываетъ новое раздѣленіе функцій въ населеніи: къ воинамъ и судьямъ присоединяются еще сборщики податей, слѣдящіе за правильнымъ поступленіемъ налоговъ. Подъ увеличеніемъ производительности земледѣльческаго труда разумѣется полученіе бо́льшаго, чѣмъ прежде, количества продукта, при затратѣ той же силы, что́ при данной почвѣ (по количеству и качеству одинаковой) предполагаетъ улучшеніе техники. Слѣдовательно, выдѣленіе въ обществѣ новой группы находится въ непосредственной зависимости отъ измѣненія техники.

Когда сборъ натуральными предметами становится неудобнымъ, что́ особенно быстро наступаетъ съ расширеніемъ территоріи, стоящей подъ главенствомъ одного лица, тогда является необходимость въ такомъ предметѣ, который могъ бы служить представителемъ всѣхъ необходимыхъ предметовъ и во всякое время быть обмѣненнымъ на каждый изъ этихъ предметовъ. Долженъ, слѣдовательно, явиться обмѣнъ продуктовъ

производства на продуктъ, имѣющій болѣе общую, постоянную цѣнность. Такой продуктъ представляютъ деньги. Роль ихъ въ различныхъ странахъ исполнялась въ первое время различными предметами: шкурами, солью, скотомъ, рыбой и другими. Понятно, обмѣнъ продуктовъ другъ на друга вызывается въ данный историческій моментъ не только указаннымъ выдѣленіемъ извѣстныхъ группъ неземледѣльческаго населенія. Обмѣнъ облегчается и, можно сказать, вызывается самымъ фактомъ увеличенія численности населенія и необходимо сопровождающимъ такое увеличеніе разселеніемъ земледѣльцевъ по территоріи. Естественныя условія климата, почвы и топографіи занятой данной группой части территоріи дѣлаютъ для нея болѣе удобнымъ или даже вообще возможнымъ добываніе только извѣстнаго рода продуктовъ и, наоборотъ, совершенно лишаютъ ее возможности добыть другіе, столь же необходимые предметы. Населеніе, напр., живущее въ непосредственной близости рѣки или моря, можетъ, конечно, легко добывать рыбу и имѣть избытокъ ея; тогда какъ болѣе удаленное, напр., занимающее смежныя возвышенности населеніе, нуждаясь въ продуктахъ рыболовства, можетъ имѣть избытокъ лѣсного матеріала, котораго недостаетъ прибрежнымъ жителямъ. Вообще, чѣмъ быстрѣе и рѣзче измѣняются природныя условія на данной территоріи, тѣмъ скорѣе возникнетъ обмѣнъ продуктовъ между жителями данной территоріи. Это указалъ еще Ал. Гумбольдтъ, предсказавъ, на основаніи направленія теченія рѣкъ, болѣе быстрое развитіе сѣверной половины американскаго материка, сравнительно съ южной его половиной.

Но, кромѣ того, одновременно съ воинами, судьями, жрецами и т. п., или еще раньше обособляются и нѣкоторыя ремесленныя группы, изготовляющія предметы спеціально для этихъ классовъ или же занимающіяся такими ремеслами, изученіе коихъ требуетъ долгаго времени, каковы особенно добыча и обработка металловъ. Вѣкъ желѣза не даромъ давно отмѣченъ изслѣдователями, какъ переходъ къ высшей культурѣ: добыча руды и приготовленіе желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій и оружія не только дали возможность улучшить технику многихъ отраслей производства, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвали и первое, вѣроятно, рѣзкое выдѣленіе группы ремесленниковъ среди земледѣльческаго населенія, чѣмъ обозначился тотъ рубежъ, съ котораго собственно начинается соціальная исторія. Дѣйствительно, пока существовали разрозненныя, не имѣвшія почти никакихъ сношеній между собою группы населенія, хотя бы и занимавшагося уже земледѣліемъ, до тѣхъ поръ общества въ собственномъ смыслѣ слова не существовало. Чтобы таковое явилось, необходимо возникновеніе нѣкотораго разнообразія функцій отдѣльныхъ членовъ,— разнообразія, которое бы вынуждало соединеніе этихъ группъ или инди-

видуумовъ въ болѣе тѣсный союзъ, устанавливало бы нѣкоторыя постоянныя отношенія, въ поддержаніи которыхъ заинтересованы обѣ стороны [1]). Но разъ достигнута указанная степень развитія, то дифференціація и интеграція пойдутъ несравненно быстрѣе. Дифференціація въ обществѣ выразится въ томъ, что тѣ старѣйшины, роль которыхъ прежде сводилась къ предводительству во время войны и являлась часто просто временной и выборной, теперь, дѣлаясь распредѣлителями собираемыхъ съ населенія податей и становясь во главѣ такъ или иначе организованнаго воинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимая на себя функціи верховныхъ судей, постепенно присвоиваютъ себѣ и другія права и привилегіи и обращаются изъ выборныхъ въ наслѣдственныхъ правителей. Важнѣйшимъ элементомъ, увеличивающимъ силу вождей и воиновъ вообще, является порабощеніе военно-плѣнныхъ. Собирая подъ своею властью значительныя массы рабовъ, военачальники могутъ при случаѣ обратить силу этихъ рабовъ противъ своихъ соплеменниковъ и вынудить въ свою пользу различныя права. Съ распространеніемъ рабства прежній глава семьи, располагавшій и распоряжавшійся только силами этой семьи, теперь является во главѣ болѣе или менѣе значительной силы рабовъ и обыкновенно (какъ въ Греціи и Римѣ) не считаетъ уже нужнымъ и находитъ даже позорнымъ прилагать свою физическую силу для добыванія необходимыхъ ему продуктовъ—средствъ существованія. Являясь въ роли патріарха распорядителемъ силы рабовъ, онъ получаетъ возможность, съ одной стороны, болѣе полнаго удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей вообще, ибо его личная сила замѣщается десятками, сотнями, даже тысячами силъ рабовъ; съ другой — пользуясь массой свободнаго времени, онъ посвящаетъ его на умственное совершенствованіе. И дѣйствительно, мы видимъ, что высшаго развитія достигаютъ науки и искусства въ древнемъ греко-римскомъ мірѣ при господствѣ рабства, тогда какъ болѣе древніе, но не развившіе рабства народы (финикіяне, евреи) не развили и столь высокой культуры.

Въ этихъ рабскихъ хозяйствахъ, благодаря огромному часто количеству рабовъ подъ командой одного рабовладѣльца, производились самые разнообразные предметы для удовлетворенія какъ самыхъ необходимыхъ, такъ и наиболѣе утонченныхъ потребностей владѣльцевъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое такое хозяйство, введя очень дробное часто раздѣленіе труда между входившими въ составъ его рабами, почти совершенно не нужда-

[1]) Здѣсь замѣчается полная параллель между развитіемъ общества и развитіемъ организма: пока въ массѣ протоплазмы не произошло обособленія по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ частей, исполняющихъ различныя функціи, до тѣхъ поръ нѣтъ основанія говорить объ организмѣ, такъ какъ нѣтъ органовъ.

лось въ предметахъ, изготовлявшихся внѣ его, и потому мало вступало въ мѣновыя сношенія съ другими хозяйствами. Во всякомъ случаѣ обмѣнъ здѣсь происходитъ не между отдѣльными лицами, а между сложными хозяйственными единицами, какими были греческія οἶκος или римскія familia. Обмѣнъ этотъ имѣлъ цѣлью пріобрѣтеніе тѣхъ предметовъ, которыхъ не производило хозяйство, напр. вино, гдѣ не родился виноградъ, или произведенія далекихъ странъ, что̀ особенно часто встрѣчается въ позднѣйшій періодъ римской исторіи.

Нужно замѣтить, что въ основѣ рабства лежала экономическая необходимость. Какъ мы видѣли, обособленіе опредѣленныхъ группъ населенія становится необходимо съ переходомъ къ земледѣлію и, прежде всего, въ видахъ защиты отъ внѣшнихъ враговъ. При этомъ воины, естественно, являются и первыми рабовладѣльцами, и въ первое время увеличеніе числа рабовъ подъ властью воиновъ является выгоднымъ для массы свободнаго населенія, такъ какъ обработка земли рабами въ пользу ихъ владѣльцевъ освобождаетъ свободное населеніе отъ труда снабжать воиновъ необходимыми для ихъ жизни припасами. Но когда рабство достигаетъ извѣстнаго развитія, начальникъ войска получаетъ возможность объявлять войны сосѣдямъ, руководясь просто желаніемъ расширить свои владѣнія и увеличить число своихъ рабовъ. Такимъ образомъ союзъ общинъ увеличивается новыми завоеваніями и, наконецъ, по размѣрамъ территоріи, является цѣлымъ государствомъ. Конечно, для удержанія этой территоріи подъ властью данной семьи требуется организація тѣмъ болѣе сложнаго управленія, чѣмъ шире территорія и чѣмъ труднѣе сношенія между отдѣльными частями ея. Пока сношенія затрудняются отсутствіемъ устроенныхъ путей сообщенія, представитель центральной власти обширнаго союза необходимо долженъ дѣлиться своею властью съ управителями отдѣльныхъ областей, являющихся то въ видѣ удѣльныхъ князей или герцоговъ, то, какъ въ позднѣйшій періодъ господства крѣпостного права, въ видѣ владѣльцевъ опредѣленнаго числа крѣпостныхъ.

Не входя въ подробности того, какъ сложился крѣпостной бытъ въ Европѣ или Россіи, замѣтимъ только, что пока онъ держится, хозяйство каждаго владѣнія, manor'a или лена представляетъ въ значительной мѣрѣ подобіе греческаго οἶκος'а; въ нихъ также приготовляются всѣ нужные владѣльцу предметы, и обмѣнъ произведеній отдѣльныхъ хозяйствъ вращается въ очень узкихъ предѣлахъ. Поэтому отношенія людей на почвѣ экономики ограничиваются по существу тѣми отношеніями, которыя имѣютъ мѣсто между владѣльцемъ и его крѣпостными, и только расширяющіяся потребности государства въ этомъ случаѣ даютъ толчокъ измѣненію положенія дѣла. Такъ было въ Россіи до Крымской войны, которая, обнаруживъ слабость производительныхъ силъ страны, дала тол-

чокъ къ отмѣнѣ крѣпостного права. Но послѣднее можетъ пасть и подъ вліяніемъ естественнаго развитія отношеній.

Страны, подобныя Англіи, расположенныя у моря и рано вошедшія въ сношеніе съ другими областями, быстро избавились отъ крѣпостного права, ибо здѣсь сразу образовались классы лицъ,—моряковъ, рыболововъ и др.,—не занятыхъ земледѣліемъ, а потому вынужденныхъ вступать въ мѣновыя сношенія съ земледѣльцами. Кромѣ того, въ средѣ самого земледѣльческаго населенія еще въ началѣ среднихъ вѣковъ нѣкоторыя отрасли производства начали отдѣляться отъ земледѣлія, сохраняя, впрочемъ, внѣшнюю связь съ manor'омъ, т. е. производители оставались на землѣ феодала или монастыря и платили продуктами своего ремесла въ качествѣ натуральной повинности за пользованіе извѣстнымъ участкомъ земли. Феодалы отпускали нерѣдко на оброкъ своихъ крѣпостныхъ, которые образовали классъ странствующихъ ремесленниковъ и, будучи привлечены возникавшими въ это время городами, составили тамъ ремесленное населеніе, жившее исключительно обмѣномъ.

Начало городамъ было положено большею частью самими феодалами или лордами (въ Англіи), которые пользовались для этого придорожными пунктами (окончанія названій многихъ англійскихъ городовъ на street [улица, дорога] или ford [бродъ] указываетъ на это), заселяя ихъ земледѣльческимъ населеніемъ. Съ теченіемъ времени эти пункты, въ силу своего выгоднаго положенія при естественныхъ путяхъ сообщенія, становятся мѣстомъ торговли и внѣземледѣльческихъ промысловъ, которые развиваются настолько, что отодвигаютъ на задній планъ земледѣліе, какъ промыселъ менѣе выгодный. Сами лорды, видя въ торговлѣ и ремеслахъ источникъ большихъ для себя доходовъ, способствуютъ развитію этихъ промысловъ предоставленіемъ различныхъ льготъ горожанамъ и даже отдаютъ на откупъ городскіе доходы. Такимъ образомъ сами феодалы создаютъ ту силу, которая ведетъ къ паденію феодальнаго строя. На мѣсто прежнихъ отношеній крѣпостного крестьянскаго населенія къ своему владѣльцу, теперь становится городское представительство, которое, чувствуя все возрастающій антагонизмъ между своими интересами и интересами лорда, соединяется наконецъ съ королевскою властью и освобождается отъ всякой зависимости. Сдѣлавшись самостоятельными единицами, города начинаютъ привлекать къ себѣ всѣхъ, желающихъ укрыться отъ притязаній феодала, ремесленниковъ. Развивающіяся потребности господскихъ усадьбъ и возрастающее населеніе самихъ городовъ обезпечиваетъ сбытъ продуктовъ ремесленнаго труда, необходимый для ихъ существованія.

Такъ начался переходъ отъ хозяйства натуральнаго къ денежному; отъ производства домашняго, семейнаго къ ремесленному. Посмотримъ, чѣмъ характеризуется ремесленное производство. Производство семейное,

внутри οἶκος'а или manor'а, имѣло въ виду потребленіе; только избытокъ продуктовъ обмѣнивался на продукты, имѣвшіе потребительную стоимость, т. е. необходимые для данной семьи или хозяйственной единицы. При ремесленномъ производствѣ имѣется въ виду сбытъ, рынокъ, а это вызываетъ спеціализацію и интенсивность труда. Но ремесленная форма характеризуется вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченностью сбыта, такъ какъ ремесленникъ работаетъ только для мѣстнаго рынка по заказу, такъ что въ ней предложеніе вызывается спросомъ, при чемъ послѣдній предшествуетъ предложенію, а не наоборотъ. Малые размѣры предпріятій и отсутствіе крупныхъ капиталовъ, вмѣстѣ съ указанными особенностями ремесленнаго производства, создали характерную для средневѣковыхъ городовъ «цеховую» организацію, имѣвшую цѣлью регулировать размѣры производства и условія обмѣна. Во избѣжаніе переполненія рынка продуктами и пониженія, вслѣдствіе этаго, цѣны продуктовъ труда, цехи регулируютъ размѣры производящей единицы (опредѣляютъ число мастеровъ, подмастерьевъ, учениковъ) и самое число предпріятій каждаго рода; затѣмъ принимаютъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя стѣсняютъ свободу производства: опредѣляютъ строгія границы каждой отрасли производства, т. е. родъ и качество предметовъ, которые принадлежащія къ данному цеху лица въ правѣ приготовлять; опредѣляютъ самые пріемы работы и родъ употребляемыхъ матеріаловъ и инструментовъ; наконецъ устанавливаютъ самыя качества товаровъ, напр., требуя, чтобы извѣстнаго рода ткани изготовлялись не иначе, какъ извѣстной ширины, и т. п. Установивъ, такимъ образомъ, нормы качества и размѣровъ товаровъ разнаго рода, цехи регламентируютъ и самыя рыночныя цѣны.

Все это ведетъ въ концѣ концовъ къ тому, что устраняется всякая возможность конкуренціи между производителями, производство замыкается въ тѣсныя рамки не только количественно, по размѣрамъ каждаго предпріятія, но и качественно—по техникѣ. Пріемы техники цѣлыми столѣтіями остаются неизмѣнными; воцаряется полная рутина, застой, который и приводитъ къ необходимости перехода къ другой формѣ организаціи производства.

Ремесленное производство при этихъ условіяхъ могло существовать только до тѣхъ поръ, пока сбытъ ограничивался мѣстнымъ рынкомъ и пока возраставшія потребности не опережали техники производства. Но вотъ, въ концѣ среднихъ и началѣ новыхъ вѣковъ, въ жизни европейскаго общества произошли такія движенія, какъ возрожденіе античной цивилизаціи, открытіе Америки и воднаго пути въ Индію. Всѣ эти обстоятельства способствовали, съ одной стороны, расширенію потребностей, въ силу знакомства съ восточною культурой и римской цивилизаціей, а съ другой—расширили рынокъ, которымъ явились теперь новыя страны.

Ремесленная форма производства не успѣваетъ отвѣчать на возрастающіе запросы мѣстнаго и новыхъ рынковъ; потому она должна уступить мѣсто новой формѣ. Однако разложеніе цехового строя не было слѣдствіемъ воздѣйствія только внѣшнихъ причинъ: ему способствуетъ дифференцировка и раздробленіе ремеслъ, изъ коихъ каждое первоначально приготовляло цѣльные, готовые для рынка предметы, на отдѣльныя производства, которыя изготовляютъ только отдѣльныя части болѣе сложныхъ предметовъ. Такъ, изготовленіе кареты или вообще городского экипажа требуетъ участія цѣлой серіи ремесленниковъ: телѣжника и столяра для изготовленія деревянныхъ частей; кузнеца, слесаря и гвоздаря—для изготовленія желѣзныхъ частей; кожевника, ткача и обойщика—для изготовленія мягкихъ частей; затѣмъ мѣдника, стекольщика, лакировщика и т. д. Этимъ сильно затрудняется изготовленіе такихъ предметовъ, и между производителями-ремесленниками и потребителями становится посредникъ. Этотъ посредникъ затѣмъ превращается въ купца и является представителемъ новой общественной группы—капиталистовъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что купцы, торговцы появились только въ періодъ разрушенія цехового строя; нѣтъ, они существовали, какъ торговцы, владѣльцы денежнаго капитала, еще гораздо ранѣе, но роль ихъ была совершенно иная. Первоначально, напр. въ древнемъ мірѣ и въ началѣ среднихъ вѣковъ, они являются въ роли перевозчиковъ — главнымъ образомъ, поддерживая обмѣнъ между болѣе или менѣе отдаленными странами. Но пока предметами обмѣна на первомъ мѣстѣ были предметы роскоши, а предметы первой необходимости не играли роли въ торговомъ оборотѣ, до тѣхъ поръ значеніе этаго класса не могло быть велико, такъ какъ и самая торговля не могла принять значительныхъ размѣровъ.

Только съ того времени, какъ объектами торговаго обмѣна становятся предметы первой необходимости въ значительномъ размѣрѣ (незначительный обмѣнъ существовалъ и ранѣе между городами и снабжавшими ихъ земледѣльческими продуктами сельскими жителями), — съ этихъ поръ значеніе торговаго класса возрастаетъ. Для этого онъ долженъ былъ овладѣть внутренней торговлей и вмѣстѣ расширить торговлю внѣшнюю введеніемъ въ оборотъ предметовъ первой необходимости. Какъ сказано, торговые посредники во внутренней торговлѣ развиваются отчасти изъ среды самихъ цеховъ; таковыми становились всего чаще представители того цеха, на долю котораго приходилась окончательная обработка продукта для доставленія его на рынокъ, уже какъ предмета непосредственнаго потребленія. Въ Англіи, напр., господствующимъ въ отрасли изготовленія платья явился такъ называемый «ливрейный цехъ», занимавшійся сначала просто изготовленіемъ платья, а затѣмъ занявшійся

пріобрѣтеніемъ и распредѣленіемъ сырыхъ матеріаловъ между ремесленниками и поставкою продуктовъ на рынокъ. Значеніе класса купцовъ росло очень постепенно: сначала они являлись просто посредниками между производителями и потребителями, скупщиками товаровъ на мѣстномъ рынкѣ; затѣмъ они снабжаютъ деньгами или сырыми матеріалами мелкихъ производителей и съ теченіемъ времени являются полными хозяевами сырья, отдавая его на руки мастерамъ только для обработки и платя имъ за трудъ. Накопленіе капитала въ рукахъ этихъ купцовъ-предпринимателей именно въ концѣ среднихъ вѣковъ обнаруживается съ большой силой, вслѣдствіе прилива золота и серебра изъ вновь открытыхъ странъ и развитія торговли съ этими странами. Въ обмѣнѣ съ такими далекими рынками нельзя было обойтись безъ посредниковъ, ибо для этаго требовалось знаніе запросовъ такого далекаго рынка,—знаніе, которое было доступно только купцамъ; благодаря этому, и самое регулированіе производства, и сбытъ оказались всецѣло въ ихъ рукахъ.

Но цехи далеко не безъ борьбы подчинились капиталу, и въ XVI вѣкѣ результатомъ этой борьбы является «домашнее производство», при которомъ существуетъ еще полная автономія мастера съ его подмастерьями, но матеріально они являются рабочими, производящими за издѣльную плату для капиталиста, т. е. производство носитъ уже капиталистическій характеръ. Встрѣчая противодѣйствіе со стороны цехового строя, санкціонированнаго и обычнымъ и писаннымъ правомъ, капиталистическая форма «домашняго производства» поселяется сначала въ деревнѣ, гдѣ она довольно долго еще сохраняетъ характеръ ремесла, но съ бо́льшимъ числомъ подмастерьевъ. Концентрируя подъ своимъ руководствомъ все большее и большее количество мастеровъ, капиталъ, наконецъ, совершенно побиваетъ автономію отдѣльныхъ производителей и, соединяя огромныя массы рабочихъ въ одномъ зданіи, создаетъ сильную, не поддающуюся никакимъ цеховымъ регламентаціямъ промышленность—мануфактуру, которая и переносится въ города.

Ниже мы подробнѣе остановимся на переходѣ отъ ремесла къ мануфактурѣ и различныхъ формахъ и особенностяхъ послѣдней. Теперь же, имѣя въ виду выяснить происхожденіе того общественнаго строя, который даетъ право говорить объ общественномъ хозяйствѣ, замѣтимъ только слѣдующее.

Собравъ въ мануфактурѣ массы рабочихъ, капиталистъ производитъ и массы продуктовъ, и, какъ сказано, только расширеніе рынковъ за счетъ сдѣлавшихся доступными заокеанскихъ странъ дало возможность сложиться самой мануфактурѣ. Но, кромѣ того, для того, чтобы товары могли найти сбытъ на этихъ далекихъ рынкахъ, нужно было (особенно при дороговизнѣ транспорта), чтобы они производились возможно дешево.

Поэтому, въ противоположность ремесленнику, мануфактуристъ стремится всѣми доступными мѣрами улучшить технику; онъ является покровителемъ всякихъ изобрѣтеній, тѣмъ болѣе, что рынокъ его (въ противоположность ремесленнику) необезпеченъ: на этотъ рынокъ могутъ доставлять свои продукты и соперничать съ нимъ здѣсь всѣ другія мануфактурныя предпріятія, число которыхъ также (въ противоположность ремесленнымъ) неограничено; да, наконецъ, и мѣстные ремесленники могутъ оказаться для него важными конкурентами, если товары его окажутся ниже по качеству или выше по цѣнѣ. Вотъ почему прогрессъ техники, какъ съ цѣлью улучшенія качества товара, такъ и съ цѣлью его удешевленія, является необходимымъ условіемъ существованія и развитія мануфактуры, какъ и всякой вообще формы промышленности, которая должна считаться съ конкуренціей, т. е. съ соперничествомъ другихъ однородныхъ предпріятій. Мы увидимъ ниже, что это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе, а теперь укажемъ еще нѣкоторыя сопровождающія появленіе мануфактуры обстоятельства.

Какъ было замѣчено, «домашнее производство»—эта первичная форма мануфактуры, да и самая мануфактура появляется первоначально не въ городѣ, а въ деревнѣ. И, несомнѣнно, это явленіе находится въ связи съ тѣми измѣненіями, которыя происходили въ это время въ жизни сельскаго населенія. Къ сожалѣнію, исторія слишкомъ мало интересовалась жизнью сельскаго населенія вообще, а въ частности особенно въ связи съ тѣми измѣненіями въ земледѣльческой техникѣ, которыя вызывались, съ одной стороны, эксплуатаціей самой почвы (часто нераціональной), съ другой—измѣненіемъ въ численности земледѣльческаго населенія. Во всякомъ случаѣ, однако, несомнѣнно, что въ это время среди земледѣльческаго населенія тѣхъ странъ, въ которыхъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, появляется мануфактура, напр. въ Англіи, произошла довольно сильная дифференціація, проявившаяся, можетъ быть, болѣе рѣзко среди свободнаго, некрѣпостного населенія, такъ какъ среди крѣпостныхъ имущественныя неравенства искусственно выравнивались воздѣйствіемъ крѣпостного владѣльца, въ интересахъ котораго было не допускать хозяйства отдѣльныхъ крѣпостныхъ до полнаго паденія. Среди свободныхъ земледѣльцевъ поэтому легче образовывался тотъ контингентъ незанятыхъ рабочихъ рукъ, наличность котораго составляетъ одно изъ условій возможности образованія не только развитой мануфактуры, но и первичной ея формы—домашняго производства. Если въ послѣднемъ случаѣ работники могли еще заниматься и земледѣліемъ, то, во всякомъ случаѣ, земледѣліе уже не обезпечивало имъ вполнѣ удовлетворенія ихъ потребностей, что и заставляло ихъ искать придаточнаго заработка. Прежде, пока земледѣлецъ производилъ не только доста-

точное для продовольствія своего съ семьей количество пищи, но и необходимые матеріалы для изготовленія предметовъ одежды и проч., —которые онъ обработывалъ въ часы, свободные отъ земледѣльческихъ работъ,— существовало *натуральное хозяйство*, т. е. всѣ необходимые для удовлетворенія потребностей предметы добывались въ каждомъ хозяйствѣ in natura—въ ихъ естественной формѣ, въ которой они и служатъ для потребленія. Теперь, разъ земледѣліе не даетъ всѣхъ необходимыхъ предметовъ, таковые приходится пріобрѣтать на сторонѣ, путемъ обмѣна на излишки другихъ, произведенныхъ въ хозяйствѣ предметовъ или на деньги, полученныя за эти предметы или пріобрѣтенныя, какъ заработокъ на работахъ того или другого рода. До появленія представителя капитала въ деревнѣ, сельское населеніе не имѣло никакихъ, по крайней мѣрѣ, внѣземледѣльческихъ заработковъ; потому, какъ только земля перестала давать столько, чтобы можно было вести натуральное хозяйство, земледѣлецъ вынужденъ былъ или идти въ батраки къ крупному землевладѣльцу, или голодать и вообще не удовлетворять всѣ свои потребности. Но и батрачество у крупнаго землевладѣльца не могло доставить обезпеченія обѣднѣвшему земледѣльцу, ибо, пока существовало крѣпостное право, крупный землевладѣлецъ не нуждался въ рабочей силѣ, да и не имѣлъ основанія расширять производство земледѣльческихъ продуктовъ, такъ какъ для нихъ не было рынка. Когда же является мануфактуристъ съ предложеніемъ труда за деньги, то это не только даетъ возможность потерявшимъ самостоятельность земледѣльцамъ получить средства для пріобрѣтенія всѣхъ необходимыхъ имъ предметовъ, но и создаетъ рынокъ для земледѣльческихъ продуктовъ и слѣд. поощряетъ расширеніе земледѣлія, поскольку оно возможно на земляхъ болѣе крупныхъ владѣльцевъ, и такимъ образомъ со стороны послѣднихъ является также усиленный запросъ на рабочія руки.

Наконецъ, мануфактуристъ, не удовлетворяясь внѣшнимъ рынкомъ, ради котораго онъ первоначально началъ производство, предлагаетъ свой товаръ и на внутреннемъ рынкѣ, гдѣ этотъ товаръ конкурируетъ съ произведеніями натуральнаго хозяйства земледѣльца. И такъ какъ мануфактурные продукты оказываются часто и по качеству выше замѣщаемыхъ ими продуктовъ натуральнаго хозяйства и обыкновенно значительно дешевле послѣднихъ, то они скоро вытѣсняютъ своихъ конкурентовъ. Это вытѣсненіе ведетъ, во 1-хъ, къ тому, что многіе земледѣльцы, потерявши подсобный промыселъ, становятся въ ряды лицъ, предлагающихъ свои руки мануфактуристу; во 2-хъ,—что особенно важно намъ замѣтить здѣсь,—такимъ образомъ постепенно расширяется кругъ лицъ, вынужденныхъ прибѣгать къ посредничеству рынка, чтобы получить необходимые имъ предметы, и, въ концѣ концовъ, *прежнее натураль-*

ное хозяйство замѣняется хозяйствомъ денежнымъ: теперь каждый производитель, производя извѣстный товаръ, имѣетъ въ виду не личныя или семейныя потребности, а требованія рынка, возможность сбыта товара за деньги. Деньги дѣлаются необходимымъ посредникомъ мѣновыхъ отношеній, и прямая мѣна является только какъ исключеніе. Такая же работа для рынка становится все болѣе обязательной и для земледѣльца, хотя, по понятнымъ причинамъ, мелкіе земледѣльцы наиболѣе долго могутъ удерживать натуральное или полунатуральное хозяйство, т. е. (въ послѣднемъ случаѣ) руководствуясь въ своемъ производствѣ только отчасти требованіями рынка, а главнымъ образомъ стремясь удовлетворить личныя потребности.

Но если всѣ работаютъ для рынка, при чемъ производитель большею частью совсѣмъ не знаетъ того лица, которое явится потребителемъ произведеннаго имъ продукта (въ противоположность ремесленному строю, гдѣ эти лица вступали въ непосредственныя сношенія), то это значитъ, что *всѣ и каждый работаютъ* именно *для удовлетворенія потребностей всѣхъ и каждаго, всего общества.* На мѣсто потребностей того или другого отдѣльнаго индивидуума (заказчика при ремесленномъ строѣ) или семьи (при натуральномъ хозяйствѣ) становятся потребности общества, понимая подъ послѣднимъ въ концѣ концовъ чуть не все человѣчество. Вотъ въ какомъ смыслѣ *хозяйство дѣлается общественнымъ:* всѣ члены общества связаны между собою тѣмъ, что каждый является потребителемъ товаровъ, произведенныхъ другими, и, въ свою очередь, производитъ товары, которые могутъ потреблять всѣ остальные члены общества.

Словомъ, только съ переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и концентраціей добывающей и обработывающей промышленности капиталомъ, возникли и развились тѣ условія производства и обмѣна, которыя характеризуютъ сложныя общественныя отношенія нашего времени и даютъ право говорить объ общественномъ хозяйствѣ. Прежнія, существовавшія въ οἶκος'ѣ или средневѣковомъ manor'ѣ, отношенія владѣльца къ рабамъ были въ одно и то же время очень разнообразны и очень просты. Историческихъ указаній объ отношеніяхъ этаго рода нѣтъ почти никакихъ; можно лишь догадываться, что во всякомъ случаѣ они были различны въ различныхъ хозяйствахъ, потому что опредѣлялись произволомъ владѣльцевъ.

Отношенія же въ современномъ намъ обществѣ, распространяясь на огромную массу лицъ, остаются одинаковыми въ цѣлой группѣ народовъ и государствъ, стоящихъ на одинаковой ступени развитія, и вызываются тѣми общими условіями обмѣна и производства, которыя послѣдовательно развиваются въ экономической жизни народа.

Изъ сказаннаго ясно, что тѣ явленія, которыя позволяютъ говорить объ общественномъ хозяйствѣ, нарождаются въ силу необходимости по мѣрѣ общественнаго прогресса. Съ такой же неизбѣжной необходимостью развиваются среди общественныхъ группъ извѣстныя отношенія, которыя являются характерными для данной ступени экономическаго развитія. Именно эти явленія и отношенія, возникающія на почвѣ экономики, и составляютъ предметъ изслѣдованія нашей науки.

Точнѣе мы можемъ выразить это такъ: *Изученіе законовъ развитія тѣхъ явленій, которыя возникаютъ на почвѣ хозяйственныхъ отношеній въ обществѣ, между его членами, — и составляетъ задачу той науки, которая носитъ названіе политической экономіи.*

Понятно, что такъ какъ тѣ типическія отношенія, которыя интересуютъ политическую экономію, явились на сцену исторіи относительно очень поздно и начали выясняться только къ концу прошлаго столѣтія, то и самая наука могла появиться только послѣ того, какъ эти отношенія рѣзко обозначились. Этимъ и объясняется, что первое систематическое изложеніе основъ политической экономіи, заключающееся въ знаменитомъ трудѣ Адама Смита: «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ», появилось только въ 1776 году. Появлявшіеся до этаго времени трактаты, разбиравшіе тѣ или другіе вопросы политической экономіи, преслѣдовали исключительно только цѣли практической политики и не пытались чисто научнымъ путемъ изслѣдовать явленія хозяйственной жизни общества. Пока отношенія, связанныя съ хозяйственной дѣятельностью, ограничивались отношеніями владѣльца къ своимъ крѣпостнымъ или ремесленнаго мастера къ своимъ подмастерьямъ, то и вопросы о нихъ могли интересовать только узкій кругъ лицъ. Съ переходомъ же къ мануфактурному производству и развитіемъ денежнаго хозяйства является сознаніе связи государственныхъ интересовъ съ положеніемъ того или иного промысла и участвующихъ въ немъ лицъ; потому-то прежде всего проявляютъ интересъ къ этимъ вопросамъ тѣ лица, которыя близко соприкасаются съ государственнымъ управленіемъ. Точно также понятно, что первой темой сочиненій, касавшихся вопросовъ общественной экономіи, были деньги, такъ какъ съ переходомъ къ денежному хозяйству является значительная потребность въ денежныхъ знакахъ, какъ орудіяхъ обращенія. Но къ этому мы еще возвратимся, а теперь, чтобы покончить съ вопросомъ о наименованіи нашей науки, прибавимъ еще слѣдующее.

Выше мы замѣтили, что только со времени перехода къ денежному хозяйству можно говорить объ общественномъ хозяйствѣ, ибо только съ этаго момента каждое индивидуальное хозяйство, каждая хозяйственная

единица тѣсно и прочно связывается со всѣми или съ огромнымъ числомъ другихъ хозяйствъ, такъ что измѣненія въ одномъ изъ нихъ ведутъ къ измѣненію во всѣхъ связанныхъ съ нимъ хозяйствахъ. Эта связь не ограничивается только хозяйствами данной группы, націи или государства: хозяйственныя связи и отношенія постепенно такъ развѣтвились и умножились, что теперь уже съ полнымъ правомъ можно говорить о всемірномъ хозяйствѣ. Конечно, отдѣльныя хозяйства одной группы или государства обыкновенно чаще соприкасаются и сильнѣе вліяютъ другъ на друга. Но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не менѣе тѣсная связь существуетъ и между хозяйствами различныхъ странъ: напр. англійскія хлопчатобумажныя фабрики несравненно сильнѣе почувствуютъ неурожай хлопка въ Америкѣ или Индіи, нежели недородъ пшеницы въ Англіи. И наоборотъ: между хозяйствами одной группы, одного вида производства существуетъ большая общность явленій хозяйственной жизни, хотя бы они и принадлежали различнымъ народамъ или государствамъ. Въ виду этаго мы можемъ заключить, что наукѣ, занимающейся изученіемъ явленій общественнаго хозяйства, приличествуетъ болѣе названіе политической экономіи, чѣмъ народной или, еще менѣе, національной экономіи. Мы видимъ, что эта наука не имѣетъ дѣла ни съ народомъ, ни съ націей: она вводитъ въ свое разсмотрѣніе явленія международнаго обмѣна на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и явленія, совершающіяся въ предѣлахъ одного государства. Устраненіе изъ термина словъ «нація», «народъ» позволяетъ, къ тому же, легче устранить существующее недоразумѣніе, будто наша наука задается цѣлью изслѣдовать условія экономическаго процвѣтанія народа и предписывать рецепты правительствамъ для воздѣйствія на экономическую жизнь. Нѣтъ, политическая экономія изучаетъ *типическія* отношенія, возникающія между людьми на почвѣ хозяйственной дѣятельности, независимо оттого, возникаютъ ли эти отношенія между членами одного государства или народа, или между членами различныхъ націй и странъ, и не можетъ давать никакихъ совѣтовъ или рецептовъ. Это, конечно, не исключаетъ возможности изучать хозяйство даннаго народа, данной административной единицы независимо оть другихъ единицъ, но только это не составляетъ задачи политической экономіи и не нужно смѣшивать это изученіе съ политико-экономическимъ изслѣдованіемъ.

§ 3. Выяснивъ въ предшествующемъ краткомъ очеркѣ развитія хозяйственнаго быта и измѣненій его въ исторіи, какъ слагаются тѣ отношенія, которыя позволяютъ говорить объ общественномъ хозяйствѣ, мы обратимся теперь къ вопросу о способахъ и методѣ изученія этихъ отношеній.

Хозяйственную жизнь человѣка можно изучать съ различныхъ точекъ зрѣнія и съ разными цѣлями, соотвѣтственно чему измѣняется и самый методъ изученія. Можно изучать историческій ходъ развитія хозяйственныхъ отношеній въ томъ или другомъ обществѣ, или въ цѣлой серіи обществъ. Это будетъ *исторія экономическаго развитія* данной страны или группы странъ. Можно также изучать экономическія условія даннаго общества въ данный моментъ путемъ наблюденія главнымъ образомъ массовыхъ явленій—это будетъ *хозяйственная статистика,* которая даетъ намъ представленіе о средствахъ и способахъ производства и фактахъ хозяйственной жизни, существующихъ въ данномъ обществѣ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мы изучаемъ тотъ или другой общественный индивидуумъ, имѣемъ дѣло съ конкретными явленіями, со всѣми свойственными имъ особенностями. Такое изученіе нельзя назвать изученіемъ единичныхъ явленій; наоборотъ, статистика, въ частности, занимается только массовыми явленіями, только на ихъ изученіи она и основываетъ свои выводы; но все же она беретъ ихъ въ той конкретной обстановкѣ, въ которой они происходятъ; напр., явленія распредѣленія земли между наличнымъ населеніемъ—при условіяхъ географическаго положенія данной страны и давности ея заселенія. Точно также и исторія дѣлаетъ свои заключенія о хозяйственномъ бытѣ даннаго момента и о развитіи хозяйственной жизни народа, изучая массовыя явленія, господствующія въ тотъ или другой историческій моментъ, а не единичныя, индивидуальныя, свойственныя отдѣльнымъ хозяйствамъ.

Политическая же экономія, какъ замѣчено раньше, занимается изученіемъ типовъ явленій и типическихъ отношеній, возникающихъ въ области хозяйственной дѣятельности, того «общаго» (generelle), что проявляется *во всѣхъ явленіяхъ экономической жизни всѣхъ народовъ, если не во всѣ времена, то, по крайней мѣрѣ, на извѣстной ступени культурнаго развитія, при чемъ единичное хозяйство и техники его интересуютъ науку постольку, поскольку они оказываютъ вліяніе на устанавливающіяся между извѣстными общественными группами отношенія.*

Весьма важно различать двѣ указанныя группы наукъ, ибо, въ связи съ тѣмъ, какую науку мы будемъ имѣть въ виду, будутъ различны и методъ изученія, и цѣли науки. Исторія и статистика могутъ быть соединены въ одну группу наукъ историко-экономическихъ, пользующихся наблюдательнымъ методомъ, иногда невѣрно отождествляемымъ съ методомъ индуктивнымъ. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, примѣняется въ наукахъ естественныхъ и хотя пользуется очень широко наблюденіемъ, какъ способомъ изученія явленій, но главная его сила не

столько въ наблюденіи, сколько въ опытѣ, т. е. наблюденіи при искусственно созданной обстановкѣ, когда каждое явленіе изучается изолированно отъ другихъ явленій и дѣйствіе различныхъ агентовъ, его обусловливающихъ, изслѣдуется порознь или въ совокупности съ другими, по волѣ изслѣдователя. Получаемые выводы о причинахъ явленій становятся твердо обоснованными именно только благодаря возможности изолированія дѣйствія отдѣльныхъ факторовъ.

Простое наблюденіе въ естественной обстановкѣ не можетъ дать такихъ результатовъ, особенно при нѣкоторой сложности изучаемыхъ явленій. Потому въ тѣхъ отрасляхъ знанія, въ которыхъ опытное изслѣдованіе невозможно, пользуются всегда инымъ методомъ, называемымъ *геометрическимъ*, или *методомъ дедукціи*. Сущность его, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что, взявъ нѣсколько выработанныхъ всеобщимъ наблюденіемъ и признанныхъ за безспорныя истины положеній-аксіомъ, путемъ логическихъ умозаключеній дѣлаютъ изъ нихъ рядъ выводовъ. Этотъ методъ примѣняется въ геометріи и вообще въ математикѣ. Но и въ отдѣлахъ естествознанія собственно—физикѣ, астрономіи и механикѣ—многія положенія выведены чисто математическимъ путемъ, и теперь считается даже общепризнаннымъ, что тѣ положенія указанныхъ наукъ, которыя выведены путемъ наблюденія, должны быть подтверждены дедуктивнымъ путемъ математическихъ выкладокъ, чтобы считаться законами.

Спрашивается, какой же методъ примѣнимъ къ изученію экономики вообще и въ частности въ области политической экономіи. Историко-экономическія науки, какъ было сказано, пользуются для изученія экономики общества наблюденіемъ и по существу не могутъ примѣнять иныхъ средствъ. Имъ недоступенъ экспериментальный способъ изученія, такъ какъ общество не можетъ по желанію быть поставлено въ тѣ или другія условія; его нельзя подвергнуть вліянію одной причины, устраняя совокупность дѣйствія другихъ; словомъ, воля изслѣдователя тутъ безсильна, а потому всѣ выводы и сопоставленія исторіи и статистики, какъ результатъ простого наблюденія, не могутъ быть поставлены въ параллель съ законами тѣхъ отраслей знанія, которыя ведутъ изслѣдованія экспериментальнымъ путемъ, какъ физика, химія, науки біологическія,—ни, тѣмъ менѣе, съ законами такихъ наукъ, какъ астрономія или механика, дающихъ возможность изслѣдователю даже предсказывать характеръ и ходъ явленія съ точностью, превышающей способность человѣка представить ея предѣлъ или познать таковой помощью своихъ органовъ и даже самыхъ точныхъ инструментовъ. Конечно, сравнительное изученіе, путемъ сопоставленія историческаго развитія *различныхъ* народовъ, можетъ дать возможность сдѣлать заключеніе объ

извѣстной послѣдовательности въ этомъ развитіи, о проявленіи въ различныхъ случаяхъ однотипичныхъ явленій; но такое изученіе не дастъ все же твердо обоснованныхъ законовъ развитія, а только одни эмпирическія правила, которыя останутся таковыми, пока не будутъ объяснены непреложными законами природы. Вотъ почему для познанія законовъ развитія общества и, въ частности, экономическаго развитія, соціологія и политическая экономія пользуются методомъ дедукціи.

Возможность приложенія этаго метода въ нашей наукѣ уже видна отчасти изъ того, что было сказано выше относительно хозяйственной дѣятельности. Но, въ виду важности вопроса о методѣ, напомнимъ, что дѣло идетъ объ изученіи отношеній, возникающихъ между людьми на почвѣ хозяйственной дѣятельности. Какъ было сказано, экономическая дѣятельность представляетъ эксплуатацію природы въ цѣляхъ человѣка и обусловливается дѣйствіемъ двухъ факторовъ: неизмѣнныхъ законовъ природы, выражающихся въ физико-географическихъ условіяхъ страны, и столь же точныхъ законовъ, прилагаемыхъ техникою. Эти двѣ группы законовъ даютъ первыя посылки для основныхъ положеній политической экономіи. Съ другой стороны, агентомъ, творящимъ, по обыкновенному выраженію, экономическую жизнь, является самъ человѣкъ и вотъ этотъ-то агентъ, по мнѣнію многихъ, вноситъ или можетъ вносить въ ходъ экономическихъ явленій не только частныя измѣненія, но и прямо вызывать произвольныя отклоненія отъ того пути, который предустанавливается дѣйствіемъ естественныхъ законовъ первой группы. Но говорить такъ—значитъ представлять себѣ человѣка явившимся откуда-то извнѣ, творящимъ вопреки дѣйствію природныхъ силъ, какъ какой-то deus et machina. Человѣкъ самъ есть продуктъ той же природы, и его дѣятельность, особенно экономическая, подчиняется извѣстнымъ законамъ, не только потому, что онъ является продуктомъ природы, какъ и всѣ живыя существа, но и потому, что отношенія его къ окружающей природѣ, выражающіяся въ примѣняемыхъ имъ пріемахъ эксплоатаціи ея, прямо обусловливаются данными условіями, при которыхъ эти пріемы не могутъ быть произвольными, должны соотвѣтствовать этимъ условіямъ.

Но, кромѣ того, свойства природы совмѣстно съ техникой ихъ использованія опредѣляютъ и результатъ эксплуатаціи природныхъ силъ; этотъ же результатъ, т. е. болѣе или менѣе успѣшное веденіе экономической дѣятельности, въ свою очередь, опредѣляетъ то количество средствъ, которыми располагаетъ общество для удовлетворенія своихъ потребностей, въ томъ числѣ и тѣхъ средствъ, которыя болѣе или менѣе непосредственно содѣйствуютъ развитію психики. Слѣдовательно, это развитіе прежде всего находится въ зависимости отъ развитія произво-

дительныхъ силъ общества, — отъ того, насколько совершенна примѣняемая техника и какіе результаты даетъ ея примѣненіе при данныхъ природныхъ условіяхъ.

Но та или другая производственная техника необходимо вызываетъ и извѣстныя отношенія между людьми. Какъ ни кратокъ вышеприведенный очеркъ хода развитія экономическихъ отношеній, однако и изъ него можно видѣть, что измѣненія техники производства вызываютъ измѣненія и въ общественныхъ отношеніяхъ. А между тѣмъ въ первые періоды развитія это вліяніе не такъ рѣзко обнаруживается, благодаря тому, что въ періодъ натуральнаго хозяйства не существуетъ тѣхъ многочисленныхъ связей между отдѣльными хозяйствами и хозяйствующими субъектами, какія устанавливаются при денежномъ, общественномъ хозяйствѣ. Но уже въ самый моментъ зарожденія общественнаго хозяйства, —каковымъ можно считать появленіе мануфактуры,—обнаруживается огромное вліяніе измѣненія техники производства на общественныя отношенія: взамѣнъ свободнаго, независимаго ремесленника является зависимый, единично совершенно безсильный мануфактурный работникъ; независимый земледѣлецъ, добывавшій прежде въ своемъ самодовлѣющемъ хозяйствѣ всѣ необходимые ему предметы,—не только сырые, но и обработанные,—теперь лишается возможности приготовлять обработанные продукты и вынужденъ въ лучшемъ случаѣ поставлять сырье (считая таковымъ и пищевые матеріалы) для потребностей мануфактуры и мануфактурныхъ рабочихъ или потерять независимость, сдѣлавшись батракомъ или мануфактурнымъ работникомъ.

Конечно, тотъ или другой видъ новой техники застаетъ извѣстную общественную организацію, извѣстныя общественныя отношенія; но это отнюдь не уничтожаетъ того факта, что новая техника измѣняетъ эти отношенія, метаморфозируетъ ихъ сообразно своимъ требованіямъ. Новая техника сама есть продуктъ предыдущаго развитія; она является на смѣну старой въ силу необходимости и появленіе ея всегда показываетъ, что прежняя техника уже не удовлетворяетъ возросшимъ потребностямъ, и только это условіе даетъ возможность новой техникѣ вытѣснить старую. При этомъ прежняя, отживающая техника подготовляетъ и тѣ элементы общественнаго развитія, которые даютъ возможность обосноваться новой техникѣ. Ремесленный строй,—своей замкнутостью и неспособностью расширяться,—создалъ почву для мануфактуры. То обстоятельство, что появленіе мануфактуры связано съ случайнымъ, повидимому (только повидимому, а не дѣйствительно, какъ увидимъ ниже), открытіемъ внѣшнихъ рынковъ,—не уничтожаетъ вѣрности высказаннаго положенія. Мы видѣли, что и въ самомъ земледѣльческомъ, внѣгородскомъ населеніи имѣлись элементы для образованія мануфактуры; эти элементы

образовались именно въ силу невозможности, съ одной стороны, отлива избытка земледѣльческаго населенія, съ другой—улучшенія земледѣльческой техники безъ такого отлива и открытія сбыта земледѣльческимъ продуктамъ. Оба эти явленія, очевидно, суть слѣдствія указанныхъ свойствъ ремесленнаго строя.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть случаи указать, что и другія перемѣны техники вызывались необходимостью, а вовсе не случайностью того или другого открытія или желаніемъ того или другого лица. Необходимость здѣсь нужно понимать такимъ образомъ, что безъ такой перемѣны общественно-экономическое развитіе должно бы было остановиться, или даже общество должно бы было регрессировать, можетъ быть даже вымирать. Именно это сознаніе необходимости существованія (а слѣд. и появленія) даннаго общественнаго строя заставило уже первыхъ учителей политической экономіи (Ад. Смита и его школу) указать съ особеннымъ удареніемъ на то, что важнѣйшимъ или даже единственнымъ психическимъ моментомъ, направляющимъ экономическую жизнь общества, является эгоизмъ. Ибо, разъ идетъ вопросъ о самосохраненіи, то, конечно, эгоизмъ явится рѣшающимъ стимуломъ. Поэтому-то эгоизмъ и признается выраженіемъ субъективнаго фактора экономической жизни.

Такимъ образомъ мы имѣемъ три основныхъ положенія, три аксіомы, выводы изъ которыхъ позволятъ намъ приложить дедуктивный методъ къ изученію общественно-экономическихъ явленій. Эти положенія могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

1) Экономическая дѣятельность человѣка находится въ зависимости отъ тѣхъ природныхъ физико-географическихъ условій, среди которыхъ онъ живетъ.

2) Эксплуатація силъ и богатствъ природы, которая составляетъ содержаніе экономической дѣятельности человѣка, требуетъ приложенія извѣстныхъ пріемовъ,—техники, которая, въ свою очередь, основана на приложеніи законовъ природы.

3) Первенствующимъ или даже единственнымъ, ясно выраженнымъ субъективнымъ стимуломъ, направляющимъ дѣятельность хозяйствующаго человѣка, является эгоизмъ.

Этихъ трехъ основоположеній, какъ увидимъ, совершенно достаточно для дедуктивнаго построенія законовъ развитія экономической жизни. Къ этому нужно только прибавить еще, что приложеніе дедуктивнаго метода въ политико-экономическихъ изслѣдованіяхъ, кромѣ зависимости экономическихъ явленій отъ естественныхъ законовъ природы и техники ея эксплуатаціи,—а также закономѣрности дѣйствій въ области экономическихъ явленій самого человѣка, — облегчается или требуется

тѣмъ, что политическая экономія не имѣетъ въ виду того или другого конкретнаго общественнаго индивидуума, а беретъ для своего изученія такія типическія явленія и такія типическія отношенія между ними, которыя повторяются съ тѣми или иными несущественными отклоненіями въ разныхъ обществахъ, при чемъ ею изучаются только общіе законы этихъ явленій, проявляющіеся при всякой комбинаціи ихъ въ конкретно существующемъ обществѣ. Поэтому, если бы въ сферѣ комбинаціи конкретныхъ явленій и могла проявиться воля субъективнаго агента, — человѣка,—то это не повліяетъ на вѣрность и точность законовъ политической экономіи, ибо вносимыя по волѣ человѣка измѣненія явятся только частными надстройками, видоизмѣняющими не общій характеръ, а только подробности хода экономическихъ явленій и отношеній.

Изъ всего сказаннаго о сущности явленій экономической жизни, о предметѣ, цѣляхъ и методѣ политической экономіи и о роли участія человѣка въ дѣлѣ регулированія хозяйственныхъ отношеній мы можемъ сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Политическая экономія принадлежитъ къ циклу соціальныхъ наукъ и занимается изученіемъ законовъ развитія тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя возникаютъ на почвѣ удовлетворенія человѣкомъ своихъ матеріальныхъ потребностей.

2) Политическая экономія примѣняетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ дедуктивный методъ, ибо полная индукція неприложима при изученіи соціальныхъ явленій, вслѣдствіе отсутствія возможности эксперимента, а наблюденіе представляется недостаточнымъ, въ виду неполныхъ и неточныхъ выводовъ, благодаря сложности общественной жизни и невозможности устраненія дѣйствія отдѣльныхъ факторовъ.

3) Примѣненіе дедуктивнаго метода оправдывается возможностью ставить въ основу посылокъ для построенія положеній науки твердо установленные законы,—съ одной стороны—мертвой природы, являющейся объектомъ экономической дѣятельности, съ другой—техники, базисомъ которой служатъ тѣ же законы природы, и, въ-третьихъ, неизмѣнныя свойства природы самого человѣка.

4) Политическая экономія, изучая только типическія, постоянныя явленія, возникающія на почвѣ экономическихъ отношеній, обусловливаемыхъ наличной производственной техникой, не имѣетъ основанія принимать во вниманіе при формулировкѣ своихъ законовъ свободную волю человѣка, ибо послѣдняя, въ сферѣ указанныхъ отношеній, можетъ проявиться только въ частностяхъ, разборъ которыхъ не можетъ входить въ область политической экономіи.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что къ числу дисциплинъ, занимающихся общественно экономическими отношеніями, кромѣ упомянутыхъ выше наукъ —исторіи и статистики, необходимо прибавить *экономическую политику*, которую и до сихъ поръ нерѣдко смѣшиваютъ съ политической экономіей. А между тѣмъ указанная дисциплина не представляетъ даже науки, а только ученіе объ искусствѣ, такъ какъ занимается вопросомъ о томъ, какими мѣрами государство можетъ достигнуть извѣстныхъ, практически важныхъ цѣлей, въ смыслѣ вліянія на экономическое развитіе страны, благосостояніе ея жителей; потому это ученіе можетъ быть отнесено къ ученію о государственномъ управленіи. Смѣшеніе этой отрасли знанія съ политической экономіей представляется крайне вреднымъ, такъ какъ въ силу этаго возникаетъ мысль, что политическая экономія можетъ преслѣдовать какія-нибудь практическія цѣли, дѣлать предписанія, регламентаціи и т. д., между тѣмъ, какъ политическая экономія изучаетъ просто законы экономическаго развитія, независимо оттого, увеличивается или уменьшается благосостояніе населенія, среди котораго такое развитіе происходитъ. Точно также политическая экономія не занимается вопросомъ—въ какомъ государствѣ, при какихъ конкретныхъ условіяхъ то или другое явленіе наблюдается, ибо не съ конкретными вообще явленіями она имѣетъ дѣло, а только съ типическими, въ извѣстномъ смыслѣ отвлеченными явленіями и отношеніями. Она не разбираетъ, наконецъ, и вопроса о томъ, насколько хороша или худа та или другая форма общественнаго хозяйства съ утилитарной точки зрѣнія массъ, а стремится раскрыть смыслъ этой формы и присущую ей тенденцію развитія и, по возможности, опредѣлить результатъ этаго развитія.

Замѣтимъ въ заключеніе, что эта возможность предсказать ходъ дальнѣйшаго развитія является и пробнымъ камнемъ метода, который прилагался при изученіи явленій. Если на основаніи выведенныхъ нами положеній намъ удастся въ нѣкоторой мѣрѣ предугадать въ крупныхъ чертахъ, будущій ходъ общественнаго развитія, то это будетъ лучшимъ доказательствомъ вѣрности избраннаго метода изслѣдованія.

Ознакомившись съ задачами и методомъ изученія политической экономіи, мы могли бы перейти къ изложенію самаго содержанія ея; но, чтобы дать читателю хоть самое общее представленіе о взглядахъ на задачи и методы науки, высказанныхъ въ разное время, сдѣлаемъ краткій очеркъ наиболѣе типическихъ теченій, обнаруживавшихся во взглядахъ на науку, или того, что̀ носитъ обыкновенно названіе политико-экономическихъ школъ. Подробное изложеніе этого отдѣла, или, иначе, историческаго хода развитія политико-экономическихъ доктринъ, могло бы имѣть значеніе только въ связи съ экономической исторіей различныхъ странъ.

§ 4. Говоря о школахъ въ политической экономіи, обыкновенно насчитываютъ ихъ довольно много, при чемъ однако классификація основывается чаще всего не на отношеніи тѣхъ или другихъ ученыхъ къ наукѣ и ея методу, а скорѣе на отношеніи ихъ къ различнымъ вопросамъ экономической политики. Подобную систематизацію политико-экономическихъ ученій можно объяснить только тѣмъ, что и сами авторы нерѣдко въ изложеніе теоріи политической экономіи вводили и вводятъ разсужденія, относящіяся прямо къ экономической политикѣ, а обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ изъ этой области считается почти обязательнымъ въ каждомъ учебникѣ политической экономіи; таковъ, напр., вопросъ о свободѣ торговли. По существу же, т. е. по методу, принятому той или другой школой при изученіи политико-экономическихъ явленій, слѣдуетъ различать только: 1) дедуктивную, 2) историческую и 3) эклектическую, или историко-этическую школы.

Научная разработка политической экономіи начинается съ выхода въ свѣтъ капитальнаго труда англійскаго ученаго Адама Смита «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ» въ 1776 году. Но, конечно, еще ранѣе появлялись изслѣдованія и трактаты, имѣвшіе предметомъ тотъ или другой вопросъ общественной экономіи. Прежде другихъ вопросовъ обратилъ на себя вниманіе вопросъ о деньгахъ и ихъ значеніи. Это и понятно: съ развитіемъ товарнаго хозяйства деньги становятся предметомъ для всѣхъ необходимымъ и желательнымъ, и, въ концѣ концовъ, слагается убѣжденіе, что богатство народа измѣряется тѣмъ количествомъ денегъ, которымъ онъ владѣетъ. Эта такъ называемая *меркантильная теорія* ведетъ къ требованію извѣстной экономической политики, которая бы содѣйствовала накопленію денегъ въ странѣ. Отсюда ученіе о важности для государственнаго благосостоянія благопріятнаго торговаго баланса, т. е. о необходимости вести внѣшнія торговыя сношенія такимъ образомъ, чтобы въ страну всегда притекало болѣе денегъ, чѣмъ сколько будетъ изъ нея выходить. Для этой цѣли предписывалось вывозить только обработанные продукты и, наоборотъ,— ввозить только сырые, болѣе дешевые и необходимые для переработки. на туземныхъ фабрикахъ и мануфактурахъ, съ цѣлью вывезти затѣмъ приготовленный изъ сырья продуктъ, болѣе дорогой, чѣмъ это сырье Разъ главной цѣлью производства являлся вывозъ, а въ количествѣ и цѣнности вывоза оказывалось заинтересованнымъ государство, оно, конечно, должно было озаботиться, чтобы и качество товара соотвѣтствовало его цѣнности. Отсюда многоразличныя регламентаціи производства, установленіе нормъ для матеріала и способовъ обработки его, включительно до рисунковъ матерій.

По мѣрѣ развитія промышленности эта регламентація становилась все болѣе стѣснительной, и на смѣну меркантильнаго ученія является ученіе физіократовъ. Основателемъ этой школы былъ докторъ Людовика XV, Франсуа Кэнэ (Quesnay), а лучшимъ истолкователемъ Дюпонъ де-Немуръ.

Согласно этому ученію, одна природа производительна, и потому только земледѣліе даетъ чистый доходъ (produit net); промышленность же и торговля не производятъ вновь, а только перерабатываютъ продуктъ, доставляемый природой въ земледѣліи, и доставляютъ его потребителю. Отсюда дѣлался выводъ, что всѣ налоги должны быть перенесены на земледѣльцевъ, какъ лицъ, которымъ достается чистый доходъ; промышленность же должна быть освобождена отъ всякой регламентаціи и предоставлена естественному развитію, что должно вызвать усиленную конкуренцію и понизить цѣны фабрикатовъ, а вмѣстѣ расширить рынокъ земледѣльческихъ продуктовъ и дать имъ выгодный сбытъ.

Эти предшественники Адама Смита, какъ видимъ, стремились объяснить общественно-экономическія явленія постольку, поскольку это было необходимо для вывода правилъ экономической политики, и очень мало интересовались теоретической разработкой вопросовъ общественной экономики. Совершенно иначе приступаетъ къ дѣлу Смитъ. Хотя онъ также посвящаетъ не малую часть своего труда вопросамъ экономической политики, но, — какъ человѣкъ, привыкшій обращаться съ вопросами науки (онъ былъ профессоромъ философіи въ Эдинбургскомъ университетѣ),—онъ сначала развиваетъ свои теоретическія положенія, а затѣмъ переходитъ къ приложенію ихъ къ экономической политикѣ.

Въ изученіи политической экономіи Ад. Смитъ слѣдуетъ дедуктивному методу, при чемъ, однако, принятая имъ основа дедукціи довольно узка. Онъ исходитъ именно изъ положенія, что человѣкъ, въ своей экономической дѣятельности, руководится личнымъ интересомъ, и этотъ стимулъ, хотя и чисто индивидуалистическій, приводитъ все же, благодаря конкуренціи, къ полной гармоніи въ общественныхъ отношеніяхъ, почему существующій общественный строй представляется ему совершенно нормальнымъ, хотя и не идеальнымъ.

Всѣ непосредственные послѣдователи Смита въ Англіи также признавали возможность установленія полной гармоніи интересовъ между классами общества при условіи свободы конкуренціи. Впрочемъ уже одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Смита, Рикардо, указалъ на возможность нарушенія этой гармоніи интересовъ, а Мальтусъ рѣзко подчеркнулъ, что стремленіе людей къ быстрому размноженію препятствуетъ возможности достиженія болѣе высокаго уровня благосостоянія. Но и Рикардо и Мальтусъ слѣдуютъ въ своихъ сочиненіяхъ тому же дедуктивному методу, какимъ шелъ Ад. Смитъ, и хотя вносятъ поправки въ его уче-

ніе, но въ главныхъ чертахъ принимаютъ его. Потому они справедливо называются, наравнѣ со Смитомъ, основателями той школы, которая получила названіе *классической школы политической экономіи* и характеризуется главнымъ образомъ тѣмъ, что строго придерживается дедуктивнаго метода.

Но гораздо рѣзче, чѣмъ всѣ представители классической школы въ Англіи, подчеркиваетъ существованіе гармоніи интересовъ общественныхъ классовъ при свободѣ конкуренціи французскій экономистъ — Бастіа, отступающій, подобно многимъ другимъ французскимъ экономистамъ, во многомъ отъ ученія классической школы. Подобнымъ образомъ поступаетъ и другой французскій экономистъ—Бланки, служащій характернымъ представителемъ той группы экономистовъ, которыхъ Марксъ называетъ вульгарными экономистами. Названные ученые нерѣдко обращали науку въ средство политической борьбы, стремясь доказать извращеніемъ научныхъ положеній, что и наука подтверждаетъ, что въ современномъ мірѣ все идетъ къ лучшему, и нужно только предоставить дѣло его «естественному» теченію, и всѣ будутъ чувствовать себя какъ нельзя лучше. Поэтому они являются наиболѣе яркими представителями теоріи laissez faire, laissez passer.

Хотя представители классической экономіи не могутъ быть заподозрѣны въ такихъ низменныхъ поползновеніяхъ, но все же, исходя изъ положенія объ установленіи гармоніи интересовъ путемъ свободнаго соперничества хозяйствующихъ субъектовъ, Смитъ и его послѣдователи являлись противниками государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія и въ этомъ смыслѣ признавали принципъ laisser faire etc. Однако они далеко не вполнѣ отрицали, напр., надобность въ таможенныхъ пошлинахъ, высказываясь только противъ господствовавшей тогда системы регламентаціи производства и считая свободу торговли идеаломъ. Смитъ, примѣняя теорію невмѣшательства къ труду, говоритъ, что право на трудъ есть самое неприкосновенное и священное изъ правъ, что мѣшать бѣдняку употреблять свою силу и ловкость, какъ онъ заблагоразсудитъ, «если онъ никому не причиняетъ этимъ вреда, есть явное насиліе надъ этой первоначальной собственностью, это есть вопіющее нарушеніе законной свободы какъ работника, такъ и того, кто хотѣлъ бы дать ему работу».

Въ томъ же смыслѣ высказываются и послѣдователи Смита.

Придавъ слишкомъ большое значеніе регулированію отношеній путемъ свободной конкуренціи, школа Смита игнорировала или даже прямо отрицала вредное вліяніе на рабочихъ невмѣшательства государства въ экономическія отношенія, и это послужило однимъ изъ мотивовъ первымъ возраженіямъ противъ ученій школы (Годвинъ въ Англіи).

Вторымъ мотивомъ послужило признаніе (если не самимъ Смитомъ, то многими его послѣдователями, особенно въ Англіи, а также во Франціи и Германіи) безусловной свободы торговли съ устраненіемъ всякихъ ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ или премій. Противники классической школы воспользовались, главнымъ образомъ, той слабой стороной ученія, что, развивая свои положенія чисто абстрактно, дедуктивно, школа эта почти не обращалась для провѣрки и подтвержденія своихъ выводовъ ни къ текущей дѣйствительности, ни, еще болѣе, къ исторіи. Первымъ, указавшимъ эту слабую сторону, слѣдуетъ считать американца Кэри (Carey), возражавшаго противъ разработанной Рикардо теоріи ренты (дохода землевладѣльца). Одной изъ важныхъ посылокъ, изъ которыхъ исходилъ Рикардо при построеніи теоріи ренты, было, между прочимъ, чисто апріорическое положеніе, что первые поселенцы всякой страны должны были непремѣнно занять лучшія имѣющіяся въ ней земли. Кэри же, на примѣрѣ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, доказываетъ, что ходъ занятія земель въ новыхъ странахъ—какъ разъ обратный предположенному. Но это первое обращеніе къ исторіи и дѣйствительности для опроверженія положеній классической школы не нашло сочувствія среди европейскихъ ученыхъ, и о немъ вспомнили много лѣтъ спустя; европейскіе же ученые обратили вниманіе прежде всего на другую сторону ученія — на выводы относительно свободы торговли. На этотъ разъ первый протестъ раздался въ 40-хъ годахъ въ Германіи, что̀ и понятно: положеніе Германіи въ 40-хъ годахъ значительно разнилось отъ положенія Англіи и Франціи, и если послѣднія двѣ страны могли обмѣниваться своими произведеніями, не опасаясь, что промышленность той или другой будетъ страдать отъ конкуренціи сосѣдей [1]), то Германія имѣла полное основаніе опасаться, что ея промышленность, какъ болѣе молодая, будетъ подавлена конкуренціей англійскихъ и французскихъ фирмъ, разъ ввозъ ихъ произведеній не будетъ задержанъ, или мѣстнымъ промышленникамъ не будетъ оказано тѣмъ или инымъ способомъ покровительства со стороны государства. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ въ началѣ 40-хъ годовъ появляется въ Германіи ученіе о покровительствѣ промышленности, опредѣленно мотивированное въ сочиненіи Фридриха Листа «Національная система политической экономіи» (1841 г.). Тогда какъ Смитъ и вся классическая школа исходили въ своихъ разсужденіяхъ изъ пользъ и выгодъ индивидуальнаго хозяйства, Листъ считаетъ хозяйственной единицей націю и требуетъ такой экономической политики, при которой могло бы быть достигнуто полное и

[1]) Фактически, впрочемъ, ни въ той, ни въ другой изъ этихъ странъ не существовало въ то время свободы торговли.

всестороннее развитіе національной жизни. Богатство націи, по его ученію, опредѣляется не количествомъ цѣнностей, ей принадлежащихъ, какъ опредѣляетъ его Смитовская школа, а степенью развитія націи, т. е. *равномѣрнымъ* развитіемъ ея производительныхъ силъ. Подъ послѣдними разумѣются политическое могущество націи, процвѣтаніе ея членовъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, и т. д. Какъ для всякаго производства важно раздѣленіе труда, такъ оно важно и для націи, и потому главную цѣль государственной экономической политики должно составлять стремленіе—равномѣрно развить въ націи всѣ три отрасли хозяйственной дѣятельности: земледѣліе, торговлю и мануфактуры, или вообще промышленность. Изъ этихъ положеній вытекало, что соблюденіе принципа свободы торговли возможно только между равными по экономическому развитію странами; при неравенствѣ же такая политика оказывается пагубной для слабѣйшей націи. Отсюда же вытекало и ученіе о покровительствѣ туземному производству помощью таможенныхъ пошлинъ на иностранные товары. Нѣсколько позже въ томъ же смыслѣ высказывается и глава американскаго протекціонизма, Кэри.

Почти одновременно съ трудомъ Листа появляется первая работа Вильг. Рошера, перваго представителя *исторической* школы; затѣмъ работы Бруно Гильдебранда и Карла Книса. Тогда какъ Фр. Листъ возставалъ главнымъ образомъ противъ практическихъ выводовъ классической школы, представители исторической школы возстаютъ противъ самаго метода изслѣдованія.

Первымъ поводомъ для возраженій противъ ученій классической школы названныхъ ученыхъ послужило то обстоятельство, что классическая экономія игнорируя, какъ указано, историческій ходъ развитія и разсматривая существующій, современный строй, какъ неизмѣнный и отъ вѣка существовавшій,—провозглашала, согласно этому взгляду, и выведенные ею законы и правила неизмѣнными и абсолютными, независимыми отъ времени и мѣста. Словомъ, она игнорировала эволюцію формъ производства и связанныхъ съ ними производственныхъ отношеній. При этомъ упускалось изъ виду, что не можетъ быть разсужденія о законахъ явленій, когда и самихъ-то явленій не существовало. Не мало содѣйствовало такой прямолинейности то обстоятельство, что экономическая жизнь долгое время весьма мало изучалась исторически. У экономистовъ классической школы (даже у Рикардо) встрѣчаются такія разсужденія, изъ которыхъ выходитъ, будто обмѣнъ и, напр., работа по найму и т. п. встрѣчались уже среди дикарей, употреблявшихъ въ дѣло лукъ и стрѣлы, или занимавшихся охотой и рыболовствомъ. Когда началось болѣе внимательное изученіе экономической исторіи, несообразность такихъ заклю-

ченій не могла ускользнуть отъ вниманія. Но, начавъ съ совершенно правильныхъ указаній на ошибки классической школы, въ родѣ того, напр., что въ древнемъ мірѣ, при господствѣ рабства, конкуренція не играла роли регулирующаго фактора въ хозяйственной жизни,—противники классической школы пошли слишкомъ далеко и отвергли въ принципѣ самый дедуктивный методъ изслѣдованія экономическихъ явленій. При этомъ нѣкоторые представители исторической школы находили, что не можетъ быть и рѣчи о законахъ экономической жизни вообще, общихъ всѣмъ народамъ, и что для каждаго народа (націи) ходъ развитія совершенно иной, чѣмъ для другихъ; почему для полученія законовъ развитія данной націи необходимо изучить историческій ходъ развитія именно этой націи. Другіе шли дальше и отрицали вообще подчиненіе экономической (или даже вообще общественной) жизни какой-либо законосообразности, говоря, что терминъ «законъ».—въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ, напр., естествознаніе,—совершенно непримѣнимъ къ явленіямъ общественной жизни, которыя направляются человѣкомъ, обладающимъ свободной волей.

Ученые исторической школы называли нерѣдко рекомендуемый ими методъ индуктивнымъ,—какъ было показано во введеніи, — совершенно невѣрно. Въ смыслѣ разработки теоріи, труды этой школы дали скорѣе отрицательные, чѣмъ положительные результаты: вводя въ изложеніе массу историческихъ и статистическихъ справокъ, ученые этой школы, хотя съ большими оговорками (а иногда и исключеніями), принимали, въ концѣ концовъ, основныя положенія теоріи классической школы и ея выводы. Но зато, обративъ вниманіе на экономическую исторію, эта школа вызвала огромное количество историко-экономическихъ изслѣдованій, которыя даютъ цѣнный матеріалъ для объясненія хода экономической эволюціи европейскихъ обществъ.

Школа эклектиковъ старалась примирить историческую школу со школой классической. Вводя историческій элементъ въ изложеніе науки, ученые этой школы признаютъ, однако, что основнымъ методомъ изученія политической экономіи должна быть дедукція. Но противъ метода и выводовъ классической экономіи эти ученые возражаютъ, что, кладя въ основу своихъ силлогизмовъ посылку о направленіи экономической дѣятельности человѣка эгоизмомъ, классическая экономія поступаетъ неправильно, ибо человѣкъ руководится въ своихъ дѣйствіяхъ не однимъ эгоизмомъ, а и альтруизмомъ, любовью къ ближнимъ и наконецъ религіей. При этомъ наука въ изложеніи и понятіяхъ этихъ ученыхъ теряетъ характеръ объективнаго изслѣдованія законовъ экономической жизни общества, а должна, по ихъ мнѣнію, кромѣ того (если не исключительно), поучать, какія изъ разсматриваемыхъ явленій нравственны и какія мѣры нужны

для устраненія тѣхъ или иныхъ вредныхъ послѣдствій существующаго порядка вещей (послѣднее, какъ мы знаемъ, относится къ задачамъ экономической политики).

Ученые этаго направленія, съ Шмоллеромъ во главѣ, образовали такъ называемую *историко-этическую* школу. Эта школа, столь же мало внесшая самостоятельнаго въ теорію науки, какъ и историческая, сдѣлала весьма многое для разработки многихъ важныхъ вопросовъ экономической политики, особенно по отношенію къ фабричному законодательству и вообще къ законамъ, имѣющимъ цѣлью улучшеніе участи рабочаго класса.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что когда дѣло доходило до изложенія науки и разработки какихъ-либо ея вопросовъ, то и представители чисто исторической школы не гнушались примѣнять дедуктивный методъ и исходили при этомъ изъ положенія о господствѣ эгоистическаго стимула въ экономическихъ отношеніяхъ надъ всѣми другими. Очень характерный примѣръ этого указанъ еще Шмоллеромъ въ сочиненіи Книса («Деньги и кредитъ»), считавшагося главою исторической школы, гдѣ авторъ разсуждаетъ совершенно такъ же, какъ это сдѣлалъ бы любой представитель классической школы.

Всѣ перечисленныя новыя ученія до послѣдняго времени почти не касались Англіи, и англійскіе изслѣдователи продолжали твердо стоять на почвѣ ученій классической экономіи, и уже въ концѣ 40-хъ годовъ появляется здѣсь сочиненіе Милля, представляющее наиболѣе полную разработку воззрѣній классической школы, гдѣ авторъ дѣлаетъ только незначительныя уступки въ пользу вмѣшательства государства въ экономическую жизнь. Вообще, ученія исторической и историко-этической школъ нашли многихъ послѣдователей главнымъ образомъ въ Германіи, такъ какъ и во французскую литературу они проникли только въ послѣднія два десятилѣтія и не встрѣтили здѣсь большого сочувствія.

Но вотъ, въ сороковыхъ же годахъ, рядомъ съ оппонентами классической школы выступаютъ,—и тоже главнымъ образомъ въ Германіи,—представители школы, развивающей далѣе основныя положенія Смита и Рикардо и пользующейся дедуктивнымъ методомъ для изслѣдованія экономической жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждающей обширными историческими справками свои выводы. Мы разумѣемъ такъ называемую школу научнаго соціализма, главнѣйшими представителями которой являются Марксъ и Родбертусъ. Собственно говоря, соціалистическими ученіями называется цѣлый рядъ ученій, первые зачатки которыхъ появились во Франціи еще во времена великой революціи (Бабефъ). Ученія эти крайне разнообразны и имѣютъ между собою общаго только то, что всѣ они отрицательно относятся къ современному экономическому строю, въ кото-

ромъ видятъ господство одного класса,—собственниковъ средствъ производства,—надъ другимъ—классомъ рабочихъ. Но главнѣйшіе представители французскаго соціализма,—Сенъ-Симонъ (1760 — 1825) и Фурье (1772—1838) съ ихъ учениками—не пытались разработывать науку политической экономіи, а, взявъ готовыя положенія классической школы и сдѣлавъ нѣкоторые выводы относительно положенія рабочихъ классовъ, предлагали разныя системы исправленія существующихъ бѣдъ,—системы, по существу совершенно фантастическія. При этомъ сенсимонисты и фурьеристы сходились въ одномъ: какъ тѣ, такъ и другіе признавали частную собственность зломъ и предлагали мѣры къ болѣе или менѣе быстрому переходу всѣхъ капиталовъ и земель въ руки государства. Въ противоположность этому, Прудонъ находилъ возможнымъ исправить несправедливость существующаго строя, не уничтожая частной собственности, а только снабдивъ всѣхъ работниковъ средствами производства, которыя онъ думалъ доставить имъ путемъ выпуска особыхъ бумажныхъ денегъ центральнымъ банкомъ подъ обезпеченіе ихъ продуктами, произведенными заемщиками.

Къ представителямъ соціализма причисляютъ и англичанина Оуэна (1771—1858 г.), который въ началѣ XIX ст. прославился устройствомъ производительной ассоціаціи (фабрики), обратившей на себя вниманіе всей Европы. Въ основу общественнаго преобразованія онъ и ставитъ устройство ассоціацій, которыя, давая возможность достигнуть благосостоянія, уничтожаютъ и всѣ людскіе пороки.

Совершенно на иную почву стали названные выше нѣмецкіе экономисты. Разработывая основы политической экономіи, именно, теорію цѣнности и происхожденія капитала, они прежде всего старались научнымъ путемъ обосновать право труда на лучшую долю производимыхъ имъ продуктовъ. Какъ за Родбертусомъ, такъ и за Марксомъ надо признать ту заслугу, что, принявъ дедуктивный методъ изслѣдованія, они дополнили основныя посылки Смита и Рикардо указаніемъ на значеніе техники въ экономической эволюціи, при чемъ Родбертусъ разобралъ значеніе ея главнымъ образомъ въ примѣненіи къ земледѣлію, а Марксъ —по отношенію къ промышленности вообще и въ частности промышленности фабричной. Первый трудъ Родбертуса вышелъ еще въ 1842 г., но не обратилъ на себя вниманія и сталъ извѣстенъ только съ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, когда появились другіе труды его. Подобная же участь постигла и первые труды Маркса и, только съ появленіемъ перваго тома его важнѣйшей работы («Капиталъ»), въ 1867 г., на Маркса обращаютъ вниманіе, и вокругъ него начинаетъ мало-по-малу группироваться цѣлая школа. Общею чертою въ ученіи этихъ двухъ мыслителей является то, что они заявляютъ себя (въ противоположность

французскимъ соціалистамъ и представителямъ анархической фракціи, выродившейся изъ послѣдователей Прудона) эволюціонистами, т. е. признаютъ, что экономическое развитіе и переходъ общества изъ одной стадіи въ другую совершается постепенно и въ силу необходимости. Марксъ подробно развиваетъ этотъ свой взглядъ въ «Капиталѣ», разбирая происхожденіе современнаго капиталистическаго строя изъ предшествовавшаго ему — ремесленно-цеховаго (въ сферѣ промышленности). Обобщая факты, относящіеся къ указанному переходу, онъ говоритъ, что всякій экономическій строй несетъ въ самомъ себѣ зародыши своего распаденія, которое является слѣдствіемъ развитія противорѣчій, заключающихся въ этомъ строѣ; процессъ метаморфоза существующаго строя и перехода его въ новый является слѣдствіемъ борьбы общественныхъ классовъ между собою. Такъ и современный капиталистическій строй рано или поздно долженъ будетъ перейти въ другой, такъ какъ, требуя обобществленія труда, тѣмъ самымъ онъ сплачиваетъ и организуетъ рабочую оппозицію; конкуренція же убиваетъ болѣе слабыхъ капиталистовъ, концентрируя капиталы въ рукахъ немногихъ, а эти немногіе и будутъ вынуждены пасть подъ напоромъ соединенныхъ общественныхъ силъ.

По существу, однако, по методу, научный соціализмъ является прямымъ продолжателемъ классической экономіи, отъ которой онъ заимствовалъ, кромѣ метода, и важнѣйшія положенія. Хотя для иллюстраціи своихъ положеній Марксъ пользуется, главнымъ образомъ, или даже почти исключительно, данными англійской жизни, но это объясняется тѣмъ, что Англія является передовой страной по экономическому развитію, и въ ней рѣзко успѣли обозначиться тѣ явленія, которыя могутъ служить иллюстраціей этихъ выводовъ; но самые эти выводы получены чисто дедуктивнымъ путемъ, и въ этомъ отношеніи Марксъ является наиболѣе строгимъ послѣдователемъ дедуктивнаго метода, и рядомъ съ нимъ можетъ быть поставленъ въ этомъ отношеніи одинъ только Рикардо. Не предлагая къ тому же никакихъ мѣръ для преобразованія существующаго экономическаго строя, а только изслѣдуя законы экономической эволюціи, онъ стоитъ очень далеко отъ всѣхъ тѣхъ ученій, которыя проповѣдывались представителями такъ называемаго утопическаго соціализма, — сенсимонистами, фурьеристами и т. п., или представителями анархизма, проповѣдывающаго разрушеніе современнаго общества всѣми доступными средствами. Ученіе Маркса объ эволюціи общества въ послѣднее время получило названіе «экономическаго матеріализма», чѣмъ желаютъ выразить, что это ученіе приписываетъ эволюцію общественныхъ отношеній исключительно внѣшнимъ, объективнымъ факторамъ, совершенно отрицая участіе «свободной воли» хозяйствующаго субъекта,

человѣка, при чемъ основой всѣхъ общественныхъ измѣненій является именно экономическая эволюція. Но, поскольку дѣло идетъ не объ экономической эволюціи собственно, экономическій матеріализмъ представляетъ философскую систему, разборъ которой здѣсь былъ бы неумѣстенъ.

§ 5. Переходя за симъ къ изложенію содержанія политической экономіи, мы должны прежде всего остановиться на томъ дѣленіи матеріала нашей науки, которое обыкновенно принимается, и выяснить ту систему изложенія, которой мы придерживались въ нижеслѣдующемъ.

Уже довольно давно сдѣлалось обычнымъ дѣленіе всего матеріала политической экономіи на три отдѣла: 1) ученіе о производствѣ, 2) ученіе о распредѣленіи и 3) ученіе о потребленіи. Послѣднему отдѣлу посвящалось обыкновенно наименѣе вниманія, и содержаніе его было наиболѣе разнообразно у разныхъ авторовъ, а нерѣдко онъ и совсѣмъ или почти совсѣмъ отсутствовалъ. Раздѣленіе же первыхъ двухъ отдѣловъ мотивировалось, напр. Дж. С. Миллемъ, тѣмъ, что законы, управляющіе производствомъ, носятъ иной характеръ, нежели законы, управляющіе распредѣленіемъ: первые совершенно тождественны съ законами природы по точности и неизмѣнности; вторые, наоборотъ, зависятъ отъ воли человѣка, а потому легко могутъ быть измѣнены. Въ этомъ разсужденіи заключаются двѣ существенныхъ ошибки: во 1-хъ, законы производства въ обществѣ отождествляются съ законами техники. Между тѣмъ,—хотя производство, какъ способъ добыванія извѣстныхъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей, предметовъ, является «процессомъ между человѣкомъ и природой», и въ этомъ смыслѣ подчиняется только законамъ техники; но, какъ общественно-экономическое явленіе въ обществѣ съ развитымъ раздѣленіемъ труда, съ денежнымъ (а не натуральнымъ) хозяйствомъ, оно есть не только процессъ между человѣкомъ и природой (Марксъ), имѣющій цѣлью создать предметъ, вообще годный для удовлетворенія какой-либо могущей когда-либо проявиться у кого-либо потребности, — потребительную цѣнность, — но процессъ, который долженъ создать въ этой потребительной цѣнности товаръ, т. е. такую потребительную цѣнность, которая удовлетворяетъ существующей въ данный моментъ въ обществѣ потребности, — иначе говоря,—общественную потребительную цѣнность. Такимъ образомъ, и устанавливая законы производства въ обществѣ, мы сталкиваемся съ существующими общественными отношеніями, и если бы эти отношенія могли вліять въ указываемомъ Миллемъ смыслѣ на точность выводимыхъ законовъ, то слѣдовало бы признать и законы общественнаго производства столь же зависимыми отъ воли человѣка, какъ и законы распредѣленія.

Во 2-хъ, самое положеніе, что законы распредѣленія носятъ иной характеръ, нежели законы производства, не можетъ быть признано правильнымъ. Мы видѣли, именно, выше, что техника производства,—т. е.

тѣ законы, которые и Милль признаетъ столь же неподлежащими воздѣйствію человѣка, какъ и законы природы, — что эта техника вліяетъ на измѣненіе общественныхъ отношеній, а экономическая сторона этихъ отношеній и выражается, именно, въ распредѣленіи произведеннаго продукта. Такъ, пока въ производствѣ господствуетъ ремесленная техника, примѣняющая только простые и дешевые инструменты, до тѣхъ поръ работникъ, являясь самостоятельнымъ ремесленникомъ, будетъ и собственникомъ произведеннаго продукта. Но когда простыя орудія ремесленника замѣняются сложными и дорогими машинами, собственникомъ которыхъ является капиталистъ-фабрикантъ, то ремесленникъ, будучи не въ силахъ конкурировать помощью своихъ орудій съ фабрикантомъ, дѣлается наемнымъ работникомъ на фабрикѣ, и продуктъ производства принадлежитъ уже фабриканту, а работникъ долженъ довольствоваться выговоренней рабочей платой, которая, конечно, всегда ниже цѣны продукта.

Такимъ образомъ, тѣ мотивы, которые приводились въ пользу указаннаго выше раздѣленія матеріала науки по отдѣламъ, не выдерживаютъ критики.

Тѣмъ не менѣе, выдѣленіе указанныхъ отдѣловъ представляетъ нѣкоторыя удобства, и потому мы удерживаемъ его съ нѣкоторыми измѣненіями. Прежде всего, въ отдѣлъ о производствѣ, согласно сказанному выше, кромѣ ученія о техническихъ факторахъ производства, входитъ и ученіе о цѣнности, какъ главной цѣли самаго производства въ современномъ обществѣ. Сюда же можно бы отнести ученіе о формахъ хозяйственныхъ предпріятій, какъ отдѣлъ переходный отъ ученія о производствѣ собственно къ ученію о распредѣленіи, но мы предпочли отнести его къ концу второго отдѣла.

Второй отдѣлъ—распредѣленіе—содержитъ и въ нашемъ изложеніи тѣ главы, которыя обыкновенно сюда относятся, т. е. ученіе о заработной платѣ, ученіе о прибыли и ученіе о рентѣ. При этомъ къ первой части этого отдѣла мы относимъ и ученіе о народонаселеніи. Къ этому же отдѣлу можно было бы отнести ученіе о процентѣ, но мы предпочитаемъ отнести его къ слѣдующему отдѣлу, въ виду связи съ вопросомъ о кредитѣ и другими вопросами третьяго отдѣла.

Этотъ третій отдѣлъ носитъ названіе «Обращеніе» и включаетъ, кромѣ ученія объ обращеніи собственно, ученіе о деньгахъ, кредитѣ и путяхъ сообщенія, какъ орудіяхъ обращенія.

Послѣдній отдѣлъ — потребленіе — имѣетъ цѣлью только показать измѣненіе характера потребленія съ измѣненіемъ характера и формъ производства. Не смотря на краткость этаго послѣдняго отдѣла, мы придаемъ ему значеніе, потому что здѣсь выясняется общій характеръ той эволюціи, которая совершается въ современномъ обществѣ.

ОТДѢЛЪ I.

Ученіе о Производствѣ.

ГЛАВА I.

Факторы производственнаго процесса.

§ 1. Мы уже знаемъ, что цѣлью производства, какъ «процесса между человѣкомъ и природой», какъ приложенія извѣстнаго рода техники, является полученіе предмета, годнаго для удовлетворенія той или иной потребности человѣка. Способность предмета удовлетворять извѣстной потребности называется его *потребительной цѣнностью*; это названіе часто переносится и на самый предметъ. Всякій предметъ будетъ потребительной цѣнностью или будетъ обладать свойствомъ потребительной цѣнности, разъ онъ можетъ служить для удовлетворенія какой-либо потребности. Для этаго нѣтъ надобности въ томъ, чтобы онъ непремѣнно прошелъ черезъ процессъ производства: предметъ можетъ обладать потребительной цѣнностью, будучи простымъ продуктомъ природы. Продуктамъ природы, обладающимъ способностью быть потребительными цѣнностями, придаютъ иногда названія *полезностей*, *благъ или даровыхъ благъ*, — въ отличіе отъ «*хозяйственныхъ благъ*», каковыми считаются тѣ предметы, которые дѣлаются годными для удовлетворенія потребностей, становятся потребительными цѣнностями только послѣ приложенія къ нимъ труда въ процессѣ производства.

Матеріалъ для производства, изъ котораго приготовляется потребительная цѣнность, даетъ всегда непосредственно или посредственно природа. Но для того, чтобы придать этому матеріалу ту форму, которая

даетъ ему свойства потребительной цѣнности, обыкновенно нужно приложить *трудъ*, т. е. человѣкъ долженъ привести въ движеніе свои руки, ноги, словомъ—свою мускульную и нервную силу, чтобы помощію цѣлесообразныхъ дѣйствій достигнуть такихъ измѣненій въ предметѣ природы, которыя сдѣлали бы его потребительной цѣнностью.

Такимъ образомъ природа доставляетъ матеріалъ, а человѣкъ, прилагая трудъ, превращаетъ его въ потребительную цѣнность. *Природа* и *трудъ* и представляются, поэтому, первичными факторами производства.

Но, кромѣ того, уже на очень раннихъ стадіяхъ развитія обнаруживается, что для успѣшности производства недостаточно простого воздѣйствія человѣка непосредственно, помощію данныхъ ему природой органовъ, на предметы природы. Поэтому является необходимость, во 1-хъ, помѣстить между обрабатываемымъ предметомъ и органами человѣческаго тѣла такой предметъ, который уже затѣмъ дѣйствуетъ непосредственно на матеріалъ, придавая ему желательную форму. Это то, что въ простѣйшемъ своемъ видѣ носитъ названіе орудія труда, а въ болѣе сложномъ видѣ принимаетъ форму машины. Такими орудіями первоначально служатъ также предметы природы (кости, камни); но и они уже очень рано начинаютъ подвергаться разнообразной обработкѣ, прежде чѣмъ будутъ употреблены въ дѣло въ качествѣ орудій, являясь, слѣдовательно, продуктами труда. Во 2-хъ, нерѣдко и самый матеріалъ, подлежащій обработкѣ, представляетъ не непосредственно данный природою продуктъ, а предметъ природы, уже ранѣе подвергнутый извѣстной обработкѣ и сохраненный въ такомъ полуобработанномъ видѣ, именно съ цѣлью подвергнуть его потомъ окончательной подготовкѣ для потребленія. Наконецъ, въ-третьихъ, нерѣдко требуется создать предварительно такую обстановку, при которой возможно было бы веденіе производства. Для этаго можетъ потребоваться значительная затрата труда съ цѣлью измѣненія извѣстныхъ природныхъ условій (напр. постройка плотины для задержанія воды) или огражденія производителя отъ вредныхъ природныхъ вліяній (возведеніе зданій и т. п.).

Всѣ эти внѣшніе для человѣка предметы, какъ созданные его трудомъ, такъ и даруемые ему природой, составляютъ *объективные факторы*, или средства производства, и, какъ таковые, противополагаются *субъективному фактору* — человѣку, какъ представителю труда. Но при этомъ продукты природы существенно отличаются отъ другихъ составныхъ частей объективнаго фактора производства, именно тѣмъ, что они даровые, на приготовленіе и пріобрѣтеніе которыхъ человѣкъ не затратилъ никакого труда. На этомъ основаніи тѣ средства производства, которыя созданы трудомъ, отдѣляются въ отдѣльную группу и разсматриваются какъ самостоятельный факторъ производства, которому

дают названіе *капитала*. Капиталъ въ этомъ смыслѣ представляетъ, слѣдовательно, не что иное, какъ продуктъ труда, продуктъ предшествовавшаго производства, приготовленный и сбереженный именно съ цѣлью примѣненія его на слѣдующей стадіи производства. Мы увидимъ далѣе, что капиталъ на извѣстной ступени общественно-экономическаго развитія получаетъ столь важное значеніе въ производствѣ, что имъ вполнѣ оправдывается выдѣленіе его въ качествѣ отдѣльнаго фактора производства. Такое выдѣленіе оправдывается еще и тѣмъ, что природу, какъ факторъ производства, можно разсматривать и обыкновенно разсматриваютъ не какъ собраніе предметовъ, которые она доставляетъ человѣку, какъ объекты для производства, а какъ собраніе силъ, содѣйствующихъ и противодѣйствующихъ производству.

Такимъ образомъ мы имѣемъ три фактора производства: 1) природу, 2) трудъ и 3) капиталъ. Разсмотримъ же сначала значеніе и роль каждаго изъ этихъ факторовъ въ производственномъ процессѣ.

§ 2. Природа даетъ человѣку не только вещество для производства тѣхъ или другихъ необходимыхъ благъ, но доставляетъ ему также благопріятную среду и мѣсто для дѣйствія, а на первыхъ порахъ—и самыя орудія труда. Потому вліяніе природы на производство обнаруживается: 1) въ той обстановкѣ, въ которой приходится проявляться труду, и 2) въ свойствахъ тѣхъ силъ природы, которыми пользуется человѣкъ какъ орудіями или какъ объектами труда. Анализируя различныя условія производства, Дж. Ст. Милль совершенно справедливо приходитъ къ заключенію, что «движеніе и сопротивленіе движенію — вотъ единственныя дѣйствія, для которыхъ годятся мускулы человѣка. Разсматривая какой-угодно случай воздѣйствія человѣка на природу, говоритъ Милль, мы находимъ, что всегда сами силы природы, или, иначе сказать, качества матеріи, исполняютъ все дѣло, лишь только предметъ приведенъ въ нужное состояніе. Только эта операція—помѣщеніе вещей въ такое положеніе, чтобы онѣ измѣнялись сообразно нашей потребности своими внутренними силами и силами, лежащими въ другихъ предметахъ,—производится надъ матеріей человѣкомъ, и больше этаго онъ ничего не можетъ сдѣлать; онъ только придвигаетъ одну вещь къ другой: онъ вдвигаетъ зерно въ землю, и естественныя производительныя силы постепенно производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плодъ. Человѣкъ продвигаетъ топоръ черезъ дерево, и послѣднее падаетъ подъ вліяніемъ естественной силы тяжести; онъ особеннымъ способомъ продвигаетъ черезъ дерево пилу, и послѣдняя раздѣляетъ его на доски, согласно физическому закону, по которому болѣе мягкая матерія вытѣсняется подъ напоромъ болѣе твердой; онъ располагаетъ эти доски въ извѣстномъ порядкѣ, продвигаетъ сквозь нихъ гвозди или кладетъ между ними склеивающую матерію и производитъ такимъ

образомъ стѣну или столъ. Человѣкъ придвигаетъ частичку огня къ топливу и послѣднее загорается; силою горѣнія человѣкъ варитъ пищу, спаиваетъ и размягчаетъ желѣзо, при чемъ вся роль его ограничивается тѣмъ, что онъ придвигаетъ къ огню эти вещества. Онъ имѣетъ только одно средство дѣйствовать на матерію—это двигать ее».

Не смотря, однако, на колоссальное участіе силъ природы въ производствѣ потребительныхъ цѣнностей, предметы внѣшней природы не являются объектомъ изученія политической экономіи, а только дѣятельность природы въ ея вліяніи на результатъ труда,—особенно, поскольку оно уменьшаетъ количество затрачиваемаго на производство человѣческаго труда. Человѣкъ, именно, болѣе всего бережетъ, экономизируетъ свой трудъ, и иначе онъ поступать не можетъ, ибо, по совершенно вѣрному замѣчанію Родбертуса, человѣкъ является на свѣтъ съ неограниченными потребностями и съ крайне ограниченной силой, и потому онъ стремится утилизировать эту силу такимъ образомъ, чтобы пріобрѣсть при помощи ея возможно бо́льшее количество необходимыхъ ему предметовъ. Но, прежде, чѣмъ правильное представленіе о взаимномъ отношеніи природы и труда въ производствѣ установилось въ политической экономіи, много разъ высказывалось мнѣніе, что природа, на ряду съ трудомъ, является создателемъ цѣнностей и творцомъ богатства. Наиболѣе послѣдовательными въ этомъ смыслѣ были физіократы, которые, какъ было указано выше, особенному участію природы въ земледѣліи приписывали способность этой отрасли производить (въ противоположность обрабатывающей промышленности) чистый доходъ (produit net). Ад. Смитъ и въ особенности Рикардо и его школа рѣзко возстали противъ привилегіи земледѣлія на помощь силъ природы и съ полной ясностью показали, что природныя силы въ одинаковой мѣрѣ содѣйствуютъ труду человѣка во всѣхъ отрасляхъ промышленности. «Развѣ природа ничего не дѣлаетъ человѣку въ мануфактурной промышленности?» восклицаетъ Рикардо: «развѣ силы вѣтра и воды, приводящія въ дѣйствіе наши машины и оказывающія пособіе мореплаванію, не имѣютъ никакого значенія? Давленіе атмосферы и эластичность пара, которыми мы приводимъ въ движеніе сильныя и удивительныя машины,—развѣ это не дары природы? Нѣтъ ни одной мануфактуры, въ которой природа не оказывала бы человѣку помощи, и при томъ даровой и щедрой». Но тотъ же Рикардо указывалъ, что вліяніе природы проявляется въ увеличеніи или уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда. Трудъ же будетъ производительнѣе, когда то же количество его дастъ большее количество продуктовъ.

Нужно, однако, замѣтить, что степень участія природы въ производствѣ далеко не одинакова въ различныя эпохи жизни общества, и что, сверхъ того, въ различныхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности

человѣка участіе природы проявляется различно и разнится если не количественно, то качественно. Въ этомъ смыслѣ правы физіократы, указывая на особенное отношеніе природы къ труду въ земледѣльческой промышленности, особенно по отношенію къ тѣмъ дѣятелямъ природы, которые составляютъ географическія условія.

Здѣсь зависимость человѣка отъ силъ и свойствъ внѣшней природы гораздо больше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ. Земледѣлецъ, въ большинствѣ случаевъ, только пользуется естественными процессами, происходящими въ почвѣ и въ организмахъ животныхъ и растительныхъ, не будучи въ состояніи регулировать ихъ количественное дѣйствіе, по крайней мѣрѣ, такъ полно, какъ дѣлаетъ это промышленная техника съ паромъ и электричествомъ. Это качественное различіе не остается безъ вліянія на производство, какъ увидимъ ниже, но здѣсь мы на этомъ останавливаться не будемъ.

На первыхъ ступеняхъ культуры мы констатируемъ полную зависимость хозяйственной дѣятельности человѣка отъ природной обстановки, въ которой она совершается. Климатъ, плодородіе почвы, существующіе естественные пути сообщенія и другія географическія условія являются факторами, опредѣляющими на первыхъ порахъ разселеніе человѣчества по поверхности материковъ. Пока производство носитъ всецѣло характеръ аппропріаціи, т. е. трудъ направляется на присвоеніе даровыхъ благъ природы,—зависимость производства отъ обстановки полная: природа покровительствуетъ однѣмъ отраслямъ производства и вовсе исключаетъ другія; она опредѣляетъ и производительность труда, и сферу его приложенія. Однако, по мѣрѣ размноженія людей и заселенія все болѣе суровыхъ странъ, человѣчество должно было повысить производительность своего труда, воспользовавшись силами той же природы, и мы видимъ, что вліяніе условій внѣшней обстановки, условій географическихъ, постепенно падаетъ подъ напоромъ роста техники: горы прорываются, лѣса вырубаются, болота и пустыни заселяются и превращаются въ пашни; естественные пути сообщенія замѣняются искусственными, и пагубное вліяніе отсутствія ихъ устраняется.

Прежде люди заселяли только тѣ мѣста, гдѣ они разсчитывали на содѣйствіе природы; теперь они создаютъ это содѣйствіе тамъ, гдѣ имъ приходится жить. Прежде, пользуясь исключительно естественными путями сообщенія—рѣками, каналами, морями и т. п., человѣкъ вынужденъ былъ селиться около этихъ путей. Теперь, строя желѣзныя дороги, онъ менѣе нуждается въ естественныхъ путяхъ и нерѣдко засыпаетъ менѣе значительные изъ нихъ (какъ дѣлали американцы) или строитъ параллельные имъ искусственные пути Но въ первое время человѣкъ, отчасти вслѣдствіе своего безсилія, отчасти въ силу отсутствія знаній, нерѣдко такъ

неумѣло пользуется дарами природы, что приноситъ вредъ самому себѣ, ухудшая природныя условія занятой территоріи. Характерный примѣръ такого обращенія съ природными дарами представляютъ лѣса: они не только выжигаются на огромныхъ площадяхъ тамъ, гдѣ человѣкъ находитъ ихъ на равнинахъ, способныхъ служить пашней,—болѣе цѣнной для него,—но и уничтожаются на горахъ и крутыхъ склонахъ, негодныхъ для иной эксплуатаціи; благодаря этому, такія мѣста размываются атмосферными водами, такъ что на нихъ совсѣмъ не остается верхняго, плодороднаго слоя почвы, и они дѣлаются безплодными; вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшается климатъ страны, высыхаютъ рѣки, заносятся иломъ плодородныя долины и т. п.

§ 3. Не смотря на громадное вліяніе, оказываемое природою на трудъ въ каждомъ производствѣ, все же она, доставляя человѣку «блага», т. е. предметы, необходимые для его существованія, доставляетъ ему ихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не даромъ, а лишь послѣ того, какъ онъ приложитъ свой трудъ.

Трудъ есть эксплуатація личныхъ силъ человѣка и заключается въ цѣлесообразной тратѣ человѣческой рабочей силы. Какъ трата индивидуальной силы человѣка, трудъ, конечно, варьируетъ и качественно, и количественно, въ зависимости отъ качествъ трудящагося субъекта. Здѣсь обнаруживается вліяніе расовыхъ, половыхъ, индивидуальныхъ различій рабочихъ—ихъ привычекъ, подготовленности къ труду даннаго рода и проч.

Разсматривая роль труда въ производствѣ въ различные историческіе періоды, мы находимъ значительное различіе его производительности. Это значитъ: оставаясь индивидуально постоянно равнымъ самому себѣ, трудъ отдѣльнаго человѣка производитъ въ данное время совершенно различныя количества продукта,—иначе, болѣе или менѣе предметовъ, составляющихъ цѣль труда, или такъ называемыхъ потребительныхъ цѣнностей. Чѣмъ же обусловлено повышеніе производительной силы труда? Для этаго у человѣка есть одно средство: заставить работать на себя въ бо́льшей мѣрѣ силы природы. Этаго онъ достигъ прежде всего употребленіемъ орудій. Орудіе труда въ обширномъ смыслѣ есть та сумма вещей, которыя работникъ помѣщаетъ между собою и предметомъ труда, и которыя ему служатъ такимъ образомъ какъ бы проводникомъ, переносящимъ его дѣятельность на предметъ труда.

Первоначально человѣкъ употреблялъ только естественныя, даровыя орудія природы: камни, кости павшихъ животныхъ и т. п. «Земля, послужившая для человѣка первоначальною запасною кладовою, служитъ для него также и первоначальнымъ арсеналомъ, изъ котораго онъ беретъ свои орудія труда» (Марксъ). Однако, уже на очень раннихъ ступеняхъ развитія человѣкъ не довольствуется даровыми орудіями и употребляетъ

обработанныя, которыя далѣе совершенствуются и превращаются въ тѣ сложныя машины, которыя мы видимъ теперь. Машины отличаются отъ орудій прежде всего своею сложностью, а затѣмъ обыкновенно и тѣмъ, что здѣсь уже не сила рабочаго приводитъ въ дѣйствіе орудіе, непосредственно дѣйствующее на предметъ труда, а это орудіе составляетъ часть самой машины.

Роль орудій двоякая: они, во-первыхъ, повышаютъ производительность труда, такъ какъ черезъ нихъ увеличивается эксплуатація человѣкомъ силъ природы; и, во-вторыхъ, при участіи ихъ, передъ человѣкомъ открывается новое поле дѣйствій, ему дѣлаются доступны новыя производства.

Другимъ факторомъ, содѣйствующимъ увеличенію производительности труда, является «кооперація», или сотрудничество, т. е. совмѣстная работа нѣсколькихъ индивидуумовъ. Наиболѣе древней формой кооперації является *простая кооперація*, т. е. такое сотрудничество, при которомъ всѣ совмѣстно работающіе исполняютъ тождественную работу. Выгоды подобной кооперації заключаются главнымъ образомъ: 1) въ меньшихъ затратахъ на капиталъ (общность зданій и общность орудій); 2) въ увеличеніи абсолютной механической силы, что дѣлаетъ возможными работы, которыя не подъ силу каждому отдѣльному участнику кооперації; 3) въ возможности исполненія, въ короткое время, работы, продуктъ которой, при болѣе медленномъ исполненіи, теряетъ въ своей цѣнности (жатва и т. п.). Такого рода моменты, когда требуется въ опредѣленное время сконцентрировать большое количество рабочихъ силъ или усилить напряженность труда, носятъ названіе «критическихъ моментовъ» производства и свойственны многимъ видамъ промышленности, но особенно большое значеніе имѣютъ въ земледѣліи; 4) въ повышеніи, въ силу соревнованія, напряженности труда отдѣльныхъ рабочихъ, т. е. увеличеніи траты рабочей силы въ опредѣленное время, благодаря чему количество продукта возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ количество занятыхъ рабочихъ.

Простое сотрудничество мы находимъ на самыхъ ранніхъ, извѣстныхъ намъ стадіяхъ развитія человѣка, въ періодъ, напр., звѣроловнаго быта, когда уже составляются общества для совмѣстной охоты.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ появляется *сложная кооперація*, т. е. такое сотрудничество, при которомъ каждый участвующій въ кооперації работникъ исполняетъ только извѣстную деталь цѣлаго предмета, составляющаго цѣль производства, такъ что продуктъ является результатомъ труда всѣхъ сотрудничающихъ группъ рабочихъ. Такъ, напримѣръ, въ булавочной мануфактурѣ одинъ работникъ тянетъ проволоку, другой рѣжетъ ее на части, третій заостряетъ концы булавокъ, четвертый приготовляетъ головки и т. д. Слѣдовательно, каждая булавка является результатомъ труда нѣсколькихъ рабочихъ.

Сложная кооперація является несравненно болѣе дѣйствительнымъ средствомъ повышенія производительности труда, чѣмъ простая кооперація. Здѣсь ко всѣмъ перечисленнымъ выше выгодамъ простой кооперації присоединяется еще то, что работникъ, исполняя постоянно одну и ту же,—обыкновенно, очень простую — манипуляцію, приспособляетъ свои органы такимъ образомъ, что эта манипуляція требуетъ гораздо меньшей затраты силы съ его стороны, чѣмъ тогда, когда онъ вынужденъ былъ выполнять цѣлый рядъ разнообразныхъ дѣйствій, требовавшихъ каждое участія въ работѣ разнообразныхъ органовъ. Кромѣ того, при такомъ раздѣленіи рабочихъ функцій можно каждую отдѣльную детальную работу поручать работнику, наиболѣе приспособленному къ ней по природнымъ условіямъ организма; напр. болѣе сильному—выполненіе работъ, требующихъ приложенія большей силы, а болѣе ловкому—работу, требующую этаго качества.

Не нужно смѣшивать сложную кооперацію съ раздѣленіемъ труда въ обществѣ. Подъ именемъ общественнаго раздѣленія труда (поскольку дѣло идетъ объ экономическихъ отношеніяхъ) разумѣется такое раздѣленіе функцій между членами общества или группами лицъ, его составляющими, при которомъ каждый членъ или каждая группа являются производителемъ отдѣльнаго продукта, представляющаго потребительную цѣнность, т. е. годнаго для потребленія, для удовлетворенія какой-либо потребности членовъ общества. Работники же, сотрудничающіе въ сложной кооперації, не изготовляютъ каждый отдѣльнаго продукта, а наоборотъ: всѣ совокупно трудятся надъ изготовленіемъ одной потребительной цѣнности или каждой единицы производимаго продукта.

Исторически кооперація, даже въ очень сложной формѣ, явилась гораздо ранѣе сколько-нибудь ясно выразившагося общественнаго раздѣленія труда; она имѣетъ мѣсто уже въ древнемъ οἶκος'ѣ и въ римской familia еще въ то время, когда въ древнемъ мірѣ, можно сказать, почти не существовало общественнаго раздѣленія труда, которое при господствѣ рабства и не могло явиться въ сколько-нибудь развитой формѣ, такъ какъ каждая экономическая единица, οἶκος, удовлетворяла почти всѣ свои потребности собственными силами, производила всѣ нужныя ей потребительныя цѣнности. Правда, къ концу римской исторіи появляются извѣстія о свободныхъ ремесленникахъ (или художникахъ), обыкновенно, изъ отпущенныхъ рабовъ. Еще ранѣе, конечно, имѣлись купцы и моряки, воины и т. п., но все же эти классы играли весьма малую роль, и существованіе ихъ не нарушало общей картины хозяйства натуральнаго, сложеннаго изъ однообразно построенныхъ, экономически самодовлѣющихъ единицъ—фамилій, тѣмъ болѣе, что бо́льшая часть названныхъ классовъ составляла непроизводительное населеніе.

Только въ средніе вѣка появляется болѣе опредѣленно выраженное раздѣленіе труда въ обществѣ, съ ясной при томъ тенденціей къ дальнѣйшему усиленію этаго раздѣленія. Въ этой именно тенденціи заключается тотъ прогрессивный элементъ, который внесли средніе вѣка въ исторію Европы, и въ возможности развитія этаго раздѣленія на почвѣ средневѣковаго крѣпостного права заключается его преимущество передъ древнимъ рабовладѣльческимъ строемъ.

Вначалѣ средневѣковый англійскій manor (владѣльческая усадьба) или германскій замокъ представлялъ такой же самодовлѣющій, экономическій организмъ, какъ древній οἶκος или familia. Но отношенія крѣпостного населенія къ владѣльцу усадьбы (барону) съ самаго начала были построены не на принципѣ личнаго подчиненія крѣпостныхъ феодальному владѣльцу, какъ отношенія рабовъ къ рабовладѣльцу въ древнемъ мірѣ, гдѣ рабы составляли собственность владѣльца. Крѣпостное право имѣло, вѣдь, въ основѣ не право владѣнія людьми, населявшими данную территорію, и даже не право владѣнія самой территоріей, а только управленіе этой территоріей или областью отъ имени центральной власти. Потому средневѣковый феодалъ никогда не былъ хозяиномъ въ томъ смыслѣ, какъ представители οἶκος'а или familia; онъ нерѣдко совсѣмъ не велъ за свой счетъ никакихъ хозяйственныхъ операцій, а довольствовался просто извѣстной данью съ населенія. Но, и ведя самостоятельное предпріятіе, воздѣлывая за свой счетъ землю, онъ требовалъ отъ своихъ крѣпостныхъ только дани въ видѣ работы на своихъ поляхъ, предоставляя имъ добывать себѣ средства къ жизни помощію обработки отведенной въ ихъ пользованіе земли и, слѣдовательно, давая крѣпостному извѣстную свободу распоряжаться своимъ трудомъ въ то время, которое онъ долженъ былъ употребить для удовлетворенія своихъ нуждъ. Съ концентраціей въ замкахъ и усадьбахъ владѣльцевъ и вокругъ нихъ населенія, — частью ремесленнаго, частью непроизводительнаго (воины), — долженъ былъ возникнуть обмѣнъ, такъ какъ раздѣленіе труда уже было налицо: ремесленное и непроизводительное населеніе доставило первый рынокъ для земледѣльческихъ произведеній. Какъ извѣстно, ремесленное населеніе бурговъ и составило ядро населенія средневѣковыхъ городовъ, среди котораго и развилось впервые болѣе сложное раздѣленіе общественнаго труда.

Общественное раздѣленіе труда также содѣйствуетъ увеличенію производительности труда въ обществѣ, хотя вліяніе его въ этомъ направленіи не столь очевидно, какъ напр. вліяніе сложной кооперации. Понятно однако, что, спеціализируясь въ производствѣ одного какого-либо, хотя бы и сложнаго предмета, работникъ изготовляетъ этотъ предметъ съ мень-

шей затратой силъ и времени, чѣмъ сколько требуется, напр., столь же прилежному работнику при натуральномъ хозяйствѣ, когда данная работа исполняется имъ только случайно, въ виду потребности въ изготовляемомъ предметѣ. Еще въ бо́льшей мѣрѣ содѣйствуетъ увеличенію производительности общественнаго труда другое явленіе, необходимо сопровождающее общественное раздѣленіе труда при нѣкоторомъ его развитіи. Мы разумѣемъ размѣщеніе производствъ по различнымъ районамъ территоріи страны: въ различныхъ районахъ товары одного и того же рода требуютъ для своего изготовленія различнаго количества труда и, потому, при развитомъ обмѣнѣ,—который является необходимымъ условіемъ раздѣленія труда въ обществѣ,—роль поставщика даннаго рода товара для всего общества приметъ на себя тотъ районъ, гдѣ этотъ товаръ приготовляется съ меньшей затратой рабочей силы, иначе говоря, гдѣ трудъ въ области даннаго производства—производительнѣе.

Говоря о трудѣ, нельзя не упомянуть, что еще Ад. Смитъ различалъ трудъ производительный, направленный на производство матеріальныхъ предметовъ,—и трудъ непроизводительный, который не создаетъ матеріальной вещи или явленія (свѣтъ, теплота и пр.), составляющихъ потребительныя цѣнности. Не надо смѣшивать непроизводительный трудъ съ трудомъ безполезнымъ. Уже на очень раннихъ ступеняхъ развитія обособляются группы лицъ, не занимающихся добываніемъ матеріальныхъ предметовъ, а несущихъ различныя общественныя обязанности, таковы: старѣйшины, вожди, жрецы и пр. Затѣмъ число лицъ, занимающихся непроизводительнымъ трудомъ, растетъ: таковы всѣ лица, дѣятельность которыхъ направлена на веденіе сложнаго государственнаго хозяйства (администрація), на защиту группы (армія), вся масса интеллигентныхъ тружениковъ, результатомъ труда которыхъ является созданіе опредѣленныхъ умственныхъ представленій, а отнюдь не вещей,—каковы всѣ люди науки, учителя, артисты и т. п.; къ этой же категоріи надо отнести капиталистовъ, трудъ которыхъ не направленъ непосредственно на созданіе цѣнностей.

Смѣшивая непроизводительный трудъ съ безполезнымъ, многіе писатели указываютъ на неправильность этаго раздѣленія или, во всякомъ случаѣ, на его ненужность. Говорили, напр., что совершенно неосновательно считать трудъ простого каменщика производительнымъ, а трудъ Ньютона непроизводительнымъ, тогда какъ изслѣдованія Ньютона отразились на прогрессѣ всего человѣчества и были, конечно, для него гораздо полезнѣе работы многихъ сотенъ каменщиковъ. Но ни Ад. Смитъ, ни другіе, признающіе такое дѣленіе, не отрицаютъ полезности непроизводительнаго труда, а только указываютъ, что занятое этимъ трудомъ населеніе не участвуетъ непосредственно въ производствѣ богатства. И въ этомъ смыслѣ такое дѣленіе имѣетъ значеніе, ибо чѣмъ выше про-

изводительность труда въ данномъ обществѣ, тѣмъ больше можетъ быть въ немъ число непроизводительныхъ членовъ при данномъ уровнѣ благосостоянія массы. И обратно: съ увеличеніемъ непроизводительнаго населенія должна повышаться производительность труда занятыхъ производствомъ рабочихъ, чтобы этотъ трудъ давалъ возможность покрывать потребности всѣхъ членовъ даннаго общества безъ пониженія уровня благосостоянія. А такъ какъ къ числу лицъ, занятыхъ непроизводительнымъ трудомъ, принадлежитъ и вся интеллигенція страны, то процентъ его въ населеніи укажетъ намъ въ нѣкоторой мѣрѣ и высоту умственнаго развитія страны.

Слѣдуетъ, кромѣ того, различать лицъ, занимающихся непроизводительнымъ трудомъ отъ непроизводительнаго населенія вообще. Подъ послѣднимъ разумѣютъ все населеніе, неспособное къ труду въ данный моментъ (дѣти, старики, больные). Непроизводительное населеніе, слѣдовательно, тождественно съ нерабочимъ населеніемъ и противопоставляется рабочему населенію, т. е. населенію въ томъ возрастѣ, въ которомъ человѣкъ способенъ работать. Процентъ же населенія рабочаго возраста позволяетъ сдѣлать приблизительное заключеніе о массѣ труда, точнѣе, рабочей силы, которой располагаетъ данное общество. Въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе, конечно, и составъ населенія по поламъ, ибо, очевидно, масса труда увеличивается съ увеличеніемъ процента мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ и уменьшеніемъ процента женщинъ, такъ какъ многія женщины связаны материнскими обязанностями и не участвуютъ непосредственно въ производительномъ трудѣ или не участвуютъ по временамъ, даже и принадлежа къ рабочему классу. Кромѣ того, въ общемъ, рабочая сила женщины менѣе силы мужчины, и уже поэтому населеніе съ преобладаніемъ женщинъ будетъ имѣть въ распоряженіи меньшую массу труда, чѣмъ при обратныхъ условіяхъ. Большое также значеніе для массы труда общества имѣетъ запрещеніе дѣтямъ работать раньше опредѣленнаго возраста.

Наконецъ, масса труда въ данномъ обществѣ существенно зависитъ отъ отношенія между субъективнымъ факторомъ работы—работникомъ и объективнымъ—предметомъ труда, или продуктомъ его. Нужно, именно, различать, кромѣ производительности, еще и интенсивность труда. Производительность труда опредѣляется тѣмъ количествомъ продукта, которое производитъ работникъ при данной затратѣ рабочей силы; иначе говоря — тѣмъ количествомъ трудовой энергіи, которое онъ расходуетъ на приготовленіе единицы продукта. Интенсивность же труда опредѣляется тѣмъ количествомъ рабочей энергіи, которое работникъ расходуетъ въ единицу времени. Во время рабства главнѣйшее стремленіе раба — затратить въ данное время какъ можно меньше силы при выполненіи порученной ему

работы, ибо никакая энергія не принесетъ ему лично никакой выгоды, а только вызоветъ безполезное, ничѣмъ не вознаграждаемое утомленіе. Значитъ, интенсивность труда здѣсь низка, а послѣдствіемъ этаго является и незначительное количество продукта, какъ результатъ этаго труда. Почти то же видимъ и при крѣпостномъ состояніи. «Два англійскихъ работника,—говорилъ Дж. С. Милль,—скосятъ въ день столько же, какъ шестеро русскихъ крѣпостныхъ, такъ что, не смотря на дороговизну продовольствія въ Англіи и на его дешевизну въ Россіи, русскому помѣщику стоитъ трехъ или четырехъ копѣекъ скосить то количество сѣна, скосить которое англійскому фермеру стоитъ лишь полкопѣйки».

Наконецъ, и наемный рабочій работаетъ менѣе усердно, чѣмъ арендаторъ или собственникъ. Тотъ же самый наемный рабочій трудится, однако, уже гораздо прилежнѣе, работаетъ интенсивнѣе, когда получаетъ поштучную плату, и т. д. Слѣдовательно, масса труда зависитъ, кромѣ состава населенія, отъ интенсивности труда его, а послѣдняя, въ свою очередь, оттого, насколько заинтересованъ въ продуктѣ работникъ. Но масса труда, количество расхода рабочей энергіи такъ же вліяетъ на количество производимаго продукта, какъ и производительность труда.

Нерѣдко смѣшиваютъ понятія «интенсивность» и «производительность» труда, что̀ ведетъ къ большимъ недоразумѣніямъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ, какъ повышеніе производительности, такъ и повышеніе интенсивности труда ведетъ къ увеличенію количества продукта, произведеннаго въ единицу времени, и потому, съ внѣшней стороны, результатъ, дѣйствительно, одинаковъ,—и это-то и приводитъ къ указанному смѣшенію. Однако, увеличеніе продукта въ томъ и другомъ случаѣ зависитъ отъ различныхъ причинъ, и для общества, какъ и для работника интенсивность и производительность труда имѣютъ различное значеніе.

Интенсивность труда опредѣляетъ степень напряженности его: трудъ есть трата мускульной и нервной рабочей силы; отъ каждаго субъекта труда зависитъ, до извѣстной степени, количество этой силы, расходуемое въ теченіе даннаго промежутка времени. *Повышеніе* этой *траты силы въ единицу времени составляетъ повышеніе интенсивности труда.*

Такимъ образомъ *интенсивность труда измѣряется отношеніемъ количества расходуемой рабочей энергіи ко времени, въ теченіе котораго произведенъ этотъ расходъ.*

Если хорошій рабочій въ теченіе одного дня подниметъ 100 пуд. кирпичей на высоту 21 фута, то онъ расходуетъ за этотъ періодъ 2100 пудо-футовъ рабочей силы; если другой рабочій поднимаетъ въ то же время и на ту же высоту только 50 пуд., то онъ тратитъ энергіи всего 1050 пудо-футовъ, и интенсивность его труда будетъ въ 2 раза меньше, чѣмъ интенсивность труда перваго.

Подъ производительностью же труда понимается отношеніе количества произведеннаго продукта къ количеству израсходованной энергіи, независимо отъ времени, потраченнаго на производство. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ, если первый работникъ употребитъ въ дѣло паровую лебедку и, израсходовавъ тѣ же 2100 пудо-футовъ своей энергіи, подниметъ не 100 пуд. кирпичей, а 1000, то это значитъ, что производительность его труда стала въ 10 разъ больше, такъ какъ на подъемъ одного пуда онъ израсходовалъ въ 10 разъ меньше рабочей силы. Равнымъ образомъ, если портной, работая на рукахъ и затрачивая единицу трудовой энергіи, сработаетъ одинъ сюртукъ, а другой, работая на швейной машинѣ и затративъ то же количество энергіи, сработаетъ два сюртука, то работа послѣдняго будетъ вдвое производительнѣе работы перваго. Но нужно помнить, что здѣсь, именно, берется трата энергіи, а не времени.

Производительность труда не зависитъ отъ воли производителя и обусловливается, во 1-хъ, тѣми условіями, въ которыя поставленъ трудъ, т. е. той комбинаціей природныхъ силъ, которыя онъ встрѣчаетъ; и, во 2-хъ, степенью совершенства тѣхъ орудій труда, которыя примѣняются въ производствѣ. Слѣдовательно, увеличеніе производительности труда не вызываетъ увеличенія эксплуатаціи рабочей силы работника; трата имъ трудовой энергіи остается неизмѣнной.

Увеличеніе же интенсивности труда, наоборотъ, всецѣло идетъ за счетъ траты самаго организма работника, той живой рабочей силы, которая образуется въ организмѣ за счетъ мускуловъ и нервовъ работника и питающихъ эти мускулы и нервы соковъ организма. Такимъ образомъ для работника увеличеніе интенсивности труда равнозначуще усиленному изнашиванію его организма; увеличеніе же производительности труда не отзывается непосредственно на его организмѣ. Для общества также не безразлично, — будетъ ли увеличеніе массы произведеннаго продукта вызвано увеличеніемъ производительности труда или усиленіемъ интенсивности его: увеличеніе производительности труда всегда есть послѣдствіе улучшенія техники, а слѣдовательно лучшей эксплуатаціи природныхъ силъ, т. е. во всякомъ случаѣ—явленіе прогрессивное. Увеличеніе же интенсивности труда само по себѣ еще не указываетъ на прогрессъ общества; наоборотъ, будучи сопряжено съ болѣе быстрымъ изнашиваніемъ организма работника, оно, временно повышая массу труда въ обществѣ, вызоветъ затѣмъ необходимо увеличеніе массы непроизводительнаго, неспособнаго къ труду населенія и, слѣдовательно, повліяетъ на массу труда въ обществѣ въ обратномъ смыслѣ, т. е. уменьшитъ ее.

Сказаннаго достаточно, чтобы уяснить неосновательность отождествленія производительности труда съ его интенсивностью.

§ 4. Переходимъ наконецъ къ капиталу, какъ фактору производственнаго процесса.

Слово «капиталъ» произошло въ средніе вѣка и обозначало въ первое время ту сумму денегъ, которая была дана въ заемъ, въ противоположность проценту, приросту.

Только Ад. Смитъ даетъ впервые болѣе ясное опредѣленіе капитала. Согласно этому опредѣленію только тѣ части сбереженныхъ запасовъ дѣлаются капиталомъ, которыя предназначаются для дальнѣйшаго производства и даютъ доходъ. Онъ различаетъ капиталъ съ общественной и капиталъ съ частно-хозяйственной точки зрѣнія. Капиталомъ въ общественномъ смыслѣ считаются всѣ тѣ продукты труда, которые предназначены для дальнѣйшаго производства. Въ смыслѣ же частно-хозяйственномъ капиталъ составляютъ всѣ тѣ предметы, которые служатъ для частнаго хозяйства источникомъ дохода. Если, говоритъ онъ, домъ, въ которомъ живетъ собственникъ, не приноситъ дохода, то онъ перестаетъ быть капиталомъ. Но и тогда, когда этотъ домъ отдается въ наймы и приноситъ доходъ собственнику, этотъ доходъ выплачивается нанимателемъ изъ дохода, который онъ получитъ отъ какого-нибудь производства, примѣненіемъ своего капитала, или изъ его заработка (платы за трудъ); поэтому капиталъ, вложенный въ домъ, давая доходъ своему собственнику, ничего не прибавляетъ къ доходу общества и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія общественной, стоимость дома—не капиталъ.

Не смотря на достаточную ясность приведеннаго опредѣленія Смита, все же и до сихъ поръ слово «капиталъ» не всегда одинаково опредѣляется. Въ него вводится и понятіе о накопленіи, и понятіе о способности давать доходъ. При этомъ даже не всегда понимаютъ подъ капиталомъ только матеріальные предметы, а иногда и свойства человѣка (умъ, способности, знаніе) и разные такъ называемые невещественные капиталы (наприм. торговыя фирмы, извѣстныя общественныя права и т. п.). Наконецъ, капиталъ нерѣдко смѣшиваютъ съ понятіями богатства и имущества. Между тѣмъ, подъ богатствомъ общества слѣдуетъ разумѣть всѣ тѣ матеріальныя блага, которыми располагаетъ, распоряжается, владѣетъ данное общество,—безразлично, какое назначеніе дается этому богатству или каково происхожденіе этого матеріальнаго блага: составляетъ ли оно даръ природы или произведеніе труда человѣка. Поэтому, напр., домъ, находящійся въ пользованіи своего владѣльца, о которомъ говоритъ Смитъ, составляетъ часть не только богатства владѣльца, но и богатства всего общества; но, какъ вѣрно замѣчаетъ Смитъ, этотъ домъ не капиталъ, пока онъ служитъ для указанныхъ имъ цѣлей. Но для отдѣльнаго лица могутъ быть богатствомъ различныя права, которыя оно имѣетъ, наприм.,

долговое обязательство другого лица или государства, что́ для общества не составляетъ части богатства.

Когда говорится объ имуществѣ, то разумѣютъ право, принадлежащее данному лицу, распоряжаться даннымъ предметомъ, при чемъ сумма имущества не совпадаетъ часто съ суммой богатства лица. Напр., домъ или земля, купленные въ долгъ, составляютъ имущество владѣльца, но не вся цѣна этаго дома или земли входитъ въ сумму его богатства, а только та часть, которая показываетъ разность между долгомъ, которымъ обремененъ должникъ, и дѣйствительной цѣной имущества. Точно также имущество общества или государства составляетъ сумма всѣхъ имуществъ его членовъ; а богатство его—только та же сумма, за вычетомъ общественнаго или государственнаго долга.

Предметы, составляющіе богатство общества, раздѣляются на двѣ группы: одни служатъ для удовлетворенія нуждъ и потребностей человѣка; другіе не могутъ быть *непосредственно* обращены на удовлетвореніе потребностей, таковы: различныя орудія, инструменты, машины. Подобнаго рода предметы имѣютъ спеціальною цѣлью содѣйствовать производству другихъ предметовъ, назначенныхъ для непосредственнаго потребленія, или для подготовленія тѣхъ же подготовительныхъ для производства средствъ. Всѣ такіе предметы съ общественно-экономической точки зрѣнія и составляютъ капиталъ, т. е. средства или орудія для производства.

Но и изъ первой, указанной выше, группы нѣкоторые предметы могутъ послужить для непосредственнаго удовлетворенія потребностей, но могутъ быть употреблены и для подготовленія другихъ предметовъ, для производства; напр., уголь, дрова, зданія разнаго рода; тогда эти предметы также входятъ въ составъ капитала.

Слѣдовательно, *съ общественной точки зрѣнія, капиталомъ будутъ всѣ цѣнности, которыя иначе можно назвать средствами производства, т. е. при помощи которыхъ создаются новыя цѣнности.* Разъ мы говоримъ «цѣнности», то этимъ уже исключается участіе естественныхъ, даровыхъ силъ природы, какъ земля.

Всѣ остальныя цѣнности вмѣстѣ съ даровыми продуктами природы составляютъ вторую часть богатства общества и служатъ для непосредственнаго потребленія; это и будутъ просто предметы потребленія.

Но, разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія частнаго предпринимателя, дѣло представляется нѣсколько иначе. Именно, тѣ предметы, которые потребляетъ рабочій во время производства, состоятъ изъ предметовъ послѣдней группы—предметовъ потребленія; но такъ какъ ихъ доставляетъ ему при наемномъ трудѣ наниматель - капиталистъ натурой или въ видѣ рабочей платы, то предприниматель разсматриваетъ ихъ только какъ средства производства, т. е. какъ составную часть своего капи-

тала. Такимъ образомъ *съ частно-хозяйственной точки зрѣнія* можно сказать, что *капиталомъ является вся та сумма богатства, которая затрачивается въ производствѣ съ цѣлью извлеченія дохода.*

Разсматривая вопросъ съ общественной точки зрѣнія, мы подъ «капиталомъ» будемъ понимать всякій продуктъ предшествовавшаго производительнаго труда, потребляемый непосредственно не на удовлетвореніе потребностей, а на дальнѣйшее производство, и, слѣдовательно, только посредственно служащій удовлетворенію потребностей. Капиталъ, по мѣрѣ хода производства, постепенно потребляется (уголь сгораетъ, машины стираются) и матеріалъ производства исчезаетъ, какъ таковой. Однако, это потребленіе отличается отъ потребленія пищевыхъ продуктовъ, одежды и т. п., потребляемыхъ въ конечный моментъ удовлетворенія потребностей, и потому потребленіе капитала можетъ быть обозначено терминомъ «косвеннаго», «посредственнаго» потребленія и противопоставлено потребленію непосредственному.

Слѣдуя нашему опредѣленію, мы должны включить въ капиталъ всѣ орудія производства, подразумѣвая подъ этимъ: 1) машины, 2) зданія, назначенныя для производственныхъ операцій или для храненія произведеннаго продукта, 3) матеріалы, какъ топливо, смазочныя вещества и всѣ «сырые или основные матеріалы», или объекты труда. Все это соединяютъ подъ общимъ именемъ *«средства производства»*.

Вопросъ о возникновеніи капитала рѣшается большинствомъ экономистовъ совершенно согласно тому, что было высказано еще Смитомъ, т. е. главнымъ факторомъ созданія капитала признается *сбереженіе*. Эта теорія вполнѣ ясно выражена въ словахъ автора «Богатства народовъ». «Капиталы накопляются сбереженіемъ. Они разсѣеваются неблагоразуміемъ и расточительностью. Все, что сберегаетъ человѣкъ изъ дохода, онъ присоединяетъ къ капиталу, и въ такомъ случаѣ этотъ избытокъ или употребляется имъ самимъ на содержаніе новыхъ производительныхъ рабочихъ, или даетъ возможность употребить его такимъ же путемъ другому лицу. Точно также капиталъ общества можетъ быть увеличиваемъ только такимъ же способомъ. Ближайшая причина увеличенія капитала состоитъ въ сбереженіи, а не въ трудѣ. Правда, трудъ доставляетъ предметы для сохраненія... но безъ сохраненія, каковъ бы ни былъ размѣръ заработка, капиталъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы возрастать. То, что ежегодно сберегается, столь же правильно потребляется только другимъ классомъ людей».

Джонъ Стюартъ Милль, признавая опредѣленіе Смита, оговариваетъ, однако, что понятіе сбереженія вовсе не предполагаетъ оставленія предметовъ безъ употребленія, а только потребленіе ихъ производительнымъ путемъ и воздержаніе отъ потребленія непроизводительнаго или отъ мотовства.

Но даже и въ такомъ переработанномъ видѣ теорія сбереженія не отвѣчаетъ вполнѣ на вопросъ о происхожденіи капитала. Во-первыхъ, чтобы быть сбереженнымъ, капиталъ долженъ быть раньше произведенъ, какъ всякій продуктъ труда, такъ что причиной происхожденія капитала долженъ считаться трудъ, что, впрочемъ, понималъ и Ад. Смитъ. Увеличеніе же капитала есть процессъ, аналогичный его образованію, такъ какъ всѣ части капитала суть равно продукты труда. Во-вторыхъ, эта теорія не выдерживаетъ критики, если оставить ту частно-хозяйственную точку зрѣнія, на которой она основана. Исходя изъ даннаго выше понятія о капиталѣ, мы должны признать за него всѣ фабрики, машины, орудія транспорта и т. п. Относительно всѣхъ этихъ предметовъ не существуетъ *общественнаго* непроизводительнаго потребленія, и хотя каждый собственникъ можетъ непроизводительно потребить свой капиталъ, превративъ его въ деньги, но въ общественномъ смыслѣ это не имѣетъ значенія, такъ какъ не измѣнитъ суммы капитала, владѣльцемъ котораго явится только другое лицо. Такимъ образомъ результатомъ воздержанія отъ непроизводительнаго потребленія отнюдь нельзя объяснить возникновеніе и ростъ капитала въ данномъ обществѣ, и причину явленія надо искать въ самомъ производствѣ, т. е. въ трудѣ.

Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, въ силу чего трудъ общества направляется не исключительно на созданіе предметовъ, потребляющихся непосредственно, а часть его удѣляется на производство такихъ полезностей, непосредственное потребленіе которыхъ немыслимо, т. е. на созданіе капитала въ видѣ орудій и пр.

Для подобнаго употребленія части общественныхъ производительныхъ силъ необходима, прежде всего, достаточная производительность того труда, который направленъ на производство предметовъ, служащихъ для непосредственнаго пользованія; эта производительность должна быть настолько высока, чтобы оставался излишекъ времени за покрытіемъ потребностей субъекта труда (рабочаго). Кромѣ того, не менѣе необходимо существованіе въ обществѣ условій, заставляющихъ употреблять этотъ излишекъ времени на производительный трудъ. Наличность этихъ факторовъ и влечетъ за собою возникновеніе и дальнѣйшій ростъ капитала.

Такимъ образомъ *творцомъ какъ первоначальнаго капитала, такъ и дальнѣйшаго его приращенія является трудъ*, и это положеніе равно справедливо какъ для хозяйства гипотетическаго Робинзона, такъ и для сложнаго хозяйства цѣлой націи. Возникновеніемъ вышеуказанныхъ условій созданія капитала, т. е. повышеніемъ производительности труда и наличностью условій, заставляющихъ трудъ продолжаться дальше времени, необходимаго для покрытія потребностей

рабочаго, и характеризуется моментъ возникновенія и роста капитала въ европейскихъ государствахъ. Въ историческомъ обзорѣ развитія экономической жизни мы отчасти останавливались уже на этомъ моментѣ и здѣсь замѣтимъ только, что со времени образованія мануфактуры, когда капиталъ впервые овладѣваетъ производствомъ, и до настоящаго времени во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ значеніе капитала все возрастало, и современный намъ общественный строй этихъ странъ носитъ названіе капиталистическаго, или буржуазнаго, такъ какъ капиталъ и представитель его—буржуа (горожанинъ) имѣетъ наибольшее вліяніе на направленіе и ходъ экономической жизни.

Въ послѣдующемъ намъ придется постоянно указывать на роль капитала въ производствѣ и значеніе различныхъ видовъ и формъ его. Поэтому ограничимся здѣсь самыми общими замѣчаніями.

Какъ видно отчасти уже изъ сказаннаго въ главѣ о трудѣ, капиталъ въ формѣ орудій и машинъ является однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ увеличить производительность труда, а повышеніе производительности труда есть необходимое условіе общественнаго прогресса; оно даетъ возможность,—уменьшая постепенно затрату силы для удовлетворенія наиболѣе настоятельныхъ (на первомъ мѣстѣ животно-физіологическихъ) потребностей,—употреблять остатокъ свободной энергіи на удовлетвореніе все болѣе широкаго круга потребностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на всестороннее развитіе человѣческой личности.

Капиталъ въ видѣ орудій явился и исторически однимъ изъ самыхъ первыхъ средствъ къ освобожденію человѣка изъ полной зависимости отъ природы, въ какой онъ находился, пока вынужденъ былъ довольствоваться тѣми дарами, которые даетъ ему природа безъ всякаго на нее активнаго воздѣйствія съ его стороны. Опредѣленіе, которое даетъ Франклинъ человѣку, называя его «животнымъ, дѣлающимъ орудія», какъ нельзя болѣе ясно указываетъ на огромное значеніе этаго вида капитала. Со временемъ, по мѣрѣ историческаго развитія, значеніе этаго вида капитала не только не понижается, но все болѣе возрастаетъ, и, именно, въ смыслѣ увеличенія производительности труда. Въ этомъ отношеніи особенно большое значеніе имѣло покореніе человѣкомъ такихъ мертвыхъ силъ природы, какъ паръ и электричество; въ силѣ пара человѣкъ пріобрѣлъ чрезвычайно удобнаго и сильнаго двигателя, примѣненіе котораго въ промышленности повело къ совершенному преобразованію всѣхъ отношеній, какъ увидимъ далѣе. Электричество же обѣщаетъ въ будущемъ сдѣлаться еще болѣе сильнымъ дѣятелемъ въ производствѣ, чѣмъ паръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе усилить значеніе капитала, и, именно, въ той формѣ, о которой мы говоримъ.

Но увеличеніе производительности труда ведетъ за собою увеличе-

ніе капитала не только въ формѣ орудій и машинъ, но и въ формѣ различныхъ матеріаловъ, потребляемыхъ въ производствѣ. Самое понятіе объ увеличеніи производительности труда включаетъ уже представленіе объ увеличеніи массы произведенныхъ при помощи каждой единицы силы продуктовъ, а, слѣдовательно, и увеличеніе потребленія матеріаловъ каждой силой, приложенной въ производствѣ. А такъ какъ число прилагаемыхъ силъ должно увеличиваться съ ростомъ населенія, то и общая масса продуктовъ и потребленныхъ въ производствѣ матеріаловъ также возрастаетъ. Ясно, что эта тенденція усиленія значенія объективнаго фактора производства—капитала—означаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшеніе относительнаго значенія субъективнаго фактора—живого труда—и представителя его — работника. Мы увидимъ далѣе, что это обстоятельство имѣетъ огромное вліяніе на весь ходъ экономической жизни и складъ общественно-экономическихъ отношеній. Но, чтобы выяснить это вліяніе, намъ необходимо изучить предварительно общественную сторону производственнаго процесса и сопровождающія его явленія. Къ этому мы теперь и обратимся.

ГЛАВА II.

Ученіе о цѣнности.

§ 1. Разсмотрѣвъ техническіе факторы производственнаго процесса, мы переходимъ къ изученію той стороны его, которая дѣлаетъ его общественнымъ процессомъ. Какъ было сказано, процессъ общественнаго производства отличается отъ простого примѣненія извѣстныхъ техническихъ пріемовъ съ цѣлью полученія тѣхъ или другихъ продуктовъ тѣмъ, что здѣсь должна быть создана не просто потребительная цѣнность, а товаръ, общественная потребительная цѣнность.

Потребности человѣка крайне разнообразны и многочисленны и уже съ перваго взгляда онѣ могутъ быть раздѣлены на матеріальныя, т. е. удовлетворяемыя опредѣленными вещами, и нематеріальныя, для удовлетворенія коихъ таковыхъ не требуется. Мы уже говорили, что только та дѣятельность человѣка, при помощи которой производятся матеріальные предметы (или таковыя же явленія), удовлетворяющіе тѣ или другія потребности человѣка, называется хозяйственной и подлежитъ изученію политической экономіи.

Придерживаясь этаго взгляда, опредѣляющаго строго извѣстныя рамки вопросовъ, подлежащихъ нашему изученію, мы можемъ разсматривать богатство современнаго общества, какъ громадное скопленіе товаровъ; отдѣльный же товаръ представляетъ его элементарную форму. Поэтому мы прежде всего займемся анализомъ отдѣльнаго товара. Каждый товаръ долженъ представлять вещь, годную для того или другого употребленія, или потребленія,—поэтому эта вещь должна имѣть извѣстную *полезность*; степень же полезности вещи опредѣляетъ то, что называютъ обыкновенно потребительною цѣнностью вещи. Говоря, слѣдовательно, что потребительная цѣнность вещи A больше потребительной цѣнности B, мы говоримъ только, что вещь A лучше удовлетворяетъ той

потребности, для которой служатъ обѣ вещи. Такъ какъ эта полезность воплощается для насъ въ извѣстной матеріи, въ самомъ товарѣ, то и самое тѣло товара (напр. пшеница, алмазъ) принято называть потребительной цѣнностью.

Каждый товаръ долженъ быть потребительной цѣнностью для покупателя; но потребительная цѣнность становится товаромъ лишь при извѣстныхъ производственныхъ отношеніяхъ; и такъ какъ преобразованіе потребительной цѣнности въ товаръ обнаруживается въ процессѣ обмѣна, то она и получаетъ тогда форму *мѣновой цѣнности.*

Потребительныя цѣнности раздѣляютъ на свободныя и хозяйственныя блага. Свободными благами называются тѣ потребительныя цѣнности, которыя въ изобиліи находятся въ природѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ потребляются человѣкомъ, и, слѣдовательно, не требуется затраты труда со стороны человѣка для пріобрѣтенія ихъ. Къ такимъ свободнымъ благамъ относятся, напр., воздухъ, солнечная энергія, вода (гдѣ она не представляетъ еще рыночнаго продукта) и др. Имъ противополагаются хозяйственныя блага, т. е. такія, для полученія которыхъ вообще или полученія въ извѣстномъ количествѣ требуется приложеніе человѣческаго труда. Понятно, что насъ могутъ интересовать здѣсь только хозяйственныя блага, и мы обыкновенно и будемъ разумѣть ихъ, говоря о потребительныхъ цѣнностяхъ.

Разъ потребительная цѣнность становится товаромъ, вступаетъ въ обмѣнъ съ другими товарами, то оцѣнка устанавливается не по способности удовлетворять той или другой потребности, ибо это значило бы сравнивать между собою потребности, а это невозможно. Какъ потребительныя цѣнности, всѣ товары равны, ибо каждый изъ нихъ удовлетворяетъ какой-нибудь потребности; но, какъ средство для удовлетворенія потребности, каждый товаръ не можетъ ни замѣнить другой, ни замѣщаться самъ другимъ. Какое бы количество пшеницы мы ни взяли, она не удовлетворитъ нашей потребности въ платьѣ, и обратно: никакое количество сюртуковъ не можетъ замѣнить и одного фунта хлѣба, какъ потребительной цѣнности, удовлетворяющей потребности въ пищѣ. Короче говоря, товары, какъ потребительныя цѣнности, не содержатъ никакого свойства, на основаніи котораго можно было бы сравнивать ихъ между собою. А между тѣмъ, разъ товары вынесены на рынокъ и вступаютъ въ обмѣнъ, значитъ, между ними произведено сравненіе: x товара A признается равнымъ y товара B, если эти товары въ такихъ количественныхъ соотношеніяхъ вступаютъ между собою въ обмѣнъ. Словомъ, всевозможные товары, совершенно различные по своей специфической формѣ потребленія, но взятые въ опредѣленныхъ количествахъ, представляютъ равноцѣнности; а разъ это условіе существуетъ, значитъ, съ

точки зрѣнія мѣновой цѣнности, всякій товаръ есть то же, что и любой другой товаръ. Какимъ же образомъ различные товары, составляющіе тѣлесно различныя вещи (полотно, алмазъ), выступая какъ мѣновыя цѣнности, представляютъ единство, т. е. являются соизмѣримыми, могутъ быть при извѣстной пропорціи выражены извѣстной величиной, напр. опредѣленнымъ количествомъ золота?

Для того, чтобы производить мѣновыя цѣнности (или товары), нужно производить потребительныя цѣнности для другихъ, т. е. общественныя потребительныя цѣнности, предметы, которые признаны даннымъ обществомъ годными для удовлетворенія тѣхъ или другихъ потребностей. Именно то обстоятельство, что потребительныя цѣнности, чтобы сдѣлаться товарами, должны, такъ сказать, получить общественную санкцію, какъ замѣчаетъ Зиберъ, указываетъ, «что цѣнность должна находиться въ какой-нибудь связи съ экономическими отношеніями между людьми изъ-за вещей. Нельзя искать цѣнности въ предметахъ, съ которыми люди еще не приходили въ сношеніе: кромѣ физическихъ и химическихъ свойствъ, такіе предметы ничѣмъ не могутъ обладать».

Но каковы же тѣ общественно-экономическія отношенія, въ которыхъ мы можемъ искать этотъ элементъ, на основаніи котораго опредѣляется цѣнность товаровъ въ обмѣнѣ? Если, замѣчаетъ Марксъ, мы отрѣшимся отъ тѣхъ свойствъ товара, которыя дѣлаютъ его потребительной цѣнностью, предназначенной для удовлетворенія извѣстной потребности, то во всѣхъ товарахъ остается только одно качество,— что они суть продукты труда. Именно, *то обстоятельство,—что трудъ является элементомъ, общимъ всѣмъ видамъ товаровъ,—и даетъ возможность сравнивать ихъ по содержанію въ нихъ этого элемента, и этотъ элементъ и является опредѣлителемъ цѣнности (мѣновой) товара.* (Совершенно ясно указалъ на это значеніе труда уже Рикардо въ началѣ нашего столѣтія).

Если мы представимъ себѣ непосредственный обмѣнъ продуктами въ обществѣ безъ развитого раздѣленія труда, то природа мѣновой цѣнности будетъ здѣсь вполнѣ ясна: каждый человѣкъ, имѣя неограниченное число потребностей и крайне ограниченныя физическія силы, стремится распоряжаться этими силами такъ, чтобы добыть возможно большее количество потребительныхъ цѣнностей, которыя онъ и цѣнитъ постольку, поскольку на производство ихъ израсходованы эти силы. Однако, со введеніемъ раздѣленія труда, а затѣмъ и денегъ, какъ орудія обмѣна, отношеніе между трудомъ, влагаемымъ въ полезность, и ея мѣновой цѣнностью—дѣлается менѣе яснымъ. Во всякомъ случаѣ, однако, Зиберъ правъ, говоря, что «теорія цѣнности, признающая измѣрителемъ и регуляторомъ мѣновыхъ отношеній—трудъ, всего менѣе можетъ счи-

таться открытіемъ Рикардо, который только придалъ болѣе ясную и общую формулировку ученіямъ своихъ предшественниковъ... До извѣстной степени теорія эта можетъ быть признана достояніемъ всего человѣчества... Она имѣла многочисленныхъ представителей съ самой колыбели политической экономіи, среди писателей XVII и XVIII вв., которые взглянули на дѣло непредубѣжденно и потому увидѣли истину».

§ 2. При мѣновомъ хозяйствѣ [1]) каждый производитель производитъ не для личнаго потребленія, а потому для него продуктъ труда не имѣетъ значенія потребительной цѣнности, а является простымъ *носителемъ мѣновой цѣнности*. Такимъ образомъ въ мѣновомъ хозяйствѣ сами продукты производства отличаются своими свойствами отъ продуктовъ хозяйства натуральнаго. Хотя и тѣ и другіе суть необходимо матеріальные предметы, потребительныя цѣнности, т. е. и тѣ и другіе должны обладать способностью удовлетворять потребностямъ, но разница заключается въ томъ, что при натуральномъ хозяйствѣ продуктъ труда фигурируетъ исключительно въ процессѣ потребленія, и потому для него характерна его конкретная форма извѣстнаго рода потребительной цѣнности; продуктъ же мѣнового хозяйства—товаръ, прежде чѣмъ фигурировать своими конкретными свойствами, обусловливающими его потребительную цѣнность, вступаетъ въ процессъ обмѣна. Если A обмѣниваетъ свой товаръ съ B, получая отъ него новый товаръ, то и для A и для B, отчуждаемые товары не имѣютъ никакого значенія внѣ процесса отчужденія. Продукты ихъ производства перестаютъ быть для нихъ опредѣленными, конкретными предметами и интересуютъ ихъ только постольку, поскольку они могутъ быть промѣнены на другой товаръ; для нихъ важно получаемое въ обмѣнѣ количество другого (чужого) товара, выразителя цѣнности ихъ товаровъ, и, слѣдовательно, вмѣсто качественной стороны продукта своего труда, какъ извѣстнаго рода потребительной цѣнности, для такого производителя выступаетъ на первый планъ количественная сторона его, т. е. величина его мѣновой цѣнности. Поэтому потребительная цѣнность не составляетъ предмета изслѣдованія политической экономіи, и, говоря просто «цѣнность», мы всегда будемъ разумѣть мѣновую цѣнность.

Если, встрѣчаясь на рынкѣ, x одного товара обмѣнивается на y другого,—напр. 20 арш. полотна на сюртукъ,—то они въ данныхъ количествахъ признаются равными между собою (20 арш. пол.=1 сюрт.). Самый фактъ обмѣна указываетъ на соизмѣримость товаровъ между собою. Тѣлесно обмѣниваемые товары совершенно различны; обмѣнъ одинаковыхъ потребительныхъ цѣнностей логически немыслимъ; никто не

[1]) Мы употребляемъ здѣсь и во многихъ другихъ мѣстахъ терминъ „мѣновое хозяйство“ въ смыслѣ хозяйства денежнаго; тамъ же гдѣ, имѣется въ виду обмѣнъ натуральныхъ продуктовъ безъ посредства денегъ, мы всегда оговариваемъ это.

мѣняетъ полотна на полотно (одинаковыя). Слѣдовательно причина равенства лежитъ внѣ потребительныхъ свойствъ товара, и ее надо искать въ ихъ общественныхъ свойствахъ, какъ мѣновыхъ цѣнностей. Такимъ свойствомъ, общимъ всѣмъ товарамъ, является то, что они суть продукты человѣческаго труда. Въ силу этаго они могутъ быть сравниваемы, не смотря на полное различіе ихъ тѣлесной природы. «Общая соціальная субстанція, которая только различно проявляется въ различныхъ потребительныхъ цѣнностяхъ, есть трудъ». (Марксъ).

Разсматриваемые какъ цѣнности, товары суть не что иное, какъ кристаллизованный человѣческій трудъ. Такимъ образомъ, если 20 арш. полотна въ процессѣ обмѣна признаются равными одному сюртуку, то это означаетъ только, что 20 арш. полотна и сюртукъ овеществляютъ въ себѣ равное количество труда, что и дѣлаетъ ихъ равноцѣнными. Но, какъ товары различны между собою въ качествѣ потребительныхъ цѣнностей, такъ точно и роды труда, результатомъ котораго является каждый изъ нихъ, различны между собою. Сюртукъ представляетъ результатъ труда портного, полотно же есть результатъ труда ткача. Слѣд., сравненіе этихъ различныхъ видовъ труда возможно только, отвлекаясь отъ специфическихъ свойствъ труда портного и ткача; а если не обращать вниманія на специфическій характеръ производительной дѣятельности того и другого рода, останется одинъ только признакъ, что она есть «трата человѣческой рабочей силы». Шитье и тканье, хотя качественно различныя производительныя дѣятельности, представляютъ обѣ расходъ человѣческаго мозга, мышцъ, нервовъ и пр., и въ этомъ смыслѣ обѣ суть «человѣческій трудъ». Такимъ образомъ мѣновая цѣнность товара опредѣляется не тѣмъ или другимъ специфическимъ трудомъ, а количествомъ вложеннаго въ его созданіе простого труда, какъ траты рабочей энергіи.

Мѣрою, измѣряющею количество этой энергіи, признается обыкновенно рабочее время, и Марксъ прямо говоритъ: «цѣнности товаровъ суть только опредѣленныя количества кристаллизованнаго рабочаго времени». Противъ такого воззрѣнія на цѣнность товаровъ дѣлаются слѣдующія возраженія:

1) При измѣреніи цѣнности временемъ, затраченнымъ на производство предмета, надо признать, что цѣнность будетъ повышаться съ пониженіемъ интенсивности труда, т. е. чѣмъ лѣнивѣе будетъ работать производитель, тѣмъ выше будетъ цѣнность товара.

2) Такое же преимущество будутъ имѣть тѣ хозяйства, производительность труда которыхъ ниже, что противорѣчитъ самой характерной чертѣ современнаго производства,—всеобщей тенденціи повышать производительность труда.

3) Качественно различный трудъ различенъ и количественно, и потому не можетъ быть суммируемъ: такъ, въ нашемъ примѣрѣ, трудъ портного является гораздо болѣе сложнымъ, и часъ его труда не равняется по тратѣ энергіи часу труда ткача.

Что касается послѣдняго возраженія, то оно устраняется, если признать различіе между «простымъ» трудомъ и «сложнымъ» такъ, какъ его понимаетъ Марксъ. Всякій сложный трудъ измѣряется простымъ трудомъ: «сложный трудъ разсматривается, какъ простой трудъ, возведенный въ степень, или, вѣрнѣе, умноженный, такъ что меньшее количество сложнаго труда равно большему количеству простого труда. Если рабочій часъ батрака выражается $^1/_2$ пенсомъ, то рабочій часъ портного выразится, напр., пенсомъ. Такимъ образомъ трудъ портного считается лишь умноженнымъ трудомъ батрака».

Для устраненія первыхъ двухъ возраженій Марксъ вводитъ понятіе объ «*общественно-необходимомъ рабочемъ времени*».

По этому поводу онъ говоритъ: «образователемъ цѣнности считается только общественно-необходимое время... Общественно-необходимое время есть время, необходимое для созданія какой-нибудь цѣнности при наличныхъ общественно-необходимыхъ условіяхъ производства и со среднею въ данномъ обществѣ степенью искусства и напряженности труда».

Вводя терминъ «общественно-необходимое рабочее время» въ понятіе о цѣнности, мы устанавливаемъ, что цѣнность даннаго товара въ томъ случаѣ совпадаетъ съ реальнымъ количествомъ израсходованнаго на его созданіе рабочаго времени, если это количество является соотвѣтствующимъ современнымъ условіямъ производительности и интенсивности труда въ обществѣ. Если же интенсивность труда или его производительность въ данномъ единичномъ хозяйствѣ ниже общественно-необходимыхъ, то цѣнность продукта опредѣляется не реально—израсходованнымъ на его производство рабочимъ временемъ, а общественно-необходимымъ, и, слѣдовательно, производитель потеряетъ часть своего рабочаго времени безполезно. Такъ, если по условіямъ производства для созданія одного сюртука и 20 аршинъ полотна требуется равное количество общественно-необходимаго рабочаго времени, а производитель сюртука, въ силу несовершенства техническихъ пріемовъ, тратитъ на его производство на 10—15% больше, то все же въ процессѣ обмѣна этотъ сюртукъ будетъ считаться эквивалентомъ не 22-хъ или 23-хъ арш. полотна, а тѣхъ же 20. Но и обратно: если какой-нибудь ткачъ ввелъ усовершенствованіе въ производствѣ, дающее ему возможность производить 20 арш. полотна во время или съ тратой трудовой энергіи на 15% меньшей, чѣмъ та, которая потребна на производство въ пред-

пріятіяхъ, доставляющихъ массу товара (и, слѣд. опредѣляющихъ общественно-необходимое время), то все же онъ получитъ за свое полотно тотъ же сюртукъ, т. е. продастъ свой товаръ выше цѣнности его, опредѣляемой количествомъ затраченнаго на него труда. Такимъ образомъ, пока измѣненія въ степени производительности и интенсивности труда касаются единичныхъ хозяйствъ, они не оказываютъ вліянія на размѣръ цѣнности товаровъ. Но если, въ силу улучшенія техническихъ пріемовъ, повысится производительность труда во всѣхъ хозяйствахъ, вырабатывающихъ данный товаръ, или въ большинствѣ ихъ, точнѣе, въ такомъ числѣ ихъ, которое поставляетъ наибольшую массу товара, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, понизится и количество общественно-необходимаго на созданіе продукта времени, и, слѣдовательно, цѣнность его понизится.

Но затѣмъ слѣдуетъ замѣтить еще слѣдующее. Во 1-хъ, приведенное выше выраженіе Маркса, что «цѣнности товаровъ суть только опредѣленныя количества кристаллизованнаго рабочаго времени», можно и даже должно, — согласно духу ученія Маркса, — замѣнить выраженіемъ: «цѣнности товаровъ опредѣляются количествомъ кристаллизованной въ нихъ трудовой энергіи, употребленной при обычной въ данномъ обществѣ техникѣ производства». Это выраженіе болѣе правильно уже потому, что энергія можетъ дѣйствительно кристаллизоваться (дѣятельная энергія солнечнаго луча кристаллизуется въ растеніи въ видѣ потенціальной энергіи, заключающейся въ его составныхъ частяхъ). Кромѣ того, этимъ также устраняются первыя два возраженія, такъ какъ, понятно, лѣнивый расходуетъ менѣе трудовой энергіи въ единицу времени; равнымъ образомъ, бо́льшая производительность труда означаетъ затрату меньшаго количества трудовой энергіи на каждую единицу продукта, и потому цѣнность такого продукта будетъ ниже, чѣмъ произведеннаго при меньшей производительности труда. Во 2-хъ, что касается сложнаго, квалифицированнаго труда, то, конечно, выраженіе Маркса, что приведеніе его къ простому постоянно совершается въ обществѣ, еще не рѣшаетъ вопроса, такъ какъ не указываетъ логической основы такого перечисленія и не объясняетъ, почему этотъ трудъ долженъ придавать продукту бо́льшую цѣнность, чѣмъ простой. Но не трудно найти аргументы въ пользу такого утвержденія. Таковы: 1) квалифицированный трудъ отличается отъ простого тѣмъ, что выполненіе его требуетъ не простого напряженія мускуловъ, но одновременно и нѣкоторыхъ умственныхъ усилій. Поэтому такой трудъ представляетъ двоякую трату энергіи: съ одной стороны, въ видѣ мускульной, съ другой—въ видѣ нервной (мозговой) силы; иначе—онъ является трудомъ высшей интенсивности и уже поэтому долженъ придавать продукту въ единицу времени больше цѣнности, чѣмъ простой

трудъ, совершаемый почти автоматически, какъ напр. трудъ работника, вращающаго колесо машины. Конечно, мы не знаемъ, по какому коефиціенту слѣдуетъ переводить умственный или вообще квалифицированный трудъ въ простой. Однако, надо замѣтить, что въ первое время по возникновеніи мѣнового хозяйства такой переводъ совершался относительно легко, ибо тогда мѣновщикъ,—напр. земледѣлецъ,—легко могъ судить объ относительной цѣнности труда ремесленника, на продуктъ котораго онъ вымѣнивалъ свой товаръ, потому что тѣ же товары онъ или производилъ самъ—въ домашнемъ хозяйствѣ,—или видѣлъ постоянно въ производствѣ у своего сосѣда. 2) Квалифицированный трудъ долженъ увеличивать цѣнность производимаго при помощи его продукта въ единицу времени на бо́льшую величину, сравнительно съ простымъ трудомъ, потому что для производства его самого, т. е. для пріобрѣтенія тѣхъ способностей, которыя дѣлаютъ трудъ квалифицированнымъ, требуется обученіе, и то время или та энергія, которая затрачена на это обученіе, должна также вознаградиться въ производимыхъ имъ продуктахъ, ибо она составляетъ также общественно-необходимую для полученія даннаго качества труда затрату времени или энергіи (это понималъ уже Ад. Смитъ). Что это время или энергія имѣетъ вліяніе на расцѣнку квалифицированнаго труда, показываетъ тотъ фактъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ, благодаря устройству соотвѣтствующихъ учрежденій (напр. школъ), техника даннаго рода изучается легче, тамъ и трудъ соотвѣтствующаго техника расцѣнивается не столь высоко, сравнительно съ простымъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ странахъ, гдѣ подобныхъ учрежденій нѣтъ и изученіе техники встрѣчаетъ какія-либо затрудненія. У насъ, напр., оцѣнка простого труда значительно ниже, чѣмъ въ Германіи или Англіи; но трудъ техниковъ, даже наиболѣе простыхъ (слесарей, кузнецовъ и т. п.), расцѣнивается, наоборотъ, значительно выше, чѣмъ въ этихъ странахъ, особенно, если принять во вниманіе стоимость содержанія рабочаго здѣсь и тамъ. Наконецъ, 3) что касается техниковъ высшаго порядка (инженеровъ, химиковъ и проч.), то здѣсь нужно имѣть въ виду еще слѣдующее: во 1-хъ, ихъ трудъ составляетъ, обыкновенно, столь ничтожную долю общаго количества труда, опредѣляющаго цѣнность даннаго товара, что если бы даже его совсѣмъ не считать въ качествѣ опредѣлителя цѣнности, то величина послѣдней измѣнится весьма мало. Во 2-хъ, принимая, что этотъ трудъ также придаетъ цѣнность продукту, произведенному при его содѣйствіи, слѣдуетъ,—кромѣ сказаннаго выше о значеніи траты нервной (мозговой) энергіи и времени предварительнаго обученія,—имѣть въ виду еще и то, что трудъ этихъ лицъ измѣряется не тѣмъ только временемъ, которое они непосредственно проводятъ въ мастерскихъ, но еще и тѣмъ, которое они тратятъ на поддержаніе своего знанія на уровнѣ современнаго

состоянія техники. Наконецъ, въ 3-хъ, участіе этихъ лицъ въ производствѣ нерѣдко можетъ увеличить цѣнность производимыхъ продуктовъ, вызывая повышеніе интенсивности труда простыхъ рабочихъ или способствуя увеличенію производительности труда послѣднихъ выше средняго общественнаго уровня, что, какъ указано выше, дѣйствуетъ на цѣнность совершенно такъ же, какъ и увеличеніе интенсивности труда. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, мы приходимъ къ выводу, что приведенныя возраженія противъ измѣренія цѣнности товаровъ количествомъ затраченной на производство ихъ трудовой энергіи, или, что то же, количествомъ общественно-необходимаго рабочаго времени, устранимы, и мы имѣемъ право сказать, что *цѣнность продукта измѣряется количествомъ кристаллизованной въ немъ трудовой энергіи.*

§ 3. Представленіе о мѣновой цѣнности, или просто цѣнности, составляетъ основное понятіе въ политической экономіи; поэтому посмотримъ, какъ развивалось это понятіе исторически.

Первый, кто далъ сознательное и тривіально-ясное опредѣленіе мѣновой цѣнности, говоритъ Марксъ, былъ Веніаминъ Франклинъ, который въ своемъ первомъ, юношескомъ трудѣ, изданномъ въ 1721 году, формулировалъ этотъ основной законъ политической экономіи. Въ названномъ трудѣ онъ указываетъ, что выраженіе цѣнности въ благородныхъ металлахъ не есть опредѣленіе цѣнности, такъ какъ и цѣнность самыхъ этихъ металловъ измѣряется трудомъ, затраченнымъ на ихъ добычу. «Трудомъ, говоритъ онъ, можно измѣрять цѣнность серебра и золота такъ же, какъ и другихъ предметовъ». Къ сожалѣнію, это вполнѣ правильное воззрѣніе, будучи выражено въ небольшой, имѣвшей лишь временный интересъ, брошюрѣ, не оставило слѣдовъ въ экономической наукѣ,—почему позднѣйшія ученія и не находятся въ преемственной связи съ этой первой ясной формулой мѣновой цѣнности. Вотъ почему въ теоріи цѣнности надо считать книгу Ад. Смита «О природѣ и причинахъ богатства народовъ» весьма важной, такъ какъ только ученіе, изложенное здѣсь, послужило отправнымъ пунктомъ для другихъ авторовъ.

Прежде всего Адаму Смиту принадлежитъ очень важная заслуга въ постановкѣ самаго вопроса о цѣнности, въ томъ именно видѣ, какъ его изучаетъ политическая экономія. Онъ первый ясно противополагаетъ цѣнность потребительную и цѣнность мѣновую: первая есть «полезность предмета», вторая—«власть, предоставляемая предметомъ покупать за него другіе предметы». Потребительная цѣнность вещи отнюдь не опредѣляетъ ея мѣновой цѣнности. Это, по мнѣнію Ад. Смита, явствуетъ уже изъ того, что существуютъ предметы, имѣющіе очень большую полезность (потребительную цѣнность) и вовсе не имѣющіе мѣновой цѣнности (напр. вода), и обратно: предметы съ малой потребительной

цѣнностью и съ очень большой мѣновой (алмазъ). На вопросъ, что же составляетъ настоящую мѣру мѣновой цѣнности, Ад. Смитъ даетъ очень опредѣленный отвѣтъ: «трудъ есть дѣйствительная мѣра мѣновой цѣнности всякаго предмета мѣны». Неудобства измѣренія труда заставляютъ производить обмѣнъ не непосредственно, высчитывая дѣйствительную цѣну товара, а по его «нарицательной цѣнѣ», выражаемой деньгами. Но самыя деньги не имѣютъ постоянной цѣны, и цѣнность ихъ, какъ и всякаго товара, колеблется въ зависимости отъ трудности или легкости ихъ добыванія. Такимъ образомъ, онѣ не могутъ быть дѣйствительнымъ мѣриломъ мѣновой цѣнности. «Но одинаковыя количества труда во всѣ времена и во всѣхъ странахъ представляли одинаковую цѣнность для работника, ибо, при обыкновенномъ состояніи здоровья, силы и дѣятельности, при обыкновенной степени ловкости и расторопности, ему необходимо пожертвовать тою же частью досуга, свободы и благополучія». Такимъ образомъ, рѣшая вопросъ о мѣрѣ мѣновой цѣнности, Ад. Смитъ вполнѣ опредѣленно указываетъ на роль труда. Однако, вглядываясь ближе въ его разсужденія, замѣчаемъ, что, не смотря на это, подъ трудомъ, опредѣляющимъ по Смиту дѣйствительную цѣну товара, разумѣются двѣ различныя величины: то—это трудъ, уже заключенный въ товарѣ, т. е. потребленный для производства его, то—тотъ трудъ, который можно купить за данный товаръ. «Дѣйствительная цѣна всякой вещи, т. е. то, что въ самомъ дѣлѣ стоитъ вещь тому, кто желаетъ пріобрѣсти ее—это трудъ и усилія, какіе необходимо употребить для пріобрѣтенія ея. А дѣйствительная цѣнность вещи тому, кто пріобрѣлъ ее и желаетъ сбыть, или промѣнять ее за другую вещь—это трудъ и усилія, которые могутъ быть сбережены обладаніемъ ею, или которые могутъ быть получены отъ другихъ людей при ея содѣйствіи». Но и помимо этой двойственности въ пониманіи слова трудъ, Ад. Смитъ въ дальнѣйшемъ анализѣ цѣнности отступаетъ отъ выставленныхъ имъ положеній. Разсматривая, изъ какихъ элементовъ слагается цѣна товара, онъ находитъ, что только при первобытномъ и грубомъ состояніи общества, предшествующемъ накопленію капиталовъ и обращенію въ собственность земель, «единственной мѣрой цѣнности предметовъ мѣны служитъ, кажется, количество труда, необходимаго для пріобрѣтенія этихъ предметовъ». Какъ только скопится нѣкоторое количество капиталовъ у отдѣльныхъ людей, то между ними не замедлятъ явиться такіе, которые «захотятъ употребить эти капиталы на заказъ труда работающимъ людямъ: поэтому, помимо труда, въ цѣну товаровъ входитъ и та прибыль, какую захочетъ получить капиталистъ, рискнувшій употребить на это дѣло свои капиталы». Но это еще не все: далѣе, говоритъ онъ, «съ того момента, какъ земля въ какой-либо странѣ сдѣ-

лалась предметомъ частной собственности, владѣльцы ея, какъ вообще свойственно людямъ, охотно стали собирать тамъ, гдѣ они не сѣяли, и требовать себѣ ренту за естественныя произведенія земли». Такимъ образомъ и земельная рента входитъ въ цѣну товара, такъ что цѣна товара слагается изъ трехъ элементовъ: *заработной платы, прибыли на капиталъ и ренты*, при чемъ въ различные товары каждый элементъ входитъ въ различныхъ отношеніяхъ, а рента и прибыль могутъ и вовсе не входить. Замѣчательно, что, не смотря на подобный выводъ, Ад. Смитъ вовсе не устраняетъ труда, какъ единственной мѣры мѣновой цѣнности. «Трудъ измѣряетъ цѣнность не только той части цѣны, которая разлагается на трудъ, но и тѣхъ частей, которыя разлагаются на ренту съ земли и на прибыль съ капитала». Здѣсь уже Ад. Смитъ прямо указываетъ, что цѣнность опредѣляется не вложеннымъ въ вещь трудомъ, а тѣмъ трудомъ, который данная вещь можетъ купить. Наконецъ, говоря о колебаніяхъ цѣны, А. Смитъ вводитъ понятіе *«рыночной»* цѣны, которую противополагаетъ естественной цѣнѣ. Рыночная—это та реальная цѣна, по которой товаръ идетъ въ данную минуту на данномъ рынкѣ и которая подвержена колебаніямъ. «Рыночная цѣна каждаго отдѣльнаго товара опредѣляется отношеніемъ между количествомъ его, существующимъ на рынкѣ, и требованіемъ лицъ, желающихъ купить его по естественной цѣнѣ. Естественная же цѣна есть сумма *среднихъ* или обыкновенныхъ для даннаго времени и для даннаго мѣста—заработной платы, прибыли и ренты, и она постоянна и представляетъ средоточіе, къ которому стремятся рыночныя цѣны всѣхъ товаровъ... Различныя случайныя обстоятельства могутъ держать ихъ нѣкоторое время выше или ниже этой цѣны, тѣмъ не менѣе цѣны постоянно къ ней стремятся».

Такимъ образомъ, по ученію Ад. Смита, существуетъ естественная цѣна, которая опредѣляетъ рыночную, хотя спросъ и предложеніе обусловливаютъ временныя колебанія цѣнъ на рынкѣ. Наравнѣ съ этимъ онъ признаетъ, что слагаемыя, образующія естественную цѣну, т. е. «средняя» или «обыкновенная» заработная плата, рента и прибыль опредѣляются для каждаго общества условіями спроса и предложенія, *а не трудомъ*.

Теорія цѣнности Ад. Смита не удовлетворила Рикардо, и именно этому ученому принадлежитъ дальнѣйшая разработка этой теоріи.

Рикардо присоединяется къ опредѣленіямъ Ад. Смита относительно потребительной и мѣновой цѣнности товаровъ. Всѣ предметы мѣны онъ подраздѣляетъ на двѣ категоріи: 1) на такіе, которыхъ цѣнность опредѣляется ихъ рѣдкостью, и 2) на такіе, для которыхъ мѣрою цѣнности служитъ трудъ. Къ первой категоріи относятся предметы, «цѣнность которыхъ зависитъ отъ состоянія вкусовъ и капризовъ лицъ, желающихъ обладать ими» (художественныя произведенія, рѣдкія монеты, изыскан-

ныя вина и т. п.). Ко второй — «наибольшее количество предметовъ, которыми желаютъ люди обладать и которые составляютъ результатъ промышленности и количество коихъ можетъ быть увеличиваемо до предѣла, который можно назвать почти безграничнымъ». Оставляя въ сторонѣ первую категорію—какъ не типичную, Рикардо всѣ свои выводы относитъ ко второй. По поводу ученія Ад. Смита о цѣнности Рикардо говоритъ: «Ад. Смитъ, опредѣливши съ такою точностью первоначальный источникъ мѣновой цѣнности, не пошелъ этимъ путемъ. а создалъ новую мѣру, о которой утверждаетъ, что вещи имѣютъ то большую, то меньшую цѣнность, смотря по количеству этой мѣры, получаемой въ обмѣнъ за нихъ... Разъ онъ говоритъ, что такова цѣнность хлѣба, другой разъ— труда: не того труда, который затраченъ на производство вещи, а того, который можетъ быть купленъ вещью, какъ будто это равнозначительныя выраженія... Если бы количество труда, заключенное въ продуктѣ, и количество труда, которое этотъ продуктъ можетъ купить. были равны, то то и другое количество могло бы служить безразлично мѣрою цѣнности другихъ предметовъ. Но эти два вида труда были бы тождественны только тогда, если бы вознагражденіе рабочаго находилось всегда въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что онъ производитъ». «Но, съ другой стороны», говоритъ Рикардо, «нельзя не раздѣлять взгляда Ад. Смита. что отношеніе между количествами труда, потребными на пріобрѣтеніе различныхъ предметовъ, составляетъ единственное условіе, которое можетъ установить нѣкоторое правило для обмѣна однихъ товаровъ на другіе». Иными словами, поясняетъ Рикардо, это значитъ,что «настоящую и прошедшую относительную цѣнность товаровъ опредѣляетъ то сравнительное количество товаровъ, которое производится трудомъ, а не тѣ сравнительныя количества ихъ, которыя даютъ рабочему въ обмѣнъ за его трудъ». Этимъ Рикардо показалъ, что онъ, въ противоположность Ад. Смиту, понималъ, что цѣнность труда вовсе не является той постоянной величиной, съ которой можно сравнивать цѣнности, какъ думалъ Ад. Смитъ: напротивъ, она сама, какъ заработная плата, находится въ зависимости отъ цѣнности продуктовъ, потребляемыхъ работникомъ, и колеблется въ соотвѣтствіи съ колебаніемъ цѣнности этихъ матеріаловъ. Итакъ, у Рикардо, вмѣсто неопредѣленнаго представленія о трудѣ, какъ опредѣлителѣ цѣнности, отъ котораго зависитъ цѣнность предметовъ, мы находимъ вполнѣ опредѣленное понятіе о трудѣ, какъ о творцѣ цѣнности, измѣряемомъ рабочимъ временемъ, такъ что основной тезисъ трудовой теоріи цѣнности является вполнѣ выраженнымъ.

Ад. Смитъ, какъ мы видѣли, отступаетъ отъ трудовой теоріи, утверждая, что цѣна слагается изъ трехъ элементовъ: ренты, заработ-

ной платы и прибыли на капиталъ. Рикардо же утверждаетъ, что при всякой организаціи производства «мѣновая цѣнность произведенныхъ предметовъ пропорціональна труду, употребленному на ихъ производство, и не только на ихъ производство, но и на фабрикацію орудій и машинъ, необходимыхъ въ той отрасли, которая производитъ». На сложномъ примѣрѣ производства пары чулокъ Рикардо иллюстрируетъ, какъ должно производить суммированіе всѣхъ категорій труда, затраченныхъ въ ихъ производствѣ, начиная съ обработки плантацій хлопчатника и кончая доставкой чулокъ на рынокъ. Оказывается именно, что капиталы постольку входятъ въ цѣнность продукта, поскольку заключенный въ нихъ трудъ переносится на данный продуктъ, т. е. постольку, поскольку они потребляются въ производствѣ. Прибыль съ капитала, равно какъ размѣръ заработной платы не оказываютъ вліянія на величину цѣнности продукта производства. Для Рикардо цѣнность всецѣло опредѣляется вложеннымъ въ производство трудомъ, а отнюдь не является результатомъ суммированія ренты, заработной платы и прибыли. Совершенно обратно—общая сумма этихъ элементовъ зависитъ отъ цѣнности продукта производства, и величина этой цѣнности только распредѣляется между этими долями. Поэтому, повышеніе или пониженіе заработной платы отнюдь не вліяетъ на цѣнность, а измѣняетъ только уровень прибыли, и обратно. Въ другомъ мѣстѣ, однако, говоря о вліяніи машинъ на стоимость произведенныхъ при ихъ помощи товаровъ, Рикардо,—не съумѣвши разобраться въ этомъ вопросѣ,—приходитъ къ выводу, что фабрикантъ долженъ присоединить къ цѣнности товара прибыль на капиталъ въ машинахъ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Рикардо очень удачно выдѣлилъ всѣ основные элементы трудовой теоріи цѣнности и имѣлъ вполнѣ правильныя представленія о цѣнности. Однако, онъ самъ съузилъ сферу приложенія своихъ выводовъ, создавъ категорію товаровъ, цѣнность которыхъ опредѣляется вопреки трудовой теоріи. Таковы земледѣльческіе продукты, цѣна которыхъ, правда, опредѣляется также количествомъ затраченнаго на производство ихъ труда, но только для тѣхъ участковъ, которые поставляютъ на рынокъ хлѣбъ изъ мѣстностей, наиболѣе неблагопріятно расположенныхъ и, слѣдовательно, производящихъ хлѣбъ наиболѣе дорого. Производители же, земли которыхъ ближе къ рынку, или выше по качеству, имѣютъ возможность получать за свой хлѣбъ цѣну, превышающую нормальную цѣнность его.

Дальнѣйшее развитіе теоріи цѣнности и исправленіе ошибокъ Рикардо мы находимъ наиболѣе ясно выраженными у Маркса и Родбертуса съ ихъ учениками. Многочисленные же экономисты, писавшіе послѣ Рикардо, или почти буквально слѣдовали за ученіемъ Рикардо, допуская

тѣ или другія перефразировки его выводовъ, или старались весьма неудачно установить новый принципъ, объясняющій размѣры мѣновой цѣнности.

Ближайшіе послѣдователи Рикардо—Джемсъ Милль, Макъ-Куллохъ и Джонъ-Стюартъ Милль, какъ и позднѣйшіе представители школы такъ называемой классической экономіи, не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ, приняли въ общихъ чертахъ его ученіе о цѣнности, или въ своихъ отступленіяхъ искажали ученіе Рикардо. Такъ напр. Дж. Ст. Милль говоритъ: «подъ мѣновой цѣнностью вещи мы разумѣемъ ея общую покупательную силу, размѣръ той возможности, которую она даетъ своему владѣльцу пріобрѣтать товары вообще». Въ общемъ, слѣдовательно, здѣсь повторяется опредѣленіе Ад. Смита, что составляетъ шагъ назадъ сравнительно съ Рикардо. Но далѣе отступленіе еще увеличивается, ибо по Миллю мѣриломъ цѣнности являются «издержки производства». Этотъ терминъ, правда, употребляетъ часто и самъ Рикардо, но онъ отождествлялъ его всецѣло съ трудомъ. Однако, подобную замѣну термина «трудъ» терминомъ «издержки производства» нельзя считать удачной. Не говоря уже о частно-хозяйственномъ характерѣ этаго термина, отождествленіе издержекъ производства съ трудомъ дѣлаетъ совершенно невозможнымъ рѣшеніе вопроса о происхожденіи прибыли съ капитала. Дѣйствительно, если цѣнность продукта вполнѣ соотвѣтствуетъ издержкамъ капиталиста, то продуктъ производства долженъ быть равноцѣненъ суммѣ издержекъ производства, и происхожденіе прибыли въ процессѣ производства необъяснимо.

Ученіе сѣверо-американскаго экономиста Кэри (Carey) въ общемъ также очень близко подходитъ къ воззрѣніямъ Рикардо. Цѣнность онъ опредѣляетъ, какъ «власть природы надъ человѣкомъ». Если отбросить специфическую терминологію Кэри, то подъ этимъ опредѣленіемъ нужно понимать ту мысль, что величина цѣнности обусловливается степенью совершенства техническихъ пріемовъ. По его воззрѣніямъ, цѣнность опредѣляется не тѣми издержками производства (трудъ), которыя пошли на созданіе данной вещи, но тѣми, которыя нужны на ея созданіе въ моментъ обмѣна, т. е. на ея «воспроизведеніе»; а такъ какъ поступательное движеніе техники не прекращается, то цѣнность вещей постоянно ниже реальныхъ издержекъ производства и соотвѣтствуетъ издержкамъ производства, необходимымъ на воспроизведеніе вещи при данномъ уровнѣ техники. Такимъ образомъ для Кэри цѣнность уже созданной вещи находится въ постоянномъ движеніи и постоянно падаетъ. Нельзя не согласиться съ Кэри, что дѣйствительно цѣнность части имѣющихся на рынкѣ товаровъ опредѣляется по аналогіи съ цѣнностью послѣднихъ по времени производства продуктовъ подобнаго рода, но во всякомъ

случаѣ его положеніе не опредѣляетъ цѣнности этихъ послѣднихъ продуктовъ, которые составляютъ большинство товаровъ и для которыхъ остается правильною теорія Рикардо.

Но какъ бы то ни было, теорія Кэри, какъ и теорія издержекъ производства, по вѣрному замѣчанію Зибера, «носятъ характеръ объективныхъ теорій». Всѣ писатели, придерживающіеся теоріи издержекъ производства, какъ регулятора мѣновыхъ пропорцій, отрицали временное и случайное дѣйствіе спроса и предложенія на эти пропорціи. Между тѣмъ существуютъ экономисты, которые, наоборотъ, въ основу рѣшенія этаго вопроса кладутъ исключительно теорію спроса и предложенія. Въ чистомъ видѣ мы ее находимъ у автора «Словаря политической экономіи» Маклеода, но собственно, по существу, его теорія представляетъ много общаго съ теоріей «настоятельности потребностей», которая, въ лицѣ Бёмъ-Баверка и другихъ представителей современной науки, нашла себѣ довольно много поклонниковъ, особенно въ Австріи. По этому ученію, цѣнность (эти авторы избѣгаютъ употреблять терминъ «мѣновая цѣнность») предмета тѣмъ выше, чѣмъ настоятельнѣе потребность въ немъ. Но и у Бёмъ-Баверка, когда рѣчь заходитъ объ опредѣленіи дѣйствительной мѣновой цѣнности, вся суть оказывается въ величинѣ спроса и предложенія. Разумѣется, подобное опредѣленіе не можетъ выдержать научной критики, такъ какъ оно ставитъ величину цѣнности въ зависимость отъ временнаго и случайнаго элемента, ибо потребность можетъ быть настоятельна въ одно время и совершенно не существовать въ другое. Маклеодъ доходитъ до утвержденія, что «не трудъ придаетъ цѣну продукту, а цѣнность продукта привлекаетъ трудъ, и поэтому не производитель, а потребитель создаетъ цѣну продукта». «Если-бы трудъ создавалъ цѣнность, то мусоръ, вынутый изъ колодца, имѣлъ бы большую цѣнность, тогда какъ алмазъ, найденный на поверхности земли, не имѣлъ бы никакой цѣны».

Однако и Маклеодъ, выступая противъ издержекъ производства, находитъ, что она понятна, хотя лишь въ томъ смыслѣ, что никто не согласится продать предметъ за цѣну, меньшую его издержекъ производства. «Но никакое измѣненіе въ издержкахъ не вызоветъ измѣненія въ цѣнности, если не сопровождается измѣненіемъ въ спросѣ и предложеніи». «Если бы издержки перевозки прибавляли нѣкоторую цѣнность къ предмету, то выходило бы, что масло, провезенное 20 разъ взадъ и впередъ изъ Марселя въ Парижъ стоило бы больше перевезеннаго одинъ разъ на сумму, въ 20 разъ бо́льшую издержекъ перевозки». Такимъ образомъ, авторъ, какъ въ первомъ, такъ и второмъ примѣрѣ, беретъ отдѣльные случаи и дѣлаетъ изъ нихъ заключенія по отношенію къ нормальному ходу экономическихъ явленій. «Вообще вѣдь алмазовъ

не собираютъ на улицахъ», справедливо замѣчаетъ Зиберъ, «и никто не станетъ возить масло 20 разъ взадъ и впередъ».

Къ довершенію несообразности, всѣ авторы, признающіе за спросомъ и предложеніемъ значеніе регулятора цѣнности, вмѣстѣ съ тѣмъ признаютъ, что нормально спросъ и предложеніе находятся въ равновѣсіи, то есть предложеніе соотвѣтствуетъ какъ разъ установившемуся спросу. Въ этотъ моментъ, слѣдовательно, не остается уже никакого регулятора цѣнности, или придется обратиться къ тому же, только что отвергнутому регулятору—издержкамъ производства.

Еще менѣе научна, наконецъ, теорія Бастіа, который говоритъ, что полезность—качество предметовъ, а цѣнность—качество услугъ. Но въ концѣ концовъ и эта теорія сводится къ теоріи настоятельности потребностей, съ тою разницею, что здѣсь цѣнность придается и нематеріальнымъ предметамъ, и настоящимъ услугамъ, напр. обученію грамотѣ.

Въ заключеніе этаго краткаго очерка замѣтимъ, что всѣ попытки опровергнуть трудовую теорію цѣнности нельзя признать удачными. Главныя возраженія противъ этой теоріи возникали до появленія 3-го тома «Капитала» Маркса оттого, что оппоненты не находили возможнымъ объяснить на основаніи этой теоріи образованія средняго уровня прибыли и нѣкоторыхъ другихъ явленій. Особенно смущаетъ всѣхъ теорія ренты Рикардо, по которой оказывалось, что земледѣльческіе продукты въ значительной степени не подчиняются закону обращенія по цѣнности, измѣряемой количествомъ употребленнаго на производство ихъ труда. Въ виду связи этихъ возраженій съ ученіемъ о прибыли и рентѣ, мы и упомянемъ о нихъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ.

§ 4. Хотя, какъ мы видѣли, количество общественно-необходимаго простого рабочаго времени, потраченнаго на производство товара, опредѣляетъ его мѣновую цѣнность, но при современной денежной формѣ обмѣна, трудовая основа цѣнности является скрытою. Анализъ и ближайшее разсмотрѣніе эволюціи формъ обмѣна покажетъ намъ, однако, что денежная форма его есть дальнѣйшее развитіе непосредственной формы и отнюдь не противорѣчитъ трудовой теоріи цѣнности.

Первоначально, когда натуральное хозяйство является господствующимъ, обмѣнъ,—хотя и слабый,—имѣетъ однако уже мѣсто. Избытки, остающіеся по удовлетвореніи потребностей группы, выносятся на рынокъ; въ такомъ случаѣ обмѣнъ между двумя общинами или семьями происходитъ непосредственно: x товара A мѣняется на y товара B. При каждомъ установленіи величинъ товаровъ A и B они пропорціональны труду, вложенному въ объектъ мѣны, и если x товара A признается равнымъ y товара B, то это значитъ, что на созданіе x товара A пошло столько же труда, какъ и на y товара B. Въ каждомъ процессѣ обмѣна въ этой

первоначальной его формѣ мы имѣемъ два товара, фигурирующіе различно. Тогда какъ для владѣльца товара A его избытокъ перестаетъ быть потребительной цѣнностью и теряетъ всякое значеніе внѣ обмѣна, т. е. представляется ему только какъ мѣновая цѣнность, товаръ владѣльца B имѣетъ для A прежде всего потребительную цѣнность, полученіе которой и составляетъ цѣль мѣновой сдѣлки. Поэтому говорятъ, что первый товаръ выражаетъ въ обмѣнѣ свою «относительную цѣнность» во второмъ товарѣ, который является какъ «эквивалентъ» его по цѣнности, т. е. равноцѣненъ ему. Для владѣльца B отношеніе будетъ обратное: товаръ A будетъ составлять эквивалентъ его товара, въ которомъ послѣдній выражаетъ свою относительную цѣнность. Съ теченіемъ времени, когда вступаетъ въ мѣновыя отношенія цѣлый рядъ другихъ общинъ или лицъ и вымѣниваютъ свой товаръ на различные продукты, процессъ обмѣна получаетъ слѣдующую форму: x товара $A = y$ товара $B = z$ товара C и т. д., т. е. эквивалентами одного товара явилось множество другихъ товаровъ. Постепенно, по мѣрѣ осложненія мѣновыхъ отношеній, въ процессѣ обмѣна выдѣляется изъ числа товаровъ, вступающихъ въ обмѣнъ, одинъ видъ товара, который охотнѣе другихъ принимается въ обмѣнъ за всякій другой товаръ, такъ какъ составляетъ предметъ общихъ желаній, въ которомъ весьма многіе нуждаются. При этомъ другіе товары часто начинаютъ обмѣниваться на такой товаръ и въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ товара, выражающаго свою относительную цѣнность, желаетъ получить въ окончательномъ результатѣ обмѣна въ качествѣ эквивалента (потребительной цѣнности) не этотъ общеполезный товаръ, а какой-либо иной; такимъ образомъ въ концѣ концовъ оказывается, что всѣ товары начинаютъ обмѣниваться на такой эквивалентъ, который можно всегда промѣнять на новый товаръ. Этотъ товаръ, слѣдовательно, служитъ *всеобщимъ эквивалентомъ* и получаетъ, кромѣ той потребительной цѣнности, которая присуща ему по его естественнымъ свойствамъ, еще спеціальную потребительную цѣнность—служить орудіемъ мѣны, т. е. онъ дѣлается деньгами, всеобщимъ эквивалентомъ.

Денежная форма обмѣна будетъ такова:

x товара $A = z$ денегъ $= y$ товара B.

Но тотъ товаръ, который сдѣлался общимъ эквивалентомъ—деньгами, продолжаетъ, конечно, оставаться товаромъ, и потому его количество z, дающееся въ обмѣнъ за x товара A и за y товара B, опредѣляется количествомъ общественно-необходимаго простого рабочаго времени (или трудовой энергіи), пошедшаго на производство z единицъ денежнаго товара.

Такимъ образомъ и при денежной формѣ количества товаровъ, счи-

тающіяся равными въ процессѣ обмѣна, опредѣляются равенствомъ затраченной на ихъ производство трудовой энергіи.

Фактическая исторія развитія мѣновыхъ отношеній между людьми показываетъ, что первоначально въ роли денегъ являлись самые разнообразные товары, но всегда такіе, которые представляли опредѣленную, для всѣхъ необходимую цѣнность. Такъ, въ однѣхъ странахъ всѣ товары обмѣнивались на соль, въ другихъ—на рогатый скотъ, въ третьихъ—на шкуры пушныхъ звѣрей, и т. д. Затѣмъ постепенно эти деньги стали замѣняться металлическими, при чемъ въ роли денегъ фигурировали, смѣняя другъ друга, различные металлы, и сначала не въ формѣ монетъ, а въ формѣ слитковъ. Только съ установленіемъ монеты изъ золота и серебра, въ силу особой пригодности этихъ металловъ, какъ денегъ (о чемъ подробнѣе въ отдѣлѣ объ обращеніи), обмѣнъ могъ принять всѣ тѣ сложныя формы и достигнуть такого развитія, какое мы видимъ теперь. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ этаго же момента начинается ростъ капитала въ отдѣльныхъ рукахъ.

Разъ золото *) сдѣлалось постоянными, общепринятыми деньгами, т. е. разъ оно, помимо присущей ему, по его природнымъ свойствамъ, потребительной цѣнности, пріобрѣло новую—служить всеобщимъ денежнымъ эквивалентомъ, оно стало являться не только орудіемъ мѣны и посредствующимъ звеномъ въ процессѣ обращенія, но само стало цѣлью этаго обращенія.

Обыкновенная денежная форма обращенія такова:

Т—Д—Т′, т е. товаръ (Т), мѣняющійся на деньги (Д), которыя снова обмѣниваются на товаръ (Т′); или, иначе сказать, происходитъ продажа (обмѣнъ товара на деньги) ради покупки (обмѣна денегъ на товаръ).

Весь смыслъ этой формулы заключается въ пріобрѣтеніи вмѣсто ненужнаго товара Т другого, нужнаго, Т′, который и потребляется, выходя тѣмъ самымъ изъ процесса обращенія. Здѣсь, слѣдовательно, деньги являются настоящимъ посредникомъ при мѣновой сдѣлкѣ, цѣль которой—обмѣнъ двухъ разнородныхъ потребительныхъ цѣнностей одной на другую.

§ 5. Деньги въ только что разсмотрѣнной формулѣ фигурируютъ, какъ эквивалентъ цѣнности обоихъ товаровъ, и цѣнность,—какъ товара, начавшаго процессъ обращенія, такъ и завершившаго его—одинакова; они отличаются только какъ потребительныя, а не какъ мѣновыя цѣнности, почему въ результатѣ такого обмѣна не можетъ произойти скопленія цѣнностей въ однѣхъ рукахъ.

Но когда деньги—золото—сами по себѣ становятся предметомъ желаній, то на ряду съ первой формулой обращенія товаровъ является дру-

*) Говоримъ для краткости „золото“, разумѣя вообще монетные металлы.

гая, именно: Д—Т—Д′, т. е. на данную сумму денегъ пріобрѣтается какой-либо товаръ съ цѣлью его продажи; слѣдовательно, имѣетъ мѣсто покупка ради продажи, а не продажа ради покупки, какъ въ формулѣ: Т—Д—Т′. Ясно, что подобный обмѣнъ имѣетъ смыслъ только тогда, если товаръ, купленный за деньги, продается за бо́льшее количество денегъ, т. е. Д′>Д, или: Д—Т—(Д+d).

Это d, или денежное приращеніе,—являющееся кажущимся результатомъ обращенія,—и составляетъ цѣль обмѣна по второй формулѣ, которая въ окончательномъ результатѣ представляетъ обмѣнъ денегъ на деньги. Приростъ d, получающійся въ результатѣ процесса, мы будемъ называть «прибавочною цѣнностью» (Mehrwerth) (по Марксу).

Получаемая въ результатѣ формы обращенія Д—Т—Д′ денежная сумма можетъ быть снова пущена въ обращеніе и возрасти на новое d или иную величину. Такимъ образомъ, въ самой формѣ обращенія даннаго вида уже лежитъ возможность безконечнаго повторенія процесса и возрастанія денежной суммы въ рукахъ ея первоначальнаго владѣльца. Пополняемая подобнымъ процессомъ, она можетъ быть реализована въ крупный капиталъ. Первая изъ указанныхъ нами формулъ: Т—Д—Т′ имѣетъ мѣсто во всякомъ обществѣ, основанномъ на обмѣнѣ, вторая,—Д—Т—Д′, характеризуетъ капиталистическій строй общества. Каждый купецъ пріобрѣтаетъ отъ производителей товары не съ цѣлью ихъ потребленія, а ради перепродажи за бо́льшія деньги. Съ перваго взгляда появленіе прибавочной цѣнности есть, повидимому, непримиримое противорѣчіе основамъ трудовой теоріи цѣнности: если товаръ Т пріобрѣтается за сумму Д, то это значитъ, что въ немъ и въ этой суммѣ денегъ находится равное количество цѣнносте-образовательной субстанціи, т. е. общественно-необходимаго простого рабочаго времени или трудовой энергіи; если же, затѣмъ, тотъ же товаръ продается уже за Д+d денежнаго товара, то при этомъ нарушается принципъ равенства цѣнностей обмѣнивающихся товаровъ. Это недоразумѣніе разрѣшается, однако, довольно просто, если принять во вниманіе, что формула Д—Т—Д′ выражаетъ соединеніе двухъ актовъ, именно: покупки товара—Д—Т, и затѣмъ—продажи товара, при чемъ послѣдній товаръ можетъ быть и не тождественъ съ купленнымъ товаромъ, т. е. будетъ: Т′—Д′. Дѣло въ томъ, что между процессомъ покупки и процессомъ продажи вставляется актъ потребленія купленнаго товара, въ данномъ случаѣ именно потребленія въ производствѣ,—актъ, результатомъ котораго является другой товаръ, который уже выносится на рынокъ и продается за высшую цѣну, чѣмъ купленный товаръ.

Но какой же товаръ долженъ быть пріобрѣтенъ на рынкѣ, чтобы его потребленіе дало въ результатѣ приращеніе цѣнности? Мы знаемъ уже, что цѣнность товара есть слѣдствіе траты трудовой энергіи, и потому

потребленіе купленнаго товара должно было дать увеличеніе вложенной въ товаръ субстанціи, образующей цѣнность, т. е. трудовой энергіи. Но послѣдняя неразрывно связана съ организмомъ работника, и, значитъ, на рынкѣ должна быть куплена та рабочая сила, носителемъ которой является работникъ. Эта покупка рабочей силы носитъ названіе найма работника и даетъ возможность, примѣняя эту силу въ производствѣ, получить въ результатѣ увеличеніе цѣнности.

Такимъ образомъ прибавочная цѣнность есть результатъ производства, а не обмѣна, и въ торговлѣ (на рынкѣ),—то d, которое получилось въ производствѣ, принимаетъ только денежную форму и является въ видѣ платы капиталисту за доставку на рынокъ продуктовъ его производства.

§ 6. Чтобы понять образованіе прибавочной цѣнности въ процессѣ производства, надо посмотрѣть, изъ какихъ послѣдовательныхъ актовъ слагается оно въ обществѣ съ развитымъ обмѣномъ и при существованіи капитала.

Владѣлецъ денегъ-капиталистъ, прежде чѣмъ приступить къ самому производству, долженъ вступить въ обмѣнъ съ владѣльцами необходимыхъ ему элементовъ производственнаго процесса, т. е. сырого матеріала, орудій труда и рабочей силы—это первый актъ процесса: Д—Т. Заключительнымъ актомъ является вновь обмѣнъ: продукты производства отчуждаются нуждающимся въ нихъ, какъ въ потребительныхъ цѣнностяхъ, а капиталистъ взамѣнъ получаетъ денежную сумму, бо́льшую, чѣмъ первоначально затраченная имъ. Этотъ послѣдній фазисъ процесса можетъ быть выраженъ формулой Т′—(Д+d). Между обоими актами обмѣна помѣщается производство, т. е. производительное потребленіе капиталистомъ купленнаго имъ товара: сырой матеріалъ потребляется, переставая существовать какъ таковой, претворяясь въ новый товаръ; машины стираются, топливо исчезаетъ, и рабочая сила расходуется; результатомъ этаго производительнаго потребленія является новый товаръ.

Но, какъ сказано, для того, чтобы въ результатѣ процесса производства получилось увеличеніе денежной суммы, необходимо, чтобы въ этомъ процессѣ капиталистъ потребилъ товаръ, обладающій способностью создавать мѣновую цѣнность, такъ какъ Д′ только тогда будетъ больше Д, если къ цѣнности товара Т будетъ придана новая цѣнность для произведенія товара Т′. Чтобы повысилась цѣнность Т, капиталистъ долженъ прибавить къ нему цѣнносте-сбразовательную субстанцію, а таковою, какъ мы знаемъ, является только человѣческая рабочая сила, т. е. къ товару долженъ быть приложенъ трудъ. Слѣдовательно, причину образованія прибавочной цѣнности надо искать въ потребленіи капиталистомъ наемнаго труда и въ условіяхъ его пріобрѣтенія. Сколь совершенны ни были бы машины капиталиста и какъ бы доброкачественъ ни былъ его сырой матеріалъ,—потребленіе ихъ въ производствѣ все-таки не создастъ новой цѣн-

ности, а только сохранитъ первоначальную цѣнность матеріала и машинъ, перенеся эту цѣнность на цѣнность произведеннаго продукта.

Однако, капиталистъ не получаетъ рабочей силы даромъ; при капиталистическомъ строѣ уже не существуетъ принудительной кооперації, и рабочая сила фигурируетъ на рынкѣ въ видѣ товара, не отличающагося отъ другихъ товаровъ. Ею торгуютъ люди вдвойнѣ свободные, т. е. съ одной стороны лишенные орудій труда и, слѣдовательно, не могущіе сдѣлаться самостоятельными производителями, а, съ другой стороны, располагающіе добровольно и свободно своими силами: капиталисту приходится пріобрѣтать образующій цѣнность товаръ, какъ и всякій другой, по его мѣновой цѣнности.

Мѣновая цѣнность рабочей силы, какъ и всякаго товара, должна опредѣляться количествомъ труда, необходимаго для ея созданія. Иначе говоря, цѣнность рабочей силы опредѣляется цѣнностью тѣхъ жизненныхъ средствъ, которыя необходимы для поддержанія существованія этой силы. Средства эти должны быть достаточны для покрытія траты рабочаго организма во время работы и, сверхъ того, тѣхъ тратъ, которыя необходимы на содержаніе семьи рабочаго, ибо въ противномъ случаѣ немыслимо было бы воспроизведеніе, а, слѣдовательно, и сколько-нибудь прочное и продолжительное существованіе возможности покупки рабочей силы, на которой основанъ весь капиталистическій строй. Мѣновая цѣнность рабочей силы такимъ образомъ вполнѣ опредѣляется физіологическими условіями рабочаго организма и общественнымъ положеніемъ класса, но вовсе не имѣетъ отношенія къ количеству цѣнности, производимой при помощи этой силы въ періодъ производства въ хозяйской мастерской. Эти двѣ величины, т. е., съ одной стороны, мѣновая цѣнность рабочей силы или ея выраженіе—заработная плата, и количество произведенной во время работы цѣнности, или, что то же, количество обнаруженной при работѣ трудовой энергіи—съ другой, настолько же отличны другъ отъ друга, какъ мѣновая и потребительная цѣнность каждаго товара. Заработная плата есть мѣновая цѣнность рабочей силы и опредѣляется цѣнностью производства этаго товара при данныхъ общественныхъ условіяхъ. Количество обнаруживаемой рабочимъ въ производствѣ трудовой энергіи есть выраженіе потребительной цѣнности рабочей силы, и ея размѣры опредѣляются прежде всего свойствами самаго товара, т. е. въ конечномъ счетѣ—силами, лежащими въ организмѣ рабочаго.

Покупка капиталистомъ рабочей силы является возможной и выгодной для капиталиста лишь при томъ необходимомъ условіи, чтобы мѣновая цѣнность, представляемая заработной платой, была менѣе той цѣнности, которую способно создать потребленіе той же рабочей силы въ производствѣ. Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что цѣнность, выплачивае-

мая капиталистомъ рабочему, равна цѣнности, производимой рабочимъ въ теченіе рабочаго дня. Положимъ, что рабочему требуется 2 руб. въ день для содержанія себя и семейства; пусть эти 2 руб. являются эквивалентомъ расхода рабочей силы въ теченіе восьми часовъ работы данной интенсивности. Рабочій день равняется также восьми часамъ. Если въ теченіе 8-ми часовъ труда рабочій потребитъ 10 ф. льна на 4 р. и за 8 часовъ работы истратится 0,01% машинъ, стоимость которыхъ равна 5000 р., т. е. на 50 коп., то издержки капиталиста на производство 10 ф. пряжи выразятся слѣдующей суммой: матеріалъ 4 р.+погашеніе 50 к.+2 р. платы рабочему.

Нанимая рабочаго, капиталистъ даетъ ему настоящую мѣновую цѣнность его рабочей силы, которая опредѣляется количествомъ и цѣнностью необходимыхъ для рабочаго потребительныхъ цѣнностей, т. е. будетъ равна 2 р.; поэтому 10 ф. пряжи обойдутся капиталисту въ 6 р. 50 к. (4 р.+50 к.+2 р.=6 р. 50), и мѣновая цѣнность продукта, т. е. пряжи, будетъ равна той же суммѣ, а эта мѣновая цѣнность опредѣляетъ цѣну продукта на рынкѣ. Слѣдовательно, продавъ продуктъ по его дѣйствительной мѣновой цѣнности, капиталистъ найдетъ, что затрата его равняется рыночной цѣнѣ продукта; прибавочная цѣнность не имѣетъ мѣста, и производство теряетъ всякій смыслъ для капиталиста.

Предположимъ теперь, что рабочій прибавляетъ больше цѣнности, чѣмъ получаетъ въ видѣ рабочей платы, напр. работая, при прочихъ равныхъ условіяхъ, не 8, а 12 часовъ въ сутки. При этомъ измѣняются всѣ элементы затраты капиталиста, кромѣ заработной платы; въ теченіе 12 часовъ рабочій потребитъ 15 ф. льна, стоимостью въ 6 р.; машинъ израсходуется на 75 коп.; плата же рабочему остается 2 р. Слѣдовательно, расходъ капиталиста выразится такъ:

6 р.+75 к.+2 р.=8 р. 75 к.

Мѣновая цѣнность продукта труда (15 ф. пряжи) будетъ равна 6 р.+75 к.+цѣнность, прибавленная рабочимъ въ теченіе 12-ти часовъ работы, а эта послѣдняя въ $1^1/_2$ раза болѣе эквивалента заработной платы, т. е. равняется въ денежной формѣ 3 р. Слѣдовательно, на рынкѣ за 15 ф. пряжи капиталистъ получитъ 9 р. 75 коп., и прибавочная цѣнность будетъ равна 1 р. Процессъ имѣетъ смыслъ для капиталиста. Этотъ примѣръ наглядно показываетъ, что образованіе прибавочной цѣнности въ формулѣ Д—Т—(Д+d) происходитъ въ силу того, что покупаемый капиталистомъ товаръ обладаетъ способностью, будучи потребленнымъ, т. е. обратившись въ потребительную цѣнность, создавать мѣновую цѣнность и притомъ бо́льшую, чѣмъ мѣновая цѣнность самого товара,— рабочей силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что образованіе прибавочной цѣнности не есть необходимое условіе всякаго производства, а резуль-

татъ того, что рабочая сила дѣйствуетъ болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ то необходимо для воспроизведенія цѣнности этой силы. При этомъ, слѣдовательно, производительность труда настолько велика, что производство продуктовъ, необходимыхъ для поддержанія жизни субъекта труда, не поглощаетъ всего его времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта высокая производительность труда, какъ и извѣстная продолжительность труда, являются не только необходимыми условіями образованія прибавочной цѣнности въ производствѣ, но и источникомъ образованія и накопленія капитала.

§ 7. Въ дѣйствительности въ первое время образованіе капитала происходило иначе. Исторически торговый капиталъ предшествовалъ капиталу производительному, и прежде чѣмъ капиталы были обращены на производство, они должны были возникнуть въ торговыхъ операціяхъ. Возможность «*первоначальнаго накопленія*» создавалась, можетъ быть, чаще всего тѣмъ, что данное лицо дѣлалось посредникомъ при продажѣ продукта и покупкѣ матеріала. Если напр. значительное число производителей, скажемъ, цѣлая деревня, передаетъ продуктъ своего труда посреднику, который беретъ на себя обязательство доставить товаръ на рынокъ, то этотъ посредникъ можетъ получать съ каждаго производителя за доставку товара даже меньшую сумму, чѣмъ та, въ какую обошлась бы самому владѣльцу товара доставка его на рынокъ, и, тѣмъ не менѣе, эта сумма покроетъ съ избыткомъ его путевыя издержки и оставитъ извѣстный плюсъ въ его пользу, вслѣдствіе того, что онъ доставляетъ на рынокъ одновременно произведенія многихъ производителей. Результатомъ длиннаго ряда подобныхъ комиссій явится скопленіе въ рукахъ посредника значительной денежной суммы, которая увеличивается затѣмъ въ силу того, что то же лицо принимаетъ на себя посредничество по закупкѣ матеріаловъ, и. въ концѣ концовъ, кредитуя кустарей, дѣлается фактическимъ хозяиномъ продукта.

Накопленіе капитала въ Европѣ происходило по крайней мѣрѣ отчасти только что описаннымъ путемъ и началось главнымъ образомъ со времени большихъ морскихъ открытій (Индіи, Америки) и доставки товаровъ за океанъ. Обогащеніе въ торговлѣ съ колоніями происходило, конечно, часто не простымъ обмѣномъ равноцѣнныхъ продуктовъ, а и обманами и грабежами колоній. Но такая торговля доставила только первые капиталы, и послѣдующее накопленіе происходило уже главнымъ образомъ путемъ примѣненія капитала въ производствѣ. Процессъ первоначальнаго накопленія многими писателями представляется такимъ образомъ, какъ будто это накопленіе и переходъ отъ ремесленнаго строя къ капиталистическому есть результатъ какихъ-то злокозненныхъ происковъ капиталистовъ и лицъ, заинтересованныхъ развитіемъ капитализма, каковы землевладѣльцы и проч.

На самомъ же дѣлѣ, какъ было отчасти указано во введеніи, и самыя морскія открытія XIV и XV вѣка были вызваны въ значительной мѣрѣ тѣмъ процессомъ, который происходилъ въ то время въ области земледѣлія въ Европѣ. Оказалось, что примѣнявшаяся въ то время техника земледѣлія неспособна уже давать достаточное для удовлетворенія потребностей населенія количество продуктовъ. Въ наиболѣе населенной части Европы господствовавшая система трехпольнаго хозяйства достигла къ тому времени предѣловъ своего развитія. Система эта, какъ извѣстно, состоитъ въ пользованіи полемъ главнымъ образомъ для посѣвовъ зернового хлѣба, посѣвовъ крайне однообразныхъ, быстро истощающихъ и засоряющихъ пашню. Между тѣмъ размноженіе населенія при господствѣ общиннаго строя побуждаетъ усиленно расширять пашни, въ ущербъ выгонамъ, лугамъ и лѣсамъ, а уничтоженіе этихъ угодій лишаетъ населеніе возможности имѣть достаточное количество наиболѣе простого и уже извѣстнаго удобренія—навоза, и, содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшенію климата, понижаетъ урожай. Начинаются періодическія и все чаще повторяющіяся голодовки, которыя и гонятъ населеніе изъ деревень. Населеніе перемерло бы съ голоду, если бы не нашлось возможности приложить трудъ въ какомъ-нибудь производствѣ или не явилось возможности выселиться въ новыя страны, гдѣ можно было получить въ изобиліи еще неистощенныя земли. И вотъ это населеніе, дѣйствительно, направляется значительными массами въ заокеанскія страны, — разъ только путь къ нимъ сдѣлался извѣстенъ; другая же часть его находитъ себѣ заработокъ въ деревнѣ или городѣ подъ руководствомъ капиталиста.

Такое руководство становится необходимостью, ибо только капиталистъ можетъ доставить рабочему отсутствующія у него средства производства и то только при возможности поднять производительность труда рабочаго, ибо капиталистъ долженъ разсчитывать доставить продуктъ на рынокъ (въ это время почти исключительно далекій, заморскій) по такой цѣнѣ, чтобы онъ нашелъ себѣ сбытъ.

Въ это время, слѣдовательно, капиталистъ является благодѣтелемъ голодной массы рабочихъ, хотя и наживается за счетъ произведенной этими рабочими прибавочной цѣнности. Кромѣ того, не маловажнымъ факторомъ въ дѣлѣ развитія въ первое время капиталистическаго производства явилась государственная власть. Но опять не потому только, какъ говорятъ нерѣдко, что это совпадало съ интересами господствующихъ классовъ, а потому, что иначе государство не могло существовать. Но на этомъ мы подробнѣе остановимся ниже, а теперь пойдемъ далѣе.

§ 8. Изъ сказаннаго о производствѣ прибавочной цѣнности мы видимъ, что надо различать время, расходуемое рабочимъ на воспроизведеніе цѣнности заработной платы, и время, употребленное на созданіе

прибавочной цѣнности: первое время можно назвать *«необходимымъ»*, второе — *«прибавочнымъ»*. Въ нашемъ примѣрѣ въ первомъ случаѣ «прибавочное время» вовсе отсутствовало, и потому не получилось и прибавочной цѣнности, а во второмъ оно равнялось четыремъ часамъ; «необходимое время» въ обоихъ случаяхъ было одинаково. Затраты капиталиста рѣзко распадаются на двѣ категоріи: 1) часть денегъ онъ расходуетъ на пріобрѣтеніе машинъ, сырого матеріала и др. необходимыхъ *средствъ производства*; всѣ эти расходы ему вернутся путемъ переноса ихъ цѣнности на продуктъ труда, но вернутся въ томъ же размѣрѣ, такъ какъ потребленіе во время производственнаго процесса тѣхъ товаровъ, которые пріобрѣтены были путемъ этихъ затратъ, не можетъ создать новой цѣнности; эту часть затратъ капиталиста Марксъ называетъ *«постояннымъ капиталомъ»*.

Другая часть денегъ расходуется капиталистомъ въ формѣ рабочей платы и реализуется въ видѣ цѣнносте-образовательнаго товара, т. е. рабочей силы. Эта часть денегъ возмѣщается въ теченіе необходимыхъ часовъ труда и приноситъ прибавочную цѣнность въ теченіе прибавочныхъ часовъ; Марксъ назвалъ ее *«перемѣннымъ капиталомъ»*.

Можно сказать, что трудъ представляется въ процессѣ производства въ двухъ различныхъ видахъ, изъ коихъ первый,—сохраняющій прежде-созданную цѣнность машинъ, матеріаловъ и пр.,—качественно отличенъ отъ второго, т. е. того вида труда, который создаетъ цѣнность. Какъ дѣятельность, сохраняющая цѣнность матеріаловъ и другихъ частей постояннаго капитала, трудъ долженъ быть непремѣнно трудомъ извѣстнаго рода, создающимъ извѣстную опредѣленную потребительную цѣнность, напр. трудомъ ткача—при созданіи полотна, или трудомъ портного—при созданіи сюртука. Но, какъ создатель мѣновой цѣнности, трудъ является просто расходомъ простой человѣческой рабочей силы, ибо мѣновыя цѣнности, произведенныя трудомъ данной интенсивности въ данное время, будутъ равны, независимо оттого, производству какихъ потребительныхъ цѣнностей былъ посвященъ трудъ. При этомъ всѣ части постояннаго капитала, какъ сказано, только сохраняются, а перемѣнный капиталъ придаетъ продукту новую цѣнность, и при томъ бо́льшую, чѣмъ величина самого перемѣннаго капитала, откуда и названіе перемѣннаго.

Сохраненіе цѣнности различныхъ составныхъ частей постояннаго капитала при помощи потребленія въ процессѣ производства совершается различнымъ образомъ. Тѣ части этаго капитала, которыя составляютъ то, что́ технически называется основнымъ матеріаломъ производства, или сырьемъ, прямо переходятъ своей тѣлесной сущностью въ тѣлесную форму продукта, при чемъ ихъ потребительная цѣнность, а иногда и ихъ физическія и химическія свойства могутъ измѣняться, но ихъ матеріальныя

составныя части содѣйствуютъ образованію самаго тѣла произведенной потребительной цѣнности. Другіе матеріалы, такъ называемые придаточные, не входятъ въ тѣло произведенной потребительной цѣнности, а просто потребляются во время процесса производства въ видахъ того или другого содѣйствія этому процессу. Таковы, напр., топливо, освѣтительные и смазочные матеріалы и т. п., потребительная цѣнность которыхъ исчезаетъ, уничтожается, а мѣновая переносится на произведенный продуктъ,—проще говоря,—эта цѣнность входитъ въ стоимость производства продукта.

Но затѣмъ въ числѣ постоянныхъ капиталовъ находятся и такіе, какъ орудія и машины, зданія разнаго рода, которые не должны терять своей потребительной цѣнности, какъ орудія труда, во все время своего употребленія въ производствѣ, и притомъ служатъ часто очень продолжительное время для приготовленія большого числа потребительныхъ цѣнностей — товаровъ. Тѣмъ не менѣе и потребительная, и мѣновая цѣнность ихъ постепенно теряется: машины стираются и, не смотря на постоянный ремонтъ ихъ, въ концѣ концовъ, дѣлаются негодными и, слѣдовательно, теряютъ всю свою мѣновую цѣнность. Поэтому на каждую единицу произведеннаго при ихъ помощи продукта переносится соотвѣтствующая часть ихъ мѣновой цѣнности. Слѣдовательно, капиталъ, заключенный въ машинахъ, орудіяхъ и т. п., участвуетъ въ производствѣ всей своей величиной, т. е. вся его потребительная цѣнность эксплуатируется при производствѣ новыхъ потребительныхъ цѣнностей—товаровъ; но въ образованіе цѣнности (мѣновой) товара онъ входитъ только частью своей мѣновой цѣнности, которая соотвѣтствуетъ величинѣ изнашиванія этой группы капиталовъ во время производства даннаго количества товара.

Дѣленіе капитала на постоянный и перемѣнный введено въ науку Марксомъ. Ранѣе различали капиталъ «основной» и «оборотный». «Основнымъ» капиталомъ называли всѣ тѣ части его, которыя существуютъ долгое время, передавая свою цѣнность постепенно продуктамъ труда и не измѣняя своей потребительной цѣнности въ процессѣ производства. Подъ «оборотнымъ» капиталомъ разумѣютъ всѣ остальныя составныя части капитала, которыя потребляются въ производствѣ, т. е. служатъ производству только однократно, уничтожаясь (топливо), или превращаясь въ новую потребительную цѣнность (сырой матеріалъ), или переходя въ рабочую силу въ видѣ рабочей платы. Въ основной капиталъ входили такимъ образомъ строенія и орудія труда, въ оборотный—плата рабочему, топливо, смазочные матеріалы и основной сырой матеріалъ [1]).

[1]) Въ русскихъ учебникахъ часто встрѣчается смѣшанная терминологія. Такъ гг. Чупровъ, Исаевъ и др. называютъ постояннымъ капиталомъ то, что классическая школа называла основнымъ.

Нужно замѣтить, что оба эти дѣленія капитала, т. е. и дѣленіе Маркса, и дѣленіе классической школы, равно имѣютъ, какъ увидимъ ниже, значеніе; послѣднее именно въ смыслѣ выдѣленія основного капитала изъ всей суммы постояннаго капитала Маркса. Для наглядности сопоставимъ оба дѣленія въ нижеслѣдующей таблицѣ:

По Марксу.		*По классической школѣ.*
1) Перемѣнный капиталъ — плата рабочимъ		1) Оборотный капиталъ.
2) Постоянный капиталъ	а) матеріалы всякаго рода	
	б) орудія, машины, зданія	2) Основной капиталъ.

Въ дѣленіи классической экономіи неправильнымъ является невыдѣленіе изъ общей массы оборотнаго капитала той доли, которая составляетъ перемѣнный капиталъ Маркса, т. е. рабочей платы, ибо эта доля, какъ показано выше, имѣетъ особое значеніе: съ точки зрѣнія общественной она совсѣмъ не составляетъ капитала, а въ капиталистическомъ производствѣ является производителемъ новой цѣнности. Но и дѣленіе Маркса необходимо должно быть дополнено выдѣленіемъ изъ «постояннаго» капитала той части, которую классическая экономія называла основнымъ капиталомъ, такъ какъ этотъ видъ капитала имѣетъ, какъ увидимъ ниже, особое значеніе въ процессѣ производства.

§ 9. Такъ какъ единственнымъ стимуломъ, побуждающимъ капиталиста употребить свой капиталъ на производство, является полученіе прибавочной цѣнности, то, изслѣдуя зависимость величины прибавочной цѣнности отъ разнообразныхъ условій производства, мы поймемъ основныя черты капиталистической формы хозяйства. Это мы и сдѣлаемъ теперь же.

Прибавочная цѣнность представляется, какъ излишекъ цѣнности продукта надъ суммою цѣнностей элементовъ его производства, т. е. сырыхъ матеріаловъ, орудій труда и рабочей силы. Но рабочая сила можетъ и не быть товаромъ: человѣкъ можетъ пользоваться своей рабочей силой, своимъ трудомъ для производства предметовъ, нужныхъ только для него самого, или и для рынка, но внѣ капиталистическаго производства. Но, и работая для себя, производитель можетъ работать больше времени, чѣмъ нужно для воспроизведенія цѣнности средствъ его существованія, и тогда произойдетъ прибавочная цѣнность, которая въ этомъ случаѣ останется въ рукахъ самого производителя.

На элементы производства былъ затраченъ нѣкоторый капиталъ K, который распадается на двѣ части: нѣкоторую сумму C, издержанную на средства производства, т. е. постоянный капиталъ, и на другую сумму V, издержанную на покупку рабочей силы. При этомъ подъ C мы въ нижеслѣдующемъ будемъ разумѣть только ту сумму постояннаго

капитала, которая передаетъ свою цѣнность продукту, т. е. не полную цѣнность машинъ, орудій и другихъ частей основного капитала, а только ихъ погашеніе. Слѣдовательно, первоначальный капиталъ $K = C + V$. Напр. K=500 рублей, C=410 р. и V=90 р. По окончаніи процесса труда является продуктъ, цѣнность котораго больше цѣнности средствъ производства и рабочей силы. Обозначимъ излишекъ цѣнности продукта надъ цѣнностью средствъ его производства и рабочей силы черезъ m и положимъ $m = 90$ р. Первоначальный капиталъ $K = 410$ р. $+ 90$ р. превратится слѣдовательно въ новый $K' = 410$ р. $+ 90$ р. $+ 90$ р., т. е. вмѣсто 500 р. имѣемъ теперь 590 рублей. Итакъ, капиталъ $K = C + V$ превращается вслѣдствіе процесса производства въ $K' = C + V + m$.

Но цѣнность постояннаго капитала, капитала, затраченнаго на средства производства, только переносится на продуктъ; слѣдовательно, вновь произведенная цѣнность будетъ не $C + V + m$, а только $V + m$, такъ какъ постоянный капиталъ измѣняетъ только свою потребительную цѣнность, а мѣновую сохраняетъ и переноситъ на новый продуктъ; процессъ же труда производитъ только 180 руб., а не 590 р. Если бы постоянный капиталъ равнялся 0, т. е. если-бы существовала такая вѣтвь промышленности, въ которой капиталистъ употреблялъ бы въ видѣ средствъ производства только вещества, находящіяся въ природѣ готовыми и прилагалъ бы рабочую силу только къ этимъ даровымъ природнымъ силамъ или предметамъ, то не было бы никакой постоянной цѣнности, которая переносится на продуктъ. Этотъ элементъ цѣнности продукта, равный въ нашемъ примѣрѣ 410 руб., исчезъ бы совершенно, но произведенная цѣнность въ 180 р., заключающая въ себѣ 90 р. прибавочной цѣнности, осталась бы точно также велика, какъ если бы C представляло чрезвычайно большую сумму. Такимъ образомъ въ отрасли промышленности, гдѣ постоянный капиталъ ничтоженъ, будемъ имѣть: $K = 0 + V$, или $K = V$, т. е. весь капиталъ равенъ суммѣ, затраченной на покупку труда, а $K' = 0 + V + m$, или $K' = V + m$. Слѣдовательно, $K' - K = m$, т. е. разница между вновь созданнымъ капиталомъ и капиталомъ, затраченнымъ на покупку труда, равнялась бы, какъ и прежде, величинѣ произведенной прибавочной цѣнности.

Но если, наоборотъ, $m = 0$, т. е. рабочая сила произвела только свой собственный эквивалентъ, то $K = C + V$ и $K' = C + V + 0$ или $K' = K$, т. е. затраченный капиталъ не возросъ бы въ цѣнности.

И такъ, прибавочная цѣнность есть простое послѣдствіе измѣненія цѣнности той части капитала, которая переведена въ рабочую силу, т. е. перемѣннаго капитала V. Но измѣненіе въ цѣнности капитала V затемняется тѣмъ, что, вслѣдствіе возрастанія перемѣнной части капитала, возрастаетъ также и весь затраченный капиталъ, и потому для анализа

процесса возрастанія цѣнности въ производствѣ въ чистомъ видѣ нужно совершенно отбросить ту часть цѣнности продукта, которая существовала прежде въ формѣ постояннаго капитала, т. е. приравнять постоянный капиталъ С нулю. И, дѣйствительно, постоянный капиталъ доставилъ средства производства; онъ доставилъ то вещество, которое необходимо рабочей силѣ для созданія цѣнности. Но ни природа этаго вещества, ни цѣнность его не имѣютъ никакого значенія для возрастанія цѣнности; нужно только, чтобы вещества этаго было достаточно для того, чтобы все то количество труда, которое должно быть издержано въ теченіе процесса производства, могло воплотиться въ этомъ веществѣ. Какъ скоро это условіе выполнено, и на лицо имѣется такое количество вещества, то цѣнность его можетъ быть больше или меньше, вещество это даже можетъ совсѣмъ не имѣть никакой цѣнности,—это не будетъ имѣть рѣшительно никакого вліянія на процессъ созданія или измѣненія цѣнности.

Итакъ, приравняемъ постоянный капиталъ нулю; тогда капиталъ К изъ $C+V$ превратится въ V, цѣнность же продукта при этомъ сведется на $V+m$, т. е. на произведенную цѣнность, которая въ нашемъ примѣрѣ $=180$ руб. Если вычтемъ изъ этой цѣнности цѣнность рабочей силы или перемѣннаго капитала, равную 90 р., то получимъ величину $m=90$ р., которая выражаетъ собою *абсолютную величину произведенной прибавочной цѣнности*. Но, кромѣ *абсолютной прибавочной цѣнности*, важно опредѣлить и относительную ея величину, по отношенію, прежде всего, къ тому фактору, которому она обязана своимъ происхожденіемъ, т. е. сравнить ее съ величиной перемѣннаго капитала. Тогда получимъ отношеніе $\frac{m}{V}$, которое въ вышеприведенномъ примѣрѣ выразится такъ: $\frac{90}{90}=100\%$. Это относительное возрастаніе цѣнности перемѣннаго капитала. или относительную величину прибавочной цѣнности, К. Марксъ и назвалъ *нормою прибавочной цѣнности* (Mehrwerthsrate).

Мы уже знаемъ, что работникъ въ продолженіе извѣстной части процесса труда производитъ лишь цѣнность, равную цѣнности его жизненныхъ средствъ; онъ не производитъ своихъ жизненныхъ средствъ непосредственно, но воспроизводитъ только цѣнность ихъ въ формѣ того товара, который составляетъ цѣль производства.

Та часть рабочаго дня, которую работникъ употребляетъ на воспроизведеніе цѣнности своей рабочей платы, можетъ быть больше или меньше, смотря по тому, какова величина этой платы, или цѣнность жизненныхъ средствъ рабочаго, и какъ велика производительность труда въ отрасляхъ производства, доставляющихъ эти средства. Если цѣнность жизненныхъ

средствъ измѣряется количествомъ трудовой энергіи, расходуемымъ въ 6 рабочихъ часовъ, то работникъ, работая для себя, а не для капиталиста, также долженъ былъ бы работать непремѣнно не менѣе 6 часовъ. Но такъ какъ въ продолженіе той части дня, когда работникъ производитъ дневную цѣнность своей рабочей силы, онъ производитъ только эквивалентъ той цѣнности, которая уплачена ему капиталистомъ въ видѣ перемѣннаго капитала, то этотъ процессъ является только воспроизведеніемъ ранѣе существовавшей цѣнности. Мы видѣли, что ту часть рабочаго дня, во время которой происходитъ это воспроизведеніе, К. Марксъ называетъ *необходимымъ рабочимъ временемъ*, а трудъ, издержанный въ это время,—*необходимымъ трудомъ*. Очевидно, что необходимое рабочее время въ различныхъ странахъ различно и зависитъ отъ большей или меньшей успѣшности труда, требуемаго для произведенія жизненныхъ средствъ работника. Но работникъ трудится долѣе, чѣмъ сколько нужно для воспроизведенія цѣнности его рабочей силы. Этотъ второй періодъ процесса работы, переходящій за предѣлы необходимаго рабочаго времени, хотя и стоитъ работнику траты рабочей силы, но не овеществляется для него въ видѣ какой-либо цѣнности, какъ овеществляется необходимый трудъ—въ получаемой имъ заработной платѣ. Эту часть рабочаго дня, во время которой рабочая сила производитъ прибавочную цѣнность, К. Марксъ называетъ *прибавочнымъ рабочимъ временемъ;* а трудъ, издержанный въ теченіе этаго времени,—*прибавочнымъ трудомъ*. Такъ какъ цѣнность перемѣннаго капитала равна цѣнности купленной на него рабочей силы, а цѣнность рабочей силы опредѣляетъ величину необходимаго рабочаго времени, прибавочная же цѣнность опредѣляется величиною прибавочнаго времени, то отсюда слѣдуетъ, что *прибавочная цѣнность относится къ перемѣнному капиталу, какъ прибавочное рабочее время относится къ необходимому рабочему времени.* Слѣдовательно, отношеніе прибавочной цѣнности къ перемѣнному капиталу, или норма прибавочной цѣнности, равняется отношенію прибавочнаго труда къ необходимому труду, т. е.

$$\frac{m}{V} = \frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{перемѣнный капиталъ}} = \frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{необходимый трудъ}}.$$

Обѣ дроби представляютъ одно и то же отношеніе въ разной формѣ: одинъ разъ въ формѣ отношенія цѣнностей,—т. е. труда, воплощеннаго въ предметахъ; другой разъ въ формѣ живого труда, т. е. $\frac{m}{V}$ есть форма воплощеннаго труда, а $\frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{необходимый трудъ}}$ есть форма живого труда.

Поэтому норма прибавочной цѣнности представляетъ точное выраженіе степени эксплуатаціи рабочей силы капиталомъ. Нужно замѣтить, что норма прибавочной цѣнности и общая сумма прибавочной цѣнности—

двѣ вещи различныя. Положимъ, что въ одномъ случаѣ необходимый трудъ = 3 час., прибавочный трудъ пусть будетъ также = 3 час.; а въ другомъ случаѣ необходимый трудъ = 6 час. и прибавочный трудъ = 6 часамъ. Очевидно, что норма прибавочной цѣнности, т. е. степень эксплуатаціи работника въ обоихъ случаяхъ будетъ одинакова: $^3/_3 = 100\%$ и $^6/_6 = 100\%$; но положеніе рабочаго (физическое и нравственное) въ этихъ двухъ случаяхъ, понятно, весьма различно, ибо въ одномъ случаѣ онъ работаетъ только 6 часовъ въ день, а въ другомъ 12, и, слѣдовательно, въ послѣднемъ случаѣ будетъ имѣть несравненно меньше времени какъ для физическаго отдыха, такъ и для нравственнаго развитія своей личности.

§ 10. Время, въ теченіе котораго работникъ производитъ эквивалентъ своей рабочей силы,—необходимое рабочее время.—сложенное съ тѣмъ временемъ, въ теченіе котораго онъ производитъ прибавочную стоимость,—прибавочнымъ временемъ,—опредѣляетъ абсолютную величину его рабочаго дня. Средняя цѣнность рабочей силы въ данной странѣ въ данное время есть величина опредѣленная; принявъ стоимость рабочей силы, т. е. количество предметовъ, потребляемыхъ работникомъ, за величину опредѣленную, данную, стоимость ея для капиталиста опредѣляется рабочимъ временемъ, которое необходимо для производства предметовъ, потребляемыхъ работникомъ. Но величина необходимой части рабочаго дня не опредѣляетъ еще длины всего рабочаго дня. Рабочій, исполнивъ необходимый трудъ въ 6 час., можетъ еще работать 2, 4, 5 и 8 час., и получатся рабочіе дни въ 8, 10, 11 и 14 часовъ, а потому рабочій день не есть величина постоянная, но перемѣнная. Если одна его часть опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для воспроизведенія ежедневныхъ жизненныхъ средствъ работника, то другая часть измѣняется съ величиною прибавочнаго труда. Наименьшій предѣлъ рабочаго дня есть та часть дня, въ продолженіе которой рабочій производитъ предметы, необходимые для поддержанія своего собственнаго существованія, и которую, слѣдовательно, рабочій долженъ посвящать труду и работая для себя. Но при капиталистическомъ способѣ производства необходимый трудъ составляетъ лишь нѣкоторую часть рабочаго дня, ибо необходимый трудъ не даетъ прибавочной цѣнности—цѣли капиталистическаго производства; потому рабочій день не можетъ быть сокращенъ до этаго minimum'а, и наименьшій предѣлъ рабочаго дня не можетъ быть точно опредѣленъ. Но для рабочаго дня существуетъ предѣлъ его наибольшей величины. Этотъ предѣлъ опредѣляется, во 1-хъ, физическими предѣлами рабочаго дня; во 2-хъ, возможностью обнаруженія рабочей силы: въ теченіе 24 часовъ человѣкъ можетъ издержать только извѣстное количество своей силы; и въ 3-хъ—нравственными мотивами. Работникъ нуждается во вре-

мени для удовлетворенія своихъ умственныхъ, нравственныхъ и соціальныхъ потребностей, число и величина которыхъ зависитъ отъ господствующаго уровня культуры въ массѣ работниковъ страны. Но и тѣ и другіе предѣлы оказываются довольно эластичными и оставляютъ для колебаній рабочаго дня довольно широкіе предѣлы. Поэтому мы находимъ рабочіе дни самой разнообразной длины: въ 8, 10, 12, 14, 16 и даже 18 час. Капиталистъ купилъ рабочую силу за ея полную стоимость, и ему принадлежитъ потребленіе этой силы въ продолженіе всего рабочаго дня; въ интересахъ капиталиста увеличить рабочій день какъ можно болѣе. Между капиталистами и работниками долго шла и теперь еще продолжается борьба за длину рабочаго дня. Въ концѣ концовъ, почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ въ борьбу вмѣшивается государство и устанавливаетъ законную длину рабочаго дня.

Перемѣнный капиталъ есть денежное выраженіе «необходимаго» рабочаго времени, и, слѣдовательно, сумма перемѣннаго капитала въ каждомъ производствѣ выражается произведеніемъ необходимаго рабочаго времени для одного работника на число рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ. А такъ какъ величиной перемѣннаго капитала и нормой прибавочной цѣнности опредѣляется и вся сумма получаемой капиталистомъ въ день прибавочной цѣнности, то величину послѣдней можно выразить формулой: сумма дневной прибавочной цѣнности $= \frac{\text{прибавочное время}}{\text{необходимое время}} \times$ рабочую плату $\times$ число рабочихъ.

Смыслъ этой формулы вполнѣ очевиденъ. Прибавочная цѣнность образуется исключительно въ продолженіе часовъ прибавочнаго времени, и, слѣдовательно, сумма ея прямо зависитъ отъ абсолютнаго числа этихъ часовъ; это число можетъ быть повышено или путемъ увеличенія числа прибавочныхъ часовъ для каждаго рабочаго, или путемъ увеличенія числа рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ. Количество прибавочныхъ часовъ каждаго рабочаго въ теченіе сутокъ зависитъ отъ нормы прибавочной цѣнности, и, слѣдовательно, если величина послѣдней дана, размѣръ суммы прибавочной цѣнности будетъ пропорціоналенъ числу рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ. Предположимъ, напр., что норма прибавочной цѣнности $= 100\%$; слѣдовательно, при 12-часовомъ рабочемъ днѣ, на долю необходимаго времени придется 6 часовъ, денежное выраженіе которыхъ, или дневной заработокъ рабочаго, пусть будетъ 2 руб.; точно также и прибавочное время будетъ 6 часовъ, а прибавочная цѣнность 2 руб. Въ производствѣ занято n рабочихъ. Сумма прибавочной цѣнности выразится: $n \times 2$ руб. Если $n = 1$, то послѣ суточной работы въ рукахъ капиталиста останется прибавочная цѣнность, произведенная въ 6 часовъ, т. е. 2 руб. $\times 1 = 2$ руб. Она будетъ равна заработной платѣ рабо-

чаго, которая, какъ мы знаемъ, обусловливается цѣнностью необходимыхъ для него жизненныхъ благъ, и капиталистъ, въ нашемъ примѣрѣ, будетъ принужденъ потреблять свою долю, живя при томъ не лучше своего работника, или, въ противномъ случаѣ, самъ работать въ качествѣ рабочаго. Такія именно, или приблизительно такія, условія имѣютъ мѣсто въ средневѣковыхъ цехахъ, гдѣ регламентація, опредѣляя число подмастерьевъ, тѣмъ сдерживала накопленіе капитала. Нарождающійся капиталъ не могъ, поэтому, вовсе уложиться въ масштабъ мелкаго производства, такъ какъ ростъ его основанъ на эксплуатаціи массы рабочихъ силъ. Если въ нашемъ примѣрѣ n будетъ равно 100, то, при указанныхъ выше условіяхъ, прибавочная цѣнность равна 600 прибавочнымъ часамъ, или 200 рублямъ, т. е. она возрасла пропорціонально увеличенію числа занятыхъ рабочихъ. Слѣдовательно: *при прочихъ равныхъ условіяхъ сумма прибавочной цѣнности прямо пропорціональна числу эксплуатируемыхъ рабочихъ.* Этимъ условіемъ отчасти объясняется неустанное стремленіе капиталистовъ къ расширенію размѣровъ предпріятій.

§ 11. Но увеличеніе перемѣннаго капитала не единственный путь для увеличенія суммы прибавочной цѣнности; того же капиталистъ достигаетъ и увеличивая норму прибавочной цѣнности, ибо эта норма входитъ также множителемъ въ формулу, выражающую сумму прибавочной цѣнности. Норма прибавочной цѣнности выражается, какъ мы знаемъ, дробью: $\frac{\text{прибавочное время}}{\text{необходимое время}}$; увеличеніе же этой дроби можетъ происходить или вслѣдствіе увеличенія числителя, т. е. прибавочнаго времени, или же путемъ уменьшенія знаменателя, т. е. необходимаго времени. Однако, мы знаемъ, что необходимое рабочее время опредѣляется условіями, лежащими въ большинствѣ случаевъ внѣ власти капиталиста,—именно, цѣнностью жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для созданія рабочей силы. Измѣненіе этой цѣнности въ данномъ производствѣ можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда товаръ, производимый капиталистомъ, является необходимымъ потребительнымъ благомъ для рабочаго; въ этомъ случаѣ, повышая производительность труда, а, слѣдовательно, уменьшая цѣнность фабриката, капиталистъ, тѣмъ самымъ, сократитъ необходимое время рабочихъ. Но капиталистъ гораздо чаще можетъ повысить норму прибавочной цѣнности, увеличивая прибавочное время.

Прибавочное время опредѣляется изъ разности числа рабочихъ часовъ въ сутки и числа часовъ необходимаго времени. Слѣдовательно, оно можетъ возрастать или: 1) вслѣдствіе увеличенія длины рабочаго дня, или 2) вслѣдствіе сокращенія необходимаго рабочаго времени.

Громадное значеніе, которое имѣетъ для капиталиста увеличеніе длины рабочаго дня, ясно уже изъ того, что увеличеніе это падаетъ не-

избѣжно на прибавочное время, такъ какъ число необходимыхъ часовъ—величина опредѣленная. Положимъ, что 12-ти-часовой рабочій день превратился въ 14-ти-часовой; необходимое время останется равнымъ 6 часамъ; тогда прибавочное время выразится восемью часами. Слѣдовательно норма прибавочной цѣнности будетъ $\frac{8}{6} = 133^1/_3\%$. Если въ теченіе 6 часовъ рабочій произведетъ цѣнность въ 2 руб., то въ 8 часовъ онъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, произведетъ 2 р. $66^2/_3$ к.; 100 рабочихъ за это время произведутъ 266 р. $66^2/_3$ к., тогда какъ при прежнихъ условіяхъ суточная сумма прибавочной цѣнности выразилась бы 200 р., т. е. менѣе на 66 р. $66^2/_3$ к. Однако, способъ повышенія суммы прибавочной цѣнности путемъ удлиненія рабочаго дня,—экстенсивный по своему существу,—весьма энергично практиковавшійся въ прежнее время капиталистами и еще практикуемый и теперь, гдѣ только возможно,—въ послѣднее время часто оказывается неприложимымъ во многихъ отрасляхъ, въ силу юридической нормировки длины рабочаго дня, наложенной фабричнымъ законодательствомъ. Потому въ такихъ случаяхъ капиталисты вынуждены прибѣгать къ иному способу увеличенія нормы прибавочной цѣнности. Во всѣхъ нашихъ предшествовавшихъ разсужденіяхъ мы предполагали, что интенсивность труда остается постоянною. Между тѣмъ въ дѣйствительности она подлежитъ регулированію со стороны капиталиста, и повышеніе интенсивности труда является въ его рукахъ могущественнымъ способомъ увеличенія суммы прибавочной цѣнности.

Положимъ, что при длинѣ рабочаго дня въ 12 часовъ и при нормѣ прибавочной цѣнности въ 100%, денежное выраженіе рабочаго часа при данной интенсивности будетъ равно 25 коп. Пусть, далѣе, рабочій, работая на фабрикѣ, въ каждый часъ потребляетъ на 20 коп. хлопчатой бумаги и всѣхъ другихъ средствъ производства и вырабатываетъ 1 арш. миткаля. Мѣновая цѣнность продукта дневного труда одного рабочаго выразится суммою: $(20 \times 12) + (25 \times 12) = 5$ р. 40 к. Затраты капиталиста въ сутки выразятся постояннымъ капиталомъ ($20 \times 12 = 2$ р. 40 к.) и перемѣннымъ, который опредѣляется цѣнностью, произведенною рабочимъ въ теченіе 6-ти часовъ необходимаго времени, т. е. $25 \times 6 =$ 1 р. 50 к.; слѣдовательно, затрата капиталиста будетъ: 2 р. 40 к. + 1 р. 50 к. = 3 р. 90 к., а прибавочная цѣнность: 5 р. 40 к. — 3 р. 90 к. = 1 р. 50 к. Предположимъ теперь, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, измѣняется интенсивность труда рабочаго, т. е. количество расходуемой имъ въ одинъ часъ рабочей энергіи; и пусть это количество увеличится напр. въ 2 раза. Тогда цѣнность, произведенная часовымъ трудомъ, выразится не 25 коп., а 50 коп. Но такое увеличеніе

расхода рабочей силы имѣетъ смыслъ только при условіи, что каждая единица ея произведетъ не менѣе продукта, чѣмъ прежде, т. е. теперь рабочій будетъ въ теченіе часа производить не 1 арш., а 2 арш., и, слѣдовательно, потребитъ постояннаго капитала на 40 коп. Цѣнность продукта дневного труда поэтому выразится: $(40 \times 12) + (50 \times 12) =$ 10 р. 80 к. Затраты капиталиста тоже увеличатся, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ увеличилась цѣнность продукта. Дѣйствительно, цѣнность рабочей силы не зависитъ отъ степени проявляемой ею въ производствѣ интенсивности, а отъ *количества средняго* (по интенсивности) рабочаго времени, необходимаго для созданія достаточныхъ для его существованія жизненныхъ благъ. А потому денежное выраженіе этаго средняго рабочаго часа останется прежнее (25 к.), и затраты капиталиста выразятся: $(40 \times 12) + (25 \times 6) = 6$ р. 30 к.; прибавочная же цѣнность равна 10 р. 80 к. — 6 р. 30 к. = 4 р. 50 к., т. е. она возрасла втрое при увеличеніи интенсивности только въ 2 раза. Такое значительное повышеніе прибавочной цѣнности объясняется тѣмъ, что, при возрастаніи интенсивности труда, одновременно происходитъ двойное повышеніе прибавочнаго времени, или скорѣе, траты энергіи, производящей прибавочную цѣнность: во-первыхъ, увеличивается, при той же длинѣ рабочаго дня, число часовъ, составляющихъ прибавочное время. Въ самомъ дѣлѣ: число часовъ необходимаго времени уменьшается, такъ какъ при большей интенсивности труда надо меньше времени на созданіе мѣновой цѣнности, эквивалентной необходимымъ жизненнымъ средствамъ рабочаго. Во-вторыхъ, теперь каждый часъ прибавочнаго времени создаетъ вдвое большую цѣнность, чѣмъ прежде. Въ нашемъ примѣрѣ цѣнность средствъ производства будетъ создана въ 3 часа вмѣсто 6 часовъ, а остающіеся 9 часовъ прибавочнаго времени равноцѣнны 18 часамъ прежней интенсивности. Вліяніе повышенія интенсивности труда на норму прибавочной цѣнности обыкновенно на практикѣ компенсируется отчасти повышеніемъ перемѣннаго капитала, т. е. рабочей платы, ибо воспроизведеніе рабочаго, способнаго къ усиленному труду, требуетъ бо́льшихъ затратъ, и, слѣдовательно, сумма перемѣннаго капитала при интенсивномъ трудѣ должна возрасти. Но, даже повышая рабочую плату пропорціонально интенсивности (у насъ до 3 р.), капиталистъ все еще остается въ выигрышѣ, ибо сумма полученной имъ прибавочной цѣнности также возрастетъ вдвое.

Средствомъ повышенія интенсивности труда для капиталиста служитъ издѣльная плата и введеніе паровыхъ машинъ или вообще мертвыхъ двигателей, при которыхъ повышеніе интенсивности труда до извѣстной степени дѣлается независимымъ отъ воли рабочаго, а опредѣляется быстротою хода машины.

Ту прибавочную цѣнность, которая происходитъ отъ сокращенія необходимаго рабочаго времени безъ уменьшенія суммы жизненныхъ средствъ, получаемыхъ работникомъ, Марксъ называетъ относительной прибавочной цѣнностью.

Какъ видно изъ сказаннаго, повышеніе интенсивности труда позволяетъ увеличивать прибавочную цѣнность, не только не уменьшая, но даже увеличивая вознагражденіе рабочаго. Но относительная прибавочная цѣнность можетъ быть слѣдствіемъ не только увеличенія интенсивности труда, но и пониженія рабочей платы, которое, однако, только тогда не ведетъ къ уменьшенію количества жизненныхъ средствъ, которыми располагаетъ рабочій, когда оно совпадаетъ съ пропорціональнымъ пониженіемъ цѣнности этихъ средствъ; послѣднее же должно быть слѣдствіемъ увеличенія производительности труда въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя доставляютъ жизненныя средства для рабочихъ.

§ 12. Было уже замѣчено, что не слѣдуетъ смѣшивать производительность и интенсивность труда; теперь же мы можемъ убѣдиться, что вліяніе той и другой на норму и сумму прибавочной цѣнности совершенно различно.

Если въ послѣднемъ примѣрѣ предположимъ, что интенсивность труда остается та же, а производительность, въ силу введенія усовершенствованныхъ машинъ, или вообще улучшенія техники производства, повышается въ два раза,—тогда количество произведенной ткани также увеличится съ 1 аршина до 2 арш. въ часъ, и дневной продуктъ выразится 24 аршинами. Условія же дѣйствія рабочей силы, и, слѣдовательно, образованія цѣнности, остаются неизмѣнны, т. е. въ 1 часъ будетъ прибавляться къ 2 аршинамъ цѣнность, равная 25 коп., и прибавочная цѣнность опредѣлится такъ: цѣнность произведеннаго продукта—$(40\times12)+(25\times12)$ безъ суммы затратъ капиталиста—$(40\times12)+(25\times6)$, или 7 р. 80 коп.—6 руб. 30 коп.=1 руб. 50 к., т. е. *прибавочная цѣнность*, произведенная въ теченіе дня, *не смотря на повышеніе производительности труда, осталась безъ перемѣны*, равно какъ и норма прибавочной цѣнности.

Однако, и повышеніе производительности труда (помимо указаннаго выше случая измѣненія цѣнности рабочей силы, вслѣдствіе удешевленія потребляемыхъ рабочимъ продуктовъ) можетъ иногда повышать норму прибавочной цѣнности *отдѣльныхъ предпріятій*. Это имѣетъ мѣсто при слѣдующихъ условіяхъ: техническія усовершенствованія никогда не вводятся одновременно во всѣхъ предпріятіяхъ, занятыхъ производствомъ даннаго товара, и потому повышенная производительность труда является, въ продолженіе нѣкотораго періода, достояніемъ только передовыхъ хозяевъ, введшихъ улучшенные пріемы техники. Въ теченіе этаго времени

цѣнность (и рыночная цѣна) продолжаетъ опредѣляться рабочимъ временемъ, общественно-необходимымъ при господствующей, неулучшенной техникѣ. Это даетъ возможность капиталисту, введшему улучшеніе, продавать свой товаръ по цѣнѣ высшей, чѣмъ эквивалентъ дѣйствительно затраченнаго на него въ его предпріятіи труда, хотя можетъ быть и дешевле общественно-необходимой трудовой цѣнности. Продуктъ дневного труда рабочаго въ нашемъ примѣрѣ при повышенной производительности труда будетъ имѣть цѣнность 7 руб. 80 коп., или цѣнность 1 аршина миткаля будетъ равна $\frac{780}{24}=32^1/_2$ коп. Между тѣмъ до повышенія производительности эта цѣнность была равна $\frac{540}{12}=45$ коп. Слѣдовательно, продавая свой товаръ, напр., по 40 коп., капиталистъ можетъ разсчитывать на полный его сбытъ и получитъ при этомъ за суточный продуктъ рабочаго $40\times24=9$ р. 60 к.; а такъ какъ затраты его равнялись 6 р. 30 к., то прибавочная цѣнность будетъ равна 9 р. 60 к.—6 руб. 30 к., т. е. 3 р. 30 к., норма прибавочной цѣнности $\frac{330}{150}=220\%$, тогда какъ прибавочная цѣнность въ остальныхъ производствахъ равна 1 р. 50 к., норма же 100%. Однако, въ силу повышенія производительности труда, норма прибавочной цѣнности можетъ быть повышена только временно, такъ какъ, коль скоро улучшенная техника будетъ перенята остальными капиталистами, общественно-необходимое рабочее время для даннаго товара понизится, и рыночная цѣнность его выразится настоящей трудовой цѣнностью, т. е. будетъ равна $32^1/_2$ коп. Тѣмъ не менѣе эти временныя повышенія доходности предпріятій настолько значительны и выгодны, что ими, главнымъ образомъ, обусловливается постоянное стремленіе капиталистовъ повышать производительность труда и, еще болѣе, стремленіе сдѣлать такую повышенную производительность монополіею своего предпріятія. Однако, и послѣ того, какъ усовершенствованные способы производства сдѣлались общественнымъ достояніемъ, капиталистъ получаетъ нѣкоторыя выгоды отъ увеличенной производительности труда. Положимъ, что сдѣлано усовершенствованіе въ производствѣ какого-нибудь предмета, не входящаго въ кругъ предметовъ, необходимыхъ для работника, напр., въ производствѣ шелковыхъ матерій, которыя потребляются только капиталистами. Тогда фабрикантъ такихъ матерій выигрываетъ уже не какъ капиталистъ, а какъ потребитель товаровъ (шелковыхъ), которые онъ теперь можетъ получить дешевле, чѣмъ прежде. Но этаго мало: дешевизна товара вызываетъ расширеніе потребленія и сбыта его, а потому капиталистъ можетъ теперь увеличить размѣры своего предпріятія, что̀,—какъ увидимъ далѣе,—также доставляетъ выгоды.

Все сказанное въ предыдущемъ о вліяніи производительности труда на цѣнность товаровъ приводитъ насъ къ выводу, что *цѣнность товаровъ находится въ обратномъ отношеніи къ производительной силѣ труда.* Это правило, разумѣется, имѣетъ приложеніе и къ опредѣленію цѣнности рабочей силы: *чѣмъ выше производительность труда въ производствѣ предметовъ для рабочихъ, тѣмъ стоимость рабочей силы ниже.* Изъ этаго, однако, вовсе не слѣдуетъ, что рабочіе странъ съ высокой производительностью труда получаютъ меньше жизненныхъ средствъ, чѣмъ рабочіе странъ, гдѣ производительность труда низка: они могутъ получать ихъ не только не менѣе, но даже значительно болѣе. Примѣръ—Россія и Англія. Сравненіе этихъ странъ, произведенное въ 70-хъ годахъ проф. Янжуломъ, показало, что англійскій фабричный рабочій можетъ пріобрѣсти за сумму получаемой имъ рабочей платы значительно больше жизненныхъ средствъ, чѣмъ русскій рабочій получитъ за свой заработокъ.

Наоборотъ: *относительная прибавочная цѣнность находится въ прямомъ отношеніи къ производительной силѣ труда.* Поэтому возвышеніе производительности труда составляетъ вѣчное стремленіе и постоянную тенденцію капитала. Такъ какъ относительная прибавочная цѣнность возрастаетъ въ прямомъ, а стоимость товара въ обратномъ отношеніи къ производительности труда, и такъ какъ вслѣдствіе этаго одинъ и тотъ же процессъ, т. е. увеличеніе производительности труда, удешевляетъ товары и увеличиваетъ прибавочную цѣнность, то это обстоятельство объясняетъ намъ, почему капиталистъ, заботясь при производствѣ лишь о мѣновой цѣнности, стремится въ то же время къ удешевленію товара. Это имѣетъ огромное значеніе, поддерживая стремленіе къ улучшенію техники производства, и именно усиливая все болѣе роль мертвыхъ двигателей и машинъ въ производствѣ. Это же усиленіе значенія основного капитала, какъ скоро увидимъ, отзывается и на рабочихъ, а, въ концѣ концовъ, и на самомъ капиталистическомъ строѣ.

§ 13. Если, какъ было показано, первоначальнымъ источникомъ образованія капитала была торговля, то все же послѣдующее возрастаніе его есть слѣдствіе присвоенія прибавочной цѣнности, образующейся въ производственномъ процессѣ. Прибавочная цѣнность распадается на двѣ части: 1) на часть, составляющую *потребительный фондъ капиталиста*, и 2) на часть, *присоединяемую имъ къ капиталу*. Послѣдняя, въ свою очередь, распадается также на двѣ части: 1-я идетъ на увеличеніе постояннаго капитала, а 2-я—на увеличеніе капитала перемѣннаго. Такимъ образомъ, ростъ капитала зависитъ не только отъ абсолютной суммы произведенной прибавочной цѣнности, но и отъ того, какую часть ея капиталистъ потребляетъ на свои личныя нужды. Но затѣмъ, не менѣе важное значеніе имѣетъ, какая часть остатка, за отчисленіемъ потребительнаго фонда капи-

талиста, идетъ на оплату рабочей силы, каково отношеніе между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ. Значеніе этаго послѣдняго дѣленія заключается въ томъ, что сумма, употребляемая на перемѣнный капиталъ, опредѣляетъ въ извѣстной мѣрѣ и производство прибавочной цѣнности, а, слѣдовательно, при прочихъ равныхъ условіяхъ, и ростъ капитала.

Положимъ, первоначальный капиталъ равняется 100,000 р., изъ нихъ на перемѣнный капиталъ расходуется 20,000 р., а на постоянный—80,000 р. Если норма прибавочной цѣнности будетъ = 50%, то сумма прибавочной цѣнности выразится 10,000 р. (50% отъ 20,000 р.).

Предположимъ, что изъ 10,000 р. прибавочной цѣнности капиталистъ расходуетъ на свое личное потребленіе 2,000 р., а 8,000 р. употребляетъ на расширеніе производства, т. е. обращаетъ въ капиталъ. Слѣдовательно, въ новый оборотъ капиталистъ пуститъ 108,000 р. Если техническіе пріемы остались тѣ же и условія труда не измѣнились, то новый капиталъ 108,000 р. распадется на перемѣнный и постоянный въ прежнемъ отношеніи: постоянный будетъ = 86,400 р., а перемѣнный 21,600 р. Прибавочная цѣнность теперь выразится 50% отъ 21,600 р., т. е. она будетъ не 10,000 р., а 10,800 р.; 2,000 р. снова будутъ истрачены капиталистомъ на личныя нужды, а остающіеся 8,800 р. снова будутъ раздѣлены на постоянный и перемѣнный капиталъ. Новая прибавочная цѣнность будетъ еще больше, и т. д. Послѣ каждаго оборота капиталъ возрастаетъ, и приростъ его постоянно увеличивается, подобно «катящемуся кому снѣга». Доля, расходуемая капиталистомъ на пріобрѣтеніе потребительныхъ цѣнностей для личныхъ нуждъ, до извѣстной степени, зависитъ отъ средней производительности труда въ данномъ обществѣ, такъ какъ чѣмъ дешевле нужныя капиталисту потребительныя цѣнности, тѣмъ меньшая часть прибавочной цѣнности будетъ имъ израсходована на личныя нужды. Однако, главнымъ факторомъ, опредѣляющимъ долю капиталиста, является его личная воля, и въ этомъ-то и заключается вліяніе «сбереженія» (въ смыслѣ производительнаго потребленія) на ростъ капитала. Отношеніе постояннаго капитала къ перемѣнному различно въ различныхъ отрасляхъ производства и при различной техникѣ,—и въ каждой отрасли оно постоянно мѣняется въ зависимости отъ измѣненія техники. Стоитъ, напримѣръ, сравнить современную фабрику,—съ ея огромными затратами на зданія и машины и сравнительно незначительнымъ расходомъ на покупку рабочей силы, съ ремесленнымъ производствомъ, гдѣ основной капиталъ можно почти приравнять нулю, и всѣ расходы сводятся на пріобрѣтеніе сырыхъ матеріаловъ и рабочей силы,—чтобы понять, насколько можетъ варіировать указанное отношеніе. Различіе между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью тоже покоится главнымъ образомъ на разницѣ въ отношеніяхъ

между составными частями капитала. Однако, въ общемъ, какъ увидимъ ниже, особенно для обработывающей промышленности, замѣчается тенденція къ возрастанію постояннаго капитала надъ перемѣннымъ. Если бы техника оставалась безъ перемѣны, и капиталъ продолжалъ дѣлиться на постоянный и перемѣнный въ той же пропорціи, то, въ силу неустаннаго роста капитала, онъ долженъ былъ бы захватывать все бо̀льшія и бо̀льшія массы рабочаго населенія. При этомъ рабочая плата, въ силу превышенія спроса на трудъ надъ предложеніемъ его, поднялась бы выше мѣновой цѣнности рабочей силы. Однако, въ силу постояннаго повышенія отношенія между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ, подобнаго явленія не замѣчается. Повышеніе это обусловливается, съ одной стороны, введеніемъ болѣе дорогихъ орудій производства, съ другой же,— и въ гораздо большей мѣрѣ,—повышеніемъ цѣнности затраченнаго матеріала (вслѣдствіе увеличенія массы его). благодаря возрастающей производительности и интенсивности труда. Такимъ образомъ ростъ капитала въ производствѣ далеко не всегда совпадаетъ съ увеличеніемъ занятыхъ рабочихъ рукъ, и даже, наоборотъ: усиленное обращеніе капитала въ основной и вообще постоянный создаетъ искусственное перенаселеніе страны.

ОТДѢЛЪ II.

Ученіе о распредѣленіи.

Отдѣлъ политической экономіи, носящій названіе «Ученія о распредѣленіи», трактуетъ о тѣхъ законахъ, которыми регулируется въ обществѣ распредѣленіе продуктовъ производства или цѣнности этихъ продуктовъ между представителями различныхъ элементовъ производственнаго процесса и, слѣдовательно, участниками самаго производства. Участниками всякаго производства являются: во 1-хъ, работникъ,—какъ представитель рабочей силы,—во 2-хъ, капиталистъ,—какъ представитель капитала,—и, въ 3-хъ, землевладѣлецъ,—какъ представитель того природнаго элемента—земли, безъ котораго невозможно никакое производство и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность другимъ элементамъ природы, можетъ быть аппропріированъ, благодаря чему онъ изъ свободнаго дара природы обращается въ специфическій источникъ дохода. Доля работника при современномъ способѣ производства носитъ названіе заработной (или рабочей) платы; доля капиталиста называется прибылью, а доля землевладѣльца—рентой или земельной рентой. Соотвѣтственно этому и ученіе о распредѣленіи распадается на три части: 1) «Ученіе о заработной платѣ», 2) «Ученіе о прибыли» и 3) «Ученіе о рентѣ». Къ этому же отдѣлу нами отнесено и 4) «Ученіе о формахъ производственныхъ предпріятій». Кромѣ того, въ ближайшей связи съ ученіемъ о заработной платѣ стоитъ ученіе о народонаселеніи, которое и составитъ вторую главу этаго отдѣла.

ГЛАВА I.

Ученіе о заработной платѣ.

§ 1. Мы уже знаемъ, что рабочій, отдавая въ пользованіе капиталиста свой трудъ, получаетъ отъ послѣдняго извѣстную цѣнность и именно такую, которая опредѣляется цѣнностью продуктовъ, необходимыхъ для воспроизведенія его рабочей силы. Это, конечно, не значитъ, что сумма, получаемая работникомъ въ дѣйствительности, или, какъ обыкновенно называютъ ее, рабочая плата, и въ самомъ дѣлѣ всегда составляетъ полный эквивалентъ цѣнности его рабочей силы и, обратно, никогда не превышаетъ этой цѣнности. Это значитъ только то, что рабочая плата должна быть достаточно велика, чтобы поддерживать населеніе или, вѣрнѣе, часть его, доставляющую рабочихъ капиталисту, на такомъ уровнѣ, при которомъ капиталистъ могъ бы всегда найти на рынкѣ необходимое для его производства количество рабочей силы. Капиталисты данной страны или общества предъявляютъ, значитъ, извѣстный спросъ на рабочую силу, и этому спросу на рынкѣ должно отвѣчать предложеніе ея; вотъ потому-то и говорятъ, что цѣнность рабочей силы въ каждомъ частномъ случаѣ зависитъ отъ условій спроса и предложенія ея. Для того, чтобы при послѣдующемъ изложеніи не могло возникнуть недоразумѣнія относительно термина «заработная плата», мы теперь же условимся называть имъ *фактически уплачиваемое рабочему вознагражденіе* за его трудъ. получаетъ ли онъ это вознагражденіе въ видѣ продуктовъ или денегъ, или—составляетъ ли она полный или неполный эквивалентъ цѣнности рабочей силы, словомъ—заработная плата есть *рыночная цѣна рабочей силы*.

Уже Ад. Смитъ указываетъ на необходимость различать «естественную и рыночную цѣну труда»; подъ первой онъ разумѣетъ сумму средствъ существованія, необходимую для поддержанія работника, т. е. именно то что̀ мы называемъ «цѣнностью рабочей силы», а подъ второй—то, что̀ мы обозначаемъ терминомъ «заработная плата». При этомъ Смитъ

указываетъ на возможность несовпаденія между собой этихъ двухъ величинъ. Рикардо замѣчаетъ, что рабочая плата можетъ являться въ двухъ различныхъ видахъ: въ видѣ *номинальной*—въ деньгахъ и *реальной*—въ продуктахъ. Это, конечно, не все равно: съ измѣненіемъ цѣны товаровъ на рынкѣ одна и та же сумма денегъ можетъ выражать цѣнность бо́льшаго или меньшаго количества жизненныхъ средствъ, такъ какъ цѣны на средства существованія постоянно мѣняются. Поэтому, понятно, работникъ заинтересованъ въ высотѣ *реальной* рабочей платы, т. е. въ полученіи извѣстнаго количества жизненныхъ средствъ. Если же, какъ полагалъ Рикардо, съ прогрессомъ общества и параллельнымъ ростомъ цѣнности и цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, рабочая плата, номинально выраженная въ деньгахъ, повышается, то это еще не значитъ, что реальная рабочая плата также растетъ, самъ Рикардо находитъ, что повышеніе рабочей платы идетъ не такъ быстро, какъ повышеніе цѣнности продуктовъ земледѣлія; фактически, слѣдовательно, рабочая плата при этомъ понижается, выражая цѣнность меньшаго количества жизненныхъ средствъ, и положеніе рабочаго класса ухудшается. Эта теорія находится въ связи съ ученіемъ Рикардо о земельной рентѣ, а потому мы здѣсь не будемъ останавливаться на ея разборѣ. Но, далѣе, послѣдователи Рикардо (классическая школа), а еще болѣе такъ называемые вульгарные экономисты подставили выраженіе «цѣна, или цѣнность труда» вмѣсто термина «заработная плата», что повело къ весьма важнымъ замѣшательствамъ. Дѣйствительно, размѣръ рабочей платы не является выраженіемъ цѣнности всего труда, употребленнаго рабочимъ на производство, ибо заработная плата есть цѣнность рабочей силы; цѣнность же труда, или точнѣе, цѣнность, вложенная трудомъ работника въ продуктъ, находится въ зависимости отъ длины рабочаго дня и интенсивности работы, какъ величинъ, опредѣляющихъ количество затраченной работникомъ трудовой энергіи. Мы знаемъ уже, что рабочій день разбивается на время необходимое и прибавочное, и что цѣнность рабочей силы воспроизводится въ теченіе необходимаго времени, и поэтому денежное выраженіе *цѣнности часа труда*, или эквивалента затраченной *въ это время* трудовой энергіи, мы получимъ, какъ частное: $\frac{\text{суточная заработная плата}}{\text{число часовъ необходимой работы}}$. Эта формула будетъ истиннымъ выраженіемъ цѣнности часа труда. Но всѣ авторы, которыхъ мы имѣли въ виду выше, считаютъ, что заработная плата представляетъ цѣнность, равную всей суммѣ трудовой энергіи, истраченной работникомъ въ теченіе рабочаго дня. Согласно этому опредѣленію выходило бы, что цѣнность часа труда равна $\frac{\text{суммѣ дневной заработной платы}}{\text{число часовъ работы (дневной)}}$.

Вводя такую подстановку, получаютъ, что весь дневной трудъ работника оказывается оплаченнымъ по полной своей цѣнности; при этомъ, или совсѣмъ не входятъ въ разборъ того, откуда взялась та цѣнность, которая составляетъ прибыль капиталиста, или объясняютъ ее производительностью капитала. Но если, какъ мы признали выше, считать заработную плату выраженіемъ цѣнности рабочей силы, т. е. равной цѣнности, воспроизводимой рабочимъ въ «необходимое время», то, слѣдовательно, прибавочное время совсѣмъ не вліяетъ на величину заработной платы.

Сомнѣніе относительно происхожденія той доли цѣнности, которая поступаетъ въ пользу капиталиста, возникаетъ при капиталистическомъ строѣ только вслѣдствіе того, что трудъ является здѣсь въ формѣ товара, и отсюда возникаетъ представленіе, что этотъ товаръ пріобрѣтается на рынкѣ, какъ и всѣ товары, по полной своей цѣнности. Но это именно только потому, что *товаромъ считаютъ трудъ*, т. е. результатъ приложенія рабочей силы, *тогда какъ* здѣсь *товаромъ является сама рабочая сила*. Никому и въ голову не придетъ утверждать, что въ рабскомъ хозяйствѣ,—давая рабу, наравнѣ съ рабочимъ скотомъ, только необходимые жизненные припасы, безъ всякаго отношенія къ тому, насколько плодотворна была его работа,—хозяинъ-рабовладѣлецъ тѣмъ оплачиваетъ его трудъ по его настоящей цѣнности и не присвояетъ себѣ части неоплаченнаго труда раба. Точно также и при крѣпостномъ правѣ разница между временемъ работы, необходимымъ для существованія рабочаго, и временемъ прибавочнымъ совершенно наглядна, ибо здѣсь крѣпостной долженъ работать на землевладѣльца извѣстное число дней въ недѣлю, и такимъ образомъ прибавочное время рѣзко отграничивается отъ того времени, которое крѣпостной употребляетъ для полученія средствъ существованія, т. е. отъ необходимаго рабочаго времени. Въ капиталистическомъ же строѣ, въ силу мѣновыхъ отношеній, форма рабочей платы уничтожаетъ всѣ слѣды дѣленія рабочаго времени на «необходимый» трудъ и «прибавочный», на оплаченный и неоплаченный, и потому весь трудъ представляется какъ бы оплаченнымъ. Дѣйствительно, рабочій, передавая свою силу въ распоряженіе капиталиста за извѣстную цѣнность, удовлетворяетъ за счетъ своего заработка всѣ свои потребности, распредѣляя полученныя средства на весь рабочій день; капиталистъ же, выплачивая рабочему цѣнность, воспроизводимую въ необходимое время, остается въ убѣжденіи, что платитъ за весь получаемый отъ рабочаго трудъ. Но это не измѣняетъ сущности дѣла, и прибавочный трудъ достается капиталисту даромъ.

Форма, въ которой капиталистъ уплачиваетъ работнику рабочую плату, бываетъ различна въ различныхъ общественныхъ условіяхъ и при различныхъ формахъ производства. Но съ развитіемъ капиталистическаго

строя она все чаще принимаетъ видъ исключительно *денежной* платы, а плата въ видѣ снабженія работника средствами существованія *въ натурѣ*, какъ неудобная для предпринимателя и рабочаго, все болѣе отходитъ на задній планъ. Наиболѣе долго плата натурой (вполнѣ или отчасти) удерживается въ земледѣльческомъ производствѣ, гдѣ за нѣкоторыя работы (какъ, напр., молотьба) даже въ западной Европѣ (Германія) и до сихъ поръ принято уплачивать долей выработаннаго продукта (зерна). Это происходитъ потому, что здѣсь производится значительное количество предметовъ потребленія рабочихъ; при томъ же снабженіе рабочихъ предметами потребленія въ ихъ натуральномъ видѣ вызывается здѣсь и невозможностью или неудобствомъ для рабочихъ, за отсутствіемъ рынка, добывать эти предметы на сторонѣ. Въ другихъ отрасляхъ промышленности чаще всего въ натурѣ рабочимъ отводится жилище; это бываетъ особенно въ томъ случаѣ, когда фабрика или промышленное заведеніе помѣщается вдали отъ большихъ населенныхъ центровъ (какъ горно-заводскіе промыслы).

Что касается величины рабочей платы, то она въ нѣкоторой мѣрѣ соразмѣряется, съ одной стороны—*съ цѣнностью рабочей силы*, а съ другой—*съ количествомъ прибавочной цѣнности, доставляемой капиталисту*. Первое обстоятельство вызываетъ то, что рабочая сила оплачивается (при прочихъ равныхъ условіяхъ) выше тамъ, гдѣ производство ея дороже, т. е. гдѣ дороже предметы потребленія рабочихъ, или—гдѣ выше ихъ потребности. Потребности-же рабочаго представляютъ величину, измѣняющуюся съ измѣненіемъ общественныхъ условій: гдѣ рабочій привыкъ поддерживать извѣстный образъ жизни (Standart of life англичанъ), тамъ онъ только въ исключительномъ случаѣ согласится на рабочую плату, не могущую доставить ему привычныя удобства. Этимъ, безъ сомнѣнія, объясняется отчасти огромная разница въ оцѣнкѣ однороднаго труда въ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи; такъ, мѣсячный заработокъ ткача въ Англіи въ 1880 г. при 10-ти час. раб. днѣ равнялся 28 руб. 37 к., а того же ткача въ Россіи (Моск. губ.), при 14-ти-час. рабочемъ днѣ, въ тотъ же годъ, онъ былъ 17 р. 68 коп.; за эту послѣднюю сумму англійскій рабочій, привыкшій каждый день употреблять въ пищу мясо, согласится работать развѣ что будучи въ крайней нуждѣ. По изслѣдованіямъ бывшаго фабричнаго инспектора, проф. Янжула, денежная плата иностранныхъ рабочихъ въ бумаго-прядильномъ и ткацкомъ производствахъ превосходитъ русскую: въ Америкѣ болѣе чѣмъ на 400%, въ Англіи болѣе чѣмъ на 300%; въ шерстоткацкомъ и прядильномъ производствахъ превосходство американской платы надъ русской равно 350%, а англійской 200%. Всѣ эти факты подтверждаютъ, что на высоту рабочей платы въ весьма значительной сте-

пени вліяетъ привычный образъ жизни рабочаго, а съ повышеніемъ культурнаго состоянія страны увеличиваются потребности рабочаго и повышается требуемая имъ рабочая плата.

Но, съ другой стороны, на высоту рабочей платы вліяетъ и количество прибавочной цѣнности, доставляемой капиталисту даннаго рода трудомъ. Въ силу этаго оплата единицы времени квалифицированнаго труда будетъ выше оплаты труда простого. Подобнымъ образомъ и единица времени болѣе интенсивнаго труда оплачивается обыкновенно болѣе высоко, чѣмъ единица времени труда низшей интенсивности. Но здѣсь повышенію дневной рабочей платы отвѣчаетъ усиленная трата трудовой энергіи въ данное время; потому единица трудовой энергіи при высшей рабочей платѣ можетъ оплачиваться не выше, а даже ниже, чѣмъ при низшей платѣ и меньшей тратѣ рабочей силы въ данное время. Въ этомъ сущность разницы между оплатой квалифицированнаго труда и труда болѣе интенсивнаго, но простого: при квалифицированномъ трудѣ расходъ трудовой энергіи во время работы, можетъ быть, и не выше, чѣмъ при простомъ трудѣ, и повышеніе вознагражденія за этотъ трудъ является по существу возмѣщеніемъ за расходъ энергіи на обученіе и другія (указанныя выше) условія производства этаго труда. Установленіе соотношенія между интенсивностью труда и рабочей платой достигается введеніемъ, вмѣсто повременной оплаты, оплаты по количеству произведенныхъ единицъ продукта, такъ называемой *издѣльной* или *поштучной* платы. Издѣльная плата является стимуломъ, заставляющимъ рабочаго повышать интенсивность своего труда, и потому она болѣе выгодна для капиталиста, такъ какъ мы знаемъ, что интенсификація труда сильно повышаетъ норму прибавочной цѣнности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ интенсивная работа немыслима при низкомъ уровнѣ питанія рабочаго, и потому заработокъ его долженъ быть выше при болѣе интенсивномъ трудѣ, чѣмъ при трудѣ малой интенсивности; этимъ обыкновенно объясняется повышеніе рабочей платы при введеніи издѣльнаго расчета за работу. Съ другой стороны, физіологическая граница, обусловливающая длину рабочаго дня, при интенсивированіи труда становится гораздо у́же, и капиталистъ не можетъ разсчитывать на длинный и вмѣстѣ съ тѣмъ высокоинтенсивный рабочій день. Потому-то повышеніе интенсивности труда, повышая заработки рабочихъ въ извѣстныхъ отрасляхъ производства и будучи часто само вызвано обязательнымъ сокращеніемъ числа рабочихъ часовъ, вызываетъ настойчивыя требованія со стороны рабочихъ дальнѣйшаго пониженія числа часовъ работы.

Отрицательными сторонами интенсификаціи труда, а, слѣдовательно, и повышенія заработка путемъ введенія поштучной платы, являются: во 1-хъ, сокращеніе числа занятыхъ рабочихъ рукъ и увеличеніе арміи безработныхъ,

а во-вторыхъ—истощеніе работника, старающагося увеличить свой заработокъ. Повременная плата, какъ не влекущая за собой интенсификаціи труда, уступаетъ повсюду задѣльной и остается только въ немногихъ отрасляхъ и особенно въ земледѣльческомъ батрачномъ хозяйствѣ. Послѣднее объясняется именно тѣмъ, что поштучная плата можетъ вводиться только въ производствахъ, гдѣ возможно болѣе или менѣе точно контролировать самое качество продукта, такъ какъ въ противномъ случаѣ, въ силу естественнаго желанія рабочаго получить бо́льшее вознагражденіе, послѣдній будетъ обращать свое вниманіе исключительно на количество произведеннаго продукта, совершенно игнорируя качество, что̀, конечно, является невыгоднымъ для предпринимателя. И въ этомъ смыслѣ предприниматель-земледѣлецъ поставленъ гораздо менѣе выгодно, чѣмъ другіе промышленники, такъ какъ въ земледѣліи часто совершенно невозможно контролировать качество работы въ моментъ ея окончанія, и дефекты проявляются только много времени спустя.

§ 2. Рабочая плата, по ученію Рикардо, постоянно стремится оставаться равною цѣнности minimum'а средствъ существованія рабочаго. Этотъ законъ, обыкновенно называемый «желѣзнымъ закономъ» Лассаля. нарушается, съ одной стороны, такими явленіями, какъ поднятіе заработной платы выше minimum'а средствъ существованія путемъ увеличенія интенсивности труда (поштучная оплата труда); съ другой стороны, обратно: трудъ дѣтей и женщинъ, повышая общій доходъ семьи, можетъ повлечь за собой пониженіе заработка взрослаго мужчины ниже уровня средствъ, необходимыхъ для прокормленія его и его семейства, такъ какъ въ этомъ случаѣ съ работника снимается, такъ сказать, обязанность содержанія семьи. Кромѣ того, на колебаніе заработной платы въ ту или другую сторону вліяютъ еще условія спроса и предложенія. Разбирая эти вліянія, приходимъ къ вопросамъ: 1) чѣмъ обусловливается спросъ на рабочую силу? и 2) отчего зависитъ ея предложеніе?

Основатели классической экономіи, Ад. Смитъ и Рикардо, не вполнѣ разработали эти вопросы, но высказывались за полную зависимость спроса на трудъ отъ величины капиталовъ страны. Изъ этаго выходило, что чѣмъ болѣе возрастаютъ капиталы, тѣмъ сильнѣе и спросъ на трудъ; а, въ зависимости отъ этаго, должна возрастать и заработная плата, при условіи, конечно, что предложеніе рабочихъ рукъ возрастаетъ не такъ быстро, какъ возрастаютъ капиталы. Это положеніе дало поводъ сдѣлать выводъ, что существуетъ «гармонія интересовъ» рабочаго и капиталиста, т. е., что въ интересахъ рабочаго увеличивать степень доходности производства, чтобы содѣйствовать такимъ образомъ росту капиталовъ. Послѣдователи классической школы, а еще болѣе вульгарные экономисты выдвинули затѣмъ ученіе о «фондѣ рабочей платы». Говорили, именно,

что въ каждой странѣ спросъ на рабочую силу обусловливается существующимъ фондомъ рабочей платы, ростъ котораго идетъ параллельно или даже прямо пропорціонально росту капиталовъ; размѣръ этаго фонда зависитъ всецѣло отъ абсолютныхъ размѣровъ капиталовъ страны, и, слѣдовательно, величина его для даннаго періода времени строго опредѣленна и независима отъ воли капиталиста, а только отъ величины накопленія. Величиною же этаго фонда опредѣляется и высота рабочей платы, или, вѣрнѣе, ея средній уровень, который, для опредѣленнаго періода можетъ быть выведенъ, какъ частное — $\frac{\text{рабочій фондъ}}{\text{число рабочихъ}}$.

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ упускалось изъ виду, что прибавочная цѣнность, являющаяся нарощеніемъ капитала, отнюдь не употребляется цѣликомъ на увеличеніе перемѣннаго капитала, а заключаетъ, какъ было указано выше, кромѣ суммы, идущей на оплату рабочей силы, еще слѣдующія части: во 1-хъ, долю, идущую на удовлетвореніе личныхъ нуждъ и потребностей самого капиталиста,—долю, которая по произволу капиталиста можетъ быть увеличена или уменьшена; во 2-хъ, долю, которая, поступая на увеличеніе капиталовъ предпріятія, употребляется на постоянный капиталъ. Въ зависимости отъ величины перечисленныхъ расходовъ, доля прибавочной цѣнности, употребляемая на покупку рабочей силы, можетъ весьма значительно колебаться, и уже возможность произвольнаго увеличенія доли, идущей на личное потребленіе капиталиста, не позволяетъ говорить о пропорціональномъ ростѣ рабочаго фонда и общей суммы прибавочной цѣнности, или того, что̀ называется накопленіемъ. Правда, Дж. Ст. Милль, какъ бы предвидя это возраженіе, указываетъ, что и цѣнность тѣхъ машинъ и матеріаловъ, которые пріобрѣтаются капиталистомъ, равно какъ и цѣнность предметовъ его личнаго потребленія, въ концѣ концовъ, слагаются изъ того же труда, но только затраченнаго въ разныхъ отрасляхъ производства. Это, конечно, вѣрно, но не вѣрно въ этомъ разсужденіи то заключеніе, которое дѣлаетъ Милль,—именно, что цѣнность эта равняется суммѣ той рабочей платы, которую получили работники въ отрасляхъ промышленности, участвовавшихъ въ созданіи указанныхъ предметовъ. При этомъ Милль упускаетъ изъ виду, что въ цѣнность продукта каждой отрасли входила непремѣнно (при капиталистическомъ строѣ) нѣкоторая доля, которая поступала непосредственно капиталисту и хотя была произведена трудомъ, но трудомъ неоплаченнымъ. Словомъ, сущность ошибки заключается здѣсь въ смѣшеніи «цѣнности труда» и «цѣнности рабочей силы», т. е. въ отождествленіи цѣнности, придаваемой работникомъ продукту, съ цѣнностью (точнѣе—рыночной цѣною) рабочей силы. Въ опроверженіе ученія о фондѣ заработной платы Родбертусъ и особенно Генри Джоржъ приводили, что

рабочая плата выплачивается не изъ капитала, а изъ цѣнности произведеннаго продукта. Конечно, иногда,—какъ, напримѣръ, при половничествѣ и другихъ видахъ вознагражденія труда натурой (т. е. частью самого продукта),—такое происхожденіе рабочей платы вполнѣ очевидно и не можетъ быть оспариваемо. Но при денежной формѣ платы, послѣдняя только въ томъ случаѣ можетъ происходить изъ цѣнности произведеннаго продукта, если между временемъ приготовленія продукта и выдачей рабочей платы товаръ успѣлъ превратиться на рынкѣ въ денежную форму цѣнности; въ противномъ случаѣ рабочая плата должна происходить изъ капитала, т. е. составлять часть ранѣе произведенной цѣнности,—того накопленія, которое успѣлъ сдѣлать капиталистъ ранѣе, чѣмъ работникъ произвелъ для него ту цѣнность, за которую ему слѣдуетъ получить заработную плату.

Въ идеѣ о фондѣ рабочей платы заключается, однако, и доля истины, которую можно формулировать такъ. Если оставить въ сторонѣ долю личнаго потребленія капиталистовъ, то сумма, которая можетъ быть употреблена на покупку рабочей силы, опредѣляется техникой производства, т. е. тѣмъ, насколько та или другая техника требуетъ участія въ производствѣ различныхъ составныхъ частей постояннаго капитала, и, слѣдовательно, какая доля остается затѣмъ на перемѣнный капиталъ. Очевидно, однако, что понимаемый въ этомъ смыслѣ фондъ рабочей платы подлежитъ широкимъ колебаніямъ въ зависимости отъ развитія техники и отнюдь не зависитъ отъ одного только накопленія.

ГЛАВА II.

Ученіе о народонаселеніи.

Обратимся теперь ко второму изъ поставленныхъ выше вопросовъ: чѣмъ обусловливается предложеніе рабочей силы? По отношенію къ этому вопросу отвѣтъ былъ, казалось, ясенъ: предложеніе обусловлено наличнымъ населеніемъ страны и его приростомъ. Въ первое время, когда капиталистическое производство только что устанавливалось, это соотношеніе между количествомъ предлагаемой рабочей силы и населеніемъ страны было настолько ясно, что почти каждый писатель, занимавшійся экономическими вопросами, не забывалъ упомянуть, что значительное населеніе составляетъ благо для государства. Естественно, что, въ силу подобныхъ взглядовъ, правительства всѣхъ европейскихъ государствъ въ XVI и XVII вѣкѣ заботятся объ увеличеніи населенія: заключеніе браковъ всячески поощряется, поощряется и увеличеніе плодовитости семьи: французскіе дворяне, имѣющіе болѣе 10 живыхъ дѣтей (не поступившихъ въ монастырь), получаютъ по 1000 и 2000 ливровъ въ годъ; Фридрихъ Великій (Прусскій) отмѣняетъ даже церковное наказаніе за прелюбодѣяніе, и т. д. Но къ концу XVIII в. Англія уже переходитъ къ другому состоянію: населеніе такъ размножилось, что появляется пауперизмъ, т. е. въ силу перенаселенія на рынкѣ является такая масса людей, предлагающихъ свой трудъ, что всѣ фабрики и заводы не въ силахъ вмѣстить въ себѣ этой массы рабочихъ, и потому въ сильной степени возрастаетъ число безработнаго голоднаго населенія. Естественно, что такое явленіе не могло пройти незамѣченнымъ въ обществѣ и литературѣ, и потому выступаютъ писатели, стремящіеся указать причины такой перенаселенности и бѣдности.

Первый, занявшійся этимъ вопросомъ, былъ Годвинъ, который въ своей книгѣ «О политической справедливости» указываетъ на противорѣчіе между колоссальнымъ ростомъ національнаго богатства Англіи и

параллельнымъ возрастаніемъ пауперизма. Онъ приходитъ къ выводу, что восхваляемый школой Смита экономическій прогрессъ Англіи не только ничего не прибавилъ къ благосостоянію низшихъ классовъ населенія, но, наоборотъ, разрушилъ это благосостояніе. Богатства, по мнѣнію Годвина, достаточно на всѣхъ, а корень зла въ неправильности политическаго строя и въ отсутствіи учрежденій, которыя гарантировали бы каждому его долю.

Отвѣтомъ на книгу Годвина былъ знаменитый трактатъ Мальтуса «Опытъ о принципѣ народонаселенія» (1798 г.). Это сочиненіе черезъ шесть лѣтъ вышло новымъ изданіемъ и вообще еще при жизни Мальтуса выдержало нѣсколько (5) изданій и было переведено на всѣ европейскіе языки.

Причины пауперизма Мальтусъ видѣлъ не въ томъ или другомъ строѣ государства, а въ свойствѣ самой человѣческой природы. Человѣкъ, какъ и всякій животный или растительный организмъ, въ благопріятныхъ условіяхъ способенъ размножаться до безконечности, и размноженіе идетъ всегда въ геометрической прогрессіи. Продукты же питанія человѣка (т. е. произведенія земли) не могутъ возрастать съ равною быстротою: въ самомъ благопріятномъ случаѣ ихъ возрастаніе можетъ происходить развѣ что въ ариѳметической прогрессіи. Вслѣдствіе этаго, въ то время, когда населеніе учетверится, продуктивность земли возрастетъ только въ три раза, и окажется, слѣдовательно, недостатокъ въ продуктахъ земли; при дальнѣйшемъ же увеличеніи населенія дефицитъ продуктовъ растетъ, и постоянно образуется излишекъ людей, обреченныхъ на бѣдность или, вѣрнѣе, на смерть отъ недостатка пищи; природа сама устраняетъ этотъ излишекъ, жестоко убивая голодной смертью громадныя массы населенія. «Человѣкъ, рожденный въ занятый уже міръ,— говоритъ Мальтусъ,— если семейство не въ состояніи прокормить его, а общество не нуждается въ его трудѣ, не имѣетъ ни малѣйшаго права на какую бы то ни было долю въ продовольствіи. Онъ лишній на землѣ. За великимъ столомъ природы для него не осталось мѣста; природа повелѣваетъ ему удалиться и въ большинствѣ случаевъ сама приводитъ въ исполненіе свой приговоръ».

Эта работа Мальтуса произвела сильную сенсацію въ Англіи: одни видѣли въ ней справедливую защиту современнаго строя, другіе—выраженіе жестокости по отношенію къ массѣ бѣдняковъ.

Прежде, чѣмъ разбирать подробно воззрѣнія Мальтуса, замѣтимъ, что, хотя мнѣнія его были выражены въ очень рѣзкой и даже жестокой формѣ и повлекли за собою еще бо́льшія крайности его послѣдователей, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ значительное основаніе указывать на условія размноженія населенія, какъ на корень того зла, которое вызвало по-

явленіе его труда, т. е. пауперизма, рѣзко проявившагося въ это время въ Англіи. Дѣло въ томъ, что ко времени выхода въ свѣтъ его книги, Англія переживала періодъ усиленнаго размноженія. Просматривая статистическія данныя той эпохи, мы находимъ поразительное увеличеніе процента прироста населенія. Дѣйствительно, приростъ населенія въ Англіи собственно исчислялся такъ (по Mulhall'ю):

Періодъ.	Населеніе тысячъ душъ. Въ началѣ Періода.	Въ концѣ Періода.	Общій приростъ въ тысячахъ душъ.
1480—1580 г.	3700	4600	900
1580—1680 »	4600	5532	932
1680—1780 »	5532	9561	4029

Въ общемъ, слѣдовательно, весьма значительное увеличеніе процента прироста, который въ 1-й и 2-й періодъ не достигаетъ и $^1/_4$ % въ годъ, а въ послѣднемъ почти $^3/_4$ %. Кромѣ того быстрота возрастанія прироста въ слѣдующія десятилѣтія все продолжала повышаться, какъ показываетъ слѣдующая таблица:

Отъ	1751	по 1781	приростъ	6%
»	1781	» 1791	»	9%
»	1791	» 1801	»	11%
»	1801	» 1811	»	14%.

Фактъ бросался въ глаза, и перенаселеніе Англіи въ эту эпоху было очевидно, тогда какъ значеніе другихъ факторовъ, вызывающихъ искусственное перенаселеніе, тогда еще далеко не было такъ очевидно, какъ это сдѣлалось впослѣдствіи.

§ 4. Теорія народонаселенія Мальтуса подвергалась неоднократно критикѣ съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія; ее разбирали и со стороны естественно-исторической, и со стороны экономической, и со стороны статистической, т. е. точности посылокъ, положенныхъ въ основу заключеній Мальтуса; но наиболѣе остроумную и основательную критику ея далъ Чернышевскій въ примѣчаніяхъ къ сочиненію Д. С. Милля, а потому остановимся на его соображеніяхъ.

Законъ Мальтуса гласитъ,—говоритъ названный авторъ,—что населеніе имѣетъ способность размножаться съ быстротою, съ какою не можетъ возрастать земледѣльческій продуктъ. Этотъ выводъ подлинными его словами выражается такъ:

«Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ населеніе въ теченіе больше нежели полутораста лѣтъ удвоивалось быстрѣе, чѣмъ въ каждые 25 лѣтъ. Итакъ, мы можемъ принять за достовѣрное, что, когда населеніе не задерживается никакими препятствіями, оно удваивается въ каждые 25 лѣтъ и возрастаетъ по геометрической прогрессіи».

«Не такъ легко опредѣлить размѣръ возрастанія земледѣльческаго продукта,—говоритъ Мальтусъ.—Но мы навѣрное знаемъ, по крайней мѣрѣ, что этотъ размѣръ совершенно не таковъ, какъ размѣръ, по которому растетъ населеніе. Человѣкъ живетъ въ ограниченномъ пространствѣ. Когда вся плодородная земля воздѣлана, возрастаніе продовольствія зависитъ отъ улучшенія уже воздѣлываемыхъ земель; это улучшеніе не можетъ имѣть постоянно возрастающаго успѣха; напротивъ, его успѣхи будутъ все менѣе и менѣе значительны. Мы, вѣроятно, превзойдемъ границы правдоподобія, если предположимъ, что при лучшемъ хозяйствѣ земледѣльческій продуктъ могъ бы удвоиться на нашемъ островѣ (Англія) въ первые 25 лѣтъ; такое предположеніе, вѣроятно, покажется превышающимъ мѣру, допускаемую разсудкомъ. Рѣшительно невозможно надѣяться, чтобы продуктъ шелъ по той же прогрессіи въ слѣдующіе 25 лѣтъ и чтобы въ концѣ второго періода нынѣшній продуктъ учетверился; это противно всѣмъ нашимъ понятіямъ о плодородіи земли. Для каждаго, сколько-нибудь знакомаго съ предметомъ, очевидно, что ежегодное приращеніе средняго продукта идетъ правильно уменьшаясь. Теперь, чтобы сравнить возрастаніе населенія съ возрастаніемъ продукта, сдѣлаемъ предположеніе, которое при всей своей неточности, навѣрное, будетъ благопріятнѣе всѣхъ результатовъ опыта для земледѣльческаго продукта. Предположимъ, что ежегодное приращеніе продукта не будетъ уменьшаться, а постоянно будетъ одинаково, такъ что съ каждымъ двадцатипятилѣтнимъ періодомъ къ годичному продукту Великобританіи будетъ прибавляться количество, равное всему ея нынѣшнему продукту. Итакъ, мы можемъ сказать, что средства продовольствія при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не могутъ возрастать быстрѣе, чѣмъ по ариѳметической прогрессіи».

«Неизбѣжное послѣдствіе этихъ двухъ законовъ возрастанія очевидно. Человѣческій родъ будетъ возрастать въ порядкѣ чиселъ: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, а продовольствіе станетъ возрастать въ порядкѣ чиселъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9».

«Смыслъ закона,—говоритъ Чернышевскій,—таковъ: недостаточность пищевыхъ продуктовъ вызывается неравенствомъ производительности земельныхъ участковъ съ одной стороны, а съ другой—необходимостью, при ростѣ населенія, занимать все худшія земли, въ силу чего должна падать производительность труда вновь прибывающаго населенія. Компенсаціею этаго паденія продуктивности земли и, слѣдовательно, потребительнаго дефицита можетъ явиться только повышеніе техники земледѣлія, и весь вопросъ въ томъ, каковъ долженъ быть ростъ улучшенія этой техники для покрытія могущаго возникнуть дефицита, и возможенъ ли подобный ростъ?»

Чернышевскій, не отрицая самой правильности посылокъ Мальтуса (геометрической прогрессіи размноженія и паденія естественной производительности труда), находитъ, что корень ошибки вычисленій Мальтуса—что касается величины необходимыхъ улучшеній—лежитъ въ томъ, что онъ принимаетъ не постепенный, изъ года въ годъ, приростъ населенія, какъ онъ совершается въ дѣйствительности, и послѣдовательный ходъ ежегодныхъ улучшеній, а вычисляетъ то и другое по періодамъ.

Чернышевскій находитъ, что если принять, что процентъ земледѣльцевъ въ населеніи остается неизмѣннымъ, то изъ разсужденій Мальтуса нужно сдѣлать выводъ, что производительность труда прибылыхъ въ каждомъ новомъ періодѣ работниковъ понижается въ той же прогрессіи, въ какой возрастаетъ количество этихъ работниковъ.

«Напишемъ, говоритъ онъ, строки Мальтуса такъ:

Періоды: 1.	2-й.	3-й.	4-й.
Населеніе: 1;	1 + 1 = 2;	2 + 2 = 4;	4 + 4 = 8..
Продуктъ: 1;	1 + 1 = 2;	2 + 1 = 3;	3 + 1 = 4..

«Мы видимъ, что одинъ новый работникъ, прибавившійся во второмъ періодѣ, увеличиваетъ земледѣльческій продуктъ на единицу; 2 работника, прибавившіеся въ третій періодъ, увеличиваютъ продуктъ тоже на единицу, т. е. каждый изъ нихъ только на $^1/_2$; иначе говоря, производительность труда прибылыхъ работниковъ вдвое ниже производительности прежнихъ работниковъ; 4 работника въ 3-мъ періодѣ увеличили количество продукта также только на единицу, т. е. одинъ рабочій увеличиваетъ на $^1/_4$, и т. д., другими словами, уменьшеніе производительности идетъ какъ разъ по той же прогрессіи, какъ увеличеніе населенія (1, 2, 4, 8...)».

Если при этомъ условіи вычислить размѣръ улучшеній по періодамъ въ 25 лѣтъ, какъ дѣлаетъ Мальтусъ, то получимъ слѣдующій результатъ.

«Пусть количество населенія будетъ 1,000 чел. Пусть на хорошее продовольствіе человѣка нужно среднимъ числомъ 4 четверти пшеницы; всего 4,000 четв. Пусть взрослые мужчины-хлѣбопашцы составляютъ $^1/_{10}$ часть населенія, т. е. пусть ихъ будетъ 100 чел. Пусть каждый изъ нихъ производитъ среднимъ числомъ 40 четвертей пшеницы; всего пшеницы будетъ произведено 4,000 четвертей. Черезъ 25 лѣтъ число населенія и работниковъ удвоилось. Производительная сила новыхъ работниковъ уменьшилась въ той же пропорціи, въ какой увеличилось число работниковъ, т. е. вдвое. Итакъ, если первые 100 работниковъ производятъ по 40 четвертей, всего 4,000 четвертей, то новые 100 работниковъ производятъ только по 20 четв., всего 2,000 четвертей. Все количество хлѣба на 2,000 населенія будетъ 6,000 четвертей, т. е. на

каждаго жителя будетъ приходиться вмѣсто прежнихъ четырехъ четвертей уже только 3 четв. Продовольствіе оказывается недостаточнымъ».

«Для предотвращенія этаго дефицита съ его гибельными послѣдствіями нужно бы было произвести въ теченіе 25-лѣтія земледѣльческія улучшенія. Какой же размѣръ ихъ нуженъ?»

«Ясно, что земледѣліе должно улучшиться настолько, чтобы продуктъ съ 6,000 четвертей поднялся до 8,000 четвертей. Если прежнюю высоту земледѣлія мы обозначимъ черезъ P, то требуемая высота будетъ: 6,000 : 8,000 = P : X; откуда мы получимъ X = $^3/_4$ P».

«Мы видимъ, что земледѣліе должно улучшиться въ теченіе 25 лѣтъ на цѣлую треть (33%); настолько, что если бы оставалось только прежнее число 100 рабочихъ, то каждый изъ этихъ работниковъ производилъ бы не 40, а 53$^1/_3$ четверти. Такой размѣръ улучшеній въ 25 лѣтъ дѣйствительно очень великъ, и очень можетъ быть, что онъ неудобоисполнимъ на практикѣ».

Далѣе Чернышевскій вычисляетъ ту же величину улучшеній, принимая во вниманіе послѣдовательный ростъ населенія годъ за годомъ, измѣняя свой примѣръ такимъ образомъ: населеніе 1-го января 1-го года было 1,000; число хлѣбопашцевъ работниковъ въ немъ 100. «Для хорошаго продовольствія населенія нужна такая успѣшность хлѣбопашеннаго труда, чтобы каждый работникъ производилъ по 10 возовъ хлѣба», и «при такомъ изобиліи продукта населеніе возрастаетъ ежегодно на 3%» (пропорція нѣсколько выше той, которая даетъ удвоеніе населенія въ 25 лѣтъ и принимается Мальтусомъ). Къ 1 января 2-го года населеніе будетъ 1030 человѣкъ, и, если пропорція хлѣбопашцевъ-работниковъ останется прежняя, ихъ будетъ 103 чел.», для 1030 чел. будетъ нужно 1030 возовъ хлѣба. Такъ какъ «Мальтусъ полагаетъ, что процентъ ослабленія производительности новаго труда равенъ проценту возрастанія его количества, или—при неизмѣнности пропорціи между числомъ хлѣбопашцевъ и числомъ населенія—равенъ проценту возрастанія населенія», то «производительность новаго труда относится къ производительности прежняго, какъ 100 къ 103, т. е. X : 10 = 100 : 103, или X = 9,7087..... «Итакъ 3 прибылыхъ хлѣбопашца производятъ только 3 × 9,7087 = = 29,1261 возовъ, вмѣсто 30, которые были бы нужны по прежнему размѣру, и во 2-й годъ для 1030 человѣкъ будетъ вмѣсто 1030 возовъ хлѣба только 1029,1261. Чтобы вмѣсто 1029,1261 возовъ жатва 2-го года дала 1030 возовъ, производительность труда прежнихъ работниковъ должна подняться настолько выше прежней своей величины 10», и именно—X : 10 = 1030 : 1029,1261. X = 10,00849...

«При ежегодномъ возрастаніи населенія по 3%, нуженъ годичный размѣръ усовершенствованія = 0,000849, т. е. менѣе чѣмъ на $^1/_{11}$ часть

процента. Это возрастаніе составляетъ на пудъ нѣсколько больше $3^1/_4$ золотника, а на возъ хлѣба (25 п.) — $81^1/_2$ золотника». А этотъ процентъ ежегоднаго улучшенія дастъ улучшеніе въ 25 лѣтъ въ $2^1/_7\,^0/_0$.

«Неужели», говоритъ Чернышевскій, «усовершенствованія въ земледѣліи не могутъ идти такъ, чтобы въ теченіе цѣлой четверти вѣка улучшить земледѣльческіе способы на $2^1/_7\,^0/_0$?»

Чтобы еще яснѣе видѣть громадную разницу между улучшеніемъ земледѣльческой техники, требуемымъ по вычисленію Мальтуса, и тѣмъ, которое вычислено Чернышевскимъ, приведемъ таблицу:

	Періоды по 25 лѣтъ.				
	1-й.	2-й.	3-й.	4-й.	5-й.
Высота земледѣлія, требуемая					
по вычисл. Мальтуса	1,00	1,333	1,777	2,3702	3,1602
по вычисл. Чернышевскаго . .	1,00	1,0214	1,0434	1,0657	1,0886
т. е. улучшенія по вычисленію Мальтуса превышаютъ размѣръ улучшеній, вычисленный Чернышевскимъ, въ	—	15	17	20	24 раза

Показавъ такимъ образомъ ошибку разсужденій Мальтуса относительно необходимаго роста улучшеній техники, Чернышевскій переходитъ къ доказательству преувеличенности его понятія о быстротѣ роста населенія.

Періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ взятъ Мальтусомъ изъ переписей населенія Соединенныхъ Штатовъ. Приписывая все увеличеніе жителей Соединенныхъ Штатовъ естественному размноженію, Мальтусъ забылъ совсѣмъ про иммиграцію, которая шла такъ сильно въ то время, и не сдѣлалъ поправки на искусственный приростъ населенія, вносимый переселенцами. Между тѣмъ поправка эта крайне необходима, такъ какъ иммиграція не только повышаетъ абсолютное число жителей, но и $^0/_0$ рождаемости. Бо́льшая или меньшая способность извѣстной группы людей къ размноженію зависитъ отъ того, какую пропорцію въ этой группѣ составляютъ женщины, способныя по своимъ лѣтамъ становиться матерями, главнымъ образомъ отъ 15 до 40-лѣтняго возраста. Изъ тѣхъ немногихъ и отрывочныхъ данныхъ о выселеніяхъ въ Америку европейцевъ, какія имѣлись даже и во времена Мальтуса, оказывается, что женщины отъ 15 до 40 лѣтъ составляютъ гораздо большій процентъ среди переселенцевъ, чѣмъ среди постояннаго населенія Соединенныхъ Штатовъ. Данныя, бывшія недостаточными во времена Мальтуса и даже Чернышевскаго, теперь полнѣе; такъ, вселеніе въ Америку съ 1851 по 1884 годъ составило, по М. Зерингу *), 10.000.000 лицъ; возрастный

*) Max Sering. Die landwirthschaftliche Concurrenz Nordamerikas. Leipzig. 1887.

составъ ихъ показанъ въ таблицѣ на ряду съ возрастнымъ составомъ населенія въ Германіи.

	Моложе 15 л.	Отъ 15—40 л.	Старше 40 л.
Среди переселенцевъ . .	22,1%	68%	9,9%
въ Германіи	35,6%	38,2%	26,2%

Такимъ образомъ, элементъ населенія, обусловливающій приростъ, среди переселяющихся въ Америку = 68%, т. е. почти вдвое болѣе, чѣмъ въ странахъ, поставляющихъ туда переселенцевъ. Такой составъ населенія вліяетъ на способность переселенцевъ къ размноженію двоякимъ образомъ: съ одной стороны непосредственно,—увеличивая количество рождающихся въ группѣ,—съ другой—посредственно,—тѣмъ, что, благодаря малому количеству нерабочаго населенія,—дѣтей и стариковъ, является возможность бо́льшаго и болѣе быстраго развитія благосостоянія, что́ сейчасъ же не замедлитъ отразиться на процентѣ рождаемости, а еще болѣе на процентѣ смертности, увеличивая первый и уменьшая послѣдній, а, слѣдовательно, приростъ населенія будетъ значительно выше. Конечно, приведенныя цифры Зеринга не вполнѣ доказательны, потому что даютъ всю массу населенія данной возрастной группы, тогда какъ рѣшающее значеніе имѣетъ именно женское населеніе. Но, хотя извѣстно, что въ числѣ эмигрантовъ преобладаютъ мужчины, все же, очевидно, и женская группа наиболѣе плодовитаго возраста представлена сильнѣе въ числѣ эмигрирующихъ, чѣмъ среди постояннаго населенія страны.

Посмотримъ теперь, какой можно допустить максимумъ прироста населенія, и каковъ будетъ, слѣдовательно, минимальный періодъ удвоенія,—продолжаетъ Чернышевскій.—Очевидно, что годовой приростъ населенія получается изъ разности между числомъ рожденій и смертей въ этотъ періодъ. Какое же можетъ быть число рожденій въ среднемъ обществѣ? Періодъ плодовитости у женщинъ кавказскаго племени простирается приблизительно отъ 15 до 45 лѣтъ; процентъ этихъ женщинъ равняется примѣрно 20 *). Самое устройство организма полагаетъ между рожденіемъ дѣтей у женщинъ средній періодъ въ 2 года (девять мѣсяцевъ беременности, болѣе года кормленія грудью и т. д.). Значитъ число рожденій, по физическимъ условіямъ организма, не можетъ быть больше 10 на 100 (10%). Какъ бы ни былъ заботливъ уходъ за младенцами, все-таки значительное ихъ количество не можетъ быть спасено отъ смерти въ первые годы; при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ наименьшая смертность у дѣтей до 5 лѣтъ равняется въ среднемъ 20%, слѣдовательно, приростъ, при вышеизложенныхъ условіяхъ, будетъ равняться только 8%,

*) По Mulhall'ю, женщинъ въ возрастѣ отъ 15—45 л. оказывается нѣсколько болѣе 20%; такъ: на 1000 въ Бельгіи приходится 220, во Франціи 223, въ Италіи 227, въ Англіи 230, въ Испаніи 240 и въ Швеціи 245.

смертность же взрослыхъ понизитъ его еще, и онъ будетъ менѣе 8%. Но едва ли можно допустить, чтобы каждая женщина произвела въ свою жизнь на свѣтъ 15 дѣтей; для этаго надо допустить, что ея производительность остается постоянной въ продолженіе всего періода ея материнства, что̀ очевидная нелѣпость, такъ какъ подъ конецъ жизни женщина истощается, а наше условіе требуетъ отъ нея такой же силы, какъ и у 16-лѣтней матери; кромѣ того въ это разсужденіе закрадывается еще и другая ошибка. При такомъ быстромъ ростѣ населенія (8%) пропорція взрослыхъ уменьшилась бы отъ многочисленности подростающаго поколѣнія, и процентъ первыхъ былъ бы гораздо меньше 20. Напр., при періодѣ удвоенія въ 15 лѣтъ, число лицъ, имѣющихъ болѣе 15 лѣтъ, непремѣнно должно быть менѣе 50% всего населенія, такъ какъ бо̀льшая половина его будетъ состоять изъ дѣтей моложе 15-тилѣтняго возраста *). Если будемъ считать среднюю продолжительность жизни въ 45 лѣтъ, что немного при условіяхъ полнаго благосостоянія,—то это значитъ, что изъ людей старше 15 лѣтъ цѣлая половина должна имѣть болѣе 45 лѣтъ. «Что же мы получаемъ?»

«Люди. имѣющіе болѣе 15 лѣтъ, составляютъ въ населеніи менѣе 50%.
Изъ нихъ женщинъ $^1/_2$, т. е. менѣе. . . . . 25%.

Изъ этихъ женщинъ болѣе 45 лѣтъ имѣетъ цѣлая половина, и остается женщинъ, имѣющихъ отъ 15 до 45 лѣтъ, менѣе $12^1/_2$%.

Такимъ образомъ женщины, по лѣтамъ способныя становиться матерями, составятъ въ населеніи такого общества менѣе $^1/_8$ населенія, и, слѣдовательно, процентъ рождаемости долженъ быть менѣе 6,25%. «Но,—говоритъ Чернышевскій,—положимъ и 6,25% рождающихся младенцевъ. Изъ нихъ при полнѣйшемъ благосостояніи умретъ въ младенчествѣ $^1/_5$ часть (до 5 лѣтъ), т. е. 1,25%; останется только 5% для размноженія людей и для пополненія убыли, производимой смертностью между людьми старше 5 лѣтъ». Но для того, чтобы періодъ удвоенія населенія имѣлъ 15 лѣтъ, нуженъ процентъ размноженія 4,73; итакъ, для покрытія убыли отъ смертности въ возрастѣ старше 5 лѣтъ остается $5 - 4{,}73 = 0{,}27$%. «Неужели,—восклицаетъ Чернышевскій,—возможно предполагать при какомъ угодно благосостояніи такую малую пропорцію смертей въ населеніи старше 5 лѣтъ? Это значило бы, что для людей, пережившихъ первыя 5 лѣтъ дѣтства, средняя продолжительность жизни составляетъ 135 лѣтъ, т. е. лишь немногіе изъ нихъ умираютъ ранѣе 100 лѣтъ. и довольно многіе доживаютъ до 170. Иными словами—это значитъ, что предположить періодъ

*) По извѣстному свойству геометрической прогрессіи, имѣющей знаменателемъ 2, что послѣдній членъ ея больше суммы всѣхъ предыдущихъ членовъ. Этотъ послѣдній членъ—количество лицъ, еще не достигшихъ числа лѣтъ, соотвѣтствующаго цифрѣ лѣтъ періода удвоенія.

удвоенія въ 15 лѣтъ, значитъ предположить чистую нелѣпость. Устройство человѣческаго тѣла таково, что быстрота размноженія по 4,73% превышаетъ физическую возможность организма».

Попробуемъ изслѣдовать,—продолжаетъ Ч.,—какіе проценты размноженія и періоды удвоенія могутъ быть приняты за быстрѣйшіе, допускаемые физической организаціей человѣка. При этомъ будемъ помнить найденныя нами свойства измѣненія въ составѣ населенія: 1) процентъ женщинъ, способныхъ по своимъ лѣтамъ рождать дѣтей, тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе процентъ размноженія, и 2) процентъ рожденій, возможный въ обществѣ слабо размножающемся, становится немыслимъ въ обществѣ быстро размножающемся.

Чернышевскій принимаетъ, что цифра рождаемости «колеблется большею частью между 35-ю и 40 рожденій на 1,000 населенія» и только «въ отдѣльныхъ небольшихъ областяхъ, гдѣ... составъ населенія уклоняется отъ нормы», она поднимается «нѣсколько выше 40»; въ большихъ же странахъ достигаетъ этой высоты только послѣ войнъ, «неестественно возвышающихъ пропорцію женщинъ» въ населеніи; до 45 доходитъ «при исключительныхъ обстоятельствахъ»; выше 45 показывается лишь... въ тѣхъ странахъ, статистическіе отчеты которыхъ не слишкомъ достовѣрны; «до 48 не достигаетъ ни одна цифра, сколько-нибудь заслуживающая вѣроятія; наконецъ 50 рожденій на 1,000 населенія не показывается даже въ отчетахъ, не имѣющихъ претензій на точность».

Мы увидимъ потомъ, что современная статистика не вполнѣ подтверждаетъ сказанное здѣсь Чернышевскимъ, но сперва изложимъ его разсужденія.

Основываясь на данныхъ Чедвина о смертности среди дѣтей англійскихъ землевладѣльцевъ, Чернышевскій принимаетъ, что минимальная смертность въ возрастѣ отъ 0 до 5 лѣтъ должна быть не менѣе 20%. Для взрослаго же населенія, онъ, исходя изъ данныхъ французской статистики, вычисляетъ наименьшую смертность въ 1,2425%, а наиболѣе вѣроятной считаетъ смертность въ 1,4728%. На основаніи указанныхъ данныхъ онъ составляетъ слѣдующую таблицу:

% рожденій.	% умирающ. до 5 л.	% умир. послѣ 5 лѣтъ.	% размноженія. Наибольшій.	% размноженія. Вѣроятнѣйшій.	Періодъ удвоенія. Наименьшій.	Періодъ удвоенія. Вѣроятнѣйшій.
5,0	1,00	отъ 1,2425	2,7575	2,5275	25,48	27,77
4,5	0,90		2,3575	2,1275	29,75	32,93
4,0	0,80	до 1,4725	1,9575	1,7275	35,75	40,47
3,5	0,70		1,5575	1,3275	44,85	52,56

Если же мы примемъ болѣе вѣроятный, по мнѣнію Чернышевскаго, процентъ смертности между дѣтьми до 5 л. въ 1% всего населенія, то

при средней рождаемости въ Европѣ (3,5) и наиболѣе вѣроятной смертности взрослаго населенія (старше 5 лѣтъ) (1,47), получимъ приростъ населенія только въ 1,03%=3,5%—1%—1,47%. При такомъ же приростѣ, *который однако будетъ наиболѣе вѣроятнымъ*, *удвоеніе* населенія произойдетъ *черезъ 96 лѣтъ*. Выводы Чернышевскаго таковы: во-первыхъ, «для періода удвоенія въ 25 лѣтъ нужно число рожденій, значительно превышающее даже исключительные случаи особенной многочисленности рожденій. Во 2-хъ, изъ приведенныхъ цифръ видно, что при цифрѣ 40 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія,—той цифрѣ, которая встрѣчается только въ обществахъ, гдѣ дѣйствительное число рожденій превышаетъ норму силъ женскаго организма,—періодъ удвоенія оказывается отъ 35,7 до 40,5 лѣтъ, и послѣдняя цифра основана на болѣе вѣроятной пропорціи нормальныхъ смертей». А если взять рождаемость и смертность еще болѣе близкія къ истиннымъ, то удвоеніе и вовсе уже отодвигается такъ далеко (на 96 лѣтъ), что за это время и самыя ничтожныя улучшенія въ техникѣ земледѣлія будутъ въ состояніи поднять производительность настолько, что новыя поколѣнія не только не вымрутъ, какъ хочетъ доказать Мальтусъ, а такъ же, какъ и старые, могутъ смѣло сѣсть за «великій столъ природы».

Всѣ эти указанія Чернышевскаго имѣютъ, конечно, большое значеніе, особенно его выводы, относящіеся къ приросту населенія, и слѣдуетъ признать, что Мальтусъ, какъ и самъ онъ выражается, «найдя палку изогнутой въ одну сторону, слишкомъ перегнулъ ее въ другую сторону». Однако и разсужденія Чернышевскаго нельзя признать безусловно правильными по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Онъ ставитъ вопросъ такимъ образомъ: для того, чтобы произведеній земли было достаточно, необходимо возрастаніе *производительности труда* земледѣльческаго населенія, при томъ условіи, къ тому же, что процентъ земледѣльцевъ въ общей массѣ населенія остается постояннымъ. Подобная постановка вопроса несетъ въ себѣ двѣ ошибки. Во-первыхъ, суть дѣла не въ поднятіи производительности труда земледѣльца, а въ увеличеніи производительности почвы, или, что то же, въ увеличеніи количества земледѣльческаго продукта, собираемаго съ единицы воздѣлываемой площади,—все равно, будетъ ли это увеличеніе сопровождаться повышеніемъ производительности труда земледѣльца, или нѣтъ, т. е. будетъ ли единица продукта имѣть цѣнность бо́льшаго или прежняго количества затраченной на нее трудовой энергіи. Замѣняя терминъ «производительность почвы» несоотвѣтствующимъ ему терминомъ «производительность труда», Чернышевскій получаетъ, конечно, и несоотвѣтствующій выводъ.

Дѣйствительно, всѣ его формулы и вычисленія показываютъ, что, если только признать почву, которую воздѣлываютъ земледѣльцы, спо-

собною повышать свою производительность въ извѣстной степени отъ тѣхъ или другихъ приложенныхъ къ ней техническихъ улучшеній, то производительность труда земледѣльческаго населенія должна бы повыситься очень незначительно отъ введенія этой улучшенной техники, и все же продукта получится достаточно. Но этаго Мальтусъ и не оспариваетъ. Онъ собственно говоритъ только, что производительность *почвы* не можетъ повышаться параллельно увеличенію населенія, а потому это положеніе его не устраняется разсужденіями Чернышевскаго; все равно и при условіяхъ, указанныхъ Чернышевскимъ, остается въ силѣ тотъ фактъ, что если съ данной площади получается теперь пища для 1.000.000 человѣкъ, то черезъ 25 лѣтъ, или вообще по удвоеніи населенія, съ той же самой площади долженъ быть полученъ продуктъ, достаточный для продовольствія 2.000.000 человѣкъ. Весь вопросъ именно и состоитъ въ томъ, возможно ли полученіе этаго двойного количества продукта. А если это такъ, то и рѣшить его тѣмъ способомъ, которымъ пытается сдѣлать это Чернышевскій, совершенно невозможно. Чернышевскій, впрочемъ, не совсѣмъ обошелъ вопросъ о возможности повышенія производительности почвы. Такъ, онъ указываетъ, что по вычисленіямъ Гаснарена (извѣстнаго, въ свое время, французскаго агронома) при плодопеременномъ хозяйствѣ произведеніями 100 гектаровъ земли можетъ продовольствоваться 931 человѣкъ, и на этомъ основаніи вычисляетъ, что Англія (Соединенное королевство) могла бы прокормить своимъ хлѣбомъ 230 милліоновъ человѣкъ. Но такія вычисленія совершенно фантастичны и давно отвергнуты раціональной агрономіей.

Во 2-хъ, нѣкоторыя цифры Чернышевскаго должны быть исправлены въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для теоремы Мальтуса, и тогда вѣроятность слишкомъ быстраго роста удвоенія, роста, не соотвѣтствующаго прогрессу техники земледѣлія, становится болѣе правдоподобной. Такъ, удвоеніе населенія въ 25 лѣтъ требуетъ ежегоднаго прироста около 28 promille; но мы теперь знаемъ, что встрѣчается, хотя и не часто, рождаемость въ 45 promille (Венгрія) и даже болѣе, какъ напр. въ Россіи 48,7 promille, равно какъ и имѣетъ мѣсто смертность въ 18,4 (Швеція). Слѣдовательно, предположивъ совпаденіе указаннаго maximum'а рожденій съ minimum'омъ смертности, получимъ приростъ населенія отъ 26,6 до 30,4 promille, т. е. тотъ, при которомъ удвоеніе произойдетъ въ 25 лѣтъ или даже быстрѣе. Правда, подобное совпаденіе еще до сихъ поръ не наблюдалось, а скорѣе, обратно: въ странахъ съ наибольшей рождаемостью обыкновенно имѣетъ мѣсто и наибольшая смертность. Однако, необходимость этаго послѣдняго совпаденія и невозможность обратнаго отношенія не доказана, а потому нѣтъ основанія и отрицать вполнѣ такое явленіе. Далѣе Чернышевскій, впрочемъ, указываетъ на существованіе возможности удлинить періодъ удвое-

нія населенія, именно путемъ эмиграціи, которая, по его мнѣнію, можетъ доходить до $1^1/_4\%$ всего населенія въ годъ. Это заключеніе построено на нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто въ отдѣльныхъ, небольшихъ районахъ; но здѣсь онъ дѣлаетъ ту же методологическую ошибку, за которую упрекаетъ Мальтуса, т. е. изъ частнаго случая, бывшаго въ одномъ только мѣстѣ, при исключительныхъ условіяхъ, заключаетъ о возможности того же явленія на территоріи цѣлыхъ государствъ. Между тѣмъ, не смотря на огромныя облегченія въ передвиженіи эмигрантовъ, происшедшія со времени Чернышевскаго (1860 г.), количество эмигрирующихъ въ западной Европѣ все же никогда еще не переходило или вѣрнѣе не достигало 1 мил., т. е. было менѣе $0{,}5\%$ всего населенія ея (безъ Россіи).

Остается утѣшаться тѣмъ, что возможность выселенія все-таки пока еще существуетъ, а приростъ фактически не такъ великъ, какъ предполагалъ Мальтусъ, и, можетъ быть, не безосновательно мнѣніе, что развитіе благосостоянія и распространеніе образованія въ массѣ поведетъ къ еще бо́льшему уменьшенію прироста, путемъ естественнаго, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ, сокращенія процента рожденій.

Фактъ существованія въ Европѣ перенаселенія, т. е. избытка населенія, не могущаго найти себѣ достаточно работы, не можетъ подлежать сомнѣнію, въ виду массы эмигрантовъ, покидающихъ Европу. Эмиграціонная волна оказалась настолько сильной, что въ Соединенныхъ Штатахъ боязнь наплыва переселенцевъ вызвала рядъ законовъ, ограничивающихъ право вселенія. Во всякомъ случаѣ, не одно быстрое размноженіе является причиной современнаго перенаселенія Европы, и иное объясненіе этому явленію далъ Марксъ.

§ 5. Марксъ ставитъ вопросъ о перенаселеніи совершенно внѣ зависимости отъ производительной способности почвы и находитъ, что явленіе, именуемое перенаселеніемъ, есть простое слѣдствіе того распредѣленія продукта, которое существуетъ въ капиталистическомъ обществѣ. Какъ было уже сказано, наростаніе капитала происходитъ путемъ прибавленія къ нему прибавочной цѣнности, при чемъ изъ суммы произведенной прибавочной цѣнности часть отходитъ на личныя нужды капиталиста, другая на увеличеніе постояннаго капитала и третья присоединяется къ капиталу перемѣнному. Вотъ эта-то послѣдняя часть прибавочной цѣнности, если не поглощается повышеніемъ вознагражденія прежнихъ, уже занятыхъ рабочихъ (вслѣдствіе напр. увеличенія интенсивности ихъ труда), идетъ на оплату вновь привлеченной къ производству рабочей силы. Правда, и изъ суммъ, идущихъ на постоянный капиталъ, поступаетъ часть для оплаты рабочихъ рукъ, тѣхъ рукъ, которыя изготовляютъ средства производства; но именно только часть и тѣмъ меньшая

(при прочихъ равныхъ условіяхъ), чѣмъ больше доля прибавочной цѣнности въ суммѣ цѣнностей этихъ средствъ производства. Марксъ утверждаетъ, что съ прогрессомъ техники, доля, отчисляемая на перемѣнный капиталъ во всѣхъ производствахъ, понижается. Происходитъ это оттого, что улучшеніе техники вызываетъ увеличеніе производительности труда, т. е. дѣлаетъ возможнымъ изготовить бо́льшее количество предметовъ (потребительныхъ цѣнностей) при затратѣ прежняго или даже меньшаго количества рабочей силы. При этомъ уменьшенное количество перемѣннаго капитала будетъ потреблять въ производствѣ бо́льшее количество постояннаго капитала, главнымъ образомъ въ видѣ матеріаловъ (сырья), а затѣмъ отчасти и основного капитала. Конечно, капиталистъ стремится получить бо́льшую цѣнность, а этаго онъ можетъ достигнуть путемъ увеличенія производительности труда только временно. Для увеличенія же суммы прибавочной цѣнности онъ долженъ расширять производство путемъ привлеченія къ нему новыхъ рабочихъ силъ. Увеличенная производительность прежнихъ рабочихъ можетъ, однако, въ концѣ концовъ сдѣлать ненужнымъ дальнѣйшее увеличеніе продукта, такъ какъ онъ будетъ произведенъ уже въ такомъ количествѣ, что потребность въ немъ общества будетъ вполнѣ удовлетворена, вслѣдствіе чего капиталистъ лишается возможности привлекать къ производству бо́льшее количество работниковъ. Кромѣ того, увеличивая интенсивность труда занятыхъ уже рабочихъ, капиталистъ достигаетъ полученія бо́льшаго количества прибавочной цѣнности, не увеличивая числа занятыхъ въ производствѣ рабочихъ. Наконецъ, самый способъ капиталистическаго производства, при которомъ значительная часть цѣнности поступаетъ въ руки капиталиста, лишаетъ рабочее населеніе покупательной силы; а такъ какъ рабочіе вездѣ составляютъ главную массу населенія, то и произведенный уже продуктъ нерѣдко не можетъ найти сбыта на рынкѣ. Въ силу такого сокращенія рынка, благодаря уменьшенію покупательной силы массы населенія, увеличеніе производительности труда еще легче и скорѣе приводитъ къ тому, что дѣлаетъ ненужной нѣкоторую долю уже занятыхъ рабочихъ. Поэтому неудивительно, что и при незначительномъ приростѣ населенія въ результатѣ является масса незанятыхъ рабочихъ, и эта масса относительно (въ процентахъ населенія) все больше возрастаетъ, и страна кажется перенаселенной, т. е. неспособной прокормить свое населеніе, не смотря на избытокъ капиталовъ въ ней. Естественно, что кадры безработныхъ своимъ предложеніемъ рабочей силы постоянно понижаютъ высоту заработка занятыхъ рабочихъ, низводя его до minimum'а и не давая подняться уровню благосостоянія рабочаго. Пониженіе заработка, въ свою очередь, побуждаетъ работника сокращать потребленіе многихъ предметовъ, а это сокращеніе вызываетъ у капита-

листовъ, производящихъ эти предметы, стремленіе уменьшить производство или удешевить его настолько, чтобы понизившійся въ цѣнѣ продуктъ могъ быть потребляемъ рабочимъ и при пониженномъ заработкѣ. Сокращая производство, капиталистъ долженъ отказать отъ работы нѣкоторымъ, уже занятымъ рабочимъ; для удешевленія же производства онъ или замѣняетъ часть рабочихъ рукъ машинами, или, замѣняя механизмъ болѣе совершеннымъ, достигаетъ повышенія производительности занятыхъ рабочихъ, что, въ концѣ концовъ, при ограниченности рынка, должно повести къ уменьшенію числа занятыхъ рабочихъ, иначе увеличенный продуктъ не найдетъ себѣ сбыта.

Въ общемъ слѣдуетъ признать, что приведенныя положенія Маркса имѣютъ значеніе и что, дѣйствительно, тенденція капиталистическаго строя такова, что онъ долженъ вести къ образованію искусственнаго перенаселенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо указать, что и самъ Марксъ придалъ указанному закону слишкомъ большую абсолютность (по крайней мѣрѣ не сдѣлалъ никакихъ оговорокъ относительно условій, при которыхъ проявляется такое дѣйствіе капитализма), а нѣкоторые авторы (именно русскіе) сдѣлали изъ этаго закона совершенно несоотвѣтственные выводы. Что касается прежде всего самого Маркса, то нужно замѣтить слѣдующее:

Во 1-хъ, тотъ періодъ, къ которому относятся наблюденія Маркса и та страна (Англія), въ которой производились эти наблюденія, особенно благопріятствовали рѣзкому проявленію вліянія указаннаго закона. Періодъ, къ которому относятся наблюденія Маркса (и Энгельса), произведенныя надъ жизнью фабричныхъ рабочихъ Англіи, простирается отъ 30-хъ до половины 60-хъ годовъ, и именно въ это время (особенно къ концу періода) рѣзко обнаружилось вліяніе искусственнаго перенаселенія. Это именно та эпоха, когда совершался въ Англіи быстрый переходъ цѣлаго ряда производствъ отъ ручной техники къ техникѣ машинной, что разомъ сократило число занятыхъ рабочихъ и имѣло слѣдствіемъ ликвидацію цѣлаго ряда мелкихъ, ремесленнаго типа хозяйствъ, которыя не въ силахъ были конкурировать съ фабриками, обладающими техническими усовершенствованіями. Одновременно и нѣсколько позже проявило свое вліяніе еще другое обстоятельство: мы знаемъ, что основные капиталы (зданія, машины, желѣзныя и другія дороги и т. п.) служатъ очень долгое время и, будучи разъ произведены, не требуютъ для своего поддержанія того количества рабочихъ рукъ, которое было потребно для созданія ихъ. Если, слѣдовательно, извѣстная часть населенія была занята сооруженіемъ этихъ зданій, желѣзныхъ дорогъ и т. п., то, произведя ихъ, она должна сразу остаться безъ работы, разъ потребность въ такихъ капиталахъ удовлетворена. Подобное явленіе и имѣло именно мѣсто въ ука-

занный періодъ, въ теченіе котораго Англія успѣла создать огромную сѣть желѣзныхъ дорогъ, перестроить почти всѣ свои мануфактуры на фабрики и снабдить послѣднія машинами, а равно пересоздать и большую часть своего паруснаго флота въ паровой. Все это притомъ, въ главнѣйшей части, было сдѣлано еще до 60-хъ годовъ, и вотъ къ началу этаго десятилѣтія обнаруживается огромная перенаселенность.

Во 2-хъ, что также упущено изъ виду Марксомъ, — это вліяніе внѣшней торговли. Послѣдняя, съ одной стороны, можетъ усиливать вліяніе того факта, что на пріобрѣтеніе постояннаго капитала расходуется бо́льшая часть капитала производства, чѣмъ на перемѣнный капиталъ. Это бываетъ именно тогда, когда значительная часть постояннаго капитала пріобрѣтается за границей, при чемъ, слѣдовательно, и та доля перемѣннаго капитала, которая употреблена въ производствѣ даннаго предмета, достается рабочимъ чужой страны и, слѣдовательно, уменьшаетъ покупательную способность туземнаго населенія. Такую роль для Англіи играли почти всѣ ея важнѣйшіе фабричные матеріалы, особенно хлопокъ и шерсть. Но и обратно: та же внѣшняя торговля можетъ противодѣйствовать пагубному вліянію увеличенія производительности на мѣстное рабочее населеніе. Это имѣетъ мѣсто тогда, когда значительная часть производимаго при высокой производительности труда продукта идетъ на заграничный рынокъ, при чемъ, слѣдовательно, благодаря именно высокой производительности труда, облегчается сбытъ продукта и производство не только не сокращается, но еще расширяется, привлекая новыхъ работниковъ. Таково положеніе хлопчатобумажной мануфактуры Англіи за послѣднія десятилѣтія. Подобнымъ же образомъ заграничный сбытъ можетъ содѣйствовать уменьшенію массы безработнаго населенія, когда этотъ сбытъ распространяется на тѣ предметы основного капитала, которыми снабжены уже мѣстныя предпріятія и производство коихъ должно было бы остановиться, оставивъ безъ дѣла массы рабочихъ, если бы эти предметы не нашли себѣ заграничнаго сбыта. Безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что въ концѣ 50-хъ и въ теченіе 60-хъ годовъ континентальная Европа (Франція, Германія, а потомъ и Россія), а нѣсколько позже и С.-А. Соединенные Штаты начинаютъ усиленно строить желѣзныя дороги и расширять свои фабрики и заводы,—это обстоятельство значительно смягчило тотъ кризисъ, который долженъ былъ произойти въ этотъ періодъ въ желѣзодѣлательной и машиностроительной промышленности Англіи, вслѣдствіе ослабленія сбыта на англійскомъ рынкѣ, ибо именно англійская промышленность доставляла наибольшую массу необходимыхъ для оборудованія желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ машинъ и матеріаловъ.

Въ 3-хъ, если интенсивированіе труда вело, съ одной стороны, къ уменьшенію числа занятыхъ рабочихъ, то, съ другой, то же интенсиви-

рованіе, требуя отъ рабочихъ напряженнаго и внимательнаго труда, тѣмъ самымъ дѣлаетъ немыслимымъ длинный рабочій день и потому можетъ отчасти содѣйствовать увеличенію числа занятыхъ рабочихъ. Повышеніе интенсивности труда, какъ мы сказали раньше, влечетъ за собой и повышеніе заработной платы, такъ какъ воспроизведеніе рабочаго (рабочей силы), способнаго къ интенсивному труду, требуетъ затраты большаго количества цѣнностей и лучшихъ условій существованія работника.

«Подобно тому, какъ рабамъ нельзя было дать въ руки хорошихъ орудій, точно такъ же нельзя довѣрить жалкому фабричному пролетарію машины, по мѣрѣ того, какъ онѣ становятся все болѣе и болѣе сложными и цѣнными; чтобы повысить быстроту веретенъ, увеличить число веретенъ, управляемыхъ однимъ рабочимъ, уменьшить число рабочихъ, приходящихся на прядильную фабрику данныхъ размѣровъ, необходимъ былъ работникъ, поставленный гораздо лучше въ матеріальномъ отношеніи. Лучшимъ работникомъ на всемъ свѣтѣ является тотъ, который имѣетъ высокія потребности». (Schulze-Gaevernitz).

Это увеличеніе вознагражденія рабочихъ вело за собою и увеличеніе ихъ потребительной способности, и потому теперь уже рѣзко обнаружилась зависимость производства отъ потребленія самихъ рабочихъ классовъ. Высокая производительность труда дѣлаетъ всѣ потребительныя цѣнности настолько дешевыми, что онѣ доступны рабочимъ, и потому рабочіе всею своею массою создаютъ для промышленности крупный внутренній рынокъ. Кромѣ того, какъ указано выше, промышленность капиталистическихъ странъ нашла себѣ обширные рынки въ странахъ съ неразвитымъ производствомъ, и слѣдствіемъ этаго оказалось, что современный бытъ рабочихъ очень измѣнился въ странахъ съ высокимъ развитіемъ капитализма. Если сравнить данныя, относящіяся къ 30-мъ годамъ, приводимыя Энгельсомъ въ его книгѣ о рабочихъ въ Англіи, съ данными Шульце-Геверница (изъ книги котораго взята предыдущая цитата), изучавшимъ положеніе тѣхъ же рабочихъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, то оказывается весьма большая разница. Шульце-Геверницъ констатировалъ, что большинство ткачей въ Англіи имѣютъ настолько высокій заработокъ, что живутъ нисколько не хуже прежнихъ цеховыхъ ремесленниковъ, и что заработная плата даетъ имъ возможность откладывать сбереженія. Тотъ же экономистъ свидѣтельствуетъ, что большинство промышленныхъ предпріятій Англіи, особенно въ области хлопчатобумажнаго производства, акціонерныя, и что не малую долю акціонеровъ составляютъ рабочіе.

Въ 4-хъ, Марксъ разсуждаетъ такъ, какъ будто общество состоитъ изъ однихъ только промышленныхъ рабочихъ и капиталистовъ, упуская изъ виду, что въ каждомъ государствѣ, въ каждомъ обществѣ значительный процентъ составляютъ земледѣльцы. Это имѣетъ здѣсь большое

значеніе, ибо чѣмъ больше въ земледѣльческомъ классѣ самостоятельныхъ производителей - работниковъ, не вынужденныхъ отдавать произведенную ими прибавочную цѣнность капиталисту или землевладѣльцу, тѣмъ менѣе шансовъ на появленіе перепроизводства и тѣмъ больше возможность расширенія самого промышленнаго производства. Здѣсь нужно имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что подавленіе мелкихъ самостоятельныхъ производителей - работниковъ крупными предпріятіями, обладающими большимъ капиталомъ и потому имѣющими возможность производить продуктъ по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ мелкіе, — въ земледѣльческой промышленности достигается несравненно труднѣе, чѣмъ въ промышленности обработывающей, благодаря самой техникѣ земледѣльческаго производства, допускающей только очень ограниченное приложеніе капитала въ той формѣ, которая является обыкновенно рѣшающей въ борьбѣ крупныхъ предпріятій съ мелкими, т. е. въ видѣ машинъ, особенно приводимыхъ въ движеніе мертвыми двигателями. Поэтому въ странахъ съ развитымъ мелкимъ землевладѣніемъ опасность переполненія рынка товарами далеко не такъ велика, какъ въ странахъ съ капиталистическимъ строемъ и въ земледѣліи. При значительномъ контингентѣ мелкихъ земледѣльцевъ - собственниковъ та доля промышленнаго продукта, въ которой выражается прибавочная цѣнность, обмѣнивается на ту долю земледѣльческаго продукта, которая представляетъ также прибавочную цѣнность, достающуюся земледѣльцу въ видѣ ренты и прибыли на его капиталы.

Наконецъ, въ 5-хъ, нельзя упускать изъ виду очень быстрый ростъ населенія, занятаго непроизводительнымъ трудомъ. Конечно, значительная часть средствъ, за счетъ которыхъ существуетъ это населеніе, составляетъ вычетъ изъ доходовъ рабочихъ и вообще низшихъ классовъ населенія. Но, съ одной стороны, по мѣрѣ улучшенія системы налоговъ, все бблшая часть ихъ переносится на болѣе состоятельные классы, капиталистовъ и рентьеровъ, съ другой, и та часть этихъ средствъ, которая получается изъ налоговъ на низшіе классы—рабочихъ, не можетъ понижать суммы доходовъ этихъ классовъ за вычетомъ налоговъ ниже того предѣла, который опредѣляется цѣнностью рабочей силы. Налоги, слѣдовательно, падающіе на рабочаго, составляютъ нѣкоторый прибавокъ къ цѣнности рабочей силы и, повышая рабочую плату, ведутъ къ пониженію прибыли капиталиста. Словомъ, въ концѣ концовъ средства существованія класса, занятаго непроизводительнымъ трудомъ, происходятъ изъ суммы прибавочной цѣнности, и, слѣдовательно, ростъ этаго класса также противодѣйствуетъ отчасти тому явленію, которое вызываетъ перенаселенность капиталистическихъ странъ.

Тѣмъ не менѣе, законъ Маркса о причинѣ перенаселенія капиталистическихъ странъ остается вѣрнымъ. Не надо забывать, что повышенію заработной платы, имѣвшей мѣсто въ западной Европѣ въ послѣднія десятилѣтія, сильно способствовала эмиграція, понизившая естественный приростъ населенія, и что, если всѣ вышеприведенныя (по Геверницу) данныя о положеніи англійскаго рабочаго и вѣрны, то это еще вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, что параллельно съ увеличеніемъ благосостоянія занятыхъ рабочихъ не можетъ расти армія безработныхъ; это даже произойдетъ непремѣнно, коль скоро, вслѣдствіе развитія промышленности въ другихъ странахъ, закроются иностранные рынки для тѣхъ производствъ, которые раньше могли сбывать за границу свои продукты.

Законъ перенаселенія Маркса, однако, примѣнимъ только къ странамъ съ развитымъ уже капиталистическимъ строемъ, и было бы ошибочно искать причину перенаселенія въ странахъ чисто земледѣльческихъ, еще имѣющихъ въ значительной мѣрѣ натуральное хозяйство, въ тѣхъ же обстоятельствахъ, которыя вызываютъ перенаселеніе странъ капиталистическихъ, какъ это дѣлаютъ многіе русскіе авторы. При натуральномъ хозяйствѣ перенаселеніе обусловливается прежде всего недостаточной производительностью страны. Натуральное хозяйство по существу есть хозяйство земледѣльческое. Пониженіе же производительности земледѣлія съ сгущеніемъ населенія, остающагося всецѣло земледѣльческимъ, вызываетъ необходимо нераціональное хозяйство, выражающееся прежде всего въ увеличеніи распашной площади въ ущербъ выгонамъ, лугамъ и лѣсамъ. Это влечетъ за собою, въ свою очередь, пониженіе урожаевъ при крайней односторонности хозяйства, производящаго почти исключительно зерновой хлѣбъ. Разъ возникло такое положеніе вещей, первый неурожай, поражающій въ данномъ случаѣ всѣ культуры одинаково, ведетъ къ формальному голоду и разоренію съ лишеніемъ средствъ производства въ скотѣ и орудіяхъ, а стало-быть и самой возможности продолжать веденіе хозяйства, особенно для болѣе мелкихъ владѣльцевъ-крестьянъ. Такимъ образомъ законъ Мальтуса: «населеніе необходимо ограничено средствами существованія» находитъ себѣ здѣсь полное оправданіе, съ тѣмъ однако условіемъ, что недостаточность средствъ существованія объясняется низкимъ уровнемъ техники; медленность или застой въ улучшеніи ея и вызываетъ несоотвѣтствіе между производительностью земли и быстротой роста населенія въ данномъ случаѣ. Такова именно причина все болѣе усиливающейся въ послѣднее время эмиграціи изъ странъ земледѣльческихъ, при чемъ эта эмиграція отсюда сильнѣе, чѣмъ изъ странъ капиталистическихъ. Главный контингентъ переселенцевъ поставляютъ теперь въ Америку изъ европейскихъ странъ: Германія (польскія провинціи), Италія, славянскія провинціи Австріи и

Швеція съ Норвегіей, т. е. именно тѣ страны, гдѣ наиболѣе низокъ сельско-хозяйственный уровень и менѣе развита обрабатывающая промышленность. Этимъ же условіемъ объясняется и значительное перенаселеніе Европейской Россіи, которое въ ней тяжело чувствуется, не смотря на земельный просторъ — сравнительно съ западной Европой. Это-то перенаселенность и вызываетъ эмиграціонное движеніе въ Сибирь. Наше крѣпостное крестьянское населеніе за періодъ между 8-й и 10-й ревизіями проявляло крайне слабое размноженіе. Фактически оно даже не увеличивалось, а уменьшалось, такъ что крѣпостное населеніе по 10-й ревизіи менѣе такового же по 8-й ревизіи на 250 тыс. человѣкъ (1,1%); но это отчасти объясняется перечисленіемъ нѣкотораго количества крѣпостныхъ (въ западномъ краѣ) въ число государственныхъ крестьянъ; однако, во всякомъ случаѣ приростъ его былъ незначителенъ. Затѣмъ, послѣ освобожденія, благодаря нѣкоторому улучшенію быта и бо́льшей свободѣ распредѣленія по территоріи, сразу произошелъ крайне быстрый приростъ населенія, который и оказался избыточнымъ. Территорія Европейской Россіи, въ силу господства натуральнаго хозяйства, сопряженнаго съ слабо развитой фабричной промышленностью и съ слабой техникой транспорта, не могла вмѣстить этаго избытка, который и создаетъ контингентъ эмигрантовъ въ Сибирь. Никакой рѣчи о перенаселеніи въ Марксовскомъ смыслѣ здѣсь быть не можетъ, какъ не могло быть рѣчи объ этомъ при перенаселеніи западной Европы въ средніе вѣка; но какъ въ Европѣ въ періодъ такого перехода спасителемъ явилось развитіе промышленности въ капиталистической формѣ, такъ то же развитіе должно явиться и у насъ; какъ тамъ это развитіе дало въ то время заработокъ избытку населенія, такъ и у насъ оно явится на выручку тѣхъ голодныхъ массъ, лишенныхъ всякихъ средствъ не только производства, но и существованія, которыя нарождаются подъ вліяніемъ увеличенія населенія при господствѣ натуральнаго, нераціональнаго хозяйства.

ГЛАВА III.

Ученіе о прибыли.

§ 1. Доля капиталиста въ продуктахъ производства называется прибылью. Образуется она, какъ мы уже знаемъ, въ производствѣ, благодаря прибавочному труду, и сумма ея въ обрабатывающей промышленности выражается всей прибавочной цѣнностью. Однако, вопросъ о томъ, какъ собственно опредѣлять прибыль въ каждомъ производствѣ, или, вѣрнѣе, чѣмъ она регулируется, рѣшался различно.

У Рикардо, у перваго, мы находимъ сколько-нибудь опредѣленное и цѣльное представленіе о прибыли. Придерживаясь теоріи трудовой цѣнности, онъ пишетъ: «уровень прибыли никогда не возрастаетъ вслѣдствіе лучшаго распредѣленія труда, механическихъ изобрѣтеній, устройства дорогъ и каналовъ или вслѣдствіе какихъ бы то ни было способовъ сокращенія труда какъ въ производствѣ, такъ и въ перевозкѣ товаровъ. Причины эти дѣйствуютъ на цѣны и всегда приносятъ громадныя выгоды потребителямъ, но на прибыль онѣ никакого вліянія не оказываютъ». «*Всякое уменьшеніе задѣльной платы увеличиваетъ прибыль, но не оказываетъ никакого дѣйствія на цѣны товаровъ*». Принявъ во вниманіе, что Рикардо подчеркиваетъ,—что «прибыль зависитъ не отъ номинальной, а отъ реальной задѣльной платы, не отъ числа фунтовъ, которое можетъ быть ежегодно уплачиваемо рабочему, но отъ числа дней, необходимаго для полученія этихъ фунтовъ»,—мы должны прійти къ заключенію, что Рикардо подъ *уровнемъ прибыли* понималъ ту самую величину, которую впослѣдствіи Марксъ назвалъ «нормой прибавочной цѣнности».

Если бы это было такъ, то Рикардо былъ бы правъ, что на «*прибыль*» *(норму прибавочной цѣнности) повышеніе производительности труда не оказываетъ никакого вліянія*. Заработная же плата, какъ видно изъ послѣдней цитаты, въ его представленіи совпадаетъ съ понятіемъ о «необходимомъ времени» рабочаго дня, откуда ея прямое вліяніе на уровень прибыли, т. е. на норму прибавочной цѣнности. Словомъ, по

ученію Рикардо, уровень прибыли долженъ получить, по терминологіи Маркса, такое выраженіе — $\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{перемѣнный капиталъ}}$. Однако, Рикардо въ цѣломъ рядѣ примѣровъ вычисляетъ уровень прибыли капиталиста совершенно иначе, именно — относя сумму прибыли (т. е. остатокъ по вычитанію изъ цѣнности продукта издержекъ капиталиста, или то, что составляетъ прибавочную цѣнность по Марксу) ко всему капиталу, вложенному въ предпріятіе, т. е. уровень прибыли $= \frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{капиталъ предпріятія}}$. Въ видѣ такой именно дроби уровень прибыли фигурируетъ у всѣхъ послѣдователей Рикардо и во всей классической школѣ.

Эта формула, однако, противорѣчитъ положенію Рикардо, что «*техническія улучшенія не оказываютъ вліянія на высоту прибыли*». Дѣйствительно, предположимъ, что производитель хлопчатобумажныхъ тканей, при работѣ ручнымъ ткацкимъ станкомъ, получилъ 20% на капиталъ въ машинахъ, матеріалахъ и рабочей платѣ; затѣмъ, занимая то же количество рабочихъ, вводитъ паровые ткацкіе станки. Это заставитъ его затратить гораздо болѣе значительную, чѣмъ прежде, сумму: во 1-хъ, на машины (паровыя, вмѣсто ручныхъ), во 2-хъ, на матеріалъ, котораго въ теченіе года будетъ переработано значительно болѣе, чѣмъ прежде. Между тѣмъ, такъ какъ, по условію, число рабочихъ осталось прежнее, то цѣнность, произведенная ихъ трудомъ, будетъ прежняя, если и интенсивность, и длина рабочаго дня такъ же прежнія. Слѣдовательно, *отношеніе* произведенной рабочими *прибавочной цѣнности къ суммѣ капитала*, употребленнаго на производство, или уровень прибыли классической экономіи, въ противность приведенному заключенію Рикардо, упадетъ; хотя отношеніе той же величины къ суммѣ перемѣннаго капитала, т. е. норма прибавочной цѣнности, сохранитъ прежнюю величину.

Еще болѣе важнымъ, такъ сказать, пробнымъ камнемъ правильности опредѣленія уровня прибыли является законъ Рикардо *о равенствѣ прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ* среди даннаго общества.

Законъ этотъ является однимъ изъ наиболѣе обоснованныхъ, вполнѣ подтверждающихся дѣйствительностью законовъ политической экономіи. Хотя неравенство прибылей, которое, по заключенію экономистовъ классической школы, должно заставить въ силу личнаго интереса капиталистовъ перевести свой капиталъ на отрасль производства, дающую прибыль выше средней, и не имѣетъ того абсолютнаго значенія, какое ему приписывалось, все же въ общемъ вѣрно, что уровни прибыли въ предпріятіяхъ капиталистическихъ должны приближаться къ этой средней нормѣ.

Это-то положеніе, безусловно принятое классической школой, и является самымъ главнымъ аргументомъ противъ признаваемой ею фор-

мулы уровня прибыли. Съ экономической точки зрѣнія, различныя отрасли производства могутъ отличаться другъ отъ друга почти только разнообра; зіемъ въ *отношеніи между различными категоріями капитала*. Формула же уровня прибыли, по ученію классической школы, грѣшитъ полнымъ отсутствіемъ отличій между родами капитала. Вычисляя прибыль по формулѣ уровня прибыли классической экономіи и признавая только что изложенную теорему Рикардо, мы не можемъ объяснить себѣ существованія рядомъ съ фабричными предпріятіями, въ которыя вложенъ значительный основной капиталъ, мелкихъ ремесленныхъ предпріятій и вообще всѣхъ предпріятій, гдѣ основной капиталъ не играетъ большой роли. Въ самомъ дѣлѣ, если представить себѣ, что извѣстный Круппъ или другой крупный фабрикантъ, въ предпріятіи котораго затрачены цѣлые милліоны на зданія и машины, получаетъ 10% на весь капиталъ, то это, разумѣется, весьма достаточный доходъ. Но если бы тѣми же 10% долженъ былъ довольствоваться предприниматель портной или сапожникъ, въ мастерской котораго работаетъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, но нѣтъ никакого основного капитала, кромѣ утюговъ и иголокъ, да и весь капиталъ его заключается почти исключительно въ рабочей платѣ, которую онъ выплачиваетъ занятымъ въ мастерской работникамъ,— то, разумѣется, это была бы такая ничтожная величина, что предприниматель портной долженъ былъ бы, не работая самъ лично, умереть съ голода. Но въ подобномъ положеніи мы найдемъ массу производствъ.

Равенство уровня прибыли, въ смыслѣ классической экономіи, въ предпріятіяхъ, различно снабженныхъ основнымъ капиталомъ, прямо фактически невозможно: основной капиталъ, входя въ одномъ предпріятіи въ знаменатель уровня прибыли крупнымъ слагаемымъ, въ другомъ почти не присутствуетъ и потому, при прочихъ равныхъ условіяхъ, мѣняетъ величину уровня прибыли.—Прежде, однако, чѣмъ мы укажемъ, какъ устранить это противорѣчіе, приведемъ сказанное Марксомъ по этому вопросу.

§ 2. Въ первомъ томѣ «Капитала» Марксъ, въ одномъ случайно брошенномъ замѣчаніи, далъ, казалось, совершенно иное рѣшеніе задачи опредѣленія уровня прибыли, отъ котораго онъ въ третьемъ томѣ уклонился, возвратившись, по существу, къ ученію классической экономіи. Различіе въ рѣшеніи вопроса заключается именно въ различномъ, въ томъ и другомъ случаѣ, толкованіи термина «авансированный капиталъ». Въ 1-мъ томѣ мы находимъ такое опредѣленіе этаго термина: «Подъ именемъ авансированнаго для производства *цѣнности* продукта капитала мы всегда понимаемъ только цѣнность потребленныхъ въ производственномъ процессѣ средствъ производства». Это опредѣленіе мотивируется слѣдующимъ образомъ: «съ цѣнностью продукта сравнивается цѣнность

употребленныхъ для его образованія элементовъ производства; но мы видѣли, что та часть постояннаго капитала, которая заключается въ орудіяхъ производства, передаетъ продукту только часть своей цѣнности, тогда какъ другая часть этой цѣнности продолжаетъ существовать въ прежней формѣ. Такъ какъ эта послѣдняя часть не играетъ роли въ образованіи цѣнности, то мы здѣсь должны отвлечься отъ нея» (не принимать ее во вниманіе). Для поясненія приводится слѣдующій примѣръ: «если цѣнность примѣняемыхъ въ производствѣ машинъ составляетъ 1054 фунт. стерлинговъ, цѣнность же изнашиванія этихъ машинъ только 54 фунт. стерл., то мы считаемъ въ качествѣ капитала, авансированнаго для производства цѣнности продукта, только 54 фунта стерлинговъ, которые машины потеряли вслѣдствіе своей работы и, слѣдовательно, передали продукту».

Казалось, въ только что указанномъ смыслѣ и нужно понимать терминъ «авансированный капиталъ», когда Марксъ, въ одномъ изъ обычныхъ у него отступленій, критикуетъ воззрѣнія Дж. Ст. Милля (I, 598), приведя изъ его разсужденій слѣдующее мѣсто: «Если, говоритъ Милль, всѣ работники данной страны производятъ на 20% болѣе суммы ихъ заработной платы, то прибыль будетъ 20%, какова бы ни была высота цѣнъ». На это Марксъ замѣчаетъ: «это, съ одной стороны, очень удачная тавтологія, такъ какъ если рабочіе производятъ 20% прибавочной цѣнности, то прибыль будетъ относиться къ суммѣ рабочей платы, какъ 20:100. Но, съ другой стороны, абсолютно ложно, что прибыль будетъ 20%. Она должна быть всегда менѣе, *ибо прибыль вычисляется на всю сумму авансированнаго капитала.* Это разсужденіе также подкрѣпляется примѣромъ: «Пусть, говоритъ Марксъ, капиталистъ авансировалъ 500 L. (фунтовъ стерлинговъ) *), изъ коихъ 400 L. заключаются въ средствахъ производства и 100 L. въ рабочей платѣ. Норма прибавочной цѣнности, какъ сказано=20%; тогда для уровня прибыли получимъ 20 : 500 = 4%, а не 20%».

Такимъ образомъ ни здѣсь, ни гдѣ-либо ранѣе не оговорено, что подъ именемъ «общей суммы авансированнаго капитала», о которой идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь, нужно разумѣть что-либо иное, а не то, что было названо «авансированнымъ для производства цѣнности капиталомъ», и только въ третьемъ томѣ «Капитала» выясняется, что здѣсь имѣются въ виду двѣ различныя величины. Оказывается, именно, что подъ именемъ «авансированнаго для производства цѣнности продукта капитала» слѣдуетъ разумѣть, какъ указано выше, только «цѣнность потребленныхъ въ производственномъ процессѣ средствъ производства», т. е. что въ эту

*) Замѣтимъ, что мы вездѣ будемъ обозначать: черезъ L—фунтъ стерлинговъ, черезъ sh—шиллингъ и черезъ d—пенсъ.

сумму войдетъ лишь та часть основного капитала, которая въ производственномъ процессѣ подверглась изнашиванію; и, наоборотъ, въ «общую сумму авансированнаго капитала» входитъ весь основной капиталъ полной своею цѣнностью, т. е. вообще весь капиталъ, въ какой бы формѣ (основной или оборотной) онъ ни былъ употребленъ въ производствѣ.

Во избѣжаніе недоразумѣній въ дальнѣйшемъ изложеніи, мы будемъ называть эту «общую сумму авансированнаго капитала» Маркса просто «*капиталомъ предпріятія*», оставляя за терминомъ «*авансированный капиталъ*» то опредѣленіе, которое дано ему въ 1-мъ томѣ «Капитала».

Въ 3-мъ томѣ Марксъ, приступая къ выясненію того, что̀ должно разумѣть подъ «уровнемъ прибыли» и какъ опредѣляется эта величина, устанавливаетъ, прежде всего, понятіе о стоимости производства (Kostpreis, т. е. въ буквальномъ переводѣ «собственной цѣнѣ»). Оказывается, что стоимость производства есть не что иное, какъ сумма авансированнаго (въ нашемъ смыслѣ) капитала. Цѣнность же продукта состоитъ изъ стоимости производства, увеличенной суммой прибавочной цѣнности. Особенное вниманіе обращаетъ здѣсь Марксъ на то, что эта прибавочная цѣнность представляетъ приростъ, произведенный не только авансированнымъ капиталомъ, вошедшимъ въ цѣнность продукта, но вообще всей суммой капитала, приложенной въ данномъ предпріятіи, т. е. въ томъ числѣ и основнымъ капиталомъ; такъ представляется, говоритъ Марксъ, дѣло съ точки зрѣнія капиталиста, который считаетъ, что прибавочная цѣнность есть продуктъ, произведенный не тою только частью капитала, которая овеществляется въ рабочей силѣ, а всего вообще капитала предпріятія, и здѣсь не можетъ быть различія между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ: если авансированный капиталъ и участвуетъ въ производствѣ прибавочной цѣнности, то не потому, что онъ входитъ своей цѣнностью въ стоимость продукта, а потому лишь, что онъ, наравнѣ съ основнымъ, *примѣняется* въ производствѣ. Словомъ, «капиталистъ ожидаетъ одинаковыхъ выгодъ отъ всѣхъ частей капитала, который онъ употребляетъ въ дѣло», какъ говоритъ Мальтусъ.

Съ точки зрѣнія капиталиста это можетъ быть и такъ, но для науки подобное заключеніе не можетъ имѣть, конечно, сколько-нибудь серьезнаго значенія: если по отношенію, напр., къ производству прибавочной цѣнности не считается возможнымъ принять воззрѣнія капиталистовъ, то почему же это обязательно относительно уровня прибыли? вѣдь капиталистъ разсматриваетъ и силы природы (напр. землю), какъ составныя части своего капитала, на которыя онъ также желаетъ получить извѣстную норму прибыли, изъ чего, однако, вовсе не слѣдуетъ, что наука должна согласиться съ этимъ.

«Какъ таковое воображаемое», говоритъ далѣе Марксъ, «производ-

ное всей суммы употребленнаго въ дѣло капитала, прибавочная цѣнность получаетъ превращенную форму прибыли», и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнность продукта, представится въ видѣ $W = К + Р$, т. е. цѣнность товара (W) равна стоимости производства (К), сложенной съ прибылью (Р). Такое превращеніе понятій есть слѣдствіе того, что уже въ производствѣ различіе между цѣною рабочей силы и остальными частями оборотнаго капитала совершенно уничтожается, и цѣна рабочей силы представляется просто составною частью оборотнаго капитала. И потому,—разъ товаръ продается за полную сумму своей цѣнности, — прибыль будетъ равна всей суммѣ прибавочной цѣнности, заключенной въ товарѣ. Но для того, чтобы реализировать эту прибавочную цѣнность, капиталистъ долженъ вынести товаръ на рынокъ, гдѣ онъ можетъ продать его и не по полной его цѣнности и все еще получить прибыль. Такъ, товаръ, цѣнностью въ 600 L., изъ которыхъ 500 L. приходится на стоимость производства, а 100 L. на прибавочную цѣнность, можетъ быть проданъ и за 510, 520, 530 и т. д. L., и каждый разъ получится такимъ образомъ прибыль, при чемъ, конечно, цѣнность товара отъ этаго не измѣнится. Этимъ Марксъ хочетъ оттѣнить важное для его послѣдующихъ выводовъ положеніе, что рыночная цѣна вовсе не должна непремѣнно совпадать съ трудовой цѣнностью, чтобы возможно было полученіе прибыли. Въ концѣ концовъ, исходя изъ положенія равноцѣнности всѣхъ частей капитала съ точки зрѣнія капиталиста, Марксъ дѣлаетъ выводъ, что уровень прибыли долженъ опредѣляться отношеніемъ суммы прибыли (которая принимается равной суммѣ прибавочной цѣнности) ко всей суммѣ капитала предпріятія. «Хотя, говоритъ онъ, только перемѣнный капиталъ въ дѣйствительности создаетъ новую цѣнность, но такъ какъ капиталистъ можетъ эксплуатировать рабочую силу лишь при условіи наличности не только перемѣннаго, но и постояннаго капитала, то въ его представленіи всѣ части капитала являются равнозначущими, и это тѣмъ болѣе, что дѣйствительная степень доходности его предпріятія опредѣляется не отношеніемъ прибыли къ перемѣнному капиталу, а отношеніемъ ея ко всей суммѣ капитала, не нормой прибавочной цѣнности, а уровнемъ прибыли».

Слѣдовательно, если мы обозначимъ черезъ m сумму прибавочной цѣнности и черезъ С весь капиталъ предпріятія, а черезъ c — постоянный и v перемѣнный капиталы, т. е. $С = c + v$, то получимъ для уровня прибыли слѣдующее выраженіе: $\frac{m}{С} = \frac{m}{c+v}$, а норма прибавочной цѣнности будетъ равна $\frac{m}{v}$. Такимъ образомъ уровень прибыли и норма прибавочной цѣнности суть только два различные способа измѣренія одной и той же величины, т. е. прибавочной цѣнности, которая въ одномъ

случаѣ измѣряется отношеніемъ къ перемѣнному капиталу, въ другомъ—отношеніемъ ко всему капиталу предпріятія.

Хотя избытокъ цѣнности товара надъ затратами капиталиста есть результатъ производственнаго процесса, но реализуется этотъ избытокъ только въ обращеніи, что̀ и придаетъ всему дѣлу такой видъ, какъ будто этотъ избытокъ произошелъ въ процессѣ обращенія, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствительности, благодаря конкуренціи, условія рынка опредѣляютъ, удастся ли и въ какой мѣрѣ реализовать этотъ избытокъ. Само собой понятно, что *цѣнность* всего капитала не стоитъ ни въ какой внутренней связи съ величиной прибавочной цѣнности. Разумѣется, для того, чтобы работа создавала цѣнность, необходима наличность средствъ производства. Но цѣнность, созданная трудомъ, не находится ни въ какой зависимости отъ цѣнности этихъ средствъ, такъ какъ *для работы* и возможности *созданія новой цѣнности въ данномъ количествѣ,—важна не цѣнность* матеріаловъ и средствъ производства, *а* такое ихъ *количество*, въ которомъ могло бы воплотиться соотвѣтствующее количество субстанціи, создающей цѣнность.

Такимъ образомъ здѣсь Марксъ самъ указываетъ, что цѣнность постояннаго капитала имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ его количество; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря о постоянномъ капиталѣ вообще, онъ не усматриваетъ того различія для производства, какое имѣютъ цѣнности, съ одной стороны, тѣхъ частей капитала, которыя составляютъ оборотный капиталъ (матеріалы и перемѣнный капиталъ), съ другой—тѣхъ, которыя составляютъ капиталъ основной. Между тѣмъ разница здѣсь весьма существенна и въ другомъ мѣстѣ указана самимъ же Марксомъ. Такъ, всякое измѣненіе въ цѣнности составныхъ частей оборотнаго капитала отражается непосредственно не только на цѣнности продукта, но даже на его стоимости (т. е. суммѣ авансированнаго для его производства капитала). Если увеличится цѣна какого-либо рода матеріала или повысится рабочая плата, то и стоимость товара для капиталиста увеличится на ту же самую сумму. Конечно, цѣнность продукта увеличится только при увеличеніи цѣнности частей постояннаго капитала, входящихъ въ авансированный капиталъ, но она не измѣнится отъ увеличенія перемѣннаго капитала, поскольку послѣднее будетъ означать повышеніе рабочей платы; въ этомъ заключается различіе между перемѣнной и постоянной частью авансированнаго капитала. Но все же различіе между авансированной частью постояннаго капитала (цѣною матеріаловъ и пр.) и основнымъ капиталомъ весьма велико. Увеличеніе цѣнности основного капитала можетъ совершенно не вліять ни на цѣнность, ни на стоимость продуктовъ, произведенныхъ при помощи этихъ основныхъ капиталовъ, или даже оказаться въ обратномъ отношеніи съ этою цѣнностью. Такъ,

мыслимо, что сумма, переносимая на цѣнность и стоимость продукта съ основного капитала въ теченіе года, останется безъ измѣненія, не смотря на увеличеніе цѣнности основного капитала; это можетъ быть слѣдствіемъ того, что болѣе цѣнныя машины и орудія или болѣе дорогія постройки изнашиваются соотвѣтственно медленнѣе. Но, кромѣ того, значеніе основного капитала или нѣкоторыхъ его частей (машинъ и орудій) отличается отъ значенія матеріаловъ и по самому отношенію къ результатамъ производственнаго процесса. То или другое качество орудій и машинъ обусловливаетъ, напр., большую или меньшую производительность и даже и интенсивность труда; тогда какъ ни та, ни другая ни въ какой, или только въ очень слабой мѣрѣ могутъ зависѣть отъ качества матеріала, какъ напр. гнилыя нитки понижаютъ производительность работы ткача. Эта сторона вліянія машинъ на производство находится въ нѣкоторой связи и съ цѣнностью ихъ: обычно болѣе дорогія машины даютъ возможность капиталисту увеличивать производительность и параллельно послѣдней и интенсивность труда, а черезъ то вліять и на цѣнность и стоимость продукта, и на величину прибавочной цѣнности, и даже на количество потребляемыхъ матеріаловъ, какъ было показано раньше.

§ 3. Въ дальнѣйшемъ изложеніи ученія объ уровнѣ прибыли Марксъ принимаетъ за постоянныя величины: длину рабочаго дня, интенсивность труда и заработную плату. Это не значитъ, что онъ отрицаетъ ихъ вліяніе; наоборотъ, онъ самъ указываетъ, что эти величины, безъ сомнѣнія, имѣютъ вліяніе на уровень прибыли, такъ какъ вліяютъ на норму прибавочной цѣнности; но для выясненія положеній, относящихся до уровня прибыли, онъ считаетъ излишнимъ вводить эти вліянія, и потому на нихъ не останавливается. Равнымъ образомъ онъ указываетъ, что на уровень прибыли вліяютъ также: цѣнность денегъ, періодъ обращенія товара и производительность труда; но значеніе этихъ факторовъ здѣсь не изслѣдуется, а дѣлается лишь ссылка на первые томы «Капитала».

Самое изслѣдованіе Марксъ начинаетъ изученіемъ *отношенія* между уровнемъ прибыли и нормой прибавочной цѣнности и *условій* равенства или различія уровней прибыли при разныхъ величинахъ нормы прибавочной цѣнности и капитала; на этомъ мы остановимся ниже. Здѣсь же намъ важно замѣтить устанавливаемое Марксомъ понятіе о такъ называемомъ *органическомъ или техническомъ сложеніи капиталовъ* разныхъ предпріятій. Подъ этимъ разумѣется составъ капитала изъ постоянной и перемѣнной его частей или, какъ говоритъ Марксъ, изъ активной части — перемѣннаго капитала, и пассивной — капитала постояннаго. Принимая, какъ сказано, нормы прибавочной цѣнности и быстроту обращенія капиталовъ во всѣхъ предпріятіяхъ одинаковыми, Марксъ приходитъ къ выводу, что указанное сложеніе капитала вліяетъ весьма сильно на вели-

чину уровня прибыли, если принять, что сумма прибыли равна суммѣ прибавочной цѣнности, произведенной предпріятіемъ. А такъ какъ сложеніе капитала, т. е. его составъ въ процентахъ изъ постоянной и перемѣнной части, обусловливается техникой производства, то, слѣдовательно, поскольку эта техника различна въ различныхъ видахъ промышленныхъ предпріятій, должны быть различны, какъ сложеніе капиталовъ этихъ видовъ промышленности, такъ и высота уровня прибыли.

Выводы относительно высоты уровня прибыли, къ которымъ приводитъ данное изслѣдованіе, заключаются въ слѣдующемъ:

1) *Уровни прибылей капиталовъ равны*:

а) Когда органическое сложеніе ихъ (изъ перемѣнной и постоянной части) одинаково и норма прибавочной цѣнности также одинакова. Такъ, если капиталы состоятъ изъ $80\ c + 20\ v$ (c = постоянному, v=перемѣнному капиталамъ) при 100% нормы прибавочной цѣнности, тогда для обоихъ капиталовъ уровень прибыли выразится отношеніемъ: $\frac{20}{80c+20c}$, т. е. $\frac{20}{100} = {}^1/_5$, или 20%.

б) Когда процентный составъ и норма прибавочной цѣнности различны, но масса прибавочной цѣнности составляетъ одинаковый процентъ по отношенію къ суммѣ капитала въ каждомъ изъ предпріятій. Предположимъ, мы имѣемъ два капитала A и B; при чемъ органическое сложеніе A=$70c+30v$ при нормѣ прибавочной цѣнности въ $66^2/_3$%; а другой B=$80c+20v$ при нормѣ=100%. И въ томъ и въ другомъ случаѣ сумма прибавочной цѣнности равна 20 и для A и B будетъ имѣть одинаковый уровень прибыли: $\frac{20}{100} = 20\%$.

2) *Уровни прибыли не равны*:

а) Когда при одинаковомъ органическомъ сложеніи капиталовъ норма прибавочной цѣнности различна. Такъ, два одинаковыхъ капитала по 10,000 рублей, состоящіе изъ 6,000 c и 4,000 v, при нормѣ прибавочной цѣнности для перваго въ 100% и для 2-го въ 75%, дадутъ уровни прибыли: первый $\frac{4000}{10000} = 40\%$; второй—$\frac{3000}{4000} = 30\%$. При такихъ условіяхъ уровни прибыли будутъ относиться, какъ нормы прибавочныхъ цѣнностей, т. е. 40:30=100:75.

б) При одинаковой нормѣ прибавочной цѣнности, но при различномъ органическомъ составѣ уровни прибыли также будутъ различны. Имѣемъ два капитала: 1) $60\ c + 20\ v$ и 2) $40\ c + 40\ v$, при нормѣ прибыли 100%. Для 1-го уровень прибыли $\frac{20}{80} = 25\%$ для 2-го—$\frac{40}{80} = 50\%$. Здѣсь уровни прибыли будутъ относиться между собой, какъ суммы перемѣнныхъ капиталовъ, ибо 25 : 50 = 20 : 40.

в) Когда норма прибавочной цѣнности и органическое сложеніе капиталовъ различны и суммы прибавочныхъ цѣнностей составляютъ неодинаковый % по отношенію къ капиталамъ, то, понятно, уровни прибыли различны.

I. $70\,c + 30\,v$ норма прибав. цѣн. 100% $\left(\frac{30}{30}\right)$

II. $60\,c + 40\,v$ » » » 50% $\left(\frac{20}{40}\right)$

а уровень прибыли I $\frac{30}{100} = 30\%$,

» » II $\frac{20}{100} = 20\%$.

Въ этомъ случаѣ уровни прибыли относятся какъ произведенія изъ нормы прибавочной цѣнности на сумму перемѣннаго капитала:

$$3 : 20 = \frac{30 \times \frac{100}{100}}{40 \times \frac{50}{100}}.$$

Всѣ изложенныя только что разсужденія Маркса имѣли цѣлью показать, что, принимая за уровень прибыли отношеніе суммы прибавочной цѣнности къ капиталу предпріятія, мы получимъ въ различныхъ предпріятіяхъ различные уровни прибыли, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ *техническаго сложенія* ихъ капиталовъ, т. е. процентной доли въ нихъ перемѣннаго капитала.

Правда, изъ главы (IV), вставленной Энгельсомъ, слѣдовало бы сдѣлать выводъ, что происходящія отъ разницы въ сложеніи капиталовъ различія въ уровнѣ прибыли могутъ быть значительно нивеллированы различной быстротой обращенія (къ этому мы еще возвратимся). Изъ слѣдующей же главы выясняется (приведенная уже нами выше) разница между составными частями самого постояннаго капитала, т. е. основной и оборотной его частью. Тѣмъ не менѣе, Марксъ настаиваетъ на важности техническаго сложенія капиталовъ, и въ дальнѣйшемъ изложеніи, переходя къ рѣшенію вопроса объ образованіи средняго уровня прибыли, посвящаетъ этому еще цѣлую главу. Примемъ, говоритъ онъ, для всѣхъ производствъ одинаковую норму прибавочной цѣнности и одинаковое время обращенія товаровъ. Эти условія обозначаютъ, въ свою очередь, что во всѣхъ случаяхъ принимается постоянство заработной платы и что извѣстной величины перемѣнный капиталъ будетъ выражать извѣстное количество рабочей силы, приводимой имъ въ дѣйствіе, а, слѣдовательно, опредѣленное количество овеществленнаго труда.

«Если 100 *L.* выражаетъ недѣльный заработокъ 100 рабочихъ, т. е. въ дѣйствительности 100 рабочихъ силъ, то 100 *L.*, умноженное на *n*, выра-

зитъ 100, умноженное на n рабочихъ силъ, а $\frac{100}{n}$ L.—заработокъ $\frac{100}{n}$ рабочихъ. Слѣдовательно, величина перемѣннаго капитала служитъ здѣсь показателемъ количества труда, приводимаго въ дѣйствіе опредѣленнымъ валовымъ капиталомъ; различія въ величинѣ употребленнаго перемѣннаго капитала служатъ поэтому показателями различія въ количествѣ употребленной рабочей силы».

Различное сложеніе капитала находится въ тѣсной зависимости отъ техники производства, говоритъ Марксъ; при этомъ въ производствахъ съ бо́льшею производительностью, и вообще съ возрастаніемъ производительности труда, возрастаетъ относительно постоянный капиталъ. Однако, возрастаетъ прежде всего масса тѣхъ вещественныхъ предметовъ, которые представляютъ постоянный капиталъ, что не тождественно съ возрастаніемъ цѣнности этаго капитала: возрастающая производительность труда обусловливаетъ лишь поглощеніе тѣмъ же процессомъ производства бо́льшаго количества постояннаго капитала, на первомъ мѣстѣ матеріаловъ; но цѣнность составныхъ частей постояннаго капитала можетъ измѣняться вполнѣ самостоятельно, въ зависимости, напримѣръ, отъ условій ихъ производства или отъ качества матеріала (мѣдь, желѣзо и т. д.). Но при данной нормѣ прибавочной цѣнности и данной высотѣ рабочей платы—сумма прибавочной цѣнности опредѣляется величиною перемѣннаго капитала, и отношеніе этой суммы къ капиталу предпріятія, т. е. уровень прибыли, будетъ, слѣдовательно, находиться въ зависимости отъ того, какую долю перемѣнный капиталъ составляетъ во всемъ капиталѣ. Напримѣръ, два капитала A и B, величиной каждый въ 700 L., могутъ имѣть разное сложеніе. Такъ, предположимъ, A состоитъ изъ 600 постояннаго (c) и 100 перемѣннаго (v), а B состоитъ обратно: изъ 600 перемѣннаго и 100 постояннаго. Тогда, принявъ, согласно условію, для обоихъ капиталовъ норму прибавочной цѣнности одинаковою, положимъ въ 100%, получимъ для капитала A уровень прибыли $= {}^{100}/_{700} = 14\frac{2}{7}\%$, а для $B = \frac{600}{700} = 85\frac{5}{7}\%$. Другими словами, приводя въ движеніе различное количество живого труда, получаемъ и различное количество прибавочной цѣнности, и такъ какъ такое разнообразіе состава капиталовъ существуетъ въ дѣйствительности, по мнѣнію Маркса, то, слѣдовательно, уровень прибыли различныхъ предпріятій, имѣющихъ различное (въ зависимости отъ техники производства) сложеніе капиталовъ, будетъ различный. При этомъ Марксъ указываетъ, что относительная величина основной и оборотной частей постояннаго капитала не имѣетъ значенія для опредѣленія уровня прибыли, такъ какъ прибыль вычисляется на весь капиталъ, при чемъ, однако, для того, чтобы не обнаружилось вліяніе

состава постояннаго капитала изъ оборотной и основной частей, необходимо принять, что время обращенія различныхъ составныхъ частей этаго капитала было одинаково, «хотя обыкновенно, если въ капиталы входятъ основная и оборотная части въ различныхъ пропорціяхъ, то этимъ вызывается различіе во времени ихъ обращенія». Но и послѣ этаго замѣчанія Марксъ продолжаетъ утверждать, что различіе въ составѣ постояннаго капитала—изъ основной и оборотной частей—въ различныхъ отрасляхъ производства не можетъ вліять на уровень прибыли.

§ 4. Наконецъ, Марксъ приступаетъ къ главному вопросу, а именно, какимъ образомъ различные уровни прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ приводятся къ среднему уровню прибыли.

Извѣстное сложеніе капитала изъ постоянной и перемѣнно частей зависитъ отъ техники даннаго производства и цѣнности составныхъ частей постояннаго капитала, говоритъ Марксъ. Положимъ, напр., что эти условія требуютъ, чтобы въ составѣ капитала было $^4/_5$ постояннаго капитала и $^1/_5$ перемѣннаго; тогда сложеніе капитала, равнаго 100, выразится такъ: $80\ c + 20\ v$. При нормѣ прибавочной цѣнности $= 100\%$ прибавочная цѣнность будетъ $m = 20$. «Но цѣнность продукта», замѣчаетъ Марксъ, «будетъ зависѣть отъ того, какъ великъ основной капиталъ и какая доля его переходитъ въ продуктъ. Но такъ какъ *для уровня прибыли это совершенно безразлично*, то для простоты принимается, что постоянный капиталъ во всѣхъ отрасляхъ равномѣрно цѣликомъ входитъ въ годичный продуктъ». Равнымъ образомъ (тоже для простоты) принимается, что капиталы производятъ прибавочную цѣнность, пропорціональную ихъ перемѣннымъ частямъ, т. е. предполагается равенство нормы прибавочной цѣнности и равенство временъ обращенія разныхъ капиталовъ.

Замѣтимъ здѣсь же, что всѣ эти три условія ведутъ къ совершенно неправильной постановкѣ всего изслѣдованія, ибо, во 1-хъ, если принять, что основной капиталъ входитъ цѣликомъ въ продуктъ, то это равносильно тому, что считать уровнемъ прибыли отношеніе прибавочной цѣнности къ авансированному только капиталу, а не ко всему капиталу предпріятія, какъ неоднократно повторяетъ Марксъ. Во 2-хъ, значеніе основного капитала, между прочимъ, выражается въ увеличеніи нормы прибавочной цѣнности, т. е. тамъ, гдѣ основной капиталъ великъ, тамъ высока и норма прибавочной цѣнности, вслѣдствіе возможности повышенія интенсивности труда. Слѣдовательно, въ данномъ изслѣдованіи правильнѣе было бы принять во вниманіе возможныя въ этомъ смыслѣ колебанія. Въ 3-хъ, увеличеніе числа оборотовъ, или сокращеніе времени обращенія товаровъ, можетъ сильно вліять на увеличеніе общей суммы прибавочной цѣнности, а, слѣдовательно, и на величину уровня прибыли,

и на относительное значеніе оборотной части по сравненію съ основнымъ капиталомъ.

Что эти соображенія могутъ имѣть значеніе, мы покажемъ на тѣхъ же примѣрахъ, которые приводитъ Марксъ. Марксъ даетъ таблицу, которая должна иллюстрировать, каковы будутъ уровни прибыли капиталовъ различнаго сложенія, при одной и той же нормѣ прибавочной цѣнности въ 100%. Возьмемъ, говоритъ онъ, пять различныхъ отраслей производства, при чемъ въ каждой изъ нихъ сложеніе затраченнаго капитала будетъ разное:

Капиталы.	Прибавочная цѣнность.	Цѣнность продукта.	Уровень прибыли.
I. 80 c + 20 v	20	120	20%
II. 70 c + 30 v	30	130	30%
III. 60 c + 40 v	40	140	40%
IV. 85 c + 15 v	15	115	15%
V. 95 c + 5 v	5	105	5%

Въ этой таблицѣ c должно обозначать весь постоянный капиталъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ постоянный капиталъ цѣликомъ входитъ въ цѣнность продукта, т. е. основной капиталъ представляетъ какъ бы такую ничтожную цѣнность и обладаетъ столь малой прочностью, что въ теченіе одного года,—т. е. періода, къ которому должно относиться вычисленіе,—совершенно уничтожается. Фактически, однако, такое положеніе едва ли мыслимо, особенно при томъ сложеніи, которое имѣютъ нѣкоторые изъ взятыхъ Марксомъ для примѣра капиталовъ. Кромѣ того, какъ было уже замѣчено, этотъ способъ вычисленія представляетъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто уровень прибыли опредѣляется отношеніемъ прибавочной цѣнности не ко всему капиталу предпріятія, а только къ капиталу авансированному. Выдѣлимъ, поэтому, изъ постояннаго капитала основную и оборотную его части. Предположимъ, что основной капиталъ будетъ равенъ въ 1-мъ—60-ти, во 2-мъ—50-ти, въ 3-мъ—40, въ 4-мъ—60-ти и въ 5-мъ—80-ти; цѣнность же матеріаловъ разнаго рода получится изъ разности всего постояннаго капитала и основного, т. е. соотвѣтственно будетъ равна: 20, 20, 20, 25, 15. Пусть изнашиваніе основного капитала во всѣхъ случаяхъ равно 10%, и выразимъ уровень прибыли отношеніемъ суммы прибыли къ авансированному капиталу. Тогда предыдущая таблица представится въ слѣдующемъ видѣ:

	Стоимость основного капитала.	Стоимость продукта.	Прибавочная цѣнность.	Цѣнность продукта по Марксу.	Цѣнность продукта по нашему вычисленію.	Уровень прибыли по Марксу.	Уровень прибыли по нашему вычисленію.
I	60	46	20	120	66	20%	$43^{11}/_{23}$
II	50	55	30	130	85	30%	$54^{6}/_{11}$

III	40	64	40	140	104	40%	$62^1/_2$
IV	60	46	15	115	61	15%	$32^{14}/_{23}$
V	80	28	5	105	33	5%	$17^6/_7$

Оказывается, слѣдовательно, что черезчуръ рѣзкія различія въ уровняхъ прибыли получились у Маркса, благодаря, прежде всего, тому, что изъ общей массы постояннаго капитала онъ не выдѣлилъ основного. Поэтому, у него предѣльное отношеніе maximum'а къ minimum'у между уровнями прибыли (V : III) равно 1 : 8, а у насъ всего лишь 1 : $3^1/_2$ ($17^6/_7 : 62^1/_2 = \frac{125}{7} : \frac{125}{2} = \frac{2}{7} = 1 : 3^1/_2$). Но, кромѣ того, такія величины для уровня прибыли получились у насъ при условіяхъ, поставленныхъ Марксомъ. Между тѣмъ, эти условія, особенно по отношенію къ нормѣ прибавочной цѣнности, едва ли могутъ считаться соотвѣтствующими дѣйствительности: увеличеніе цѣнности основного капитала ведетъ обыкновенно за собой и повышеніе нормы прибавочной цѣнности. Сверхъ того, ясно само собой, что чѣмъ менѣе цѣнность продукта и чѣмъ меньше, слѣдовательно, количество употребленнаго на единицу продукта матеріала и работы, тѣмъ обращеніе капитала, производящаго этотъ продуктъ, будетъ быстрѣе. Поэтому, во 1-хъ, разъ мы для продуктовъ, напр. V класса, принимаемъ величину основного капитала равной 80, то это значитъ, что норма прибавочной цѣнности въ производствѣ этаго продукта должна быть высока, такъ какъ высока и интенсивность труда. Въ виду этаго, если для II класса норма прибавочной цѣнности 100%, то здѣсь мы вправѣ принять ее въ 1½ раза выше, т. е. въ 150%. Во 2-хъ, принимая здѣсь малую величину оборотнаго капитала, а стало быть и относительно малоцѣнный матеріалъ для изготовленія продукта, мы въ правѣ допустить, что обращеніе этаго товара на рынкѣ совершается въ 2 раза быстрѣе продукта второго класса. Тогда результатъ нашего вычисленія будетъ таковъ: сумма прибавочной цѣнности послѣ одного оборота будетъ равна 7,5 (вмѣсто 5), а при двухъ оборотахъ $7{,}5 \times 2 = 15$. Уровень же прибыли будетъ $^{15}/_{28} = 53\,^4/_7\,\%$, ибо сумма авансированнаго капитала, какъ и прежде, =28; иначе это можетъ быть выражено такъ: вслѣдствіе усиленнаго обращенія уровень прибыли повысится въ 2 раза, а вслѣдствіе возросшей интенсивности труда—въ $1^1/_2$ раза противъ прежняго; слѣдовательно будетъ—$17^6/_7 \times 2 \times 1^1/_2 = 53^4/_7$.

Такимъ образомъ, уровень прибыли V класса отличается отъ уровня прибыли II класса на незначительную только величину, и, по всей вѣроятности, это отношеніе въ дѣйствительности могло бы быть нивеллировано нѣкоторыми измѣненіями періода обращенія.

Вообще, для уравненія всѣхъ разнообразныхъ капиталовъ по уровню

прибыли (напр. съ капиталомъ II-мъ) требовалось бы допущеніе весьма незначительныхъ отклоненій въ нормѣ прибавочной цѣнности или быстротѣ обращенія, *отклоненій, соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ условіямъ обращенія и производства*. Напр.: капиталъ IV произведетъ при обращеніи, въ $1^1/_2$ раза болѣе быстромъ, чѣмъ II—уровень прибыли $48^{21}/_{23}$, т. е. разнящійся отъ II-го едва на $10^0/_0$. Подобнымъ образомъ I капиталъ, чтобы достигнуть уровня прибыли II, долженъ имѣть норму прибавочной цѣнности на $25^0/_0$ болѣе, что̀ и соотвѣтствуетъ бо́льшей величинѣ основного капитала; при указанныхъ условіяхъ уровень прибыли I будетъ=$54^2/_{23}{}^0/_0$. Наконецъ, III долженъ имѣть болѣе низкую—на $20^0/_0$ норму прибавочной цѣнности, тогда уровень прибыли=$50^0/_0$, или обращаться въ $1^1/_2$ раза болѣе медленно, соотвѣтственно цѣнности продукта. Такимъ образомъ мы получимъ уровни прибыли, выражающіеся слѣдующимъ рядомъ цифръ: $54^8/_{23}$, $54^6/_{11}$, 50, $48^{21}/_{23}$ и $53^4/_7$. Какъ видимъ, той разницы въ прибыляхъ, о которой говоритъ Марксъ, вовсе не наблюдается, тогда какъ, по его словамъ, при равномѣрной степени эксплуатаціи труда соотвѣтственно различію органическаго сложенія капиталовъ получаются всегда различные уровни прибылей.

Марксъ принимаетъ, что первый капиталъ—есть *капиталъ средняго сложенія* для даннаго общества, III капиталъ *низшаго сложенія*, а V, наоборотъ,—*высшаго*. Вообще, *сложеніе капитала тѣмъ выше, чѣмъ бо́льшую долю его составляетъ капиталъ постоянный*. Принимая эту терминологію, мы должны имѣть въ виду, что капиталы низшаго сложенія почти исключительно принадлежатъ не обработывающей промышленности, а добывающей,—земледѣлію и горному промыслу,—гдѣ, въ значительной мѣрѣ, преобладаетъ перемѣнный капиталъ. Эти капиталы (низшаго сложенія) должны при нормальныхъ условіяхъ, сверхъ обычной въ данной странѣ прибыли, давать еще ренту, что свойственно какъ земледѣлію, такъ и горной промышленности. Марксъ и самъ указываетъ, что таковы капиталы добывающей промышленности, и если онъ, тѣмъ не менѣе, вводитъ ихъ здѣсь въ счетъ, то только потому, что они, по его мнѣнію, только случайно, благодаря существованію права частной собственности на землю, не участвуютъ или участвуютъ только отчасти въ образованіи средняго уровня прибыли. Насколько это вѣрно, мы увидимъ въ теоріи ренты, а теперь замѣтимъ еще слѣдующее. Относительно продуктовъ земледѣлія слѣдуетъ принять во вниманіе, что они обращаются, по сравненію съ продуктами обработывающей промышленности, медленно, и средній періодъ обращенія для нихъ можно принять равнымъ почти одному году. Почти то же можно сказать и о большей части продуктовъ горнаго промысла, такъ какъ въ сыромъ и необработанномъ видѣ они почти совсѣмъ не поступаютъ на рынокъ; исключеніе здѣсь

(кромѣ развѣ драгоцѣнныхъ камней и благородныхъ металловъ) составляетъ одинъ каменный уголь, но производство его имѣетъ столько особенностей, что о немъ мы будемъ говорить особо.

Вообще же можно сказать, что *доля постояннаго капитала будетъ тѣмъ выше въ цѣнности продукта, чѣмъ болѣе приспособленъ данный предметъ къ непосредственному потребленію и чѣмъ онъ быстрѣе обращается на рынкѣ.* И, обратно: *товаръ обращается тѣмъ медленнѣе, чѣмъ онъ менѣе подготовленъ для непосредственнаго потребленія.* Поэтому въ тѣхъ отрасляхъ, которыя приготовляютъ предметы основного капитала, въ видѣ машинъ, орудій, зданій и т. п., къ каковымъ относятся, напр., машиностроительные заводы, господствуютъ наиболѣе крупныя предпріятія, такъ какъ, съ одной стороны, для изготовленія предметовъ въ готовомъ видѣ требуются значительныя затраты капитала на сравнительно продолжительный срокъ; съ другой—необходимо имѣть возможность быстро удовлетворять явившемуся спросу на товаръ, и, слѣдовательно, нужно имѣть запасъ готовыхъ предметовъ на складахъ, что значительно удлиняетъ періодъ обращенія капитала [1]).

Наконецъ, чтобы прійти къ выводу, насколько различное сложеніе капиталовъ можетъ вызывать различіе въ прибыли,—принимая, какъ мы до сихъ поръ принимали, что товары обмѣниваются по ихъ дѣйствительной трудовой цѣнности, и, слѣдовательно, вся сумма прибавочной цѣнности, произведенная даннымъ предпріятіемъ, составитъ сумму прибыли этаго предпріятія,—нужно принять во вниманіе еще вліяніе кредита. Кредитъ именно даетъ возможность обращать значительную часть капитала изъ основного въ оборотный или, иначе, даетъ возможность эксплуатировать одинъ и тотъ же капиталъ два раза, какъ основной и какъ оборотный. Мы увидимъ дальше, что существуютъ и еще нѣкоторые способы, ведущіе къ нивеллированію уровней прибыли. Но уже вышеприведенныя соображенія показываютъ, что различія въ техникѣ, по отношенію къ прибыли, не имѣютъ того значенія, какое приписываетъ имъ Марксъ.

§ 5. До сихъ поръ, однако, мы принимали, что уровень прибыли есть отношеніе суммы прибавочной цѣнности не ко всему капиталу предпріятія, какъ принимаетъ Марксъ, а лишь къ авансированному капиталу, когда величина основного капитала не имѣетъ большого вліянія.

Замѣтимъ здѣсь, между прочимъ, что еще задолго до появленія III-го тома «Капитала», Адлеръ приводилъ въ качествѣ аргумента противъ теоріи трудовой цѣнности именно различное сложеніе капиталовъ.

[1]) Этотъ выводъ былъ сдѣланъ авторомъ въ статьѣ „Прибыль и процентъ“ (Юридич. Вѣстн. 1890 г. № 1-й), исходя изъ сравненія уровня прибыли въ различныхъ видахъ предпріятій по даннымъ американской статистики.

Данный матеріалъ, говоритъ онъ, добытый первоначально, положимъ, какъ предметъ природы (руда, напр.) подвергается первой обработкѣ-при чемъ всасываетъ въ себя извѣстное количество труда, слѣдовательно, дорожаетъ (желѣзо). Но и онъ не представляетъ въ этомъ видѣ готоваго продукта, а поступаетъ, какъ матеріалъ, въ слѣдующую стадію производства. Если такихъ стадій производства предположить, напр., пять, то окажется, что невозможно достигнуть равенства уровней прибылей. Очевидно, здѣсь та же ошибка, какъ и въ разсужденіяхъ Маркса, относительно уровня прибылей. (Хотя разсужденіе Маркса, по указаніямъ Энгельса, написано въ главныхъ частяхъ еще въ 1867 году, а книга Адлера вышла въ 1887 году).

Но возвратимся къ Марксу. Оставаясь при взглядѣ классической экономіи, что уровень прибыли представляетъ отношеніе прибавочной цѣнности ко всей суммѣ капитала предпріятія, Марксъ, какъ указано, отрицаетъ или просто не замѣчаетъ, что большее или меньшее участіе основного капитала въ производствѣ можетъ содѣйствовать уничтоженію неравенства въ уровняхъ прибыли. *Для уравненія* же, говоритъ онъ, *надо разсматривать валовую сумму всѣхъ пяти капиталовъ*, равную 500, *какъ единый капиталъ*, производящій прибавочную цѣнность, равную 110. Тогда капиталы отъ I-го до V-го разсматриваются только какъ части этаго общаго капитала; такъ поступаетъ, напр., хлопчатобумажный фабрикантъ относительно капиталовъ, затраченныхъ въ различныхъ отдѣленіяхъ его фабрики: въ чесальнѣ, подготовительной, прядильной, ткацкой,—гдѣ также существуетъ различное отношеніе между перемѣннымъ и постояннымъ капиталомъ, но *общая сумма прибыли распредѣляется равномѣрно на всѣ капиталы*, независимо отъ того, въ какомъ отдѣленіи былъ приложенъ трудъ, произведшій эту прибыль.

Въ нашемъ случаѣ среднее сложеніе сложнаго капитала, составляющаго сумму капиталовъ I—V, было бы $500=390c+110v$; слѣдовательно, на каждую сотню капитала приходилось бы $22v$ и при данной нормѣ прибавочной цѣнности, 100%, и 22 m; другими словами, средняя норма прибыли будетъ 22% (110:500=22:100). *Эта величина и есть та средняя норма уровня прибыли въ данной странѣ, сообразно которой должны регулироваться цѣны произведенныхъ различными капиталистами товаровъ*. Цѣна, вычисленная такимъ образомъ, что къ стоимости производства (Kostpreis) прикладывается соотвѣтствующая, по среднему въ данной странѣ уровню прибыли на капиталы, доля прибыли, называется по Марксу, цѣною производства (Productionspreis). Чтобы показать, что дѣло не измѣняется, если принять во вниманіе основной капиталъ, Марксъ измѣняетъ приведенную ранѣе таблицу въ слѣдующую:

Капиталы.	Сложеніе капиталовъ.	Потребленная часть постояннаго капитала.	Цѣнность товара.	Стоимостьпроизводства (Kostpreis).	Цѣнапроизводства (Productionspreis).	Отклоненіе цѣны производства отъ цѣнности товара.
I	$80c + 20v$	50	90	70	92	+ 2
II	$70c + 30v$	51	111	81	103	— 8
III	$60c + 40v$	51	131	91	113	— 18
IV	$85c + 15v$	40	70	55	77	+ 7
V	$95c + 5v$	10	20	15	37	+ 17

Подъ именемъ потребленной части постояннаго капитала здѣсь разумѣется изнашиваніе зданій, машинъ, орудій и другихъ частей основного капитала, сложенное съ цѣнностью матеріаловъ. Цѣнность же товара вычислена, принимая вездѣ, какъ было указано выше, норму прибавочной цѣнности равной 100%. Приведенное сопоставленіе показываетъ, что цѣны производства отклоняются отъ цѣнностей товаровъ, но отклоненія въ одну сторону вполнѣ компенсируются отклоненіями въ другую, такъ что, въ концѣ концовъ, вся сумма прибавочной цѣнности, произведенная всѣми капиталистами, поступаетъ въ раздѣлъ между ними, но только не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ каждый изъ нихъ добылъ эту прибавочную цѣнность, а пропорціонально вложенному каждымъ капиталу. «Капиталисты при этомъ относятся другъ къ другу, какъ акціонеры одного акціонернаго предпріятія, распредѣляя прибыль равномѣрно на каждую сотню, такъ что отдѣльные капиталисты различаются только величиной капитала, затраченнаго въ общее дѣло».

Приведенная таблица Маркса въ общемъ подтверждаетъ сдѣланное нами выше предположеніе, что значительная величина постояннаго капитала въ различныхъ предпріятіяхъ на первомъ мѣстѣ есть слѣдствіе различія въ величинѣ основного капитала. Поэтому и сказанное тамъ о значеніи періодовъ обращенія товаровъ для уравненія прибыли вполнѣ приложимо къ этой таблицѣ. Но если мы попробуемъ примѣнить сказанное о періодахъ обращенія къ капиталамъ (таблицы Маркса), принявъ тѣ цѣны, которыя принимаетъ онъ, тогда окажется слѣдующее: мы указывали, что для товара, произведеннаго V-мъ капиталомъ, нужно принять обращеніе въ 2 раза быстрѣе средняго, а для товара IV-го въ 1½ раза; тогда будемъ имѣть, что V-й капиталъ получаетъ прибыли 44% всего капитала, а IV—33%. Это значитъ, что цѣны этихъ товаровъ должны быть соотвѣтственно понижены, чтобы прибыль была равна средней (22%). Но такое пониженіе нарушило бы установленное Марксомъ правило, что общая сумма прибылей всѣхъ капиталовъ равна суммѣ произведенной ими прибавочной цѣнности, такъ какъ именно эти товары, по Марксу, должны продаваться выше своей цѣнности (IV—на 7, а V даже на 17),

чтобы уравновѣсить тѣ сбавки противъ цѣнности, которыя сдѣланы на цѣнахъ другихъ товаровъ.

Правда, Марксъ оговаривается далѣе, что надбавка къ стоимости производства для полученія цѣны товаровъ должна сообразоваться съ быстротой ихъ обращенія. Но это не уничтожаетъ значенія только что указаннаго несоотвѣтствія допущенія, сдѣланнаго имъ для опредѣленія средняго уровня прибыли, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли уже и еще яснѣе убѣдимся ниже (говоря объ обращеніи и кредитѣ), если ввести факторъ обращенія и различіе въ высотѣ нормы прибавочной цѣнности, то уравненіе прибылей достигается и безъ допущенія Маркса. Кромѣ того, трудно представить себѣ возможность самого осуществленія того дѣлежа прибавочной цѣнности, который допускаетъ Марксъ. Такъ, если бы капиталисты обмѣнивались своими товарами только между собою, то владѣлецъ товара, произведеннаго при помощи III капитала (въ примѣрѣ Маркса), могъ бы обмѣниваться товаромъ съ владѣльцемъ V-го капитала, дѣлая при этомъ ему соотвѣтствующую скидку, считая свой товаръ по низшей цѣнѣ, а его принимая по высшей, и тѣмъ доставляя возможность владѣльцу V-го капитала получить среднюю для даннаго общества прибыль, какую получитъ въ такомъ случаѣ и онъ самъ. Но представимъ себѣ, что владѣлецъ III-го капитала доставляетъ свой товаръ на внѣшній рынокъ, на которомъ ему не приходится конкурировать съ мѣстными капиталистами; или представимъ себѣ, что продуктъ, произведенный имъ, идетъ на потребленіе рабочихъ и ими только покупается; въ противоположность этому, V-й товаръ покупается только капиталистами, представляя, напримѣръ, не предметъ потребленія, а средство производства. Тогда, очевидно, если III-й капиталистъ и будетъ продавать свой товаръ по пониженнымъ цѣнамъ, то отъ этаго нисколько не повысится покупательная сила тѣхъ капиталистовъ, которые покупаютъ товары V-го капиталиста. Наконецъ, если бы капиталистъ могъ извлечь для себя ту сумму цѣнности, которая дала бы ему возможность удержаться на среднемъ уровнѣ прибыли помощью простого повышенія цѣны товара, то стремленіе его къ производству прибавочной цѣнности, несомнѣнно, должно было бы пасть. Между тѣмъ, намъ извѣстно, что капиталистъ всѣми возможными для него средствами старается увеличить сумму производимой имъ прибавочной цѣнности. Къ тому же это предположеніе о возможности повышенія цѣны опровергается въ другомъ мѣстѣ самимъ Марксомъ. Марксъ (или его издатель Энгельсъ), повидимому, и самъ сознавалъ, что объясненія относительно способа образованія средняго уровня прибыли крайне неясны; потому у него является масса повтореній, и при этомъ часто выраженія и самыя формулы, которыя должны уяснить дѣло, крайне неточны или прямо невѣрны. Такъ, для средняго капитала, говоритъ онъ,

цѣна производства опредѣлится, если къ стоимости производства прибавить произведеніе изъ этой величины (стоимости производства) на средній % прибыли, т. е. при обозначеніи стоимости производства черезъ К, а % прибыли черезъ р', мы получимъ, что цѣна производства=К+Кр'.

Попробуемъ примѣнить эту формулу къ I капиталу предыдущей таблицы, который именно и считается имѣющимъ такое среднее сложеніе. Стоимость производства для него = 70; р' = 22%, тогда, подставляя въ формулу данныя величины, получимъ, что цѣна производства должна быть 70 + 70. 0,22 = 70 + 15,4 = 85,4; на самомъ же дѣлѣ цѣна производства должна быть 92; при указанномъ же способѣ вычисленія цѣны производства въ этомъ случаѣ (такъ какъ капиталъ=100(и уровень прибыли выразится не 22%, а только 15,4%. Точно также совершенно невозможно согласиться съ Марксомъ, что конкуренція между рабочими ведетъ «по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени» къ тому, что норма прибавочной цѣнности во всѣхъ предпріятіяхъ одинакова, такъ какъ въ противномъ случаѣ, говоритъ онъ, рабочіе переходили бы изъ одной отрасли промышленности въ другую, болѣе выгодную, оставляя такимъ образомъ безъ рабочихъ рукъ тѣ предпріятія, въ которыхъ степень эксплуатаціи, т. е. норма прибавочной цѣнности, выше. При этомъ, не смотря на оговорку, что это уравненіе возможно только «въ извѣстной степени», Марксъ принимаетъ норму прибавочной цѣнности совершенно одинаковой во всѣхъ предпріятіяхъ. Между тѣмъ, мы уже знаемъ, что съ возрастаніемъ интенсивности труда для предпринимателя дѣлается выгоднымъ повышать заработную плату даже прямо пропорціонально возрастающей интенсивности. Что такое повышеніе заработной платы имѣетъ мѣсто при увеличеніи интенсивности, подтверждаютъ, между прочимъ, изслѣдованія Schulze Gaevernitz'a, которыя были произведены въ 80-хъ годахъ въ Англіи, въ Ланкаширѣ, т. е. именно тамъ, гдѣ производилъ свои изслѣдованія и Энгельсъ въ 30-хъ годахъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что въ отрасляхъ хлопчатобумажной промышленности, гдѣ по характеру самаго производства возможна высокая интенсивность и производительность труда, рабочая плата настолько высока, что даетъ возможность безбѣднаго существованія рабочему (средній рабочій получаетъ въ годъ до 200 L., т. е. около 2000 руб.). Иначе обстоитъ дѣло въ производствахъ, выработывающихъ шелковыя ткани. Какъ извѣстно, шелкъ требуетъ при его использованіи крайне осторожнаго обращенія, вслѣдствіе чего, въ данной отрасли, производительность, а еще болѣе интенсивность труда крайне низки; это заставляетъ капиталистовъ понижать заработную плату ниже минимальной. И рабочіе въ этихъ отрасляхъ крайне бѣдствуютъ, но не оставляютъ ихъ. Тѣмъ менѣе имѣютъ основанія оставлять свою отрасль производства рабочіе хлопча-

тобумажныхъ фабрикъ, не смотря на болѣе высокую здѣсь степень эксплуатаціи рабочей силы, выражающейся въ высшей нормѣ прибавочной цѣнности.

§ 6. Чтобы выяснить наконецъ, что же должно понимать подъ уровнемъ прибыли и какія соображенія заставили Маркса вернуться къ старому ученію о прибыли, прежде всего поставимъ вопросъ: мыслимо ли, чтобы приростъ всѣхъ капиталовъ, какъ бы велики они ни были и въ какой бы формѣ ни существовали, выражался однимъ и тѣмъ же процентомъ?—другими словами, чтобы каждая сотня какого угодно капитала давала капиталисту одну и ту же среднюю прибыль? Допустивъ такое предположеніе, мы найдемъ, что владѣлецъ одного милліона получая 10% дохода на свой капиталъ и, проживая ежегодно 50 тысячъ, тѣмъ не менѣе, черезъ 12 лѣтъ будетъ имѣть два милліона; владѣлецъ же 50 тысячъ, получая тѣ же 10% и имѣя скромный бюджетъ въ 4000 рублей, къ концу того же періода едва будетъ имѣть 70.000 руб. Выгода перваго передъ вторымъ столь велика, что если признать, что они получаютъ одинъ и тотъ же процентъ на свой капиталъ, то надо было бы предположить, что концентрація промышленности въ однѣхъ рукахъ идетъ гигантскими шагами, чего на самомъ дѣлѣ въ такой мѣрѣ не наблюдается.

Но кромѣ того, въ чемъ собственно заключается затрудненіе и почему Марксу казалось необходимымъ прибѣгнуть къ такому искусственному уравненію прибыли и къ допущенію, что цѣна продуктовъ не совпадаетъ съ ихъ трудовою цѣнностью? Сущность затрудненія, какъ мы видѣли, заключается въ неравной долѣ перемѣннаго капитала въ разныхъ предпріятіяхъ, благодаря чему сумма образуемой прибавочной цѣнности оказывается весьма различною. Однако, во 1-хъ, это различіе въ величинѣ прибавочной цѣнности выступаетъ особенно рѣзко только при условіи равенства нормъ прибавочной цѣнности и одинаковой быстротѣ обращенія товаровъ. Между тѣмъ ни то, ни другое условіе не могутъ быть приняты, и общимъ правиломъ слѣдуетъ считать, что капиталы высшаго сложенія, т. е. такіе, въ которыхъ преобладаетъ, такъ сказать, пассивная часть (основной капиталъ и цѣнность матеріаловъ) надъ активной (перемѣннымъ капиталомъ), даютъ высшую норму прибавочной цѣнности; ибо, высшее сложеніе означаетъ именно высокую производительность труда, а эта послѣдняя всегда достигается участіемъ значительнаго основного капитала и, кромѣ повышенія производительности, даетъ возможность повысить также и интенсивность труда, а, слѣдовательно, и норму прибавочной цѣнности, что, въ свою очередь, должно поднять и уровень прибыли. Наоборотъ: капиталы низшаго сложенія, поскольку они принадлежатъ обрабатывающей промышленности, суть такіе, въ кото-

рыхъ и интенсивность, и производительность труда должны быть относительно низки, такъ какъ самый характеръ ихъ состава показываетъ, что въ нихъ отсутствуетъ основной капиталъ, содѣйствующій увеличенію производительности и интенсивности труда. Во 2-хъ, какъ уже замѣчено выше, капиталы съ наиболѣе низкимъ сложеніемъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, земледѣлію и горному дѣлу и вообще добывающей промышленности, т. е. эти капиталы, кромѣ обычнаго уровня прибыли, должны давать еще ренту. Въ 3-хъ, капиталы очень высокаго сложенія, отличающіеся огромной величиной основного капитала,—какъ признаетъ и Марксъ,—также не входятъ въ число образователей средняго уровня прибыли. Остаются, слѣдовательно, въ качествѣ образователей этой величины, капиталы, которыхъ сложеніе хотя и разнообразно, но все же не очень рѣзко уклоняется отъ средняго сложенія капиталовъ даннаго общества. Дѣйствительно, извѣстный изслѣдователь желѣзнодорожнаго хозяйства, Эмиль Саксъ, утверждаетъ, что, по его вычисленіямъ, отношеніе основного капитала къ оборотному колеблется въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ (не включая желѣзныхъ дорогъ и подобныхъ имъ по сложенію капиталовъ предпріятій) въ предѣлахъ 3 : 1 до 5 : 1. Конечно, отношенія постояннаго капитала къ перемѣнному будутъ больше только что приведенныхъ, но все же существованіе капиталовъ сложенія $95c + 5v$ (какъ V-й капиталъ въ примѣрѣ Маркса) является сомнительнымъ, особенно рядомъ съ капиталомъ сложенія $60\ c + 40\ v$. (III капиталъ Маркса). Болѣе вѣроятно, наоборотъ, что капиталы даннаго общества (за указанными исключеніями) имѣютъ болѣе однообразный составъ, а для близкихъ отраслей или, тѣмъ болѣе, одной отрасли производства сложеніе капиталовъ, если не тождественно, то и не разнится значительно.

Что касается быстроты обращенія товаровъ, то къ сказанному выше прибавимъ еще слѣдующее: во 1) продукты, въ которые входитъ незначительное количество живого труда и незначительная цѣнность матеріаловъ, должны обращаться быстрѣе другихъ, иного состава и цѣнности продуктовъ, при чемъ и цѣнность ихъ вновь служитъ для производства, обращаясь въ матеріалы и перемѣнный капиталъ. Это ведетъ за собой два слѣдствія; съ одной стороны незначительныхъ размѣровъ капиталы, каковъ бы ни былъ ихъ составъ, при той же нормѣ прибавочной цѣнности, даютъ въ теченіе года бо́льшую относительно сумму прибавочной цѣнности, т. е. прирастаютъ быстрѣе, чѣмъ бо́льшіе капиталы. Съ другой стороны, капиталы высокаго сложенія, въ которыхъ главную часть постояннаго капитала составляетъ основной (кап. V примѣра Маркса), производя въ каждый оборотъ продуктъ незначительной цѣнности, могутъ и должны обращать его относительно быстро. Во 2) быстрота обращенія товаровъ на рынкѣ должна находиться въ соотвѣт-

ствіи съ производительностью труда въ данной отрасли производства. Вѣрнѣе, эта производительность опредѣляется, между прочимъ, быстрымъ, обращеніемъ товара, ею вызывается, стимулируется и поддерживается. Всѣ экономисты, какъ и Марксъ, признаютъ, что развитіе производительности труда находится въ зависимости отъ размѣровъ рынка, и это, конечно, вѣрно, ибо только при значительномъ рынкѣ является возможность сбыта большого количества товара. Но большой сбытъ отчасти уже обусловливаетъ значительную быстроту обращенія товаровъ, которая для капиталиста-производителя еще усиливается вмѣшательствомъ торговаго капитала.

О торговомъ капиталѣ мы будемъ говорить въ отдѣлѣ объ обращеніи, но здѣсь необходимо замѣтить, что вмѣшательство торговаго капитала было, повидимому, также одной изъ причинъ, которыя заставили Маркса принять указанную выше теорію уравненія прибыли, такъ какъ по отношенію къ торговому капиталу казалось совершенно непонятнымъ,— въ виду отсутствія приложенія образователя цѣнности—живого труда,— откуда берется прибыль. Наконецъ, возможно, что въ этомъ отношеніи не безъ вліянія было и то, что Марксъ, будучи ученымъ, не переставалъ быть и практикомъ соціалистомъ; потому онъ, какъ агитаторъ, былъ увлеченъ идеей—противопоставить всю массу капиталистовъ всей массѣ пролетаріевъ-рабочихъ. Какимъ бы, однако, мотивомъ ни руководился въ данномъ случаѣ Марксъ, нельзя упускать изъ виду при рѣшеніи вопроса о среднемъ уровнѣ прибыли, что, съ одной стороны, наука не должна стремиться объяснить всѣ, встрѣчающіяся на практикѣ, отступленія отъ выводовъ ея; а съ другой—законъ равенства прибыли въ дѣйствительности выражается только въ видѣ извѣстной тенденціи къ уравненію, самое же уравненіе практически никогда не достигается.

Дѣйствительно, и Марксъ, говоря о томъ, какъ фактически совершается то уравненіе прибылей, которое онъ считаетъ необходимымъ для образованія средняго уровня, указываетъ все тотъ же аргументъ, который приводили всѣ экономисты, начиная съ Ад. Смита. Это уравненіе должно именно совершаться путемъ перехода капиталовъ изъ отраслей, менѣе выгодныхъ, въ болѣе выгодныя. Такой переходъ, однако, самъ по себѣ не можетъ дать тѣхъ результатовъ, на которые указываетъ Марксъ: конечно, увеличеніе конкуренціи среди тѣхъ капиталистовъ, которые, по органическому сложенію ихъ капиталовъ, вырабатываютъ бо́льшій, сравнительно со среднимъ, процентъ прибыли, можетъ заставить этихъ капиталистовъ продавать свой товаръ ниже его цѣнности. Но, чтобы этотъ переходъ далъ возможность производителямъ, капиталы которыхъ «высшаго сложенія», повысить цѣну своего продукта вообще, нужно, чтобы въ этомъ продуктѣ оказался недостатокъ въ обществѣ; а чтобы это

повышеніе какъ разъ поглотило ту сумму прибавочной цѣнности, которую не добрали капиталисты первой группы на своемъ товарѣ, нужно чтобы цѣнности распредѣлялись, какъ указано выше, извѣстнымъ, мало вѣроятнымъ способомъ. Кромѣ того, перенесенію капиталовъ изъ одной отрасли въ другую препятствуетъ въ современномъ мірѣ и то, что высокое развитіе техники и связанное съ нимъ необходимо участіе науки требуетъ отъ каждаго предпринимателя извѣстной степени спеціализаціи въ данной отрасли производства; а большіе размѣры предпріятій дѣлаютъ необходимымъ изученіе рынковъ, какъ для сбыта товара, такъ и для пріобрѣтенія матеріала. Безъ этихъ знаній въ современномъ мірѣ не можетъ идти крупное предпріятіе, и переходъ капитала къ новому виду предпріятія дѣлается крайне затруднительнымъ, не говоря уже объ огромныхъ потеряхъ, особенно въ основномъ капиталѣ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) нельзя признать, что всѣ виды капиталовъ даютъ одинаковый процентный приростъ въ теченіе года; наоборотъ, въ этомъ отношеніи незначительные и особенно низшаго сложенія капиталы будутъ всегда имѣть преимущество; 2) тѣ различія величины прироста капиталовъ, которыя возникаютъ вслѣдствіе бо́льшей производительности труда въ извѣстныхъ отрасляхъ, легко могутъ компенсироваться, какъ увеличеніемъ интенсивности труда, такъ и быстротой обращенія товаровъ. Не можетъ этимъ путемъ компенсироваться только величина основного капитала, цѣнность котораго входитъ въ цѣнность продукта только незначительными частями. Самое возрастаніе основного капитала находится далеко не въ такомъ отношеніи къ производительности, какъ возрастаніе цѣнности матеріаловъ. Если Марксъ указываетъ, напр., что возрастаніе интенсивности труда вызываетъ возрастаніе цѣнности основного капитала и приводитъ въ доказательство то, что при увеличеніи интенсивности труда въ филоратурномъ производствѣ работнику поручается все большее и большее количество прядильныхъ и ткацкихъ станковъ, то этотъ примѣръ мало доказателенъ. Во 1-хъ, далеко не во всѣхъ производствахъ дѣло идетъ такъ, какъ въ этомъ примѣрѣ; во 2-хъ, и въ приведенномъ примѣрѣ возрастаетъ, правда, число станковъ, но это не значитъ еще, что сумма основного капитала возрастаетъ пропорціонально возрастанію интенсивности труда рабочаго. Число станковъ можетъ, конечно, возрасти прямо пропорціонально повышенію интенсивности, но вѣдь въ основной капиталъ входятъ и зданіе, и двигатель, а цѣнность этихъ обоихъ элементовъ возрастаетъ далеко не пропорціонально росту ихъ полезнаго дѣйствія. Такъ, единица объема зданія обходится тѣмъ дешевле, чѣмъ больше зданіе, и стоимость единицы силы тѣмъ менѣе, чѣмъ сильнѣе двигатель.

§ 7. Всѣ вышеизложенныя соображенія заставляютъ насъ принять,

что *уровнемъ прибыли слѣдуетъ считать отношеніе суммы произведенной прибавочной цѣнности къ авансированному капиталу*, т. е. уровень прибыли выражается дробью $= \frac{\text{сумма прибавочной цѣнности}}{\text{авансированный капиталъ}}$ или $\frac{\text{сумма прибавочной цѣнности}}{\text{цѣна матеріаловъ + перемѣнный капиталъ + погашеніе основного капитала}}$.

Какъ отчасти видно уже изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, уравнять эту величину въ различныхъ предпріятіяхъ при какомъ угодно сложеніи капиталовъ несравненно легче, чѣмъ ту величину, которую Марксъ, вмѣстѣ съ другими экономистами, считаетъ уровнемъ прибыли, т. е. величину, которую мы будемъ называть процентомъ предпріятія, или процентомъ дохода отъ предпріятія, и формула которой будетъ: $\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{весь капиталъ предпріятія}}$.

Подтвердимъ это положеніе еще однимъ примѣромъ.

Положимъ, имѣемъ суконную фабрику, основной капиталъ которой въ орудіяхъ, машинахъ и строеніяхъ составляетъ 200.000 р. и изнашивается въ 20 лѣтъ, т. е. въ одинъ годъ нужно отчислять въ погашеніе 5%, или 10.000 руб. Въ теченіе года фабрика потребила матеріала на 40.000 руб. (пряжи и подсобнаго матеріала), перемѣннаго капитала также на сумму 40.000 руб. Значитъ, сумма авансированнаго капитала будетъ: 40.000 р. за матеріалы + 10.000 руб. за машины + 40.000 рабочей платы—всего 90.000 руб. Если продуктъ стоитъ 120.000 руб., то прибавочная цѣнность будетъ равна 120.000 — 90.000 = 30.000 руб.; откуда уровень прибыли $= \frac{30000}{90000} = 33^1/_3\%$. По ученію классической экономіи, а также и по Марксу, если признать, что нашъ капиталъ имѣетъ сложеніе средняго капитала общества, для опредѣленія уровня прибыли нужно раздѣлить сумму прибавочной цѣнности (30.000 р.) не на 90.000 р. авансированнаго капитала, а на весь капиталъ предпріятія, т. е. на 40000 + 40000 + 200000 = 280000. Уровень прибыли выразится $\frac{30000}{280000} = 10{,}7\%$. Можетъ ли уровень прибыли, какъ мы его понимаемъ, удовлетворить положенію Рикардо о равенствѣ уровня прибылей во всѣхъ производствахъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, сравнимъ сначала уровень прибыли въ производствахъ, стоящихъ на крайнихъ точкахъ, въ отношеніи раздѣленія капитала на категоріи. Такими предпріятіями являются фабрики съ паровыми двигателями—съ одной стороны и ручныя ремесла—съ другой. Въ послѣднихъ можно приравнять основной капиталъ нулю; въ такомъ случаѣ, уровень прибыли будетъ равенъ $\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{цѣна матеріала + перемѣнный капиталъ}}$. Слѣдовательно, предположивъ, что въ ремеслѣ имѣются тѣ же отношенія годового продукта, рабо-

чей платы и матеріаловъ, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ, получимъ: уровень прибыли $= \frac{30000}{40000 + 40000} = 37^1/_2{}^0/_0$. Итакъ, признавая основной капиталъ ремесла $= 0$, мы получимъ подъемъ уровня прибыли, приблизительно на $11^1/_2{}^0/_0$. Признавая же уровень прибыли, выражаемый классическою экономіей, мы получили для фабрики $10,7^0/_0$, для ремесла тѣ-же $37^1/_2{}^0/_0$, или въ ремеслѣ наблюдается уровень прибыли на $250^0/_0$ большій, чѣмъ при фабричномъ производствѣ.

Здѣсь мы видимъ вполнѣ наглядно, что, исходя изъ нашего представленія, гораздо легче ожидать вывода закона Рикардо, чѣмъ изъ обычнаго понятія объ уровнѣ прибыли. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что констатированное только что превосходство въ уровнѣ прибыли ремесла надъ фабрикой совершенно сглаживается вліяніемъ на уровень прибыли условій, связанныхъ съ употребленіемъ большого основного капитала, т. е. усовершенствованныхъ машинъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы повысить уровень прибыли въ своемъ производствѣ и сравняться въ этомъ отношеніи съ ремесленникомъ, фабрикантъ имѣетъ нѣсколько средствъ, недоступныхъ ремесленнику. Самымъ дѣйствительнымъ изъ нихъ является повышеніе интенсивности труда. Мы уже знаемъ, что отъ повышенія интенсивности увеличивается норма и сумма прибавочной цѣнности, при чемъ норма повышается въ большее число разъ, чѣмъ интенсивность. Понятно, что повышеніе нормы прибавочной цѣнности должно способствовать возрастанію и уровня прибыли, такъ какъ оно влечетъ за собою повышеніе числителя дроби, выражающей эту величину. Правда, до извѣстной степени это повышеніе уровня прибыли компенсируется, въ свою очередь, необходимо сопровождающими повышеніе интенсивности: а) повышеніемъ платы рабочимъ и б) повышеніемъ расхода на матеріалъ. Оба эти элемента (т. е. рабочая плата и стоимость матеріала), входя въ авансированный капиталъ, увеличиваютъ знаменатель уровня прибыли, умѣряя дѣйствіе повышенной интенсивности. Въ нашемъ примѣрѣ при перемѣнномъ капиталѣ $= 40000$ р. и при суммѣ прибавочной цѣнности въ 30000 р. норма ея выразится $\frac{30000}{40000} = 75^0/_0$; слѣдовательно, если принять рабочій день въ $10^1/_2$ часовъ, то онъ распадается въ отношеніи $4:3$ на необходимое и прибавочное рабочее время: первое — 6 ч., а прибавочное—$4^1/_2$ ч. Если интенсивность увеличится въ $1^1/_2$ раза, тогда необходимое рабочее время сократиться въ $1^1/_2$ раза, т. е. будетъ не 6 ч., а 4 ч., прибавочное же выразится $(10^1/_2 - 4) = 6^1/_2$ часами. Слѣдовательно, при повышеніи интенсивности норма прибавочной цѣнности будетъ $\frac{6,5}{4} = 162,5^0/_0$; сумма же прибавочной цѣнности выразится $162^1/_2{}^0/_0$ отъ 40000, или прибавочная цѣнность $= 65000$ руб. Въ знаменателѣ уровня прибыли

при измѣненіи интенсивности (предполагая пока производительность и заработную плату прежними) произойдутъ нѣкоторыя измѣненія, именно: 1) перемѣнный капиталъ остается тотъ же; 2) цѣнность матеріаловъ и потребляемое количество ихъ увеличится неравномѣрно: нѣкоторые увеличатся прямо пропорціонально росту интенсивности (тѣ, которые тѣлесно переходятъ въ продуктъ), другіе—въ меньшей степени, и, наконецъ, потребленіе нѣкоторыхъ можетъ остаться прежнее; 3) погашеніе основного капитала останется почти неизмѣннымъ, даже и въ томъ случаѣ, когда основной капиталъ нѣсколько увеличится; если же погашеніе и возрастетъ, то настолько незначительно, что, принявъ его неизмѣннымъ и увеличивъ вмѣсто того цѣнность матеріаловъ въ $1^1/_2$ раза, т. е. принявъ ее = 60000 р., мы не сдѣлаемъ большой ошибки.

Такимъ образомъ уровень, прибыли при повышеніи интенсивности въ $1^1/_2$ раза, выразится такъ: $\frac{65000}{10000+60000+40000} = 59\%$. Однако, мыслимое теоретически повышеніе интенсивности при сохраненіи прежней производительности, на дѣлѣ почти всегда вызывается введеніемъ лучшихъ машинъ и сопровождается повышеніемъ производительности труда, которое, въ свою очередь, такъ же увеличиваетъ потребленіе матеріаловъ, какъ и увеличеніе интенсивности. Предположимъ, что, увеличивая интенсивность въ $1^1/_2$ раза, мы во столько же разъ повысили и производительность; тогда, принявъ увеличеніе затратъ на матеріалъ прямо пропорціональнымъ повышенію производительности, получимъ уровень прибыли $= \frac{65000}{10000+90000+40000} = 46{,}43\%$, а не 59%. Наконецъ, принявъ, что увеличеніе интенсивности труда требуетъ и повышенія рабочей платы въ 1½ раза, т. е., что перемѣнный капиталъ выражается не 40000 р., а 60000 р., мы найдемъ, что уровень прибыли $\frac{65000}{10000+90000+60000} = 40{,}6\%$. Такимъ образомъ, въ силу возможности повышенія интенсивности труда въ фабричной промышленности, уровень прибыли въ нашемъ примѣрѣ съ $33^1/_3\%$ поднимается до $40{,}6\%$ и, слѣдовательно, дѣлается не только не ниже уровня прибыли ремесла ($37^1/_2\%$), но даже нѣсколько выше. Однако, выводъ этотъ не противорѣчитъ закону равенства прибылей по слѣдующимъ причинамъ: 1) ремесло не лишено возможности увеличивать сумму прибавочной цѣнности, если не путемъ интенсивированія труда, то экстенсивнымъ путемъ—удлиненія рабочаго дня, что возможно только внѣ дѣйствія фабричныхъ законовъ; 2) прибыль ремесла повышается въ силу быстроты оборота капитала; и, въ 3-хъ, наконецъ превосходство прибыли фабричнаго производства надъ ремесленнымъ при производствѣ въ обѣихъ сферахъ одного товара слѣдуетъ признать реально существующимъ; имъ объясняется возможность конкуренціи и побѣды

фабрики надъ ремесломъ. Благодаря этому преимуществу фабрикантъ имѣетъ возможность понизить временно цѣну своего товара (которая и безъ того ниже, вслѣдствіе большей производительности труда), получая все еще нормальную прибыль, но лишая ремесленника возможности конкуренціи.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ нашемъ случаѣ, при уровнѣ прибыли, большемъ прежняго, процентъ отъ предпріятія не понизился бы противъ прежняго (10,7). Допустивъ даже, что основной капиталъ возросъ, напр., до 300 тысячъ рублей, но процентъ погашенія его понизился до $3^1/_2\,\%$, мы имѣемъ вычисленную выше для уровня прибыли величину (40,6%); предпринимательскій же % выразится дробью $= \frac{65000}{300000+90000+60000} = 14^4/_9\,\%$.

Такимъ образомъ здѣсь наблюдается повышеніе предпринимательскаго процента съ $10^5/_7$ до $14^4/_9$. Слѣдовательно, при повышеніи уровня прибыли съ $33^1/_3$ до $40^5/_8$, или на $21^1/_8\,\%$, процентъ предпріятія повышается на $34\frac{22}{27}\,\%$. Въ данномъ случаѣ мы могли бы допустить еще дальнѣйшее повышеніе производительности безъ пониженія процента отъ предпріятія; напримѣръ, допустивъ, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ потребленіе матеріаловъ, вслѣдствіе дальнѣйшаго увеличенія производительности труда, возросло еще въ 1½ раза, т. е. съ 90 т. до 135 т., а основной капиталъ увеличился на новыя 100 тыс., т. е достигъ—400000, при чемъ и погашеніе его повысилось до 15 тыс. руб.,—мы будемъ имѣть уровень прибыли: $\frac{65000}{15000+135000+60000} = \frac{65}{210} = 30\frac{20}{21}\,\%$, а предпринимательскій процентъ $= \frac{65000}{400000+135000+60000} = 10{,}9\,\%$ (прежній равнялся 10,7%). Здѣсь, при пониженіи уровня прибыли почти на 25%, понизился и процентъ предпринимателя на $^1/_3$ прежней величины ($14^4/_9\,\%$).

Этотъ примѣръ показываетъ, что при извѣстной нормѣ прибавочной цѣнности повышеніе производительности и вообще увеличеніе доли постояннаго капитала далеко не имѣетъ того значенія, какое приписываетъ имъ Марксъ. Такъ, въ послѣднемъ примѣрѣ отношеніе постояннаго капитала къ перемѣнному=535000 : 60000=107 : 12, или почти равно 9 : 1; однако, и при этихъ условіяхъ уровень прибыли и уровень предпринимательскаго процента еще достаточно высоки, при чемъ мы еще не приняли во вниманіе быстроту обращенія. Но въ нашемъ примѣрѣ отношеніе основного капитала къ оборотному равно почти 2 : 1 (400 т.:195 т.); если бы мы взяли отношеніе 4, т. е. приняли, что нашъ основной капиталъ достигъ 780.000, то уровень прибыли могъ бы остаться все же прежнимъ, предпринимательскій же % понизился бы до $\frac{65}{975} = \frac{13}{195} = \frac{1}{15}$, т. е. былъ бы ниже 7%. Это доказываетъ, что Марксъ, указывая на значеніе

сложенія капитала и вліяніе величины постояннаго капитала, какъ фактора, понижающаго уровень прибыли (т. е. предпринимательскій процентъ), напрасно отождествилъ значеніе различныхъ частей постояннаго капитала; понижающимъ факторомъ для этой величины въ гораздо большей степени является основной капиталъ, чѣмъ оборотная часть постояннаго капитала.

Сказаннаго достаточно, чтобы показать, что достиженіе одинаковой нормы уровня прибыли въ фабричныхъ и ремесленныхъ предпріятіяхъ вполнѣ возможно. Что же касается до равенства прибыли въ различныхъ отрасляхъ самой фабричной промышленности, то доказать возможность его еще легче. Дѣйствительно: во 1-хъ, въ предыдущихъ разсужденіяхъ мы предполагали, что основной капиталъ ремесленнаго производства=0, чего ни для какой фабричной отрасли принять нельзя; во 2-хъ, хотя стоимость основного капитала въ различныхъ производствахъ различна, но для той величины, которую мы принимаемъ за уровень прибыли, имѣетъ значеніе не самая эта стоимость, а только величина погашенія, причисляемая къ авансированному капиталу, а эта величина составляетъ, можно сказать, тѣмъ меньшую долю цѣнности самого капитала, чѣмъ больше капиталъ, да къ тому же она всегда незначительна, и потому ея вліяніе легко компенсируется небольшимъ измѣненіемъ интенсивности труда. Существуютъ, правда, предпріятія, въ которыхъ основной капиталъ составляетъ исключительно огромный процентъ всѣхъ капиталовъ, и гдѣ невозможно допустить, чтобы повышеніе интенсивности труда было столь значительно, чтобы уравновѣсить незначительность относительной величины перемѣннаго капитала. Таковы, напр., желѣзныя дороги, каналы, газовые заводы (для освѣщенія городовъ) и т. п. Но зато всѣ эти учрежденія, нося монопольный характеръ, тѣмъ не менѣе, приносятъ доходъ значительно низшій, чѣмъ обыкновенныя промышленныя предпріятіи и едва равный заемному проценту; потому и Марксъ принимаетъ, что предпріятія этаго рода не входятъ въ счетъ при опредѣленіи средней нормы уровня прибыли. Въ концѣ концовъ такія предпріятія обращаются въ государственныя или общественныя, оставаясь все же монопольными, и опредѣляютъ цѣну своихъ услугъ не цѣнностью ихъ (по количеству затраченнаго труда), а исходя изъ необходимой въ капиталистическомъ обществѣ минимальной доходности капитала, опредѣляемой заемнымъ процентомъ. Наконецъ, 3) фабричныя производства могутъ отличаться по бо́льшей или меньшей цѣнности матеріала, главнымъ образомъ переходящаго цѣликомъ въ фабрикатъ. При одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, фабрика, имѣющая дѣло съ болѣе дорогимъ матеріаломъ, получитъ менѣе прибыли. Напримѣръ, прибыль шелковой фабрики должна бы быть меньше, чѣмъ прибыль хлопчато-бумажной, что́, однако, трудно допустить. Дѣй-

ствительно, вліяніе дороговизны матеріала уменьшается въ производствѣ тѣмъ, что дорогой матеріалъ требуетъ бо́льшей затраты живого труда и не позволяетъ замѣнять этотъ послѣдній механическими двигателями. Слѣдовательно, на данное количество дорогого матеріала прибавляется бо́льшее количество цѣнносте-образовательной субстанціи, чѣмъ на то же количество дешеваго: *производительность труда падаетъ, и тѣмъ повышается норма прибавочной цѣнности*, что́ компенсируетъ дороговизну матеріала. Сверхъ того, можно допустить, что товары, произведенные изъ дорогихъ матеріаловъ, продаются нѣсколько выше своей цѣнности. Это потому возможно, что такіе товары потребляются капиталистами или вообще лицами, такъ или иначе участвующими въ раздѣлѣ прибавочной цѣнности. Слѣдовательно, товары такого рода могутъ быть приравнены къ произведеніямъ искусства или предметамъ рѣдкости, цѣны которыхъ не регулируются, какъ признавалъ и Рикардо, трудовой цѣнностью, а являются, такъ сказать, монопольными и регулируются только отношеніемъ спроса къ предложенію.

Такимъ образомъ, уравненіе отношенія прибавочной цѣнности къ авансированному капиталу, т. е. то, что́ мы называемъ уровнемъ прибыли, не представляетъ трудностей. Остается разсмотрѣть, насколько эта величина можетъ руководить дѣйствіями предпринимателя и опредѣлять его стремленіе посвятить свои капиталы той или другой отрасли производства.

Въ этомъ отношеніи, прежде всего, слѣдуетъ признать совершенно невѣрнымъ утвержденіе Маркса, будто величина уровня прибыли (въ нашемъ смыслѣ) не интересуетъ предпринимателя-капиталиста. Напротивъ, только исходя изъ этой величины, капиталистъ можетъ опредѣлить, будетъ ли выгодно, или при какихъ условіяхъ будетъ выгодно проектируемое имъ предпріятіе. Въ самомъ дѣлѣ: для опредѣленія отношенія прибавочной цѣнности къ авансированному капиталу, капиталистъ долженъ знать: 1) стоимость производства единицы продукта, которая именно и представляетъ сумму авансированнаго капитала, разсчитаннаго на такую единицу, и 2) сумму прибавочной цѣнности, падающую на каждую единицу товара, т. е. величину, которая практически опредѣляется вычитаніемъ стоимости производства изъ цѣны товара. Всѣ величины, слѣдовательно, входящія въ эту дробь — $\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансированный капиталъ}}$, опредѣляются крайне легко. Исключеніе можетъ составить только величина погашенія капитала; но ея значеніе въ этой формулѣ настолько ничтожно, что ею можно пренебречь при приблизительномъ исчисленіи. Но еще болѣе: знать ту величину, которую мы называемъ уровнемъ прибыли, или,—что́ все равно,—знать разность стоимости производства и рыночной

цѣны продукта предпринимателю необходимо и для того, чтобы опредѣлить, доставитъ ли ему проектируемое предпріятіе желательный процентъ на его капиталъ, т. е. то, что̀ Марксъ называетъ уровнемъ прибыли. Однако, въ этомъ случаѣ, онъ не можетъ удовольствоваться знаніемъ этой только величины: ему необходимо знать еще количество продукта, которое онъ можетъ сбыть, чтобы достигнуть цѣли; а это опредѣляется уже значительно труднѣе, чѣмъ вышеуказанныя величины. Наоборотъ: зная высоту уровня прибыли $\left(\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансирован. капиталъ}}\right)$ и сумму требуемаго предпріятіемъ капитала всѣхъ видовъ (основного и оборотнаго), предприниматель можетъ опредѣлить заранѣе, какое количество продукта онъ долженъ сбыть, чтобы получить желаемый процентъ дохода отъ предпріятія.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ признать, что предпринимателя прежде всего интересуетъ то отношеніе, которое существуетъ между суммой прибавочной цѣнности, падающей при данной цѣнѣ на единицу продукта, и стоимостью этой единицы для него самого, т. е. уровень прибыли въ нашемъ смыслѣ.

Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что предприниматели не довольствуются выравненіемъ уровня прибыли $\left(=\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансирован. капиталъ}}\right)$, а стремятся болѣе или менѣе выравнять и предпринимательскій процентъ. Какъ указано, это не можетъ быть достигнуто вполнѣ, а,—насколько возможно,—достигается совершенно иными мѣрами, чѣмъ то допускаетъ Марксъ, т. е. для этаго совсѣмъ нѣтъ надобности предполагать необходимость отступленія рыночныхъ цѣнъ отъ трудовой цѣнности товаровъ. Въ современномъ капиталистическомъ обществѣ такое уравненіе достигается при помощи различныхъ мѣръ, изъ которыхъ важнѣйшія: 1) кредитъ, дающій возможность капиталисту пускать въ оборотъ значительную часть цѣнности основного капитала; и 2) образованіе фиктивныхъ капиталовъ.

Мы не можемъ здѣсь разбирать вліянія послѣдней изъ названныхъ мѣръ, вліяніе же первой понятно само собою: такъ какъ, обращая основной капиталъ въ оборотный, капиталистъ получаетъ на него доходъ, опредѣляемый уровнемъ прибыли, а эта величина всегда выше не только заемнаго процента, который уплачиваетъ капиталистъ за пользованіе капиталомъ, но и дохода отъ предпріятія; потому этимъ превращеніемъ капиталистъ можетъ достигнуть значительнаго повышенія дохода со всего своего капитала и такимъ образомъ сравняться по проценту отъ предпріятія съ другими капиталистами, въ предпріятіяхъ коихъ основной капиталъ не играетъ столь значительной роли. Кромѣ того, приведенныя выше данныя Сакса, показывающія, что колебанія отношенія между основнымъ и оборотнымъ капиталами въ различныхъ промышленныхъ

отрасляхъ а, слѣдовательно, и всего капитала предпріятія къ авансированному, ограничиваются относительно узкими предѣлами, позволяютъ сдѣлать заключеніе, что сказанное о возможности выравненія уровней прибыли $\left(\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансирован. капиталъ}}\right)$ въ значительной мѣрѣ приложимо и къ выравненію предпринимательскаго дохода. Различія же сложенія капиталовъ разныхъ отраслей тѣмъ болѣе сглаживаются (до извѣстныхъ предѣловъ), чѣмъ болѣе отраслей охватываетъ капиталистическій способъ производства, ибо капитализмъ ведетъ за собой увеличеніе производительности, — выражающееся увеличеніемъ постояннаго капитала въ формѣ матеріаловъ, — и увеличеніе интенсивности, — достигаемое введеніемъ бо́льшаго основного капитала. Если же, какъ было замѣчено выше, являются предпріятія, которыя, благодаря крайне незначительной долѣ примѣняемаго въ нихъ перемѣннаго капитала, не могутъ, даже эксплуатируя всѣ вышеперечисленныя средства, достигнуть того уровня прибыли и уровня процента отъ предпріятій, который нормально получается въ данномъ обществѣ, то это не противорѣчитъ нашему выводу, а скорѣе подтверждаетъ его. Какъ было сказано, такія предпріятія не могутъ существовать какъ капиталистическія, т. е. при условіи свободной конкуренціи ихъ между собою. Примѣръ Сѣверо-американскихъ желѣзныхъ дорогъ наилучшимъ образомъ иллюстрируетъ это. Здѣсь, благодаря свободной конкуренціи въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, которыя проводились часто параллельно другъ другу, скоро оказалось, что конкурирующія дороги убивали другъ друга, и ни одна изъ нихъ не покрывала своими доходами нормальнаго процента на капиталъ предпріятія. Въ результатѣ это повело къ такъ называемымъ картелямъ, или синдикатамъ, которые соединяютъ всѣ конкурирующія предпріятія подъ однимъ управленіемъ, вслѣдствіе чего эти предпріятія дѣлаются монопольными. Но монополія есть антиподъ конкуренціи, а конкуренція есть тотъ факторъ, который стимулируетъ капиталистическое производство, заставляя капиталиста примѣнять все болѣе совершенные методы и такимъ образомъ повышая производительность человѣческаго труда. Когда же достигнуто указанное выше положеніе, то, слѣдовательно, капитализмъ уже не можетъ далѣе развивать производство,—онъ дѣлается ненужнымъ. Естественно, поэтому, что такая отрасль производства вскорѣ обращается въ отрасль государственнаго или общественнаго хозяйства. Этимъ объясняется довольно рѣзко выраженная уже тенденція перехода желѣзныхъ дорогъ изъ частныхъ въ казенныя, или изъятіе телеграфныхъ и телефонныхъ сѣтей изъ частнаго хозяйства, съ обращеніемъ ихъ также въ государственное или общественное завѣдываніе. Словомъ, развитіе основного капитала и при его помощи производительности труда, соста-

вляющее, какъ говоритъ Марксъ, историческую миссію капитализма, приводитъ, въ концѣ концовъ, къ его паденію, становясь въ противорѣчіе съ тенденціей капитала къ усиленному возрастанію путемъ присвоенія возможно бо́льшей суммы прибавочной цѣнности, и вызывая такую концентрацію средствъ производства въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ, которая дѣлаетъ невозможной конкуренцію, регулирующую капиталистическій строй. Это развитіе противорѣчій, возникающее изъ развитія самой техники производства, вполнѣ соотвѣтствуетъ основной идеѣ Маркса, который не разъ указывалъ, что именно развитіе подобныхъ противорѣчій, которыя заключаются въ данной экономической организаціи, приводитъ къ эволюціи этой организаціи и перерожденію ея въ новую форму. Какъ и когда совершится эта эволюція,—этаго, конечно, предсказать невозможно, равно какъ невозможно предсказать и ту форму, въ которую выльется новый экономическій строй. Всѣ гаданія въ этомъ направленіи суть только гаданія, не имѣющія подъ собою почвы, но ясно, что капиталистическій строй, какъ и предшествовавшій ему въ свое время ремесленный, заключаетъ въ себѣ противорѣчія, и съ прогрессомъ техники эти противорѣчія все развиваются и должны привести къ замѣнѣ этаго строя другимъ.

§ 8. Чтобы покончить съ вопросомъ объ уровнѣ прибыли, необходимо еще остановиться на положеніяхъ классической экономіи относительно измѣненія высоты уровня прибыли въ исторіи и различія его въ старыхъ и новыхъ странахъ.

По ученію Рикардо, *прибыль въ исторіи должна необходимо падать*. Это положеніе, являлось у него слѣдствіемъ того закона, по которому, согласно его ученію о рентѣ, *цѣна продуктовъ земледѣлія въ исторіи должна необходимо повышаться*, а, въ зависимости отъ этаго, должна повышаться и рабочая плата, такъ какъ хлѣбъ составляетъ важнѣйшій элементъ, опредѣляющій стоимость рабочей силы. Насколько дѣло идетъ о продуктахъ земледѣлія, мы разберемъ этотъ вопросъ въ ученіи о рентѣ. Здѣсь же мы остановимся только на положеніи о пониженіи уровня прибыли въ исторіи.

Классическая экономія видѣла подтвержденіе этаго положенія въ томъ, что заемный процентъ съ постепеннымъ развитіемъ экономической жизни падаетъ и что этотъ процентъ всегда выше въ новыхъ странахъ, чѣмъ въ старыхъ.

Если считать (согласно ученію Рикардо) уровнемъ прибыли отношеніе суммы прибавочной цѣнности ко всему капиталу предпріятія, то, дѣйствительно, можно констатировать, съ одной стороны, связь этой величины съ высотой заемнаго процента, съ другой—пониженіе ея въ исторіи. Указанная зависимость высоты заемнаго процента отъ предпринима-

тельскаго дохода ясна изъ того, что чѣмъ большій процентъ на капиталъ можно получить, обративъ его на предпріятіе, тѣмъ, конечно, менѣе найдется охотниковъ предлагать свой капиталъ въ заемъ другимъ лицамъ, или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ выше они пожелаютъ получить процентъ на свой капиталъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, для объясненія пониженія предпринимательскаго процента въ исторіи нѣтъ надобности прибѣгать къ тѣмъ предположеніямъ, которыя дѣлаетъ Рикардо. Это пониженіе есть простое слѣдствіе того, что основной капиталъ возрастаетъ, а, слѣдовательно, понижается доля перемѣннаго капитала и общая сумма прибавочной цѣнности, произведенной при помощи капитала данной величины. Но если бы даже сумма прибавочной цѣнности при увеличеніи основного капитала оставалась прежняя (напр. вслѣдствіе увеличенія интенсивности труда), то и тогда, вслѣдствіе увеличенія знаменателя дроби, послѣдняя (уровень прибыли Рикардо) уменьшится, и уменьшеніе будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше возросъ основной капиталъ.

Что же касается дѣйствительнаго уровня прибыли, равнаго дроби—$\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансированный капиталъ}}$, то эта величина не упала, по крайней мѣрѣ, паденіе ея не могло быть вызвано возрастаніемъ основного капитала, ибо: 1) основной капиталъ весьма мало вліяетъ на эту величину, такъ какъ здѣсь въ знаменатель входитъ только ничтожная доля его; 2) увеличеніе затратъ на основной капиталъ обыкновенно сопровождается повышеніемъ интенсивности труда и, слѣдовательно, повышеніемъ суммы прибавочной цѣнности при прежней величинѣ перемѣннаго капитала. Это же повышеніе интенсивности компенсировало и вліяніе увеличенія производительности труда, которое, увеличивая потребленіе основного матеріала при той же рабочей силѣ, вызываетъ увеличеніе знаменателя, не измѣняя числителя, и, слѣдовательно, ведетъ къ уменьшенію самой дроби въ несравненно бо́льшей степени, чѣмъ увеличеніе основного капитала.

Нѣтъ также никакого основанія думать, что уровень прибыли $=\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансированный капиталъ}}$ будетъ чувствительно выше въ новыхъ странахъ. Эти страны отличаются отъ старыхъ, прежде всего, незначительнымъ накопленіемъ капиталовъ и неразвитостью кредита, и этимъ опредѣляется здѣсь высота заемнаго процента. Но, благодаря недостатку капиталовъ, здѣсь стараются возможно меньше затрачивать на основной капиталъ, и,—поскольку дѣло касается такихъ частей этаго капитала, какъ орудія и машины,—такая экономія уменьшаетъ возможность повышать интенсивность труда и, слѣдовательно, норму и сумму прибавочной цѣнности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, предпринимательскій процентъ$=\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{весь капиталъ предпріятія}}$ можетъ быть въ новыхъ странахъ выше, чѣмъ

въ старыхъ, именно благодаря незначительности основного капитала. Выше было указано, что значеніе величины основного капитала въ этомъ смыслѣ можетъ быть въ значительной мѣрѣ уничтожено тѣмъ, что чѣмъ больше основной капиталъ, тѣмъ, говоря вообще, бо́льшая доля его превращается въ оборотный путемъ кредита и, слѣдовательно, приноситъ почти тотъ же доходъ. какъ и авансированный капиталъ, лишь за вычетомъ заемнаго процента, всегда крайне незначительнаго сравнительно съ уровнемъ прибыли. Но это положеніе въ гораздо большей мѣрѣ примѣнимо къ старымъ странамъ—съ развитымъ кредитомъ, чѣмъ къ новымъ, гдѣ кредитъ значительно менѣе развитъ. Отсюда въ новыхъ странахъ и является гораздо болѣе рѣзко выраженное стремленіе къ уменьшенію затратъ на основной капиталъ. Стремленіе это еще усиливается благодаря высокому уровню заемнаго процента, а, слѣдовательно, и необходимости полученія болѣе высокаго предпринимательскаго дохода и меньшей выгоды отъ обращенія основного капитала въ оборотный путемъ кредита.

Не слѣдуетъ, однако, заключать изъ сказаннаго, что высота заемнаго процента всегда и во всякое время находится въ соотвѣтствіи съ высотою процента дохода отъ предпріятій: нѣкоторые авторы, какъ Милль, находили возможнымъ прямо устанавливать отношеніе между обѣими величинами, напр. какъ 1:2. Наоборотъ, существуютъ періоды, въ которые очень рѣзко сказывается несоотвѣтствіе между высотою процента на заемный капиталъ и уровнемъ предпринимательскаго дохода. Мы разумѣемъ такъ называемые *кризисы*. Это есть періодъ задержки въ сбытѣ товаровъ, вызывающій сокращеніе производства во многихъ отрасляхъ промышленности. Такой періодъ слѣдуетъ обыкновенно за періодомъ оживленія въ промышленности, когда основывается масса новыхъ предпріятій и, слѣдовательно, является большой спросъ на капиталы, и именно въ наиболѣе подвижной ихъ формѣ, въ формѣ денегъ. Поэтому заемный процентъ повышается значительно, но, пока сбытъ товаровъ идетъ хорошо это не мѣшаетъ дальнѣйшему увеличенію производства и основанію новыхъ предпріятій. Въ концѣ концовъ, однако, производство перегоняетъ спросъ на товары, является задержка въ сбытѣ ихъ, что́ обыкновенно принимается вначалѣ за временное, скоропреходящее явленіе (заминку) и вызываетъ только усиленный спросъ на капиталъ (деньги) съ цѣлью поддержанія производства на прежнемъ уровнѣ. Но такъ какъ сбытъ не возрастаетъ, то рынокъ все болѣе переполняется товарами, а продолжающійся ростъ заемнаго процента дѣлаетъ виды на полученіе барыша предпринимателями все менѣе надежными, тѣмъ болѣе, что въ это время и цѣны товаровъ начинаютъ понижаться, такъ какъ нѣкоторые, менѣе богатые капиталами, или просто, болѣе предусмотрительные предприни-

матели понижаютъ цѣны на товары, желая избавиться отъ избытка ихъ на складахъ. Это стремленіе освободиться отъ избытковъ товара распространяется все шире, и товаръ продается при этомъ ниже своей цѣнности. Въ это время, слѣдовательно, когда заемный процентъ стоитъ на наибольшей своей высотѣ, предпринимательскій процентъ, наоборотъ, сильно падаетъ.

Но затѣмъ, параллельно съ продажей избытковъ товара ниже ихъ цѣнности, идетъ сокращеніе производства, и это сокращеніе ведетъ къ извлеченію изъ предпріятій заемныхъ капиталовъ, которые въ современномъ хозяйствѣ составляютъ значительную долю оборотнаго капитала большинства предпринимателей. Этотъ изъятый изъ предпріятій капиталъ—деньги—накопляется въ банкахъ, и послѣдніе, желая пустить его въ оборотъ, понижаютъ процентъ (прежде всего учетный), не находя достаточно охотниковъ воспользоваться капиталомъ. Въ это время, слѣдовательно, пониженіе заемнаго процента совпадаетъ съ пониженіемъ процента дохода предпріятій. Но разъ заемный процентъ палъ до извѣстнаго уровня, то этимъ вызывается скоро развитіе новыхъ предпріятій, часто спекулирующихъ именно на использованіи чужихъ капиталовъ по низкому проценту. Вмѣстѣ съ тѣмъ является оживленіе хода дѣлъ съ очищеніемъ рынка отъ запасныхъ товаровъ, и, слѣдовательно, здѣсь при низкомъ заемномъ процентѣ имѣемъ высокій предпринимательскій доходъ. Но оживленіе предпріятій скоро снова вызываетъ повышеніе заемнаго процента, а затѣмъ вновь переполненіе рынка товарами, которое вначалѣ всѣми предпринимателями считается за скоропреходящее, и усиливаетъ запросъ на заемный капиталъ. Повторяется процессъ, описанный выше: банки, видя опустошеніе своихъ кассъ, повышаютъ процентъ, и это повышеніе совпадаетъ уже съ значительнымъ пониженіемъ предпринимательскаго дохода, котораго въ это время многія предпріятія и совсѣмъ не получаютъ.

Что изъ этихъ колебаній заемнаго процента еще менѣе можно заключать о колебаніи уровня прибыли, видно изъ того, что во время самаго разгара кризиса предприниматели, сокращая размѣры производства, въ сущности продолжаютъ получать тотъ же уровень прибыли. Это достигается очень просто. Чтобы уменьшить доставляемое на рынокъ количество продукта, вводится такъ называемая *неполная работа*, т. е. работа на фабрикѣ идетъ 2—3 дня въ недѣлю вмѣсто 6-ти. При этомъ условія нашего фабриканта (см. примѣръ на стр. 151) будутъ таковы: прибавочная цѣнность сократится наполовину (при трехдневной работѣ въ недѣлю), т. е. будетъ 15000 въ нашемъ примѣрѣ, но и рабочая плата составитъ только 20000, цѣнность потребленнаго матеріала также понизится до 20000, и только погашеніе останется прежнее, 10000. Слѣ-

довательно, уровень прибыли будетъ: $\frac{15000}{10000+20000+20000}=30\%$, вмѣсто прежнихъ $33\frac{1}{3}\%$. И это пониженіе вѣроятно отчасти еще компенсируется возможностью понизить заработную плату или повысить интенсивность труда и тѣмъ, что теперь не нужно платить, какъ это было прежде, процентъ на заемный капиталъ.

Но доходъ предпріятія при этомъ (уровень прибыли Рикардо), конечно, понизится, ибо онъ будетъ $=\frac{15000}{20000+20000+200000}=6{,}25\%$, вмѣсто $10{,}7\%$, т. е. пониженіе свыше 40%, и паденіе предпринимательскаго процента тѣмъ больше, чѣмъ болѣе былъ основной капиталъ сравнительно съ оборотнымъ. Такъ, если прибавочная цѣнность при полной работѣ была$=2\,m.$, а основной и оборотный капиталы составляли каждый $2\,n.$, то уровень прибыли по Рикардо$=\frac{2\,m}{2\,n+2\,n}=\frac{1\,m}{2\,n}$; при половинной работѣ имѣемъ $\frac{m}{2\,n+n}=\frac{1}{3}\frac{m}{n}$, т. е. пониженіе на $\frac{1}{6}\frac{m}{n}$, или $33\frac{1}{3}\%$. Если же основной капиталъ $4\,n$, при прежней величинѣ постояннаго и оборотнаго, то предпринимательскій процентъ при полной работѣ $\frac{2\,m}{4\,n+2\,n}=\frac{1}{3}\frac{m}{n}$, а при половинной $\frac{m}{4\,n+n}=\frac{1}{5}\frac{m}{n}$, или менѣе на $\frac{2}{15}\frac{m}{n}$, или 40% прежней величины.

Сказанное еще разъ подтверждаетъ, что капиталистъ не только не можетъ относиться безразлично къ высотѣ уровня прибыли (въ нашемъ смыслѣ), какъ думаетъ Марксъ,—но что онъ вынужденъ подчасъ вести предпріятіе, не обращая вниманія на незначительность предпринимательскаго процента и руководствуясь только величиною уровня прибыли. Капиталистъ только потому продолжаетъ работу во время кризиса, что онъ знаетъ, что и значительное пониженіе цѣнъ товаровъ все же оставитъ еще значительнный плюсъ въ его рукахъ, хотя при этомъ процентъ дохода со всего капитала будетъ совершенно ничтоженъ.

ГЛАВА IV.

Ученіе о рентѣ.

§ 1. Рентой, какъ мы знаемъ, называется та доля дохода, которую получаетъ землевладѣлецъ.

Первый, давшій стройную теорію, объяснявшую сущность и происхожденіе ренты, былъ Рикардо, хотя главнѣйшія положенія его ученія о рентѣ были высказаны ранѣе, напримѣръ, Андерсономъ. Теорія его сводится къ слѣдующему. При первоначальномъ захватѣ земель подъ сельско-хозяйственную культуру, когда населеніе еще мало, а земли изобиліе, разработываются только лучшіе, наиболѣе плодородные участки; въ это время ренты не существуетъ. Когда, съ увеличеніемъ народонаселенія, подъ обработку поступаютъ новые участки, менѣе плодородные или не такъ удобно расположенные относительно мѣстъ сбыта, т. е. болѣе отдаленные, тогда собственники ранѣе воздѣлывавшихся, болѣе богатыхъ и плодородныхъ земель получаютъ ренту, равную разницѣ продуктовъ, получаемыхъ при одинаковыхъ затратахъ съ земель перваго и второго разрядовъ. Такимъ образомъ: *рента есть доходъ землевладѣльца, получаемый (уплачиваемый ему) за пользованіе первоначальными и неистощимыми свойствами почвы.* Представимъ себѣ, что мы имѣемъ участки двухъ родовъ земли. При одинаковой затратѣ труда и капитала одни изъ нихъ даютъ, положимъ, 100 квартеровъ пшеницы, другіе—только 90. Вначалѣ, при рѣдкомъ населеніи, воздѣлываться будутъ только первые участки,—ренты существовать не будетъ. Съ увеличеніемъ потребности въ продуктахъ земледѣлія, въ культуру поступятъ и участки второго рода, но они даютъ при тѣхъ же затратахъ лишь 90 квартеровъ. Значитъ, цѣна хлѣба должна повыситься настолько, чтобы фермеръ (здѣсь вообще земледѣлецъ), продавъ 90 квартеровъ, получилъ нормальную прибыль. Это и даетъ возможность владѣльцамъ участковъ 1-го рода получить ренту въ размѣрѣ цѣны 10 квартеровъ.

Образованіе ренты, по Рикардо, зависитъ еще и оттого, что не всѣ капиталы, вложенные въ земледѣліе, приносятъ одинаковый доходъ. Именно, первый затраченный капиталъ приноситъ большій доходъ, а послѣдующія затраты даютъ доходъ, постепенно уменьшающійся. Если, напримѣръ, для полученія 100 четвертей затрачено 1000 руб., то, затративъ на той же почвѣ другіе 1000 р., получимъ прибавочнаго продукта уже не 100, а напр. только 80 четв. Весь тотъ избытокъ продуктовъ, который земледѣлецъ получитъ при затратѣ первой тысячи, сравнительно съ количествомъ, произведеннымъ второю тысячею, составитъ ренту, ибо фермеръ не сталъ бы затрачивать капиталъ, если бы не получалъ на него нормальной прибыли, а уровень прибыли долженъ быть одинаковъ во всѣхъ предпріятіяхъ, и, слѣдовательно, цѣна 80 четв. должна покрывать расходы фермера+нормальную прибыль, и 20 четв. составляютъ избытокъ сверхъ прибыли.

Такимъ образомъ основныя положенія теоріи Рикардо можно формулировать такъ: по мѣрѣ возрастанія населенія въ странѣ является, съ одной стороны, необходимость введенія въ культуру худшихъ земель, а съ другой,—одновременно или позже, вслѣдствіе занятія всѣхъ земель,—необходимость примѣнить къ производству на ранѣе занятыхъ земляхъ новый капиталъ, приносящій меньшій доходъ, т. е. дающій меньшій пропорціональный приростъ продукта, чѣмъ прежній, иначе говоря, дающій продуктъ, цѣнность котораго выше прежняго.

Эта теорія и до сихъ поръ принимается большинствомъ экономистовъ, но уже съ перваго дня ея появленія она встрѣтила возраженія. На первомъ мѣстѣ обыкновенно ставятъ, какъ болѣе вѣскія, возраженія американскаго экономиста Кэри. По ученію этаго послѣдняго, рента есть не что иное, какъ доходъ на капиталъ, затраченный когда-то (можетъ быть нѣсколько столѣтій назадъ) не только на улучшеніе почвы, но и на измѣненіе общественныхъ условій, улучшеніе дорогъ и т. п. Аргументація Кэри слишкомъ слаба, чтобы нужно было останавливаться на ней. Интереснѣе приводимые этимъ ученымъ въ опроверженіе положеній Рикардо факты, взятые изъ исторіи заселенія Америки. Извѣстно, что американскіе піонеры селились не въ западныхъ штатахъ, гдѣ почва болѣе богата, а въ восточныхъ, съ почвою, сравнительно менѣе плодородною; и здѣсь, въ восточныхъ штатахъ, они занимали, опять-таки, не низины съ богатой и тяжелой почвой, а болѣе легкія и, слѣдовательно, болѣе бѣдныя земли на высокихъ мѣстахъ. Объясняются эти факты по отношенію къ осѣданію на востокѣ тѣмъ, что западные штаты представляли тогда еще дикую, малонаселенную страну, гдѣ труднѣе была борьба съ индѣйцами; по отношенію же къ качеству занятыхъ первоначально почвъ, объясненіе заключается въ томъ, что болѣе богатыя почвы въ то же

время и болѣе тяжелыя: онѣ требуютъ лучшей обработки, лучшихъ орудій, вообще культура на нихъ должна быть болѣе интенсивна. Переселенцы, не обладавшіе ни высокой техникой, ни хорошими орудіями, не могли приступить къ обработкѣ такихъ почвъ. Это положеніе Кэри, что первоначально въ культуру поступаютъ худшія, а не лучшія почвы, подтверждается и на примѣрѣ Россіи. Здѣсь нечерноземный, лѣсистый, частью болотистый, а мѣстами подзолистый сѣверъ заселился раньше, чѣмъ какая-нибудь курская губернія, хотя почва послѣдней несравненно болѣе плодородна.

Исторически, слѣдовательно, положеніе Рикардо не вѣрно; не смотря на это, его теорія, какъ сказано, до сихъ поръ признается большинствомъ экономистовъ. Въ 70-хъ годахъ появились возраженія Родбертуса, который обратилъ вниманіе на то, что теорія ренты Рикардо не совпадаетъ съ его же теоріей цѣнности. Оказывается, что продуктъ земледѣлія продается не по своей цѣнности; именно, владѣльцы лучшихъ участковъ всегда будутъ продавать свой продуктъ выше его цѣнности, разъ существуетъ рента. Въ разсужденіяхъ Рикардо Родбертусъ находитъ неправильнымъ, прежде всего, то, что переходъ къ отдаленнымъ землямъ считается равнозначущимъ переходу къ менѣе плодороднымъ землямъ. На самомъ дѣлѣ эти два процесса почти никогда не могутъ считаться равнозначущими. Съ одной стороны, одинаковая по плодородію почва не располагается концентрическими кругами вокругъ рынка, съ другой— самые рынки, которыми были первые города, располагаются независимо отъ плодородія почвъ. Къ этому мы прибавимъ, что, по свидѣтельству исторіи, первые города основывались въ приморскихъ мѣстностяхъ, часто болотистыхъ или песчаныхъ; тамъ же, гдѣ прилегающія къ городу земли обладаютъ значительнымъ плодородіемъ (напримѣръ, марши), плодородіе этихъ мѣстностей односторонне: онѣ болѣе пригодны для разведенія травъ, и, слѣдовательно, для скотоводства. Въ средніе вѣка въ числѣ первыхъ рынковъ были ганзейскіе города, лежащіе на приморскихъ пескахъ; лучшія же земли лежали на югѣ Германіи. Родбертусъ прибавляетъ, что если бы вѣрно было то, что подъ культуру поступали сначала болѣе богатыя почвы, то непонятенъ тотъ фактъ, что многія плодородныя равнины Россіи и Америки остаются невоздѣланными, тогда какъ болѣе плохія почвы западной Европы усиленно воздѣлываются, какъ, напримѣръ, почвы Англіи.

Но Родбертусъ признаетъ главнымъ основаніемъ теоріи ренты Рикардо то положеніе, что рента есть избытокъ чистаго дохода, приносимаго капиталомъ, приложеннымъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, сравнительно съ такимъ же капиталомъ, приложеннымъ при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Фактъ же различія плодородія нѣсколькихъ почвъ

безъ различной производительности капиталовъ имѣетъ, по его мнѣнію, мало значенія.

Опираясь на свой опытъ (Родбертусъ былъ сельскій хозяинъ) и на факты, взятые изъ исторіи, Родбертусъ опровергаетъ и положеніе Рикардо относительно понижающейся производительности капиталовъ. Рикардо говоритъ, что каждый послѣдующій капиталъ, затраченный въ земледѣліи, приноситъ менѣе дохода, чѣмъ предыдущій, а потому цѣна хлѣба растетъ. Если-бы это было такъ, то цѣна хлѣба должна бы все болѣе возрастать, и наконецъ наступилъ бы часъ, когда все человѣчество умретъ съ голоду. Родбертусъ утверждаетъ, что почвы, благодаря культурѣ, т. е. приложенію капитала, какъ онъ говоритъ, переводятся изъ низшаго класса въ высшій, т. е. дѣлаются болѣе производительными. Въ Англіи, напримѣръ, многія земли совершенно не воздѣлывались, по свидѣтельству Маколея, еще въ XVII столѣтіи, благодаря обилію влаги; производительность ихъ равнялась почти нулю. Съ приложеніемъ капитала для дренированія производительность этихъ земель возрасла въ громадной степени; сообразно этому возрасла и рента. Можетъ быть, такое переведеніе почвы помощью приложенія капитала изъ низшаго въ высшій классъ не можетъ продолжаться безконечно, но, въ виду большого еще количества свободныхъ земель, можно не бояться за скорое приближеніе печальнаго исхода, который предсказываетъ Рикардо. Одновременно съ возрастаніемъ потребности въ пищѣ (съ размноженіемъ населенія) улучшается техника земледѣлія, благодаря чему дѣлается возможенъ переходъ къ обработкѣ болѣе плохихъ почвъ, при чемъ цѣна продукта не возрастетъ, ибо на худшихъ земляхъ всегда слѣдуютъ иной системѣ, чѣмъ при воздѣлываніи хорошихъ земель. Если изъ двухъ земельныхъ участковъ одинъ дастъ ежегодно 100 пуд. ржи, а другой столько же черезъ годъ, то пудъ ржи съ 1-го участка стоитъ столько же труда, сколько со 2-го, и не можетъ продаваться дешевле. Кромѣ того, техника даетъ возможность сравнять урожайность различныхъ участковъ; съ другой стороны, нужно помнить, что болѣе богатыя почвы требуютъ болѣе интенсивной, слѣдовательно, и болѣе дорогой культуры. Если имѣются участки, различные по качеству почвы, то ничто не мѣшаетъ выбрать для каждаго участка соотвѣтствующее качеству почвы растеніе. Съ развитіемъ земледѣлія такіе факты дѣлаются вполнѣ возможными. Поэтому, заключаетъ Родбертусъ, для существованія ренты важно не владѣніе лучшимъ участкомъ, а только чтобы рабочая плата не была равна естественной мѣновой цѣнности произведеннаго работой продукта.

§ 2. Изложивъ вкратцѣ теорію ренты Рикардо и возраженія на нее Кэри и Родбертуса, перейдемъ теперь къ теоріи ренты К. Маркса.

Мы предполагаемъ, говоритъ Марксъ, что земледѣліе ведется на капи-

талистическихъ началахъ, совершенно такъ же, какъ мануфактура; это значитъ, что земледѣліе ведется капиталистомъ, который отличается отъ другихъ капиталистовъ только тѣми элементами, въ которыхъ затрачивается его капиталъ и приводимый въ движеніе этимъ капиталомъ наемный трудъ; этотъ трудъ производитъ пшеницу совершенно такимъ же образомъ, какъ фабричный работникъ—пряжу или машины. Предположеніе, что капиталистическій способъ производства овладѣлъ и земледѣліемъ, включаетъ условіе, что капитализмъ охватилъ всѣ сферы производства, и что, слѣдовательно, конкуренція капиталовъ и возможность перенесенія ихъ изъ одной сферы въ другую и одинаковый уровень средней прибыли находятся налицо. Разсматриваемая форма земельной собственности есть только историческая форма, возникшая, подъ воздѣйствіемъ капитала и капиталистическаго способа производства, изъ феодальной формы или изъ прежней мелкой крестьянской собственности. Для крестьянина земледѣліе являлось лишь источникомъ пропитанія, при чемъ владѣніе землей было просто однимъ изъ условій производства для непосредственнаго производителя, а его право собственности на землю—условіемъ наиболѣе выгоднымъ для процвѣтанія его производства. Такъ какъ вообще капиталистическій способъ производства предполагаетъ экспропріацію у работника условій труда (средствъ производства), то точно также и примѣненіе этаго способа къ земледѣлію предполагаетъ экспропріацію у сельскаго рабочаго земли и подчиненіе его капиталисту, который занимается земледѣліемъ ради прибыли.

Принимая указанную форму частной земельной собственности, какъ историческую форму, а не вѣчную неизмѣнную категорію, Марксъ находитъ, что то обстоятельство, что рядомъ съ этой формой существуютъ другія, не можетъ быть поставлено въ упрекъ его изслѣдованію. «Намъ,—говоритъ онъ,—нужно разсмотрѣть новѣйшую форму частной собственности, чтобы выяснить тѣ отношенія производства и обмѣна, которыя возникаютъ изъ приложенія капитала въ сельскомъ хозяйствѣ; безъ этаго анализъ капитала былъ бы не полонъ». Поэтому мы разсмотримъ только земледѣліе собственно (хлѣбопашество), т. е. производство главнѣйшаго предмета питанія (пшеницы). Вмѣсто земледѣлія можно подставить здѣсь горные промыслы, такъ какъ законы той и другой отрасли одинаковы. «Слѣдуетъ считать большой заслугой Ад. Смита,—прибавляетъ Марксъ,—что онъ показалъ, что рента съ земель, посвящаемыхъ воздѣлыванію другихъ продуктовъ, а не предметовъ питанія (напр. льна и пр.), опредѣляется высотою ренты, которую даетъ капиталъ при производствѣ главнаго пищевого продукта».

Земельная собственность предполагаетъ монополію извѣстныхъ лицъ располагать извѣстными частями земной поверхности по ихъ лич-

ному произволу. Появленіе капиталистическаго производства находитъ земельную собственность въ такомъ положеніи, которое не отвѣчаетъ требованіямъ этаго (капиталистическаго) способа производства. Соотвѣтствующую форму капитализмъ создаетъ самъ, подчиняя земледѣліе капиталу. И это одинъ изъ важныхъ результатовъ капиталистическаго способа производства, что онъ, съ одной стороны, обращаетъ земледѣліе изъ прежняго, чисто эмпирически ведомаго наименѣе развитою частью населенія, промысла—въ сознательное приложеніе научной агрономіи, и, съ другой стороны: во 1-хъ, освобождаетъ земельную собственность вполнѣ отъ остатковъ крѣпостническихъ и рабскихъ отношеній, и, во-вторыхъ, настолько полно отдѣляетъ приложеніе труда къ землѣ отъ права собственности, что послѣднее является для собственника ничѣмъ инымъ, какъ правомъ на извѣстную денежную подать, которую онъ, пользуясь своею монополіей, налагаетъ на капиталиста-арендатора. Это раздѣленіе приложенія труда къ землѣ отъ права собственности настолько полно, что землевладѣлецъ можетъ всю жизнь прожить въ Константинополѣ, тогда какъ его владѣніе находится въ Шотландіи.

При этомъ капитализмъ оказываетъ культурѣ общества двѣ немаловажныя услуги: съ одной стороны, онъ вынуждаетъ введеніе раціональной земледѣльческой системы, что облегчаетъ переходъ къ общественному способу производства въ этой области, а съ другой—приводитъ къ абсурду право собственности на землю.

Марксъ прибавляетъ, что самый принципъ капиталистическаго хозяйства, его духъ, стремленіе получить *въ ближайшемъ будущемъ* денежный барышъ «противорѣчитъ раціональному земледѣлію, которое должно считаться со всѣми постоянными условіями существованія всѣхъ переплетающихся другъ съ другомъ человѣческихъ поколѣній». Доказательствомъ этаго положенія, по его мнѣнію, служатъ лѣса, хозяйство въ которыхъ только тогда ведется соотвѣтственно общественнымъ интересамъ, когда управленіе ими находится въ рукахъ государства.

Такимъ образомъ условія капиталистическаго земледѣлія таковы: дѣйствительный земледѣлецъ является наемникомъ, который нанимается капиталистомъ-арендаторомъ, при чемъ послѣдній занимается земледѣліемъ, какъ способомъ приложенія своего капитала. Этотъ капиталистъ - арендаторъ платитъ земельному собственнику опредѣленную сумму денегъ за позволеніе приложить капиталъ въ этой отрасли производства. *Такая денежная сумма называется земельной рентой*, все равно, платится ли она за пахотную землю или за землю подъ постройками, за право рыбной ловли, за разработку рудниковъ, лѣсовъ и т. п. При этомъ, въ ренту могутъ входить и проценты на капиталъ, который былъ вложенъ въ землю, въ видѣ коренныхъ улучшеній или построекъ,—

но рента не слагается изъ такихъ процентовъ: «ренту платятъ за пользованіе землей, какъ таковой, при чемъ она можетъ находиться какъ въ обработанномъ, такъ и въ необработанномъ состояніи». Но рента можетъ разсматриваться, какъ процентъ съ капитала, если капиталистъ купилъ землю, при чемъ самая цѣна является не выраженіемъ цѣнности, которой земля не имѣетъ, а фиктивной цѣнностью. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ цѣна земли опредѣляется капитализаціей ренты по текущему проценту, то она можетъ быть различна при той же рентѣ. Если, напримѣръ, средній размѣръ процента=5%, то и на ежегодную ренту въ 200 L. можно смотрѣть, какъ на процентъ съ капитала въ 200 × (100 : 5)=4000 L., которые представляютъ капитализированный доходъ съ земли. А такъ какъ процентъ имѣетъ тенденцію къ паденію, то рента со временемъ можетъ явиться выраженіемъ бо́льшаго капитала, чѣмъ тотъ, который вначалѣ былъ затраченъ на покупку земли, и, такимъ образомъ, цѣна земли обнаруживаетъ тенденцію къ повышенію. Такъ, если обычный процентъ съ 5 упадетъ до 4%, то ежегодная земельная рента въ 200 L. будетъ представлять годичное пользованіе капитала въ 5000 L., и, слѣдовательно, цѣна нашего участка поднялась на 1000 L.

Относительно земельной собственности Марксъ замѣчаетъ, что оправданіемъ ея служитъ то, что извѣстный способъ производства, а слѣдовательно, и тѣ производственныя и мѣновыя отношенія, которыя изъ него проистекаютъ,—въ томъ числѣ и право собственности на землю,—являются историческою необходимостью. Во всякомъ случаѣ, однако, земельная собственность отличается отъ всѣхъ другихъ видовъ собственности тѣмъ, что на извѣстной ступени развитія, она, даже съ точки зрѣнія самого капиталистическаго способа производства, является излишней или даже вредной. Но затѣмъ вообще «при разсмотрѣніи формъ, въ которыхъ является рента или арендная плата за землю, необходимо имѣть въ виду, что цѣна вещей, которыя сами по себѣ не имѣютъ цѣнности, какова земля, обусловливается очень многими случайными комбинаціями».

Далѣе Марксъ останавливается на трехъ главныхъ заблужденіяхъ, которыя затемняютъ анализъ земельной ренты. Таковы:

1) Смѣшеніе различныхъ формъ ренты, отвѣчающихъ различнымъ ступенямъ развитія общественнаго производственнаго процесса. Общимъ для этихъ формъ является то, что рента есть реализація права собственности на землю—и это-то и затрудняетъ различеніе этихъ формъ. Между тѣмъ собственникомъ можетъ быть общество, какъ въ Азіи и Египтѣ, или рента является только придаткомъ, составляющимъ послѣдствіе собственности даннаго лица надъ рабомъ или крѣпостнымъ, или она есть результатъ права собственности надъ силами природы; или, наконецъ, рента является,

какъ у колониста или мелкаго крестьянина собственника, просто присвоеніемъ самимъ производителемъ продукта, произведеннаго на данномъ участкѣ земли.

2) Всякая земельная рента есть прибавочная цѣнность; отсюда заблужденіе, что рента, которая всегда является извѣстнымъ излишкомъ надъ прибылью,—т. е. излишкомъ надъ тою частью цѣнности продукта, которая сама уже составляетъ прибавочную цѣнность,—что этотъ особый видъ прибавочной цѣнности будетъ объясненъ, разъ объяснено происхожденіе прибавочной цѣнности и прибыли вообще. Конечно, для возможности существованія ренты необходимо существованіе всѣхъ тѣхъ условій, которыя обусловливаютъ существованіе прибавочной цѣнности вообще, т. е. извѣстная производительность и извѣстное общественное раздѣленіе труда и пр. Но все же «субъективныя и объективныя условія прибавочной работы и прибавочной цѣнности вообще не имѣютъ никакого отношенія къ опредѣленнымъ формамъ прибавочной цѣнности, будетъ ли то прибыль или рента; они имѣютъ значеніе только для прибавочной цѣнности, какъ таковой, независимо отъ формы, какую она принимаетъ. Поэтому они не объясняютъ земельной ренты».

3) Именно на рентѣ обнаруживается,—и потому представляется какъ бы ея особенностью,—то обстоятельство, что величина ея отнюдь не зависитъ отъ содѣйствія ея получателя, а только отъ развитія общественнаго труда, въ которомъ землевладѣлецъ не принимаетъ участія. А между тѣмъ эта мнимая особенность ренты и земледѣльческаго производства свойственна всѣмъ отраслямъ капиталистическаго производства. Развитіе ренты является результатомъ развитія всей вообще общественной работы, благодаря каковому (развитію) растетъ рынокъ, запросъ на землю. «Рента развивается вмѣстѣ съ развитіемъ рынка для земледѣльческаго продукта и, слѣдовательно, съ ростомъ неземледѣльческаго населенія и его запросовъ на пищевые продукты и сырые матеріалы». «Это лежитъ въ природѣ капиталистическаго способа производства,—прибавляетъ Марксъ,—что онъ постоянно уменьшаетъ земледѣльческое населеніе по отношенію къ неземледѣльческому, ибо въ обработывающей промышленности ростъ постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ связанъ съ абсолютнымъ ростомъ и перемѣннаго капитала, который при этомъ уменьшается только относительно; между тѣмъ *въ земледѣліи перемѣнный капиталъ, нужный для эксплуатаціи опредѣленнаго участка земли, уменьшается абсолютно*, и потому здѣсь перемѣнный капиталъ можетъ возрастать только помощью обращенія въ культуру новыхъ земель, что однако, предполагаетъ еще большее возрастаніе *неземледѣльческаго населенія*». Съ развитіемъ капиталистическаго производства развивается и производство прибавочной цѣнности, и въ *той же* мѣрѣ развивается и спо-

собность земельной собственности славливать возрастающую долю этой прибавочной цѣнности. Капиталистъ-промышленникъ является еще самодѣятельнымъ функціонеромъ въ производствѣ этой прибавочной цѣнности; *земельному же собственнику остается только славливать возрастающую безъ его содѣйствія долю прибавочнаго продукта или прибавочной цѣнности. Это и есть особенность его положенія*, а вовсе не то, что цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ все растетъ съ расширеніемъ рынка.

§ 3. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній Марксъ переходитъ къ самому изслѣдованію ренты.

Первоначально онъ принимаетъ, что и земледѣльческіе продукты продаются по цѣнамъ производства, т. е. стоимости производства+прибыль, опредѣленная по среднему уровню прибыли по расчету на весь капиталъ. Спрашивается, какъ при этомъ условіи можетъ развиться рента, т. е. какъ образуется здѣсь часть прибыли, превращающаяся въ ренту, и, слѣдовательно, часть цѣны продукта достается собственнику земли. Это Марксъ выясняетъ на слѣдующемъ примѣрѣ.

«Чтобы показать общій характеръ этой формы ренты», говоритъ онъ, «предположимъ, что наибольшее число фабрикъ приводится въ движеніе паровой силой, а нѣкоторое меньшинство ихъ—силою естественнаго паденія воды. Цѣна производства въ этихъ отрасляхъ пусть будетъ 115, гдѣ 100 величина капитала, не того, который дѣйствительно потребленъ, а всего примѣненнаго капитала». Эта цѣна производства есть, по Марксу, не что иное, какъ средняя рыночная цѣна, въ противоположность колебаніямъ этой послѣдней. Для приводимыхъ въ движеніе силой воды фабрикъ примемъ стоимость производства=90. но цѣна (такъ будемъ называть Productionspreis) остается и для нихъ 115. Слѣдовательно, эти фабрики получатъ, кромѣ нормальной прибыли, нѣкоторую избыточную прибыль (Surplusprofit). Этотъ избытокъ въ 10% капиталисты, работающіе водяной силой, могли получить, продавъ товары по средней общественной цѣнѣ производства только потому, что ихъ капиталъ дѣйствовалъ при исключительно благопріятныхъ условіяхъ. «Двѣ вещи ясны сами собою», говоритъ Марксъ: «1) Увеличеніе прибыли капиталиста при примѣненіи водяной силы должно относиться, какъ всякая сверхнормальная прибыль. Цѣнность продукта, произведеннаго помощью водяной силы, менѣе, потому что для его производства потребляется менѣе работы въ овеществленной формѣ постояннаго капитала; примѣненная работа здѣсь *производительнѣе*, что обнаруживается въ томъ, что для производства того же количества товара ей нужно менѣе постояннаго капитала (овеществленнаго труда) и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе живого труда, такъ какъ водяную силу не надо топить».

Во 2-хъ, эта прибавочная прибыль отличается отъ обыкновенной прибавочной прибыли,—являющейся благодаря примѣненію улучшенныхъ техническихъ пріемовъ или расширенію предпріятія, или вслѣдствіе уничтоженія различныхъ faux-frais и вообще какъ результатъ лучшей эксплуатаціи капиталовъ,—тѣмъ, что эта прибыль есть слѣдствіе примѣненія такой природной силы, проявленіе которой связано съ извѣстными природными же условіями, имѣющимися только въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ связи съ характеромъ территоріи; и этихъ природныхъ условій нельзя создать въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ помощью капитала, какъ можно, напримѣръ, превратить воду въ паръ. Именно то, что эта сила не связана съ примѣненіемъ капитала и не можетъ быть воспроизведена въ любомъ мѣстѣ помощью капитала, даетъ возможность обратить ее въ монополію владѣльцевъ той части территоріи, гдѣ она проявляется. Потому-то эта прибавочная прибыль и превращается въ ренту, которую землевладѣлецъ можетъ требовать себѣ за позволеніе эксплуатировать находящуюся на его территоріи силу. Эта часть прибыли превращается въ ренту, именно, потому, что она не связана съ капиталомъ, а, наоборотъ, является слѣдствіемъ отдѣлимыхъ отъ капитала естественныхъ условій.

Такъ какъ этотъ примѣръ служитъ не только иллюстраціей, а, такъ сказать, основаніемъ, на которомъ Марксъ далѣе строитъ свою теорію ренты, то здѣсь сейчасъ же нужно указать на возбуждаемыя имъ недоразумѣнія и допущенныя въ изложеніи неточности, которыя отнимаютъ у него силу доказательства, какую хочетъ придать ему Марксъ.

Во-первыхъ, если 100 и 90 выражаютъ всю сумму капитала предпріятія, то эти величины не могутъ выразить ни стоимости, ни цѣнности продукта; точнѣе, стоимость могла бы быть выражена этими цифрами, если бы совершенно не существовало основного капитала, что здѣсь немыслимо, такъ какъ рѣчь идетъ именно о различіи въ свойствахъ основного капитала, представляемаго паровой силой съ одной стороны и водяной съ другой, ибо и во второмъ случаѣ безъ основного капитала работать нельзя.

Во-вторыхъ, если эти цифры выражаютъ стоимость производства, то для полученія цѣнности продукта надо къ стоимости производства прибавить произведенную прибавочную цѣнность, а не прибыль, какъ это дѣлаетъ Марксъ. Тогда, съ одной стороны допустимо, что 115 выражаетъ и для второго фабриканта (эксплуатирующаго силу воды) точно также цѣнность продукта, какъ и для перваго, слѣдовательно, уничтожается положеніе, что продуктъ второго продается выше его цѣнности. Съ другой стороны, чтобы тотъ избытокъ прибыли, который въ этомъ случаѣ получитъ второй, составилъ такой же $^0/_0$ на капиталъ предпріятія,

какъ и у перваго, нужно будетъ только допустить, что его основной капиталъ дороже. Послѣднее, правда, прямо противорѣчило бы предположенію Маркса, но вѣдь и его предположеніе не выдерживаетъ критики, такъ какъ нельзя допустить, чтобы водяная сила эксплуатировалась безъ помощи основного капитала.

Въ 3-хъ, нельзя дѣлать вывода о большей производительности труда, исходя изъ того, что стоимости продуктовъ относятся, какъ 100 къ 90, тѣмъ болѣе, что Марксъ самъ указываетъ, что въ предпріятіи, эксплуатирующемъ водяную силу при меньшемъ постоянномъ капиталѣ, и перемѣнный капиталъ также меньше, такъ какъ водяную силу не нужно топить. Выводъ, что производительность труда выше потому, что здѣсь рабочая сила производитъ то же количество продукта, потребляя меньшій постоянный капиталъ, прямо противорѣчитъ понятію о производительности труда. Дѣйствительно, какъ слѣдуетъ изъ неоднократныхъ указаній самого Маркса, производительность труда будетъ тѣмъ выше, чѣмъ большее количество потребительныхъ цѣнностей производитъ единица рабочей силы, иначе—чѣмъ менѣе потребляется рабочей силы на производство каждой единицы продукта. Но продуктъ можетъ имѣть меньшую стоимость производства и въ томъ предпріятіи, гдѣ производительность труда меньше, и именно при томъ условіи, которое принимаетъ Марксъ, т. е. при примѣненіи меньшаго количества постояннаго капитала,—въ данномъ примѣрѣ—благодаря отсутствію топлива при водяной силѣ. Но если, къ тому же, какъ указываетъ Марксъ, въ предпріятіи, потребляющемъ меньше постояннаго капитала, и количество прилагаемой рабочей силы будетъ меньше, то весьма возможно, что въ стоимости каждой единицы продукта этихъ двухъ родовъ производства, будетъ заключено столько же относительно стоимости ранѣе произведенной работы, овеществленной въ постоянномъ капиталѣ, и столько же вновь приложеннаго труда. Напримѣръ, мельница перерабатываетъ въ день 1000 пуд. зерна въ 1000 пуд. муки (оставляемъ въ сторонѣ отбросы), затрачивая:

а) При примѣненіи парового двигателя:

1) на 1000 пуд. зерна по 50 коп. за пудъ	500	руб.
2) „ погашеніе основного капитала и уголь для топки	50	„
3) „ рабочую плату	50	„
Слѣдовательно, 1000 п. муки будутъ стоить	600	руб.

и цѣна рабочей силы составляетъ $^1/_{12}$ стоимости продукта.

б) При водяной силѣ:

1) на 1000 пуд. зерна по 50 коп.	500	руб.
2) „ погашеніе основного капитала	28	„
3) „ рабочую плату	48	„
Всего	576	руб.,

при чемъ рабочая плата составитъ также $^1/_{12}$ стоимости продукта, и послѣдній будетъ дешевле, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Слѣдовательно, выводъ Маркса, что производительность труда выше въ предпріятіи, производящемъ продуктъ болѣе дешево, — при данныхъ имъ условіяхъ, — не подтверждается.

Наконецъ, въ 4-хъ, нельзя упускать изъ виду и того, что Марксъ исходитъ здѣсь изъ положенія, что прибыль опредѣляется по указанному имъ способу (раздѣломъ всей суммы произведенной прибавочной цѣнности между всѣми капиталистами пропорціонально ихъ капиталамъ), а мы видѣли, что это раздѣленіе прибыли далеко не доказано. Въ данномъ случаѣ, это ведетъ къ тому, что Марксъ совершенно игнорируетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи находятся въ его примѣрѣ не стоимости, а цѣнности продуктовъ, ибо то, что онъ говоритъ о цѣнности этихъ продуктовъ, относится собственно къ стоимости (авансированному капиталу).

Сопоставляя всѣ приведенные доводы, мы приходимъ къ выводу, что разбираемый примѣръ мало доказателенъ.

Тѣмъ не менѣе Марксъ, какъ сказано, кладетъ этотъ примѣръ въ основу своего изслѣдованія о рентѣ и дѣлаетъ изъ него слѣдующіе выводы. Совершенно ясно, заключаетъ Марксъ, 1) что получаемый капиталистомъ или землевладѣльцемъ прибавокъ къ нормальной прибыли есть дифференціальная рента, потому что она не входитъ въ опредѣленіе нормальной цѣны производства, а предполагаетъ эту цѣну данной. 2) Эта рента проистекаетъ не изъ абсолютнаго возвышенія производительности капитала или увеличенія производительности труда вслѣдствіе примѣненія капитала, но изъ того, что здѣсь опредѣленнымъ приложеніемъ капитала въ извѣстной сферѣ достигается относительное повышеніе производительности труда въ данной отрасли,—повышеніе сравнительно съ капиталами, которые исключены изъ пользованія тѣми естественными условіями, которыя благопріятствуютъ повышенію производительности. Но эта рента можетъ уничтожиться, разъ пользованіе паровыми силами будетъ доставлять выгоды, которыя компенсируютъ выгоды отъ примѣненія естественной водяной силы. 3) Сила природы, заключающаяся въ падающей водѣ, не есть источникъ прибавочной прибыли, а только естественное основаніе (Basis) исключительнаго повышенія производительности труда, подобно тому, какъ потребительная цѣнность всегда является носителемъ мѣновой цѣнности, но не причиной ея. 4) Прибавочная прибыль не производится собственностью на землю; она существовала бы и тогда, если бы фабрикантъ занялъ землю, никому не принадлежащую. Право собственности на землю даетъ только возможность обратить эту долю прибыли въ пользу землевладѣльца. 5) Если землевладѣлецъ продастъ водяную силу капиталисту, то цѣна этой силы не

войдетъ опредѣляющимъ факторомъ въ цѣну производства, хотя и войдетъ въ индивидуальную стоимость производства для даннаго капитала, ибо цѣна производства регулируется здѣсь независимо отъ того предпріятія, которое пользуется водяною силою; эта цѣна опредѣляется только результатомъ производствъ, работающихъ помощью паровой силы. Но, кромѣ того, цѣна водяной силы вообще есть ирраціональная величина, такъ какъ земля не имѣетъ цѣнности.

§ 4. Обращаясь къ самому изученію ренты, Марксъ говоритъ: Рикардо совершенно правъ, утверждая, что «рента (у Рикардо это всегда дифференціальная рента) есть разность между продуктами, полученными при одинаковомъ примѣненіи капитала и труда»,—«на равныхъ пространствахъ почвы», слѣдовало бы ему прибавить», замѣчаетъ Марксъ. Другими словами, прибавочная прибыль происходитъ не отъ случайностей обращенія, а всегда есть разность между продуктами одинаковыхъ количествъ капитала и работы, и она дѣлается земельной рентой, когда два одинаковыхъ количества капитала и работы, примѣненныя на одинаковой площади земли, даютъ неодинаковые результаты (понятно, нужно понимать не абсолютное равенство капиталовъ, а относительное) въ процентахъ (неравенство доходовъ).

Рикардо также правъ, говоритъ Марксъ, и въ слѣдующемъ:

« Все, что уменьшаетъ разность продуктовъ, полученныхъ на тѣхъ же самыхъ или на новыхъ почвахъ, стремится понизить ренту; а все, что повышаетъ эту разность, необходимо производитъ противоположный эффектъ и стремится повысить ренту».

Въ число причинъ послѣдняго рода, прибавляетъ Марксъ, кромѣ общихъ (плодородія и положенія) входятъ: 1) распредѣленіе налоговъ, поскольку оно равномѣрно или нѣтъ; 2) неравенства, которыя возникаютъ изъ различнаго развитія земледѣлія, такъ какъ эта отрасль, въ силу своего традиціоннаго характера, труднѣе нивеллируется, и 3) неравенство распредѣленія капиталовъ между фермерами (арендаторами). Такъ какъ обращеніе самостоятельныхъ крестьянъ въ наемныхъ работниковъ составляетъ послѣднее завоеваніе капиталистическаго способа производства, то разница здѣсь можетъ быть больше, чѣмъ въ какой-либо иной промышленной отрасли.

Далѣе Марксъ устанавливаетъ особенности своихъ воззрѣній сравнительно съ воззрѣніями Рикардо и другихъ.

Прежде всего разсмотримъ, говоритъ онъ, неодинаковые результаты приложенія одинаковаго количества капитала на различныхъ участкахъ земли одинаковаго размѣра, или,—при неодинаковыхъ площадяхъ—результаты, отнесенные къ одинаковымъ площадямъ земли. Два обстоятельства могутъ вызывать такое различіе въ результатахъ: 1) плодородіе,

2) положеніе земель. Положеніе земель является рѣшающимъ моментомъ для колоній и вообще для послѣдовательности, въ какой почвы могутъ поступать въ обработку. Но плодородіе и положеніе, прибавляетъ онъ, могутъ уничтожать значеніе одно другого. Это объясняетъ, почему при разработкѣ земель данной страны въ одинаковой мѣрѣ можетъ совершаться переходъ отъ лучшихъ земель къ худшимъ, какъ и обратно. (Это есть какъ бы признаніе вѣрности одного изъ возраженій Родбертуса противъ Рикардо).

Наконецъ, «*прогрессъ общественнаго производства нивелируетъ значеніе положенія*, какъ источника дифференціальной ренты, *создавая мѣстные рынки и развивая пути сообщенія*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ *тотъ же прогрессъ усиливаетъ разницу въ положеніи почвъ, отдѣляя земледѣліе отъ мануфактуры и образуя большіе центры производства* съ одной стороны, и изолируя земельные участки съ другой стороны».

Но Марксъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о положеніи и разбираетъ вліяніе плодородія. Плодородіе, по его мнѣнію, помимо климатическихъ условій, зависитъ отъ химическаго состава верхняго слоя почвы и отъ подготовленности въ почвѣ питательныхъ для растеній веществъ, т. е. отъ ихъ усвояемости. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, *плодородіе зависитъ и отъ развитія агрономіи*. Примѣненіемъ различныхъ химическихъ и механическихъ средствъ могутъ быть устранены тѣ препятствія, которыя мѣшали данной почвѣ сдѣлаться столь же плодородной, какъ другая. Даже порядокъ почвъ можетъ измѣниться, какъ это имѣло мѣсто въ Англіи по отношенію къ легкимъ и тяжелымъ почвамъ. Потому и исторически возможенъ переходъ отъ болѣе плодородныхъ къ менѣе плодороднымъ почвамъ и обратно. Кромѣ того измѣненіе іерархіи почвъ можетъ быть слѣдствіемъ разработки подпочвы. Результатомъ всѣхъ этихъ вліяній на разницу въ плодородіи является то, что для «*экономическаго плодородія*», т. е. способности земледѣлія эксплуатировать естественное плодородіе почвъ, «*столь же важенъ уровень развитія производительности труда, какъ и химическій составъ почвы и прочія ея естественныя свойства*».

Поэтому Марксъ предполагаетъ существованіе извѣстной ступени развитія земледѣлія, при чемъ іерархія почвъ устанавливается сообразно этой ступени развитія. какъ это естественно и должно имѣть мѣсто для одновременнаго приложенія капиталовъ на разныхъ почвахъ.

Предположимъ, говоритъ Марксъ, четыре сорта почвъ, *A*, *B*, *C* и *D*. различной производительности, и пусть цѣна квартера пшеницы равна 3 L. или 60 sh., что для худшей почвы *A* равно издержанному капиталу 50 sh.,+средней прибыли въ 20%, или 10 sh. Представимъ сочетаніе соотвѣтствующихъ факторовъ для всѣхъ почвъ слѣдующей таблицей I.

ТАБЛИЦА I.

Сортъ земли.	Продуктъ.		Затрата капитал.	Прибыль.		Рента.	
	Кварт.	Шилл.		Кварт.	Шилл.	Кварт.	Шилл.
A	1	60	50	1/6	10	—	—
B	2	120	50	1 1/6	70	1	60
C	3	180	50	2 1/6	130	2	120
D	4	240	50	3 1/6	190	3	180
Сумма	10	600				6	360

Такимъ образомъ, почва *A*, по производительности которой опредѣляется цѣна продукта, не приноситъ ренты; общая же сумма ренты съ четырехъ акровъ, дающихъ 10 квартеровъ, составляетъ 360 шиллинговъ.

Переходя къ разбору порядка, въ какомъ могутъ поступать данныя почвы въ культуру, Марксъ замѣчаетъ, что процессъ этотъ можетъ происходить какъ въ нисходящемъ порядкѣ (отъ *D* къ *A*), такъ и въ восходящемъ (отъ *A* къ *D*). Если этотъ процессъ происходитъ вслѣдствіе возрастающей потребности отъ лучшей земли къ худшей, какъ это предполагаетъ въ своемъ изслѣдованіи Рикардо, то, какъ только четырехъ квартеровъ, произведенныхъ участкомъ *D*, стало недостаточно, пшеница должна была подняться въ цѣнѣ настолько, что недостатокъ могъ быть пополненъ предложеніемъ съ участка *C*; т. е. цѣна пшеницы повысится съ 15 до 20 sh. за квартеръ. Когда и этаго продукта будетъ недостаточно, то цѣна дойдетъ до 25, поступитъ въ обработку *B* и т. д., пока цѣна не поднимется до 60 шиллинговъ и будетъ занятъ участокъ *A*. Но разъ участки всѣ заняты, то является положеніе, изображенное таблицей I. Если первоначально, пока воздѣлывался одинъ участокъ *D*, уровень прибыли былъ также 20%, то валовая прибыль на 4 квартера была бы также только 10 шил., которые, однако, представляли, при цѣнѣ пшеницы въ 15 шиллинговъ, большее количество зерна, чѣмъ представляютъ теперь, при цѣнѣ въ 60 шил. Однако, такъ какъ зерно входитъ въ стоимость воспроизведенія рабочей силы и изъ каждаго квартера одна часть должна воспроизводить рабочую плату, а другая постоянный капиталъ,—то, при низшей цѣнѣ хлѣба, норма прибавочной цѣнности, а, слѣдовательно, и уровень прибыли, должны были быть выше.

Обратный же ходъ занятія земель отличается только тѣмъ, что уже при воздѣлываніи одного участка *A* цѣна сразу устанавливается въ 60 sh.; но и здѣсь, чтобы обратить подъ распашку новую землю, цѣна пшеницы должна была подняться выше 60 sh., однако, только временно; какъ только необходимые для удовлетворенія потребленія 2 квартера будутъ доставлены *B*, цѣна упадетъ снова до 60 sh., такъ какъ хотя *B* про-

изводитъ квартеръ за 30 sh., но продаетъ его за 60, вслѣдствіе того, что его предложенія недостаточно для удовлетворенія потребленія, а необходимо, чтобы вмѣстѣ съ нимъ воздѣлывался и участокъ A; послѣдній же не можетъ производить дешевле 60 шиллинговъ. Такимъ образомъ образовалась бы рента для B въ 60 sh., подобнымъ образомъ при дальнѣйшемъ расширеніи производства для C—въ 120, и для D—въ 180 sh. При первомъ порядкѣ, когда цѣна хлѣба повышается, рента, по мѣрѣ перехода къ новымъ землямъ, станетъ также повышаться, а уровень прибыли будетъ понижаться. При чемъ не слѣдуетъ забывать, прибавляетъ Марксъ, что въ опредѣленіе уровня прибыли входитъ не вся сумма прибавочной цѣнности, произведенная во всѣхъ отрасляхъ производства,—и именно, земледѣльческая прибыль не опредѣляетъ прибыль промышленную, а наоборотъ.

Чтобы иллюстрировать, какъ измѣнится положеніе вещей съ улучшеніемъ почвы A и введеніемъ въ культуру, при возросшей потребности, новыхъ земель средней производительности, предположимъ, говоритъ Марксъ, что участки B, C, D продолжаютъ давать продуктъ въ прежнемъ количествѣ, но плодородіе A повысилось, благодаря улучшенію культуры, и подъ запашку взяты участки земли. A_1, по своему плодородію находящійся между A и B, и B_1 и B_2 съ плодородіемъ, среднимъ между B и C. Затрата капитала попрежнему равна 50 sh. на акръ.

ТАБЛИЦА II.

Сортъ земли	Продуктъ.		Прибыль.		Рента.		Цѣна производства квартера.
	Кварт.	Шилл.	Кварт.	Шилл.	Кварт.	Шилл.	Шиллинги.
A	$1^1/_3$	60	$^2/_9$	10	—	—	45
A_1	$1^2/_3$	75	$^5/_9$	25	$^1/_3$	15	36
B	2	90	$^8/_9$	40	$^2/_3$	30	30
B_1	$2^1/_3$	105	$1^2/_9$	55	1	45	$25^5/_7$
B_2	$2^2/_3$	120	$1^5/_9$	70	$1^1/_3$	60	$22^1/_2$
C	3	135	$1^8/_9$	85	$1^2/_3$	75	20
D	4	180	$2^8/_9$	130	$2^2/_3$	120	15
Сумма	17	665			$7^2/_3$	345	

Здѣсь, слѣдовательно, произошло пониженіе цѣны хлѣба съ 60 до 45 sh. Рента съ участковъ B, C, D, какъ въ зернѣ, такъ и въ деньгахъ, также понизилась; но вся сумма ренты, выраженная ранѣе въ 6 квартерахъ, повысилась до $7^2/_3$, при увеличеніи количества продукта съ 10 до 17 квартеровъ; однако, выраженіе ренты въ деньгахъ понизилось съ 360 до 345 sh. Здѣсь слѣдовало бы предположить, что, въ силу удешевленія средствъ существованія, понизилась рабочая плата, т. е. затраты на перемѣнный капиталъ, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должно повысить уровень прибыли; потому въ дѣйствитель-

ности сумма ренты должна бы быть ниже, чѣмъ показываетъ таблица, т. е. менѣе 345 шиллинговъ.

Далѣе предположимъ, говоритъ Марксъ, что производительность почвъ *A*, *B*, *C* и *D* возрасла до 2, 4, 7 и 10 квартеровъ, при затратѣ тѣхъ же 50 шил. Тогда будемъ имѣть:

ТАБЛИЦА III.

Сортъ земли.	Продуктъ. Кварт.	Шилл.	Прибыль. Кварт.	Шилл.	Рента. Кварт.	Шилл.	Цѣна производства одного квартера. Шиллинги.
A	2	60	1/3	10	—	—	30
B	4	120	2 1/3	70	2	60	15
C	7	210	5 1/3	160	5	150	8 4/7
D	10	300	8 1/3	250	8	240	6
Сумма . .	23	690			15	450	

Регулирующая цѣна продукта (по участку *A*) упадетъ до 30 sh., а сумма ренты возрастетъ до 15 кв. = 450 sh. Эта таблица построена при допущеніи, что «улучшенія въ земледѣліи дѣйствуютъ различно на различныхъ почвахъ, и *здѣсь* на лучшихъ почвахъ сильнѣе, чѣмъ на худшихъ (примѣръ *C* и *D* сравнительно съ *A*). *Опытъ показываетъ*», прибавляетъ Марксъ, «*что обыкновенно такъ и бываетъ, хотя можетъ имѣть мѣсто и противоположный случай.* Если бы улучшеніе дѣйствовало сильнѣе на худшихъ почвахъ, то рента лучшихъ почвъ не возрасла бы, а упала».

Здѣсь дѣло идетъ, замѣчаетъ Марксъ, не о рентѣ съ акра или гектара, а о всей суммѣ ренты со всей обработываемой площади и о томъ отношеніи, которое слѣдуетъ назвать нормой ренты (Rate der Rente), или уровнемъ ренты, выражающимся отношеніемъ суммы ренты къ затраченному на производство капиталу. Чтобы выяснить значеніе уровня ренты, предположимъ, что распашка почвъ всѣхъ классовъ удвоилась, т. е. теперь въ обработку въ каждомъ классѣ (табл. I) вошло не по одному акру, а по два; тогда будемъ имѣть слѣдующую таблицу:

Таблица Ia.

Сортъ земли.	Акры.	Продуктъ въ кварт.	Рента въ деньг.
A	2	2	0 L.
B	2	4	6 »
C	2	6	12 »
D	2	8	18 »
Сумма .	8	20	36 L.

Затѣмъ возьмемъ еще два случая: Ib, въ которомъ распашка расширяется на худшихъ сортахъ почвы, и Ic, когда распашка расширится хотя и на всѣхъ 4 родахъ почвъ, но неравномѣрно.

Таблица Ib.

Сортъ земли.	Акры.	Прод. въ кварт.	Рента въ деньгахъ.
A	4	4	0 L.
B	4	8	12 »
C	2	6	12 »
D	2	8	18 »
Сумма.	12	26	42 L.

Таблица Ic.

Сортъ земли.	Акры.	Прод. въ кварт.	Рента въ деньгахъ.
A	1	1	0 L.
B	2	4	6 »
C	5	15	30 »
D	4	16	36 »
Сумма.	12	36	72 L.

Въ таблицѣ I на акръ приходилось ренты: $18 : 4 = 4^1/_2$ L. при уровнѣ ренты $\left(\frac{\text{сумма ренты}}{\text{затраченный капиталъ}}\right)$, равномъ 180%; въ таблицѣ Ia на акръ приходится также $4^1/_2$ L. ренты, и уровень ренты также равенъ 180%; въ таблицѣ Ib рента на акръ — $3^1/_2$ L., уровень же ренты — 140%; въ таблицѣ Ic на акръ ренты — 6 L. при уровнѣ въ 240%.

Сопоставляя всѣ эти случаи, можно вывести слѣдующія заключенія: 1) Расширеніе запашекъ (случай Ia), распространяющееся равномѣрно на всѣ роды почвъ при прежней затратѣ капитала на акръ, повело къ образованію той же суммы ренты при томъ же уровнѣ ея. 2) Расширеніе же запашекъ на лучшихъ почвахъ въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ на худшихъ (табл. Ic), ведетъ къ повышенію суммы ренты сравнительно въ бо̀льшей степени, при чемъ наблюдается и повышеніе уровня ренты. Обратно: 3) болѣе значительное расширеніе на худшихъ почвахъ сравнительно съ лучшими (табл. Ib), хотя и ведетъ къ увеличенію суммы ренты, но уровень ея понижается.

Изъ этаго Марксъ дѣлаетъ выводъ, что масса ренты въ странѣ опредѣляется количествомъ болѣе плодородной земли, и рента является какъ бы выраженіемъ этаго плодородія. Чѣмъ большій капиталъ приходится на болѣе плодородныя земли въ данной странѣ, тѣмъ выше будетъ въ ней общая сумма ренты. На это обстоятельство, говоритъ Марксъ, по странной случайности, еще никто не обратилъ вниманія. Затѣмъ, онъ считаетъ необходимымъ сдѣлать еще слѣдующія дополненія: 1) Такъ какъ рента растетъ по мѣрѣ развитія культуры, то и тѣ земли, которыя въ данную минуту не приносятъ ренты, получаютъ рыночную цѣну, которая выражаетъ капитализированную будущую ренту. 2) Переходъ къ худшимъ землямъ, конечно, никогда не совершается добровольно, а всегда по необходимости; но часто худшей землѣ отдается предпочтеніе, благодаря болѣе удобному ея расположенію. Такъ, штатъ Мичиганъ одинъ изъ первыхъ сталъ вывозить хлѣбъ, не смотря на то, что почва его менѣе

плодородна, чѣмъ въ штатахъ, лежащихъ далѣе къ западу; это произошло именно благодаря его выгодному положенію по отношенію къ путямъ сообщенія (озёра и каналъ Эри) и сосѣдству со штатомъ Нью-Іоркъ. Точно также западная часть штата Нью-Іоркъ представляла очень плодородную почву, но, благодаря хищническому веденію хозяйства, стала менѣе плодородной, чѣмъ почва Мичигана. 3) Ошибочно представляютъ, что земли колоній и вообще молодыхъ странъ даютъ возможность вывозить зерновые продукты по болѣе дешевой цѣнѣ, потому что онѣ обладаютъ бо́льшимъ естественнымъ плодородіемъ. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, что населеніе этихъ странъ занято исключительно земледѣліемъ, такъ что весь трудъ его прилагается къ созиданію продуктовъ только этой отрасли промышленности. Потому, чтобы получить другіе, необходимые имъ предметы потребленія, — преимущественно продукты обработывающей промышленности, — колонисты должны вывозить свой хлѣбъ, продавая его нерѣдко не только ниже его цѣнности (трудовой), но и ниже цѣны производства (т. е. не получая нормальной прибыли на капиталъ). Отсюда то явленіе, что относительно бо́льшая масса зерна доставляется на международный рынокъ молодыми странами. Къ тому же хозяйство въ этихъ странахъ ведется экстенсивное, такъ что небольшое количество труда прилагается къ эксплуатаціи относительно большой площади, и хотя каждая единица площади даетъ при этомъ небольшой урожай, но въ суммѣ получается значительное количество зерна. 4) Наконецъ, увеличеніе распашки отнюдь не вызывается каждый разъ предшествующимъ повышеніемъ цѣны продукта, точно такъ же, какъ расширеніе, напримѣръ, бумагопряденія, не требуетъ предварительнаго повышенія цѣны пряжи. Капиталистъ просто расширяетъ свое производство по мѣрѣ роста своего капитала, почему капиталистическому способу производства и свойственно всегда работать съ перепроизводствомъ въ расчетѣ на ростъ потребленія.

Разсмотрѣнную форму ренты, являющуюся результатомъ различнаго плодородія почвъ, Марксъ называетъ первой формой дифференціальной ренты.

§ 5. Вторая форма дифференціальной ренты есть слѣдствіе послѣдовательнаго приложенія къ одному и тому же участку земли капиталовъ, производительность коихъ оказывается различной. Во всякомъ случаѣ, дифференціальная рента II есть только иное выраженіе ренты I, такъ какъ безразлично, будутъ ли капиталы приложены съ различнымъ успѣхомъ на 4 различныхъ почвахъ, или на одной. И разъ существуетъ запросъ на продуктъ, который долженъ производиться наименѣе производительнымъ капиталомъ, то цѣна производства для всѣхъ капиталовъ будетъ считаться по этому послѣднему, что́ даетъ возможность получить

ренту на болѣе производительный капиталъ. Наименѣе же производительный капиталъ, какъ и земля худшаго качества, по необходимости введенная въ обработку, будетъ довольствоваться нормальною въ странѣ прибылью. Но если для самаго факта образованія прибавочной прибыли безразлично, будетъ ли капиталъ прилагаться на участкахъ разнаго плодородія или на одномъ и томъ же участкѣ съ различнымъ эффектомъ, то для превращенія этой прибавочной прибыли въ ренту (какъ доходъ землевладѣльца) это далеко не безразлично: разъ такая прибавочная прибыль есть результатъ приложенія капитала, то капиталистъ-арендаторъ стремится удержать ее за собою. Потому, когда улучшеніе принадлежитъ къ дѣйствующимъ продолжительно, рента можетъ быть повышена землевладѣльцемъ только по окончаніи срока аренды; если же арендаторъ приложилъ капиталъ въ видѣ капитала производства (движимаго капитала [1]) всѣхъ видовъ), то къ арендатору на новый срокъ предъявляется требованіе вложить такой же капиталъ, и соотвѣтственно повышается и рента.

Во всякомъ случаѣ, если усиленное приложеніе капитала къ одному и тому же участку земли и вызываетъ пониженіе Surplusprofit'a и прибавочнаго продукта по расчету на единицу капитала, то все же повышеніе цѣны продукта при этомъ могло бы сдѣлаться необходимымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы прибавочный капиталъ приходилось прилагать къ худшимъ, не дающимъ ренты, землямъ (A) и притомъ при понижающейся производительности новыхъ долей капитала. Исторически, полагаетъ Марксъ, образованіе ренты начинается съ ренты I, такъ какъ капиталистическое земледѣльческое хозяйство противопоставляется производству самостоятельнаго крестьянина-работника, въ первое время, не какъ болѣе интенсивное, а наоборотъ, какъ болѣе экстенсивное, обращеніемъ, напр., пашенъ въ выгоны, и первымъ признакомъ его является не концентрація капитала на меньшей площади, а только — расширеніе размѣровъ хозяйства. Но «по естественнымъ законамъ земледѣлія при извѣстной высотѣ культуры и соотвѣтствующемъ истощеніи почвы, капиталъ, — здѣсь именно въ смыслѣ ранѣе произведенныхъ средствъ производства, — становится рѣшающимъ элементомъ и въ земледѣльческой культурѣ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Марксъ, въ противоположность Рикардо, признаетъ, что вновь приложенный къ землѣ капиталъ можетъ оказаться и болѣе

---

[1]) Нѣмецкій терминъ Betriebskapital обозначаетъ всѣ тѣ виды капиталовъ, которые принадлежатъ обыкновенно арендатору; сюда входитъ именно весь движимый капиталъ, т. е. не только оборотный, но и подвижная часть основного капитала, какъ-то: орудія, машины и скотъ всякаго рода.

производительнымъ, чѣмъ ранѣе прилагавшійся. Все равно, говоритъ онъ, будутъ ли на почвѣ *D* (табл. I) первоначально приложены $2^1/_2$ L., дающихъ одинъ квартеръ, и затѣмъ послѣдующія приложенія той же суммы дадутъ соотвѣтственно 2, 3 и 4 квартера, или обратно: первый капиталъ дастъ 4 кварт., а слѣдующіе—3, 2 и наконецъ одинъ; во всякомъ случаѣ, цѣна производства будетъ исчисляться по наименѣе производительной долѣ капитала, т. е. той, которая даетъ 1 квартеръ зерна при затратѣ $2^1/_2$ L.

Это положеніе Маркса противорѣчитъ тому, что онъ далѣе указываетъ,—именно, что послѣдовательно прилагаемыя къ землѣ доли капитала затѣмъ сливаются до безразличія, и продуктъ, произведенный всѣми долями въ совокупности, считается какъ бы продуктомъ всей этой суммы. Принимая это положеніе, слѣдовало бы сдѣлать такой выводъ: если почва *D* (удовлетворяющая всѣ потребности населенія) производила при приложеніи $2^1/_2$ L. на акръ 1 квартеръ, то, при уровнѣ прибыли 20% (по Марксу), цѣна была 3 L.; когда приложеніе капитала возросло до 5 L. на акръ, а продуктъ до 3 квартеровъ, то цѣна производства всего продукта была $\frac{100\text{ sh.} + 20\text{ sh.}}{3} = 40$ sh.; послѣ приложенія третьей единицы капитала, производство достигаетъ 6 квартеровъ, стоимостью 150 sh., а цѣна производства будетъ $\frac{150\text{ sh.} + 30\text{ sh.}}{6} = 30$ sh.; наконецъ, послѣ приложенія 4-й единицы капитала, производящей 4 квартера, цѣна производства опредѣлится такъ: $\frac{200\text{ sh.} + 40\text{ st.}}{10} = 24$ sh. Чрезвычайно трудно понять, какимъ образомъ землевладѣлецъ будетъ здѣсь «славливать» ренту, тѣмъ болѣе, что эти измѣненія могутъ происходить въ теченіе срока аренды, и пониженіе цѣны произойдетъ благодаря взаимной конкуренціи капиталистовъ-фермеровъ. Но, говоритъ Марксъ, «по природѣ вещей съ развитіемъ интенсивной культуры, усиленное приложеніе капитала происходитъ именно на лучшихъ почвахъ или на нихъ въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ на остальныхъ, такъ какъ лучшая почва даетъ болѣе основанія разсчитывать, что увеличеніе приложенія капитала на ней будетъ рентироваться, ибо она содержитъ бо́льшее число естественныхъ элементовъ плодородія, которые нужны для использованія. (Марксъ, однако, оговаривается, что не имѣетъ въ виду коренныхъ улучшеній, помощью которыхъ негодная почва превращается въ годную). Такъ, послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ въ Англіи, масса земель, служившихъ до этаго времени для культуры пшеницы, была превращена въ выгоны, и наоборотъ: болѣе соотвѣтствующія для пшеницы плодородныя почвы были дренированы или улучшены другими способами; такимъ образомъ капиталы, предназначенные для пшеничной культуры, концентрировались на мень-

шемъ пространствѣ. (Этотъ примѣръ опять неудаченъ, ибо здѣсь главную роль играло какъ разъ коренное улучшеніе (дренажъ), а Марксъ только что оговорился, что не имѣетъ въ виду такихъ мѣропріятій).

Упрекнувъ Рикардо, что онъ разсмотрѣлъ въ своей теоріи ренты только одинъ случай приложенія капитала къ землѣ, — именно тотъ, когда цѣна хлѣба должна повышаться, вслѣдствіе необходимости прилагать капиталъ на худшихъ земляхъ, притомъ при пониженіи производительности послѣдующихъ долей капитала,—Марксъ посвящаетъ затѣмъ нѣсколько главъ разбору всѣхъ возможныхъ комбинацій производительности капитала и вліянія этихъ комбинацій на высоту ренты, а затѣмъ и на цѣну продукта. Мы не пойдемъ, однако, за Марксомъ въ этихъ изысканіяхъ и замѣтимъ здѣсь только слѣдующіе выводы его: Паденіе цѣны производства всегда есть слѣдствіе того, что опредѣлителемъ цѣны является почва лучшаго качества, что наступаетъ тогда, когда продуктъ съ лучшихъ почвъ удовлетворяетъ вполнѣ потребности, и худшая почва выходитъ изъ обработки. Такое исключеніе изъ обработки худшихъ почвъ можетъ наступить и при понижающейся производительности послѣдовательныхъ долей капитала, когда именно новый капиталъ прилагается на лучшихъ почвахъ и, не смотря на то, что производительность его (капитала) понижается, производитъ все еще больше, чѣмъ такой же капиталъ, приложенный къ худшимъ почвамъ, которыя выходятъ изъ обработки, и потребность удовлетворяется болѣе дешевымъ хлѣбомъ. Но особенно важныя послѣдствія влечетъ за собою возрастаніе производительности послѣдовательныхъ долей капитала. При этомъ цѣна производства необходимо должна пасть въ томъ случаѣ, когда и на худшихъ почвахъ вновь прилагаемый капиталъ даетъ бо́льшій эффектъ, чѣмъ первый капиталъ. Изъ этаго слѣдуетъ, что недостатокъ капитала у значительнаго числа фермеровъ можетъ вліять совершенно подобно тому, какъ ухудшеніе качествъ почвы. Дѣйствительно, если $2^1/_2$ L. производятъ на почвѣ *A* только одинъ квартеръ, а 5 L. — $2^1/_2$ квартера, то цѣна продукта должна понизиться до уровня, опредѣляемаго этой производительностью капитала въ 5 L., разъ приложеніе такой суммы на акръ сдѣлается обычнымъ. Но пока фермеры, за недостаткомъ средствъ, не могутъ прилагать больше капитала, чѣмъ $2^1/_2$ L., цѣна будетъ, какъ прежде, 3 L., т. е. будетъ опредѣляться производительностью почвы *A* при приложеніи $2^1/_2$ L. Болѣе же высокая цѣна повыситъ ренту всѣхъ земель высшихъ сортовъ; при этомъ можетъ даже образоваться рента на лучше воздѣлываемыхъ почвахъ того же сорта, какъ и почва *A*.

Кромѣ того, изъ сказаннаго видно, что послѣдовательныя приложенія капитала на той же площади, въ дѣйствительности, не приводятъ къ образованію ренты на худшихъ почвахъ, а ведутъ къ тому: во 1-хъ, что

средняя цѣна всего, произведеннаго на худшей почвѣ, продукта дѣлается новой регулирующей цѣной, и во 2-хъ, *эти послѣдовательно приложенные капиталы сливаются въ одинъ, и это выражается такимъ образомъ, что общая сумма капитала, требуемаго теперь для разработки одного акра земли, измѣняется.* При этомъ и дифференціальныя ренты съ лучшихъ почвъ исчисляются по перевышкѣ продукта этихъ почвъ надъ продуктами худшихъ при новомъ, увеличенномъ приложеніи капитала, которое теперь принимается уже за нормальное. Однако, во всякомъ случаѣ ясно, что при повышающейся производительности вновь прилагаемыхъ капиталовъ, рента по расчету на акръ,—напримѣръ, при удвоеніи капитала,—можетъ возрасти болѣе, чѣмъ въ два раза; но она можетъ и пасть, если значительно упадетъ цѣна производства.

Какъ общій выводъ изъ всего изслѣдованія ренты интересно слѣдующее замѣчаніе, принадлежащее Энгельсу: «Чѣмъ болѣе капитала прилагается къ почвѣ, чѣмъ выше развитіе земледѣлія и цивилизаціи вообще въ данной странѣ, тѣмъ выше поднимается какъ рента съ акра, такъ и общая сумма ренты, тѣмъ болѣе гигантскіе размѣры принимаетъ подать, которую общество выплачиваетъ землевладѣльцамъ,—пока взятыя разъ въ обработку почвы всѣ способны конкурировать своимъ продуктомъ на рынкѣ».

На этомъ мы и закончимъ изложеніе ученія Маркса о разностной рентѣ и перейдемъ къ слѣдующей главѣ, которая озаглавлена «абсолютная земельная рента».

§ 6. Здѣсь указывается, прежде всего, что законъ дифференціаціи ренты не зависитъ отъ того, платятъ или не платятъ ренту худшія земли. Но на чемъ основано предположеніе, что худшій сортъ земли не платитъ ренты?—спрашиваетъ Марксъ. И отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: Если рыночная цѣна земледѣльческаго продукта достигла такой высоты, что при приложеніи капитала къ худшей землѣ является возможность для капиталиста извлекать нормальную прибыль, то этаго достаточно для того, чтобы капиталъ могъ быть приложенъ къ этимъ почвамъ. На самомъ дѣлѣ, однако, въ моментъ обращенія въ культуру худшихъ земель, рыночная цѣна продукта должна быть выше цѣны производства на этой почвѣ A, ибо въ это время существуетъ недостатокъ въ хлѣбѣ, а послѣ разработки A потребность окажется удовлетворенной, и цѣна понизится.

Но для того, чтобы капиталистъ могъ приложить капиталъ къ этимъ почвамъ, необходимо позволеніе землевладѣльца, при чемъ, слѣдовательно, собственность на землю является препятствіемъ для эксплуатаціи земли. Капиталистъ можетъ приложить капиталъ въ земледѣліи только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) Когда онъ самъ землевладѣлецъ и, слѣдовательно, не долженъ платить ренты и можетъ разсматривать свою землю просто

какъ одно изъ условій приложенія своего капитала. Но такіе случаи (думаетъ Марксъ) встрѣчаются лишь какъ исключенія, такъ какъ капиталистическая эксплуатація почвъ предполагаетъ отдѣленіе дѣйствительнаго капитала отъ права собственности на землю и, слѣдовательно, исключаетъ возможность признать, какъ правило, веденіе хозяйства самимъ землевладѣльцемъ. Было бы противорѣчіемъ, исходя изъ раздѣленія капитала и почвъ, соотвѣтствующаго капиталистическому способу производства, предполагать, обратно, самостоятельное веденіе хозяйства землевладѣльцемъ вездѣ, гдѣ существующій капиталъ, если бы ему не противопоставлялась собственность на землю, не могъ бы извлечь ренты изъ земли. Поэтому уничтоженіе здѣсь права собственности на землю было бы случайностью. 2) Капиталистъ можетъ приложить капиталъ къ землѣ, не испрашивая согласія землевладѣльца, когда въ составѣ арендnаго участка находятся отдѣльныя полосы земли, которыя, при данной высотѣ рыночной цѣны, никакой ренты не даютъ, слѣдовательно, фактически сдаются даромъ, хотя землевладѣльцы и не считаютъ ихъ отданными въ пользованіе арендаторамъ даромъ, ибо они имѣютъ въ виду не единичныя ренты съ отдѣльныхъ участковъ своей земли, а ренту со всего участка, отданнаго въ аренду. Въ этомъ случаѣ капиталистъ можетъ приступить къ разработкѣ худшаго участка *A*, не платя ренты. Однако, этотъ случай ничего не даетъ намъ, ибо изслѣдованію подлежитъ собственно тотъ случай, когда такая земля обращается въ культуру въ видѣ самостоятельнаго участка. Наконецъ, 3) то обстоятельство, что арендаторъ можетъ прилагать прибавочный капиталъ къ землѣ, не получая на него ренты или получая только среднюю прибыль, не доказываетъ, что низшія почвы не будутъ платить ренты, или что можно эксплуатировать, не платя ренты, эти худшія почвы, выдѣливъ ихъ изъ общаго комплекса арендной земли. Совершенно подобнымъ образомъ, для основанія новаго промышленнаго предпріятія безразлично, будетъ ли владѣлецъ—хозяинъ старой фабрики оставлять свои капиталы въ процентныхъ бумагахъ или, обращая ихъ въ свое производство, не будетъ получать на нихъ нормальной прибыли, а только тотъ процентъ, который давали бы ему процентныя бумаги;—это не измѣнитъ условій основанія новыхъ фабрикъ. Во всякомъ случаѣ, вновь возникающее промышленное предпріятіе этой отрасли должно приносить нормальную прибыль и основывается только съ расчетомъ на эту прибыль. Такъ точно прибавочный капиталъ на лучшихъ почвахъ конкурируетъ съ капиталами, которые могли бы быть приложены на почвѣ *A*, и потому рента съ почвы *A* ограничивается возможностью приложенія добавочнаго капитала на прежней почвѣ. Словомъ, капиталистъ не можетъ приняться за обработку почвы *A*, не платя ренты, потому что этаго не позволитъ ему землевладѣлецъ. Потому-то,

чтобы эти худшія почвы могли быть взяты въ обработку, цѣна хлѣба должна подняться выше цѣны производства его на почвѣ *A;* другими словами, это значитъ, что *самое право собственности на землю создаетъ ренту*, такъ какъ, разъ арендаторъ платитъ ренту, цѣна не можетъ пасть до уровня цѣны производства = стоимости производства + прибыль.

Указанное вліяніе землевладѣнія на цѣны земледѣльческаго продукта, говоритъ Марксъ, нельзя опровергать указаніемъ на условія, имѣющія мѣсто въ колоніяхъ, ибо послѣднія какъ разъ отличаются тѣмъ, что здѣсь не существуетъ права собственности на землю. Поэтому, говоря о земельной рентѣ вообще, нельзя исходить изъ условій, существующихъ въ колоніяхъ, каковую ошибку дѣлаетъ, однако, и Рикардо. Право собственности, конечно, не создаетъ ренты; но оно дозволяетъ собственнику не допускать обработки земли до тѣхъ поръ, пока полученіе ренты сдѣлается возможнымъ. Такимъ образомъ, мы должны признать, что при существованіи права частной собственности на землю и худшія земли могутъ платить ренту. Но изъ того, что рента худшихъ земель можетъ входить въ цѣну продукта и эта цѣна регулируетъ рыночную цѣну, еще не слѣдуетъ, что хлѣбъ продается по монопольной цѣнѣ. Это, говоритъ Марксъ, имѣло бы мѣсто въ томъ лишь случаѣ, если бы цѣна хлѣба была выше его цѣнности и вообще опредѣлялась только платежною способностью потребителя. То обстоятельство, что данный товаръ продается выше своей цѣны производства (какъ это слѣдуетъ уже изъ сказаннаго въ отдѣлѣ о прибыли), не доказываетъ, что онъ продается выше своей цѣнности. Отношеніе цѣны производства къ цѣнности продукта обусловливается, прежде всего, органическимъ сложеніемъ капитала изъ постоянной и перемѣнной частей. Ибо, мы знаемъ, что уровень прибыли (говоритъ Марксъ) опредѣляется капиталомъ средняго общественнаго сложенія, а прибыль, производимая такимъ капиталомъ, ниже прибыли, производимой капиталомъ низшаго сложенія. Поэтому цѣнность товара, произведеннаго капиталомъ низшаго сложенія, выше, чѣмъ его цѣна производства; а цѣнность товаровъ, произведенныхъ капиталами высшаго сложенія, наоборотъ, ниже ихъ цѣны производства, и послѣднее имѣетъ мѣсто для наиболѣе развитыхъ отраслей индустріи.

«Если капиталъ въ данной отрасли низшаго сложенія сравнительно со среднимъ, продолжаетъ Марксъ, то это есть только иное выраженіе того, что производительность труда въ этой отрасли ниже средней; ибо высота производительности труда выражается въ относительномъ значеніи постоянной части капитала, въ ея преобладаніи надъ перемѣнною. Такъ, въ добывающей промышленности (извлекающей изъ почвы или вообще изъ нѣдръ земли и изъ воды готовый продуктъ), которую слѣдуетъ отличать отъ земледѣлія, сырье (основной матеріалъ), какъ элементъ постоян-

наго капитала, совсѣмъ отпадаетъ, да и вспомогательный матеріалъ играетъ болѣе значительную роль только кое-гдѣ. Но въ горномъ промыслѣ другая составная часть постояннаго капитала — основной капиталъ—играетъ важную роль. И все же прогрессъ производства можетъ быть измѣряемъ относительнымъ возрастаніемъ постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ».

Противъ этаго разсужденія Маркса слѣдуетъ замѣтить, что совсѣмъ невѣрно, будто производительность труда измѣряется или выражается отношеніемъ между постояннымъ и перемѣннымъ капиталами. Въ такомъ видѣ это положеніе даже не приложимо и къ обрабатывающей промышленности, не говоря уже о добывающей. Наиболѣе общее опредѣленіе производительности труда можно формулировать такъ: производительность труда есть отношеніе между количествомъ единицъ трудовой энергіи (живого труда), затраченной на производство, и количествомъ произведенныхъ потребительныхъ цѣнностей; иначе говоря, производительность труда измѣряется количествомъ единицъ продукта, произведеннымъ единицей трудовой энергіи и именно энергіи живого труда. Правда, въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ основные матеріалы (сырье Маркса имѣютъ большое значеніе, тамъ, дѣйствительно, *въ цѣнности продукта* наблюдается нѣкоторая зависимость между цѣнностью матеріала и цѣнностью живого труда, при постоянномъ уровнѣ цѣны матеріаловъ и рабочей силы. Но Марксъ, вѣдь, говоритъ не объ отношеніи постоянной и перемѣнной части въ *цѣнности продукта*, а объ отношеніи самыхъ капиталовъ—постояннаго и перемѣннаго, а это не одно и то же. Постоянный капиталъ можетъ увеличиться, напр., вслѣдствіе замѣны старыхъ машинъ новыми, болѣе дорогими, но доля цѣнности, переносимая на каждую единицу продукта съ постояннаго капитала (машинъ и матеріаловъ), можетъ остаться прежняя (въ $^0/_0$-хъ цѣнности продукта). И обратно: доля постояннаго капитала въ цѣнности продукта можетъ понизиться или повыситься, безъ измѣненія всей суммы постояннаго капитала, если, напримѣръ, одновременно произойдетъ повышеніе или пониженіе цѣнности матеріаловъ при обратномъ движеніи въ цѣнности основныхъ капиталовъ. Въ горной же и вообще экстрагирующихъ отрасляхъ промышленности совсѣмъ не можетъ быть рѣчи о такомъ соотношеніи ни съ постояннымъ капиталомъ вообще, ни съ матеріалами въ частности, ибо, какъ признаетъ и Марксъ, матеріаловъ здѣсь нѣтъ. Сверхъ того, неправильно и здѣсь опять говорить суммарно о всемъ постоянномъ капиталѣ, тогда какъ нѣкоторое отношеніе къ производительности труда по цѣнности можетъ имѣть только оборотная часть постояннаго капитала (цѣнность матеріаловъ и пр., входящихъ въ авансированный капиталъ); основной же капиталъ здѣсь вообще не можетъ имѣть значенія; правда, онъ содѣй-

ствуетъ увеличенію производительности труда, но содѣйствуетъ не своей мѣновой цѣнностью, а цѣнностью потребительной, и потому здѣсь отношеніе производительности къ цѣнности еще менѣе выражено, чѣмъ по отношенію къ матеріаламъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Марксъ дѣлаетъ изъ разбираемаго положенія о производительности слѣдующіе выводы въ примѣненіи къ земледѣлію: «Если сложеніе капитала въ земледѣліи — собственно (подъ этимъ Марксъ разумѣетъ всегда производство главнаго пищевого средства — пшеницы) ниже средняго сложенія капитала даннаго общества, то это, prima facie, должно было бы обозначать, что въ странахъ съ развитымъ производствомъ земледѣліе развито не въ той мѣрѣ, какъ обрабатывающая промышленность». Этотъ фактъ (если не обращать вниманія на другія частныя вліянія экономическихъ условій) могъ бы быть объясненъ болѣе раннимъ и болѣе быстрымъ развитіемъ механическихъ знаній и ихъ примѣненія къ техникѣ и инымъ, болѣе медленнымъ, развитіемъ химіи, геологіи, физіологіи и пр., особенно въ приложеніи этихъ наукъ къ земледѣлію. «Во всякомъ случаѣ, однако, это есть несомнѣнный и давно извѣстный фактъ, что прогрессъ земледѣлія выражается всегда въ возрастаніи постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ. Но будетъ ли общее сложеніе земледѣльческаго капитала въ какой-нибудь странѣ съ капиталистическимъ производствомъ, скажемъ въ Англіи, ниже сложенія средняго общественнаго капитала,—это вопросъ, который могъ бы быть рѣшенъ только статистически; входить въ его детальную разработку, заключаетъ Марксъ, для нашей цѣли излишне».

Въ сущности, однако, Марксъ признаетъ болѣе низкое сложеніе земледѣльческихъ капиталовъ и говоритъ даже, что, «только допуская это предположеніе, можно объяснить теоретически, почему цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ можетъ стоять выше ихъ цѣны производства; это значитъ, что земледѣльческій капиталъ опредѣленной величины производитъ болѣе прибавочной цѣнности и, слѣдовательно, эксплуатируетъ и бо́льшую массу живого труда вообще, чѣмъ капиталъ средняго общественнаго сложенія».

Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи Марксъ принимаетъ, поэтому, указанное предположеніе, оговариваясь однако, что тамъ, гдѣ эта гипотеза не приложима, уничтожается и та форма ренты, которую онъ далѣе изслѣдуетъ и которую называетъ «абсолютной рентой». Для того, чтобы было яснѣе, откуда берется эта рента, приведемъ слѣдующій примѣръ. Предположимъ, что капиталъ средняго сложенія равенъ 80 $c + 20\ v$ и норма прибавочной цѣнности равна 100%, а потому уровень прибыли (по Марксу) будетъ 20%; въ земледѣліи же капиталъ имѣетъ составъ 60 $c + 40\ v$ при той же нормѣ прибавочной цѣнности: стало быть, произведенная

здѣсь прибавочная цѣнность составитъ 40% капитала, тогда какъ на долю прибыли должно быть отнесено только 20%. Разность между полученной въ земледѣліи суммой прибавочной цѣнности и причитающейся на капиталъ прибылью,—по уровню прибыли, опредѣляемому среднимъ сложеніемъ общественнаго капитала въ промышленности,—и составитъ ренту; въ нашемъ случаѣ это будетъ 20% отъ капитала земледѣлія. Но фактъ превышенія цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ надъ цѣною ихъ производства, продолжаетъ Марксъ, самъ по себѣ еще недостаточенъ, чтобы объяснить существованіе независимой отъ различнаго плодородія почвъ и послѣдовательнаго приложенія капиталовъ ренты,—*абсолютной ренты*. Цѣлый рядъ мануфактурныхъ продуктовъ имѣетъ высшую цѣнность, чѣмъ цѣна ихъ производства, но они не даютъ никакой прибавочной прибыли, которая могла бы превратиться въ ренту. Наоборотъ, самое понятіе о цѣнѣ производства и заключающееся въ немъ представленіе о среднемъ уровнѣ прибыли основываются на томъ, что отдѣльные товары продаются не по ихъ цѣнности. Постоянная тенденція капитала состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть средняго уровня въ раздѣлѣ прибавочной цѣнности, произведенной всѣми капиталами, и потому онъ терпитъ только такой видъ избыточной прибыли. который проистекаетъ, при всѣхъ обстоятельствахъ, не изъ различныхъ цѣнностей и цѣнъ производства товаровъ, а только изъ разности между всеобщей средней цѣною производства, регулирующей рыночную цѣну товара, и индивидуальною цѣною производства; прибавочныя прибыли этаго рода являются, слѣдовательно, не между разнородными отраслями, а только въ предѣлахъ одной и той же отрасли, и не касаются общихъ цѣнъ производства, а, стало быть, и общаго уровня прибыли; наоборотъ, онѣ предполагаютъ даннымъ общій уровень прибыли и превращеніе цѣнностей въ цѣны производства. Это же предположеніе основывается на постоянномъ измѣненіи пропорціональнаго распредѣленія общественнаго капитала между различными отраслями производства, на постоянномъ приливѣ и отливѣ капиталовъ. ихъ переносимости изъ одной сферы въ другую, короче, на свободѣ ихъ движенія между различными сферами отраслей производства. При этомъ, слѣдовательно, предполагается, что не можетъ, или можетъ существовать только временно, преграда, которая могла бы воспрепятствовать конкуренціи понизить продуктъ до цѣны производства въ той производственной отрасли, гдѣ эта цѣнность стоитъ выше цѣны производства или гдѣ произведенная прибавочная цѣнность больше средней прибыли. и, такимъ образомъ, распредѣлить избытокъ прибавочной цѣнности этой сферы производства пропорціонально между капиталами всѣхъ эксплуатируемыхъ капиталистическимъ способомъ отраслей. Но когда капиталъ встрѣчаетъ постороннюю силу, которую онъ только отчасти можетъ или совсѣмъ не

можетъ осилить, и которая ограничиваетъ приложеніе его въ извѣстной отрасли, допуская это приложеніе только подъ такими условіями, которыя исключаютъ вполнѣ или отчасти возможность уравненія прибавочной цѣнности съ среднею прибылью,—то въ такой сферѣ, очевидно, произойдетъ избыточная прибыль, вслѣдствіе превышенія цѣнности товара надъ цѣнностью производства, и эта избыточная прибыль можетъ превратиться въ ренту и, такимъ образомъ, отдѣлиться отъ прибыли и принять самостоятельную форму. Такой посторонней силой, при приложеніи капитала къ земледѣлію, является право собственности на землю.

По поводу этаго мѣста, представляющаго почти буквальную передачу разсужденія Маркса (стр. 293—95), необходимо замѣтить, что утвержденіе, будто переходъ капиталовъ изъ одной сферы производства въ другую приводитъ къ низведенію цѣнности товара къ цѣнѣ производства, не можетъ быть принято: измѣненіе цѣнности товара можетъ быть вызвано только измѣненіемъ техники производства, а не фактомъ перехода капиталовъ изъ одной сферы въ другую; вліяніе такого перехода можетъ состоять только въ томъ, что конкуренція, доставляя на рынокъ товара больше того, сколько его можетъ быть потреблено, заставляетъ капиталистовъ понижать цѣны ниже цѣнностей товаровъ. Иного значенія этотъ переходъ капиталовъ имѣть не можетъ, и, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, это не объясняетъ, какимъ образомъ прибавочная цѣнность, произведенная въ данной отрасли, поступитъ въ общій раздѣлъ между капиталистами.

Въ разбираемомъ случаѣ, по Марксу, земельная собственность является такимъ же барьеромъ для приложенія капитала, какимъ она служитъ, когда обращается въ обработку земля, которая столь мало производительна, что безъ вмѣшательства землевладѣльца она не приносила бы ренты. Но такъ какъ цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ (по предположенію) выше ихъ цѣны производства, то эта рента можетъ включать весь избытокъ цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ надъ цѣною ихъ производства или только часть этаго избытка, въ зависимости отъ отношенія между предложеніемъ и спросомъ и размѣра вновь поступающей въ обработку площади. Пока рента не равна всей суммѣ этаго избытка, до тѣхъ поръ часть прибавочной цѣнности, произведенной въ земледѣліи, будетъ входить въ ту сумму прибавочной цѣнности, пропорціональный раздѣлъ которой между капиталами различныхъ отраслей даетъ средній уровень прибыли. Во всякомъ случаѣ, обратится ли въ ренту вся сумма или только часть указаннаго избытка прибавочной цѣнности,—земледѣльческіе продукты будутъ продаваться все же по монопольной цѣнѣ,—не потому, что они продаются выше своей цѣнности, а потому, что цѣна ихъ выше цѣны производства. Монополія состоитъ именно въ томъ, что

цѣна ихъ, въ противоположность тѣмъ продуктамъ индустріи, которыхъ цѣнность также выше ихъ цѣнъ производства, не уравнивается до цѣны производства. Но при этомъ все же цѣны земледѣльческихъ продуктовъ могутъ стоять хотя выше цѣнъ производства, но ниже ихъ цѣнностей. Отсюда слѣдуетъ, что только вслѣдствіе монополіи землевладѣльца разность между цѣнностью и цѣною производства земледѣльческихъ продуктовъ можетъ сдѣлаться опредѣляющимъ моментомъ ихъ рыночной цѣны. Отсюда слѣдуетъ, наконецъ, что въ этомъ случаѣ не вздорожаніе продукта является причиной ренты, а, наоборотъ, рента является причиной вздорожанія продукта... Но хотя землевладѣлецъ можетъ поднимать цѣну земледѣльческихъ продуктовъ выше ихъ цѣны производства, однако, только общее положеніе рынка опредѣляетъ, насколько рыночная цѣна превосходитъ цѣну производства и приближается къ цѣнности продукта, иначе — насколько избытокъ прибавочной цѣнности, произведенный въ земледѣліи, отходитъ въ ренту, и насколько онъ войдетъ въ сумму прибавочной цѣнности, опредѣляющую средній уровень прибыли.

Совершенно подобно дифференціальной рентѣ, и эта абсолютная рента происходитъ путемъ превращенія избыточной прибыли въ ренту при всеобщей регулирующей цѣнѣ производства. Эти формы ренты, дифференціальная и абсолютная, суть единственно нормальныя. Помимо ихъ, рента могла бы происходить только изъ настоящей монопольной цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, т. е. цѣны, которая не опредѣляется ни цѣною производства, ни цѣнностью продукта, а только потребностью и платежной способностью покупателя.

Основываясь на разсужденіяхъ Адама Смита, Марксъ утверждаетъ, что рента съ участковъ земли, занятыхъ не главнымъ хлѣбомъ, а другими культурами, регулируется по рентѣ съ такой же почвы при условіи воздѣлыванія на ней главнаго хлѣба. Поскольку рента представляетъ просто результатъ монопольной цѣны или абсолютную ренту, она можетъ быть только мала. «Сущность абсолютной ренты состоитъ, поэтому, въ слѣдующемъ: одинаковой величины капиталы производятъ при одинаковой нормѣ прибавочной цѣнности въ различныхъ отрасляхъ производства неодинаковыя массы прибавочной цѣнности, въ зависимости отъ разности въ сложеніи этихъ капиталовъ. Въ индустріи эти различныя массы прибавочной цѣнности выравниваются въ средній уровень прибыли. Но если для производства требуется земля, какъ для земледѣлія или добывающей промышленности, то земельная собственность препятствуетъ такому выравненію и славливаетъ часть прибавочной цѣнности, которая въ противномъ случаѣ вошла бы въ общую массу прибавочной цѣнности для опредѣленія средняго уровня прибыли. Рента представляетъ тогда часть прибавочной цѣнности товара, которая только, вмѣсто того, чтобы посту-

пить въ пользу капиталиста, извлекшаго ее изъ рабочаго, поступаетъ землевладѣльцу. При этомъ предполагается, что земледѣльческій капиталъ приводитъ въ движеніе больше работы, чѣмъ такой же величины неземледѣльческій. Какъ велико это отклоненіе въ сложеніи земледѣльческаго капитала, или существуетъ ли оно вообще, зависитъ отъ относительнаго развитія земледѣлія сравнительно съ индустріей. По природѣ вещей съ прогрессомъ земледѣлія эта разница должна уменьшаться, если только въ индустріи перемѣнный капиталъ не будетъ уменьшаться сравнительно съ постояннымъ въ еще болѣе сильной пропорціи, чѣмъ будетъ совершаться соотвѣтствующее уменьшеніе въ земледѣліи. Эта абсолютная рента играетъ еще бо̀льшую роль въ экстрагирующей индустріи, гдѣ одинъ элементъ постояннаго капитала—сырье—совсѣмъ отпадаетъ, и гдѣ,—за исключеніемъ отраслей, въ которыхъ основной капиталъ въ видѣ машинъ и т. п. очень великъ,—господствуетъ наиболѣе низкое сложеніе капиталовъ. Но именно здѣсь, гдѣ рента, повидимому, проистекаетъ исключительно изъ монопольной цѣны, нужны особо благопріятныя рыночныя условія, чтобы товаръ продавался по своей цѣнности, — т. е. чтобы рента была равна всей разности между суммой прибавочной цѣнности, входящей въ цѣнность товара, и его цѣною производства. Таково, напримѣръ, положеніе при рентѣ съ рыбныхъ водъ, каменоломень, дико произрастающаго лѣса». Марксъ прибавляетъ, что Рикардо отнесся поверхностно къ вопросу о рентѣ съ рудниковъ и вообще въ экстрагирующей промышленности.

Говоря о томъ, что усиленное приложеніе капитала на той же площади повышаетъ ренту съ единицы площади, Марксъ замѣчаетъ, что это составляетъ заслугу Родбертуса, что онъ указалъ на этотъ пунктъ. Но Родбертусъ ошибается, прибавляетъ Марксъ, предполагая, что ростъ прибыли на капиталъ выражаетъ и ростъ капитала, такъ что отношеніе прибыли къ капиталу, при возрастающей массѣ прибыли, остается прежнимъ. Это невѣрно, такъ какъ при измѣненіи сложенія капитала, не смотря на одинаковую степень эксплуатаціи работы, уровень прибыли можетъ возрасти, именно потому, что относительная цѣнность постояннаго капитала, сравнительно съ перемѣннымъ, падаетъ. Онъ ошибается также, принимая, что классическая экономія, говоря о паденіи или возрастаніи ренты, имѣла въ виду это отношеніе ренты къ извѣстной поверхности (акру).—Это опять ложно. Она, классическая экономія, постоянно трактуетъ о нормѣ ренты,—или по отношенію къ продукту, если имѣетъ въ виду изслѣдованіе ренты въ ея натуральномъ видѣ, — или по отношенію къ вложенному капиталу,—поскольку имѣетъ въ виду денежную ренту, и это, дѣйствительно, раціональныя выраженія. Марксъ находитъ, что отношеніе части прибавочной цѣнности, ренты, къ пространству

почвы есть «выраженіе безсмысленное (abgeschmackt) и нераціональное... это выраженіе равнозначуще тому, какъ если бы стали говорить объ отношеніи билета въ пять фунтовъ стерлинговъ къ поперечнику земного шара».

Въ заключеніе этой главы Марксъ указываетъ, что по отношенію къ выгодамъ или невыгодамъ приложенія капитала въ земледѣліи высказывались совершенно неправильныя сужденія. Такъ, одну изъ невыгодъ земледѣлія видятъ въ томъ, что «не всякое количество капитала можетъ быть приложено къ ограниченному пространству почвы»; другими словами, что интенсивность земледѣлія не можетъ быть повышаема безгранично. «Если въ этомъ,—замѣчаетъ Марксъ,—хотятъ усмотрѣть невыгоду земледѣлія, то, на самомъ дѣлѣ, какъ разъ обратное заключеніе будетъ справедливо». Въ земледѣліи послѣдовательныя доли капитала могутъ быть прилагаемы производительно, потому что здѣсь сама земля дѣйствуетъ, какъ инструментъ производства, что̀ при фабричномъ производствѣ,—гдѣ земля составляетъ только пространственный операціонный базисъ,—не имѣетъ мѣста. Можно, конечно, и въ фабричной промышленности сконцентрировать предпріятіе на сравнительно маломъ пространствѣ (сравни фабрику съ ремесломъ). Но при данномъ развитіи производительности всегда нужно опредѣленное пространство, и даже постройка въ вышину имѣетъ свои границы, за которыми явится потребность расширить территорію. Основной капиталъ въ машинахъ и т. п. не улучшается вслѣдствіе употребленія, а наоборотъ, изнашивается. Конечно, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ изобрѣтеній, могутъ быть введены здѣсь нѣкоторыя улучшенія; но, при данной производительности, машины могутъ только ухудшаться. Земля же, при правильной эксплуатаціи, постоянно улучшается. То преимущество земли, что здѣсь послѣдующія приложенія капитала могутъ приносить выгоду безъ потери ранѣе приложенныхъ долей капитала, включаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность разности въ производительности этихъ послѣдовательно прилагаемыхъ капиталовъ».

§ 7. Мы привели довольно подробное изложеніе сказаннаго Марксомъ о рентѣ, имѣя въ виду, что его взгляды представляютъ особый интересъ, такъ какъ отъ него мы въ правѣ были ожидать разрѣшенія вопроса о рентѣ въ духѣ его теоріи цѣнности. Какъ видимъ теперь, Марксъ призналъ въ сущности теорію ренты Рикардо, такъ какъ и онъ считаетъ главнымъ источникомъ ренты, съ одной стороны, различное плодородіе почвъ, съ другой—различную производительность прилагаемыхъ къ землѣ капиталовъ. Но, рядомъ съ этимъ, онъ призналъ и еще одинъ,—только возможный, по его мнѣнію,—источникъ ренты, именно—низкое сложеніе земледѣльческихъ капиталовъ. Какъ увидимъ сейчасъ, этотъ источникъ

былъ указанъ, хотя недостаточно ясно, Родбертусомъ, который построилъ свою теорію ренты, опубликованную еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, именно исходя изъ этаго источника. Но объ этомъ ниже. Въ виду общности основъ теоріи,—что касается дифференціальной ренты,—у Рикардо и Маркса,мы будемъ разбирать обѣ теоріи вмѣстѣ.

Выше мы привели нѣкоторыя возраженія Кэри и Родбертуса противъ теоріи Рикардо и затѣмъ видѣли, что и Марксъ признаетъ вѣрность этихъ возраженій, вполнѣ соглашаясь съ Родбертусомъ въ томъ, что касается производительности послѣдовательно прилагаемыхъ капиталовъ, и признавая условно вѣрнымъ то, что̀ сказано этимъ авторомъ относительно послѣдовательности занятія почвъ въ историческомъ ходѣ заселенія странъ.

Чтобы идти послѣдовательно въ своемъ разборѣ изложенныхъ ученій, мы должны начать съ выясненія того значенія, которое имѣютъ для образованія ренты внутреннія свойства почвы, — то, что̀ наши авторы называютъ «богатствомъ» или «плодородіемъ» почвы.

Слѣдуетъ замѣтить, что какъ Рикардо, такъ и Родбертусъ, а отчасти и Марксъ, смѣшиваютъ понятія «богатство» и «плодородіе» почвы, которыя, однако, далеко не тождественны. Земля можетъ быть неплодородною, но богатою, равно какъ плодородною и въ то же время небогатой. *Богатство почвы составляетъ все то количество питательныхъ для растенія веществъ, которое въ ней находится; плодородіе же,—что касается вещества почвы,—выражается тѣмъ количествомъ питательныхъ для растеній веществъ, которое почва передаетъ непосредственно, сейчасъ же растеніямъ.* Плодородная почва въ физическомъ отношеніи лучше подготовлена и скорѣе переводитъ питательныя вещества изъ неудобоусвояемыхъ въ удобоусвояемыя растеніемъ. Но почва можетъ быть богата, не обладая способностью быстро переводить питательныя вещества въ удобоусвояемое для растеній состояніе. Такъ, напримѣръ, глинистая почва можетъ быть весьма богата, но,—благодаря значительному содержанію въ ней весьма мелкихъ частицъ, мелкозема,—она весьма плотна, дурно пропускаетъ воздухъ и влагу, и потому питательныя вещества въ ней находятся въ неудобоусвояемой формѣ. Такая почва дѣлается плодородной только послѣ тщательнаго измѣненія физическихъ ея свойствъ, которое достигается обработкой или примѣненіемъ извѣстныхъ удобреній и вообще приложеніемъ капитала.

Изъ этихъ опредѣленій слѣдуетъ прежде всего, что *богатство почвы есть* дѣйствительно *первоначальное, природное*, имманентное *свойство почвы; плодородіе же есть временное состояніе (не свойство) почвы*, которое часто можетъ быть создано, или даже всегда должно быть создано, тѣми мѣропріятіями, которыя примѣняетъ земледѣлецъ для эксплуатаціи почвы.

т. е. тѣмъ, что̀ мы разумѣемъ подъ именемъ земледѣльческой техники. Но, кромѣ того, *богатство есть абсолютное, безотносительное свойство почвы; плодородіе же—относительное*, ибо почва не можетъ быть плодородна вообще, а только по отношенію къ одному растенію или группѣ растеній. Потому плодородіе, какъ выраженіе отношенія почвы къ растеніямъ, на ней культивируемымъ, находится въ зависимости и отъ климата страны, и отъ свойствъ самаго растенія, по меньшей мѣрѣ, въ той же степени, какъ отъ богатства или другихъ свойствъ почвы.

Послѣ такого выясненія различія терминовъ нѣкоторыя возраженія Кэри и Родбертуса противъ Рикардо теряютъ силу. Именно, что касается поселенцевъ новыхъ странъ, то они, дѣйствительно, занимали сначала земли, можетъ быть, болѣе плодородныя при условіи той техники, которую они могли прилагать; но въ то же время, по сравненію съ тѣми землями, которыя они оставляли необработанными, занятыя ими почвы были менѣе богаты, или даже вообще это были небогатыя почвы, потому что это были земли относительно легкія, песчаныя. При томъ уровнѣ, который можетъ имѣть техника у поселенцевъ новыхъ странъ,—не только въ болѣе давнія времена, но и теперь еще,—только такія легкія почвы и могли быть плодородны. Но эти почвы въ то же время и быстрѣе бѣднѣютъ, истощаются. Низинныя, мелкоземныя почвы болѣе богаты, но требуютъ для своей обработки болѣе сильныхъ орудій и больше труда, т. е., иначе, высшей интенсивности земледѣлія, бо̀льшаго капитала на единицу площади. Изъ этаго слѣдуетъ, что, съ одной стороны, Рикардо правъ, говоря, что сначала занимались земли болѣе плодородныя; но, съ другой стороны, остается вѣрнымъ и положеніе Кэри, что при улучшеніи техники поступаютъ въ обработку болѣе богатыя почвы, и онѣ затѣмъ,—должны мы добавить,—становятся болѣе плодородными, хотя ранѣе не были таковыми.

Принимая указанныя объясненія терминовъ «плодородіе» и «богатство», мы вмѣстѣ съ тѣмъ устранимъ положеніе Рикардо относительно пониженія доходности послѣдующихъ приложеній капитала. Въ извѣстныхъ случаяхъ это правило должно быть обратнымъ; такъ, можно выставить положеніе, что *тяжелыя почвы при малыхъ затратахъ мало производительны, но зато при приложеніи бо̀льшаго капитала становятся весьма производительны*, обыкновенно даже болѣе производительны, чѣмъ легкія, которыя, къ тому же, быстрѣе истощаются. Но, затѣмъ, говорить о плодородіи почвы вообще, не принимая во вниманіе климата, а также рода воздѣлываемаго растенія, совершенно неправильно. Такъ, вологодскіе или двинскіе суглинки не годятся для пшеницы, но даютъ прекрасный ленъ; черноземъ оказывается наиболѣе пшеничной почвой. Саксонскіе лёссы болѣе плодородны, чѣмъ наши черноземы, относительно сахарной

свеклы и даютъ урожай до 2000 пуд., тогда какъ русскій черноземъ не болѣе 1000—1200 пуд.; относительно же картофеля черноземъ, вѣроятно, при тщательной нѣмецкой техникѣ, оказался бы во многихъ случаяхъ лучше саксонскихъ лёссовъ, при чемъ, конечно, въ указанныхъ фактахъ проявляется вліяніе не только почвы, но и климата. Наоборотъ, богатство почвы имѣетъ здѣсь очень малое значеніе, и еще вопросъ, которая изъ названныхъ выше трехъ типовъ почвъ окажется наиболѣе богатой. Но, *разъ нужно принять во вниманіе—почву, климатъ и самое растеніе, чтобы сдѣлать выводъ о плодородіи почвы, да и то этотъ выводъ можетъ быть сдѣланъ только по отношенію къ данному растенію или группѣ растеній, то уже этимъ устраняется возможность заключать о стоимости продукта вообще на разныхъ почвахъ, или говорить объ увеличеніи стоимости производства съ увеличеніемъ приложенія капитала.* Конечно, при всякомъ уровнѣ техники существуетъ предѣлъ, за которымъ увеличеніе приложенія капитала (увеличеніе интенсивности) становится невыгоднымъ. Но предѣлъ этотъ зависитъ отъ многихъ условій—и отъ высоты техники, и отъ качества почвы, и отъ производимаго продукта. Такимъ образомъ, законъ приложенія капитала къ землѣ оказывается сложнѣе, чѣмъ полагалъ Рикардо и принимаетъ Марксъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что по мѣрѣ развитія производства для рынка, а слѣдовательно, и улучшенія транспортныхъ условій, каждая область все болѣе спеціализируется въ производствѣ того или другого рода продуктовъ. Это прямо вынуждается условіями техники транспорта и характеризуетъ то, что въ земледѣліи называется раціональностью. Поэтому является просто несообразностью (которую дѣлаетъ между прочимъ и Марксъ) заключать о производительности почвы или, что то же, о величинѣ ренты съ нея, по урожаямъ одного растенія, хотя бы составляющаго главный пищевой матеріалъ, какъ, напримѣръ, пшеница—для Англіи. Это для современной Англіи значитъ—опредѣлять ренту бо́льшей части земель, занятыхъ кормовыми культурами, по рентѣ съ меньшей части полей—пшеничныхъ. При условіи производства на почвахъ всевозможныхъ сортовъ и при данномъ географическомъ положеніи (слѣдовательно, и климатѣ) разнообразныхъ, но каждый разъ наиболѣе соотвѣтствующихъ даннымъ условіямъ продуктовъ, качественное сравненіе или вообще сравненіе производительности почвъ настолько затрудняется, что, можно сказать, дѣлается прямо невозможнымъ. Конечно, среди почвъ, производящихъ одинъ какой-нибудь или однородные продукты, также можетъ оказаться различіе въ производительности; но при этомъ слѣдуетъ помнить, что, по справедливому замѣчанію Маркса, рѣчь здѣсь идетъ не о томъ, сколько единицъ продукта даетъ единица площади данной почвы (что́ называется производительностью почвы), а о томъ, каковы результаты примѣненія капитала на

данной почвѣ или, иначе, сколько единицъ продукта получается на каждую единицу приложеннаго къ почвѣ капитала. А если это такъ, то значитъ, приложивъ, скажемъ, 50 рубл. капитала на двухъ десятинахъ худшей почвы и получивъ при этомъ съ каждой изъ нихъ продуктъ, вдвое меньшій, чѣмъ съ одной десятины лучшей почвы, на которой приложенъ тотъ же капиталъ въ 50 руб., мы будемъ имѣть въ обоихъ случаяхъ одинаковую производительность капитала. Значитъ, и здѣсь качества почвы могутъ замѣщаться количествомъ ея. И если Марксъ справедливо упрекаетъ Родбертуса, то и самъ онъ совершенно упускаетъ изъ виду это обстоятельство, такъ какъ, очевидно, при этомъ условіи различныя качества почвъ совершенно теряютъ значеніе для объясненія происхожденія и возможности происхожденія ренты. Вопросъ при этомъ, какъ указывалъ и Родбертусъ, сводится къ тому, чтобы доказать, что при различной степени интенсивности хозяйства, т. е. при различной величинѣ капитала на акръ, цѣнность и стоимость продукта могутъ быть одинаковы. Между тѣмъ Марксъ, какъ мы видѣли, находитъ совершенно безсмысленнымъ самое вычисленіе ренты на акръ. При этомъ онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что такое вычисленіе вытекаетъ между прочимъ изъ той поправки, которую онъ вноситъ въ первое, цитируемое имъ, положеніе Рикардо относительно ренты, именно, что равные капиталы должны прилагаться на равныхъ пространствахъ. Это требованіе, впрочемъ, стоитъ въ противорѣчіи съ вышеприведеннымъ упрекомъ по адресу Родбертуса, гдѣ требуется какъ разъ обратное: относить ренту къ величинѣ капитала, а не къ пространству.

Словомъ, если вышеизложенныя соображенія о значеніи качествъ почвы имѣютъ основаніе, то нельзя говорить о возможности происхожденія ренты изъ разности въ качествахъ почвы. Но, кромѣ того, Родбертусъ правъ, говоря, что для теоріи ренты Рикардо важнѣйшее положеніе составляетъ различная производительность земледѣльческихъ капиталовъ. Поэтому мы должны изслѣдовать, какое значеніе приложеніе капитала можетъ имѣть для образованія ренты.

§ 8. Прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, что, говоря о производительности земледѣльческихъ капиталовъ, обыкновенно не различаютъ основного капитала отъ оборотнаго. Такъ поступалъ Рикардо въ своемъ изслѣдованіи. И совершенно подобнымъ же образомъ Марксъ игнорируетъ различіе между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ и въ той части своего труда, которая посвящена обоснованію ренты II рода. Это обстоятельство отнимаетъ бо̀льшую часть значенія у всѣхъ его разсчетовъ. Важность указаннаго различенія видовъ капитала выяснится намъ изъ слѣдующаго примѣра. Положимъ, что на десятину затрачено 50 руб. въ видѣ основного капитала всякаго рода, изнашиваніе котораго

составляетъ 10% въ годъ. На матеріалы, т. е. сѣмена, удобренія и прочее, затрачено 10 руб.; на наемъ рабочихъ (перемѣнный капиталъ) также 10 руб. Такимъ образомъ авансированный капиталъ на десятину будетъ 25 руб. (5 руб. погашенія + 10 р. матеріалы + 10 р. перемѣнный капиталъ). Предположимъ далѣе, что уровень прибыли $\left(\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансированный капиталъ}}\right)$ равенъ 40%, или, что̀ то же, норма прибавочной цѣнности составляетъ 100%, а нормальный въ данной странѣ % отъ предпріятія $\left(\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{веськапит. предпріятія}}\right)$, или уровень прибыли Маркса, равенъ 10%. Если съ этой десятины получится 5 четвертей хлѣба, то, при вышеуказанныхъ условіяхъ, цѣна ихъ производства будетъ равна: 25 руб. (издержки производства) + 10 руб. прибыли, такъ какъ уровень прибыли по условію 40% на авансированный капиталъ; отсюда цѣна производства одной четверти будетъ равна 35 : 5 = 7 руб.; при этомъ въ нашемъ случаѣ процентъ предпріятія будетъ $\frac{10}{70} = 14^2/_7$ %, т. е. выше нормальнаго на $4^2/_7$ %, и слѣдовательно, по Марксу, здѣсь должна образоваться рента въ 3 руб. ($4^2/_7$ % отъ 70 = 3). Если теперь мы будемъ вкладывать новый капиталъ, то, въ зависимости оттого, вложимъ ли мы его въ видѣ оборотнаго или основного, результаты получатся совершенно различные. Такъ, если приложить капиталъ въ видѣ удобреній, т. е. въ видѣ оборотнаго капитала, скажемъ, равный 5 руб., и это дастъ возможность получить съ десятины еще одну четверть хлѣба также цѣной въ 7 руб., то сумма всего дохода съ десятины достигнетъ 12 руб., что̀ и дастъ уровень прибыли въ 40%, такъ какъ авансированный капиталъ теперь 30 руб. Процентъ отъ предпріятія равенъ 12 : 75 = 16%, что̀ дастъ возможность, по Марксу, получить ренту въ 4 руб. 50 коп.

Пусть теперь повышеніе производительности на одну четверть хлѣба произойдетъ отъ приложенія основного капитала (въ видѣ машинъ и т. п.) въ такомъ размѣрѣ, что стоимость производства остается прежняя. Полагая, какъ и раньше, погашеніе въ 10%, основной капиталъ долженъ возрасти на сумму въ 50 руб.; тогда, продавая продуктъ по 7 р. четверть, мы также получимъ 12 р. прибыли, и уровень прибыли будетъ, какъ прежде, 40%, но норма процента отъ предпріятія будетъ 12 : 120 = 10%, т. е. при данныхъ условіяхъ только что покроется нормальная прибыль Маркса, и рента уничтожится. Этотъ примѣръ наглядно показываетъ, что, примѣняя теорію прибыли Маркса, нельзя было игнорировать значеніе различія между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ для образованія ренты. Эта несообразность сліянія основного и оборотнаго капитала обнаружится еще яснѣе, если мы измѣнимъ вышеприведенный

примѣръ такимъ образомъ. Допустимъ, что нормальный процентъ отъ предпріятія равенъ 16%, всѣ же остальныя условія—прежнія, т. е. основной капиталъ въ 100 руб., при погашеніи въ 10% и оборотномъ капиталѣ въ 20 руб., даетъ 6 четвертей, по 7 руб. за четверть; если получаемую при этомъ сумму 12 руб. прибыли отнести къ авансированному капиталу (30 руб.), то это будетъ 40%, т. е. прибыль будетъ, согласно условію, нормальна; ко всему же капиталу (120 руб.) это дастъ только 10%, значитъ много менѣе нормальнаго. Казалось бы, что эта почва совсѣмъ не можетъ быть обработываема; въ дѣйствительности, однако, для того, чтобы приблизить доходъ къ нормальному проценту предпріятія, должно повысить интенсивность земледѣлія. Допустимъ, что это возможно путемъ примѣненія оборотнаго капитала, въ видѣ удобренія, напримѣръ, при чемъ каждые новые 5 руб. дадутъ повышеніе урожая на 1 четверть или 2 руб. валовой прибыли. Тогда послѣ прибавки первыхъ 5 руб. авансированный капиталъ будетъ 35 руб., а весь капиталъ 125 руб., или уровень прибыли $\frac{14}{35} = 40\%$, какъ прежде, но процентъ предпріятія $\frac{14}{125} = 11\frac{1}{5}\%$. Изъ способа вычисленія ясно, что уровень прибыли при всѣхъ дальнѣйшихъ прибавкахъ будетъ оставаться нормальнымъ, а процентъ предпріятія будетъ повышаться и достигнетъ послѣ прибавленія 6-го $\frac{24}{150} = 16\%$, т. е. сдѣлается нормальнымъ. При этомъ продуктъ достигаетъ 12 четвертей съ десятины, цѣнностью въ 84 руб., при стоимости производства (84—24) въ 60 рублей и нормальномъ уровнѣ прибыли въ 40% ($\frac{24}{60}$—40%).

Можно, пожалуй, сказать, что приведенные нами примѣры не опровергаютъ положеній Маркса, а, наоборотъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ тому положенію его, по которому прибавочный капиталъ до тѣхъ поръ повышаетъ ренту, пока цѣна производства произведеннаго при его помощи прибавочнаго продукта не выше цѣны производства, опредѣляющей рыночную цѣну. Дѣйствительно, когда мы прикладываемъ 50 р. основного капитала, то цѣна производства прибавочной четверти хлѣба будетъ: 5 рубл. на погашеніе капитала + 5 рубл. какъ процентъ на капиталъ, всего 10 р.; продажная же цѣна, или опредѣляющая цѣна производства—7 р., и, слѣдовательно, рента (3 р.) и должна уничтожиться. Это совершенно вѣрно. Но только результатъ здѣсь зависитъ не отъ величины капитала,—какъ выходитъ у Маркса,—а отъ формы приложенія капитала и отъ величины стоимости производства (авансированнаго капитала), которую Марксъ совершенно игнорируетъ. Въ данномъ случаѣ значительная стоимость производства является слѣдствіемъ начисленія на погашеніе 10%; стоитъ только предположить, что капиталъ погашается

въ 50 лѣтъ, а не въ десять, и тогда окажется, что стоимость производства равна 1 р. на погашеніе капитала, а цѣна производства = 1 р. на погашеніе + 5 р. какъ процентъ на капиталъ.—всего 6 р., а потому, при продажной цѣнѣ въ 7 р., останется еще 1 р. на увеличеніе ренты. Вліяніе же формы приложенія капитала ясно уже изъ сказаннаго: оборотный капиталъ войдетъ цѣликомъ въ авансированный и, слѣдовательно, обнаружитъ свое вліяніе на стоимость производства непосредственно, почему сужденіе о его производительности проще и не встрѣчаетъ затрудненій.

Но можно себѣ представить и такой случай, когда придаточные капиталы не будутъ давать нормальной прибыли $\left(\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансированный капиталъ}}\right)$, но приложеніе ихъ будетъ вынуждено значительной величиной основного капитала. Такъ, предположимъ, напримѣръ, въ нашемъ случаѣ, что процентъ предпріятія равенъ 12%, и что первая прибавочная четверть производится прибавленіемъ оборотнаго капитала въ 5 рубл.; вторая затратой въ той же формѣ 5 руб. 50 коп., третья — 5 р. 75 к., 4-я — 6 рубл., 5-я—6 рубл. 25 к. Тогда, послѣ перваго прибавленія, мы получимъ уровень прибыли = 14 : 35 = 40 %, а процентъ предпріятія = 14 : 125 = 11, 2%; при затратѣ 2-го капитала уровень прибыли = 15,50 : 40,50 = 38,3%, а % предпріятія = 15,30 : 130,50 = 11, 8%; послѣ 3-го прибавленія уровень прибыли = 16,75 : 46,25 = 36,2%, а % предпринимателя 16,75 : 136,25 = 12,3%; а чтобы эта величина была равна 12%, сумма прибыли здѣсь должна равняться 16,35 руб. Такимъ образомъ, здѣсь уже получается рента въ 45 коп. Итакъ, повышеніе интенсивности въ данномъ случаѣ вызывается стремленіемъ покрыть нормальный процентъ предпріятія. Приведенное разсужденіе вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что совсѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать къ условіямъ различной производительности капиталовъ и различной производительности почвъ, чтобы объяснить происхожденіе ренты. Достаточно, чтобы существовалъ опредѣленный уровень прибыли, или опредѣленный процентъ предпріятія, чтобы возможно было происхожденіе ренты путемъ прямо интенсивированія производства приложеніемъ капитала, главнымъ образомъ въ видѣ оборотнаго. А такъ какъ и Марксъ признаетъ, что уровень прибыли (въ его смыслѣ) устанавливается не тѣми прибылями, какія получаются въ земледѣльческомъ производствѣ, то, слѣдовательно, всѣ разсужденія о вліяніи различной производительности почвъ и различной производительности капиталовъ дѣлаются совершенно излишними.

Послѣдній изъ приведенныхъ примѣровъ уясняетъ намъ также, какимъ образомъ землевладѣльцы вынуждаютъ фермеровъ къ повышенію интенсивности земледѣлія (приложенію бо̀льшаго капитала на единицу

площади). Это именно есть путь затраты со стороны землевладѣльца капитала въ формѣ основного (на меліорацію, въ родѣ дренажа и т. п.), съ обязательствомъ для фермера уплачивать процентъ и погашеніе на этотъ капиталъ.

§ 9. Кромѣ указанной ошибки Маркса по отношенію къ приложенію капиталовъ къ землѣ, мы считаемъ ошибочнымъ и его утвержденіе, что лучшія почвы съ повышеніемъ интенсивности въ большей мѣрѣ повышаютъ урожай, чѣмъ почвы худшія. Это положеніе непріемлемо уже потому, что оно противорѣчитъ закону понижающейся производительности послѣдующихъ приложеній капитала къ землѣ. Правда, мы должны признать, что этому закону придавалось слишкомъ абсолютное значеніе, и вполнѣ согласны, что случаи, когда новое приложеніе капитала даетъ даже большій эффектъ, чѣмъ прежнее,—такіе случаи далеко не составляютъ исключенія. Но, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что повышеніе производительности земли не можетъ быть безгранично, такъ какъ эта производительность находится въ зависимости отъ количества падающей на данную территорію солнечной энергіи: въ сущности физіологія растеній несомнѣнно права, утверждая, что ростъ растенія есть не что иное, какъ превращеніе дѣятельной (кинетической) энергіи лучей солнца въ потенціальную (скрытую) энергію растительнаго тѣла. Такъ какъ на данную площадь можетъ упасть только опредѣленное (въ зависимости отъ географическаго и топографическаго положенія) количество солнечной энергіи, то, значитъ, и усвоено растеніемъ можетъ быть не больше такого количества, а обыкновенно значительно меньше. Но, затѣмъ: каждое новое приложеніе капитала къ землѣ измѣняетъ обыкновенно, въ благопріятномъ для растительныхъ процессовъ смыслѣ, только одинъ или немногіе изъ дѣйствующихъ факторовъ (отношеніе почвы къ влагѣ или воздуху, содержаніе того или другого питательнаго для растеній вещества и т. п.); потому естественно, что, по мѣрѣ приближенія къ тому крайнему предѣлу производительности почвы, который опредѣляется количествомъ падающей на территорію солнечной энергіи, или, точнѣе, тѣмъ количествомъ этой энергіи, какое данное растеніе вообще способно усвоить,—по мѣрѣ приближенія къ этому предѣлу каждое новое мѣропріятіе можетъ содѣйствовать повышенію урожая только въ убывающей степени.

Конечно, тотъ или другой результатъ даннаго мѣропріятія зависитъ не отъ цѣнности капитала, котораго потребовало его приложеніе, а отъ цѣлесообразности самаго мѣропріятія, слѣдовательно отъ совершенства техники. Тѣмъ не менѣе, мы въ правѣ ожидать, что при какой бы то ни было высотѣ техники, въ концѣ концовъ получится такой ничтожный результатъ, который сдѣлаетъ приложенный капиталъ менѣе

производительнымъ, чѣмъ предшествующія приложенія. И такой результатъ получится тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе однообразна техника съ одной стороны, и чѣмъ болѣе однородны требованія культивируемыхъ растеній—съ другой. Въ случаѣ же Маркса, который беретъ для опредѣленія ренты одно растеніе—пшеницу, этотъ результатъ долженъ быть достигнутъ и того быстрѣе. Такимъ образомъ, если, говоря вообще, Марксъ правъ, принимая, что послѣдующее приложеніе капитала къ землѣ можетъ дать въ извѣстныхъ случаяхъ и большій эффектъ, чѣмъ предшествующее, то это правило менѣе всего приложимо именно къ тому случаю, который онъ имѣетъ въ виду, т. е. къ культурѣ пшеницы.

Итакъ, законъ уменьшающейся производительности послѣдовательно прилагаемыхъ долей капитала имѣетъ естественно-историческое основаніе. Поэтому и нельзя утверждать, какъ дѣлаетъ Марксъ, что почвы, болѣе плодородныя въ данный моментъ, повышаютъ урожай при приложеніи новыхъ долей капитала въ большей мѣрѣ, чѣмъ менѣе плодородныя. На основаніи закона уменьшающейся производительности послѣдовательныхъ долей капитала и принимая во вниманіе, что производительность первыхъ почвъ стоитъ ближе къ естественному предѣлу производительности, опредѣляемому независимо отъ свойствъ почвы (количествомъ солнечной энергіи), мы въ правѣ скорѣе ожидать обратнаго результата. Въ сущности, однако, Марксъ говоритъ здѣсь не о плодородіи, а о богатствѣ почвы, ибо, мотивируя свое утвержденіе, онъ указываетъ, что эти (лучшія) почвы даютъ болѣе основанія разсчитывать, что капиталъ на нихъ будетъ рентироваться, именно потому, что онѣ содержатъ «болѣе естественныхъ элементовъ плодородія», что̀ слѣдуетъ понимать такимъ образомъ, что эти почвы имѣютъ большій запасъ богатства, въ томъ смыслѣ, какое дано нами этому термину выше. Приводимый имъ при этомъ примѣръ—дренированія почвъ въ Англіи—также подтверждаетъ таковое толкованіе, и именно этотъ примѣръ скорѣе можетъ опровергнуть, чѣмъ подтвердить положеніе Маркса. Дѣйствительно, подвергнутыя дренированію почвы были, безъ сомнѣнія, почвы мелкоземистыя, въ значительной мѣрѣ, вѣроятно, богатыя, глинистыя; онѣ, однако, отнюдь не могли быть плодородными, прежде чѣмъ надъ ними была произведена меліорація дренированія, ибо онѣ не поддавались хорошей обработкѣ и часто заболотѣвали. Онѣ только обѣщали сдѣлаться плодородными послѣ того, какъ ихъ дренируютъ. Какъ было замѣчено выше, такія почвы отличаются именно тѣмъ, что содержатъ большой запасъ питательныхъ для растеній веществъ (богатства), который не обнаруживаетъ своего вліянія на урожаи, не повышаетъ плодородія почвы, потому что не достаетъ нѣкоторыхъ условій (каковы—свободный доступъ воздуха и болѣе быстрое удаленіе избытка влаги), которыя необходимы для того, чтобы

питательныя вещества этаго запаса приняли ту химическую форму, въ которой они могутъ быть восприняты корнями растеній, усвоены ими.

Такимъ образомъ и Марксъ смѣшивалъ богатство съ плодородіемъ и, не раздѣливъ притомъ видовъ постояннаго капитала, невѣрно представлялъ себѣ значеніе приложенія капитала къ землѣ.

§ 10. Но возвратимся еще разъ къ Рикардо. Если Марксъ, говоря о производствѣ хлѣба при различныхъ условіяхъ, вводитъ въ качествѣ регулятора цѣны хлѣба совершенно искусственную величину—цѣну производства, то Рикардо, наоборотъ, вездѣ говоритъ о цѣнности продукта: въ этомъ одно изъ существенныхъ отличій ученія о рентѣ Рикардо и Маркса. Рикардо утверждаетъ именно, что цѣнность продукта, количество требуемаго для его производства труда возрастаетъ съ ухудшеніемъ почвы или увеличеніемъ приложенія капитала къ землѣ. Поскольку рѣчь идетъ о почвахъ различныхъ качествъ, прибавимъ только къ сказанному уже выше, что Родбертусъ совершенно правъ, указывая, что, во 1-хъ, повышеніе цѣнности продуктовъ на худшихъ, менѣе плодородныхъ почвахъ никогда не было доказано; а во 2-хъ, оно мыслимо только при условіи, что на нихъ будетъ прилагаться та же самая техника, будетъ практиковаться та же система хозяйства, какъ на лучшихъ почвахъ. Между тѣмъ, фактически системы хозяйства измѣняются и приспособляются къ свойствамъ почвы и климата. [1])

Что же касается вліянія увеличеннаго приложенія капиталовъ на повышеніе цѣнности продукта, то, какъ мы видѣли, и Марксъ уже отвергъ въ значительной мѣрѣ это положеніе. Какъ видно изъ нашихъ объясненій по поводу приложенія капитала къ почвамъ различнаго достоинства, такое повышеніе можетъ произойти, но только при извѣстныхъ условіяхъ. Здѣсь нужно опять напомнить различное вліяніе на цѣнность и стоимость продукта основного и оборотнаго капитала: послѣдній, входя въ цѣнность и стоимость продукта полной своей цѣнностью, конечно, скорѣе можетъ повысить цѣнность продукта, чѣмъ основной капиталъ той же величины, изъ цѣнности котораго только часть, обыкновенно незначительная, переносится на цѣнность продукта. При этомъ на цѣнность продукта основной капиталъ вліяетъ даже меньше, чѣмъ на цѣну производства Маркса, ибо въ послѣднюю, кромѣ погашенія, входитъ еще прибыль на капиталъ, опредѣляемая по проценту прибыли отъ предпріятій.

Но, кромѣ этихъ теоретическихъ соображеній, говорящихъ противъ возможности повышенія цѣнности продукта съ увеличеніемъ приложенія

[1]) (Здѣсь подъ именемъ системы хозяйства слѣдуетъ разумѣть всю хозяйственную технику, въ чемъ бы она ни проявлялась: въ культурѣ ли различныхъ растеній, или въ способѣ ихъ эксплуатаціи (напр. на кормъ или для техническихъ цѣлей), или въ чередованіи растеній на поляхъ, и т. д.)

капитала, мы имѣемъ теперь и статистическія данныя, доказывающія, что хозяйства, ведущіяся болѣе интенсивно,—т. е. съ бо́льшимъ приложеніемъ капитала,—производятъ продуктъ не дороже хозяйствъ экстенсивныхъ, т. е. прилагающихъ менѣе капитала на единицу площади. Такой результатъ полученъ былъ однимъ изъ учениковъ извѣстнаго статистика Конрада, Гумбертомъ, еще въ семидесятыхъ годахъ при сравненіи результатовъ хозяйствъ провинціи Саксоніи по точнымъ хозяйственнымъ записямъ. Такой же результатъ получается изъ данныхъ, собранныхъ профессоромъ Дрекслеромъ относительно ганноверскихъ хозяйствъ. И наконецъ, данныя о стоимости производства земледѣльческихъ продуктовъ, собранныя нашимъ департаментомъ земледѣлія *), также показываютъ, что пшеница производится наиболѣе дешево въ самомъ интенсивномъ у насъ районѣ—юго-западномъ краѣ. Все это показываетъ, что положеніе Рикардо о необходимости повышенія цѣны земледѣльческихъ продуктовъ съ увеличеніемъ интенсивности земледѣлія не оправдывается фактами.

§ 11. Выводы наши относительно дифференціальной ренты Рикардо-Маркса могутъ быть выражены слѣдующими положеніями:

1) *Рента не можетъ имѣть источникомъ разнообразіе качествъ почвы.* Это потому, во 1-хъ, что плодородіе почвы не можетъ быть разсматриваемо, какъ имманентное *качество* почвы, а должно считаться только *состояніемъ* почвы, сообщеннымъ ей помощію различныхъ пріемовъ культуры; притомъ, это состояніе имѣетъ значеніе, какъ опредѣлитель высоты урожая, только для извѣстнаго растенія или группы растеній, при данныхъ условіяхъ климата или состояніи погоды во время произрастанія растенія. Во 2-хъ, богатство почвы также не можетъ быть источникомъ ренты, ибо богатство почвы само по себѣ не опредѣляетъ ни техническихъ, ни экономическихъ результатовъ воздѣлыванія почвы. Чтобы обнаружилось вліяніе богатства на техническій результатъ воздѣлыванія почвы, нужно, чтобы существовало соотношеніе между богатствомъ почвы и ея плодородіемъ, а такого соотношенія, какъ мы видѣли, не существуетъ. Съ другой стороны, чтобы богатство почвы могло вліять на экономическій результатъ эксплуатаціи почвы, необходимо, чтобы существовало соотношеніе между этимъ свойствомъ почвы и стоимостью производства продукта; а этаго соотношенія не можетъ существовать уже потому, что богатство почвы не опредѣляетъ ея плодородія.

2) *Рента не можетъ имѣть своимъ источникомъ и различную производительность послѣдовательно прилагаемыхъ къ землѣ капиталовъ.*

---

*) Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ приведены въ книгѣ автора: „Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство“, отдѣлъ IV, глава 2-я, § 8-й.

Здѣсь нужно имѣть въ виду, во 1-хъ. что рента представляетъ собою такой доходъ, полученіе котораго землевладѣльцемъ всегда возможно, разъ существуетъ право собственности на землю. Но если мы признаемъ, вмѣстѣ съ Марксомъ, что производительность послѣдовательно прилагаемыхъ долей капитала можетъ то повышаться, то понижаться сравнительно съ предыдущими такими же долями, и примемъ. что эти послѣдовательныя доли сливаются.—какъ это и должно быть,—то рента, очевидно, будетъ то появляться, то исчезать, т. е. она не будетъ представлять собою такой части общественнаго дохода. которая могла бы всегда поступать въ пользу землевладѣльца; она будетъ только чѣмъ - то временнымъ и случайнымъ. Во 2-хъ, говоря о производительности капиталовъ, нельзя упускать изъ виду двойного смысла самаго термина «производительность». Двоякій смыслъ термина заключается именно въ томъ, что можно разумѣть подъ производительностью капитала тотъ техническій эффектъ. который даетъ его приложеніе, т. е. полученіе бо́льшаго или меньшаго количества продукта; но можно разумѣть подъ этимъ же терминомъ и экономическій эффектъ приложенія капитала, т. е. количество цѣнностей, которыя получаются въ результатѣ его примѣненія. Конечно, полученіе цѣнностей связано съ полученіемъ извѣстнаго количества продукта, но все же эти два термина не вполнѣ совпадаютъ. Такъ, когда мы говоримъ, что послѣдующія доли капитала, прилагаемаго къ землѣ, оказываются менѣе производительными, чѣмъ предыдущія, то здѣсь мы имѣемъ въ виду, прежде всего, техническую производительность, т. е. полученіе меньшаго количества продукта; при этомъ здѣсь какъ бы подразумѣвается, что приложеніе и первой и второй доли капитала имѣло въ виду полученіе одного и того же продукта, напр. пшеницы, при примѣненіи одинаковой техники. Когда же мы утверждаемъ, что послѣдующее приложеніе капитала можетъ быть и болѣе производительно, чѣмъ предыдущее, — то здѣсь мы имѣемъ въ виду, на первомъ мѣстѣ, экономическую производительность капитала, при чемъ почти всегда слѣдуетъ подразумѣвать, что приложеніе послѣдующей доли капитала связано съ существеннымъ, болѣе или менѣе, измѣненіемъ техники, и получаемый продуктъ, если не всегда, то часто, иного рода, чѣмъ при приложеніи первой единицы капитала. Разумѣется, когда идетъ рѣчь о томъ, что различная производительность капиталовъ даетъ возможность образованія ренты, то нужно подразумѣвать экономическую производительность капитала; но, въ дѣйствительности, при изложеніи происхожденія ренты изъ этаго источника, выраженія часто недостаточно точны, и нерѣдко тотъ и другой видъ производительности разсматриваются. какъ нѣчто однородное.

Но, кромѣ того, самая экономическая производительность можетъ

имѣть двоякій смыслъ: можно говорить о производительности капитала въ смыслѣ удешевленія производства, уменьшенія стоимости единицы продукта или въ смыслѣ полученія дохода извѣстной величины. А между тѣмъ мы видѣли, что именно по отношенію къ основному капиталу неточность обозначенія смысла слова «производительность» можетъ имѣть большое значеніе: такой капиталъ, перенося на продуктъ только незначительную долю своей цѣнности, даетъ возможность произвести продуктъ очень дешево; значитъ, съ общественной точки зрѣнія онъ будетъ приложенъ производительно, ибо уменьшаетъ расходъ рабочей силы общества на единицу продукта. Но, чтобы быть производительнымъ съ частнохозяйственной точки зрѣнія, приложеніе капитала должно давать возможность полученія извѣстной суммы прибавочной цѣнности для покрытія нормальной прибыли по тому или иному способу ея опредѣленія, а эти два результата не всегда въ одинаковой мѣрѣ достигаются.

3) *Невозможно признать совмѣстное существованіе обоихъ указанныхъ источниковъ дифференціальной ренты*, особенно принимая, что вторая и слѣдующія единицы капитала могутъ болѣе производительны, чѣмъ первая, ибо это возрастаніе производительности послѣдующихъ долей капитала можетъ (или даже должно) уничтожить существовавшую первоначально разность въ производительности почвъ.

Дѣйствительно, въ противоположность Марксу, мы признаемъ, что повышеніе урожаевъ на почвахъ низшей производительности достигается легче, чѣмъ на почвахъ, обладающихъ уже болѣе высокой производительностью. Основаніемъ для такого заключенія является указанный выше законъ предѣльной производительности почвъ, обусловливаемой количествомъ солнечной энергіи. Если къ этому прибавить еще, что, по приведеннымъ уже соображеніямъ, исторически занятіе земель подъ культуру должно было идти отъ почвъ болѣе легкихъ, болѣе плодородныхъ при низкомъ состояніи техники, къ почвамъ болѣе тяжелымъ, т. е. болѣе богатымъ, но при низкой техникѣ малоплодороднымъ, — то станетъ понятно, что разностная рента могла существовать только при этомъ низкомъ уровнѣ техники. Легкія почвы (песчаныя), не будучи богатыми, содержатъ хотя небольшой, но весьма подвижный запасъ питательныхъ веществъ, легко переходящій въ плодородіе. Благодаря этому, онѣ, уже при сравнительно низкомъ уровнѣ техники, достигаютъ предѣльной для нихъ урожайности, высота которой опредѣляется въ данномъ случаѣ, съ одной стороны, относительно малой величиной запаса питательныхъ веществъ, а съ другой — неспособностью самой почвы задерживать растворы питательныхъ веществъ. Почвы же тяжелыя, малоплодородныя вначалѣ, съ постепеннымъ повышеніемъ техники, все болѣе повышаютъ свое плодородіе, и, въ концѣ концовъ, урожаи ихъ могутъ достигать,

при высокой техникѣ, несравненно бо̀льшей высоты, чѣмъ урожаи легкихъ земель. Въ противоположность небогатымъ, но тароватымъ и быстро истощающимся легкимъ почвамъ, — почвы тяжелыя являются богатыми скопидомами, энергично задерживающими всѣ попадающія въ нихъ или образующіяся въ нихъ изъ запаса питательныя вещества, почти, можно сказать, въ какой бы формѣ они ни были (исключеніе—однѣ азотнокислыя соли). Культура этихъ почвъ стремится сдѣлать ихъ болѣе дѣятельными, т. е. усилить превращеніе питательныхъ веществъ въ то состояніе, въ которомъ они дѣлаются доступны растеніямъ. Какъ мы замѣтили уже выше, культура этихъ почвъ требуетъ больше капитала на единицу пространства, чѣмъ культура почвъ легкихъ; но именно на этихъ почвахъ послѣдующія приложенія капитала всего чаще окажутся болѣе производительны, чѣмъ предыдущіе, и къ нимъ только и приложимо указаніе Маркса и Родбертуса, что онѣ съ культурой все улучшаются при правильномъ хозяйствѣ [1]). Ясно, слѣдовательно, что если бы первоначально единица капитала оказалась производительнѣе на почвахъ легкихъ, то со временемъ должно было бы произойти уравненіе всѣхъ почвъ въ этомъ отношеніи, и дифференціальная рента должна уничтожиться.

4) Какъ было указано, производительность капиталовъ, прилагаемыхъ къ почвѣ, можетъ быть понимаема только въ смыслѣ экономической производительности. Съ развитіемъ же сношеній, — каковое мы должны предполагать, говоря о развитомъ капиталистическомъ строѣ, т. е. становясь на точку зрѣнія Маркса при разсмотрѣніи ренты,—уравненіе производительности капиталовъ достигается введеніемъ различныхъ видовъ культуръ и различныхъ способовъ эксплуатаціи почвы, примѣнительно къ существующимъ естественнымъ и экономическимъ условіямъ. Это есть то, что̀ на техническомъ языкѣ агрономіи называется раціональностью хозяйства, а послѣдняя, какъ мы скоро увидимъ, прямо вынуждается современными способами сношеній. При этомъ, разумѣется, сравненіе почвъ по ихъ естественной производительности дѣлается уже совершенно немыслимымъ, ибо кто же рѣшится утверждать, что почва, приносящая 120 пудовъ ржи, болѣе или менѣе плодородна, чѣмъ почва, приносящая 150 пудовъ кукурузы съ того же пространства; производительность же капиталовъ въ обоихъ случаяхъ можетъ быть совершенно одинакова.

5) Наконецъ, признаніе дифференціальной ренты того или другого рода означало бы, что мы допускаемъ возможность продажи части земледѣльческаго продукта выше его трудовой цѣнности. Дѣйствительно, мы видѣли, что Рикардо прямо утверждаетъ, что продуктъ худшихъ земель

[1]) Подробности объ этомъ въ названной выше книгѣ автора, отдѣлъ II, глава 2-я, особенно § 4-й.

требуетъ для своего производства бо́льшаго количества труда, иначе—имѣетъ высшую цѣнность, чѣмъ продуктъ лучшихъ земель. А между тѣмъ послѣдній продается по той же цѣнѣ, какъ и первый, т. е. выше своей цѣнности. Марксъ, правда, оговариваетъ, что продажа продукта лучшихъ земель по цѣнѣ, превышающей индивидуальную цѣну производства этаго продукта, еще не обозначаетъ, что этотъ продуктъ продается выше своей цѣнности; однако и онъ не доказываетъ невозможности такой продажи. Если же такая продажа продукта по цѣнѣ, превышающей его цѣнность, будетъ имѣть мѣсто, то, значитъ, рента составляетъ (отчасти, по крайней мѣрѣ) часть прибавочной цѣнности, произведенной промышленными, земледѣльческими предпріятіями. А между тѣмъ и Марксъ признаетъ,—и совершенно правильно,—что само земледѣліе можетъ производить больше прибавочной цѣнности, чѣмъ сколько поглощаетъ рента вмѣстѣ съ прибылью на капиталы земледѣлія. Да и вообще такое положеніе противорѣчило бы всему ученію объ абсолютной рентѣ, имѣющему, однако, наиболѣе основанія.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу, что та разностная рента, которую единственно признавалъ Рикардо и которую и Марксъ считаетъ важнѣйшей составной частью ренты, совсѣмъ не можетъ существовать. Точнѣе говоря, эта разностная рента, какъ указываетъ отчасти Марксъ, существовала и существуетъ въ различныхъ мѣстностяхъ, благодаря нераціональности хозяйства, особенно у мелкихъ земледѣльцевъ и фермеровъ, которые, за недостаткомъ капитала, не имѣютъ возможности вести хозяйство съ той степенью интенсивности, какая требуется современными условіями. Однако, съ распространеніемъ раціональнаго хозяйства (а это вынуждается, какъ было сказано, всѣми экономическими условіями современнаго міра), эта дифференціальная рента должна уничтожиться; потому, если бы не было другого источника ренты, то мы имѣли бы право ожидать, что скоро ренты нигдѣ не будетъ. Но мы видѣли, что Марксъ, въ концѣ концовъ, хотя и съ оговорками, признаетъ еще иной источникъ ренты, называя происходящую изъ него ренту «абсолютной» рентой. Прежде однако, чѣмъ мы перейдемъ къ разбору этой части ученія Маркса, изложимъ находящіяся въ связи съ этимъ вопросомъ указанія Родбертуса.

§ 12. Считая главнымъ недостаткомъ теоріи ренты Рикардо то обстоятельство, что Рикардо допускалъ продажу хлѣба по цѣнѣ, не соотвѣтствующей его цѣнности, Родбертусъ предложилъ свою теорію ренты. Для того, говоритъ онъ, чтобы существовала прибавочная цѣнность (которую Родбертусъ называетъ рентой вообще), нѣтъ надобности въ какой-либо прибавкѣ къ цѣнности продукта, въ вздорожаніи его противъ дѣйствительной трудовой цѣнности. Если продукты продаются по ихъ дѣйствительной цѣнности, измѣряемой тѣмъ количествомъ труда, которое

затрачено на ихъ производство, то для существованія прибавочной цѣнности достаточно, чтобы рабочая плата не была равна естественной мѣновой цѣнности, произведенной трудомъ. Если, слѣдовательно, въ обработывающей и добывающей промышленности (въ земледѣліи) затрачено одинаковое количество труда, то получится и одинаковая прибавочная цѣнность. Но для производства фабриката требуются бо̀льшія затраты капитала, чѣмъ для полученія земледѣльческаго продукта, а потому въ обработывающей промышленности отношеніе прибавочной цѣнности къ затраченному капиталу (отношеніе, опредѣляющее величину уровня прибыли, для всѣхъ капиталовъ, по мнѣнію Родбертуса) будетъ иное, меньшее, чѣмъ въ земледѣліи. Разница въ пользу земледѣлія составляетъ ренту (по Родбертусу, земельную ренту).

Это нѣсколько темное изложеніе требуетъ поясненія; для этаго мы обратимся къ примѣру, изложивъ его сообразно той терминологіи, которой слѣдовали въ предыдущемъ. Положимъ, имѣется два продукта одинаковой цѣнности, изъ коихъ одинъ представляетъ произведеніе обработывающей промышленности, другой—земледѣлія. Цѣнность продукта, какъ извѣстно, слагается изъ цѣнности потребленныхъ для его изготовленія матеріаловъ, изнашиванія машинъ и вообще основного капитала, цѣны рабочей силы и прибавочной цѣнности Въ цѣнности фабричнаго продукта, часть цѣнности, перенесенная съ постояннаго капитала (матеріала и машинъ), больше соотвѣтствующей части постояннаго капитала въ продуктѣ земледѣльческомъ; наоборотъ, въ послѣднемъ бо̀льшую относительно (въ процентахъ цѣнности продукта) часть составляютъ перемѣнный капиталъ и прибавочная цѣнность. Такое соотношеніе частей цѣнности продуктовъ фабричныхъ и земледѣльческихъ есть слѣдствіе того, что соотвѣтствующая матеріалу фабричнаго производства часть цѣнности въ земледѣльческомъ продуктѣ отсутствуетъ, или она очень мала.

Таковъ смыслъ разсужденія Родбертуса. Мы должны согласиться съ основнымъ положеніемъ Родбертуса, которое въ сущности признаетъ и Марксъ, указывая на возможность (по его мнѣнію только возможность, а не необходимость) существованія той доли ренты, которую онъ назвалъ абсолютной рентой и происхожденіе которой, какъ доли цѣнности продукта, является слѣдствіемъ низшаго противъ средняго для даннаго общества сложенія капиталовъ въ земледѣліи. Разница между абсолютной рентой Маркса и земельной рентой Родбертуса та, что Марксъ считаетъ, что эта рента образуется только вслѣдствіе монопольнаго права на землю, связаннаго съ институтомъ частной земельной собственности. и что при отсутствіи этаго института она уничтожилась бы, такъ какъ составляющая ее прибавочная цѣнность вошла бы въ общую массу прибавочной цѣнности, которая распредѣляется между капиталистами, пропорціонально

величинѣ ихъ капиталовъ для образованія средняго уровня прибыли; но этотъ выводъ есть уже слѣдствіе его воззрѣній на образованіе уровня прибыли. Родбертусъ же, исходя изъ положенія, что товары (въ томъ числѣ и продукты земледѣлія) обращаются на рынкѣ по своей полной цѣнности, принимаетъ эту (абсолютную) ренту за единственную форму ренты на землю, считая источникомъ ея тотъ излишекъ прибавочной цѣнности, который остается въ земледѣліи, благодаря отсутствію матеріала, на каковомъ онъ особенно настаиваетъ.

Разберемъ, однако, болѣе подробно положенія Родбертуса.

§ 13. Начнемъ съ основного положенія Родбертуса, что земледѣліе не имѣетъ матеріала. Это положеніе вѣрно только отчасти.

Безъ сомнѣнія, и въ земледѣліи употребляются нѣкоторые матеріалы, но только ихъ значеніе иное, чѣмъ въ фабричной промышленности. Матеріалъ земледѣлія въ видѣ сѣмянъ, удобреній и проч. не соотвѣтствуетъ матеріалу или сырью въ фабричномъ смыслѣ. Не говоря уже о незначительной относительной цѣнности этихъ матеріаловъ въ земледѣліи, и значеніе ихъ иное: въ фабричной промышленности затрата матеріала, по крайней мѣрѣ основного, прямо пропорціональна количеству произведеннаго продукта. Въ земледѣліи же такой пропорціональности нѣтъ; если мы вдвое больше посѣемъ сѣмянъ на той же площади, то урожай не увеличится пропорціонально, а можетъ произойти даже и пониженіе его. Почти то же надо сказать и о другомъ видѣ важнѣйшихъ матеріаловъ земледѣлія—объ удобреніи. Урожай, получаемый отъ примѣненія удобренія, конечно, въ большей мѣрѣ соотвѣтствуетъ количеству вложеннаго удобренія, но и здѣсь разница съ матеріаломъ—сырьемъ—фабриката очень велика. Во-первыхъ, въ земледѣліи никогда нельзя опредѣлить по количеству вложеннаго удобренія, какое количество будетъ получено продукта; тогда какъ въ фабрикаціи количество сырья всегда строго отвѣчаетъ (при данной техникѣ) опредѣленному количеству готоваго продукта-фабриката. Во-вторыхъ, въ цѣнности фабриката цѣнность матеріала составляетъ очень значительную часть и *тѣмъ большую, чѣмъ выше успѣшность труда, производительность его*. Въ земледѣліи удобреніе, по сравненію съ цѣнностью произведеннаго продукта, имѣетъ въ всякомъ случаѣ только ничтожную цѣнность, и *чѣмъ выше производительность почвы и труда земледѣльца*, тѣмъ меньше эта доля. Въ-третьихъ, въ фабрикаціи матеріалъ, сырье,—всегда покупной, т. е. такой, на пріобрѣтеніе котораго производитель-фабрикантъ затратилъ сумму, равную не стоимости производства (Kostpreis—авансированный капиталъ) этаго матеріала, а цѣнѣ производства, т. е. суммѣ стоимости, увеличенной соотвѣтствующей долей прибыли (прибавочной цѣнности). Въ земледѣліи главнѣйшіе матеріалы—сѣмена и удобреніе (навозъ)—обыкновенно не по-

купаются, а производятся въ собственномъ хозяйствѣ, т. е. прибавочная цѣнность, произведенная при производствѣ этаго матеріала, остается также въ пользу земледѣльца. И на это особенно надо обратить вниманіе, если считать, вмѣстѣ съ Марксомъ, «земледѣліемъ собственно» производство главнаго пищевого зерна. При производствѣ продуктовъ животноводства, особенно при болѣе интенсивномъ скотоводственномъ хозяйствѣ, когда покупается болѣе или менѣе значительное количество такъ называемыхъ концентрированныхъ кормовъ (жмыхи, получаемые по выжимкѣ масла изъ сѣмянъ различныхъ масличныхъ растеній, отруби и т. п.), эта величина нѣсколько болѣе. Но и въ этомъ случаѣ, подобные матеріалы, уподобляясь до нѣкоторой степени матеріаламъ фабричнаго производства, существенно разнятся отъ нихъ, однако, тѣмъ, что составляютъ подсобный, придаточный кормъ; главный же по массѣ и цѣнности, такъ называемый основной кормъ (сѣно, трава, корнеплоды), производится все же въ собственномъ хозяйствѣ. Слѣдовательно, Родбертусъ правъ, говоря, что въ земледѣліи нѣтъ матеріала въ томъ смыслѣ, какой придается этому слову въ фабрикаціи. На основаніи этаго, мы должны принять, что доля цѣнности, перенесенная съ постояннаго капитала на фабричный продуктъ, по крайней мѣрѣ что касается цѣнности матеріаловъ, больше таковой же части въ земледѣльческомъ продуктѣ, одинаковой цѣнности съ фабрикатомъ.

Къ этому выводу можно прійти и инымъ путемъ, которымъ и шелъ собственно Родбертусъ. Выше мы приводили сопоставленіе цѣнности продуктовъ земледѣлія съ цѣнностью продуктовъ другихъ отраслей. Но и безъ такого сопоставленія ясно, что всѣ продукты земледѣлія, поскольку они не были потреблены самимъ земледѣльческимъ населеніемъ, слѣдовательно не вошли въ перемѣнный капиталъ земледѣлія, должны,— по крайней мѣрѣ въ странахъ, не имѣющихъ обширнаго вывоза земледѣльческихъ продуктовъ,—поступить: 1., или на непосредственное потребленіе, въ видѣ пищевого матеріала для остальнаго населенія, т. е. на первомъ мѣстѣ (какъ важнѣйшаго по массѣ) рабочаго населенія различныхъ промышленныхъ отраслей, при чемъ они войдутъ въ составъ перемѣннаго капитала этихъ отраслей; или 2., перейти въ видѣ основного или придаточнаго матеріала-фабриката въ постоянный капиталъ тѣхъ же отраслей. Земледѣліе же пользуется отъ обработывающей и всѣхъ другихъ отраслей промышленности только такими матеріалами, которые составляютъ отбросы, малоцѣнную часть продуктовъ фабрикаціи, доставляя взамѣнъ того фабрикаціи наиболѣе цѣнные матеріалы (ленъ, шерсть, пенька).

Но мало этаго, и для основныхъ капиталовъ земледѣліе въ широкомъ смыслѣ (причисляя къ нему и лѣсоводство), пользуется отъ другихъ отраслей промышленности весьма немногимъ. Сложныя машины и орудія

не играютъ особенно большой роли въ земледѣліи; постройки тоже не особенно цѣнны и, поскольку онѣ возводятся изъ дерева, получаютъ матеріалъ, нерѣдко произведенный въ самомъ же хозяйствѣ. Наконецъ, наиболѣе цѣнная и,—что̀ еще болѣе важно,—наиболѣе быстро изнашивающаяся часть основного капитала,—скотъ, если не всегда, то во многихъ случаяхъ, производится въ самомъ хозяйствѣ. Если не считать собственно рабочаго скота, а только такъ называемый продуктивный, т. е. содержащійся въ хозяйствѣ съ цѣлью полученія различныхъ продуктовъ животноводства, то можно сказать, что почти всегда главная масса этаго капитала произведена въ самомъ хозяйствѣ. Слѣдовательно, къ ней также приложимо сказанное выше о матеріалѣ, производимомъ въ хозяйствѣ, т. е. что та доля прибавочной цѣнности, которую капиталистъ-фабрикантъ уплачиваетъ производителямъ матеріаловъ въ видѣ прибыли и пр., остается въ рукахъ земледѣльца. Слѣдующій примѣръ наглядно выяснитъ наше положеніе объ относительномъ составѣ цѣнности продуктовъ земледѣлія и фабрикаціи.

Пусть въ фабрикатѣ цѣнностью въ 1 милліонъ рублей доля постояннаго капитала будетъ 600 тысячъ рублей, а въ земледѣльческомъ продуктѣ та же доля—400 тыс. рублей. При условіи одинаковой нормы прибавочной цѣнности, равной 100%, найдемъ, что въ фабричномъ продуктѣ перемѣнный капиталъ равенъ 200 тыс. руб. и прибавочная цѣнность также 200 тыс.; для земледѣльческаго продукта тѣ же части будутъ по 300 тыс. каждая. Какъ было указано, уровень прибыли вычисляется изъ отношенія прибавочной цѣнности къ авансированному въ фабричной промышленности капиталу, который въ нашемъ примѣрѣ равняется 800 тыс.; слѣдовательно, уровень прибыли будетъ 25%. Затраты въ земледѣліи только 700 тыс. Вычисляя сумму прибыли по уровню прибыли для фабричнаго производства (въ 25%), найдемъ, что на авансированный въ производствѣ продуктовъ земледѣлія капиталъ въ 700 тыс. р. прибыль должна быть равна 175 тыс. Остатокъ прибавочной цѣнности: 300,000 — 175,000 = 125,000 и составитъ ренту. Этотъ примѣръ показываетъ, какъ изъ основного положенія Родбертуса, о различіи условій въ земледѣліи и фабрикаціи, выводится рента, принимая за уровень прибыли отношеніе прибавочной цѣнности къ авансированному капиталу, а не ко всему капиталу предпріятія, какъ принимаетъ Родбертусъ вмѣстѣ съ Рикардо и почти тождественно съ Марксомъ. Исходя изъ этаго положенія, мы приходимъ къ выводу, что постоянный капиталъ составляетъ въ цѣнности фабричнаго продукта большій процентъ, чѣмъ въ продуктѣ земледѣльческомъ, и потому возникаетъ рента.

Чтобы убѣдиться, что такое соотношеніе—не случайность, разсмотримъ еще разъ всѣ части цѣнности продукта и возможныя колебанія

въ величинѣ этихъ частей. Цѣнность продукта слагается изъ матеріала + + погашеніе основного капитала + перемѣнный капиталъ + прибавочная цѣнность. Если М (матеріала) въ земледѣліи нѣтъ, то 2-я статья постояннаго капитала—погашеніе—существуетъ, и ее необходимо разсмотрѣть. Въ фабричной промышленности, хотя основной капиталъ и больше, но онъ большею частью не такъ быстро изнашивается. Въ земледѣліи также употребляются машины и орудія; но, вслѣдствіе особенностей работы (онѣ должны быть подвижны, имѣютъ дѣло съ живымъ матеріаломъ—организмомъ и т. п.), они, будучи сравнительно малоцѣнны, быстро изнашиваются, а, стало быть, и процентъ погашенія ихъ долженъ быть больше. Въ то время, какъ срокъ службы паровой машины на фабрикѣ опредѣляется, напр., въ 20 лѣтъ, для конной молотилки и плуга считаютъ всего 4—5, много 10 лѣтъ.

Затѣмъ, въ земледѣліи существуютъ еще такія части основного капитала, которыхъ нѣтъ въ промышленности фабричной,—каковъ такъ называемый живой инвентарь, т. е. скотъ. Что касается рабочаго скота, то капиталъ этотъ быстро изнашивается: такъ, волъ работаетъ всего 5 лѣтъ, лошадь 10 лѣтъ. Въ противоположность основному капиталу фабричной промышленности, живой инвентарь (какъ видъ капитала) съ повышеніемъ цѣнности становится менѣе проченъ: болѣе дорогія животныя обыкновенно болѣе легко подвергаются заболѣванію и нерѣдко быстрѣе изнашиваются. Наконецъ, и самыя постройки въ земледѣльческомъ хозяйствѣ менѣе прочны, чѣмъ фабричныя. Такимъ образомъ, статья погашенія составитъ, если не бо́льшую, то, можетъ быть, и не меньшую долю цѣнности земледѣльческаго продукта, чѣмъ соотвѣтствующая доля цѣнности продукта фабричной промышленности. При всемъ томъ, погашеніе основного капитала земледѣлія не можетъ компенсировать ту сумму цѣнности постояннаго капитала, которая вносится въ фабричный продуктъ цѣнностью сырья, особенно въ виду указаннаго выше обстоятельства, что значительная часть основного капитала земледѣлія (скотъ и частью постройки) составляютъ продуктъ самого земледѣлія и, въ весьма существенной части, продуктъ того именно предпріятія, которое эксплуатируетъ этотъ основной капиталъ, въ силу чего произведенная трудомъ, употребленнымъ при производствѣ этаго основного капитала, прибавочная цѣнность остается въ рукахъ земледѣльца.

Въ нашемъ примѣрѣ мы принимали за уровень прибыли отношеніе $\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансированный капиталъ}}$; но сущность дѣла не измѣнится, если принять за таковой, по Марксу, $\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{капиталъ предпріятія}}$. Нужно бы только допустить, что взятыя цифры постояннаго капитала представляютъ не доли цѣнности продукта, а величины постоянныхъ капиталовъ въ предпрія-

тіяхъ промышленныхъ и земледѣльческихъ, при чемъ промышленный капиталъ соотвѣтствуетъ среднему общественному сложенію промышленныхъ капиталовъ. и, слѣдовательно, получаемый уровень прибыли представляетъ средній для даннаго момента уровень прибыли.

Есть еще обстоятельство, могущее если не уничтожить, то понизить ренту, какъ долю цѣнности продукта. Въ предыдущемъ примѣрѣ мы принимали, что норма прибавочной цѣнности, а въ связи съ этимъ и интенсивность труда и норма прибавочной цѣнности одинаковы въ обѣихъ отрасляхъ промышленности. Марксъ, при изслѣдованіи абсолютной ренты, поступалъ такъ же. Обыкновенно, однако, интенсивность труда въ земледѣліи значительно ниже, а слѣдовательно и норма прибавочной цѣнности меньше, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности, что̀ обусловливается характеромъ самыхъ производствъ. Увеличеніе нормы прибавочной цѣнности можетъ быть достигнуто фабрикантомъ путемъ, главнымъ образомъ, усиленія интенсивности труда, что̀ ему удается введеніемъ мертвыхъ двигателей и поштучной платы. Оба эти способа имѣютъ ограниченное примѣненіе въ земледѣліи: во-1-хъ, земледѣлецъ большею частью долженъ передвигать машину, чтобы она работала; фабрикантъ же только подаетъ работающимъ машинамъ матеріалъ; а это даетъ возможность упростить конструкцію машины и облегчаетъ примѣненіе мертвыхъ двигателей для приведенія въ движеніе этихъ машинъ. Примѣненіе же мертвыхъ двигателей ведетъ къ тому, что машины фабриканта заставляютъ рабочаго работать съ желательной интенсивностью; а земледѣлецъ не можетъ или можетъ только въ ограниченномъ числѣ случаевъ, «увеличеніемъ числа ударовъ поршня» (по выраженію Маркса), т. е. усиленіемъ быстроты хода машинъ, поднять интенсивность труда, такъ какъ въ земледѣліи мало употребляются мертвые двигатели. Во 2-хъ, другой способъ повышенія интенсивности труда — поштучная плата, хотя болѣе доступенъ сельскому хозяину, но все же онъ можетъ примѣнять его рѣже, чѣмъ фабрикантъ. Въ фабричной промышленности качество работы регулируется машиной, а не рабочимъ, и поштучная плата дѣйствительно заставляетъ интенсивнѣе работать, не вызывая ухудшенія продукта. Въ земледѣліи же такихъ работъ, которыя не требовали бы качественнаго воздѣйствія со стороны рабочаго, почти нѣтъ. Работникъ при поштучной платѣ заинтересованъ въ увеличеніи количества работы и можетъ нерѣдко увеличивать это количество въ ущербъ качеству; кромѣ того, въ земледѣліи хозяину часто трудно или невозможно контролировать качество исполненія работы въ моментъ ея окончанія; напримѣръ, хорошо ли вспахана земля, произведенъ ли весь посѣвъ безъ обсѣвокъ и т. п., обнаружится только спустя много времени по окончаніи работы. Поэтому земледѣлецъ при

поштучной платѣ скорѣе можетъ ожидать ущерба, чѣмъ фабрикантъ, которому легко контролировать качество работы. Наконецъ, земледѣлецъ не можетъ повысить норму прибавочной цѣнности и пониженіемъ рабочей платы, такъ какъ ему, во 1-хъ, требуется болѣе или менѣе обученный работникъ, котораго замѣнить чернорабочимъ почти невозможно; во 2-хъ, его главнѣйшія (полевыя) работы происходятъ только въ теченіе части года, и въ это время онъ вынужденъ произвести всѣ таковыя работы; это-то обстоятельство особенно и не позволяетъ ему понижать рабочую плату, изъ опасенія не найти рабочихъ въ наиболѣе важные для него, такъ называемые критическіе моменты и потерять весь урожай. Всѣ указанныя особенности земледѣльческаго промысла ведутъ къ тому, что земледѣлецъ не можетъ большею частью достигнуть столь высокой нормы прибавочной цѣнности, какъ фабрикантъ. Поэтому, чтобы нашъ примѣръ болѣе соотвѣтствовалъ дѣйствительности, слѣдуетъ считать, что у фабриканта отношеніе $\frac{\text{перемѣннаго капитала}}{\text{къ прибавочной цѣнности}}$ выше, чѣмъ у земледѣльца, напр. $= 150\%$, когда у земледѣльца оно $= 100\%$. Тогда при прежнемъ перемѣнномъ капиталѣ фабрикантъ получитъ 300 тысячъ прибавочной цѣнности, и уровень прибыли будетъ $\frac{300.000}{800.000} = 37\frac{1}{2}\%$; у земледѣльца же прибыль, вычисленная по уровню прибыли фабриканта ($37\frac{1}{2}\%$), отниметъ изъ произведенной прибавочной цѣнности $262\frac{1}{2}$ тыс., а на долю ренты останется только $37\frac{1}{2}$ тыс. (прибавочная цѣнность, какъ прежде, равна 300.000).

Повышеніе уровня прибыли ведетъ, слѣдовательно, къ пониженію ренты. Но такому значительному поднятію уровня прибыли, какое принято въ нашемъ примѣрѣ, какъ мы уже знаемъ, препятствуютъ: 1) увеличеніе, съ повышеніемъ интенсивности фабричнаго труда, массы потребленнаго при производствѣ матеріала, такъ какъ получается больше продукта. Цѣнность потребленнаго матеріала возрастаетъ, можно сказать, прямо пропорціонально увеличенію интенсивности труда, и, если раньше было употреблено матеріала на 500 т., то, съ увеличеніемъ интенсивности въ $1\frac{1}{2}$ раза, на 750 тыс. 2) Сверхъ того, повышеніе интенсивности обыкновенно сопровождается повышеніемъ производительности, а это снова повышаетъ количество и цѣнность матеріала, потребленнаго фабрикантомъ. Если, напримѣръ, цѣнность матеріала возрастетъ, благодаря увеличенію производительности труда, не до 750, а до 900 тысячъ, то (считая 100 т. погашенія и 200 т. перемѣннаго капитала), уровень прибыли падетъ до $\frac{300}{1200} = 25\%$. Отсюда слѣдуетъ, что повышеніе интенсивности фабричнаго труда, сопровождаясь увеличеніемъ постояннаго капитала (на первомъ мѣстѣ матеріала), не ведетъ за собою необходимо

возрастанія уровня прибыли, а, слѣдовательно, можетъ повести развѣ только къ паденію ренты, но никакъ не къ уничтоженію ея.

§ 14. Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что указанныя Родбертусомъ особенности земледѣлія дѣйствительно даютъ поводъ къ образованію ренты. По существу источникомъ этаго вида ренты является именно низшее, сравнительно съ фабричными, сложеніе земледѣльческихъ капиталовъ, и потому эта рента вполнѣ совпадаетъ съ абсолютной рентой Маркса. Но Марксъ считаетъ, какъ мы видѣли, этотъ видъ ренты случайнымъ результатомъ менѣе развитой техники земледѣлія, сравнительно съ обрабатывающей промышленностью. Однако, изъ сказаннаго видно, что такое сложеніе капиталовъ земледѣлія отнюдь не случайность, которая должна уничтожиться съ развитіемъ земледѣльческой техники. Наоборотъ, разсматривая историческій ходъ развитія земледѣлія, мы приходимъ къ выводу, что эта особенность скорѣе усиливается, чѣмъ ослабляется. Дѣйствительно, возрастаніе интенсивности земледѣлія, т. е. увеличеніе затратъ капитала на единицу площади, ведетъ обыкновенно не къ увеличенію основного или даже вообще постояннаго капитала, какъ въ фабричной промышленности при повышеніи интенсивности труда или вообще съ развитіемъ фабричной техники, а часто только къ увеличенію потребленія рабочей силы, или, по крайней мѣрѣ, потребность въ рабочей силѣ съ развитіемъ земледѣлія не уменьшается такъ рѣзко, какъ въ области обрабатывающей промышленности. Утвержденіе Маркса, будто прогрессъ земледѣлія требуетъ непремѣнно увеличенія относительнаго значенія постояннаго капитала, совершенно не подтверждается фактами исторіи развитія земледѣльческой техники. Стоитъ припомнить только исторію важнѣйшаго за истекающее столѣтіе метаморфоза въ земледѣльческой промышленности, — перехода отъ трехполья къ такъ называемой плодосмѣнной системѣ, — чтобы убѣдиться въ невѣрности этаго положенія Маркса. Означенный переходъ, въ его наиболѣе рѣзко выраженной формѣ, требуетъ уничтоженія выгона, пара, отчасти луговъ и замѣны выгоннаго кормленія скота стойловымъ. Что же все это означаетъ? Выгонное поле не требуетъ работы вовсе, луга и паръ требуютъ ея мало; $^1/_3$ пашни (паръ) при трехпольи пустуетъ, а значительная часть всей эксплуатируемой земледѣльцемъ площади (выгоны и луга) требуетъ мало работы. Выгоны и луга здѣсь составляютъ именно значительную часть площади, по вычисленію, напр., Тюнена, при правильномъ трехпольи, до 64% всего пространства. Для плодосмѣннаго хозяйства характерно отсутствіе тѣхъ угодій, которыя требуютъ мало работы; взамѣнъ ихъ вводятся корнеплоды и травосѣяніе. Возрастаетъ, слѣдовательно, отчасти постоянный капиталъ, но незначительно, и не въ этомъ *характерная черта перехода*, а *въ увеличеніи въ весьма значительной степени*

перемѣннаго капитала. При выгонномъ кормленіи стадо выпускается на пастбище, и тамъ одинъ пастухъ наблюдаетъ за нимъ; — теперь стадо надо кормить,—косить и подвозить для него кормъ, вывозить навозъ и т. д. Такимъ образомъ кормленіе и уходъ за скотомъ, равно какъ уборка вновь введенныхъ въ культуру растеній, требуютъ массы живого труда. Въ этомъ переходѣ особенно ярко обнаруживается, что земледѣльческая промышленность, по сложенію и развитію отдѣльныхъ частей капитала, является прямою противоположностью фабричной промышленности; тамъ, въ фабрикаціи, увеличивается масса основного капитала и матеріаловъ, вообще постояннаго капитала, въ ущербъ перемѣнному; здѣсь, въ земледѣліи, наоборотъ, увеличивается перемѣнный капиталъ, масса живого труда, при незначительномъ только увеличеніи постояннаго капитала. Но, кромѣ того, характерная для земледѣлія часть постояннаго капитала, живой инвентарь, составляетъ продуктъ самого же хозяйства, т. е. на первомъ мѣстѣ продуктъ приложеннаго въ хозяйствѣ живого труда. Культурные корнеплоды также требуютъ огромнаго количества именно ручной работы и весьма значительнаго количества работы скота, а главный расходъ на работу скота—заготовка корма и уходъ за нимъ—опять-таки выражается въ требованіи массы живого труда.

Конечно, не всякое улучшеніе земледѣльческой техники вызываетъ возрастаніе потребленія живого труда въ такой степени, какъ это имѣло мѣсто при переходѣ отъ трехполья къ плодосмѣну. Однако, въ общемъ, почти всякое увеличеніе интенсивности земледѣлія (т. е. увеличеніе капитала на единицу эксплуатируемой площади) ведетъ къ увеличенію приложенія живого труда, и если относительно (въ процентахъ капитала) значеніе живого труда или перемѣннаго капитала и не возрастаетъ, а иногда, можетъ быть, и уменьшается, то во всякомъ случаѣ въ несравненно меньшемъ числѣ случаевъ доля живого труда (т. е. перемѣнный капиталъ + прибавочная цѣнность) въ цѣнности продукта упадетъ. Между тѣмъ Марксъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ какъ разъ обратное, говоря, что въ индустріи перемѣнный капиталъ понижается только относительно, а въ земледѣліи, съ прогрессомъ его «перемѣнный капиталъ, нужный для эксплоатаціи опредѣленнаго участка земли, понижается абсолютно». По всей вѣроятности, здѣсь ввело Маркса въ заблужденіе то обстоятельство, что число мелкихъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ (особенно земледѣльцевъ-собственниковъ) съ расцвѣтомъ капитализма значительно уменьшилось. Изъ этаго факта онъ (какъ и другіе авторы) и вывелъ заключеніе, что общее количество рабочей силы на данной площади, эксплуатируемой земледѣліемъ, уменьшилось. На самомъ же дѣлѣ, приведенный фактъ указываетъ только на уменьшеніе количества рабочихъ, живущихъ на данной территоріи, что̀ не обусло-

вливаетъ собою необходимо уменьшенія приложенія живого труда въ земледѣліи даннаго района. При этомъ упускается, именно, изъ виду, что въ моментъ перехода къ денежному хозяйству отъ натуральнаго сельское населеніе вмѣщало въ себѣ, во 1-хъ, вообще абсолютно меньшее число лицъ, такъ какъ въ первое время, подъ вліяніемъ этаго перехода, значительно усиливается приростъ населенія, какъ мы видѣли на примѣрѣ Англіи, говоря о теоріи Мальтуса. Во 2-хъ, далеко не все то населеніе, которое жило въ селахъ въ концѣ періода натуральнаго хозяйства, занято было земледѣльческимъ трудомъ: среди него было значительное число ремесленниковъ и кустарей разнаго рода, которые, хотя и считались земледѣльцами,—посвящали свой трудъ въ гораздо бо́льшей мѣрѣ обработкѣ различныхъ продуктовъ, чѣмъ земледѣлію. Когда же наплывъ болѣе дешевыхъ и совершенныхъ продуктовъ фабрикъ уничтожаетъ возможность заработка путемъ кустарничества или мелкаго ремесленнаго производства,—это, избыточное уже и тогда для земледѣлія собственно, населеніе должно было идти въ города. Въ 3-хъ, лишеніе постороннихъ земледѣлію заработковъ заставило и оставшееся въ селахъ населеніе сосредоточить свою работу, можно сказать, исключительно на земледѣліи, которое стало единственнымъ источникомъ дохода. Чтобы этотъ источникъ обезпечивалъ существованіе, необходимо было вести хозяйство болѣе раціонально. Въ данномъ случаѣ это значило: ввести въ культуру новыя растенія (корнеплоды, травы) съ цѣлью увеличить разнообразіе производимыхъ продуктовъ. Изъ числа этихъ, вновь введенныхъ въ культуру, растеній нѣкоторыя требовали очень значительнаго количества труда на единицу площади (корнеплоды), благодаря чему и оказалось, въ концѣ концовъ, что общее количество труда, прилагаемаго въ земледѣліи собственно,—помимо постороннихъ заработковъ,—возросло. Если это усиленное приложеніе живого труда въ земледѣліи могло, тѣмъ не менѣе, сопровождаться уменьшеніемъ общей численности земледѣльческаго населенія, то это объясняется тѣмъ, что бо́льшее разнообразіе культивируемыхъ на поляхъ растеній и вообще производимыхъ въ хозяйствѣ продуктовъ позволяло распредѣлить работы болѣе равномѣрно въ теченіе года. Такъ, чтобы привести хотя одинъ примѣръ, прежде крестьянинъ совсѣмъ не имѣлъ обыкновенно собственно сельско-хозяйственныхъ работъ зимою, развѣ что растягивалъ искусственно молотьбу на всю зиму. Теперь, имѣя кромѣ собственно земледѣлія (т. е. обработки извѣстной территоріи) въ своемъ хозяйствѣ и отрасль скотоводства, продукты котораго являются также товаромъ, онъ долженъ и зимою посвящать значительное количество труда на уходъ за скотомъ и сбытъ продуктовъ или подготовку ихъ для рынка. Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, можно сказать, что переходъ къ болѣе раціональному земледѣлію,

съ переходомъ къ денежному хозяйству, сопровождается не уменьшеніемъ, а увеличеніемъ приложенія живого труда въ земледѣліи и въ первое время, вѣроятно, не только абсолютно или по отношенію къ единицѣ площади пользованія, но и относительно постоянной части капитала.

§ 15. Но со временемъ ходъ прогресса можетъ измѣниться, и необходимо разсмотрѣть, въ какомъ направленіи пойдетъ это измѣненіе. Разсчитывать на то, что машины въ земледѣліи когда-либо будутъ имѣть большое значеніе, нельзя. Въ немъ характеръ приложенія ихъ иной, чѣмъ на фабрикахъ. Фабрикація, какъ уже выше сказано, имѣетъ дѣло съ мертвымъ матеріаломъ, который нужно только подать машинѣ. Земледѣлецъ же эксплуатируетъ силу природы, разсѣянную въ пространствѣ, его рабочая сила не сосредоточивается въ одномъ мѣстѣ. Кромѣ того, онъ имѣетъ дѣло съ организмами, съ которыми нужно обращаться осторожно; слѣдовательно,—какъ бы ни было совершенно устройство машины,—во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы ею управляла разумная человѣческая воля.

Но ограниченность примѣненія машинъ не означаетъ еще, что такое примѣненіе невозможно. Напротивъ, машины и мертвые двигатели и въ земледѣліи находятъ себѣ примѣненіе и въ послѣднія 2—3 десятилѣтія получили здѣсь довольно большое значеніе. Этимъ, несомнѣнно, вызвано значительное повышеніе производительности земледѣльческаго труда въ нѣкоторыхъ областяхъ.

Спрашивается поэтому, не произведетъ ли то возрастаніе производительности труда въ земледѣліи, которое должно явиться слѣдствіемъ распространенія машинъ, такого переворота, что рента совсѣмъ уничтожится? Посмотримъ, какъ будетъ вліять повышенная производительность труда.

Уже Родбертусъ указывалъ, что производительность земледѣльческаго труда относительно низка; и она дѣйствительно долгое время повышалась очень медленно. Прогрессъ земледѣлія почти цѣлое столѣтіе выражался исключительно въ увеличеніи потребленія живой рабочей силы. Съ недавняго времени замѣчается, однако, обратное: послѣ введенія машинъ, усовершенствованныхъ орудій, минеральныхъ удобреній и пр., трудъ земледѣльца сталъ значительно производительнѣе. Что касается въ частности вліянія машинъ, то ихъ примѣненіе вело чаще къ повышенію производительности труда, чѣмъ къ повышенію интенсивности его. Многія сельскохозяйственныя машины, содѣйствуя улучшенію качества работы, въ то же время ведутъ къ уменьшенію числа занятыхъ рабочихъ (къ уменьшенію перемѣннаго капитала), безъ увеличенія интенсивности труда ихъ, а слѣдовательно, и къ уменьшенію производимой прибавочной цѣнности. При этомъ каждое новое улучшеніе въ машинахъ ведетъ къ уменьшенію коли-

чества потребляемаго живого труда. Это послѣднее положеніе можно иллюстрировать слѣдующимъ примѣромъ. Чтобы убрать одну десятину средняго урожая хлѣба въ день серпами, требуется 10—12 человѣкъ жницъ при 5—6 вязальщицахъ. Жатвенная машина въ одинъ день убираетъ 4—5 десятинъ при одномъ рабочемъ и 6—7 вязальщицахъ,—слѣдовательно, она замѣщаетъ отъ 40 до 50 человѣкъ. При работѣ жнеями-сноповязалками требуется еще менѣе затратъ на перемѣнный капиталъ. Вотъ разсчетъ, составленный по даннымъ, взятымъ изъ хозяйственной практики.

На уборку десятины:

	При работѣ жней-вязалокъ.	При работѣ простыхъ жней.
Погашеніе	1 р. 78 к.	— р. 69 к.
Ремонтъ	— » 18 »	— » 18 »
Смазка.	— » $3^1/_8$ »	— » $3^1/_8$ »
Шпагатъ (вязальный шнуръ)	2 » 57 »	— » — »
Работа скота	— » 58 »	— » 58 »
Всего постояннаго капитала	5 р. $14^1/_8$ к.	1 р. $48^1/_8$ к.
Машинисту	1 р. 47 к.	1 р. 47 к.
Косцу, обкашивающему углы .	— » $16^2/_3$ »	— » $16^2/_3$ »
Двумъ складчикамъ въ копны.	2 » — »	2 » — »
Кухаркѣ и рабочимъ при скотѣ	— » 60 »	— » 60 »
Вязка сноповъ	— » — »	5 » 46 »
Всего перемѣннаго капитала	4 р. $23^2/_3$ к.	9 р. $69^2/_3$ к.

Такимъ образомъ, при жнеяхъ-сноповязалкахъ постоянный капиталъ составляетъ 54,86% всего расхода, перемѣнный—45,14%. При простыхъ жнеяхъ постоянный капиталъ составляетъ 13,24% общей суммы расхода и 86,76%—перемѣнный; слѣдовательно, примѣненіе жней-сноповязалокъ понижаетъ долю перемѣннаго капитала въ суммѣ авансированнаго капитала почти въ два раза. Приблизительно въ такомъ же отношеніи (принимая во вниманіе стоимость машинъ) понизится доля перемѣннаго капитала и въ общей суммѣ капиталовъ, участвующихъ въ производствѣ данной работы. Хотя, конечно, значеніе перемѣннаго капитала въ общей суммѣ капиталовъ земледѣльческаго предпріятія измѣнится далеко не въ столь высокой степени, но все же пониженіе суммы перемѣннаго капитала ведетъ за собою и уменьшеніе произведенной прибавочной цѣнности, а, слѣдовательно, и пониженіе ренты.

Подобно примѣненію машинъ, вліяетъ на повышеніе суммы постояннаго капитала и примѣненіе въ хозяйствѣ матеріаловъ, получаемыхъ

извнѣ, напр., искусственныхъ туковъ и кормовыхъ средствъ для скота. Вліяніе это было выяснено выше, потому мы здѣсь на этомъ останавливаться не будемъ. Замѣтимъ только, что въ послѣднее время и покупки этаго рода принимаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ значительные размѣры.

Такимъ образомъ, ходъ земледѣльческаго прогресса въ настоящее время и вѣроятное улучшеніе земледѣльческой техники въ будущемъ таковы, что надежды на возрастаніе ренты неосновательны, и тѣмъ болѣе неосновательны опасенія Рикардо и его школы, повторенныя, однако, и въ цитированномъ выше заключеніи Энгельса, будто рента все болѣе возвышается съ прогрессомъ общества и, по заключенію Рикардо, можетъ почти возвыситься до такой степени, что поглотитъ прибыль. Но столь же неосновательно было бы заключить изъ сказаннаго, что рента уничтожится. Въ послѣднее время (какъ уже было указано) трудъ земледѣльца сдѣлался болѣе производительнымъ; интенсивность же его почти не возрасла. Та же доля прибавочной цѣнности, которая образуетъ ренту, должна была тѣмъ болѣе уменьшиться, что увеличеніе производительности сопровождалось возрастаніемъ авансированнаго капитала. Это совершенно вѣрно. Но, чтобы сдѣлать вѣрный выводъ о значеніи этаго факта для высоты ренты, нужно имѣть въ виду еще слѣдующее. Повышенная производительность въ земледѣліи можетъ быть понимаема двояко: съ одной стороны, это можетъ быть такое же повышеніе производительности труда, какое наблюдается въ фабричной промышленности, при чемъ, слѣдовательно, доля перемѣннаго капитала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прибавочной цѣнности въ цѣнности продукта, уменьшится. Тогда рента понизится, по крайней мѣрѣ, какъ доля цѣнности произведеннаго продукта. Такое увеличеніе производительности вызывается, напримѣръ, примѣненіемъ машинъ. Съ другой стороны, подъ именемъ увеличенія производительности земледѣлія можно понимать (и обыкновенно понимаютъ) увеличеніе производительности почвы, т. е. возрастаніе количества продукта съ единицы эксплуатируемой площади, безъ отношенія къ тому, произведенъ ли избытокъ продукта съ меньшей, или съ той же, или даже съ бо̀льшей затратой труда; въ послѣднемъ случаѣ, производительность труда могла не только не возрасти, но даже понизиться. По отношенію къ величинѣ цѣнности, придаваемой единицѣ продукта различными видами капитала, эти два вида производительности имѣютъ различное значеніе. Увеличеніе производительности почвы при прежней производительности труда можетъ быть вызвано, напримѣръ, усиленнымъ примѣненіемъ удобренія, и тогда постоянная часть цѣнности продукта, представляющая часть цѣнности удобренія, можетъ составлять тотъ же или даже меньшій, а иногда и бо̀льшій процентъ этой цѣнности, чѣмъ прежде. Но если про-

изводительность почвы возрасла при прежней затратѣ на удобреніе единицы площади (вслѣдствіе, напримѣръ, болѣе тщательной обработки, получается зерна болѣе прежняго), то на каждую единицу продукта упадетъ меньшая доля цѣнности удобренія, и въ большинствѣ случаевъ и вообще доля постоянныхъ капиталовъ въ цѣнности продукта уменьшится, ибо, обыкновенно, и количество, и цѣнность сѣмянъ останутся прежними; измѣненіе же величины основного капитала не можетъ,—кромѣ исключительныхъ случаевъ,—вызвать особенно большое увеличеніе постоянной части, такъ какъ эта доля (погашеніе) на каждую единицу продукта обыкновенно мала. Это увеличеніе производительности почвы, т. е. увеличеніе массы продукта съ единицы пространства, являясь обыкновенно одновременно съ увеличеніемъ производительности труда, ведетъ къ тому, что рента съ единицы площади можетъ не только не понизиться, но даже повыситься параллельно съ увеличеніемъ производительности труда. Если раньше опредѣленное количество хлѣба получалось съ 1000 дес., а теперь съ 800 дес., то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, рента съ десятины возрастетъ. Понимаемое въ такомъ смыслѣ увеличеніе производительности возмѣщаетъ въ земледѣліи отчасти увеличеніе интенсивности труда, которое въ фабричной промышленности достигается усиленіемъ хода машинъ. При этомъ увеличеніе ренты не задерживается здѣсь увеличеніемъ массы потребленнаго матеріала,—какъ это имѣетъ мѣсто въ фабрикаціи,—и каждый лишній пудъ произведеннаго на десятинѣ продукта увеличитъ ренту съ этой десятины на ту сумму прибавочной цѣнности, которая заключается въ цѣнности этаго продукта, сверхъ нормальной прибыли на авансированный капиталъ. Причина такого вліянія усиленной производительности почвы въ этомъ случаѣ, т. е. когда этотъ результатъ достигается улучшеніемъ обработки, заключается въ томъ, что это увеличеніе всегда требуетъ увеличенія массы живого труда, что и даетъ возможность получить избытокъ прибавочной цѣнности.

Но если цѣнность земледѣльческаго продукта, вслѣдствіе увеличенія производительности труда въ земледѣліи, понизится, то должна понизиться и цѣнность рабочей силы, что поведетъ за собою пониженіе рабочей платы, и, обыкновенно, это обнаруживается въ обработывающей промышленности ранѣе, чѣмъ въ земледѣліи. Это вызоветъ возрастаніе уровня прибыли и связанное съ этимъ паденіе ренты, какъ доли цѣнности продукта. Въ виду пониженія цѣнности рабочей силы, однако, рабочая плата въ земледѣліи также должна понизиться, что приведетъ и здѣсь къ повышенію нормы прибавочной цѣнности, и, слѣдовательно, будетъ противодѣйствовать пониженію ренты, даже и какъ доля цѣнности продукта.

Такимъ образомъ, если не можетъ быть сомнѣнія, что повышеніе

производительности земледѣльческаго труда и вызываемыя имъ колебанія уровня прибыли (въ зависимости отъ повышенія нормы прибавочной цѣнности въ фабричныхъ предпріятіяхъ) ведетъ къ тому, что рента, какъ доля цѣнности продукта или даже какъ доходъ землевладѣльца съ единицы площади, не будетъ повышаться столь быстро, какъ это было въ относительно недавнее время въ западной Европѣ (конецъ 60-хъ и начало 70-хъ годовъ),—то это еще не значитъ, что рента уничтожится. Этому противодѣйствуютъ еще слѣдующія обстоятельства. Мы видѣли, что повышеніе производительности земледѣльческаго труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и паденіе доли ренты въ продуктѣ, вызывается главнымъ образомъ двумя факторами: 1) введеніемъ работы машинъ и 2) примѣненіемъ покупныхъ матеріаловъ. Однако, эти два фактора, можно сказать, нигдѣ не дѣйствуютъ совмѣстно, или, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ вліяніе одного проявляется наиболѣе сильно, другой отступаетъ на задній планъ, и обратно.

Такъ, примѣненіе машинъ играетъ особенно большую роль при культурѣ зерна, на первомъ мѣстѣ именно хлѣбнаго зерна, и притомъ наиболѣе сильно въ крупныхъ хозяйствахъ. Но зато здѣсь покупка матеріаловъ разнаго рода почти не практикуется или играетъ ничтожную роль. Наоборотъ, примѣненіе покупныхъ матеріаловъ (кормовыхъ и удобрительныхъ) наиболѣе сильно, съ одной стороны,—въ хозяйствахъ съ очень развитымъ скотоводствомъ (покупка кормовъ), хозяйствахъ, обыкновенно малыхъ или среднихъ, производящихъ наиболѣе цѣнные продукты животноводства; или, съ другой стороны—(покупка удобреній) въ хозяйствахъ, практикующихъ культуру корнеплодовъ и клубненосныхъ растеній (свеклы, картофеля) съ цѣлью ихъ технической переработки. Но оба послѣдніе вида хозяйствъ примѣняютъ сравнительно мало машинъ, увеличивающихъ производительность труда, и даже въ томъ случаѣ, когда такія машины являются, онѣ замѣщаютъ не живой трудъ, а основной капиталъ несравненно большихъ размѣровъ, какъ, напримѣръ, сепараторы-сливкоотдѣлители замѣстили дорогія постройки, служившія прежде для отстоя молока. Но мало этаго: въ каждомъ изъ названныхъ типовъ хозяйствъ, рядомъ съ элементомъ, увеличивающимъ долю постояннаго капитала, выступаетъ элементъ, увеличивающій сумму прибавочной цѣнности. Такъ, въ хозяйствахъ зерновыхъ, рядомъ съ машинами, уменьшающими количество прилагаемаго живого труда (каковы жнеи, косилки и т. п.), являются и такія машины, которыя содѣйствуютъ увеличенію интенсивности труда, т. е. поднимаютъ норму прибавочной цѣнности; таковы паровыя молотилки и вообще машины, приводимыя въ дѣйствіе мертвыми двигателями. Кромѣ того, дальнѣйшій прогрессъ этихъ хозяйствъ необходимо долженъ повести къ усиленію скотоводства, ради увеличенія примѣненія удобренія, а это вызоветъ и увеличеніе приложенія живого труда.

Подобнымъ же образомъ. хозяйства съ техническими производствами, культивируя значительное количество корнеплодовъ, вынуждены примѣнять при этомъ огромную массу живого труда; кромѣ того, они обыкновенно совсѣмъ уничтожаютъ у себя одну изъ важныхъ частей основного капитала—продуктивный скотъ; да и главный видъ рабочаго скота (волы) здѣсь, благодаря обычно примѣняемому откармливанію его на заводскихъ отбросахъ, оказывается безъ погашенія, т. е. не передаетъ никакой доли своей цѣнности въ авансированный капиталъ.

Наконецъ, въ третьемъ типѣ хозяйствъ—въ хозяйствахъ скотоводственныхъ, производящихъ наиболѣе цѣнные продукты животноводства (молоко, мясо) и потребляющихъ большое количество покупного корма,—рядомъ съ этимъ культивируется также значительное количество корнеплодовъ (для корма), требующихъ массы живого труда; да, сверхъ того, обращеніе товара чрезвычайно ускоряется, а это, какъ мы видѣли, ведетъ къ огромному повышенію нормы прибавочной цѣнности, если ее взять, какъ отношеніе всей суммы прибавочной цѣнности, полученной за годъ, къ суммѣ авансированнаго капитала, который здѣсь оказывается ничтожной величины, такъ какъ цѣнность матеріаловъ и рабочая плата, составляющія его, возстановляются постоянно изъ цѣны товара, почти полностью при каждомъ оборотѣ.

Такимъ образомъ, ни одинъ изъ факторовъ, понижающихъ ренту, не можетъ достигнуть такого значенія, чтобы рента уничтожилась.

Резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) рента есть результатъ примѣненія въ земледѣліи бо́льшаго относительно количества живого труда для полученія продукта той же цѣнности, какъ продуктъ обрабатывающей промышленности, или, говоря съ Марксомъ,—результатъ низшаго сложенія земледѣльческихъ капиталовъ. Въ свою очередь, это явленіе есть слѣдствіе особенностей земледѣльческаго промысла, а именно: а) земледѣліе эксплуатируетъ силы, разбросанныя въ пространствѣ, чѣмъ затрудняется примѣненіе машинъ и особенно мертвыхъ двигателей; б) животныя и растенія требуютъ иного обращенія, чѣмъ мертвый матеріалъ, что́ снова ограничиваетъ примѣненіе мертвыхъ двигателей и вызываетъ необходимость прилагать больше живого труда; в) матеріалъ, который получаетъ земледѣлецъ отъ обрабатывающей промышленности, составляетъ малоцѣнный отбросъ ея производства, тогда какъ земледѣліе доставляетъ обрабатывающей промышленности самую цѣнную часть ея окончательнаго продукта—основной матеріалъ.

2) Вслѣдствіе этаго, въ цѣнность земледѣльческаго продукта входитъ бо́льшая, сравнительно съ фабрикатомъ, доля цѣнности, произведенной живымъ трудомъ, т. е. больше перемѣннаго капитала и прибавочной цѣнности.

3) Прогрессъ земледѣльческой техники вызываетъ, съ одной стороны, увеличеніе доли постояннаго капитала, содѣйствуя повышенію производительности земледѣльческаго труда; но, съ другой,—рядомъ съ факторами, понижающими долю цѣнности живого труда въ цѣнности продукта,—является каждый разъ тотъ или иной факторъ (или нѣсколько таковыхъ), повышающій сумму произведенной прибавочной цѣнности. Поэтому, по отчисленіи прибыли, всегда должна остаться нѣкоторая часть прибавочной цѣнности въ видѣ ренты. Въ виду всего сказаннаго окончательный выводъ нашъ будетъ таковъ:

4) Необходимость прилагать больше живого труда въ земледѣліи, чѣмъ при обработкѣ сырья на фабрикахъ, вытекаетъ изъ самой природы земледѣльческаго промысла, и потому она будетъ имѣть мѣсто всегда, какова бы ни была производительность земледѣльческаго и фабричнаго труда. Бо́льшая или меньшая производительность земледѣльческаго труда можетъ только вліять на бо́льшую или меньшую высоту ренты, но не можетъ уничтожить ее вполнѣ, при одномъ, однако, необходимомъ условіи, именно: чтобы земледѣльческій продуктъ обращался на рынкѣ по полной своей цѣнности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для образованія ренты совсѣмъ нѣтъ необходимости въ повышеніи цѣны какой-либо части земледѣльческаго продукта сверхъ ея трудовой цѣнности.

Изъ сказаннаго о рентѣ мы должны вывести, что при нормальномъ обращеніи товара (земледѣльческаго продукта), т. е. продажѣ его по цѣнности, рента должна существовать. Но при этомъ невольно является вопросъ: чѣмъ же объяснить тѣ постоянныя жалобы хозяевъ, которыя давно уже слышатся во всей Европѣ, и тѣ крушенія хозяйствъ, которыя составляютъ во многихъ странахъ одно изъ наиболѣе характерныхъ явленій современнаго экономическаго состоянія,—явленіе, получившее наименованіе сельско-хозяйственнаго кризиса? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ подробнѣе только послѣ того, какъ мы ознакомимся съ законами обращенія; но одна сторона дѣла ясна уже и теперь. Именно: наиболѣе рѣзко кризисъ обнаруживается въ томъ, что цѣны зернового хлѣба понижаются до небывалаго уровня, и потому одни страны (Англія) должны были почти совсѣмъ бросить культуру этаго зерна, а другія (Франція, Германія и др.)—оградить свой рынокъ отъ наплыва дешеваго ввознаго зерна чрезвычайно высокими таможенными пошлинами. Съ другой стороны, и земледѣльческія страны, вывозящія зерно, далеко не благоденствуютъ, и тамъ жалуются на невозможность вести хозяйство при существующихъ низкихъ цѣнахъ. Сопоставляя это съ указаннымъ выше фактомъ особенно сильнаго увеличенія производительности труда при зерновой культурѣ, нельзя удивляться пониженію цѣнъ зерна. Но, кромѣ того, безъ сомнѣнія въ этомъ пониженіи цѣнъ на зерно играютъ не-

маловажную роль слѣдующія обстоятельства: 1) въ настоящее время цѣны этихъ продуктовъ опредѣляются всемірнымъ рынкомъ; 2) въ числѣ конкурентовъ на этомъ рынкѣ все больше выступаютъ вновь заселенныя колоніальныя страны, къ которымъ цѣликомъ приложимо все сказанное объ этомъ Марксомъ, т. е. колонисты производятъ почти исключительно одно зерно, которое они во что бы то ни стало должны сбыть, хотя бы и не по полной цѣнности,—Марксъ думаетъ даже ниже «цѣны производства». Сбытъ по этимъ цѣнамъ для нихъ тѣмъ болѣе возможенъ, что они являются въ огромномъ большинствѣ собственниками земледѣльцами, т. е. не платящими ренту и, слѣдовательно, и согласно ученію Маркса—могутъ прилагать и ту часть капитала, которая приноситъ только нормальную прибыль. Но, сверхъ того, какъ владѣльцы довольно значительнаго пространства земли, они, хозяйничая экстенсивно, получая довольно ничтожные урожаи, все же могутъ имѣть достаточную прибыль на свой капиталъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изъ этихъ странъ (С.-А. Соединенные Штаты) оказалось возможнымъ приложить, при мелкихъ относительно хозяйствахъ, не только всѣ тѣ улучшенія, которыя значительно сокращаютъ приложеніе труда, дѣлая его болѣе производительнымъ, но также и тѣ, которыя интенсивируютъ трудъ. Словомъ, здѣсь, при господствѣ мелкихъ хозяйствъ, примѣняются всѣ тѣ улучшенія, которыми въ Европѣ пользуются только крупныя хозяйства (зерносушилки, элеваторы, паровыя молотилки и т. п.). Слѣдовательно, продуктъ здѣсь имѣетъ для производителя минимальную стоимость, а такъ какъ земля досталась производителю даромъ, то онъ можетъ, и не получая ренты, довольствоваться нормальной прибылью и пускать свой продуктъ дѣйствительно по той цѣнѣ, которую Марксъ называетъ «цѣной производства», т. е. стоимость производства + прибыль, — иначе говоря, по цѣнѣ, которая и здѣсь, конечно, ниже цѣнности. Такимъ образомъ явленіе несоотвѣтствія рыночной цѣны продуктовъ земледѣлія съ ихъ внутренней цѣнностью является слѣдствіемъ временнаго положенія всемірнаго производства и, безъ сомнѣнія, будетъ устранено воздѣйствіемъ двухъ разнородныхъ факторовъ: съ одной стороны, прогрессъ техники понизитъ цѣнность земледѣльческаго продукта и приблизитъ ее къ существующимъ цѣнамъ; съ другой—капитализмъ овладѣетъ и земледѣліемъ новыхъ странъ, благодаря чему для нихъ продажа продукта ниже его цѣнности сдѣлается невозможной.

Въ заключеніе замѣтимъ, что мы вездѣ говорили только о рентѣ земледѣльческой, оставляя въ сторонѣ ренту на землю подъ постройками и ренту, получаемую отъ рудниковъ разнаго рода. О послѣдней мы скажемъ нѣсколько ниже, въ отдѣлѣ обращенія, такъ какъ рента этаго рода находится въ связи, съ одной стороны, съ вопросомъ объ установленіи

рыночныхъ цѣнъ, а съ другой — съ вопросомъ о деньгахъ. Что же касается ренты съ земель подъ постройками, то мы считаемъ ее монопольной цѣной за тѣ удобства, которыя связаны съ даннымъ положеніемъ. Во всякомъ случаѣ. ни происхожденіе, ни развитіе ея не имѣетъ ничего общаго съ земледѣльческой рентой, и входить въ дальнѣйшее обсужденіе этаго вида ренты мы считаемъ излишнимъ.

ГЛАВА V.

Формы производства.

Въ отдѣлѣ о формахъ производства мы разсмотримъ только тѣ типы хозяйственной организаціи производства собственно, которые представляютъ интересъ съ чисто политико-экономической точки зрѣнія, оставляя въ сторонѣ тѣ подраздѣленія этихъ типовъ, которыя устанавливаются въ силу различія юридической постановки лицъ, участвующихъ въ предпріятіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подлежащіе нашему обсужденію типы мы разсмотримъ только постольку, поскольку дѣло идетъ объ ихъ общемъ политико-экономическомъ характерѣ, т. е. о значеніи той или другой формы, во 1-хъ, для результатовъ самого производства, во 2-хъ, для лицъ, принимающихъ въ немъ участіе, т. е. для распредѣленія продукта между участниками, и въ-третьихъ, для общественно-экономическаго развитія въ цѣломъ.

Въ виду того, что организація предпріятій промышленныхъ представляетъ значительныя особенности сравнительно съ организаціей земледѣльческихъ, мы разсмотримъ каждую группу формъ производства отдѣльно и начнемъ съ организаціи болѣе простой и нѣсколько уже знакомой намъ изъ историческаго очерка, а именно съ организаціи промышленныхъ предпріятій. Понятно, что та или иная организація находится въ связи съ техникой производства, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе рѣзко различающихся типахъ.

§ 1. Первой формой обрабатывающей промышленности всегда была домашняя промышленность, то есть производство, прежде всего, для потребленія собственной семьи, а затѣмъ для того сложнаго οἶκος'а, который возникаетъ съ развитіемъ рабовладѣнія. Разница въ организаціи производства въ этихъ двухъ формахъ та, что въ οἶκος'ѣ уже играетъ не малую роль раздѣленіе труда, выработывающее изъ работника—раба, исполняющаго непрерывно одну и ту же работу, настоящаго ремеслен-

ника, т. е. спеціалиста своего дѣла, работающаго съ тою виртуозностью, которая пріобрѣтается постояннымъ упражненіемъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Такой спеціализаціи не было и не могло быть при чисто семейномъ производствѣ, для собственнаго потребленія небольшого круга членовъ семьи. Общее же для обоихъ видовъ то, что какъ тутъ, такъ и тамъ продуктъ не выносится на рынокъ, а потребляется внутри той хозяйственной единицы, которая его произвела, или, по крайней мѣрѣ, отчужденіе, путемъ обмѣна или продажи, составляетъ не правило, а исключеніе.

Когда рабъ-ремесленникъ замѣняется свободнымъ или, вначалѣ, полусвободнымъ производителемъ горожаниномъ, то положеніе измѣняется: ремесленникъ-рабъ занимался извѣстнымъ ремесломъ только до тѣхъ поръ и въ той мѣрѣ, въ какой этаго требовалъ рабовладѣлецъ, совершенно не будучи заинтересованъ лично ни въ качествѣ, ни въ количествѣ произведеннаго продукта, такъ какъ продуктъ былъ въ такой же мѣрѣ собственностью рабовладѣльца, какъ и самъ рабъ. Сдѣлавшись свободнымъ, ремесленникъ является заинтересованнымъ въ результатахъ своего труда, ибо отъ качества его зависитъ возможность сбыта продукта на рынкѣ, а количество опредѣляетъ степень благосостоянія работника, для котораго отчужденіе продукта является теперь единственнымъ источникомъ полученія средствъ существованія. Естественно, что при этомъ долженъ былъ произойти нѣкоторый прогрессъ въ производствѣ, по крайней мѣрѣ, поскольку онъ зависитъ не отъ орудій, а отъ интенсивности труда и тщательности работы ремесленника. Несомнѣнно, такой прогрессъ,—отчасти вѣроятно и въ орудіяхъ труда,—и произошелъ; но скоро дальнѣйшее развитіе его было остановлено введеніемъ цехового устройства. Дѣло въ томъ, что свобода горожанъ и нѣкоторыя явленія, имѣвшія мѣсто въ сельской жизни, привлекали въ города все бо́льшее число ремесленниковъ, которые соперничали на городскомъ рынкѣ своими произведеніями. Но рынокъ этотъ былъ ограниченъ и могъ потреблять только весьма незначительное количество продукта; поэтому онъ скоро переполнялся, и, слѣдовательно, нѣкоторые изъ городскихъ ремесленниковъ не могли разсчитывать на полный сбытъ своего продукта. Для устраненія этаго перепроизводства и вводится цеховая регламентація. Цехъ есть принудительный союзъ всѣхъ лицъ, занимающихся извѣстнаго рода ремесломъ. Члены цеха устанавливаютъ не только количество мастеровъ и вообще работниковъ, поставляющихъ продуктъ на мѣстный рынокъ, но и самыя качества продукта и цѣну его. Регулированіе качества продукта было такъ же необходимо, какъ и регулированіе его количества, ибо только такимъ образомъ можно было гарантировать сбытъ его.

Какъ было указано во введеніи, ремесленные цехи переходятъ затѣмъ въ мануфактуру; но предварительно цеховое устройство было

нарушено основаніемъ мануфактуръ внѣ городовъ. Первоначально производство принимаетъ при этомъ характеръ домашняго производства крестьянъ, при чемъ капиталистъ доставляетъ работнику матеріалъ и получаетъ продуктъ, уплачивая извѣстную сумму за изготовленіе его; работникъ же, оставаясь въ своемъ домѣ, производитъ продуктъ помощью ему же принадлежащихъ орудій труда. Однимъ изъ важныхъ стимуловъ къ соединенію затѣмъ этихъ разрозненныхъ рабочихъ подъ одною кровлею мануфактуры было, вѣроятно, желаніе болѣе точно контролировать трату матеріала, доставляемаго капиталистомъ. Другимъ такимъ же стимуломъ нужно считать необходимость снабженія работниковъ орудіями труда, когда оказалось, что, при наличности рабочихъ силъ, эти работники, за неимѣніемъ орудій, лишены возможности приложенія своего труда.

Таковъ былъ одинъ путь образованія мануфактуры; въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, значительное число лицъ, занимавшихся прежде тѣмъ же видомъ работы въ своихъ домахъ, просто собиралось подъ одною кровлей и поступало подъ надзоръ капиталиста, владѣльца средствъ производства, продолжая выполнять и здѣсь тѣ же работы. Это—кооперація въ простѣйшей формѣ, въ которой скоро вводится болѣе дробное раздѣленіе функцій между участниками ея, повышающее производительность труда кооперирующихъ рабочихъ. Спеціализація функцій выражается въ томъ, что различныя операціи, которыя раньше производились однимъ ремесленникомъ, теперь отдѣляются одна отъ другой, поручаются каждая отдѣльному работнику, и, въ то же время, всѣ эти операціи порознь исполняются одновременно различными участвующими въ кооперації работниками: рабочіе группируются по спеціальностямъ. Напримѣръ, въ булавочной мастерской различныя части булавки исполняются отдѣльными рабочими, и производство каждой изъ этихъ частей можно видѣть въ одно и то же время. При этомъ, слѣдовательно (говоря словами Маркса),—«изъ *индивидуальнаго* продукта самостоятельнаго ремесленника, исполняющаго множество различныхъ операцій, товаръ превращается въ *общественный* продуктъ союза ремесленниковъ, изъ которыхъ каждый исполняетъ постоянно лишь одну какую-нибудь детальную операцію».

Другой способъ возникновенія мануфактуры состоитъ въ томъ, что соединяются нѣсколько ремеслъ. Въ каретномъ производствѣ, напримѣръ, слесарь, мѣдникъ, токарь, красильщикъ и другіе соединены въ одномъ зданіи, чтобы помогать другъ другу своимъ одновременнымъ трудомъ. Рабочіе и здѣсь спеціализируются и мало-по-малу теряютъ способность отправлять свое старое ремесло во всемъ его объемѣ. Все производство расчленяется на отдѣльныя операціи, и каждая изъ нихъ становится исключительной функціей особаго работника; а въ цѣломъ приготовленіе продукта производится совокупностію этихъ детальныхъ работниковъ

Необходимость соединенія прежнихъ самостоятельныхъ ремесленниковъ подъ общимъ управленіемъ капиталиста вызвана была первоначально тѣмъ, чрезвычайно дробнымъ раздѣленіемъ производства, которое произошло въ концѣ среднихъ вѣковъ и сдѣлало спеціальностью отдѣльнаго цеха каждую незначительную операцію, при чемъ таковой, подъ опасеніемъ штрафа, не имѣлъ права исполнять членъ другого цеха. Даже такое, сравнительно простое, ремесло, какъ кузнечное, напримѣръ, распалось на нѣсколько спеціальностей: кузнецъ, приготовлявшій гвозди, не имѣлъ права подковывать лошадей, такъ какъ эта работа составляла функцію отдѣльнаго цеха, не имѣвшаго, въ свою очередь, права изготовлять гвоздей для продажи. Эта-то дробность функцій, и постоянные споры и недоразумѣнія между отдѣльными цехами о правахъ каждаго изъ нихъ на исполненіе той или другой детальной работы,—настолько затрудняли изготовленіе каждаго болѣе или менѣе сложнаго предмета, что, по необходимости, вынуждали производителей таковыхъ стремиться къ освобожденію производства отъ цеховой регламентаціи.

Такимъ образомъ проведеніе до крайнихъ предѣловъ того принципа,—огражденія права каждой группы работниковъ (цеха) на исключительное производство извѣстнаго рода товара,—въ видахъ доставить работнику прочное матеріальное обезпеченіе,—проведеніе этаго принципа вызвало въ концѣ концовъ появленіе мануфактуры, а съ нею и капиталистическаго производства, которое въ принципѣ совершенно игнорируетъ работника и заботится только о процвѣтаніи производства. Короче говоря, стремленіе цеховъ разрѣшить въ пользу работника противорѣчіе между интересами производства и интересами работника, путемъ задержки развитія техники, вызвало такое положеніе вещей, что, когда увеличеніе потребностей общества потребовало расширенія производства,—это расширеніе могло произойти только съ полнымъ устраненіемъ самаго принципа, лежавшаго въ основѣ ремесленнаго строя. Но, конечно, такой крутой переломъ не могъ совершиться сразу, и самое расширеніе потребностей должно было имѣть свои причины, которыя отчасти выяснятся намъ въ нижеслѣдующемъ.

Третій путь образованія мануфактуры состоитъ въ слѣдующемъ. Мелкое домашнее производство, главная цѣль котораго доставлять предметы непосредственнаго потребленія семьѣ самого производителя, постепенно, съ увеличеніемъ раздѣленія труда, превращается въ кустарничество, т. е. въ такого рода промыселъ, продукты котораго въ весьма малой мѣрѣ служатъ удовлетворенію потребности самого производителя, назначаясь прежде всего для сбыта на сторону. Здѣсь ремесло обыкновенно связано съ земледѣліемъ, являясь въ началѣ какъ подсобный промыселъ, которымъ занимаются только постольку, по скольку существуетъ спросъ

на продуктъ на мѣстномъ рынкѣ. Обыкновенно родъ ремесла опредѣляется имѣющимся подъ рукой матеріаломъ: въ лѣсныхъ мѣстностяхъ возникаютъ лѣсные промыслы, въ мѣстностяхъ, гдѣ находится глина, годная для гончарнаго производства,—гончарничество, и т. п. Съ расширеніемъ рынка усиливается спросъ на продукты даннаго ремесла, и имъ начинаетъ заниматься нерѣдко все населеніе поселка и даже болѣе или менѣе обширной области, особенно, если матеріалъ находится вблизи. Такіе ремесленники называются кустарями, а промышленность—кустарничествомъ, отъ слова „кустъ", которымъ желаютъ указать, что населеніе занимается ремесломъ отдѣльными кустами—семьями. Во всякомъ случаѣ, кустарничество рѣзко отличается отъ домашняго и ремесленнаго способа производства. При домашнемъ производствѣ производитель работаетъ, прежде всего, для полученія потребительныхъ цѣнностей, нужныхъ для удовлетворенія потребностей собственной семьи, а если иногда и по заказу, то, все же, производство строго ограничено тѣмъ спросомъ, который имѣется со стороны заказчиковъ, и обыкновенно, онъ обмѣнивается со своими же односельчанами; это, можетъ быть, именно, мѣна, а не продажа, и посредничество денегъ отнюдь не является необходимостью. Ремесленникъ же, хотя и работаетъ для продажи, но только по заказу или, во всякомъ случаѣ, на ограниченный мѣстный рынокъ. Но, когда все населеніе данной мѣстности начинаетъ заниматься однимъ ремесломъ, какъ при кустарничествѣ, тогда не можетъ быть уже рѣчи объ обмѣнѣ продуктами съ односельцами или даже работѣ по заказу на мѣстный рынокъ. Въ этомъ случаѣ изготовляемый товаръ долженъ сбываться, по крайней мѣрѣ главной своей массой, на болѣе или менѣе отдаленный рынокъ; производство становится не только товарнымъ, денежнымъ, но и массовымъ, и это ведетъ за собою весьма серьезныя послѣдствія для производителя. Прежде всего, онъ не знаетъ теперь своего потребителя, не знаетъ ни размѣровъ спроса, ни часто даже мѣста сбыта своего товара. Соотвѣтственно этому, опредѣлить размѣры своего производства производитель уже не можетъ; продукты теперь производятся массой и потому сбываться (поступать на рынокъ) должны массой же. Является потребность въ обширномъ рынкѣ и комиссіонерахъ-посредникахъ, которымъ удобнѣе вести дѣло съ массовой покупкой и продажей. Комиссіонеры эти, понемногу, изъ посредниковъ становятся скупщиками продуктовъ, а затѣмъ и поставщиками матеріала для кустаря. Въ концѣ концовъ, кустарь,—самостоятельный производитель, превращается, по существу, въ работника посредника, лишь не находящагося подъ постояннымъ контролемъ и работающаго въ своемъ домѣ. Эта связь со своимъ домомъ и особенно съ землей, позволяющая кустарю въ трудныя минуты застоя дѣлъ на рынкѣ поддерживать свое существованіе, имѣетъ и невыгодныя

стороны. Благодаря ей, кустарь часто не умѣетъ правильно расцѣнить свой продуктъ, ибо онъ не всегда можетъ при этомъ даже опредѣлить число дней труда, употребленное на изготовленіе продукта, такъ какъ работа производится отрывочно, въ періоды, свободные отъ земледѣльческихъ работъ. Эта неумѣлость производителя оцѣнить товаръ даетъ возможность комиссіонеру понижать цѣну на произведенія и содѣйствуетъ скорѣйшему превращенію кустаря въ простого работника. Вотъ это-то кустарничество и послужило непосредственной ступенью для перехода къ крупной промышленности и вездѣ подготовило почву для нея. Кустарничество превращается первоначально въ тотъ видъ домашняго производства, который и въ западной Европѣ предшествовалъ мануфактурѣ,—когда первоначальный посредникъ по сбыту становится фактическимъ хозяиномъ продукта, для котораго онъ доставилъ матеріалъ и за изготовленіе котораго онъ уплачиваетъ работнику опредѣленную плату. Таково было положеніе ручного ткачества во Владимірской и другихъ губерніяхъ нашего центральнаго промышленнаго района еще въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ. Но, въ концѣ концовъ, вся армія кустарей образуетъ готовый контингентъ мануфактурныхъ, а въ нашихъ условіяхъ нерѣдко—прямо фабричныхъ рабочихъ. Образованіе мануфактуры изъ кустарничества свойственно именно тѣмъ странамъ, въ которыхъ настоящій ремесленно-цеховой строй не получилъ полнаго развитія. Это тѣ страны, которыя принято называть новыми странами, въ томъ смыслѣ, что въ нихъ капиталистическій строй возникъ позже, чѣмъ въ другихъ странахъ,—странахъ старой культуры.

Какимъ бы образомъ ни возникала мануфактура, она всегда представляетъ «производительный механизмъ, органы котораго суть люди». Раздѣленіе труда въ мануфактурѣ ведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ и для хозяина, и для рабочаго. Работникъ, исполняющій въ теченіе всей своей жизни одну и ту же простую операцію, дѣлается болѣе опытнымъ, болѣе ловкимъ, спеціализируется. Вслѣдствіе этаго работа становится совершеннѣе; самый организмъ работника приспособляется къ небольшому количеству исполняемыхъ имъ несложныхъ манипуляцій, превращается въ автоматическій, односторонній органъ, которому, для выполненія какой-либо операціи, требуется меньше времени, чѣмъ ремесленнику, занятому поперемѣнно цѣлымъ рядомъ работъ. Поэтому живой механизмъ мануфактуры, состоящій изъ такихъ одностороннихъ, детальныхъ работниковъ, работаетъ болѣе производительно, чѣмъ ремесленники; это значитъ, что извѣстное число ремесленниковъ, превратившихся въ мануфактурныхъ рабочихъ, производитъ теперь гораздо болѣе продукта, чѣмъ прежде. Съ другой стороны, переходъ отъ одной операціи къ другой въ

самостоятельномъ ремеслѣ велъ за собою потерю времени. Въ мануфактурѣ, съ раздѣленіемъ сложныхъ операцій на простыя и уменьшеніемъ или совершеннымъ устраненіемъ повременной смѣны операцій, уменьшилась непроизводительная трата рабочей силы и рабочаго времени. Это обстоятельство указываетъ, что произошло не только увеличеніе производительности, но и интенсивированіе труда, которое также ведетъ къ увеличенію массы товара, производимаго извѣстнымъ числомъ рабочихъ въ данное время. Рядомъ съ этимъ понижается расходъ на производство, потому что уменьшается потребленіе различныхъ частей постояннаго капитала. Такъ, теперь не требуется полнаго набора инструментовъ для каждаго работника, какъ было у ремесленника, а только одинъ или немногіе спеціальные инструменты на каждаго; инструменты теперь всѣ находятся въ непрерывной работѣ, т. е. теперь они потребляются только производительно, во время работы, и непроизводительное изнашиваніе отъ дѣйствія внѣшнихъ метеорологическихъ факторовъ—влаги, воздуха и т. п., почти совершенно исчезаетъ. Инструменты изнашиваются скорѣе, но капиталъ въ нихъ значительно меньше. Затраты на строенія также относительно уменьшаются: большое число рабочихъ соединяется въ одномъ зданіи, которое будетъ стоить меньше, чѣмъ рядъ маленькихъ домовъ для такого же числа самостоятельныхъ ремесленниковъ. Кромѣ того, такое соединеніе массы рабочихъ позволяетъ использовать различные отбросы, напримѣръ, опилки въ желѣзномъ производствѣ: они собираются и идутъ обратно въ горнъ. Происходитъ, наконецъ, интенсивированіе труда, являющееся всегда слѣдствіемъ сотрудничества значительнаго числа лицъ, занятыхъ однороднымъ дѣломъ, какъ результатъ взаимнаго соревнованія этихъ лицъ. Словомъ, мануфактура пользуется всѣми тѣми выгодами и удобствами, которыя представляетъ сложная кооперація, такъ какъ она есть типическій образецъ такой кооперації. Всѣ эти обстоятельства ведутъ къ тому, что производство продуктовъ удешевляется, и мануфактуристъ имѣетъ возможность продавать свой товаръ дешевле ремесленника, слѣдовательно, легче находитъ сбытъ. Но увеличеніе сбыта, расширеніе рынка является не только слѣдствіемъ удешевленія продукта,—оно есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимое условіе для существованія мануфактуры: увеличеніе количества продукта только тогда и выгодно, когда этотъ продуктъ находитъ болѣе обширный рынокъ, могущій потребить всю массу его.

Процессъ замѣщенія ремесла мануфактурой измѣняетъ и самого рабочаго: изъ самостоятельнаго ремесленника онъ превращается въ часть, элементъ общаго рабочаго механизма. Какъ сказано, производство въ мануфактурѣ представляется разомъ во всѣхъ фазахъ. Въ одномъ мѣстѣ руки этаго многочленнаго рабочаго тѣла тянутъ проволоку черезъ воло-

чильню, въ то же время другія руки, въ другомъ мѣстѣ, распрямляютъ, рѣжутъ ее, заостряютъ и т. д. Въ этой работѣ элементъ этой сложной машины,—рабочій,—спеціализируется; каждый въ своей детальной работѣ дѣлается виртуозомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ становится неспособнымъ къ другой работѣ, даже если сдѣлается самостоятельнымъ, ибо, спеціализировавшись на извѣстномъ дѣлѣ, рабочіе становятся до извѣстной степени калѣками, которые сильны въ одной только своей спеціальности и совершенно немощны въ какихъ-либо другихъ. Въ виду такого положенія вещей, ихъ рабочая сила можетъ быть потреблена производительно только въ соединеніи съ другими такими же детальными работниками, при сотрудничествѣ съ которыми она только и можетъ создать потребительную цѣнность. Иначе говоря, эти раздробленныя силы дѣлаются производительными только тогда, когда ихъ купитъ мануфактуристъ и соединитъ подъ своимъ руководствомъ.

Вслѣдствіе свойственнаго мануфактурѣ детальированія работъ, является изолированіе различныхъ фазъ производства; эти фазы дѣлаются самостоятельными производствами, независимыми другъ отъ друга, потому что исполняются различными работниками. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, для изготовленія цѣльнаго продукта, — товара, — необходимо поддерживать связь между различными частями производства, что̀ требуетъ постоянной передачи продукта отъ одной группы рабочихъ къ другой, для которой этотъ продуктъ является матеріаломъ. А такъ какъ успѣшность различныхъ работъ неодинакова, то мануфактуристъ долженъ извѣстнымъ образомъ согласовать, координировать число рабочихъ силъ, исполняющихъ каждую операцію, чтобы не было недостатка въ матеріалахъ для работы той или другой группы рабочихъ, и, наоборотъ, не накоплялось избытка продукта на извѣстной, еще не окончательной стадіи его переработки. Напримѣръ: въ производствѣ буквъ на двухъ отбивальщиковъ нужно поставить пятерыхъ полировщиковъ, и т. д. Словомъ, между различными рабочими группами должно существовать строго опредѣленное численное соотношеніе. Слѣдствіемъ этаго является то, что расширеніе производства, по необходимости, должно идти толчками. Пусть наименьшая группа рабочихъ будетъ a, а послѣдующія—ma, na, pa, т. е. отношеніе между ними выразится такъ: $1 : m : n : p$—гдѣ m, n и p какія-нибудь цѣлыя числа. Вслѣдствіе накопленія капитала, мануфактуристъ желаетъ расширить свое предпріятіе: если онъ увеличитъ первую группу вдвое, ему необходимо будетъ увеличить пропорціонально и остальныя группы, т. е. вдвое, такъ какъ численное отношеніе группъ должно остаться прежнее. Но такое увеличеніе возможно только въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ въ состояніи доставить средства производства не для $2a$ рабочихъ, а для $2a + 2ma + 2na + 2pa$, такъ какъ только при этомъ условіи возможенъ правильный ходъ производства.

Къ сказанному выше о различіи между раздѣленіемъ труда въ мануфактурѣ и раздѣленіемъ труда въ обществѣ прибавимъ, что мануфактурное раздѣленіе предполагаетъ концентрацію средствъ производства въ рукахъ капиталиста и его безусловный авторитетъ надъ рабочими, являющимися простыми членами принадлежащаго ему коллективнаго рабочаго механизма; общественное же раздѣленіе предполагаетъ раздробленіе средствъ производства между независимыми производителями, признающими одинъ авторитетъ конкуренціи. Конкуренція же и рынокъ регулируютъ въ общественномъ раздѣленіи труда количество производителей, занятыхъ въ каждой отрасли; въ мануфактурѣ же количественныя отношенія группъ работниковъ опредѣляются самой техникой производства. Раздѣленіе труда внутри общества можетъ существовать при различныхъ экономическихъ формаціяхъ въ развитіи общества; мануфактурное же раздѣленіе труда представляетъ специфическое созданіе опредѣленной экономической формаціи, именно капиталистическаго способа производства, характеризующагося на первомъ мѣстѣ тѣмъ, что здѣсь рабочая сила, т. е. субъективный факторъ производства, — занятый въ производствѣ рабочій,—является въ видѣ особой формы капитала, т. е. принимаетъ форму объективнаго фактора производства.

Тѣмъ не менѣе, нужно помнить, что рабочая сила въ мануфактурѣ остается силой ремесленника; хотя ремесло и раздѣлено здѣсь на самостоятельныя операціи, но эти послѣднія сохраняютъ свой ремесленный характеръ: качество и количество работы всецѣло зависитъ отъ качества и воли работника, въ рукахъ котораго остается орудіе работы, направляемое, какъ и при ремеслѣ, личной волей работника. Благодаря тому, что ремесло составляетъ техническое основаніе мануфактуры, мануфактуристъ находится въ извѣстной зависимости отъ рабочаго, въ рукахъ котораго находится инструментъ и отъ ловкости котораго зависитъ и успѣшность работы. Хотя издержки на обученіе рабочаго, вслѣдствіе упрощенія операцій, понижаются, но, тѣмъ не менѣе, мануфактуристу требуется обученный работникъ, котораго нельзя скоро создать тамъ, гдѣ его не подготовила ремесленная стадія производства. Благодаря этому обстоятельству, во все продолженіе мануфактурнаго періода положеніе рабочихъ самое лучшее: рабочіе держали въ рукахъ капиталистовъ; въ Англіи, напримѣръ, рабочіе не хотѣли работать болѣе четырехъ дней въ недѣлю, и никакіе законы не могли заставить ихъ работать больше. Поэтому-то, въ теченіе всего мануфактурнаго періода слышались жалобы на недостатокъ дисциплины между рабочими, на нежеланіе ихъ работать. Не смотря, однако, на эти жалобы, мануфактура явилась чрезвычайно сильнымъ средствомъ развитія капитализма и орудіемъ накопленія капитала. Въ противоположность ремесленному строю и господствовавшимъ

тамъ ограниченіямъ количества эксплуатируемыхъ каждымъ предпринимателемъ рабочихъ силъ,—здѣсь подъ руководствомъ капиталиста можетъ быть соединено произвольное число рабочихъ, ограничиваемое только необходимымъ для занятія ихъ капиталомъ и возможностью сбыта продукта и полученія матеріаловъ. Вслѣдствіе этаго, въ рукахъ одного предпринимателя остается огромная масса прибавочной цѣнности, и капиталистъ можетъ одновременно—роскошно удовлетворять свои потребности и много накоплять, т. е. быстро расширять свое производство и, значитъ, все болѣе привлекать въ свои руки прибавочной цѣнности. Эта концентрація капиталовъ въ рукахъ мануфактуристовъ дала возможность быстро перейти къ новой формѣ производства, освободившей капиталиста отъ той зависимости, въ которую ставила его необходимость привлекать обученнаго ремесленника-рабочаго.

Технологическое основаніе мануфактуры уничтожилось съ введеніемъ машинъ и мертвыхъ двигателей, которые явились новымъ, несравненно болѣе сильнымъ факторомъ развитія капитализма, чѣмъ мануфактура съ ея кооперацією и сложнымъ раздѣленіемъ труда между виртуозами-работниками.

§ 2. Ходъ машины, приводимой въ движеніе мертвымъ двигателемъ, уже не зависитъ отъ воли рабочаго; самое качество продукта, какъ и быстрота исполненія работы—оказываются внѣ его вліянія. Работающія части машины представляютъ собственно въ измѣненной формѣ тѣ же самые инструменты, которыми работали ремесленникъ и мануфактурный рабочій, но теперь они являются частями мертваго механизма. Подобные механическіе инструменты изобрѣтались и раньше, но не находили себѣ примѣненія, съ одной стороны, по причинѣ сравнительно незначительнаго обмѣна, съ другой—вслѣдствіе того, что не было налицо такой силы, которая могла бы приводить ихъ въ движеніе. Главнѣйшими двигателями были силы человѣка и животныхъ, неудобство коихъ, помимо дороговизны и незначительности самыхъ силъ, заключалось въ томъ, что они не могли работать постоянно, и, кромѣ того, работали только тогда, когда хотѣли. Изъ мертвыхъ двигателей раньше сдѣлалось извѣстно примѣненіе вѣтра и воды. Но вѣтеръ, какъ двигатель, непостояненъ; а употребленіе силы паденія воды, хотя наиболѣе заслуживало вниманія, было ограничено тѣмъ, что количество ея не могло быть увеличено по произволу, и къ тому же она представляетъ силу чисто мѣстную. Поэтому до изобрѣтенія примѣненія пара какъ двигателя, мануфактуристъ остается мануфактуристомъ, т. е. примѣняетъ только живую рабочую силу человѣка и тѣ инструменты, которые унаслѣдованы отъ ремесла. Съ введеніемъ же парового двигателя, мануфактура превращается въ фабрику, въ которой двигающей силой является паръ, которымъ пред-

приниматель управляетъ по произволу и добываетъ его, гдѣ ему нужно и сколько угодно. Теперь человѣкъ состоитъ при машинѣ не какъ двигательная сила, направляющая орудіе; его ловкость, виртуозность по отношенію къ исполненію различныхъ манипуляцій производства, благодаря машинѣ, сдѣлались почти совершенно ненужными. Не даромъ же изобрѣтатель перваго прядильнаго парового станка назвалъ его—«машиной, прядущей безъ пальцевъ». Машина работаетъ безъ вмѣшательства работника; послѣднему остается только подавать ей матеріалъ для переработки и наблюдать за ходомъ ея, исправляя нѣкоторыя ея ошибки. Такимъ образомъ, тогда какъ въ мануфактурномъ производствѣ—работникъ управлялъ инструментами, въ машинномъ—орудіе труда, машина, направляетъ движенія рабочаго. Передъ введеніемъ паровыхъ машинъ нѣкоторые мануфактуристы пытались заставить рабочихъ вертѣть по два прядильныхъ колеса; но такихъ рабочихъ, которые были бы способны производить эту работу и, слѣдовательно, готовить одновременно двѣ нитки, оказалось ничтожное количество; паровая же прялка приводила въ движеніе съ самаго перваго момента ея изобрѣтенія по двѣнадцати веретенъ, а теперь число это возросло до нѣсколькихъ сотенъ. Поэтому число занятыхъ рабочихъ можетъ быть сильно сокращено, или производство, при томъ же числѣ занятыхъ рукъ, въ огромномъ размѣрѣ увеличено. Кромѣ того, такъ какъ съ введеніемъ машинъ отъ рабочаго не только не требуется обученнаго труда, но часто даже мускульной силы, то взрослаго рабочаго можно теперь замѣнить женщиной и даже ребенкомъ. Вслѣдствіе же замѣны полнаго работника—представителя цѣлой семьи—такими неполными силами, увеличивается въ огромной мѣрѣ предложеніе труда, и рабочему можно понизить плату. При этомъ вся семья работника, всѣмъ своимъ составомъ участвуя въ производствѣ, можетъ быть, будетъ получать даже больше, чѣмъ получалъ прежде одинъ глава семьи; но и капиталистъ получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность помощью прежняго, или только немного бо́льшаго, перемѣннаго капитала эксплуатировать большее количество рабочихъ силъ, а слѣдовательно, и получать больше прибавочной цѣнности. Такъ, напримѣръ, покупка четырехъ рабочихъ силъ одного семейства, можетъ быть, будетъ стоить больше, чѣмъ покупка рабочей силы главы семьи; но теперь, вмѣсто одного рабочаго дня, покупается четыре; и такъ какъ цѣнность рабочихъ силъ семьи та же, что́ была прежде цѣнность одной силы, т. е. силы главы семьи, то перемѣнный капиталъ увеличивается незначительно, и, слѣдовательно, возрастаетъ норма прибавочной цѣнности. Съ другой стороны, увеличеніе предложенія со стороны рабочихъ, вслѣдствіе введенія въ рабочій процессъ дѣтей и женщинъ, ведетъ, вмѣстѣ съ замѣной рабочихъ машинами, къ тому, что рабочему стано-

вится теперь гораздо труднѣе находить себѣ работу, тѣмъ болѣе, что и расширеніе производства идетъ теперь иначе. *Во-первыхъ*, производительность труда, которая уже въ мануфактурѣ возрасла въ громадномъ отношеніи сравнительно съ ремесломъ, теперь,—съ введеніемъ машинъ,—возрастаетъ еще въ гораздо большей степени. Такъ, напримѣръ, одна машина при двухъ работникахъ производитъ до 4.000,000 булавокъ въ день, тогда какъ мануфактурнымъ способомъ можно было произвести не болѣе 80,000 при двадцати рабочихъ. Благодаря такому повышенію производительности труда, происходитъ сильное удешевленіе продукта. Этой дешевизной товара фабрикантъ и побиваетъ и кустаря, и мануфактуриста и завоевываетъ рынки. Но зато, съ переходомъ къ фабричному способу производства,—благодаря той же громадной производительности труда фабричныхъ рабочихъ,—рынки быстро переполняются. *Во-вторыхъ*, расширеніе производства дѣлается теперь еще болѣе труднымъ, чѣмъ при мануфактурномъ способѣ, т. е. требуетъ еще бо́льшаго накопленія, такъ какъ связано съ гораздо болѣе значительнымъ увеличеніемъ капиталовъ предпріятія. Это происходитъ оттого, что та спеціализація работъ, которая имѣла мѣсто въ мануфактурѣ и вызывала необходимость привлекать для расширенія производства одновременно нѣсколько связанныхъ между собою рабочихъ группъ, остается и при фабричномъ производствѣ, съ тою только разницею, что теперь каждая группа мануфактурныхъ работниковъ замѣщена группою машинъ, и всѣ эти группы машинъ связаны между собою совершенно подобной же зависимостью, какъ въ мануфактурѣ были связаны группы детальныхъ работниковъ. Поэтому, желая расширить производство, капиталистъ долженъ сдѣлать значительныя затраты на обзаведеніе основнымъ капиталомъ—машинами, а нерѣдко и строеніями, да кромѣ того, такъ какъ производительность труда теперь несравненно выше, чѣмъ была въ мануфактурѣ, то такое расширеніе увеличиваетъ въ весьма значительной мѣрѣ и сумму затратъ на матеріалы.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, является значительное наростаніе той рабочей силы, которой можетъ располагать теперь капиталистъ (въ видѣ женщинъ и дѣтей), съ другой—затрудняется привлеченіе къ производству новыхъ силъ, и потому предложеніе труда скоро оказывается превышающимъ спросъ на него, и является то искусственное перенаселеніе, о которомъ было говорено выше.

Переворотъ въ средствахъ производства повлекъ за собой переформированіе и транспортныхъ средствъ, въ смыслѣ удешевленія перевозки, такъ какъ только при этомъ условіи можно было поставлять произведенія фабрикъ на отдаленные рынки и обратно—подвозить къ фабрикамъ ту огромную массу сырыхъ матеріаловъ, какой онѣ требуютъ. Точно

также завоеваніе новыхъ рынковъ, въ виду быстраго переполненія мѣстныхъ, было условіемъ sine-qua-non существованія и развитія фабричнаго производства,—а оно сдѣлалось возможнымъ также только благодаря улучшенію транспорта. Не говоря о грунтовыхъ и шоссейныхъ дорогахъ, даже существовавшія до введенія пара водяныя средства сообщенія не могли осилить всей массы транспорта, а потому взамѣнъ ихъ явились паровые пути сообщенія, которые дали возможность чуть не безграничнаго расширенія производства.

Мы ниже остановимся болѣе подробно на вопросѣ о вліяніи улучшенія путей сообщенія на экономическую жизнь, а теперь устранимъ одно недоразумѣніе, встрѣчающееся у многихъ русскихъ авторовъ, относительно вліянія машинъ на удешевленіе производства.

Предѣломъ производительности машинъ, говорятъ эти экономисты, служитъ положеніе: цѣна машины должна быть не больше цѣны рабочей силы тѣхъ рабочихъ, которыхъ она вытѣсняетъ. Это положеніе Марксъ формулировалъ такъ: для капиталиста «приложеніе машинъ ограничивается разницей между стоимостью машины и стоимостью замѣщаемой ею рабочей силы». Поясникъ это положеніе примѣромъ. Мануфактура имѣетъ 2000 рабочихъ, изъ которыхъ каждый получаетъ 200 руб., а всѣ, слѣдовательно, 400,000 руб. въ годъ. Пусть эта мануфактура производитъ ежегодно 4000 единицъ какого-либо продукта, на изготовленіе котораго потребляется матеріала на 400,000 руб. При 100% нормы прибавочной цѣнности, каждый рабочій дастъ капиталисту прибавочную цѣнность въ 200 руб. Итакъ, цѣнность продукта составится изъ 400,000 руб. рабочей платы + 400,000 руб. матеріаловъ + 400,000 руб. прибавочной цѣнности = 1.200,000 руб.; каждая единица товара будетъ при этомъ стоить 1.200,000 руб.: 4000 = 300 руб. (не считая погашенія основного капитала). Пусть теперь 1000 рабочихъ замѣнятся машиной, стоющей ихъ годовой платы (200,000 руб.). Если эта машина замѣщаетъ только 1000 рабочихъ, то замѣна эта, съ точки зрѣнія капиталиста, будетъ невыгодна, ибо затрата капитала не уменьшилась, а доходъ капиталиста падетъ на всю сумму прибавочной цѣнности, которую производили замѣщенные рабочіе. Это и имѣетъ въ виду Марксъ. Русскіе же экономисты (Н. —онъ) выводятъ отсюда, что стоимость продукта не понизится, а это совершенно невѣрно. Машина вѣдь служитъ не 1 годъ, а, скажемъ, 10 лѣтъ; слѣдовательно, въ каждый годъ потребляется только 0,1 цѣнности ея, т. е. 20,000 руб. Потому 20,000 руб. погашенія + 200,000 руб. рабочей платы + 400,000 руб. матеріаловъ + 200,000 руб. прибавочной цѣнности = 820,000 руб. — составитъ цѣнность всего продукта; каждая же единица его, полагая, что ихъ попрежнему производится 4000, будетъ стоить только 205 руб., а не 300 руб., какъ прежде. Цѣнность про-

дукта, слѣдовательно, понизилась, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ понизилась и сумма прибавочной цѣнности (200,000 вмѣсто 400,000). Но и послѣднее будетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если, вслѣдствіе введенія машинъ, не повысилась интенсивность труда и быстрота обращенія товара. При этихъ условіяхъ уровень прибыли, который прежде, когда основной капиталъ $= 0$, былъ по Марксу $\left(\frac{\text{прибавочн. цѣнность}}{\text{весь капиталъ}}\right) \frac{400,000}{800,000} = 50\%$, уменьшился въ $\frac{200,000}{800,000} = 25\%$, или, считая, какъ принимаемъ мы, уровень прибыли $= \frac{\text{прибавочн. цѣнность}}{\text{авансир. капиталъ}}$, получится въ 1-мъ случаѣ $= \frac{400,000}{800,000} = 50\%$, а во второмъ $\frac{200,000}{620,000} = 32,25\%$.

Поэтому-то, у капиталистовъ со введеніемъ машинъ является усиленное стремленіе, изъ опасенія паденія прибыли, увеличить отношеніе прибавочнаго времени къ необходимому, т. е. норму прибавочной цѣнности. Это стремленіе выражается, прежде всего, въ удлиненіи рабочаго дня; желаніе же удлинить рабочій день вызывается еще и другимъ обстоятельствомъ. Активный, жизненный періодъ машины при данной интенсивности труда опредѣляется длиной рабочаго дня, помноженной на число дней службы машины. Слѣдовательно, двѣ машины, изъ которыхъ одна служитъ 7½ лѣтъ по 16 часовъ ежедневно, а другая—15 лѣтъ по 8 часовъ ежедневно, обнимаютъ одинаково продолжительный періодъ производства. Для капиталиста, однако, первая машина много выгоднѣе, такъ какъ въ этомъ случаѣ капиталъ, заключенный въ машинѣ, быстрѣе обернется и скорѣе можетъ быть пущенъ снова въ оборотъ. Быстрое же погашеніе цѣнности машины представляетъ не только болѣе выгодный, но часто единственно выгодный способъ примѣненія машины, именно по слѣдующей причинѣ. Машина, кромѣ матеріальнаго, подвергается еще «нравственному» изнашиванію, — т. е. дѣлается негодной, благодаря изобрѣтенію новыхъ машинъ, или цѣнность ея значительно падаетъ, благодаря улучшеніямъ въ техникѣ производства машинъ. При такомъ паденіи цѣнъ, капиталистъ, имѣющій худшую или болѣе дорогую машину, долженъ оцѣнивать ее теперь по новымъ цѣнамъ, сообразно цѣнности ея при новой техникѣ, и, слѣдовательно, часть капитала въ машинѣ теряется, не успѣвши передаться на цѣнность продукта. Это побуждаетъ капиталиста стремиться возможно скорѣе использовать машину, т. е. работать по возможности непрерывно и интенсивно, чтобы выручить цѣнность машины прежде, чѣмъ она будетъ замѣщена лучшей или болѣе дешевой. И дѣйствительно: тогда какъ при господствѣ мануфактуры рабочій день не превышалъ обыкновенно двѣнадцати час., введеніе машинъ вызываетъ мѣстами, особенно въ первое время, растяженіе его

до 18-ти часовъ. Но такая усиленная работа, въ связи съ привлеченіемъ на фабрики дѣтей и женщинъ, приводитъ къ тому, что рабочая сила быстро изнашивается, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ было даже замѣчено вымираніе среди рабочаго класса. Разъ эти послѣдствія обнаружились, является необходимость вмѣшательства государственной власти, которое выражается, именно, въ законодательномъ ограниченіи длины рабочаго дня, сначала дѣтей и женщинъ, съ воспрещеніемъ отчасти участія тѣхъ и другихъ въ извѣстнаго рода работахъ, а затѣмъ въ видѣ общаго ограниченія длины рабочаго дня всѣхъ рабочихъ. При этомъ обнаруживается, что по изданіи закона, ограничивающаго дѣтскій и женскій трудъ, фабриканты сами требуютъ общаго ограниченія рабочаго дня. Объясняется это тѣмъ, что существуютъ производства, гдѣ дѣтскій, а иногда и женскій трудъ совершенно не примѣняются; потому капиталисты, хозяева такихъ предпріятій, оказываются въ привиллегированномъ положеніи, имѣя возможность растягивать рабочій день, тогда какъ примѣняющіе трудъ дѣтей и женщинъ вынуждены его ограничить для всѣхъ занятыхъ рабочихъ, ибо ограниченіе работы части занятой въ производствѣ рабочей силы, женщинъ и дѣтей, нерѣдко почти исключаетъ возможность сохранить болѣе длинный рабочій день для остальныхъ рабочихъ. Какъ было уже сказано, ограниченіе рабочаго дня вызываетъ переходъ отъ экстенсивнаго увеличенія прибавочнаго труда,—путемъ удлиненія рабочаго дня, — къ интенсификаціи работы, дающей тотъ же результатъ въ смыслѣ повышенія нормы прибавочной цѣнности. Интенсификація труда достигается помощью машинъ, увеличеніемъ скорости движенія ихъ, что, конечно, дѣлаетъ необходимымъ улучшеніе конструкціи машинъ.

Въ результатѣ, слѣдовательно, не смотря на ограниченіе длины рабочаго дня, примѣненіе машинъ вызываетъ огромное увеличеніе производства, а затѣмъ и переполненіе рынковъ товарами, невозможность сбыта ихъ и, какъ послѣдствіе этаго, остановку работъ на фабрикахъ и всѣ тѣ явленія, которыя сопровождаютъ такъ называемые промышленные кризисы. Въ шестидесятыхъ годахъ Марксъ указалъ, что, начиная со второй четверти настоящаго столѣтія, такіе кризисы повторялись черезъ каждыя 10 лѣтъ. Но съ начала 70-хъ годовъ, производство во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ достигло такого широкаго развитія, что съ тѣхъ поръ кризисъ является почти хроническимъ, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ и до сего времени въ различныхъ отрасляхъ жалуются на такъ называемое «угнетеніе» промышленности. Такимъ образомъ, это состояніе дѣлается какъ бы нормальнымъ, и оно дѣйствительно находится въ связи съ самыми основами капиталистическаго производства, о чемъ мы будемъ имѣть еще случай говорить ниже. Теперь же, въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ общественныхъ отноше-

ніяхъ, которыя возникаютъ въ странахъ съ капиталистическимъ строемъ главнымъ образомъ со введеніемъ въ технику производства паровыхъ двигателей.

Введеніе пара, какъ двигателя въ промышленности, сопровождается одновременными или почти одновременными измѣненіями въ техникѣ различныхъ производствъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ примѣненію добытыхъ наукой знаній къ процессамъ, эксплуатируемымъ техникою. Словомъ, съ переходомъ къ фабричному способу производства руководящую роль въ выработкѣ техническихъ пріемовъ и типовъ самыхъ орудій принимаетъ на себя наука, тогда какъ пріемы ремесла и мануфактуры были выработаны чисто эмпирическимъ путемъ, и, благодаря этому, ремесленники и мануфактуристы въ теченіе цѣлыхъ столѣтій примѣняли орудія и пріемы производства, переданные отъ предковъ. Теперь такого постоянства быть не можетъ, ибо наука не можетъ остановиться въ своемъ развитіи и, можно сказать, съ каждымъ днемъ будетъ предлагать той или другой отрасли техники новые, болѣе совершенные пріемы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сближеніе производителей различныхъ странъ и областей, благодаря улучшенію транспорта и сношеній, облегчаетъ взаимную конкуренцію этихъ производителей между собою, а это заставляетъ ихъ слѣдить за появляющимися улучшеніями въ техникѣ, съ цѣлью ранѣе другого воспользоваться ими въ своемъ предпріятіи. Конечно, самому капиталисту почти невозможно слѣдить въ этомъ смыслѣ за развитіемъ науки и техники, но онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы такія лица всегда находились въ достаточномъ числѣ въ данной странѣ. И вотъ капиталистъ дѣлается покровителемъ наукъ, меценатомъ. Принять на себя эту роль его побуждаетъ не одно только что указанное опасеніе конкуренціи, но еще и то, что скоро капиталистъ усматриваетъ, что тотъ невѣжественный работникъ-автоматъ, въ котораго работникъ мануфактуры превратился на фабрикѣ, не можетъ быть хорошимъ работникомъ, разъ машины или процессы производства сдѣлались слишкомъ сложными. Такой работникъ не только рискуетъ самъ ежеминутно быть раздавленнымъ или искалѣченнымъ машиной, или отравиться тѣми химическими реактивами, которыми ему приходится работать,—но можетъ нанести значительный вредъ и капиталамъ капиталиста и повредить всему производству. Покровительствовать обученію рабочихъ настолько, чтобы они понимали ходъ производства и болѣе разумно могли относиться къ работѣ, побуждаетъ капиталиста, конечно, отчасти и то обстоятельство, что государственная власть не ограничиваетъ свое вмѣшательство въ производство регулированіемъ длины рабочаго дня, но требуетъ и огражденія опасныхъ машинъ и вознагражденія рабочаго или его семьи, если онъ пострадалъ во время работы на фабрикѣ. И государство, и фабри-

кантъ къ тому же видятъ въ этомъ обученіи работника средство оградить его отъ злоупотребленія свободнымъ временемъ, тѣмъ временемъ именно, которое освободилось у работника вслѣдствіе уменьшенія рабочаго дня. Наконецъ, и сами рабочіе, достигнувъ сознанія солидарности своихъ интересовъ, образуютъ союзы, товарищества, цѣль которыхъ—огражденіе правъ рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ капиталистами. Это не тѣ тайныя общества, которыя существовали во всѣ времена и обыкновенно ставили главною цѣлью ниспроверженіе существующаго политическаго порядка. Это, наоборотъ, общества болѣе или менѣе мирныя, ведущія свои дѣла открыто и стремящіяся, прежде всего, удержать разъ пріобрѣтенныя рабочими права, а затѣмъ постепенно расширять ихъ, главнымъ образомъ, путемъ законодательства и болѣе или менѣе свободнаго соглашенія представителей союзовъ съ капиталистами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется весь ходъ политической жизни. Прежде эта жизнь проявлялась въ борьбѣ лендлордовъ съ буржуазіей, теперь тѣ и другіе соединяются нерѣдко въ виду общаго врага, котораго они усматриваютъ въ организующейся рабочей партіи. При этомъ обнаруживается, что правительство въ странахъ капиталистическихъ, хотя, по существу, оно всегда является представителемъ интересовъ экономически-господствующихъ классовъ (капиталистовъ), тѣмъ не менѣе нерѣдко поддерживаетъ рабочихъ въ противовѣсъ капиталистамъ. Этотъ, на первый взглядъ, странный фактъ объясняется тѣмъ, что въ обществѣ постепенно обособляется группа лицъ, которая ставитъ интересы государства, какъ цѣлаго, выше интересовъ отдѣльныхъ классовъ. Еще болѣе интересно, что при этомъ тѣ правительства, въ которыхъ единоличная власть правителя представляется болѣе сильною, часто могутъ обнаруживать лучшее пониманіе важности первостепеннаго значенія общественныхъ интересовъ, чѣмъ тѣ, гдѣ правительства зависятъ отъ выборовъ и являются точнымъ отраженіемъ колебанія общественнаго настроенія.

Такъ, лучшее фабричное, или точнѣе, рабочее законодательство, безъ сомнѣнія, въ настоящее время принадлежитъ Германіи, странѣ съ монархическимъ правленіемъ и довольно посредственной, съ точки зрѣнія народоправства, конституціей, хотя и основанной на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Второе мѣсто послѣ Германіи занимаетъ страна наиболѣе развитаго капитализма, Англія, гдѣ монархическая власть, правда, уже слабо проявляетъ свое вліяніе, но гдѣ зато до сихъ поръ избирательное право далеко не распространяется на всѣхъ. Наоборотъ, наименѣе развитое или одно изъ наименѣе развитыхъ фабричныхъ законодательствъ принадлежитъ республиканской Франціи, рядомъ съ которой стоитъ и республиканская Швейцарія, а затѣмъ—Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Такимъ образомъ, всѣ прежнія представленія о значеніи для достиженія общаго

благосостоянія той или иной формы правленія значительно видоизмѣняются, и экономическіе интересы и организація той борьбы, которая происходитъ между экономически обособленными группами, получаютъ несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ та или иная форма правленія.

§ 3. Прежде чѣмъ говорить о формахъ земледѣльческихъ предпріятій собственно, необходимо коснуться другой стороны, именно—права собственности на землю и права владѣнія ею, ибо этимъ нерѣдко опредѣляются и формы земледѣльческихъ предпріятій.

По отношенію къ праву собственности различаютъ, прежде всего, два типа владѣнія: 1) право собственности полное или, какъ его часто называютъ, неограниченное, и 2) право собственности неполное, или ограниченное. Однако, нужно замѣтить, что, собственно, никогда и нигдѣ не существовало и не существуетъ полнаго права собственности на землю, въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ прилагается къ движимому имуществу, т. е. разумѣя подъ этимъ правомъ не только право потребленія, пользованія, но и право истребленія, уничтоженія. Такого права ни одно государство не можетъ передать никакому частному лицу или обществу, ибо земля есть вмѣстѣ съ тѣмъ часть территоріи государства, и потому послѣднему всегда принадлежитъ, въ послѣднемъ счетѣ, верховное право на землю.

Ограниченіе идетъ и дальше: никто не имѣетъ права передавать принадлежащую ему на какихъ бы то ни было условіяхъ часть земли въ собственность другому государству, а не тому, къ территоріи котораго она относится; и, обратно: это послѣднее всегда въ правѣ отчуждать изъ владѣнія каждаго частнаго лица или общества, если этаго требуютъ государственныя соображенія, принадлежащую ему землю.

Но затѣмъ, помимо этихъ, общихъ всѣмъ землевладѣльцамъ, ограниченій, на нѣкоторые изъ участковъ наложены еще и другія, и эти-то ограниченія и дѣлаютъ право собственности неполнымъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые участки признаются принадлежащими не одному лицу, а роду, и каждый отдѣльный представитель этаго рода не можетъ передать ихъ никому, не принадлежащему къ данному роду; каждый такой представитель рода имѣетъ только право пользованія даннымъ участкомъ и долженъ передать его своему наслѣднику,—въ однихъ случаяхъ—старшему изъ сыновей (это будетъ майоратъ),въ другихъ же младшему (миноратъ) или инымъ представителямъ рода. Существуютъ и различныя другія ограниченія, въ родѣ, напримѣръ, обязательнаго дозволенія сосѣдямъ (напр., крестьянамъ) пользоваться пастбищами (сервитутъ); но всѣ эти отношенія имѣютъ съ политико-экономической точки зрѣнія уже второстепенное значеніе, и разборъ ихъ входитъ въ курсы сельско-хозяйственнаго законовѣдѣнія и сельско-хозяйственной экономіи.

Здѣсь для насъ имѣетъ значеніе дѣленіе на: 1) личную и 2) общественную или общую собственность. Въ первомъ случаѣ владѣльцемъ является одно лицо или семья, а во второмъ—союзъ лицъ. Союзы, имѣющіе цѣлью пріобрѣтеніе и пользованіе землею, конечно, могутъ быть основаны и по добровольному соглашенію участвующихъ, но тогда союзъ, по отношенію къ праву на землю, ничѣмъ не разнится отъ единоличнаго собственника. Иное дѣло союзъ принудительный, территоріальный, какова, напримѣръ, община.

Остановимся прежде всего на чисто личной собственности. Эту форму земельной собственности дѣлятъ, обыкновенно, на крупную, мелкую и среднюю. Подъ крупной земельной собственностью разумѣютъ такое владѣніе (или комплексъ отдѣльныхъ владѣній), при которомъ собственникъ не можетъ самъ управлять хозяйствомъ непосредственно или можетъ только при очень экстенсивномъ веденіи его, т. е. при затратѣ незначительнаго капитала на единицу площади. Нужно замѣтить, что величина затратъ на единицу площади и вообще форма хозяйства существенно вліяютъ на увеличеніе или уменьшеніе возможности веденія хозяйства за счетъ самого владѣльца (особенно когда управленіе идетъ изъ одного центра), а потому крупное землевладѣніе является не всегда и крупнымъ хозяйствомъ. Среди крупнаго землевладѣнія различаютъ еще категорію такъ называемыхъ латифундій, понятіе о которыхъ также можетъ быть установлено только въ связи съ формой хозяйства и степенью его интенсивности. Можно сказать, однако, что всякое владѣніе дѣлается латифундіей, разъ его собственникъ лишенъ возможности не только вести лично, но и контролировать ходъ хозяйства въ своихъ владѣніяхъ.

Подъ среднимъ землевладѣніемъ понимается, обыкновенно, такое, при которомъ владѣлецъ самъ лично можетъ (или долженъ) вести хозяйство и, если не участвуетъ непосредственно въ работахъ, то представляетъ интеллигентнаго руководителя хозяйства.

Наконецъ, въ мелкомъ землевладѣніи различаютъ также три типа, которые получили характерныя названія у нѣмцевъ: 1) болѣе крупное называется Arbeitsfläche, рабочій участокъ, т. е. такой, обработка коего поглощаетъ всѣ силы семьи владѣльца, не требуя или требуя только незначительной помощи извнѣ; 2) Nahrungsfläche — кормовой участокъ, т. е. такой, сбора съ котораго достаетъ только на прокормленіе семьи, но продуктъ коего не можетъ покрыть всѣхъ нуждъ ея, и обработка его не поглощаетъ всѣхъ силъ семьи. Наконецъ 3) Parcellen, клочки, называются небольшіе участки, продуктъ которыхъ можетъ служить подсобнымъ средствомъ для обезпеченія существованія семьи владѣльца, но недостаточенъ даже для прокормленія ея. Не входя въ

разсмотрѣніе вопроса, какъ вліяетъ тотъ или другой видъ земельной собственности на благосостояніе населенія, или—что болѣе выгодно съ государственной точки зрѣнія — крупное, мелкое или среднее владѣніе или совокупность ихъ (этотъ вопросъ принадлежитъ къ области экономической политики), посмотримъ, какое значеніе имѣютъ эти виды для формъ земледѣльческихъ предпріятій, и какую эволюцію должны претерпѣть эти формы.

Начнемъ съ крупнаго землевладѣнія.

Мы уже знаемъ, что земледѣлецъ долженъ эксплуатировать силы природы, разсѣянныя въ пространствѣ: поэтому понятно, что чѣмъ больше это пространство, тѣмъ труднѣе производить работы и вести надзоръ изъ одного центра. Поэтому тамъ, гдѣ образовались очень крупныя земельныя владѣнія, они обыкновенно не эксплуатируются самими собственниками ихъ, а раздѣляются на болѣе или менѣе мелкіе участки, на которыхъ хозяйничаютъ другія лица, арендаторы-фермеры. Какъ было указано въ ученіи о рентѣ, ходъ развитія земледѣлія иной, чѣмъ обрабатывающей промышленности: въ земледѣліи перемѣнный капиталъ возростаетъ съ прогрессомъ техники часто въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ постоянный, тогда какъ въ промышленности обратно. Съ прогрессомъ общественно-экономическаго развитія земледѣліе становится болѣе интенсивнымъ, а это, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, значило, что увеличиваются въ значительной степени затраты на живой трудъ. Безъ сомнѣнія, въ связи съ такимъ ходомъ развитія находится явленіе, характеризующее земледѣльческое хозяйство и совершенно не имѣющее мѣста въ обрабатывающей промышленности. Мы разумѣемъ развитіе арендной системы, при которой хозяиномъ предпріятія является не собственникъ земли, а лицо, только временно пользующееся даннымъ участкомъ и платящее землевладѣльцу ренту. Аренда встрѣчается еще во времена Римской имперіи, въ формѣ такъ называемаго «колонната»; развитіе аренды есть именно слѣдствіе того, что эксплуатація большой площади земли, направляемая изъ одного центра, удобна только при условіи экстенсивной культуры, т. е. при малой затратѣ труда и капитала на единицу площади; при увеличеніи же интенсивности потери на проходы и проѣзды возрастаютъ въ такой мѣрѣ, что хозяйство становится убыточнымъ. Въ первобытныхъ экстенсивныхъ хозяйствахъ эксплоатація большихъ пространствъ, напр. лѣсныхъ или пастбищныхъ, не только возможна, но и необходима, ибо только значительная площадь можетъ доставить при такомъ хозяйствѣ необходимое количество продукта. Лѣсное хозяйство и теперь еще весьма часто представляетъ самый экстенсивный способъ эксплуатаціи земли и потому требуетъ крупнаго землевладѣнія; тѣмъ болѣе это имѣетъ мѣсто въ раннія историческія времена,

когда экстенсивное хозяйство предписывалось всѣми экономическими условіями. Потому-то въ странахъ, бывшихъ лѣсными, или и теперь еще лѣсныхъ, землевладѣніе крупнѣе, чѣмъ въ странахъ открытыхъ, если только послѣднія заселены не менѣе давно, чѣмъ первыя. Примѣрами могутъ служить почти всѣ русскія лѣсныя области, гдѣ землевладѣніе частью даже болѣе крупно, чѣмъ въ тѣхъ черноземныхъ областяхъ, заселеніе которыхъ началось еще очень недавно; точно также и въ самой Англіи, классической странѣ крупнаго землевладѣнія, это явленіе, безъ сомнѣнія, есть слѣдствіе первоначальной лѣсистости страны. Но обратно: разъ земельная собственность раздробляется, то и лѣса вырубаются, обращаясь въ пашни и луга. Московская область представляетъ примѣръ такой расчистки лѣса. Это объясняется для данной области тѣмъ, что населеніе ея, хотя и «брело рознь», по выраженію лѣтописей, но, все-же, для его размѣщенія въ теченіе долгаго времени могли служить только непривѣтливыя въ климатическомъ отношеніи области сѣвера и сѣверо-востока, и оно не могло распространяться въ южныя области, постоянно угрожаемыя набѣгами кочевниковъ. Подобныя обстоятельства приводили къ тому же результату и въ другихъ странахъ. Такъ, Тацитъ рисуетъ Германію страной лѣсовъ, а теперь лѣса занимаютъ въ ней только незначительный процентъ территоріи.

Изъ сказаннаго ясно, что и арендное хозяйство является, прежде всего, слѣдствіемъ извѣстныхъ естественныхъ условій страны.

§ 4. Разсматривая различныя формы земельныхъ предпріятій съ политико-экономической стороны, мы находимъ, что аренда тѣмъ разнится существенно отъ предпріятія собственника, что арендаторъ-фермеръ отдаетъ землевладѣльцу ту часть прибавочной цѣнности, которая именуется рентой. (Фермеромъ, въ отличіе отъ арендаторовъ иныхъ типовъ, мы называемъ арендатора, поселяющагося на снятомъ участкѣ). Эта обязательная передача ренты—или того, что Марксъ именуетъ Surplusprofit (добавочная прибыль)—землевладѣльцу, и зависимость фермера отъ землевладѣльца въ другихъ отношеніяхъ могутъ служить тормозомъ развитію техники земледѣлія. Дѣйствительно, фермеръ не заинтересованъ въ сохраненіи хорошихъ качествъ почвы, а лишь въ ихъ использованіи. Съ другой стороны, фермеръ, и при желаніи улучшеній, можетъ быть стѣсненъ условіями аренды, а также опасеніемъ, что увеличеніе дохода съ эксплуатируемой площади дастъ поводъ землевладѣльцу, по окончаніи срока аренднаго контракта, повысить ренту. При долго дѣйствующихъ улучшеніяхъ онъ опасается также, что не успѣетъ выручить свои затраты до окончанія срока аренды. Однако, примѣръ Англіи показываетъ, что могутъ быть условія, при которыхъ эти вредныя вліянія аренды не проявляются: извѣстно именно, что въ Англіи земельная культура стоитъ

высоко, не смотря на полное господство фермерскаго хозяйства. Объясняется это тѣмъ, что при крупности англійскаго землевладѣнія и при существующей формѣ хозяйства (которая здѣсь почти исключительно интенсивно-скотоводственная), собственникъ не можетъ самъ (батраками) обработывать свою землю и принужденъ сдавать ее на условіяхъ, не особенно обременительныхъ для арендатора. Вообще, на арендное хозяйство въ политико-экономической литературѣ существуютъ, а еще болѣе существовали, различные взгляды. Школа Смита долгое время считала арендную систему эксплуатаціи земли нормальнымъ, чуть не идеальнымъ положеніемъ вещей. Говорили, что фермеръ, не имѣя нужды затрачивать средства на пріобрѣтеніе земли, можетъ вести хозяйство лучше, чѣмъ землевладѣлецъ, по крайней мѣрѣ мелкій, которому часто недостаетъ необходимаго капитала. Но затѣмъ явилось обратное теченіе: фермерское хозяйство стали считать огромнымъ зломъ, и не только потому, что оно представляетъ тормозъ для улучшеній техники земледѣлія, но еще болѣе съ точки зрѣнія государственной, какъ препятствіе для развитія общественнаго благосостоянія. Землевладѣльцевъ выставляли эксплуататорами фермеровъ. Придерживающіеся этаго воззрѣнія экономисты, —изъ коихъ особенно извѣстенъ Дж. Ст. Милль, имѣвшій въ этомъ вопросѣ много послѣдователей,—стояли на точкѣ зрѣнія Рикардо въ теоріи ренты, представляя себѣ непрерывный ростъ ренты, которая въ концѣ концовъ поглотитъ всѣ виды доходовъ.

Мы знаемъ, однако, что опасенія Дж. Ст. Милля и единомышленниковъ его неосновательны, такъ какъ и самая теорія ренты Рикардо не выдерживаетъ критики. При всѣхъ этихъ разсужденіяхъ о значеніи фермерства упускали изъ виду еще слѣдующія обстоятельства. *Во-первыхъ*—то, является ли фермеръ самостоятельнымъ капиталистомъ или просто работникомъ-земледѣльцемъ. А, между тѣмъ, къ давленію со стороны землевладѣльца крупное и мелкое фермерство относятся различно. Фермеръ-капиталистъ всегда можетъ уйти съ арендованнаго участка и вложить капиталъ въ другое предпріятіе; потому такой фермеръ гораздо болѣе независимъ отъ землевладѣльца, и таково именно положеніе вещей въ Англіи собственно. Мелкій же фермеръ, для котораго земледѣліе представляетъ просто форму приложенія его труда и въ гораздо меньшей мѣрѣ капитала, долженъ оставаться на своемъ участкѣ, пока положеніе его не хуже положенія обыкновеннаго батрака или работника. Это-то мелкое фермерство (въ Ирландіи) и рѣзало глаза; здѣсь фермеры должны были платить ренту столь высокую, что она не всегда оставляла фермеру заработную плату рабочаго; благодаря полной зависимости отъ владѣльца, склоннаго въ подобныхъ случаяхъ увеличивать свои требованія, фермеры вынуждены были принимать эти условія.

Во вторыхъ—упускаютъ изъ виду разницу географическаго положенія и вообще естественныхъ условій разныхъ странъ и зависящую отъ этихъ условій форму хозяйства. Между тѣмъ, отъ формы хозяйства существенно зависитъ необходимость отдачи земли въ аренду фермерамъ, а слѣдовательно, и различіе въ отношеніяхъ владѣльца къ фермерамъ. Выше было уже указано, что съ увеличеніемъ интенсивности возрастаетъ масса прилагаемаго на единицу площади живого труда. Это особенно имѣетъ мѣсто при нѣкоторыхъ видахъ хозяйства, напримѣръ, при хозяйствѣ скотоводственномъ, при которомъ, въ болѣе интенсивной формѣ его, держится и болѣе крупный, и болѣе дорогой скотъ. Уходъ за такимъ дорогимъ скотомъ не можетъ быть порученъ всецѣло наемнымъ рабочимъ-батракамъ и требуетъ по крайней мѣрѣ тщательнаго надзора со стороны хозяина. Понятно, что такой надзоръ можетъ имѣть мѣсто только при небольшомъ, относительно, числѣ головъ скота и, слѣдовательно, при относительно малыхъ размѣрахъ хозяйства. Именно эта форма хозяйства и должна явиться преобладающей въ тѣхъ областяхъ, которыя первоначально были лѣсными, съ уничтоженіемъ лѣсовъ; а мы видѣли, что въ этихъ областяхъ было и наиболѣе крупное землевладѣніе. Здѣсь, слѣдовательно, на извѣстной ступени развитія, фермерское хозяйство является вынужденнымъ, и землевладѣлецъ, ради собственныхъ интересовъ, долженъ стремиться удержать фермеровъ. Въ такихъ-то именно странахъ бываютъ положенія, когда фермерское хозяйство оказывается устойчивѣе хозяйства собственника, что̀ обнаружилось, напримѣръ, во время послѣдняго кризиса въ Англіи. Паденіе цѣнъ продуктовъ земледѣлія, а слѣдовательно, и доходовъ фермера заставило англійскихъ землевладѣльцевъ не только понизить ренту, но частью совершенно отказаться отъ нея и, сверхъ того, прійти на помощь фермерамъ кредитомъ и различными почвенными меліораціями за собственный (землевладѣльца) счетъ. И иначе они не могли поступить, ибо оставленіе фермы фермеромъ равносильно здѣсь потерѣ всякаго дохода съ земли, такъ какъ эксплуатація ея самими землевладѣльцами невозможна, какъ по значительности территоріи владѣнія, такъ и по характеру хозяйства. На столько о фермерствѣ собственно.

Но, кромѣ фермерства собственно, встрѣчаются случаи, когда хозяйство ведется не самимъ землевладѣльцемъ, а другимъ лицомъ, которое также уплачиваетъ землевладѣльцу аренду (ренту) въ томъ или другомъ видѣ, но всѣ эти случаи представляютъ или неразвитую форму фермерскаго хозяйства, въ которое они затѣмъ переходятъ, или особый видъ найма рабочей силы. Такъ, во Франціи довольно распространено, такъ называемое maitayage, т. е. половничество, при которомъ арендаторъ, обыкновенно мѣстный крестьянинъ-землевладѣлецъ, арендуетъ извѣстную

площадь на условіи, что всю работу обязанъ исполнить онъ—арендаторъ, а продуктъ дѣлится между нимъ и землевладѣльцемъ въ тѣхъ или иныхъ доляхъ. Этотъ способъ довольно распространенъ и въ Россіи, принимая иногда прямо форму оплаты работы крестьянина на земляхъ крупнаго землевладѣльца. Сравнительно съ фермерской арендой, такая аренда всегда представляетъ невыгоды, какъ съ технической стороны, такъ и со стороны обезпеченности дохода обѣихъ сторонъ. Въ обоихъ случаяхъ сдача земли ограничивается короткими сроками; переселеніе арендатора на снятый участокъ невозможно, и арендаторъ не считаетъ выгоднымъ дѣлать какія-нибудь затраты для улучшенія почвы. Поэтому, обыкновенно, довольно скоро наступаетъ истощеніе почвы, аренда становится невыгодной для обѣихъ сторонъ, и землевладѣлецъ ставится въ необходимость или перейти къ полному фермерству съ устройствомъ отдѣльныхъ усадьбъ, хуторовъ, къ которымъ причислены округленные куски земли, или къ батрачному хозяйству. Поэтому этотъ видъ землепользованія не слѣдуетъ смѣшивать съ фермерской арендой, тѣмъ болѣе, что эти двѣ формы соотвѣтствуютъ различнымъ фазисамъ хозяйственнаго развитія: maiayage и всѣ сродныя ему формы погодной аренды могутъ держаться только при низкомъ уровнѣ земледѣльческой техники, а фермерское хозяйство, наоборотъ, соотвѣтствуетъ тому періоду, когда высокая техника составляетъ необходимое условіе существованія хозяйства.

§ 5. Что касается предпріятій, гдѣ хозяиномъ является собственникъ земли, то, какъ уже указано, при крупномъ землевладѣніи являются нѣкоторыя затрудненія: повышеніе интенсивности сопровождается большими затратами капитала; управленіе производится при помощи наемнаго управляющаго, что̀ уже дѣлаетъ предпріятіе нѣсколько рискованнымъ. Въ силу указанныхъ причинъ крупныя хозяйства несравненно чаще встрѣчаются при экстенсивномъ хозяйствѣ (затратѣ малаго капитала на единицу площади), чѣмъ при интенсивномъ (затратѣ значительнаго капитала на каждую эксплуатируемую единицу площади). Однако, усовершенствованія въ техникѣ за послѣднія десятилѣтія, каково особенно введеніе машинъ, дали въ нѣкоторыхъ случаяхъ крупнымъ хозяйствамъ значительныя преимущества передъ мелкими. Дѣйствительно: машины, съ одной стороны, увеличили производительность труда (какъ жнеи, косилки и проч.), съ другой—дали возможность повысить интенсивность труда (какъ примѣненіе мертвыхъ двигателей, паровыя молотилки, паровые плуги и друг.) и тѣмъ создали крупнымъ хозяйствамъ, пользующимся ими, значительныя преимущества передъ болѣе мелкими, особенно тамъ, гдѣ производятся главнымъ образомъ зерновыя растенія, культура коихъ допускаетъ наибольшее примѣненіе машинъ. Однако, рядомъ съ этимъ, въ такихъ районахъ, при натуральномъ или вообще

мало интенсивномъ веденіи дѣла, облегчается дробленіе хозяйствъ, такъ какъ это отъ природы суть открытыя, безлѣсныя или малолѣсныя пространства, чаще всего съ однообразной почвой, годной на всей площади къ культурѣ тѣхъ (главнымъ образомъ хлѣбныхъ) растеній, которыя воздѣлываются почти исключительно при первобытномъ хозяйствѣ. По этому, въ странахъ этаго типа по естественнымъ условіямъ, но болѣе старыхъ, давно заселенныхъ, ко времени изобрѣтенія или распространенія машинъ, часто не оставалось уже совсѣмъ крупныхъ хозяйствъ. Благодаря отчасти тому же примѣненію машинъ, а еще болѣе благодаря тѣмъ преимуществамъ, которыя имѣютъ крупныя технически-заводскія предпріятія передъ мелкими, земледѣльческія хозяйства, чтобы удерживать въ своемъ вѣдѣніи производство и выработку техническихъ продуктовъ (сахаръ, спиртъ), должны имѣть относительно очень значительные размѣры. Тѣмъ не менѣе, и при наиболѣе благопріятныхъ для существующихъ крупныхъ хозяйствъ условіяхъ, съ увеличеніемъ интенсивности земледѣлія дѣлается обыкновенно необходимымъ сокращеніе площади каждаго отдѣльнаго хозяйства. При этомъ крупныя хозяйства переходятъ въ среднія.

Въ среднихъ же хозяйствахъ владѣльцы могутъ удобнѣе сами вести дѣло; имъ уже легче устраивать хозяйства сообразно своимъ средствамъ и знаніямъ. Обыкновенно такія хозяйства болѣе устойчивы; хозяева ихъ оказываются болѣе знающими свое дѣло, и изъ ихъ среды являются большею частью иниціаторы всякихъ улучшеній и новшествъ и руководители менѣе знающихъ хозяевъ, напримѣръ, крестьянъ. Среднее землевладѣніе нерѣдко, однако, страдаетъ болѣе крупнаго отъ раздѣловъ имѣній по наслѣдству и неустройства кредита.

Переходимъ къ мелкому землевладѣнію, землевладѣнію крестьянскому. Здѣсь владѣлецъ не только самъ хозяинъ, но самъ же и работникъ, распоряжающійся, главнымъ образомъ, силами своей семьи. Конечно, крестьянинъ-собственникъ гораздо болѣе независимъ въ своихъ распоряженіяхъ хозяйствомъ, чѣмъ фермеръ, и доходъ его (при одинаковомъ количествѣ земли) больше. Нужно, однако, имѣть въ виду, что только болѣе крупные, рабочіе участки (Arbeitsfläche), при которыхъ можно использовать всѣ наличныя рабочія силы семьи, даютъ возможность образоваться тому, что называютъ крѣпкимъ крестьянствомъ. Конечно, и къ крестьянскому землевладѣнію примѣнимо отчасти то, что сказано было о крупныхъ хозяйствахъ, т. е., что, по мѣрѣ увеличенія интенсивности, площадь каждаго отдѣльнаго хозяйства должна измѣняться,—здѣсь именно въ зависимости отъ того, насколько увеличивается требованіе на рабочую силу, и насколько этому требованію можетъ удовлетворить сама семья. Если интенсивность увеличивается при сохраненіи прежней площади, то,

обыкновенно, хозяйство вынуждено переходить къ наемному труду, поскольку, конечно, ручная работа не замѣщается машиной. Поэтому, вообще говоря, и крестьянскія хозяйства,—рабочіе участки, будутъ крупнѣе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ родъ культивируемыхъ растеній допускаетъ въ бо́льшей мѣрѣ увеличеніе производительности труда при помощи примѣненія машинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ крестьянскому землевладѣнію такихъ областей еще болѣе, чѣмъ къ крупнымъ владѣніямъ, приложимо сказанное о послѣднихъ относительно легкости дробленія ихъ. Мелкимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, не различая формъ его, сильно восхищались Юнгъ, Сисмонди, Милль и другіе экономисты, считая его наиболѣе обезпечивающимъ крестьянство отъ всякихъ невзгодъ. Но затѣмъ появились указанія, что оно рушится, что земледѣльцы бѣгутъ въ города и образуютъ пролетаріатъ. По скольку здѣсь дѣло идетъ объ явленіяхъ одного порядка (нерѣдко одни имѣли въ виду одну страну, при одной культурѣ, другіе—иную, при иной культурѣ), дѣло объясняется различнымъ временемъ наблюденія. Такъ, наблюденія Юнга, а частью и Сисмонди (и заимствовавшаго у него Милля), относятся къ тому времени, когда, если не господствовало уже, то все же еще удерживалось натуральное хозяйство. «Крестьянинъ»,—говоритъ Сисмонди,—«независимъ отъ рынка»; это именно и соотвѣтствуетъ тому времени, когда крестьянинъ самъ производитъ всѣ продукты, необходимые для удовлетворенія потребностей семьи. Здѣсь можно наблюдать то благосостояніе, которое характеризуетъ, напр., современное положеніе поселенцевъ глухихъ сибирскихъ мѣстностей: изобиліе пищи, какъ растительной, такъ и животной; достаточное количество грубой одежды домашняго издѣлія; довольно большія количества запасовъ натурой, значительная часть коихъ даже пропадаетъ, портится, вслѣдствіе дурного храненія; образъ жизни, нравы—грубые, первобытные. Сибирская жизнь отличается такой простотой, о которой западная Европа и даже Европейская Россія давно забыли; если въ Европѣ въ первой четверти XIX вѣка встрѣчались уголки, гдѣ сохранялось натуральное хозяйство, то это, конечно, исключенія, отъ которыхъ теперь не осталось и слѣда. Съ увеличеніемъ населенія и расширеніемъ сношеній, наступаютъ измѣненія въ хозяйственной жизни. Прежде, при натуральномъ хозяйствѣ, увеличеніе населенія, и являющійся послѣдствіемъ его недостатокъ въ продуктахъ первой необходимости, вызывали выселеніе, — жители «брели рознь», по выраженію нашихъ лѣтописцевъ. Потомъ выселеніе становится все труднѣе за недостаткомъ или недоступностью новыхъ земель. Поэтому, населеніе обращается къ расширенію запашки, сокращая площадь подъ лѣсомъ, выгономъ, лугами. Увеличивая такимъ образомъ площадь подъ хлѣбомъ, населеніе лишаетъ себя возможности добывать необходимые продукты живот-

новодства и лѣсоводства, доставлявшіе матеріалы для обрабатывающей промышленности. А это вызываетъ обѣднѣніе населенія, и при первомъ неурожаѣ или другой невзгодѣ хозяйства рушатся массами, и бѣгство населенія въ города дѣлается неизбѣжнымъ. Но если, прежде чѣмъ достигнуто такое положеніе, является возможность сбыта, то въ первое время населеніе какъ будто благоденствуетъ. Натуральные запасы, хранившіеся долгое время (у насъ даже въ Поволжьи въ болѣе глухихъ мѣстахъ лѣтъ 10—15 тому назадъ можно было найти скирды хлѣба, стоявшіе лѣтъ пять и болѣе) [1]), быстро исчезаютъ. Очевидно, что прежде всего сбываются тѣ продукты, которые или произрастаютъ въ изобиліи, или особенно дорого цѣнятся на рынкѣ, потому, быть можетъ, что въ другихъ мѣстахъ растутъ хуже. Но самый фактъ выгодности сбыта извѣстныхъ только продуктовъ вызываетъ однообразіе культуры, а съ нимъ быстрое истощеніе почвы и сильное колебаніе урожаевъ. Такое веденіе хозяйства скоро становится невыгоднымъ, такъ какъ при неурожаѣ можно сразу потерять все. Крупныя владѣнія мельчаютъ; мелкіе владѣльцы, при свободѣ отчужденія земель, продаютъ свои участки, и это можно признать за лучшее, такъ какъ иначе они закабаляются въ качествѣ батраковъ у болѣе счастливыхъ хозяевъ. Во всякомъ случаѣ и здѣсь многіе бѣгутъ въ города.

Этотъ процессъ обезземеленія крестьянства идетъ тѣмъ быстрѣе чѣмъ болѣе успѣли раньше раздробиться ихъ участки, и чѣмъ неустойчивѣе климатъ, т. е. чѣмъ рѣзче колебанія погоды, а слѣдовательно, и колебанія урожаевъ, ибо тѣмъ труднѣе поднять культуру, допуская даже наличность соотвѣтствующихъ знаній. Обыкновенно въ такихъ условіяхъ необходимо предварительное увеличеніе размѣровъ хозяйства, чтобы сдѣлались доступны улучшенія; да, кромѣ того, улучшенія основываются здѣсь на приспособленіи хозяйственнаго строя къ условіямъ сбыта, — именно къ производству (по крайней мѣрѣ, отчасти) тѣхъ продуктовъ, которые потребляются, главнымъ образомъ, городскимъ населеніемъ и, слѣдовательно, улучшеніе сдѣлается возможнымъ только послѣ того, какъ возникнутъ города. Вотъ почему переходъ къ денежному хозяйству всегда вызываетъ необходимо забрасываніе земель крестьянами и огромный приливъ населенія въ города, констатированный европейской статистикой въ особенно рѣзкой формѣ со времени постройки желѣзныхъ дорогъ. Этому обстоятельству обязаны, если не возникновеніемъ, то очень быстрымъ ростомъ своимъ многіе большіе города западной Европы.

Но тѣ землевладѣльцы, собственники рабочихъ участковъ, которые

---

[1]) Автору лично пришлось видѣть такіе запасы въ глухой мѣстности одного изъ сѣверныхъ уѣздовъ саратовской губерніи еще лѣтомъ 1891 года.

удержали ихъ или успѣли составить такіе участки при крушеніи болѣе мелкихъ хозяйствъ, если только они вводятъ у себя извѣстныя техническія улучшенія, начинаютъ, обыкновенно, благоденствовать, когда внѣземледѣльческіе промыслы достигаютъ извѣстнаго развитія, и дѣлаются представителями крѣпкаго крестьянства. Разумѣется, опредѣлить въ цифрахъ величину площади владѣнія, которая соотвѣтствуетъ рабочему участку и даетъ крестьянину возможность удержать самостоятельность,— невозможно. Размѣръ этой площади зависитъ, съ одной стороны, отъ естественныхъ условій (болѣе или менѣе благопріятнаго климата и почвы), съ другой—отъ того, насколько существующія условія сбыта дозволяютъ производство продуктовъ, съ наибольшей выгодой доставляемыхъ мелкими хозяевами, т. е. такихъ, при производствѣ коихъ играетъ главную роль живой трудъ, и тщательность ухода можетъ замѣнять приложеніе капитала. Чѣмъ больше возможность сбыта, а слѣдовательно, и производства такого рода продуктовъ, тѣмъ меньше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, могутъ и должны быть эти участки, ибо тѣмъ болѣе рабочая сила должна, такъ сказать, концентрироваться на небольшой площади. Но, во всякомъ случаѣ, измельчаніе хозяйствъ, являющееся, напримѣръ, слѣдствіемъ раздѣла по наслѣдству, становится и здѣсь, въ концѣ концовъ, пагубнымъ. Такое измельчаніе пагубно вдвойнѣ: во-первыхъ, чѣмъ меньше дѣлается культивируемая площадь, тѣмъ, разумѣется, труднѣе использовать всю рабочую силу семьи и добыть продуктъ такой цѣнности, которая обезпечила бы существованіе семьи. Во-вторыхъ, такъ какъ главнымъ или единственнымъ путемъ измельчанія является раздѣлъ между наслѣдниками, то обыкновенно,—разъ раздробленіе достигло извѣстнаго предѣла и дальнѣйшее дѣленіе участка становится невыгоднымъ,— большая часть сонаслѣдниковъ переуступаетъ свои доли остающимся на хозяйствѣ за извѣстную сумму денегъ, что ведетъ къ обремененію хозяйствъ долгами. Если при этомъ земля принята по высокой оцѣнкѣ, а затѣмъ наступаетъ пониженіе цѣнъ на продукты или неурожай, то уплата долга становится непосильной, и это обстоятельство нерѣдко вызываетъ крушеніе самыхъ хозяйствъ. Но, кромѣ того, развитіе техники вызываетъ все чаще необходимость участія въ производствѣ интеллигентнаго труда, недоступнаго мелкому хозяину-земледѣльцу. Напримѣръ, одной изъ наиболѣе соотвѣтствующихъ для мелкихъ хозяевъ отраслей земледѣльческаго (въ обширномъ смыслѣ) производства, по требованію примѣненія живого труда, слѣдуетъ считать виноградарство и вообще садоводство. Но появленіе болѣзней (филоксера, мильдіу и т. п.) съ одной стороны, а съ другой—болѣе высокія требованія къ качеству вина (правильное броженіе, выдержка въ подвалахъ),—значительно умешьшили преимущества мелкихъ хозяйствъ въ этой отрасли и вызвали необходи-

мость содѣйствія государства для ихъ спасенія. Подобнымъ образомъ, введеніе машиннаго отдѣленія сливокъ отъ молока (сепараторы) увеличило шансы выгодной конкуренціи болѣе крупныхъ хозяйствъ въ дѣлѣ молочнаго производства, составлявшаго прежде также почти монополію мелкихъ производителей.

Тѣмъ не менѣе, въ земледѣльческомъ производствѣ побѣда крупныхъ хозяйствъ надъ мелкими несравненно труднѣе, чѣмъ въ области обработывающей промышленности, и нерѣдко и теперь еще достаточно соединенія небольшого числа такихъ хозяйствъ, чтобы получить возможность примѣнять тѣ улучшенія, которыя даютъ преимущества болѣе крупнымъ хозяйствамъ. Потому-то мы и видимъ, что въ странахъ наиболѣе развитаго капитализма, гдѣ почти всѣ внѣземледѣльческіе промыслы ведутся капиталистическимъ способомъ, земледѣліе все еще въ значительной мѣрѣ находится въ рукахъ мелкихъ производителей-работниковъ. Марксъ, слѣдовательно, совершенно правъ, говоря, что переходъ земледѣлія въ капиталистическую форму составляетъ послѣднее завоеваніе капитализма; онъ ошибается только, предполагая, что эта стадія развитія уже достигнута: къ ней приблизилась болѣе значительно только одна Англія.

Настолько о хозяйствахъ при полномъ правѣ собственности. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію ограниченнаго владѣнія и разсмотримъ, въ виду сказаннаго выше, только общинное землевладѣніе.

§ 6. Подъ именемъ общиннаго землевладѣнія разумѣютъ такой способъ владѣнія землей, при которомъ владѣльцемъ-собственникомъ считается союзъ лицъ, населяющихъ данную территорію. Союзъ этотъ принудительный, т. е. каждый, рожденный въ извѣстной семьѣ, входящей въ составъ данной общины, тѣмъ самымъ уже причисляется къ членамъ общины, которую составляетъ, по отношенію къ владѣнію землей, данное селеніе или совокупность таковыхъ, или, наоборотъ, часть селенія. Общинное землевладѣніе, какъ признаетъ теперь бо̀льшая часть изслѣдователей, существовало въ прежнее время вездѣ. Но во всѣхъ культурныхъ государствахъ оно уничтожилось и въ настоящее время, кромѣ Россіи, сохранилось, въ видѣ обломковъ, изъ европейскихъ странъ въ Швейцаріи и юго-славянскихъ областяхъ. Изъ внѣ-европейскихъ странъ община констатирована въ Индіи (М. Ковалевскій). Земля, составляющая собственность общины, дѣлится между членами ея, домохозяевами, по различнымъ принципамъ. Не нужно смѣшивать общиннаго землевладѣнія съ общиннымъ землепользованіемъ. Какъ форма владѣнія, община есть союзъ, которому принадлежитъ на правѣ собственности земля, способъ пользованія которой, т. е. то, что̀ составляетъ собственно содержаніе понятія о формѣ общиннаго землепользованія, можетъ быть очень различенъ: отъ

сдачи всей земли въ аренду одному или нѣсколькимъ лицамъ, до обработки ея соединенными силами всѣхъ членовъ общины съ раздѣломъ только продукта.

Мы разсмотримъ здѣсь только русскую общину, и все сказанное ниже будетъ относиться къ ней. Какъ архаическая форма владѣнія землей, община является продуктомъ безсознательнаго процесса развитія подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыя окружали первыхъ поселенцевъ данной территоріи. Пока населеніе древней Руси вынуждено было прятаться въ лѣсахъ нечерноземной полосы и не могло занимать открытой безлѣсной равнины чернозема изъ опасенія подвергнуться нападенію кочевниковъ,—до тѣхъ поръ оно не могло образовывать сколько-нибудь значительныхъ поселковъ, такъ какъ въ нечерноземной области мѣста, годныя, при условіяхъ первобытной культуры, для пашенъ, лежатъ небольшими оазисами среди болотъ и лѣсовъ. Эти лѣса населеніе сохраняло отчасти какъ защиту отъ враговъ, отчасти какъ источникъ необходимыхъ матеріаловъ. Къ тому же разработка почвы изъ-подъ лѣса представляла весьма значительныя трудности. Поэтому здѣсь каждый поселокъ состоялъ первоначально изъ одного двора, одной семьи, и разростался потомъ большею частью только путемъ естественнаго размноженія семьи первыхъ поселенцевъ. Но, въ силу указанныхъ причинъ, и такой естественный ростъ поселка могъ продолжаться очень недолго, пока именно годную для расширенія пашни, соотвѣтственно росту поселка, землю не нужно было искать на слишкомъ значительномъ разстояніи отъ усадьбы. Какъ скоро такой земли не оказывалось по близости, часть населенія поселка образовывала выселокъ по близости мѣстъ расположенія занятой для разработки подъ пашню земли. Но, благодаря кровной связи между поселенцами такихъ смежныхъ поселковъ, а также и тому, что лѣсъ, какъ источникъ разныхъ матеріаловъ и мѣсто для охоты, оставался въ общемъ пользованіи, эти поселки поддерживали сношенія между собою и считали раздѣляющую ихъ территорію общей собственностью. Такъ образовалась та форма общиннаго землевладѣнія, которая носитъ названіе сложной или волостной общины.

Въ открытыхъ равнинахъ дѣло происходило нѣсколько иначе. Какъ сказано, эти равнины долго были недоступны для поселенія земледѣльцевъ, именно благодаря своей открытости, не дававшей возможности укрыться отъ враговъ. Потому населяться они начинаютъ позже лѣсныхъ районовъ, и возможно, что уже первые поселенцы приносили готовыя представленія объ общинномъ землевладѣніи. Во всякомъ же случаѣ эти первые поселенцы могли являться сюда только болѣе или менѣе значительными, сплоченными группами, ради именно возможности защиты совокупными силами. Такая, болѣе или менѣе многочисленная группа, устраивая свои усадьбы

по возможности скученно, могла пользоваться при этомъ для пашни обширной территоріей, окружающей поселокъ, такъ какъ земля на этой территоріи представлялась вездѣ удобной и доступной для разработки. Къ тому же, при натуральномъ хозяйствѣ населеніе не могло существовать продуктами одного земледѣлія собственно, въ данномъ же положеніи,—будучи удалено отъ лѣсовъ,—должно было имѣть значительныя стада скота. Охрана скота отъ угона его кочевниками была, однако, болѣе затруднительна, чѣмъ охрана посѣвовъ, и потому населеніе стремилось отводить подъ пастбища болѣе близкія къ усадьбамъ площади, занимая для пашни болѣе удаленныя мѣста. Отсюда—то, общее для поселковъ открытыхъ мѣстностей, явленіе, что эти поселки обыкновенно очень многолюдны и принадлежащая каждому поселку-общинѣ территорія весьма обширна. Указанныя условія первоначальнаго заселенія различныхъ странъ должны были необходимо вызвать соотвѣтственныя измѣненія въ формахъ землепользованія. Однако, развившееся затѣмъ крѣпостное право явилось до нѣкоторой степени нивеллирующимъ элементомъ, сглаживая или уничтожая тѣ особенности формъ землепользованія, которыя должны были явиться послѣдствіемъ естественныхъ условій страны и способа ея заселенія. Но въ Россіи, какъ извѣстно, никогда все крестьянство не было обращено въ крѣпостное состояніе, а всегда существовали, рядомъ съ крѣпостными, свободные крестьяне, называвшіеся первоначально черносошными, потомъ государевыми и государственными. Хотя землепользованіе государственныхъ крестьянъ также не было вполнѣ свободно, а регламентировалось государственною властью, все же и самый способъ регламентаціи былъ здѣсь иной, чѣмъ у крѣпостныхъ крестьянъ.

У крѣпостныхъ крестьянъ земля дѣлилась по тягламъ, при чемъ тягломъ считалась рабочая семья, состоящая изъ мужа и жены. Кромѣ того, при опредѣленіи тяголъ принималась во вниманіе и вообще рабочая сила данной семьи, т. е. число взрослыхъ членовъ въ ней. У государственныхъ крестьянъ, гдѣ самый процессъ регулированія землепользованія наступилъ, повидимому, позже, чѣмъ у крѣпостныхъ, единицей дѣленія была или сдѣлалась скоро ревизская душа, т. е. лицо мужескаго пола, записанное въ послѣднюю ревизію. Въ древности, какъ видно изъ сказаннаго выше, всякій, родившійся въ общинѣ, имѣлъ право на пользованіе землей «по своимъ силамъ», т. е. могъ разработывать земли сколько хотѣлъ и гдѣ хотѣлъ, въ предѣлахъ владѣнія данной общины, и пользоваться продуктами; но земля оставалась общинной. Такое «право вольнаго захвата» существовало еще въ восьмидесятыхъ годахъ въ нѣкоторыхъ общинахъ южно-русскихъ губерній (Екатеринославской и Ставропольской) и существуетъ и теперь въ Сибири и у уральскихъ казаковъ. Понятно, что вольный захватъ могъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока коли-

чество земли было безгранично велико сравнительно съ потребностью въ ней. Какъ только началъ сказываться недостатокъ земли, тотчасъ явилось ограниченіе землепользованія, регулированіе его сообразно различнымъ принципамъ. Первоначально могло существовать распредѣленіе по рабочей силѣ, разверстка по тягламъ. Пока держалась такая разверстка, сохранялась и нѣкоторая равномѣрность въ распредѣленіи: распредѣленіе въ извѣстной мѣрѣ соотвѣтствовало принципу общиннаго землепользованія, который можно формулировать такъ: «каждому по его силамъ». Но такая разверстка земли по тягламъ, по рабочей силѣ, у государственныхъ крестьянъ, вѣроятно, никогда не играла большой роли и удержалась послѣ отмѣны крѣпостного права и среди бывшаго крѣпостного населенія только тамъ, гдѣ выкупные платежи (за полученную въ надѣлъ при освобожденіи землю) были особенно высоки, что̀ чаще имѣло мѣсто въ нечерноземной полосѣ. Этотъ фактъ В. И. Орловъ констатировалъ для Московской губерніи еще въ семидесятыхъ годахъ, а затѣмъ онъ былъ подтвержденъ и другими: вездѣ, гдѣ платежи были выше доходности земли, существовала потягольная разверстка; при обратномъ отношеніи платежей къ доходности практиковалась разверстка по ревизскимъ душамъ (X-й ревизіи). Происхожденіе слишкомъ высокаго обложенія земель здѣсь таково: въ части этой полосы (Московскомъ промышленномъ районѣ) частное землевладѣніе было большею частью не крупное, тогда какъ населеніе сравнительно густое; поэтому земли на полный надѣлъ обыкновенно не хватало, а помѣщикъ въ такихъ случаяхъ имѣлъ право удержать $^1/_3$ земли въ своемъ пользованіи; крестьяне получали тогда неполные надѣлы. При такихъ неполныхъ надѣлахъ выкупные платежи налагались непропорціонально размѣрамъ надѣла. Если, напримѣръ, полный надѣлъ былъ 5 десятинъ съ платежемъ въ 9 руб., а нарѣзали только $2^1/_2$ дес. на душу, то платить приходилось не 4 руб. 50 к., а 5 руб. $12^1/_2$ коп. въ годъ; за 1 дес. надѣла не 1 руб. 80 к., а около 3-хъ рублей. Такая надбавка производилась на томъ основаніи, что здѣсь, будто бы, выгодно было вести хозяйство. Заключеніе это выводили изъ того, что раньше, при крѣпостномъ правѣ, здѣсь былъ высокъ оброкъ, который платили крестьяне помѣщику. Подъ вліяніемъ этаго же мотива или подобныхъ, выкупной платежъ былъ вычисленъ слишкомъ высоко во всей нечерноземной полосѣ и при полномъ даже надѣлѣ. Въ такихъ случаяхъ, когда доходность участка не соотвѣтствовала наложеннымъ платежамъ, крестьяне на владѣніе землей смотрѣли какъ на государственную повинность, которую и старались распредѣлить равномѣрно между членами общины по силамъ каждой семьи. Въ этихъ случаяхъ принципъ общиннаго землепользованія «каждому по силамъ» примѣнялся, слѣдовательно, совершенно въ обратномъ смыслѣ: въ первобытномъ строѣ это обозначало право каждаго воспользоваться *выгодами*

землепользованія «по силамъ» его семьи, а здѣсь, наоборотъ, *невыгоды* землепользованія распредѣлялись сообразно силамъ семей нести тяготу. При разверсткѣ по ревизскимъ душамъ старый общинный принципъ—«по силамъ»—оставлялся совершенно въ сторонѣ и въ основу распредѣленія положено было право, установленное «Положеніемъ».

Когда въ 1883 г. послѣдовало значительное пониженіе выкупныхъ платежей,—частью общее для всѣхъ, платившихъ выкупъ, частью добавочное для болѣе обремененныхъ, болѣе разоренныхъ общинъ,—то и тамъ, гдѣ держалась до тѣхъ поръ, вслѣдствіе тяжести платежей, потягольная разверстка земли, стали дѣлить уже по «ревизскимъ душамъ». Этотъ переходъ къ дѣлежу по ревизскимъ душамъ имѣетъ весьма важное значеніе: принципъ общиннаго землепользованія «всякому по силамъ» перестаетъ играть роль; устои архаическаго строя нарушены, и общинное землепользованіе отнюдь не можетъ быть признано въ это время выраженіемъ справедливости при распредѣленіи, какъ его нерѣдко изображаютъ: дѣйствительно, въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ по ревизіи числилось много душъ, но эти души перемерли,—нерѣдко теперь одно лицо стало владѣть нѣсколькими «душами», т. е. земельными надѣлами; семьи же, съ народившимися вновь послѣ ревизіи членами, оказались обдѣленными.

Въ послѣдніе годы (съ половины 80-хъ годовъ) нѣкоторыя изъ тѣхъ общинъ, въ которыхъ обнаружилось очень рѣзкое несоотвѣтствіе между наличнымъ составомъ семей и числомъ ревизскихъ душъ въ нихъ, приступили къ передѣламъ земли по наличному составу семей, чѣмъ нѣсколько сглаживалось указанное несоотвѣтствіе. Но такой передѣлъ произошелъ далеко не вездѣ и чаще имѣлъ мѣсто среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ, которые только около этаго времени были переведены съ оброка на выкупъ. Равнымъ образомъ, этотъ передѣлъ имѣлъ мѣсто чаще въ черноземной полосѣ, т. е. тамъ, гдѣ еще не производилось или производилось въ ограниченныхъ размѣрахъ удобреніе. Причина этаго отчасти заключалась въ томъ способѣ, по которому фактически отводится каждому общиннику та идеальная доля общинной земли, на которую признано за нимъ право. Это распредѣленіе земли производится такимъ образомъ: въ каждомъ изъ трехъ клиновъ (при трехпольи) земля раздѣляется на участки (ярусы, коны) по качеству почвы, по отдаленности и т. п.; въ каждомъ кону отводятся участки на «душу». Поэтому у каждаго участника получается большое количество дѣлянокъ отъ 12 до 30 и даже 60. Неудобство такой дробности и черезполосицы особенно рѣзко сказывалось при большихъ размѣрахъ территоріи, составляющей владѣніе общины, что чаще встрѣчалось у государственныхъ крестьянъ, получившихъ большіе надѣлы и живущихъ въ большихъ поселкахъ. При этомъ нѣкоторые участки оказывались на такомъ разстояніи отъ селенія, что не

могли обрабатываться (10—25 верстъ). Но кромѣ того, бывшіе крѣпостные имѣли особенно сильный мотивъ для удержанія дѣленія земли по ревизскимъ душамъ (X рев. 1858 г.), каковымъ являлось то обстоятельство, что, установивъ такое дѣленіе съ самаго момента выхода на волю, они платили соотвѣтственно этому выкупной платежъ (съ разсрочкой на 49 лѣтъ) и несли, пропорціонально своему владѣнію, и другія повинности, общественныя и земскія, и потому здѣсь передѣлъ по новымъ душамъ если достигался, то только прямымъ насиліемъ, тамъ, гдѣ обдѣленные составляли значительное большинство. Несомнѣнно, что и вліяніе постепеннаго уменьшенія душевыхъ долей съ ростомъ населенія является серьезнымъ тормозомъ для осуществленія передѣловъ, ибо чѣмъ меньше возможное увеличеніе доли каждаго обдѣленнаго при настоящемъ способѣ разверстки, тѣмъ менѣе онъ заинтересованъ добиваться передѣла. Кромѣ того, при условіи абсолютно малыхъ надѣловъ только относительно значительное число таковыхъ можетъ поддерживать сносное существованіе крестьянскаго двора. Потому лица, завладѣвшіе такъ или иначе такимъ числомъ надѣловъ, энергичнѣе защищаютъ свои права на удержаніе ихъ, чѣмъ тогда, когда нѣкоторое уменьшеніе, вслѣдствіе передѣла, состоящей въ ихъ пользованіи земли не повлечетъ за собою крушенія хозяйства. Понятно также, что при меньшемъ размѣрѣ надѣла въ общинѣ быстрѣе и въ бо́льшемъ числѣ появляются безхозяйные, совсѣмъ уже не заинтересованные въ передѣлахъ и часто даже не живущіе въ общинѣ. Для такихъ, совершенно номинальныхъ, членовъ общины, обязательное участіе въ несеніи различныхъ платежей является просто бременемъ, и только невозможность выйти изъ общины заставляетъ ихъ платить «съ пуста», т. е. не пользуясь ничѣмъ отъ общины.

Фактически, слѣдовательно, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, надежда, которую возлагали на общину при увольненіи крестьянъ, будто при помощи ея возможно равномѣрное распредѣленіе земли, а слѣдовательно и благосостоянія среди всѣхъ надѣленныхъ крестьянъ,—эта надежда далеко не оправдалась, а взамѣнъ того и при общинѣ сложилось далеко неравномѣрное пользованіе землею.

Но если надежды, высказывавшіяся защитниками общины, не оправдались, то факты вполнѣ подтверждаютъ опасенія противниковъ общины. Было именно указано, что община явится препятствіемъ для улучшеній въ земельной культурѣ въ виду слѣдующихъ соображеній. Во 1-хъ, самый фактъ временности пользованія надѣломъ, притомъ безъ опредѣленія срока пользованія, ведетъ къ тому, что каждый временный пользователь стремится затратить возможно меньше труда на обработку земли, почти, можно сказать, только столько, чтобы обезпечить до нѣкоторой степени ближайшій урожай, пользованіе которымъ ему гаран-

тировано. И, дѣйствительно, факты показываютъ, что тамъ, гдѣ примѣняется удобреніе, нерѣдко вывозка его въ поле прекращается за нѣсколько лѣтъ до передѣла, разъ только о немъ зашелъ разговоръ, или вообще есть основаніе ожидать передѣла. Во 2-хъ, право каждаго, родившагося въ общинѣ, требовать себѣ отвода соотвѣтствующей части земли въ пользованіе, необходимо ведетъ къ земельнымъ передѣламъ, т. е. къ временности владѣнія съ одной стороны, а съ другой — къ постепенному уменьшенію площади владѣнія и пользованія каждаго отдѣльнаго члена,—уменьшенію, которое часто не соотвѣтствуетъ требованіямъ раціональной техники. Правда, въ послѣднее время (1894 г.) изданъ законъ, ограничивающій право передѣловъ опредѣленіемъ срока для промежутковъ между ними,—не менѣе 12 лѣтъ. Но такимъ образомъ не только нарушаются права вновь народившихся членовъ общины, но вмѣстѣ съ тѣмъ часть этихъ молодыхъ членовъ вынуждается искать работы на сторонѣ, и достигается именно то, чего желали избѣгнуть, удерживая общину, т. е. земледѣльческое населеніе, именно наиболѣе молодая часть его, бросаетъ свой промыселъ и переселяется въ города. Въ 3-хъ, при современномъ способѣ землепользованія у русскихъ общинниковъ необходимо является очень много неудобствъ, препятствующихъ правильному хозяйству; черезполосица владѣній отдѣльныхъ лицъ, при которой по всему полю разбросаны клочки ничтожной величины (нерѣдко менѣе 100 кв. саж.), принадлежащіе каждому общиннику, вызываетъ неудобства при обработкѣ: а) пахать приходится всегда вдоль (ширина рѣдко превышаетъ 3—4 саж.); б) заѣзжать на такую полосу не всегда удобно, такъ какъ приходится переѣзжать черезъ сосѣднія полосы; в) при небольшой величинѣ клочковъ межи или борозды между ними отнимаютъ относительно большое пространство; г) при обработкѣ участка или вообще работѣ въ полѣ приходится терять много времени на переѣзды съ одного мѣста на другое и на частые повороты съ орудіями; наконецъ, д) разбросанность клочковъ въ полѣ дѣлаетъ совершенно невозможной зимнюю вывозку навоза, которая во многихъ случаяхъ является крайне полезной, если не необходимой. Въ 4-хъ, существующее право общаго выгона на пашни, по снятіи съ нихъ урожая, ведетъ къ такъ называемому принудительному сѣвообороту, т. е. всѣ члены одной общины должны непремѣнно держаться не только распредѣленія своей земли на одинаковое число клиньевъ сѣвооборота (чередующихся по воздѣлываемымъ растеніямъ), но и культивировать на каждомъ данномъ клину, можно сказать, почти обязательно, только извѣстное растеніе. Дѣйствительно, посѣявъ растеніе иного вида или даже только сорта,—требующее болѣе продолжительнаго періода произрастанія, чѣмъ обычное растеніе на данномъ клину

у сообщинниковъ,—крестьянинъ рискуетъ, что скотъ, выгнанный на поле по снятіи растенія, занимающаго поля сосѣдей его, уничтожитъ весь урожай на его полосѣ.

Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, явилась полная неподвижность техники крестьянскаго хозяйства, особенно по отношенію къ сѣвообороту, а вмѣстѣ съ тѣмъ—быстрое пониженіе благосостоянія земледѣльческаго населенія. Дѣло въ томъ, что старыя формы хозяйства, унаслѣдованныя отъ натуральнаго быта, не соотвѣтствуютъ современнымъ условіямъ денежнаго хозяйства, когда земледѣлецъ можетъ существовать только при условіи производства именно для рынка тѣхъ продуктовъ, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ мѣстнымъ почвеннымъ, климатическимъ и экономическимъ условіямъ. Это положеніе мы подробно докажемъ ниже (Отд. Обращеніе, глава. «Пути сообщенія»); здѣсь же замѣтимъ только, что нѣкоторое указаніе на необходимость такой перемѣны даетъ сказанное выше (во введеніи) о переходѣ къ денежному хозяйству. А разъ такой переходъ къ иному способу культуры задерживается, то, съ одной стороны, нельзя уже говорить о безвредности общинныхъ порядковъ для совершенствованія земледѣлія (какъ это дѣлаютъ защитники общины), а съ другой,—такъ какъ указанный переходъ дѣлается все болѣе настоятельнымъ, — не можетъ быть сомнѣнія, что жизнь тѣмъ или другимъ путемъ устранитъ это препятствіе.

Ко всѣмъ этимъ неудобствамъ присоединяется еще длинноземелье, т. е. слишкомъ значительное протяженіе въ длину владѣній общины, возникающее среди тѣхъ именно общинъ, которыя въ другихъ отношеніяхъ поставлены въ болѣе благопріятныя условія (государственные крестьяне), такъ какъ получили и бо́льшіе надѣлы, и несутъ менѣе обременительныя подати. Благодаря бо́льшей обезпеченности, эти крестьяне должны были сбразовать ранѣе другихъ крѣпкое крестьянство; между тѣмъ, длинноземелье, вмѣстѣ со всѣмъ порядкомъ отвода земли каждому общиннику въ клочкахъ, раскинутыхъ на значительной, у такихъ именно общинъ, территоріи владѣнія, вноситъ здѣсь въ общинное владѣніе главныя неудобства крупнаго и мелкаго владѣнія, безъ преимуществъ того и другого. Потому-то и среди общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ такъ же много разоренныхъ (безлошадныхъ и безхозяйныхъ), какъ и среди крѣпостныхъ крестьянъ.

Сама община сознаетъ эти недостатки современнаго землепользованія и стремится ихъ уничтожить различными путями; такъ, 1) она удлиняетъ сроки передѣловъ и переверстокъ (т. е. передѣловъ, при которыхъ не измѣняются доли отдѣльныхъ общинниковъ, а только мѣста ихъ въ полѣ); 2) нѣкоторыя общины постановляли, чтобы удобренные участки вовсе не поступали въ переверстку, а оставались у тѣхъ, кто удобрилъ

ихъ; въ иныхъ же мѣстахъ опредѣляется срокъ пользованія такими участками; 3) иногда допускалось даже огораживаніе части поля, если владѣлецъ занялъ его продуктами, которые онъ хочетъ уберечь отъ потравы. Но послѣднія двѣ мѣры могутъ оградить интересы отдѣльныхъ членовъ только отчасти и временно; огораживаніе возможно только въ мѣстахъ, гдѣ имѣется у общины еще лѣсъ, а это встрѣчается все рѣже; а затѣмъ, какъ огораживаніе, такъ и оставленіе удобреннаго клочка въ пользованіи удобрившаго его—допустимы только, пока эти мѣры простираются на незначительную часть площади крестьянскихъ земель. Наконецъ, 4) нѣкоторыя общины,—до сихъ поръ, сколько извѣстно, исключительно въ нечерноземной полосѣ,—пытались переходить къ новымъ сѣвооборотамъ по общему соглашенію, введеніемъ, напримѣръ, въ культуру клевера. Но такое соглашеніе мыслимо только при незначительномъ числѣ общинниковъ, да и тамъ, гдѣ оно достигалось, обыкновенно вело за собою полное прекращеніе передѣловъ, т. е. въ концѣ концовъ приводило къ распаденію самой общины и переходу ея въ мелкое личное владѣніе.

Нерѣдко въ защиту общины приводятъ, что многіе или всѣ недостатки ея встрѣчаются и при частномъ мелкомъ землевладѣніи. Такъ, г. Посниковъ сравниваетъ общинное землепользованіе въ отношеніи черезполосицы съ мелкимъ личнымъ землевладѣніемъ крестьянъ собственниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи; по отношенію же къ временности владѣнія — съ хозяйствомъ англійскаго фермера. И тамъ, и тутъ культура стоитъ высоко, между тѣмъ какъ налицо имѣется тотъ или другой изъ недостатковъ, подрывающихъ общинное владѣніе. Аргументы эти, однако, не выдерживаютъ критики. Во 1-хъ, недостатки, присущіе общинному владѣнію, при личной собственности являются въ различныхъ мѣстахъ, порознь, тогда какъ въ общинѣ они встрѣчаются вмѣстѣ и, понятно, оказываются вреднѣе. Во 2-хъ, и при полной собственности вліяніе черезполосицы настолько вредно, что въ Германіи потребовалось даже особое законодательство для уничтоженія этаго зла и переверстки земель (Verkoppelung). Въ 3-хъ, сравненіе общины съ англійскимъ фермерствомъ неправильно въ томъ отношеніи, что берутся страны совершенно различныя и по естественнымъ, и по экономическимъ условіямъ. Въ Англіи, во 1-хъ, мелкаго фермерства нѣтъ. Въ среднемъ, размѣры фермъ здѣсь 30—40 акровъ, или 13—14 русскихъ десятинъ; но крупность хозяйства измѣряется не одной площадью, а и суммой затрачиваемаго капитала, а въ Англіи хозяйство очень интенсивно, и потому затраты на ферму такого размѣра очень велики, сравнительно съ нашими крестьянскими хозяйствами, почему они являются скорѣе крупными, чѣмъ мелкими; хозяйства же нашихъ крестьянъ, будучи часто

и по площади владѣнія каждаго домохозяина менѣе англійской средней фермы,—по суммѣ затратъ прямо уже должны быть отнесены къ мелкимъ. Во 2-хъ, въ силу только что указаннаго характера англійскаго хозяйства, англійскій фермеръ есть капиталистъ, вступающій въ добровольное соглашеніе съ землевладѣльцемъ, потому онъ можетъ всегда уйти съ арендованнаго участка, тогда какъ русскій крестьянинъ-земледѣлецъ volens-nolens долженъ брать землю и платить за нее. Для послѣдняго, слѣдовательно, временность владѣнія имѣетъ иное значеніе, чѣмъ для перваго. Не смотря на эти благопріятныя условія и то обстоятельство, что лендлорды не склонны часто мѣнять фермеровъ, англійскіе фермеры все-таки были недовольны своими порядками и добились огражденія законодательнымъ путемъ права получать вознагражденіе за улучшенія, которыми они не успѣли воспользоваться. Въ русскихъ общинахъ ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ (хотя вышеупомянутымъ закономъ о регулированіи передѣловъ устанавливается право требовать вознагражденіе за улучшенія): у насъ лучшіе участки переходятъ при передѣлахъ нерѣдко, отъ хорошихъ, состоятельныхъ къ плохимъ, разореннымъ хозяевамъ, которые не только не могутъ дать никакого вознагражденія прежнему пользователю за введенныя имъ улучшенія, но часто не могутъ платить и налоговъ. Конечно, если взять нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ, напр., въ самарскихъ и черноморскихъ степяхъ, то у нихъ возможно и введеніе уплаты вознагражденія, и таковое отчасти практикуется при переходѣ надѣловъ отъ одного къ другому. Но не нужно забывать, что въ ихъ общинахъ надѣлы доходятъ до 50—60 десятинъ на дворъ, и эти общинники вовсе не крестьяне-работники, а капиталисты, обрабатывающіе свои надѣлы батраками.

Въ концѣ концовъ, мы приходимъ къ выводу, что, подъ давленіемъ необходимости перейти къ иной системѣ земледѣльческаго хозяйства, наша крестьянская община быстро стремится къ разрушенію. Однообразіе и равномѣрность обезпеченія всѣхъ, даже въ предѣлахъ данной общины, были нарушены самымъ актомъ увольненія крестьянъ (крѣпостныхъ), не только назначеніемъ нормы земельныхъ надѣловъ по душамъ, но и тѣмъ, что, какъ только каждый домохозяинъ былъ предоставленъ самому себѣ, то тотчасъ сказалось и различіе индивидуальныхъ способностей и наклонностей: явились лица, не сумѣвшія справиться самостоятельно съ хозяйствомъ, которое они привыкли вести по указкѣ помѣщика или чиновника (какъ государственные крестьяне). При этой неумѣлости, понятно, и малыя невзгоды вели къ крупнымъ нарушеніямъ въ правильности хода хозяйства, а возникшіе недочеты, также исправлявшіеся прежде помѣщиками (напр. при падежѣ лошади и т. п.), вели теперь къ задолжанію, и крестьянинъ скоро очутился въ рукахъ

мѣстнаго ростовщика; эта экономическая неволя оказалась болѣе крѣпкой, чѣмъ юридическая. Такіе, запутавшіеся въ долгахъ и потерявшіе хозяйственную самостоятельность, крестьяне образуютъ главную часть тѣхъ армій переселенцевъ, которыя стремятся къ окраинамъ, ища свободныхъ земель, подражая своимъ праотцамъ, которые также «брели рознь». А остающіеся на мѣстахъ получаютъ,—обыкновенно просто въ даръ,—бросаемую эмигрантами землю, и если не юридически, то фактически изъ общины выростаетъ крупное землевладѣніе, представителями котораго являются прежніе ростовщики, превращающіеся въ лендлордовъ. Конечно, государственная власть не можетъ допустить, чтобы это явленіе приняло слишкомъ обширные размѣры, такъ какъ въ такомъ государствѣ, какъ Россія,—и при томъ въ данный моментъ ея культурно-экономическаго развитія,—крѣпкое крестьянство составляетъ необходимое условіе самаго существованія государства: безъ этаго элемента немыслимо развитіе капитализма въ области обрабатывающей и вообще внѣземледѣльческой промышленности, такъ какъ крестьянская масса должна доставить главный рынокъ промышленности, ибо капиталистическая промышленность, только достигнувъ относительно высокаго уровня развитія, можетъ опираться главнымъ образомъ на внѣшній рынокъ. Какую бы форму ни получило это государственное вмѣшательство, самая задача — созданіе крѣпкаго крестьянства—вызоветъ или переходъ къ частному личному землевладѣнію, съ полнымъ устраненіемъ общины, какъ формы землевладѣнія, какъ это случилось въ западной Европѣ, или община превратится въ такую форму, при которой общинное землевладѣніе будетъ соединено съ такой формой землепользованія, которая позволитъ устранить неблагопріятныя условія, дѣлающія теперь хозяйство общинника совершенно несоотвѣтствующимъ требованіямъ раціональной техники, прежде всего потому, что члены общины лишены возможности проявлять свою иниціативу въ дѣлѣ улучшенія хозяйства.

При переходѣ къ частному подворному владѣнію, какъ и при измѣненіи формы землепользованія и сохраненіи общиннаго землевладѣнія, неизбѣжно, часть крестьянъ должна лишиться земли и, покинувъ уже навсегда деревню, образуетъ городской пролетаріатъ. Но и при общинномъ владѣніи и современныхъ порядкахъ землепользованія, при лучшихъ условіяхъ, % бездомовыхъ, какъ видно, напр., изъ данныхъ земской статистики по Саратовской губерніи, достигаетъ почти 6, а безлошадныхъ до 24, т. е. имѣется около 30% пролетаріата, который разнится отъ западно-европейскаго фактически только тѣмъ, что это не городской пролетаріатъ, а сельскій. Но зато, съ переходомъ къ подворному владѣнію или только подворному пользованію, та часть сельскаго населенія, которая удержитъ за собою землю, необходимо введетъ техни-

ческія улучшенія въ хозяйствѣ, не будучи уже связана общинными порядками, и изъ этой части создастся крѣпкое крестьянство. Нѣкоторые ставятъ паденіе общины и обѣднѣніе крестьянъ въ связь съ экономической политикой государства. Но упрекъ правительству въ этомъ отношеніи неосновательенъ, какъ можно видѣть изъ сказаннаго выше. Явленіе это происходило или происходитъ вездѣ, при замѣнѣ натуральнаго хозяйства денежнымъ; всегда при этомъ требуется перейти къ лучшей культурѣ, такъ какъ пользованіе землей ограничивается въ силу размноженія населенія, земли истощаются, лѣса вырубаются, крестьянскіе (кустарные) промыслы уничтожаются. Конечно, при этомъ значительная часть населенія страдаетъ, почему и требуется вмѣшательство государства, которое въ различныхъ странахъ принимало различныя мѣры, но вездѣ въ конечномъ выводѣ оказывалось, что мѣры, принимавшіяся государствомъ, приводили къ разрушенію общиннаго землевладѣнія. Во Франціи, напримѣръ, правительство первой республики раздѣлило общинныя земли въ частное владѣніе отнюдь не изъ желанія принести вредъ крестьянству, а видя въ этомъ единственное средство достигнуть улучшенія земельной культуры и поднятія благосостоянія крестьянъ. Такое поднятіе благосостоянія, хотя бы только части крестьянства, необходимо въ это время для спасенія самого государства, такъ какъ этимъ путемъ быстро создается классъ общества, могущій доставить государству значительныя средства, въ которыхъ оно нуждается и которыхъ не можетъ добыть ни отъ какого иного класса, ибо промышленность еще не достигла достаточно высокаго развитія, а крупное землевладѣніе не менѣе связано въ своемъ развитіи общиной чѣмъ само крестьянство.

ОТДѢЛЪ III.

Обращеніе.

ГЛАВА I.

Обращеніе вообще.

§ 1. Мы видѣли, что капиталистъ, чтобы начать производство, долженъ найти на рынкѣ необходимые объективные и субъективные факторы процесса производства. Объективные факторы суть простые товары: орудія, машины, матеріалы и т. п.; субъективный же факторъ производства есть рабочая сила. И то, и другое капиталистъ пріобрѣтаетъ за деньги. Такимъ образомъ здѣсь деньги ($Д$) превращаются, съ одной стороны, въ товары — средства производства ($Сп$), съ другой — въ рабочую силу, которая въ процессѣ производства даетъ работу ($Р$). Когда капиталистъ пріобрѣлъ эти факторы производства, то онъ не только имѣетъ налицо всѣ элементы, чтобы создать желаемую потребительную цѣнность—новый товаръ ($Т'$), но онъ, кромѣ того, имѣетъ возможность произвести мѣновую цѣнность, превышающую цѣнность затраченныхъ имъ денегъ ($Д$). Въ его рукахъ средства производства и рабочая сила обратились въ производительный капиталъ ($П$). При помощи $П$ онъ и создаетъ новое $Т'$, цѣнность котораго превышаетъ ($Сп+Р$). Но, чтобы эта цѣнность сдѣлалась для капиталиста настоящей цѣнностью, она должна принять форму общаго эквивалента цѣнности—денегъ, такъ какъ въ качествѣ извѣстнаго товара, потребительной цѣнности, продуктъ производства не имѣетъ значенія для капиталиста. Этотъ-то процессъ превращенія продукта $Т'$ въ деньги,—притомъ больше денегъ, чѣмъ

сумма, затраченная капиталистомъ (больше $Д$),—совершается на рынкѣ и носитъ названіе собственно обращенія товара. При этомъ, слѣдовательно, $Т'$ долженъ превратиться въ $Д' = Д + д$. Первоначально капиталистъ имѣлъ капиталъ въ видѣ суммы денегъ $Д'$; это еще только потенціальный капиталъ, просто деньги, которыя дѣлаются капиталомъ вслѣдствіе употребленія ихъ на покупку средствъ производства и рабочей силы, т. е. обращенія въ производительный капиталъ ($П$). Этотъ производительный капиталъ даетъ въ результатѣ своего потребленія товаръ, который для капиталиста является не просто товаромъ,—потребительной цѣнностью,—но опять-таки капиталомъ, такъ какъ это есть не только новая форма затраченнаго капитала, но при томъ такая форма, цѣнность которой сравнительно съ $П$ увеличена приращеніемъ прибавочной цѣнности, созданной рабочей силой во время производственнаго процесса. Итакъ, этотъ *товарный капиталъ* долженъ превратиться вновь на рынкѣ въ форму эквивалента—деньги, чтобы капиталистъ могъ снова начать процессъ покупки средствъ производства и рабочей силы и продолжать производство. Слѣдовательно, $Т'$ превратится въ $Д' = Д + д$. Оставляя пока въ сторонѣ $д$ (прибавочную цѣнность), мы видимъ, что $Д$ должно вновь обратиться въ $Сн + Р$, чтобы производство продолжалось въ прежнемъ объемѣ (при этомъ предполагается, что весь основной капиталъ входитъ въ цѣнность продукта). Слѣдовательно, весь затраченный первоначально капиталъ пройдетъ полный циклъ превращеній: изъ первоначальной формы денегъ онъ перейдетъ сначала въ производительный капиталъ ($Сн + Р$), затѣмъ приметъ форму товарнаго капитала ($Т'$), и, наконецъ, послѣдній снова превратится въ денежный капиталъ $Д'$, уже бо́льшій первоначальнаго $Д$. Чтобы производство могло идти въ прежнемъ размѣрѣ, необходимо, чтобы сумма затратъ капиталиста не была менѣе $Д$; а такъ какъ $Д'$, по положенію, болѣе $Д$, то избытокъ можетъ расходоваться капиталистомъ на его личное потребленіе. Кромѣ того, чтобы производство шло безостановочно, необходимо, чтобы вынесенный на рынокъ товаръ $Т'$ тотчасъ находилъ покупателя, что́, однако, не всегда возможно. Нормально слѣдуетъ предполагать, что между собственно рабочимъ періодомъ, въ теченіе котораго средства производства превращаются въ товаръ, и превращеніемъ изготовленнаго товара въ деньги проходитъ нѣкоторое время, когда, слѣдовательно, капиталъ находится на рынкѣ въ товарной формѣ, въ ожиданіи своего превращенія въ денежную форму. Этотъ интервалъ и носитъ названіе періода обращенія товара. Если, напримѣръ, нашъ капиталистъ долженъ употребить 3 мѣсяца на превращеніе $Сн + Р$ въ самомъ процессѣ производства въ $Т'$, то это время будетъ собственно рабочимъ періодомъ. Если затѣмъ для того, чтобы $Т'$ превратилось въ $Д'$—товарный капиталъ въ денеж-

ный—требуется еще одинъ мѣсяцъ, то этотъ мѣсяцъ составитъ періодъ обращенія товара.

Пока совершается превращеніе T' въ $Д'$, процессъ производства не долженъ останавливаться; но, чтобы было это возможно, нужно, чтобы нашъ капиталистъ обладалъ деньгами въ такомъ размѣрѣ, чтобы могъ доставить занятымъ въ производствѣ рабочимъ необходимый матеріалъ и уплачивать своевременно заработную плату въ теченіе времени обращенія товара. Въ нашемъ случаѣ, если въ три мѣсяца превращается въ товарную форму капиталъ $Д$, то, чтобы продолжать производство въ теченіе одного мѣсяца обращенія товара, капиталистъ долженъ вложить на это время еще $^1/_3$ $Д$. (Мы здѣсь вездѣ разсматриваемъ дѣло такъ, какъ бы основной капиталъ совсѣмъ не существовалъ). При этомъ, слѣдовательно, процессъ производства будетъ идти такимъ образомъ: приготовивъ въ 3-хъ мѣсячный періодъ товаръ T' съ затратой капитала $Д$, капиталистъ выноситъ его на рынокъ; но, не дожидаясь превращенія этаго товара въ деньги, онъ продолжаетъ производство, вкладывая новыя деньги въ количествѣ $^1/_3$ $Д$. Этихъ денегъ хватитъ ему на мѣсяцъ; но въ теченіе этаго времени, онъ, по предположенію, не успѣетъ изготовить въ годномъ для рынка видѣ или въ необходимомъ количествѣ новый товаръ. и если бы произошла задержка въ превращеніи изготовленныхъ въ первый рабочій періодъ (3 мѣсяца) товаровъ въ деньги, то онъ вынужденъ былъ бы или остановить производство, или вложить еще второй прибавочный капиталъ. Но, положимъ, разсчеты его оправдались, и товаръ его проданъ во-время. Онъ получаетъ обратно затраченную на производство первой партіи товара сумму (съ приростомъ, о которомъ мы пока не будемъ говорить) и можетъ вести производство вновь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Но онъ уже затратилъ $^1/_3$ $Д$ въ видѣ прибавочнаго капитала, и, чтобы изготовить продуктъ, ему нужно не 3 мѣсяца, а только 2, при затратѣ, равной $^2/_3$ $Д$. Такимъ образомъ, когда вторая порція товара будетъ изготовлена, у него вновь остается $^1/_3$ $Д$, съ которой онъ можетъ продолжать производство, пока эта вторая партія (черезъ мѣсяцъ) снова приметъ денежную форму. Во всякомъ случаѣ, однако, сумма капитала, которую онъ долженъ затратить, прежде чѣмъ затрата возвратится къ нему, превышаетъ ту сумму, которая нужна собственно на изготовленіе товара, и именно превышаетъ настолько, сколько ему нужно вложить прибавочнаго капитала на время обращенія товара на рынкѣ. Это вынуждаетъ капиталиста имѣть запасъ, который онъ долженъ хранить въ видѣ денегъ, въ видѣ сокровища, потенціальнаго капитала. Это сокровище періодически вступаетъ въ оборотъ, употребляется въ производство, но періодически появляется вновь, какъ сокровище. Такъ, когда завершился первый оборотъ, т. е. первая порція товара превратилась въ деньги, то

капиталистъ получаетъ сразу сумму D, которую онъ можетъ потребить производительно на покупку средствъ производства и рабочей силы только въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ. Онъ можетъ, конечно, пріобрѣсти сразу все количество необходимыхъ ему на весь рабочій періодъ средствъ производства (матеріаловъ, орудій и пр.), и тогда эта часть сокровища будетъ находиться у него въ видѣ товарнаго запаса. Но ту часть, которая должна пойти на перемѣнный капиталъ, рабочую плату, онъ долженъ всегда имѣть въ деньгахъ, ибо при развитомъ капиталистическомъ производствѣ рабочая плата всегда принимаетъ денежную форму. Такимъ образомъ, деньгами начинается появленіе капиталиста въ качествѣ производителя, деньгами заканчивается обращеніе капитала, и деньги же всегда должны быть налицо у капиталиста, въ видѣ сокровища, которое онъ держитъ въ запасѣ, чтобы своевременно пустить его въ оборотъ.

Но кромѣ того. До сихъ поръ мы предполагали, во-первыхъ, что весь капиталъ входитъ въ цѣнность продукта; другими словами, что не существуетъ сколько-нибудь прочнаго, основного капитала; во 2-хъ, что производство продолжается въ прежнемъ размѣрѣ, не расширяясь, и всю полученную прибавочную цѣнность капиталистъ потребляетъ лично. Ни то, ни другое условіе, конечно, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: капиталистъ потому и капиталистъ, что онъ стремится обратить нѣкоторую, и даже возможно бо́льшую часть прибавочной цѣнности въ капиталъ, т. е. расширять производство. Но сумма произведенной имъ въ одинъ оборотъ прибавочной цѣнности, за исключеніемъ его личнаго потребленія, можетъ быть недостаточна при существующей техникѣ для расширенія предпріятія. Слѣдовательно, чтобы достигнуть цѣли—расширить предпріятіе, онъ опять долженъ нѣкоторое время заняться прямо собираніемъ сокровища, копить деньги, — не ради ихъ самихъ, какъ древній скупецъ, а ради возможности расширить производство и, слѣдовательно, увеличить сумму получаемой прибавочной цѣнности.

Точно также никакое предпріятіе, особенно капиталистическое, не обходится безъ основного капитала въ зданіяхъ, орудіяхъ, машинахъ и т. п. Этотъ капиталъ, какъ мы знаемъ, отличается тѣмъ, что передаетъ свою цѣнность продукту небольшими долями и, слѣдовательно, такими же долями поступаетъ въ оборотъ и возвращается капиталисту въ цѣнности продукта. Продолжая функціонировать въ теченіе болѣе или менѣе длиннаго ряда рабочихъ періодовъ и сохраняя въ теченіе этаго времени свою потребительную цѣнность (при чемъ необходимый расходъ на ремонтъ входитъ въ сумму авансированнаго капитала), — основной капиталъ постепенно теряетъ свою мѣновую цѣнность, перенося ее на продуктъ, и, по истеченіи извѣстнаго времени, оказывается потерявшимъ и свою потребительную цѣнность, т. е. не можетъ исполнять своей

роли въ самомъ процессѣ производства. Конечно, этотъ капиталъ состоитъ обыкновенно изъ многихъ отдѣльныхъ частей, которыя имѣютъ различный періодъ жизни и, слѣдовательно, должны быть возобновляемы въ различное время; но, во всякомъ случаѣ, возобновленіе должно происходить, для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, частей, болѣе крупными долями, чѣмъ тѣ, въ какихъ цѣнность этаго капитала входитъ въ продуктъ одного рабочаго періода. Слѣдовательно, чтобы имѣть возможность своевременно возобновить основной капиталъ,—цѣликомъ или по частямъ, все равно,—капиталистъ долженъ снова прибѣгнуть къ накопленію денегъ, поскольку онъ самъ не является производителемъ тѣхъ или другихъ частей своего капитала. Онъ и здѣсь, слѣдовательно, является собирателемъ сокровища. Такимъ образомъ, полагая, что производство идетъ безостановочно, будемъ имѣть капиталъ во всякій моментъ въ 3-хъ видахъ: 1) въ видѣ производительнаго капитала, занятаго въ данную минуту производствомъ товара; 2) въ видѣ готоваго товара,—товарнаго капитала, ожидающаго своего превращенія въ форму общаго эквивалента, и 3) въ видѣ денежнаго капитала, общаго эквивалента, составляющаго резервный фондъ, необходимый для поддержанія постоянства и правильности производства, а затѣмъ и его возрастанія.

§ 2. Капиталистъ извлекаетъ изъ обращенія въ видѣ денегъ бо́льшую сумму, чѣмъ вноситъ въ обращеніе, когда пріобрѣтаетъ средства производства и рабочую силу. Откуда берется этотъ излишекъ, мы уже видѣли; а теперь посмотримъ, какъ великъ онъ, и какъ его употребляетъ капиталистъ. Прежде всего, нужно имѣть въ виду, что самое обращеніе вызываетъ извѣстные расходы, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ чистые faux frais—безполезныя траты, хотя и необходимыя для капиталиста, но которыя не возмѣщаются ему въ продажной цѣнѣ продукта и, слѣдовательно, составляютъ вычетъ изъ той доли, которая достается ему, какъ капиталисту, т. е. изъ прибавочной цѣнности. Сюда относятся: 1) время, потраченное самимъ капиталистомъ или его агентами на самую операцію покупки и продажи. Хотя въ этихъ операціяхъ промышленника можетъ въ значительной мѣрѣ съ выгодой замѣнить купецъ, но мы скажемъ объ этомъ позже, а теперь будемъ считать, что эти операціи исполняются самимъ капиталистомъ или нанятыми работниками. Здѣсь расходуются силы и трудъ, но этимъ ничего не прибавляется къ цѣнности продукта, и расходъ падаетъ на прибавочную цѣнность Такой же характеръ имѣетъ 2) счетоводство, или бухгалтерія. Чѣмъ крупнѣе производство, чѣмъ оно сложнѣе, тѣмъ сложнѣе и трудъ контроля его, который исполняется счетоводствомъ. Но, тѣмъ не менѣе, и эта работа, не составляя абсолютно необходимаго съ общественной точки зрѣнія расхода, а только полезную для капиталиста функцію, должна быть

признана чистымъ расходомъ, возмѣщаемымъ изъ прибавочной цѣнности. Наконецъ, Марксъ причисляетъ къ этой категоріи и 3) деньги. Представляя абсолютнаго выразителя цѣнности, деньги нужны, какъ средство обращенія товара, и, какъ таковое, они необходимы, разъ производятся товары, т. е. потребительныя цѣнности, которыя поступаютъ на потребленіе общества, а не составляютъ предметовъ личнаго потребленія производителя. Деньги, говоритъ Марксъ, «это общественный трудъ, закоченѣвшій въ такой формѣ, въ которой онъ служитъ просто какъ машина для обращенія цѣнностей». Но эта машина, во 1-хъ, имѣетъ цѣнность,—стоила извѣстнаго количества общественнаго труда, и такъ какъ сами по себѣ деньги не могутъ служить ни для личнаго, ни для производительнаго потребленія, то существованіе ихъ обозначаетъ, что извѣстное количество общественнаго богатства находится въ мертвой, непроизводительной формѣ. Во 2-хъ, деньги (золото и серебро—мы имѣемъ въ виду только ихъ) стираются, изнашиваются, и для того, чтобы они могли исполнять свою функцію — выразителей цѣнностей товаровъ, они должны быть постоянно возобновляемы, что вызываетъ извѣстный расходъ. Въ данномъ случаѣ, однако, это общественный (государственный) расходъ, не касающійся капиталиста.

Другой видъ издержекъ представляютъ издержки собственно обращенія. Отъ предыдущихъ онѣ отличаются тѣмъ, что входятъ въ цѣнность товара и возмѣщаются капиталисту въ продажной цѣнѣ товара, поскольку онѣ являются совершенно неизбѣжными по самому характеру производства.

Таковы: 1) издержки храненія. Товаръ, произведенный капиталистомъ, не всегда тотчасъ находитъ потребителя, и, какъ было сказано, долженъ нѣкоторое время находиться въ обращеніи; поэтому онъ долженъ быть охраняемъ отъ порчи, чтобы его потребительная цѣнность не потерялась или не уменьшилась. Конечно, полное предохраненіе отъ порчи не всегда возможно. Такъ, многіе сельско-хозяйственные продукты (напримѣръ, зерно) теряютъ при храненіи въ вѣсѣ при наилучшихъ способахъ защиты. Такія издержки именно и возмѣщаются капиталисту въ цѣнѣ товаровъ, но только постольку, поскольку онѣ необходимы по условіямъ производства. Напримѣръ, продукты земледѣлія — хлопокъ, зерно и пр.—производятся только одинъ разъ въ годъ, и, слѣдовательно, годовой срокъ храненія является для нихъ нормальнымъ. Но если бы фабрикантъ бумажной пряжи, которая можетъ быть производима въ теченіе круглаго года, вздумалъ хранить ее въ цѣлый годъ, то этотъ расходъ не могъ бы быть возмѣщенъ въ цѣнѣ продукта. То же относится и до издержекъ храненія различныхъ запасовъ, необходимыхъ въ извѣстномъ размѣрѣ для непрерывнаго производства и потребленія. Этотъ

размѣръ въ значительной степени опредѣляется условіями сношеній. Къ этому же разряду относятся 2) издержки транспорта. Ниже мы подробно остановимся на условіяхъ транспорта, а теперь замѣтимъ только, что издержки эти тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе совершенны транспортныя средства. Во всякомъ случаѣ, эти издержки, какъ и издержки храненія, ничего не прибавляя къ потребительной цѣнности товара, не увеличиваютъ и сумму прибавочной цѣнности, заключающейся въ товарѣ; онѣ прямо переносятся всей своей суммой на стоимость продукта, какъ всѣ виды постояннаго оборотнаго капитала. Слѣдовательно, вслѣдствіе этихъ издержекъ, хотя сумма прибавочной цѣнности, заключающейся въ каждой единицѣ товара, и остается прежняя, но сумма авансированнаго для производства этой единицы капитала возрастаетъ, и потому уровень прибыли понижается.

§ 3. Мы сказали, что время изготовленія предмета и его обращенія на рынкѣ составитъ циклъ оборота капитала. Но здѣсь нужно отмѣтить еще нѣкоторыя черты. Во 1-хъ, рабочій періодъ можетъ собственно не совпадать со временемъ производства (изготовленія) предмета. Это особенно рѣзко обозначается въ сельскомъ хозяйствѣ. Періоды работы, напримѣръ, при изготовленіи пшеничнаго зерна, отдѣляются одинъ отъ другого гораздо болѣе продолжительными періодами, въ теченіе которыхъ на полѣ не производится никакихъ работъ: посѣянное зерно предоставляется дѣйствію силъ природы, и всѣ работы на полѣ прерываются до наступленія времени жатвы. Здѣсь, слѣдовательно, рабочій періодъ слагается изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ періодовъ, раздѣленныхъ значительными промежутками времени, и обнимаетъ въ общемъ небольшое число дней. Но временемъ производства пшеницы будетъ считаться все время отъ момента начала подготовленія почвы подъ посѣвъ до времени обмолота и очистки зерна. Подобныя явленія имѣютъ мѣсто и въ другихъ производствахъ; напримѣръ, при изготовленіи тканей приходится ихъ намачивать и высушивать или давать воздѣйствовать химическому процессу, напримѣръ, при окраскѣ и т. п. Для оборотовъ капитала имѣетъ значеніе время производства, тогда какъ цѣнность товара опредѣляется рабочимъ періодомъ, въ зависимости отъ котораго находится количество трудовой энергіи, потраченной на изготовленіе товара. Различіе въ длинѣ рабочаго періода вызываетъ разницу въ затратахъ капитала, прежде всего въ видѣ капитала оборотнаго. Такъ, если въ одномъ производствѣ (напр. изготовленіи пряжи) рабочій періодъ продолжается одну недѣлю, а при постройкѣ машинъ 12 недѣль, то, полагая для обоихъ время обращенія равнымъ нулю (работа по заказу) и количество еженедѣльныхъ затратъ капиталиста въ постоянномъ (оборотномъ) и перемѣнномъ капиталѣ одинаковымъ, найдемъ, однако, огромную разницу

въ условіяхъ обращенія обоихъ капиталовъ и въ суммѣ ихъ. Первый капиталистъ, затративъ, напримѣръ, 1000 руб. въ недѣлю на матеріалъ и работу, выручаетъ эту сумму обратно въ концѣ недѣли и можетъ снова пустить въ оборотъ на слѣдующей недѣлѣ. Второй капиталистъ вынужденъ въ теченіе 12 недѣль послѣдовательно затрачивать еженедѣльно ту же сумму въ 1000 руб. и только по изготовленіи полнаго предмета, по истеченіи 12 недѣль, получитъ обратно сумму своихъ затратъ. Разница, слѣдовательно, прежде всего въ томъ, что первому капиталисту достаточно имѣть 1000 руб. оборотнаго капитала, чтобы вести дѣло, а 2-му необходимо имѣть 12.000 рублей. Но этаго мало: одновременно съ суммой своихъ еженедѣльныхъ затратъ на оборотный (постоянный и перемѣнный) капиталъ, первый капиталистъ получаетъ въ еженедѣльной выручкѣ за проданный товаръ и сумму, перенесенную съ основного капитала (изнашиваніе), и соотвѣтствующую долю прибавочной цѣнности. Такимъ образомъ, его основной капиталъ обращается меньшими долями, но зато эти доли возвращаются ему быстрѣе. Поэтому, въ случаѣ необходимости замѣны какой-либо части основного капитала въ теченіе 12 недѣль, онъ можетъ произвести таковую за счетъ части этаго капитала, возвратившейся ему въ цѣнности уже проданныхъ порцій товара, не вкладывая никакого прибавочнаго капитала. Второй, въ подобномъ случаѣ, долженъ былъ бы вложить нѣкоторый добавочный капиталъ. Далѣе, если условія техники производства допускаютъ возможность постепеннаго, относительно небольшими частями, расширенія предпріятія, то первый капиталистъ можетъ употреблять для этаго нѣкоторую часть поступающей къ нему еженедѣльно прибавочной цѣнности; во всякомъ же случаѣ, при этихъ условіяхъ первый капиталистъ не нуждается въ запасномъ капиталѣ для своего личнаго потребленія, такъ какъ оно достаточно обезпечивается еженедѣльными поступленіями прибавочной цѣнности. Второй, не только не можетъ расширять предпріятія въ теченіе періода работы, но долженъ еще имѣть запасный капиталъ для удовлетворенія личныхъ потребностей. Всѣ эти неудобства продолжительнаго рабочаго періода достаточно объясняютъ, какъ справедливо замѣчаетъ Марксъ, почему въ странахъ, гдѣ капитализмъ не успѣлъ еще достаточно развиться, предпріятія, требующія длиннаго рабочаго періода (напримѣръ, постройка дорогъ, каналовъ и т. п.), ведутся не капиталистическимъ способомъ, а на государственный или общественный счетъ. Если же такія предпріятія и ведутся капиталистическимъ способомъ, прибавимъ мы, то капиталисты выговариваютъ себѣ такія привилегіи у государства или общества, которыя значительно удорожаютъ какъ самое сооруженіе, такъ и пользованіе имъ для общества. Только съ развитіемъ кредита дѣло измѣняется, и предпріятія этаго рода принимаютъ также капиталистическій характеръ.

Какое вліяніе имѣетъ періодъ работы, а въ связи съ этимъ и быстрота обращенія товара, на обороты самаго капитала и отношеніе различныхъ частей его, а затѣмъ на уровень прибыли и предпринимательскій доходъ, показываетъ слѣдующій примѣръ. Возьмемъ два предпріятія съ оборотами въ одну недѣлю и въ 10 недѣль, при еженедѣльной затратѣ въ каждомъ въ 1.000 руб., изъ коихъ 200 руб.—на перемѣнный капиталъ при нормѣ прибавочной цѣнности 100%. Положимъ для простоты, что въ сумму авансируемаго еженедѣльно постояннаго капитала (800 руб.) входитъ и соотвѣтствующая цифра за погашеніе основного капитала. Тогда положеніе нашихъ капиталистовъ черезъ годъ представилось бы въ слѣдующемъ видѣ. Считая въ году 50 рабочихъ недѣль, первый успѣлъ бы обратить свой авансированный капиталъ—1.000 руб.—50 разъ, при чемъ въ каждый оборотъ произвелъ бы прибавочной цѣнности 200 руб., т. е. всего 10.000 руб., и цѣнность его товара составила бы 60.000 руб. Второй сдѣлалъ бы только 5 оборотовъ, но, авансируя каждый разъ 10.000 руб., производилъ бы въ каждый оборотъ 2.000 руб. прибавочной цѣнности и въ общемъ, въ годъ, тѣ же 10.000 руб., какъ и первый, цѣнность произведеннаго имъ продукта составила бы также 60.000 руб. Та величина, которую мы назвали уровнемъ прибыли, т. е. отношеніе прибавочной цѣнности къ авансированному капиталу, если разсматривать ее по отношенію къ одному обороту, была бы у обоихъ капиталистовъ также одинакова, ибо $\frac{200}{1.000} = \frac{2.000}{10.000} = 20\%$. Но та величина, которую можно назвать годовымъ уровнемъ прибыли,—т. е. отношеніе суммы произведенной въ теченіе года прибавочной цѣнности къ суммѣ авансированнаго капитала, который у перваго только 1.000 руб., а у второго 10.000 руб., составило бы: у перваго $\frac{10.000}{1.000} = 1.000\%$, а у второго $\frac{10.000}{10.000} = 100\%$ т. е. у послѣдняго въ 10 разъ менѣе. Если допустимъ, что оба эти предпріятія давали одинаковый предпринимательскій доходъ, напр. 10%, на весь капиталъ, то, слѣдовательно, капиталъ каждаго составлялъ 100.000 руб., но у перваго изъ этой суммы входило въ оборотный капиталъ только $^1/_{100}$, или 1%, а у второго—10%. Отношеніе же постояннаго капитала къ перемѣнному у перваго было: 99.800 : 200 = 499 : 1, а у второго 98.000 : 2.000 = 49 : 1. Не останавливаясь на вопросѣ, насколько такія отношенія соотвѣтствуютъ дѣйствительности, замѣтимъ однако, что этотъ примѣръ можетъ служить иллюстраціей, насколько быстрота обращенія товара и длина рабочаго періода могутъ содѣйствовать уравненію шансовъ предпріятій, работающихъ капиталами различнаго органическаго сложенія. Нужно замѣтить еще, что въ вопросѣ о суммѣ авансируемаго для производства (оборотнаго) капитала рѣшающимъ

является не длина рабочаго періода только, а сумма изъ длины рабочаго періода и времени обращенія товара, т. е. то, что̀ мы назвали цикломъ обращенія капитала. Время обращенія можетъ, слѣдовательно, въ значительной мѣрѣ уравнять затраты капиталистовъ, изготовляющихъ продукты, требующіе различнаго рабочаго періода. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ, отношеніе оборотныхъ капиталовъ было 1 : 10; но если предположить, что для продажи продуктовъ перваго производителя требуется пребываніе товара на рынкѣ въ теченіе 4 недѣль, а второй продолжаетъ работать по заказу, т. е. у него время обращенія равно нулю, то означенное отношеніе будетъ уже 1 : 2, ибо первый, продолжая еженедѣльно выбрасывать на рынокъ опредѣленную порцію продукта, долженъ, однако, ожидать превращенія своего товарнаго капитала въ денежный 4 недѣли и на это время затрачивать дополнительный капиталъ въ 4.000 руб., т. е. будетъ имѣть въ видѣ оборотнаго капитала 5.000 руб. Ниже мы возвратимся еще къ этому вопросу, а теперь обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла.

§ 4. Капиталистъ, какъ мы видѣли, можетъ получить одинаковый доходъ съ предпріятія, будетъ ли это предпріятіе требовать значительной затраты оборотнаго капитала, благодаря продолжительности рабочаго періода или періода оборота товара, или, наоборотъ, оно требуетъ затраты меньшей суммы при болѣе быстромъ оборотѣ товара. Но съ точки зрѣнія общества эти два способа затраты капитала имѣютъ совершенно различное значеніе. Пусть капиталисты A и B выплачиваютъ еженедѣльно своимъ рабочимъ каждый по 200 руб., но A, вмѣстѣ съ тѣмъ, выноситъ еженедѣльно на рынокъ продуктъ; между тѣмъ какъ B долженъ посвятить на изготовленіе своего продукта цѣлый годъ. Рабочіе того и другого предпріятія обращаютъ получаемую ими рабочую плату на пріобрѣтеніе себѣ средствъ существованія. Но рабочіе A уже доставили и продуктъ, который можетъ быть пріобрѣтенъ продавцемъ средствъ существованія; тогда какъ рабочіе B въ теченіе цѣлаго года продолжаютъ только забирать средства существованія, выбрасывая на рынокъ ту сумму денегъ, которую они получаютъ еженедѣльно въ видѣ заработной платы, но продавецъ жизненныхъ средствъ не можетъ обратить этихъ денегъ на покупку произведеннаго ими продукта, ибо послѣдній еще не вышелъ изъ процесса производства. Совершенно подобнаго же рода различіе существуетъ между продавцами средствъ производства, которыя, въ видѣ матеріаловъ и основного капитала, потребляются капиталистами A и B: поставщики этихъ средствъ производства для A могутъ прямо обмѣнивать полученныя съ A деньги на поставленные имъ на рынокъ товары, а поставщики B получаютъ

за свои матеріалы и пр. ихъ денежный эквивалентъ безъ возможности дальнѣйшаго обмѣна этихъ денегъ на продукты, произведенные *B*.

Запросъ на средства существованія и матеріалы, потребляемые такимъ образомъ, повышается, и потому цѣны этихъ товаровъ также повышаются. По отношенію къ продуктамъ сельскаго хозяйства такое повышеніе запроса отзывается именно повышеніемъ цѣнъ, такъ какъ количество ихъ не можетъ быть увеличено сколько-нибудь быстро; въ случаѣ недостатка ихъ въ странѣ, это вызываетъ повышеніе ввоза. Но, по отношенію къ товарамъ, производство коихъ можетъ быть расширено быстро, каковы мануфактурныя произведенія, повышеніе запроса вызываетъ увеличеніе размѣровъ или возникновеніе новыхъ предпріятій и, во всякомъ случаѣ, увеличеніе спроса на рабочую силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повышеніе заработной платы. То обстоятельство, что при этомъ всѣ образующіяся и ранѣе собранныя накопленія идутъ быстро на расширеніе различныхъ предпріятій, вызываетъ наконецъ стѣсненіе денежнаго рынка. Такое положеніе вещей особенно рѣзко и вмѣстѣ съ тѣмъ пагубно отзывается на обществѣ, если изготовляемый предметъ представляетъ крупное сооруженіе, какъ, напримѣръ, желѣзную дорогу, для постройки которой требуется привлечь большую массу рабочихъ и затратить значительное количество матеріаловъ, прежде чѣмъ сооруженіе будетъ готово, что̀ продолжается нерѣдко цѣлые годы. Но затѣмъ, разъ постройка дороги закончена, вся занятая при постройкѣ ея огромная армія рабочихъ остается безъ занятій и запросъ, какъ на средства существованія, такъ и на матеріалы для постройки, прекращается; между тѣмъ какъ многіе капиталисты, въ виду именно запроса этихъ рабочихъ и капиталистовъ, расширили свои предпріятія. Предложеніе рабочей силы со стороны освободившихся рабочихъ понижаетъ рабочую плату, а уменьшеніе запроса на товары и невозможность сбыта ихъ въ прежнемъ размѣрѣ ведетъ къ крушенію многихъ предпріятій. Слѣдуетъ прибавить, что, въ бо̀льшей или меньшей мѣрѣ, такіе періоды процвѣтанія и крушенія являются и въ томъ случаѣ, когда совершается снабженіе значительной отрасли производства или, еще болѣе, нѣсколькихъ отраслей одновременно основнымъ капиталомъ значительной цѣнности. Это имѣетъ, напримѣръ, мѣсто при быстромъ переходѣ отъ ремесленнаго или мануфактурнаго способа производства къ фабричному въ одной или многихъ значительныхъ отрасляхъ; тогда снабженіе машинами возникающихъ предпріятій вызываетъ значительный спросъ на продукты этаго рода,— спросъ, который быстро падаетъ, какъ только бо̀льшая часть фабрикъ устроена. Чѣмъ долговѣчнѣе такого рода орудія и чѣмъ они цѣннѣе, а стало быть и чѣмъ болѣе требуется затратить труда на ихъ производство, тѣмъ чувствительнѣе паденіе спроса и тѣмъ сильнѣе крушеніе

предпріятій, производящихъ предметы этаго рода. Мы уже указывали выше, что во время такого рода кризисовъ обнаруживается съ наибольшей силой вліяніе капиталистическаго строя на образованіе избыточнаго населенія.

§ 5. Чтобы ясно представить себѣ обращеніе товаровъ въ обществѣ, недостаточно разсмотрѣть, какъ единичный капиталистъ обмѣниваетъ свой продуктъ, но нужно изслѣдовать, какъ обращается въ обществѣ вся масса произведенныхъ различными капиталистами товаровъ. При этомъ оказывается, прежде всего, что всѣ предпріятія можно раздѣлить на двѣ большія группы: первая группа занимается изготовленіемъ средствъ производства, т. е. такихъ предметовъ, которые могутъ или даже должны быть потреблены только какъ матеріалы или части основного капитала, но сами по себѣ не могутъ удовлетворять непосредственно какой-нибудь потребности. Вторую группу составятъ предпріятія, изготовляющія, обратно, предметы непосредственнаго потребленія. Понятно, что между этими группами долженъ происходить обмѣнъ продуктами, такъ какъ, съ одной стороны, всѣ лица, какъ капиталисты, такъ и рабочіе, должны и могутъ пріобрѣтать всѣ предметы для своего потребленія (какъ необходимые, такъ и предметы роскоши) только у капиталистовъ второй группы, которые ихъ производятъ. Но и обратно: капиталисты второй группы могутъ вести производство только при условіи покупки необходимаго имъ постояннаго капитала (средствъ производства) у первой группы капиталистовъ. (Здѣсь, слѣдовательно, предполагается, что не существуетъ ни ввоза, ни вывоза продуктовъ той и другой отрасли). Разсмотримъ сначала, какъ будетъ происходить этотъ обмѣнъ при условіи простого воспроизводства, т. е. если вся сумма прибавочной цѣнности употребляется капиталистами на пріобрѣтеніе предметовъ личнаго потребленія, производство же остается на одной точкѣ, не расширяясь, и изъ года въ годъ производится одно и то же количество продукта при той же техникѣ и, слѣдовательно, при томъ же раздѣленіи капитала на постоянный и перемѣнный. Допустимъ также пока, что въ цѣнность продукта совсѣмъ не входитъ погашеніе основного капитала, и она слагается цѣликомъ только изъ: 1) постоянной части оборотнаго капитала (не считая погашенія основного), 2) изъ перемѣннаго капитала и 3) прибавочной цѣнности.

Пусть норма прибавочной цѣнности въ обѣихъ группахъ производствъ будетъ 100 %, и въ I-й группѣ капиталъ (безъ основного) $= 4000\,c + 1000\,v = 5000$; продуктъ: $4000\,c + 1000\,v + 1000\,m = 6000$ (гдѣ c—постоянный и v—перемѣнный капиталъ, а m—прибавочная цѣнность). Во II-й группѣ, производящей предметы непосредственнаго потребленія, капиталъ: $2000\,c + 500\,v = 2500$, а продуктъ: $2000\,c + 500\,v + 500\,m =$

3000. Цифры здѣсь не имѣютъ значенія и могутъ обозначать тысячи или милліоны рублей, или фунтовъ стерлинговъ и т. п. Посмотримъ, какъ произойдетъ процессъ распредѣленія выработанныхъ продуктовъ между участниками въ потребленіи личномъ или производительномъ, все равно. При этомъ надо помнить, что въ капиталистическомъ обществѣ всѣ эти обмѣны должны совершаться при помощи денегъ, и, слѣдовательно, нужно допустить, что процессъ обращенія начинается внесеніемъ которой-либо изъ сторонъ извѣстной суммы денегъ въ оборотъ. Допустимъ, что капиталисты I группы выплачиваютъ своимъ рабочимъ всю сумму перемѣннаго капитала въ деньгахъ, скажемъ 1000=1000 руб. (говоримъ «рублей», чтобы показать, что эта величина выражена въ деньгахъ). Работники I группы превратятъ эти 1000 р. въ средства существованія, т. е. пріобрѣтутъ на нихъ продуктовъ второй группы; у капиталистовъ же II группы $500\,v + 500\,m$ будутъ находиться въ предметахъ потребленія капиталистовъ и рабочихъ, потому будутъ потреблены или непосредственно или путемъ обмѣна между собою; во всякомъ же случаѣ не будутъ вліять на обмѣнъ, происходящій между обѣими группами. Такимъ образомъ II (будемъ такъ для краткости обозначать капиталистовъ II группы) реализируютъ въ деньгахъ сумму $= 1000\,v$ I, которая у нихъ можетъ реализировать только ту часть продукта, которая представляетъ цѣнность ихъ постояннаго капитала, т. е. часть $2000\,c$ II. Совершивъ эту продажу, они выступаютъ покупателями и покупаютъ средства производства, выражающіяся въ продуктѣ I величиною $1000\,v$ I; въ свою очередь I покупаютъ остальную часть изъ $2000\,c$ II, а II реализуютъ полученную сумму въ средствахъ производства, пріобрѣтая у I часть продукта, составляющую $1000\,m$ I. Въ результатѣ, слѣдовательно, оказывается, что II реализовали весь свой продуктъ и пріобрѣли необходимыя имъ средства производства, при чемъ къ I возвратились тѣ 1000 руб., которые эти капиталисты (I) первоначально пустили въ оборотъ въ видѣ платы своимъ рабочимъ. Это такъ и должно быть, чтобы эта сумма возвратилась I, ибо эта сумма сыграла здѣсь только роль орудія обращенія и должна возвратиться къ I, чтобы они не были въ проигрышѣ. Съ такимъ же правомъ можно было предположить, что деньги, нужныя какъ орудіе обращенія товаровъ, даны II группой капиталистовъ, въ видѣ, напримѣръ, также рабочей платы, которая однако тотчасъ возвратилась бы обратно къ тѣмъ же капиталистамъ и должна бы быть пущена въ оборотъ для покупки средствъ производства у I. Разница съ прежнимъ предположеніемъ была бы только въ величинѣ суммы и въ томъ, что первоначально пущенная въ оборотъ сумма должна была оказаться въ концѣ концовъ у II, которые ее выпустили. Но, во всякомъ случаѣ, это обозначаетъ, что сумма приба-

вочной цѣнности реализовалась помощью денегъ, внесенныхъ въ обращеніе самими капиталистами. Какъ сказано, весь продуктъ II вступилъ уже въ обмѣнъ, т. е. эта группа, потребивъ сама 500 m и передавъ своимъ работникамъ 500 v, возстановила и свои средства производства — 2000 c; но изъ продукта II вступили въ обмѣнъ только $2000 = 1000\,v + 1000\,m$, и остается еще 4000 c. Эта часть не можетъ быть обмѣнена со II группой, а должна распредѣлиться еще между отдѣльными предпріятіями или подгруппами предпріятій I группы, такъ какъ это все средства производства, которыя II уже пополнила, и потребить ихъ (въ данномъ случаѣ производительно) можетъ только I, путемъ обмѣна между отдѣльными отраслями входящихъ въ эту группу предпріятій. Здѣсь необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующее: Во 1-хъ, въ нашемъ примѣрѣ *цѣнность продукта II группы, т. е. предметовъ потребленія, равна* $3000 = 1000\,v\,\mathrm{I} + 1000\,m\,\mathrm{I} + 500\,v\,\mathrm{II} + 500\,m\,\mathrm{II}$, или $1500\,v + 1500\,m$, т. е эта цѣнность равна *суммѣ цѣнностей перемѣнныхъ капиталовъ въ обѣихъ группахъ предпріятій, сложенной съ суммой произведенной во всѣхъ предпріятіяхъ прибавочной цѣнности*, и, очевидно, *больше этаго цѣнность предметовъ потребленія не можетъ быть, такъ какъ это составляетъ всю сумму средствъ, которыми располагаетъ общество* (капиталисты и рабочіе въ совокупности) *для потребленія:* увеличивая потребленіе выше этой суммы, общество уменьшило бы капиталъ, а это поведетъ къ недостатку въ производствѣ или предметовъ потребленія, или средствъ производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда видно, что вся *сумма цѣнности вновь приложеннаго въ текущемъ году труда равняется цѣнности,* которая выражается именно: $(1000\,v + 1000\,m)\,\mathrm{I} + (500\,v + 500\,m)\,\mathrm{II}$, т. е. цѣнностью *предметовъ потребленія.* Слѣдовательно, всѣ части постояннаго капитала составляютъ продуктъ труда предшествующихъ лѣтъ. И поскольку, стало быть, производство не могло бы идти безъ помощи этаго, постояннаго, капитала, постольку это накопленіе sui generis является совершенной необходимостью, вынуждаемой самой техникой производства. Но, во-вторыхъ, въ числѣ продуктовъ II группы есть такіе, которые представляютъ предметы необходимости какъ для работниковъ, такъ и для капиталистовъ; но есть и такіе, которые употребляются только капиталистами: это предметы роскоши. Естественно, что предметы послѣдней категоріи могутъ найти себѣ сбытъ только постольку, поскольку сумма достающейся капиталистамъ прибавочной цѣнности (при условіи расходованія ея исключительно на предметы личнаго потребленія капиталистовъ) превышаетъ цѣнность необходимыхъ предметовъ потребленія капиталистовъ; кромѣ того, каждая задержка въ сбытѣ товаровъ той или другой отрасли производства отражается, прежде всего, на уменьшеніи

запроса капиталистовъ на предметы роскоши и, задерживая сбытъ ихъ, побуждаетъ производителей этихъ продуктовъ сокращать производство. Этимъ вызывается, въ свою очередь, уменьшеніе занятыхъ рабочихъ, пониженіе рабочей платы остальныхъ и недостаточный сбытъ уже предметовъ необходимости, что ведетъ за собою сокращеніе производства и въ этой отрасли и новое увольненіе рабочихъ. Такимъ образомъ, относительно незначительное измѣненіе въ сбытѣ, все болѣе расширяясь, можетъ вызвать цѣлый кризисъ, нарушающій правильный ходъ всего общественнаго производства. Это здѣсь тѣмъ болѣе легко, что пріобрѣтеніе предметовъ роскоши есть не необходимость, а капризъ, который, конечно, можетъ мѣняться. Но, конечно, обычно перемѣна вкусовъ и моды ведетъ только къ перемѣщенію капиталовъ изъ одной отрасли въ другую; болѣе же серьезные кризисы вызываются другими, болѣе важными причинами, на которыя мы отчасти уже указывали, отчасти еще будемъ имѣть случай указать при послѣдующемъ изложеніи.

§ 6. До сихъ поръ мы предполагали, что постоянный капиталъ не заключаетъ никакой доли основного капитала. Но мы знаемъ, что въ дѣйствительности въ сумму авансированнаго капитала, а слѣдовательно, и въ цѣнность продукта, всегда должна входить нѣкоторая часть цѣнности основного капитала, соотвѣтствующая изнашиванію его. Посмотримъ же, какъ сложится обращеніе, если предположимъ, что въ постоянную часть авансированнаго капитала входитъ нѣкоторая сумма за изнашиваніе основного капитала. Здѣсь нужно имѣть въ виду, что сумма, представляющая изнашиваніе, не можетъ сразу быть обращена на покупку составныхъ частей основного капитала, такъ какъ послѣдній служитъ болѣе или менѣе долго (хотя, конечно, отдѣльныя части его имѣютъ весьма различную продолжительность жизни), и потому ежегодно отчисляется въ погашеніе только относительно незначительная часть цѣнности всего основного капитала. Значитъ, цѣнность ежегоднаго изнашиванія должна накопляться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, превращаться въ сокровище, прежде чѣмъ сдѣлается возможнымъ возстановленіе капитала или части его in natura. Эта-то необходимость извлечь изъ обращенія нѣкоторую сумму денегъ и вызываетъ затрудненія. Разсмотримъ, каковы будутъ отношенія при условіи простого воспроизводства. Допустимъ, что въ вышеприведенномъ примѣрѣ въ сумму цѣнности постояннаго капитала въ 2.000 *c* II входитъ 200 за изнашиваніе основного капитала. Напомнимъ, что 2.000 *c* капиталистовъ II группы должны обмѣняться на 1.000 $v + 1.000\,m$ I группы, чтобы весь продуктъ II былъ использованъ и возстановился въ формѣ, которую онъ долженъ имѣть для того, чтобы производство продолжалось. Но такъ было при условіи, что II (доставляющіе предметы потребленія) обмѣниваютъ свой продуктъ

на средства производства, произведенныя I группой. Теперь II группа готова продать весь свой продуктъ за деньги I, но изъ этихъ денегъ она должна удержать 200 въ видѣ денегъ и пріобрѣсти средствъ производства только на 1.800. Чтобы достигнуть этаго, нужно, чтобы I группа купила у II весь ея продуктъ за деньги, т. е., въ томъ числѣ и тѣ 200, которые II желаютъ превратить въ сокровище; сами же производители I группы при этомъ затратили бы 200 р. и удержали у себя избытокъ своего производства 200 I *m*. Такое положеніе, очевидно, было бы несообразно, ибо это значило бы, что I группа доставляетъ II, въ видѣ вносимыхъ ею денегъ, возможность скопить необходимый II группѣ для возстановленія основного капитала денежный капиталъ, а сама накопляетъ у себя безполезные остатки, не имѣя возможности реализовать полностью произведенную ею прибавочную цѣнность. Выходъ изъ затрудненія заключается въ слѣдующемъ. Въ группѣ II соединено много отраслей производства и еще болѣе отдѣльныхъ предпріятій. Понятно поэтому, что не можетъ быть такого случая, что всѣ предприниматели всѣхъ отраслей этой группы только извлекаютъ въ данномъ году изъ обращенія и превращаютъ въ сокровище деньги, чтобы когда-нибудь современемъ превратить ихъ въ элементы своего основного капитала. Необходимо, наоборотъ, допустить, что среди предпріятій II группы существуютъ и такія, которыхъ основные капиталы требуютъ въ разсматриваемомъ году прямо замѣны натурой вполнѣ или частью, за счетъ тѣхъ суммъ, которыя хозяева предпріятій скопили ранѣе, именно съ цѣлью образовать фондъ для возстановленія своевременно основного капитала. При этомъ условіи,—допуская, что эта часть производителей второй группы пріобрѣтаетъ новыхъ элементовъ основного капитала у производителей I группы какъ разъ на 200,—мы выйдемъ изъ затрудненія. Но эти 200 должны быть внесены данной подгруппой производителей изъ ихъ денежнаго запаса, образовавшагося въ предыдущіе годы, и не составляютъ денежнаго выраженія цѣнности товаровъ, произведенныхъ въ текущемъ году. Тогда I группа, избавившись отъ избытка оставшагося у нея на рукахъ товара, 200 I *m*, который долженъ представлять составныя части основного капитала для второй группы, будетъ имѣть возможность пріобрѣсти на 200 товаровъ II группы того именно подраздѣленія, которое желаетъ обратить эту сумму въ сокровище, въ качествѣ погасительнаго фонда за изнашиваніе своего основного капитала. Но для того, чтобы оборотъ совершился полностью, чтобы подгруппа предпріятій, обращающая въ деньги часть цѣнности своего основного капитала, могла найти на рынкѣ необходимую для этаго сумму денегъ; и чтобы, съ другой стороны, подгруппа, пріобрѣтающая новыя части основного капитала на сбереженныя ранѣе

деньги, могла осуществить свое намѣреніе; и, наконецъ, чтобы на рынкѣ не осталось ни свободныхъ денегъ, ни свободныхъ непотребленныхъ товаровъ, т. е. чтобы происходило только простое воспроизводство,— необходимо, чтобы цѣнность возстановляемаго въ данномъ году въ натуральномъ видѣ основного капитала равнялась какъ разъ цѣнности, отчисляемой за изнашиваніе тѣхъ частей этаго капитала, которыхъ возобновленіе въ натуральномъ видѣ должно произойти въ будущемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что 2.000 *c* II должны обмѣняться на (1.000 *v* + 1.000 *m*) I. Будемъ обознать ту подгруппу II, которая откладываетъ деньги на погашеніе,—II *a*, а ту, которая возстановляетъ свой основной капиталъ въ натуральномъ видѣ и вноситъ въ обращеніе ранѣе скопленныя деньги,—II *b*. Тогда оборотъ можетъ совершиться слѣдующимъ образомъ: I вноситъ въ обращеніе 1.000, которая идетъ на рабочую плату = 1.000 *v*; работники первой пріобрѣтаютъ за 1000 предметовъ потребленія у II, — все равно, въ какой изъ подгруппъ; затѣмъ II обмѣниваютъ полученную 1.000 на средства производства у I, возвращая ей внесенную этой группой въ оборотъ 1.000. Допустимъ, что въ этотъ первый обмѣнъ вступила именно подгруппа II *b*, у которой послѣ того не оставалось товара на продажу. Слѣдовательно, у ней было: 1.000 *c* + 250 *v* + 250 *m*; изъ этой величины 250 *v* и 250 *m* поступило прямо на потребленіе капиталистовъ и рабочихъ въ этой подгруппѣ, а 1.000 *c* обмѣнялись на 1000 *v* I. Вслѣдствіе этаго обмѣна у I находится теперь опять въ рукахъ пущенная ими въ оборотъ сумма, и они могли бы пріобрѣсти у II *a* ихъ 1.000 *c*, но обмѣнъ затрудняется желаніемъ II *a* сохранить 200 въ видѣ денегъ, не обмѣнивая на продукты I. Положеніе въ это время таково: II *a* имѣютъ въ видѣ предметовъ потребленія 1000 *c*., изъ которыхъ они желаютъ обмѣнять 800 *c* на средства производства, а 200 *c*—прямо на деньги для обращенія ихъ въ погасительный фондъ. Чтобы обмѣнъ могъ совершиться такъ, какъ желаютъ II *a*, должна вмѣшаться подгруппа II *b*, и именно внести ранѣе накопленные ею въ видѣ денегъ 200, съ цѣлью возстановленія своего основного капитала. Для этаго II *b* покупаютъ у I часть ихъ продукта, именно 200 *m* I; у I послѣ этаго будетъ въ товарѣ, который необходимо обмѣнять на предметы потребленія 800 *m*, и въ видѣ денегъ 1000, внесенная первоначально ими самими въ оборотъ, и 200, полученные въ обмѣнъ за 200 *m* I. Теперь I обращаются къ покупкѣ 1.000 *c* II *a* и вносятъ съ этой цѣлью 1000 въ видѣ денегъ, изъ коихъ 200 представляетъ часть цѣнности ихъ (I) продукта. Наконецъ II *a*, оставивъ себѣ въ видѣ денегъ 200, покупаютъ у I оставшіеся у нихъ 800 *m* I съ цѣлью возстановленія своихъ средствъ производства. При принятыхъ условіяхъ, слѣдовательно, задача извлеченія изъ оборота нѣкотораго

количества денегъ для образованія фонда погашенія основного капитала была бы рѣшена безъ затрудненій. Но самый способъ рѣшенія ея указываетъ, что такія затрудненія могутъ, или скорѣе, должны возникать при этомъ. Дѣйствительно, если цѣнность возмѣщаемой натурою части основного капитала II *b* будетъ менѣе 200, т. е. суммы погашенія основного капитала II *a*, напримѣръ—180, то, пріобрѣтя отъ I нужные ей предметы (180 *m*), II *b* даетъ ей возможность пріобрѣсти въ свою очередь отъ II *a* предметовъ потребленія тоже только на эту сумму, и, слѣдовательно, у I останется 20 *m* въ средствахъ производства и у II 20 *c* въ предметахъ потребленія; тотъ и другой товаръ можетъ быть при этомъ обращенъ въ деньги только путемъ вывоза, внѣшней торговли. Если, обратно, сумма, отчисляемая въ текущемъ году на погашеніе, будетъ 180, а возстановляемый натурою капиталъ 220, то, предположивъ, что I могла бы удовлетворить запросъ на это количество основного капитала, мы допустили бы, что I сработала болѣе товаровъ, чѣмъ нужно для простого воспроизводства, т. е. вышли бы изъ условій заданія; да, кромѣ того, тогда I не нашла бы на рынкѣ предметовъ потребленія на сумму, полученную отъ II *b*, и, слѣдовательно, долженъ былъ бы произойти ввозъ этихъ предметовъ.

Естественно, что случаи неравенства цѣнности погашенія дѣйствующаго еще основного капитала и цѣнности той части основного капитала, которую требуется возстановить въ данномъ году натурою, будутъ встрѣчаться гораздо чаще, чѣмъ случаи совпаденія этихъ двухъ цѣнностей. Это значитъ, во-первыхъ, что участіе основного капитала въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, при предположеніи даже простого воспроизводства, безъ накопленія, вынуждаетъ необходимость внѣшней торговли; во-вторыхъ, то же обстоятельство вызываетъ постоянное перепроизводство во всѣхъ отрасляхъ, и это тѣмъ болѣе, что отчисленіе той или другой величины въ погашеніе и обращеніе ея въ сокровище въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ произвола хозяевъ отдѣльныхъ предпріятій, а замѣна частей основного капитала въ натурѣ новыми вынуждается измѣненіями въ техникѣ. Послѣднее обстоятельство, т. е. прогрессъ техники, обусловливаетъ собою, наконецъ, и то, что капиталисты-предприниматели часто вынуждаются замѣнять основной капиталъ или части его новыми, не успѣвъ еще образовать фонда для погашенія его, и потому должны прибѣгать къ кредиту для полученія тѣхъ денегъ, которыя требуются для этаго. Но вліяніе кредита мы разсмотримъ ниже, а здѣсь замѣтимъ только, что положеніе, благодаря этому, еще болѣе осложняется.

§ 7. Изъ сказаннаго видно, что деньги,—какъ средство обращенія и какъ сокровище,—должны были существовать ранѣе появленія капи-

талистическаго способа производства, ибо безъ такого фонда капиталистическое хозяйство не могло бы идти даже при простомъ воспроизводствѣ. Но собираніе сокровища есть также одинъ изъ видовъ накопленія (хотя и не въ капиталистическомъ смыслѣ), и, слѣдовательно, этотъ видъ накопленія долженъ былъ предшествовать капитализму, и капитализмъ только придаетъ сокровищу другой видъ и значеніе. Наконецъ, нѣкоторый коррективъ можетъ вносить добываніе золота, какъ такого продукта, натуральная форма котораго есть деньги. Дѣйствительно, у золотопромышленника весь продуктъ въ его натуральной формѣ представляетъ деньги (полагая, что чеканка монеты свободна, неограничена). Поэтому онъ можетъ прямо изъ суммы валового продукта (т. е. $c + v + m$) выплатить своимъ рабочимъ и заработную плату (или, точнѣе, возвратить непосредственно ту сумму, которую онъ выплатилъ рабочимъ въ видѣ заработной платы), и пріобрѣсти средства производства, и, наконецъ, пріобрѣсти на сумму своей прибавочной цѣнности m тѣ предметы потребленія, которые ему нужны. Для него, конечно, та сумма, которую онъ долженъ будетъ обратить вновь въ средства производства и рабочую плату, не составляетъ новыхъ денегъ,—дохода, а только возмѣщеніе той суммы капитала, которую онъ при началѣ производства внесъ въ обращеніе; но для общества вся эта сумма будетъ представлять новыя деньги. Въ нашемъ примѣрѣ золотопромышленникъ долженъ считаться въ числѣ производителей I группы, но съ тою разницею, что весь его продуктъ (слагающійся изъ $c + v + m$) выражается прямо въ деньгахъ и не нуждается въ предварительномъ превращеніи въ деньги на рынкѣ. Поэтому, когда мы предполагали, что эта группа (I) не можетъ обмѣнять на деньги свои $20\,m$, то это могло обозначать, что эти 20 единицъ прибавочной цѣнности слагались не изъ средствъ производства собственно, а изъ золота, представляющаго продуктъ золотопромышленника и сложеннаго, напримѣръ, изъ $10\,c + 5\,v + 5\,m$. Если допустимъ это, то капиталисты II a могутъ осуществить свое стремленіе къ накопленію или обращенію въ сокровище такой части ихъ продукта, которая покрываетъ изнашиваніе ихъ основныхъ капиталовъ, и въ томъ случаѣ, когда капиталисты II b нуждаются только въ $180\,m$ I для возстановленія въ натурѣ своего основного капитала. Тогда именно золотопромышленники пріобрѣтутъ у I на золото, представляющее ихъ $10\,c$, средствъ производства, а капиталисты I обратятъ эту сумму на покупку предметовъ потребленія у II a, къ которымъ поступятъ также и суммы $5\,v + 5\,m$, обмѣниваемыя капиталистами - золотопромышленниками и ихъ рабочими на предметы потребленія. Но, если золото не производится въ странѣ или производится не въ томъ количествѣ, какое нужно для урегулированія обращенія, ука-

занныя выше затрудненія, возникающія благодаря участію основного капитала въ производствѣ, не устраняются. Не устраняются они и въ томъ случаѣ, когда необходимое возстановленіе основного капитала въ натурѣ превышаетъ цѣнность погашенія.

Въ этомъ случаѣ должно быть: или I произвели средствъ производства болѣе, чѣмъ нужно для простого воспроизводства, и тогда они, вмѣстѣ съ тѣмъ, продавши этотъ избытокъ II *b*, вынуждены накоплять золото, которое не могутъ обратить въ предметы потребленія, если эти послѣдніе не будутъ ввезены изъ-за границы; или—самыя средства производства, представляющія натуральную форму основного капитала, должны быть ввезены изъ-за границы въ обмѣнъ за накопленное ранѣе II *b* золото. Этотъ результатъ получается здѣсь потому именно, что недостатокъ обнаруживается въ продуктахъ того или другого рода, тогда какъ, въ случаѣ превышенія погашенія надъ возстановленіемъ основного капитала, въ недостаткѣ оказывается золото, и потому въ послѣднемъ случаѣ вмѣшательство золотопромышленности можетъ устранить затрудненіе.

§ 8. До сихъ поръ мы разсматривали обращеніе такъ, какъ оно должно происходить при простомъ воспроизводствѣ, — слѣдовательно, исключая возможность накопленія и расширенія производства. Но уже при этомъ мы должны были констатировать, что необходимость возстановленія основного капитала вызываетъ расширеніе производства въ I группѣ (приготовленіе средствъ производства). Условія, которыя будутъ имѣть мѣсто при производствѣ съ накопленіемъ, существенно разнятся отъ разсмотрѣннаго случая тѣмъ, что здѣсь сумма прибавочной цѣнности, получаемой капиталистами, не обращается цѣликомъ на потребленіе, какъ мы полагали до сихъ поръ, а идетъ въ большей или меньшей долѣ на расширеніе предпріятій или на образованіе новыхъ, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, на покупку средствъ производства и наемъ рабочей силы. Это предполагаетъ, въ свою очередь, что существуетъ *возможность* такого расширенія, т. е., что средства производства могутъ быть куплены и рабочая сила найдется. Но если мы допустимъ, что можно купить средства производства въ размѣрѣ, необходимомъ для расширенія предпріятій, то это значитъ, что мы предполагаемъ, что уже ранѣе производство въ соотвѣтствующихъ отрасляхъ имѣло размѣры, превышающіе требованія простого воспроизводства. Что же касается рабочей силы, то мы должны предположить, что недостатка въ ней не встрѣчается, ибо капитализмъ обладаетъ способностью создавать искусственное перенаселеніе. Кромѣ того, если извѣстная часть прибавочной цѣнности обращается въ дополнительный капиталъ для расширенія производства, то, значитъ, величина его достаточна, чтобы при существующей техникѣ могло произойти такое расширеніе:

въ противномъ случаѣ, нужно было бы предварительно образовать сокровище, чтобы собрать необходимую сумму; это сокровище, до обращенія своего въ дѣйствительныя средства производства, составило бы потенціальный капиталъ.

Разсмотримъ сначала, какъ происходитъ накопленіе въ первой группѣ производствъ, т. е. въ отрасляхъ, приготовляющихъ средства производства. Мы не будемъ уже останавливаться на вопросѣ, откуда берутся деньги, которыя необходимы для того, чтобы одни производители могли скоплять потенціальный дополнительный капиталъ, а другіе непосредственно расширять производство. Мы видѣли уже, что денегъ для такихъ превращеній товаровъ и образованія сокровищъ въ обществѣ должно быть достаточно. Такъ какъ та группа производительныхъ отраслей, расширеніе производства въ которой мы разсматриваемъ, сама изготовляетъ средства производства, то, слѣдовательно, для того, чтобы предпріятія той или другой отрасли въ ней могли расшириться, предпріятія тѣхъ отраслей, которыя приготовляютъ для нея средства производства (какъ, напримѣръ, желѣзодѣлательные заводы для машиностроительныхъ), должны доставить имъ матеріалы для такого расширенія, т. е. также вести производство по болѣе широкому масштабу, чѣмъ требовалось бы простымъ воспроизводствомъ. Поскольку одна отрасль доставляетъ другой средства производства, можно было бы предположить между ними простой обмѣнъ продуктами. Но фактически, разумѣется, такой обмѣнъ совершается при помощи денегъ, и потому необходимо предположить, что деньги находятся налицо въ достаточномъ количествѣ. Что касается увеличенія постояннаго капитала, то части этаго капитала для одной подгруппы, напр. A, будутъ представляться натуральною формою производимаго ею самою товара, и, слѣдовательно, та часть продукта, которая представляетъ прибавочную цѣнность, можетъ непосредственно быть употреблена для расширенія производства A; тогда какъ для другой подгруппы, скажемъ B, элементами производительнаго капитала будутъ продукты, произведенные подгруппой A. Поэтому продуктъ B долженъ принять форму денегъ, быть проданнымъ и скопленнымъ B въ видѣ сокровища, прежде чѣмъ прибавочная цѣнность B можетъ сдѣлаться дѣйствующимъ производительнымъ капиталомъ въ производствѣ B. Но поскольку расширеніе производства вызываетъ необходимость увеличенія перемѣннаго капитала, постольку, во всякомъ случаѣ, часть прежде собраннаго, или только что образовавшагося сокровища должна сохраняться при всѣхъ видахъ производства въ видѣ денегъ, которыя и должны послужить новымъ перемѣннымъ капиталомъ. Кромѣ того, если часть прибавочной цѣнности I группы превращается ею въ постоянный капиталъ съ цѣлью расширенія производства, то та схема

обмѣна, изъ которой мы исходили при простомъ воспроизводствѣ, окажется здѣсь неприложимой. Тамъ постоянный капиталъ II замѣщается перемѣннымъ капиталомъ и прибавочной цѣнностью I, т. е. $2000\ c\ \text{II} = (1000\ v + 1000\ m)\ \text{I}$. Очевидно, если въ I происходитъ накопленіе и часть $1000\ m$ I обращается на постоянный капиталъ въ самой этой группѣ, то II не можетъ быть равно всей суммѣ $(v + m)$ I, ибо эта схема выражаетъ, что вся прибавочная цѣнность I употреблена на пріобрѣтеніе предметовъ необходимости и предметовъ роскоши у II. Поэтому $\left(v + \frac{m}{n}\right)$ I,—гдѣ n болѣе единицы и, слѣдов. $\frac{m}{n}$ часть m, — будетъ представлять всю сумму, которую капиталисты и работники I группы обмѣниваютъ на предметы потребленія, и эта сумма всегда должна быть меньше $(c + m)$ II, такъ какъ если $\left(v + \frac{m}{n}\right)\ \text{I} = (c + m)\ \text{II}$, то это значитъ, что капиталисты II ничего не потребляютъ сами изъ производимыхъ ими жизненныхъ средствъ и обмѣниваютъ весь свой продуктъ, за исключеніемъ части, идущей въ перемѣнный капиталъ, на средства производства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ $\left(v + \frac{m}{n}\right)$ I можетъ быть: 1., равно c II, 2., менѣе c II и 3., болѣе c II. Изслѣдуемъ всѣ эти случаи.

1., Пусть первоначальное состояніе капиталовъ и продуктовъ изображается слѣдующими схемами (A):

$$\text{A.}\ \begin{cases} \text{I: } 4000\ c + 1000\ v + 1000\ m = 6000 \\ \text{II: } 1500\ c + 750\ v + 750\ m = 3000 \end{cases} \Big\} \begin{matrix} \text{Сумма:} \\ 9000. \end{matrix}$$

Допустимъ, что I обращаютъ на расширеніе предпріятій $500\ m$, у нихъ останется: $1000\ v + 500\ m$ для обмѣна со II, т. е. въ этомъ случаѣ $\left(v + \frac{m}{n}\right)\ \text{I} = c\ \text{II}$. Но если I обращаютъ въ капиталъ $500\ m$, то, — полагая, что техника, а слѣдовательно, и отношеніе постояннаго и перемѣннаго капитала остаются прежнія,—400 должны обратиться въ постоянный капиталъ, а 100 въ перемѣнный, т. е. $500\ m$ — превратится въ $400\ c + 100\ v$. Вмѣстѣ съ тѣмъ $100\ m$ I, которые должны превратиться въ прибавочные $100\ v$, прежде должны претерпѣть превращеніе въ деньги, ибо перемѣнный капиталъ всегда имѣетъ денежную форму, а $100\ m$ I представляютъ средства производства. Значитъ, II должны купить эти $100\ m$, при чемъ деньги, употребленныя ими на эту покупку, возвратятся къ нимъ, вслѣдствіе необходимости обратить прибавочный перемѣнный капиталъ $100\ v$ I въ предметы потребленія. Но II уже возстановили свои средства производства, обмѣнявъ $1500\ c$ II на $(1000\ v + 500\ m)$ I; слѣдовательно, пріобрѣтая еще $100\ c$, они расходуютъ на это часть прибавочной цѣнности и, кромѣ того, чтобы использовать эти средства производства, расширяютъ свое производство. Но если постоян-

ный капиталъ II увеличивается на 100, то перемѣнный также долженъ возрасти при прежней техникѣ на $\frac{100}{2} = 50$, которые также должны быть взяты изъ 750 m. Такимъ образомъ, потребительный фондъ капиталистовъ II понизится до 600. Слѣдовательно, положеніе производства, послѣ расширенія его, будетъ слѣдующее (B):

$$B. \left\{ \begin{array}{l} \text{I: } 4400\ c + 1100\ v + 1100\ m = 6600 \\ \text{II: } 1600\ c + 800\ v + 800\ m = 3200 \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{Сумма:} \\ 9800. \end{array}$$

2., Этотъ примѣръ показываетъ, что расширеніе производства въ I группѣ ведетъ къ необходимости расширенія его и во второй группѣ, когда $\left(v + \frac{m}{n}\right) \text{I} = c$ II. Если мы предположимъ, что и далѣе I будутъ расширять производство, обращая въ дополнительный капиталъ половину прибавочной цѣнности, то окажется, что они предъявятъ ко II группѣ требованіе на предметы потребленія въ суммѣ $1100\ v + 550\ m = 1650$. Тогда II, чтобы удовлетворить этому требованію, должны обмѣнять на средства производства не только весь свой постоянный капиталъ 1600, но еще нѣкоторую часть прибавочнаго продукта, именно 50 m, т. е. они вынуждаются уже этимъ обстоятельствомъ расширить свое производство. Но затѣмъ 550 m I должно будетъ превратиться въ $(440\ c + 110\ v)$; иначе говоря, изъ части m I, обращающейся въ капиталъ, еще 110 должны превратиться въ деньги, чтобы затѣмъ обмѣняться на 110 m II, какъ предметы потребленія прибавочныхъ рабочихъ I. Значитъ, II, кромѣ 50, должны взять еще на 110 средствъ производства у I и на сумму $50 + 110$ увеличить свой постоянный капиталъ и соотвѣтственно этому и перемѣнный на 80; при чемъ и та, и другая сумма составляютъ вычетъ изъ прибавочной цѣнности, вслѣдствіе чего потребительный фондъ капиталистовъ II понизится до $800 - 240 = 560$ и положеніе производства послѣ этаго представится въ слѣдующемъ видѣ (C):

$$C. \left\{ \begin{array}{l} \text{I: } 4840\ c + 1210\ v + 1210\ m = 7260 \\ \text{II: } 1760\ c + 880\ v + 880\ m = 3520 \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{Сумма:} \\ 10780. \end{array}$$

Здѣсь мы предполагали, что потребительный фондъ рабочихъ и капиталистовъ I $\left(v + \frac{m}{n}\right)$ болѣе постояннаго капитала II, и, какъ видно, и въ этомъ случаѣ для снабженія участниковъ производства I группы потребуется, чтобы II пріобрѣли средствъ производства болѣе, чѣмъ у нихъ было прежде, т. е. расширили свое производство.

3., Чтобы демонстрировать тотъ случай, когда $\left(v + \frac{m}{n}\right)$ I менѣе c II, возвратимся къ первой нашей схемѣ (A) и предположимъ, что I обращаетъ въ капиталъ не 500, а 600 m; тогда потребительный фондъ капиталистовъ и рабочихъ I составитъ $1000\ v + 400\ m = 1400$. Такъ какъ этотъ потребительный фондъ, обмѣниваясь на продуктъ II, долженъ воз-

становить постоянный капиталъ этой группы (II), который равенъ 1500 c, то, слѣдовательно, послѣ указаннаго обмѣна II должны обмѣнять еще часть своихъ предметовъ потребленія на средства производства I, и именно 100 c II на 100 m I; при чемъ эта послѣдняя сумма пойдетъ уже не изъ потребительнаго фонда I группы, а изъ той части, которая обращается въ деньги тѣми изъ капиталистовъ этой группы, которые откладываютъ фондъ погашенія основного капитала; самыя же деньги должны быть внесены изъ ранѣе скопленнаго сокровища тѣми капиталистами II группы, которые въ данномъ году возстановляютъ свой основной капиталъ. Если цѣнность возстановляемаго капитала не соотвѣтствуетъ при этомъ цѣнности погашенія, то произойдутъ всѣ тѣ явленія, которыя мы выяснили, говоря о возстановленіи основного капитала при простомъ воспроизводствѣ. Такое превращеніе, однако, только возстановитъ постоянный капиталъ II въ томъ размѣрѣ, который необходимъ для продолженія производства въ прежнемъ размѣрѣ, и само по себѣ не ведетъ къ расширенію производства. А такъ какъ I преобразовываетъ въ капиталъ часть прибавочной цѣнности,—согласно условію, именно 600 m I, которые должны образовать 480 $c + 120\ v$ дополнительнаго капитала,—то, слѣдовательно, кромѣ тѣхъ 100 m I, которые часть II-хъ должна купить, чтобы пополнить свой постоянный капиталъ, необходимо превратить въ деньги, а затѣмъ въ предметы потребленія еще 120 m I; эти предметы потребленія также составятъ часть прибавочной цѣнности II, и въ томъ же размѣрѣ долженъ увеличиться ихъ постоянный капиталъ, соотвѣтственно чему перемѣнный увеличится на 60, а потребительный фондъ будетъ: $750\ m - 120\ m - 60\ m = 570$. Производство послѣ расширенія представится такъ:

$$\left.\begin{array}{l} 4480\ c + 1120\ v + 1120\ m = 6720 \\ 1620\ c + 810\ v + 810\ m = 3240 \end{array}\right\} 9960.$$

Допустивъ, что I продолжаютъ накопленіе въ прежнемъ размѣрѣ, т. е. обращаютъ въ дополнительный капиталъ 50% прибавочной цѣнности, мы увидимъ, что здѣсь уже потребительный фондъ капиталистовъ и рабочихъ I группы превыситъ снова цифры постояннаго капитала II, ибо первая величина будетъ I $(1120\ v + 560\ m) = 1680$, а вторая—1620 c II. И такъ всегда должно быть; можно бы думать, что такой результатъ получается здѣсь случайно, вслѣдствіе того, что величина капитала и величина производства въ I группѣ, производящей средства производства, приняты слишкомъ большими сравнительно съ II группой, производящей предметы потребленія. Однако, уже говоря о простомъ воспроизводствѣ, было указано, что количество продукта II группы не можетъ быть болѣе суммы $(v + m)$ I $+ (v + m)$ II, а съ другой стороны, продуктъ текущаго труда I при простомъ воспроизводствѣ не

долженъ быть менѣе постояннаго капитала II, т. е. $(v + m)\ \text{I} = c\ \text{II}$, такъ какъ вся постоянная часть капиталовъ I не можетъ входить въ обмѣнъ съ II группой, ибо это значило бы уменьшать капиталъ I и, слѣдовательно, понижать производство. Очевидно, что иниціатива расширенія производства не можетъ исходить отъ II группы, и что I группа прежде должна расширить свое производство настолько, чтобы удовлетворить требованія II группы на постоянный капиталъ. Это, въ свою очередь, вызываетъ увеличеніе запроса на предметы потребленія со стороны прибавочныхъ рабочихъ и капиталистовъ I, *поскольку увеличатся перемѣнный капиталъ* и прибавочная цѣнность, или, точнѣе, *потребительный фондъ*. И только постольку, *поскольку увеличится* этотъ *запросъ, можетъ происходить расширеніе въ сферѣ производствъ II группы*, пока мы предполагаемъ, что не существуетъ внѣшней торговли. Это положеніе указываетъ намъ, что самая способность расширенія производства II группы зависитъ отъ того, въ какомъ отношеніи другъ къ другу будутъ находиться постоянная и перемѣнная части того прибавочнаго капитала, который служитъ для расширенія производствъ I группы: чѣмъ болѣе будетъ преобладать постоянная часть, т. е. чѣмъ выше будетъ сложеніе капиталовъ, тѣмъ больше должно быть расширеніе производства въ I группѣ, чтобы вызвать извѣстное расширеніе во II группѣ. Но кромѣ того, расширеніе производства II группы безъ усиленія запроса на предметы потребленія или въ размѣрѣ, превышающемъ ростъ запроса, можетъ происходить въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ, и, разъ оно перейдетъ за извѣстную норму, должно вызвать кризисъ въ этихъ отрасляхъ производства. Дѣйствительно, мы видѣли, что какъ только сумма постояннаго капитала II группы превыситъ величину потребительнаго фонда первой группы (т. е. $\left(v + \frac{m}{n}\right)$ I), то обмѣнъ затрудняется, и для возстановленія его необходимо привести въ движеніе запасы, отложенные на погашеніе основного капитала, и именно въ той же II группѣ. Но уже изъ указанной зависимости величины постояннаго капитала, входящей въ цѣнность продукта (въ нашихъ примѣрахъ величина *c* всегда изображаетъ только эту часть постояннаго капитала, включающую авансированную,—а не всю цѣнность основныхъ капиталовъ) въ группѣ II отъ величины потребительнаго фонда группы I,—можно заключить, что это возстановленіе основныхъ капиталовъ II группы не можетъ быть очень значительно, а, слѣдовательно, также незначительно можетъ быть и превышеніе цѣнности постоянной части продукта группы II надъ потребительнымъ фондомъ группы I, такъ какъ оно опредѣляется размѣрами необходимаго возстановленія основныхъ капиталовъ во II группѣ. Какъ только окажется, что погасительный фондъ другихъ предпріятій недостаточенъ, чтобы при его помощи возстановить

постоянный капиталъ до необходимаго размѣра, такъ тотчасъ долженъ возникнуть кризисъ: ибо на рукахъ предпринимателей II группы останется часть непроданнаго продукта,—предметовъ потребленія,—а между тѣмъ имъ недостаетъ постояннаго капитала для веденія предпріятій въ прежнемъ размѣрѣ. Слѣдовательно, размѣры предпріятій должны уменьшиться до величины потребительнаго фонда I группы, сложенной съ годичнымъ возстановленіемъ основныхъ капиталовъ II группы.

Замѣтимъ кстати, что почти всѣ отрасли земледѣльческаго производства должны быть причислены къ группѣ II и сказанное о величинѣ постоянной части продукта въ этой группѣ—цѣликомъ приложимо къ земледѣлію. Слѣдовательно, этимъ положеніемъ подтверждается сказанное нами въ теоріи ренты о значеніи постоянной части цѣнности земледѣльческаго продукта и вмѣстѣ съ тѣмъ опровергается утвержденіе Маркса, будто незначительная величина постояннаго капитала въ земледѣліи есть только слѣдствіе технической отсталости земледѣлія сравнительно съ обработывающей промышленностью. Если принять во вниманіе, что по нашей схемѣ всѣ почти отрасли обработывающей промышленности войдутъ въ I группу, а земледѣліе во II группу, то въ силу указанной зависимости между ростомъ производства въ этихъ группахъ и зная тенденцію развитія производства въ обработывающей промышленности, мы въ правѣ заключить, что дальнѣйшее развитіе должно повести за собою еще болѣе медленный ростъ постоянныхъ капиталовъ земледѣлія, поскольку, по крайней мѣрѣ, величина ихъ опредѣляется нашей схемой. Въ самомъ дѣлѣ: тенденція развитія обработывающей промышленности выражается въ относительномъ возрастаніи постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ, и это возрастаніе идетъ, прежде всего, за счетъ той части капитала, которая входитъ въ цѣнность продукта, — именно цѣнности матеріаловъ. Но чѣмъ больше будетъ та часть прибавочнаго капитала, которая входитъ въ постоянный капиталъ I группы, тѣмъ слабѣе будетъ возрастать перемѣнный капиталъ, а слѣдовательно и потребительный фондъ этой группы, а въ зависимости отъ послѣдняго и постоянный капиталъ II группы, поскольку онъ выражается величиною *c* II нашей схемы.

Можно было бы сказать, что всѣ эти выводы приложимы лишь при условіи отсутствія внѣшняго рынка, какъ мы сами указывали выше. Но если представить себѣ, что наша схема выражаетъ состояніе производства во всемъ мірѣ, поскольку хозяйства различныхъ странъ участвуютъ въ обмѣнѣ на всемірномъ рынкѣ,—то этотъ аргументъ падаетъ. И едва ли можетъ быть сомнѣніе, что переживаемый нынѣ земледѣліемъ всего міра кризисъ есть,—отчасти, по крайней мѣрѣ,—слѣдствіе такого перепроизводства въ области земледѣлія.

ГЛАВА II.

Торговый капиталъ и его прибыль.

§ 1. Торговый капиталъ, какъ таковой, есть только денежный капиталъ, функція котораго заключается въ томъ, что онъ принимаетъ товаръ, приготовленный промышленнымъ производителемъ, и превращаетъ его снова въ деньги. Онъ, слѣдовательно, исполняетъ ту функцію, которую безъ него долженъ былъ бы исполнить самъ производитель, т. е. превращаетъ товарный капиталъ въ денежную форму, которую затѣмъ капиталистъ-промышленникъ снова превращаетъ въ средства производства и рабочую силу. Промышленникъ, продавъ свой товаръ торговцу и получивъ отъ него соотвѣтствующій эквивалентъ въ деньгахъ, тѣмъ самымъ получилъ возможность продолжать производство, помощью превращенія полученныхъ денегъ вновь въ средства производства. Но самый товаръ можетъ быть еще не успѣлъ превратиться въ это время въ деньги, а находится на рынкѣ, въ рукахъ торговца, который только принялъ на себя обязанность производителя предлагать его потребителю. При этомъ, слѣдовательно, производитель избавляется отъ необходимости имѣть запасный капиталъ въ видѣ денегъ для продолженія производства во время нахожденія его товара на рынкѣ въ товарной формѣ; но взамѣнъ того денежный капиталъ вносится посредникомъ-торговцемъ. Однако, денежный капиталъ торговца отличается существенно отъ денежнаго капитала промышленника тѣмъ, что для послѣдняго деньги—только одна изъ метаморфозъ его производительнаго капитала, именно та форма, которая даетъ возможность перейти отъ товарнаго капитала къ средствамъ производства, къ производительному капиталу собственно, — который, участвуя въ производствѣ, служитъ непосредственно для производства новой цѣнности. Для торговца же существуютъ только двѣ формы капитала: деньги, которыя онъ первоначально вноситъ въ обращеніе и превращаетъ въ товаръ, и затѣмъ— этотъ товаръ, который снова долженъ превратиться въ деньги, безъ

всякой промежуточной фазы, какой для производительнаго капитала является процессъ производства. Для торговаго капитала фазы его метаморфозъ не связаны съ производственнымъ прогрессомъ ни отдѣльнаго производителя, ни производителей какой-либо отрасли;—они гораздо болѣе связаны съ потребленіемъ. Потребленіе же, въ зависимости отъ рода товара, въ который онъ превратилъ свои деньги, можетъ быть или непосредственное—для удовлетворенія потребностей пріобрѣтателей товара, или посредственное—потребленіе товара въ видѣ средствъ производства въ какомъ-нибудь производственномъ прогрессѣ. Для метаморфоза торговаго капитала это безразлично: для него важно только, что эти метаморфозы могутъ совершаться, не дожидаясь времени окончанія рабочаго періода у того или другого производителя или въ той или другой отрасли производства. Благодаря этой независимости отъ рабочихъ періодовъ производителей, торговый капиталъ можетъ обращаться быстрѣе, чѣмъ это могли бы дѣлать капиталы отдѣльныхъ производителей, товары которыхъ обращаются при его помощи. Отсюда возникаетъ нѣкоторая экономія: если каждый производитель будетъ самъ предлагать товаръ на рынкѣ, безъ посредничества торговаго капитала, то производители должны будутъ сократить свое производство настолько, чтобы часть капитала каждаго могла постоянно находиться въ товарной формѣ на рынкѣ до тѣхъ поръ, пока она приметъ денежную форму. Сумма прибавочныхъ капиталовъ, которые для этой цѣли должны имѣть всѣ производители, была бы больше того торговаго капитала, который ихъ можетъ замѣнить, посвятивъ себя исключительно функціи обращенія. Товары различныхъ производителей выходятъ изъ своего рабочаго періода въ разное время, и если A изготовилъ свою партію товара, для производства которой вообще требуется 3 мѣсяца, къ 1-му января, то B можетъ окончить свою партію 15 января, а C — 1-го февраля, и всѣ 3 партіи могутъ преобразоваться въ деньги при помощи одной и той же суммы, на которую торговецъ покупаетъ сначала продукты A затѣмъ, успѣвъ перепродать ихъ въ двѣ недѣли, покупаетъ товаръ B, и т. д.

Но, хотя торговый капиталъ своимъ вмѣшательствомъ содѣйствуетъ уменьшенію бездѣятельныхъ капиталовъ у производителей-промышленниковъ и тѣмъ даетъ имъ возможность расширять производство, однако, самъ онъ, непосредственно, не производитъ цѣнности, а, слѣдовательно, и прибавочной цѣнности. Посредственно онъ содѣйствуетъ образованію промышленниками-капиталистами большей массы прибавочной цѣнности не только тѣмъ, что освобождаетъ часть капитала, которая безъ него должна была находиться постоянно на рынкѣ въ товарной формѣ и не могла быть обращена на покупку рабочей силы, но и тѣмъ, что доста-

вляетъ возможность расширить производство за счетъ освобожденной изъ процесса обращенія части капитала, а такое расширеніе ведетъ къ увеличенію прибавочной цѣнности тѣмъ, что уменьшаетъ расходы капиталиста-промышленника и стоимость производства каждой единицы произведеннаго товара.

§ 2. Откуда же берется та прибыль, которую получаетъ торговецъ? Марксъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ такъ. Если, говоритъ онъ, промышленный капиталъ всей страны представляетъ 720 $c + 180\ v$ и, при нормѣ прибавочной цѣнности въ 100%, создаетъ прибавочную цѣнность 180 m, то цѣнность продукта будетъ 1080. Но, рядомъ съ этимъ промышленнымъ капиталомъ, существуетъ торговый капиталъ 100, прибыль котораго также должна покрываться изъ суммы прибавочной цѣнности, произведенной промышленными капиталами. Поэтому, если промышленникъ продалъ торговцу товаръ за цѣну производства продукта (которая здѣсь совпадаетъ съ цѣнностью его), то торговецъ, чтобы получить прибыль, долженъ продать товаръ выше его цѣнности. На самомъ дѣлѣ вопросъ рѣшается такъ: для вычисленія уровня прибыли сумма прибавочной цѣнности относится не къ одному промышленному капиталу, а къ этому капиталу плюсъ торговый капиталъ, т. е. уровень прибыли будетъ:

$$\frac{180}{900 + 100} = 18\%, \text{ а не } \frac{180}{900} = 20\%,$$

и, слѣдовательно, промышленникъ продаетъ свой товаръ торговцу за 1062, а тотъ уже прибавитъ 18, какъ прибыль на свой капиталъ.

Здѣсь опять выступаетъ слабая сторона теоріи уровня прибыли Маркса. Конечно, промышленникъ долженъ продать товаръ ниже его цѣнности, чтобы торговецъ могъ, сдѣлавши надбавку къ покупной цѣнѣ, продать, въ свою очередь, товаръ не выше его цѣнности. Но то обстоятельство, что Марксъ здѣсь разсматриваетъ дѣло такъ, какъ будто въ капиталъ промышленника не входитъ основного капитала, т. е. въ сущности принимаетъ за уровень прибыли отношеніе $\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансированный капиталъ}}$, — это обстоятельство показываетъ, насколько несообразно выраженіе прибыли отношеніемъ прибавочной цѣнности ко всему капиталу предпріятія; принимая это отношеніе въ теоріи, Марксъ на практикѣ, въ примѣрахъ, всегда вынужденъ относить ее къ авансированному капиталу.

Дѣйствительно, вѣдь капиталистъ-промышленникъ, какъ было указано, легко могъ опредѣлить эту величину $\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансированный капиталъ}}$, но совершенно не можетъ опредѣлить отношеніе $\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{капиталъ предпріятія}}$ до сведенія всѣхъ годовыхъ счетовъ. Съ другой стороны, торговецъ, для кото-

раго весь его капиталъ есть авансированный, разсчитываетъ, разумѣется, прибыль въ процентахъ этаго капитала. Промышленникъ, исходя изъ извѣстной ему рыночной цѣны товара и зная стоимость производства его (авансированный капиталъ) и быстроту обращенія, легко можетъ высчитать, какой процентъ цѣны товара онъ долженъ скинуть, чтобы торговецъ получилъ среднюю прибыль; а, исходя изъ уменьшенной на эту величину цѣны своего товара, затѣмъ уже можетъ опредѣлить и то, при какихъ условіяхъ его производство дастъ ему ожидаемыя выгоды (% предпріятія). Но при этихъ расчетахъ онъ только и можетъ исходить изъ той доли прибыли, которая заключается въ цѣнности каждой единицы товара, т. е. изъ отношенія $\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансированный капиталъ}}$; а величина процента на весь его капиталъ представляется для него всегда до извѣстной степени загадочной, ибо эта величина зависитъ, кромѣ количества произведенныхъ единицъ товара, и отъ величины капитала, и отъ быстроты обращенія товара, а потому только опытъ можетъ дать ему указаніе на соотношеніе между этой величиной, съ одной стороны, и суммой прибавочной цѣнности въ цѣнности каждой единицы и числомъ проданныхъ единицъ товара—съ другой стороны.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что, конечно, капиталъ торговца дѣлаетъ большею частью нѣсколько оборотовъ въ годъ; но это обращеніе неравносильно обращенію товара промышленника: для послѣдняго это означаетъ увеличеніе количества произведенной прибавочной цѣнности, а потому и прибыли на капиталъ, ибо каждый оборотъ даетъ ему новую сумму прибавочной цѣнности,—ту, которая заключалась въ проданномъ въ этотъ оборотъ товарѣ. Увеличеніе же быстроты обращенія капитала торговца, который самъ, какъ сказано, не создаетъ цѣнности, не можетъ повести и къ увеличенію суммы прибавочной цѣнности, присвояемой торговцемъ. Напротивъ, чѣмъ быстрѣе обращается его капиталъ и чѣмъ больше, слѣдовательно, онъ успѣетъ обратить товара, тѣмъ менѣе прибыли на свой капиталъ онъ получитъ отъ продажи каждой единицы товара, ибо его прибыль опредѣляется величиною вложеннаго имъ капитала и тѣмъ уровнемъ прибыли, который выручаетъ промышленникъ, а не количествомъ проданнаго имъ товара. Точно также, увеличивая быстроту обращенія товара, торговецъ вызываетъ необходимость и бо́льшаго обращенія монеты, но это обращеніе не тождественно ни съ обращеніемъ товара, ни съ обращеніемъ самого торговаго капитала. Монета просто передается изъ рукъ въ руки, и при усиленномъ ея обращеніи уменьшается количество обращаемой монеты. Обращеніе же капитала торговца вызываетъ въ каждый оборотъ извлеченіе бо́льшей суммы, чѣмъ та, какая была внесена въ оборотъ, и при этомъ къ нему возвращаются

не однѣ и тѣ же монеты, и не одинъ и тотъ же капиталъ, одна и та же цѣнность, а большій капиталъ.

Сказанное выше (въ главѣ «простое обращеніе») о расходахъ обращенія примѣнимо и къ расходамъ торговца, съ тою разницею, что у торговца всѣ расходы обращенія собственно (счетоводство и т. п.), распредѣляясь на бо́льшую массу товаровъ, менѣе повышаютъ цѣнность ихъ.

Наконецъ, необходимо имѣть въ виду, что вмѣшательство торговаго капитала, облегчая возможность расширенія производства и создавая фиктивный спросъ на товаръ, усиливаетъ кризисы. Дѣйствительно: превративъ свой товаръ въ деньги, промышленникъ продолжаетъ производство, какъ будто товаръ уже вступилъ въ потребленіе. На самомъ же дѣлѣ товаръ еще находится на рынкѣ, только въ рукахъ торговца, часто не того, кто пріобрѣлъ его непосредственно отъ производителя, а другого, къ которому онъ попалъ черезъ 12 рукъ. Если товаръ не найдетъ себѣ сбыта, то настоящій владѣлецъ его не можетъ возобновить покупки, и такимъ образомъ вся цѣпь связанныхъ взаимной передачей другъ другу товара торговцевъ лишается возможности продолжать сдѣлки. Положеніе еще осложняется вмѣшательствомъ кредита, продажей въ долгъ или покупкой на занятыя деньги, благодаря чему накопленіе товаровъ, не проданныхъ дѣйствительнымъ потребителямъ, можетъ достигать бо́льшаго размѣра. Вмѣстѣ съ тѣмъ оживленіе въ производствѣ, вносимое вмѣшательствомъ торговаго капитала, отчасти дѣйствительно усиливаетъ запросъ, такъ какъ рабочій классъ и капиталисты при этомъ имѣютъ средства для покупокъ, съ цѣлью удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, а капиталисты предъявляютъ запросъ и на средства производства. Но какъ только произошла остановка въ сбытѣ, начинается сокращеніе производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшеніе запроса со стороны рабочихъ и капиталистовъ; послѣдніе сокращаютъ не только свое личное потребленіе, но и запросъ на средства производства, и толчокъ сообщается постепенно всѣмъ отраслямъ промышленности.

Исторически, какъ извѣстно, торговый капиталъ предшествовалъ производительному капиталу; какъ цѣнность товаровъ, такъ и уровень прибыли регулировались первоначально прибылью торговыхъ капиталовъ. И вообще, пока обращеніе слабо, пока сношенія затруднительны и товаръ долженъ долго находиться на рынкѣ, а рискъ потери значителенъ,— до тѣхъ поръ болѣе значительная часть общественнаго капитала находится въ формѣ капитала торговаго. Такъ бываетъ всюду въ новыхъ странахъ, только что вступающихъ на путь капиталистическаго развитія. По мѣрѣ же развитія капитализма, т. е. перехода различныхъ производствъ въ форму капиталистическихъ предпріятій, торговый капи-

талъ относительно,—какъ доля всѣхъ капиталовъ страны,—уменьшается, но абсолютно возрастаетъ. Это возрастаніе является слѣдствіемъ того, что болѣе значительная часть общаго продукта страны обращается теперь торговымъ капиталомъ, тогда какъ прежде, съ одной стороны, значительная часть этаго продукта совсѣмъ не поступала на рынокъ,—поскольку сохранялось натуральное хозяйство, съ другой—производитель - капиталистъ, какъ и мелкій ремесленникъ и кустарь, сами доставляли товары непосредственнымъ потребителямъ. Сокращеніе же доли капитала общества въ торговомъ капиталѣ обусловливается, главнымъ образомъ, улучшеніемъ сношеній, при чемъ, однако, уменьшается только денежный капиталъ, служащій обращенію товаровъ, вслѣдствіе уничтоженія промежуточныхъ передачъ отъ производителя къ потребителю. Но зато весьма значительный капиталъ обращается въ основной: желѣзныя дороги, пароходы, телефоны, которые суть не что иное, какъ средства сообщенія между людьми и обращенія товаровъ.

ГЛАВА III.

Рынки и пути сообщенія.

§ 1. Рынкомъ называется собственно то мѣсто, гдѣ собираются товары, предлагаемые на продажу; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рынкомъ называютъ и все количество покупателей, или, точнѣе, всю сумму запроса, предъявляемаго покупателями на товары, и въ этомъ смыслѣ говорятъ о размѣрахъ рынка. Такимъ образомъ, большой рынокъ обозначаетъ возможность сбыта продуктовъ большими массами.

Въ первое время нарожденія денежнаго хозяйства размѣръ обращенія товаровъ незначителенъ, и это ведетъ къ замедленію обращенія, которое усиливается тѣмъ, что пути сообщенія совершенно неустроены и единственный способъ транспортировать болѣе или менѣе значительныя массы товара представляетъ пользованіе водными путями. Этимъ объясняется, что всѣ древніе цивилизованные народы жили или при большихъ рѣкахъ, или при моряхъ, и, въ концѣ концовъ, тѣ изъ нихъ, которые пользовались болѣе совершеннымъ путемъ—морскимъ, получили перевѣсъ и достигли болѣе высокаго уровня развитія.

Но и у древнихъ народовъ были уже попытки улучшенія сухопутныхъ дорогъ; однако эти попытки крайне ничтожны, и, въ общемъ, въ Европѣ до конца среднихъ вѣковъ для транспорта пользовались почти однѣми только грунтовыми дорогами и естественными водными путями—рѣками, морями. Улучшеніе сухопутныхъ дорогъ—мощеніе и шоссированіе ихъ, и проведеніе искусственныхъ водныхъ путей—каналовъ, начались почти одновременно,—въ Европѣ не ранѣе XVI вѣка, и эти улучшенные пути начинаютъ играть сколько-нибудь значительную роль только въ XVII столѣтіи и то исключительно почти въ передовыхъ странахъ—Англіи, Нидерландахъ, Франціи, гдѣ къ этому времени достигли уже значительнаго развитія мануфактуры.

При первобытныхъ путяхъ сообщенія древнихъ и среднихъ вѣковъ доставка товаровъ была затруднительна, и потому въ обмѣнѣ, какъ

международномъ, такъ и внутреннемъ, играли большую роль ярмарки—періодическіе торги, собиравшіе въ одно мѣсто для обмѣна продавцевъ и покупателей съ болѣе или менѣе широкаго района. Вмѣстѣ съ тѣмъ доставленіе товаровъ на болѣе отдаленные рынки было не только неудобно, но и дорого, и въ международную торговлю поступали почти исключительно продукты, имѣвшіе высокую цѣнность,—предметы роскоши на первомъ мѣстѣ, а затѣмъ болѣе дорогія мануфактурныя издѣлія, сбытъ которыхъ совершался почти исключительно морскимъ путемъ, такъ какъ этотъ способъ перевозки былъ значительно дешевле сухопутнаго.

Хотя введеніе шоссе и каналовъ значительно облегчило и расширило сношенія, но пока транспортъ по водѣ, представлявшійся болѣе дешевымъ и удобнымъ, происходилъ, въ лучшемъ случаѣ, при помощи такого непостояннаго двигателя, какъ вѣтеръ, а по искусственнымъ воднымъ путямъ (каналамъ) чаще при помощи силы животныхъ, до тѣхъ поръ эти улучшенія имѣли довольно ограниченное значеніе. При господствѣ мануфактурнаго способа производства эти пути сообщенія еще удовлетворяли потребности; когда же мануфактура замѣнилась фабрикой, то скоро оказалось, что именно неустройство путей сообщенія и является важнѣйшимъ тормозомъ дальнѣйшаго развитія промышленности. Было совершенно ясно, что при помощи силы пара можно возвысить производительность фабрикъ въ весьма значительной степени, и что препятствіемъ является невозможность подвозки къ нимъ нужныхъ матеріаловъ, а затѣмъ и вывоза изготовленнаго продукта. Даже наиболѣе совершенные каналы,—какъ Бриджватерскій въ Англіи (между Ливерпулемъ и Манчестеромъ),—не могли осилить той огромной массы матеріала, какой требовали фабрики. Понятно, что наибольшее затрудненіе являлось при доставкѣ объемистыхъ, малоцѣнныхъ грузовъ, каковъ былъ, напримѣръ, каменный уголь,—этотъ «хлѣбъ промышленности», со времени введенія паровыхъ двигателей. Потому-то здѣсь и являются первыя попытки облегчить доставку, и эти попытки устремляются на улучшеніе сухопутныхъ дорогъ, и именно самаго пути, а не экипажа или движущей силы, такъ какъ, изъ сравненія съ воднымъ путемъ, ясно было, что препятствіе лежитъ именно въ формѣ пути. Это повело къ введенію движенія по рельсамъ ранѣе изобрѣтенія паровоза, при чемъ движущей силой оставалась лошадь. Но здѣсь же появляется и первый паровозъ,—и этотъ фактъ уже указываетъ на главную роль новаго транспортнаго средства,—именно содѣйствія перемѣщенію малоцѣнныхъ грузовъ. Однако, въ первое время по появленіи желѣзныхъ дорогъ роль ихъ, по отношенію къ передвиженію товаровъ, далеко не была понята, и, напримѣръ, извѣстный французскій ученый, астрономъ Араго,

считалъ ихъ игрушкой, годной только для забавъ и увеселительныхъ прогулокъ богатыхъ людей.

Чтобы понять, почему желѣзныя дороги (и вообще паровой транспортъ) производятъ переворотъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, необходимо въ общихъ чертахъ ознакомиться съ самой техникой парового транспорта, при чемъ мы будемъ имѣть въ виду прежде всего желѣзныя дороги, такъ какъ ихъ вліяніе было значительнѣе вліянія улучшенія воднаго транспорта, хотя улучшеніе морского транспорта играетъ также весьма значительную роль. Желѣзныя дороги явились, именно, улучшеннымъ транспортнымъ средствомъ въ странахъ континентальныхъ, которыя были лишены возможности пользоваться наиболѣе удобнымъ путемъ прежняго времени—морскимъ.

§ 2. Желѣзныя дороги, въ силу техническихъ условій ихъ постройки, являются орудіями, спеціально предназначенными для транспорта огромныхъ массъ товара. Самой характерной особенностью техники желѣзныхъ дорогъ является огромное преобладаніе основного капитала надъ всѣми другими видами капитала, почему и расходы, сопряженные съ поддержаніемъ потребительной цѣнности этого (основного) капитала, главнымъ образомъ, опредѣляютъ собою стоимость производства транспорта. Дѣйствительно, стоимость одного километра желѣзной дороги въ Америкѣ, гдѣ при постройкѣ стремились соблюдать всевозможную экономію, принимаютъ въ среднемъ въ 150.000 марокъ, а въ Европѣ—даже въ 300.000 марокъ. Между тѣмъ почти всѣ части основного капитала изнашиваются въ значительной мѣрѣ независимо отъ того, какъ онѣ используются. Такъ, напр., рельсы и шпалы изнашиваются при движеніи поѣздовъ только немного быстрѣе, чѣмъ безъ движенія, когда изнашиваніе происходитъ только подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей. Почти то же слѣдуетъ сказать и относительно зданій, паровозовъ и вагоновъ. Но еще болѣе: и текущіе расходы, даже такіе, которые, повидимому, вполнѣ зависятъ отъ движенія, какъ, напр., расходъ на топливо, увеличиваются далеко не пропорціонально увеличенію транспортируемаго груза: везется ли полный грузъ или только половина его, расходъ топлива мало измѣняется. То же относится и ко всѣмъ расходамъ на передвиженіе и объясняется тѣмъ, что вѣсъ вагоновъ очень значителенъ (400—500 п.), почти равенъ нагрузкѣ (610 п.); если же къ вѣсу вагоновъ прибавить вѣсъ паровоза и тендера, т. е. вагона для топлива, то окажется, что около половины вѣса поѣзда состоитъ изъ мертваго, т. е. неоплачиваемаго при перевозкѣ груза, самихъ транспортныхъ средствъ. Равнымъ образомъ и расходы на станніи, на подвижной составъ, на управленіе возрастаютъ съ увеличеніемъ движенія весьма незначительно и далеко непропорціонально увеличенію транспорта. Но, кромѣ того,

надо имѣть въ виду, что огромная абсолютная сумма затратъ на постройку дороги, исчисляемая для каждой, даже незначительной длины дороги милліонами, равно и сложность управленія предпріятіемъ,— ведутъ къ тому, что желѣзныя дороги почти никогда не являются чисто-личными предпріятіями, а для управленія ими образуется, такъ сказать, союзъ капиталистовъ (акціонеровъ), каковой, однако, весьма рѣдко вкладываетъ въ предпріятіе всю необходимую сумму изъ собственныхъ средствъ, а обыкновенно прибѣгаетъ къ займу, въ формѣ такъ называемыхъ облигацій, обязуясь уплачивать на этотъ заемъ опредѣленный процентъ дохода. Такимъ образомъ часть, по крайней мѣрѣ, прибыли на капиталъ является для предпринимателей-акціонеровъ въ формѣ расхода, что еще болѣе увеличиваетъ значеніе доли расходовъ на первоначальный основной (строительный) капиталъ. Сверхъ того, какъ было уже указано, выше, такого рода предпріятія пріобрѣтаютъ, въ силу именно огромнаго значенія въ нихъ основного капитала, характеръ монопольныхъ предпріятій, а это ведетъ нерѣдко за собою переходъ ихъ въ руки правительства. Но для правительства уже вся сумма процентовъ съ капитала является чистымъ расходомъ, который должны покрыть доходы отъ предпріятія. Считаютъ, что процентъ на капиталъ поглащаетъ около $^1/_2$ всѣхъ расходовъ желѣзной дороги; если же присоединить всѣ другіе расходы на поддержаніе основного капитала и принять во вниманіе, что и всѣ текущіе расходы оказываются въ значительной степени независимыми отъ движенія, то необходимо прійти къ выводу, что расходы транспорта по желѣзнымъ дорогамъ зависятъ главнымъ образомъ отъ величины затраты капитала на постройку. Эта же затрата обусловливается, на первомъ мѣстѣ, вообще техникой самой постройки, которая, въ свою очередь, опредѣляется природными (главнымъ образомъ топографическими) условіями мѣстности, каковы, напр., необходимость значительныхъ выемокъ или постройки мостовъ и т. п. Эти условія, вообще говоря, болѣе благопріятны въ равнинныхъ мѣстностяхъ (въ смыслѣ удешевленія постройки) и менѣе—въ изрѣзанныхъ глубокими долинами или горныхъ мѣстахъ. При этомъ тамъ, гдѣ топографія мѣстности вызываетъ вздорожаніе постройки, и текущіе расходы дороги (стираніе рельсовъ на подъемахъ, увеличеніе тамъ же расходовъ топлива и т. п.) относительно выше. Въ общемъ можно выразить законъ стоимости транспорта по желѣзнымъ дорогамъ такъ. *Такъ какъ наибольшая часть расходовъ желѣзной дороги зависитъ не отъ количества движенія, а отъ величины затраченнаго на постройку капитала, то, по мѣрѣ увеличенія движенія по дорогѣ, стоимость перевозки каждой слѣдующей, вновь прибавляющейся транспортной единицы оказывается ниже стоимости каждой изъ предшествующихъ единицъ.*

(Слѣдуетъ замѣтить, что подъ именемъ транспортной единицы разумѣютъ перевозку единицы груза на единицу разстоянія, напр., тонно-километръ означаетъ доставку одной тонны (1000 килогр.) на 1 километръ; пудоверста—передвиженіе одного пуда груза на одну версту по длинѣ дороги).

Въ этомъ именно правилѣ выражается особенность и вмѣстѣ преимущество парового транспорта передъ прежними, по крайней мѣрѣ сухопутными, способами перевозки товаровъ. Конный транспортъ по грунтовой и даже по шоссейной дорогѣ обойдется одинаково дорого за единицу вѣса, будетъ ли такихъ единицъ отправлено 100 или 1000. И даже еще болѣе: при слишкомъ сильномъ движеніи грунтовыя и шоссейныя дороги быстро портятся, и, начиная съ извѣстнаго, весьма недалекаго предѣла,—транспортъ каждой слѣдующей единицы вѣса обойдется дороже, чѣмъ предыдущей.

Какіе же товары и по какой расцѣнкѣ должна возить желѣзная дорога, чтобы расходы ея покрывались доходами?

Прежде всего совершенно ясно, что транспортируемые грузы должны составлять значительную массу, ибо, какъ бы ни былъ цѣненъ грузъ, но если всю сумму постоянныхъ только, независимымъ отъ движенія, расходовъ возложить на уплату за транспортъ незначительной массы такого груза, то окажется, что повышеніе цѣнности его, благодаря такому обложенію, пойдетъ такъ быстро, что грузъ не въ состояніи будетъ передвинуться на сколько-нибудь значительное разстояніе. Но, кромѣ того, если мы спросимъ себя, какіе товары производятся значительными массами, то должны будемъ отвѣтить, что, по естественнымъ законамъ производства, большими массами въ каждомъ данномъ районѣ могутъ производиться только малоцѣнные товары. Дѣйствительно, цѣнность товара, какъ мы знаемъ, опредѣляется количествомъ затраченной на производство его трудовой энергіи, и, слѣдовательно, единица болѣе дорогого товара поглотила бо́льшее количество трудовой энергіи населенія, чѣмъ единица продукта болѣе дешеваго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, населеніе данной области располагаетъ только извѣстнымъ числомъ единицъ трудовой энергіи, которое опредѣляется прежде всего численностью этаго населенія. Слѣдовательно, чѣмъ дешевле продуктъ, чѣмъ менѣе трудовой энергіи поглощаетъ единица его, тѣмъ населеніе можетъ произвести его болѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дешевые продукты составляютъ и главную массу потребляемыхъ населеніемъ пищевыхъ и другихъ матеріаловъ, и именно потому, что для удовлетворенія потребностей человѣка въ пищѣ, одеждѣ (менѣе), топливѣ и т. п. продуктовъ каждой изъ этихъ группъ требуется значительная масса, почему эти продукты и должны быть дешевы, иначе всего количества производимой человѣ-

комъ энергіи не достало бы на покрытіе цѣнности нужныхъ ему продуктовъ.

Сказанное о цѣнности массовыхъ товаровъ относится, конечно, непосредственно только къ производству сырья. Но населеніе данной области, можетъ быть, могло бы расходовать свою трудовую энергію на производство болѣе дорогого или даже очень дорогого товара, обрабатывая, напр., ввозный дорогой матеріалъ, и тогда и этаго дорогого продукта получилась бы значительная масса. Конечно, въ этомъ случаѣ конечный продуктъ можетъ быть значительно дороже, чѣмъ въ томъ, когда населеніе будетъ производить сырье; но цѣнность фабриката зависѣла бы, главнымъ образомъ, отъ цѣнности сырья, а количество такого сырья (дорогого) ограничивается не только тѣмъ, что каждая область можетъ произвести его относительно мало въ зависимости отъ вышеуказанной причины, но еще и тѣмъ, что самое потребленіе фабрикатовъ, произведенныхъ изъ такого сырья, можетъ быть только ограниченное. Какъ было указано, продукты, основной матеріалъ которыхъ дорогъ, не могутъ найти себѣ обширнаго рынка, именно благодаря своей дороговизнѣ; да, кромѣ того, самое приготовленіе продуктовъ изъ такихъ матеріаловъ (см. ученіе о прибыли) необходимо ведетъ къ уменьшенію производительности труда, а слѣдствіемъ малой производительности труда въ фабрикаціи должно быть уменьшеніе количества произведеннаго товара. Такимъ образомъ и при указанной комбинаціи число единицъ дорогого товара не можетъ быть особенно значительно, и этотъ товаръ не можетъ насытить транспортной способности желѣзной дороги.

Выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что главную массу транспортируемыхъ желѣзной дорогой грузовъ должны составлять дешевые, объемистые, малоцѣнные товары. А такъ какъ они должны быть дешевы и тамъ, куда доставляются, то, слѣдовательно, и перевозить ихъ надо по дешевой цѣнѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и по существу дѣла отъ пониженія стоимости транспорта болѣе дешевые товары должны были выиграть въ большей мѣрѣ, чѣмъ болѣе дорогіе, особенно вслѣдствіе того, что при транспортѣ по грунтовымъ дорогамъ стоимость перевозки была и абсолютно высока и не могла быть понижаема для болѣе дешевыхъ товаровъ, почему послѣдніе платили почти столько же, сколько и дорогіе. Если предположимъ, что стоимость перевозки по грунтовой дорогѣ была 10 коп. съ пуда безразлично для всѣхъ родовъ товара, и съ постройкой желѣзныхъ дорогъ произойдетъ одинаковое удешевленіе перевозки какъ для дорогихъ, такъ и для дешевыхъ товаровъ, то для десятикопѣечнаго товара стоимость транспорта прежде была 100%, а для товара въ два рубля—только 5%; при пониженіи же стоимости перевозки, напр., на ½ прежней, для перваго товара это пониженіе составитъ

50% цѣны его, а для второго всего $2^1/_2$%, т. е. для перваго относительно въ двадцать разъ болѣе чѣмъ для послѣдняго. Однако, на практикѣ, желѣзныя дороги, какъ сказано, вынуждены устанавливать плату за перевозку (тарифъ) для дешеваго товара значительно ниже, чѣмъ для дорогого, что называется ставить тарифъ по цѣнности товара, т. е. брать за провозъ единицы груза тѣмъ болѣе, чѣмъ дороже перевозимый товаръ. Необходимость эта возникаетъ именно изъ того, что доходъ отъ транспорта можетъ окупить огромные расходы на версту пути, какъ было сказано, только при перевозкѣ значительной массы грузовъ, каковыми могутъ быть только дешевые товары. А чтобы цѣна ихъ не повышалась слишкомъ сильно вслѣдствіе перевозки, чтобы они могли транспортироваться на болѣе значительное разстояніе, необходимо ставить тарифъ (плату съ пудоверсты) очень низкій. Отсюда громадный выигрышъ въ перевозкѣ громоздкихъ, малоцѣнныхъ товаровъ и очень быстрый ростъ и въ производствѣ, и въ транспортѣ грузовъ подобнаго рода со введеніемъ желѣзныхъ дорогъ.

§ 3. Прежде, чѣмъ перейдемъ къ разбору тѣхъ измѣненій въ экономической жизни общества, которыя вызываетъ перемѣна транспортныхъ условій, укажемъ нѣкоторыя особенности приложенія паровой силы въ водномъ транспортѣ вообще и главнымъ образомъ въ наиболѣе важной отрасли этаго дѣла—морскомъ транспортѣ.

Если, какъ было замѣчено выше, водный транспортъ уже въ относительно раннія времена общественнаго развитія игралъ первенствующую роль въ сношеніяхъ народовъ, то значеніе его хотя и понизилось съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ относительно, однако абсолютно — масса транспорта возрасла въ огромной мѣрѣ. Отличіе этаго вида транспорта отъ сухопутнаго вообще и желѣзнодорожнаго въ частности то, что здѣсь размѣръ предпріятія не такъ строго опредѣленъ и въ силу этаго, а равно и въ силу того, что самый путь—рѣки или моря — если не представляетъ въ точномъ смыслѣ «res nullius», то во всякомъ случаѣ есть предметъ общаго свободнаго пользованія, и ограниченіе начинается только тамъ, гдѣ этотъ путь соприкасается съ сушей — на пристаняхъ и портахъ. Эти условія—свобода пользованія путемъ и незначительность капитала, требуемаго каждымъ отдѣльнымъ предпріятіемъ (которое можетъ быть отдѣльнымъ судномъ),—даютъ возможность широкаго развитія конкуренціи, которая здѣсь является главнымъ факторомъ, ограничивающимъ плату за перевозку (тарифъ). Но, конечно, капиталъ, овладѣвъ этимъ видомъ предпріятій, дѣйствуетъ сообразно своей натурѣ и стремится расширить предпріятіе. Здѣсь это стремленіе выражается двумя способами: во 1-хъ, увеличеніемъ размѣровъ каждаго судна; во 2-хъ, сосредоточеніемъ большого числа судовъ въ рукахъ одного предприни-

мателя. Первый способъ находитъ себѣ ограниченіе въ качествахъ тѣхъ водныхъ пространствъ, которыя служатъ путями, такъ какъ нормально съ увеличеніемъ размѣровъ судна идетъ и углубленіе его корпуса въ водѣ, потому рѣчныя суда должны быть меньше морскихъ, а среди послѣднихъ существуетъ весьма значительная градація въ зависимости отъ глубины моря, въ которомъ они плаваютъ. Техника, конечно, стремится обойти эти препятствія (постройка плоскодонныхъ судовъ), но для морскихъ судовъ это ей удалось далеко не вполнѣ. Тѣмъ не менѣе въ этомъ отношеніи прогрессъ весьма великъ и,—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ качества пути не представляли непреодолимыхъ препятствій, именно въ транспортѣ по открытому океану,—мы видимъ чрезвычайно значительное увеличеніе размѣровъ судовъ, и прогрессъ техники дозволяетъ съ каждымъ годомъ все болѣе увеличивать эти размѣры. Какъ сейчасъ увидимъ, это обстоятельство имѣетъ значеніе, вліяя извѣстнымъ образомъ на международный обмѣнъ.

Понятно, что второй способъ расширенія предпріятій воднаго транспорта—соединеніе нѣсколькихъ судовъ подъ однимъ управленіемъ—не могъ быть задержанъ техническими трудностями. И дѣйствительно, концентрація капиталовъ путемъ образованія акціонерныхъ обществъ получила довольно сильное развитіе въ водномъ паровомъ транспортѣ, хотя значеніе этаго вида предпріятій въ водномъ транспортѣ далеко не такъ велико, какъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Это объясняется невозможностью монополизировать путь и относительной легкостью конкурренціи для болѣе мелкихъ предпріятій, руководимыхъ непосредственно самими владѣльцами экипажей—судовъ.

Во всякомъ случаѣ, однако, водный транспортъ,—бывшій уже и при эксплуатаціи вѣтра, какъ движущей силы, массовымъ транспортомъ (такъ какъ движеніе судна выгодно только при извѣстной нагрузкѣ),—въ еще бо́льшей мѣрѣ сдѣлался таковымъ со введеніемъ парового двигателя и возрастаніемъ размѣровъ судовъ; въ особенности это приложимо къ морскому транспорту. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что морскія паровыя суда, прямо по техническимъ условіямъ, требуютъ, чтобы судно было всегда въ извѣстной мѣрѣ погружено въ воду, т. е. несло извѣстный грузъ, отсутствіе котораго заставляетъ нагружать судно безполезными камнями (балластомъ) или (въ новѣйшее время) наливать его водою. Это обстоятельство вынуждаетъ къ развитію обмѣна между странами въ такомъ направленіи, чтобы въ обѣ стороны шли если не вполнѣ равныя массы груза, то во всякомъ случаѣ столь значительныя, чтобы суда могли плавать туда и сюда по возможности нагруженными. Съ другой стороны, та-же необходимость заполнять суда извѣстнымъ грузомъ заставляетъ и здѣсь ставить тарифъ подобно тому, какъ на желѣз-

ныхъ дорогахъ, т. е. по цѣнности, ибо чѣмъ цѣннѣе грузъ, тѣмъ менѣе можетъ быть предложено его къ перевозкѣ, и обратно. Расходы же здѣсь возрастаютъ съ увеличеніемъ полезнаго груза (полезнаго — въ противоположность мертвому грузу, вѣсу самаго судна, и балласту) еще въ меньшей прогрессіи, чѣмъ при желѣзнодорожномъ транспортѣ, такъ какъ здѣсь мертвый грузъ является постоянной величиной, да, кромѣ того, при отсутствіи или недостаткѣ полезнаго груза, приходится брать балластъ; слѣдовательно, расходы по передвиженію судна увеличиваются въ весьма незначительной степени при замѣнѣ балласта полезнымъ грузомъ хотя бы до полнаго использованія грузоподъемной способности судна, тѣмъ болѣе, что и персоналъ служащихъ на суднѣ не измѣняется,— идетъ ли оно съ полной нагрузкой, или съ балластомъ. Указанное требованіе минимальной нагрузки судна привело Англію къ необходимости разсылать по свѣту каменный уголь, этотъ «хлѣбъ промышленности», безъ котораго невозможно было бы существованіе фабрикъ и вообще промышленности во многихъ странахъ, изъ которыхъ Англія вывозитъ необходимые ей матеріалы всякаго рода.

Такимъ образомъ, паровой транспортъ по внутреннимъ водамъ создалъ, съ одной стороны, нѣкоторую конкуренцію желѣзнымъ дорогамъ, и хотя не вездѣ эта конкуренція оказалась въ пользу воднаго пути, но вездѣ присутствіе такого пути ускорило ходъ развитія и вызвало скорѣйшее обнаруженіе тѣхъ слѣдствій, которыя должны были вызвать желѣзныя дороги, поощряя вывозъ и производство массовыхъ продуктовъ.

§ 4. Какъ было указано, улучшеніе путей сообщенія, приведшее въ концѣ концовъ ко введенію парового транспорта, явилось выраженіемъ стремленія промышленности къ расширенію,—стремленія, которое составляетъ основную черту капиталистическаго строя. Это улучшеніе путей сообщенія въ то же время составляетъ необходимое условіе дальнѣйшаго развитія капитализма, такъ какъ въ противномъ случаѣ сфера его вліянія оказалась бы слишкомъ ограниченной. Дѣйствительно, основнымъ условіемъ самой возможности появленія капитализма является общественное раздѣленіе труда, и первый капиталъ появляется въ роли торговаго капитала, т. е. простого посредника въ обмѣнѣ произведеній различныхъ общественныхъ группъ. Но роль этаго капитала была ничтожна, пока эти группы территоріально стояли близко другъ къ другу, какъ городъ и деревня среднихъ вѣковъ. Когда же развитіе сношеній,—въ періодъ большихъ морскихъ открытій XIV и XV вѣковъ,—вызвало потребность взаимнаго обмѣна между весьма отдаленными странами, роль капитала, какъ посредника въ обмѣнѣ, очень быстро возрастаетъ. На почвѣ этихъ, главнымъ образомъ заморскихъ, сношеній развилась, какъ мы знаемъ, мануфактура и постепенно вытѣснила тѣ первобытныя формы

промышленности, какія до нея являлись выраженіемъ общественнаго раздѣленія труда.

Но если отдаленность производителя отъ потребителя являлась въ первое время необходимымъ условіемъ возникновенія самаго капитала, то съ развитіемъ капиталистической промышленности то же разстояніе явилось тормозомъ для дальнѣйшаго расширенія ея. Капитализмъ, сначала при помощи мануфактуры, а затѣмъ фабрики, развилъ производительность труда въ такой высокой степени, что, съ одной стороны, производимый имъ продуктъ не могъ найти себѣ потребителя на мѣстѣ и долженъ былъ искать болѣе отдаленныхъ рынковъ, а съ другой—подвозка матеріаловъ въ необходимомъ количествѣ становилась крайне затруднительной. Такъ какъ эти затрудненія сказывались болѣе рѣзко въ сухопутномъ транспортѣ, чѣмъ въ морскомъ, то и примѣненіе пара, какъ двигателя, на сушѣ явилось ранѣе и быстрѣе развивалось, чѣмъ въ морскихъ и вообще водныхъ сношеніяхъ (хотя пароходъ и былъ построенъ ранѣе паровоза).

Словомъ, разстояніе и невозможность транспорта матеріаловъ и продуктовъ, въ моментъ возникновенія парового транспорта, представлялись единственными препятствіями къ безграничному росту промышленности, какъ въ видѣ роста отдѣльныхъ предпріятій, такъ и въ видѣ сосредоточенія ея въ одной странѣ.

И дѣйствительно, въ первый моментъ по устраненіи этаго препятствія, развитіе шло въ такомъ направленіи, которое, казалось, оправдывало надежды на возможность безграничнаго роста и концентраціи промышленности. Англія, стоявшая во главѣ промышленно-развитыхъ странъ, стала еще болѣе расширять свою промышленную дѣятельность со времени введенія парового транспорта и, казалось, скоро вполнѣ монополизируетъ промышленность. Однако, самый процессъ этаго развитія необходимо вызывалъ явленія, противодѣйствующія такому сосредоточенію. Чтобы англійская промышленность могла развиваться, ей, съ одной стороны, нужны были рынки для сбыта продукта, а, съ другой — еще раньше надо было добыть матеріалъ для приготовленія самаго продукта. Англія, правда, обладала двумя незамѣнимыми для нея дарами природы—углемъ и желѣзомъ; но эти продукты,—хотя и очень важные какъ средства производства,—все же суть именно только средства производства, а не предметы непосредственнаго потребленія; и если они и могли служить предметами сбыта въ другія страны, то только постольку, поскольку послѣднія развивали у себя отрасли промышленности, потребляющія уголь и желѣзо. Одной изъ наиболѣе важныхъ въ этомъ смыслѣ отраслей и являлись желѣзныя дороги, которыя вначалѣ въ большинствѣ странъ стараго и новаго

свѣта, дѣйствительно, строились исключительно изъ англійскаго желѣза и продовольствовались часто углемъ изъ англійскихъ же копей.

Однако, какъ ни важны желѣзодѣлательная и угольная промышленности для экономическаго преобладанія Англіи, все же это преобладаніе создано было первоначально не этими отраслями, а тѣми, которыя доставляли предметы непосредственнаго потребленія, на первомъ мѣстѣ всѣми видами прядильно-ткацкихъ производствъ. И это совсѣмъ не случайность, а необходимое явленіе, что названныя отрасли развиваются гораздо ранѣе, чѣмъ горное дѣло. Такой порядокъ былъ не въ одной Англіи, а рѣшительно во всѣхъ странахъ. При неустройствѣ путей сообщенія, какое имѣло мѣсто вездѣ до развитія парового транспорта (напримѣръ, Англія въ мануфактурный періодъ), промышленность можетъ концентрироваться въ болѣе или менѣе крупныя предпріятія, принимать капиталистическій характеръ только при томъ непремѣнномъ условіи, что переработываемый матеріалъ относительно дорогъ и потому можетъ доставляться изъ довольно отдаленныхъ мѣстностей. Вотъ почему шерстяная мануфактура, переработывающая одинъ изъ самыхъ дорогихъ матеріаловъ, была первой развитой мануфактурой Англіи, и если она впослѣдствіи и должна была уступить свое мѣсто хлопчато-бумажной мануфактурѣ, то это простое слѣдствіе самой дороговизны шерстяныхъ товаровъ, въ силу которой они не могли служить предметомъ потребленія массъ. А разъ производство приняло такіе размѣры, что должно было разсчитывать на народныя массы, какъ главныхъ потребителей своихъ товаровъ, то, волей-неволей, оно должно было избрать иной матеріалъ для переработки.

Пріобрѣтеніе этихъ матеріаловъ для мануфактуръ Англіи вело къ необходимости для нея не только продавать свои товары, но и пріобрѣтать въ обмѣнъ матеріалы. Но мало этаго: постепенное отвлеченіе массы населенія отъ земледѣлія къ промышленности лишало Англію возможности продовольствоваться своими земледѣльческими продуктами, а слѣдовательно, и эти послѣдніе она должна была вымѣнивать въ другихъ странахъ на произведенія своихъ мануфактуръ. Но страны, которыя могли доставлять Англіи избытокъ своего хлѣба, лежали, большею частью, внутри материковъ, и чтобы ихъ хлѣбные избытки можно было подвезти къ морю, необходимо было предварительно построить желѣзныя дороги. Нужные для этой постройки матеріалы легко могли быть доставлены Англіей, и дороги, какъ упомянуто выше, дѣйствительно, были выстроены, но въ результатѣ оказалось слѣдующее. Съ развитіемъ путей сообщенія во внутреннихъ, материковыхъ странахъ, въ нихъ развилась и промышленность, которая скоро вступила въ конкуренцію съ англійской, сначала на внутреннемъ рынкѣ страны, а позднѣе и на рынкахъ тѣхъ

странъ, которыя еще не успѣли развить у себя промышленности. Словомъ, оказалось, что Англія настоящаго времени въ гораздо меньшей степени обладаетъ промышленной монополіей, чѣмъ Англія полвѣка назадъ. Чтобы выяснить, какъ это произошло, а вмѣстѣ и уяснить себѣ вліяніе развитія путей сообщенія на экономическую жизнь общества вообще, разсмотримъ послѣдовательно тѣ явленія, которыя вызываетъ это развитіе.

Какъ было упомянуто, введеніе парового транспорта вызываетъ, прежде всего, весьма широкое развитіе промышленности и раньше другихъ странъ въ Англіи, которой принадлежала иниціатива въ постройкѣ дорогъ. Такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ двигателемъ сдѣлался паръ, промышленность сосредоточилась въ городахъ, то очевидно, что, параллельно развитію промышленности должно было идти и развитіе городовъ, разумѣя подъ городомъ въ экономическомъ смыслѣ всякое поселеніе, жители котораго не занимаются земледѣліемъ.

Ростъ городовъ въ Англіи совершенно понятенъ. Въ первое время росли именно большіе города, уже достигшіе ранѣе значительной численности населенія, что въ немалой степени зависѣло отъ слѣдующаго обстоятельства. Желѣзнодорожные дѣятели еще не понимали значенія тарификаціи по цѣнности и устанавливали одинаковые тарифы какъ для матеріаловъ, такъ и для болѣе дорогихъ продуктовъ фабрикъ, въ силу чего фабрикатъ получалъ возможность распространяться изъ одного центра на очень обширное разстояніе и этими центрами и явились ранѣе сложившіеся города. Итакъ, параллельно росту промышленности подъ вліяніемъ парового транспорта, возрастаетъ и городское населеніе. Такъ, въ Англіи въ 1801 году не было ни одного города съ милліоннымъ населеніемъ, и только населеніе Лондона было болѣе 100,000 (958 т. жит.). Въ половинѣ столѣтія (1851 году) Лондонъ уже считаетъ $2^1/_3$ милліона населенія; въ 1881 г.—3.842,000 жителей, а по послѣдней переписи 1891 года—4.468,000. Рядомъ съ этимъ замѣчается возрастаніе городовъ съ населеніемъ, превышающимъ 100 тысячъ. Такъ, въ 1851 году таковыхъ насчитывалось семь, а въ 1881 году число ихъ возрастаетъ до 20 и въ 1891 до 22-хъ.

Во Франціи городское населеніе въ 1846 году составляло 24,4% всего населенія страны; въ 1881 году—34,76%.

Въ Германіи въ 1800 году было только два города съ населеніемъ, превышающимъ 100 тысячъ человѣкъ, это—Берлинъ и Гамбургъ; въ 1849 году Берлинъ имѣетъ 424,700 жителей, и есть уже еще пять городовъ съ населеніемъ, большимъ ста тысячъ каждый; къ 1880 году населеніе Берлина возрастаетъ до 1122 тысячъ, и кромѣ того имѣется четыре города съ населеніемъ отъ 200 до 500 тысячъ; 9—съ населеніемъ отъ 100 до 200 тысячъ и 7 городовъ свыше 90 тысячъ жителей каждый.

Но лучшей иллюстраціей вліянія желѣзныхъ дорогъ на ростъ городского населенія являются С.-А. Соединенныя Штаты. Въ 1810 году еще не было ни одного города съ населеніемъ въ 100 тысячъ жителей; Нью-Іоркъ и Филадельфія въ то время имѣли около 96 тысячъ жителей каждый. Но затѣмъ ростъ городовъ выражается данными нижеслѣдующей таблицы роста поименованныхъ городовъ и числа городовъ съ населеніемъ высшимъ, чѣмъ 100 тысячъ жителей.

Года.	Нью-Іоркъ.	Филадельфія.	Число городовъ, имѣвшихъ болѣе 100 тыс. жит. каждый.
1856	508 т. ж.	406 т. ж.	7
1870	942 » »	» » »	14
1880	1206 » »	846 » »	20
1890	1500 » »	болѣе 1 мил.	28

Нужно замѣтить, что при этомъ растутъ не только тѣ города, которые и раньше были велики, но особенно быстро возрастаютъ болѣе мелкіе города. Дѣйствительно, при паровомъ транспортѣ должно пасть значеніе центральнаго города, какъ мѣста, куда являются со своимъ продуктомъ производители всѣхъ районовъ для совершенія здѣсь торговыхъ сдѣлокъ; въ этомъ смыслѣ его мѣсто занимаетъ теперь каждая желѣзно-дорожная станція, стягивающая къ себѣ продукты съ значительнаго района и служащая первоначально только мѣстомъ торговыхъ сдѣлокъ, а впослѣдствіи нерѣдко пріобрѣтающая и промышленное значеніе.

Особенно яркую иллюстрацію этаго положенія даютъ Соединенные Штаты, гдѣ, напр., Чикаго въ короткое время достигъ милліоннаго населенія и грозитъ перерости въ ближайшемъ будущемъ болѣе удобно расположенные при прежнихъ условіяхъ транспорта и болѣе старые города, изъ которыхъ только Нью-Іоркъ и Филадельфія пока еще превышаютъ его по населенности, остальные же далеко превзойдены имъ. Процессъ возрастанія городовъ сохраняетъ свой характеръ во всѣхъ странахъ. Въ Германіи и Англіи, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ уменьшеніе преобладанія наиболѣе крупныхъ центровъ (Берлинъ, Лондонъ) сказывается въ томъ, что населеніе второстепенныхъ городовъ растетъ быстрѣе населенія этихъ важнѣйшихъ центровъ, съ одной стороны вслѣдствіе быстраго возрастанія самаго числа городовъ, а съ другой—вслѣдствіе болѣе быстраго прироста ихъ населенія. Такъ, по даннымъ англійской статистики, съ 1881 года до 1891 г. городское населеніе собственно Англіи и Уэльса возросло въ среднемъ на 15,3 %; по отдѣльнымъ группамъ городовъ это увеличеніе колебалось такъ:

Населеніе городовъ, имѣвшихъ					
болѣе	250	т. ж.	возросло	на	9,1 %
отъ	150 до 250	т. ж.	»	»	19,1 %
»	50 » 100	» »	»	»	22,9 %
»	20 » 50	» »	»	»	22,5 %
»	10 » 20	» »	»	»	18,9 %
»	3 » 10	» »	»	»	9,6 %
имѣвшихъ менѣе	3	» »			2,6 %

Максимумъ прироста даютъ, слѣдовательно, средніе города съ населеніемъ отъ 50 до 100 т. жит. и отъ 20 до 50 тыс. жителей. Между тѣмъ Лондонъ возросъ всего на 10,4 %; Манчестеръ не только не далъ прироста, но даже потерялъ 35,000 жителей, т. е. уменьшился на 6,9 %, тогда какъ Кардифъ, главный угольный портъ Англіи, показалъ повышеніе населенія на 55,7 %. Если же мы соединимъ въ одну группу 28 самыхъ крупныхъ городовъ, изъ которыхъ только шесть имѣютъ менѣе ста тысячъ (минимумъ 82,7 т.), то окажется, что населеніе ихъ возросло только на 10,2 %, т. е. гораздо ниже средняго возрастанія городского населенія въ этотъ періодъ, равнаго 15,3 %. Статистика другихъ странъ подтверждаетъ указанный характеръ развитія, и потому причину этаго явленія слѣдуетъ искать въ какомъ-либо факторѣ, вліяющемъ одинаково во всѣхъ странахъ.

§ 5. Такой ходъ развитія городовъ обнаруживаетъ передъ нами явленіе, которое можно назвать *«разсѣяніемъ промышленности»*; а это явленіе несомнѣнно есть результатъ вліянія парового транспорта, какъ мы сейчасъ докажемъ. Дѣйствительно, нельзя представить себѣ городъ въ 100 тыс. жителей безъ фабричной промышленности. Но имѣются и прямыя доказательства, что здѣсь происходитъ разсѣяніе промышленности. Такое доказательство даетъ намъ статистика С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ промышленность постепенно передвигалась съ востока на западъ по мѣрѣ движенія въ томъ же направленіи земледѣльческаго населенія. Благодаря этому передвиженію, западъ по нѣкоторымъ отраслямъ промышленности въ послѣднее время даже превзошелъ востокъ. Въ приводимой ниже таблицѣ это движеніе промышленности очень ясно; въ ней данъ процентъ цѣнности продуктовъ промышленности, произведенныхъ различными группами штатовъ, размѣщенными по географическимъ районамъ.

Штаты.	1850 г.	1880 г.
Сѣверо-Атлантическіе . . .	70,5 %	59,65 %
Сѣверо-Центральные	14,4 %	28, 9 %

Относительно превалирующее значеніе Сѣверо-Атлантическихъ Штатовъ за 30 лѣтъ пало; тогда какъ въ Сѣверо-Центральныхъ Штатахъ, которые и теперь еще остаются преимущественно земледѣльческими (Огайо, Индіана, Иллинойсъ, Мичиганъ, Висконсинъ. Миннезотта, Айова, Дакота, Небраска и Канзасъ), за эти 30 лѣтъ относительная производительность удваивается.

До сихъ поръ мы констатировали распространеніе промышленности по территоріямъ отдѣльныхъ государствъ. Но явленіе разсѣянія промышленности еще рѣзче сказалось въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли во всемірной торговлѣ за послѣднее время и были констатированы первоначально Нейманомъ - Спаллартомъ, назвавшимъ это явленіе «перемѣщеніемъ центра тяжести всемірнаго хозяйства». По его мнѣнію, этотъ переворотъ заключается въ томъ, что «звѣзда Англіи закатывается: новыя свѣтила появляются на горизонтѣ». Съ нашей же точки зрѣнія, замѣченное имъ паденіе англійской промышленной и торговой гегемоніи есть слѣдствіе прогрессивнаго разсѣянія промышленности, въ силу котораго для Англіи создается конкуренція, отчасти континентальными европейскими странами, а отчасти Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и въ послѣднее время даже Японіей. Слѣдующія цифры Неймана-Спалларта показываютъ относительное паденіе Англіи, какъ торговаго и промышленнаго центра. Обороты всемірной торговли въ 1861—1868 гг. выражались 44,2 милліардами марокъ, изъ коихъ на долю Англіи приходилось 10,6 милліардовъ марокъ, т. е. 24 % всего оборота. Въ 1882 году изъ 81 милліарда марокъ общаго оборота на Англію приходится всего 19,5 % всего оборота.

То же явленіе повторяется по отношенію къ отдѣльнымъ отраслямъ промышленности. Такъ, о каменноугольномъ производствѣ имѣются слѣдующія данныя:

Годъ.	Произведено милліоновъ тоннъ		Въ процентахъ.	
	Великобританіей.	Всѣмъ міромъ.	Великобританія.	Др. государ.
1868	104,8	195,5	53,3	46,7
1883	166,4	409,0	40,7	59,3

Тѣ же данныя для желѣзодѣлательнаго производства:

Годъ.	Произведено милліоновъ тоннъ		Въ процентахъ.	
	Весь міръ.	Англія.	Англія.	Другія государства.
1868	11,50	5,05	44,1	55,9
1883	22,05	8,63	39,1	60,9

Съ 1883 года желѣзное производство Англіи постоянно колеблется около 9 мил. тоннъ, тогда какъ производство всѣхъ странъ расширяется. Особенно Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты уже въ 1885 г. дости-

гаютъ $4^1/_2$ мил. тоннъ, а за послѣдніе годы не разъ обгоняли англійское производство, т. е. добывали болѣе 9 м. т.

Особенно ярко констатируется относительное паденіе въ области хлопчато-бумажнаго производства, искони считавшагося національной гордостью Англіи. Такъ, въ 1856 году Англія переработывала 60,3% всего привозимаго въ Европу хлопка, а въ 1882 году—только 52,3%. Что касается странъ внѣевропейскихъ, то тамъ сравнительно съ Англіей ростъ этаго производства колоссаленъ: съ 1871 по 1883 годъ въ Англіи хлопчато-бумажное производство повысилось на 32%, а въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ—на 112%.

Смыслъ всѣхъ этихъ цифръ ясенъ: Англія должна поступиться частью своего производства въ пользу другихъ странъ. Дѣло въ томъ, что, до проведенія желѣзныхъ дорогъ, выгоды дешевыхъ и отличныхъ путей сообщенія составляли монополію Англіи, которая пользовалась прекрасными внутренними водными путями и моремъ. Теперь, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ глубь континентовъ, тѣ преимущества, которыя давало Англіи ранѣе ея островное положеніе, теряютъ большую долю своего значенія. Побѣда англійскихъ фабрикатовъ надъ кустарными произведеніями Европы и эволюція земледѣлія, происходящая подъ вліяніемъ проведенія желѣзныхъ дорогъ, создали во многихъ европейскихъ странахъ цѣлыя арміи разорившихся мелкихъ производителей, предлагающихъ дешевый трудъ и переполнившихъ европейскіе города.

§ 6. Конечно, вліяніе желѣзныхъ дорогъ на земледѣліе не было вполнѣ однородно, потому что и состояніе земледѣлія въ разныхъ странахъ и вообще уровень ихъ экономическаго развитія былъ различенъ въ моментъ появленія желѣзныхъ дорогъ. Тѣмъ не менѣе въ характерѣ земледѣлія, а слѣдовательно, и вліяніи на него желѣзныхъ дорогъ было много общаго, по крайней мѣрѣ, для странъ удаленныхъ отъ моря, континентальныхъ. Дѣйствительно, эти страны, въ моментъ проведенія въ нихъ желѣзныхъ дорогъ, вели полунатуральное хозяйство, т. е. такое, въ которомъ обмѣнъ былъ слабо развитъ. Это значитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что земледѣліе велось рутинно, технически нераціонально, техника и самый выборъ растеній не соотвѣтствовали естественнымъ условіямъ страны. Земледѣлецъ не стремился произвести продукта болѣе того, что было нужно для удовлетворенія его собственныхъ потребностей, такъ какъ продукты не находили себѣ сбыта, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ производить все необходимое для него самого, не взирая на то, что культура нѣкоторыхъ растеній не соотвѣтствовала природѣ мѣстности. Но съ появленіемъ желѣзныхъ дорогъ возникаетъ спросъ на земледѣльческіе продукты и нерѣдко по очень высокимъ, сравнительно съ мѣстными, цѣнамъ. Конечно, при этомъ требуются не всѣ тѣ продукты, которые

производятся земледѣліемъ, или самъ земледѣлецъ находитъ выгоднымъ сбывать только нѣкоторые продукты и, очевидно, прежде всего тѣ, которые наилучшимъ образомъ родятся на его землѣ при данномъ положеніи техники, при существующихъ пріемахъ культуры. Такъ какъ для такихъ экспортныхъ продуктовъ важна еще относительно значительная способность сохранять возможно долго свою потребительную цѣнность, а такими продуктами земледѣлія, особенно первобытнаго, является на первомъ мѣстѣ зерно, то, въ силу этаго, хозяйства дѣлаются быстро односторонними — зерновыми: культура зерна расширяется въ ущербъ производству различныхъ матеріаловъ (ленъ, шерсть и т. п.). Эта односторонность земледѣльческаго производства вынуждаетъ переходъ къ денежному хозяйству, такъ какъ земледѣлецъ нуждается теперь въ рынкѣ не только для сбыта своихъ продуктовъ, но и для пріобрѣтенія тѣхъ изъ нихъ, которые съ переходомъ къ производству для рынка онъ пересталъ получать въ своемъ хозяйствѣ; онъ является на рынкѣ не только продавцемъ, но и покупателемъ.

Прежде всего онъ начинаетъ покупать мануфактурныя издѣлія, замѣняющія тѣ произведенія кустарничества или домашняго производства, для которыхъ теперь у земледѣльца нѣтъ матеріала. Уже эти потребности земледѣльца въ рынкѣ вызываютъ образованіе городовъ, служащихъ центрами для обмѣна. Но затѣмъ очень скоро оказывается, что односторонняя культура, являющаяся первымъ слѣдствіемъ открытія сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, ведетъ къ очень рѣзкимъ колебаніямъ урожаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ пониженію средняго уровня ихъ. Для поддержанія же правильнаго хозяйства и возстановленія урожайности почвъ, требуется переходъ къ улучшенной техникѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этаго слова. Понятно, что такой переходъ не можетъ быть совершенъ сразу всей массой земледѣльцевъ, и всегда найдется болѣе или менѣе значительная часть лицъ, не сумѣвшихъ приспособиться къ новымъ условіямъ и разорившихся. Эти-то разоренные земледѣльцы, освободившись отъ земли, должны выселиться изъ селъ и искать заработка. Они образуютъ первый контингентъ промышленныхъ рабочихъ въ городахъ (особенно, если это бывшіе кустарники) и первыя арміи переселенцевъ въ новыя, малонаселенныя страны.

§ 7. Указанный процессъ передвиженія населенія изъ селъ въ города совершается тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе въ странѣ господствовало мелкое землевладѣніе, такъ какъ тогда число разорившихся значительно болѣе. Такъ какъ капиталъ появляется уже ранѣе въ качествѣ посредника при обмѣнѣ,—купеческаго капитала, то, слѣдовательно, налицо имѣется и капиталъ, и живая рабочая сила, ищущая приложенія и не

имѣющая средствъ производства; естественно, что эти двѣ силы соединяются и даютъ начало капиталистической промышленности.

Развитіе промышленности поощряется здѣсь многими обстоятельствами: во 1-хъ, совершающійся въ земледѣліи переходъ къ новой техникѣ требуетъ улучшенныхъ орудій, которыя не всегда могутъ доставляться надлежащаго качества изъ странъ развитаго капитализма; во-вторыхъ, желѣзныя дороги требуютъ массы предметовъ, матеріалы для которыхъ могутъ оказаться подъ рукою (желѣзо, уголь и т. д.). Если при этомъ и тѣ матеріалы, изъ которыхъ изготовляются предметы мануфактуръ для массоваго потребленія, окажутся налицо,—какъ это имѣло мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ относительно хлопка,—то, конечно, нѣтъ сомнѣнія, что развитіе промышленности пойдетъ очень быстро, а съ нею вмѣстѣ будутъ развиваться и города.

Съ переходомъ населенія въ города, съ развитіемъ внѣземледѣльческихъ промысловъ (т. е. не одной обработывающей, но и горной, и всякой другой промышленности, но промышленности, не связанной съ земледѣліемъ, какъ связано кустарничество), подъ вліяніемъ парового транспорта, измѣняется и самый характеръ земледѣлія. Уже фактъ увеличенія городовъ вліяетъ на земледѣліе, доставляя обширные рынки его продуктамъ. Благодаря близости этихъ новыхъ рынковъ, является возможность сбыта такихъ, не выдерживающихъ дальняго пути, товаровъ, какъ овощи, фрукты, молоко и т. п. Весьма важное вліяніе на характеръ земледѣлія оказываетъ также довольно давно замѣченная особенность въ питаніи городского населенія сравнительно съ сельскимъ, а именно, относительно бо́льшее потребленіе животной пищи, особенно мяса. Эта особенность продовольствія городовъ даетъ возможность производить въ бо́льшемъ размѣрѣ продукты животноводства, т. е. увеличить культуру кормовыхъ растеній всѣхъ видовъ (травъ, корнеплодовъ и проч.), что́ вноситъ разнообразіе въ культуру и потому уменьшаетъ зависимость урожаевъ отъ случайныхъ колебаній въ погодѣ; другими словами, урожаи, а еще болѣе доходы становятся болѣе постоянными. Кромѣ того, земледѣлецъ въ прежнее время могъ производить тотъ или другой продуктъ для рынка только въ размѣрѣ, въ какомъ можно было доставить его туда при помощи той рабочей силы животныхъ, которая имѣлась у него въ свободное отъ другой работы время,—иначе доставка на рынокъ дѣлалась невыгодной. При паровомъ транспортѣ можно сбывать продуктъ въ какомъ угодно количествѣ и почти независимо отъ цѣнности его, тогда какъ въ прежнее время только высокоцѣнные продукты выдерживали болѣе или менѣе далекую перевозку. Благодаря увеличившейся быстротѣ движенія, теперь можно транспортировать на огромныя разстоянія даже легко портящійся товаръ. Парижъ, напримѣръ,

получаетъ молоко изъ-за сотенъ верстъ. Все это вызываетъ новыя перемѣны въ характерѣ производства. Теперь земледѣлецъ можетъ не производить продукта, почему-либо не подходящаго къ мѣстнымъ условіямъ, производство котораго для него является невыгоднымъ, а покупать его на рынкѣ за болѣе низкую цѣну; тогда какъ раньше онъ долженъ былъ непремѣнно произвести все необходимое ему для потребленія. Словомъ, съ переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному — хозяйство приспособляется къ мѣстнымъ естественнымъ условіямъ, земледѣліе становится *болѣе раціональнымъ*, и въ концѣ концовъ въ этой области является довольно рѣзко выраженное раздѣленіе труда.

Было бы неумѣстно входить здѣсь въ подробности относительно распредѣленія отраслей сельскаго хозяйства по различнымъ районамъ *), но необходимо замѣтить, что это распредѣленіе отнюдь нельзя смѣшивать съ тою односторонностью въ земледѣльческой культурѣ, которая является въ первый моментъ по введеніи парового транспорта въ нѣкоторыхъ областяхъ. Таковы, именно, области глубокаго континента, до проведенія желѣзныхъ дорогъ лишенныя почти вполнѣ возможности сношеній съ болѣе или менѣе отдаленными странами, и потому, не смотря на плодородіе своихъ почвъ, вынужденныя производить хлѣбъ и другіе, малотранспортабельные продукты земледѣлія — только въ размѣрахъ мѣстнаго спроса на нихъ. Такія страны (напр., наши степи и американскія преріи) въ то время представляли весьма характерный образецъ того района, который Тюненъ, въ своей схемѣ распредѣленія системъ хозяйства, назвалъ райономъ «дикаго скотоводства». Здѣсь, дѣйствительно, было развито дикое скотоводство, продуктами котораго являлись, съ одной стороны, полудикій, малокультурный, годный только для употребленія въ качествѣ рабочаго или полумясного скота — рогатый скотъ, съ другой стороны—овечья шерсть, шкуры разныхъ домашнихъ животныхъ и сало ихъ. Эти-то продукты животноводства, благодаря ихъ высокой цѣнности и транспортабельности, и являлись единственными предметами вывоза изъ даннаго района.

Съ проведеніемъ въ такой районъ желѣзныхъ дорогъ картина хозяйства въ немъ быстро измѣняется. Значительный спросъ на зерно въ страны промышленныя поощряетъ населеніе заняться разработкой лежащихъ втунѣ огромныхъ пространствъ плодородной дѣвственной почвы, а наплывъ населенія,—преимущественно изъ числа разорившихся земледѣльцевъ болѣе заселенныхъ странъ,—даетъ и возможность начать или расширить культуру зерновыхъ хлѣбовъ. Эта культура на первыхъ порахъ оказывается столь выгодной, что скоро посѣвы хлѣбовъ въ значи-

*) Указаніе этаго распредѣленія входитъ въ задачу экономики земледѣлія.

тельной мѣрѣ вытѣсняютъ скотоводство, и нерѣдко стремленіе произвести возможно больше хлѣба приводитъ къ непрерывнымъ, безъ всякихъ промежутковъ, посѣвамъ хлѣбовъ другъ за другомъ или даже къ непрерывному воздѣлыванію одного и того же хлѣба, напр. пшеницы. Но такое утрированно-зерновое хозяйство должно скоро уступить мѣсто болѣе регулированному хозяйству,—хотя также съ преобладаніемъ зерновыхъ растеній, но со введеніемъ въ культуру и растеній иного назначенія, напр., кормовыхъ. При этомъ, слѣдовательно, нашъ районъ останется зерновымъ, т. е. главный рыночный продуктъ его будетъ зерно, только теперь уже не одно хлѣбное зерно, а тѣмъ болѣе одинъ только видъ хлѣба, какъ прежде,—а зерна разныхъ растеній, въ томъ числѣ, напр., масличныхъ или кормовыхъ травъ и т. п.; но рядомъ съ зерномъ въ хозяйствахъ района будутъ производиться и другіе продукты, напр., разные продукты животноводства (шерсть, масло, сыръ и т. п.), назначенные отчасти для мѣстныхъ, вновь возникшихъ рынковъ—городовъ, отчасти для экспорта въ болѣе отдаленные районы.

Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, здѣсь не будетъ однообразія въ культурѣ, а напротивъ, производимыя растенія будутъ довольно разнообразны. Если же, при всемъ томъ, можно сказать, что этотъ районъ спеціализировался въ производствѣ, точнѣе, въ поставкѣ на всемірный рынокъ, зерновыхъ продуктовъ, то эта спеціализація вызывается приспособленіемъ къ мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ, а отчасти и экономическимъ (отсутствіе большихъ городовъ и относительно слабая населенность) условіямъ района. Такого рода спеціализацію мы и разумѣли выше, и она необходима въ каждомъ районѣ. Въ этой спеціализаціи выражается то, что агрономы называютъ раціональностью хозяйства, и безъ нея немыслимо доходное земледѣльческое хозяйство въ современномъ мірѣ.

§ 8. Изъ всего предыдущаго мы въ правѣ заключить, что паровой транспортъ, обезпечивъ крупнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ окончательную побѣду надъ мелкимъ ремесленнымъ производствомъ, способствовалъ не только абсолютному возрастанію обрабатывающей промышленности, но и распространенію предпріятій этаго именно типа, какъ по территоріи отдѣльныхъ странъ, такъ и во всемъ современномъ мірѣ.

Теперь разстояніе района отъ моря, отъ мѣста сбыта продукта и, наконецъ, отъ мѣста производства основныхъ и подсобныхъ матеріаловъ не имѣетъ уже того рѣшающаго значенія для помѣщенія промышленныхъ предпріятій, какое эти обстоятельства имѣли при прежнихъ условіяхъ транспорта.

Однако, паровой транспортъ не въ состояніи устранить также

быстро другіе факторы, опредѣляющіе хозяйственную дѣятельность различныхъ районовъ. Нивеллируя, какъ мы сейчасъ увидимъ, цѣны, онъ тѣмъ самымъ требуетъ для каждаго продукта равной трудовой цѣнности во всѣхъ районахъ его производства, а потому обезпечиваетъ за особенно благопріятнымъ для данной отрасли райономъ преимущество надъ остальными. Конечно, благодаря отчасти тому же уравненію цѣнъ, а также сложности условій производства, естественныя преимущества районовъ, за немногими исключеніями, теряютъ всякое значеніе по отношенію къ обработывающей промышленности, и она становится космополитической, тѣмъ болѣе, что необходимыя для ея существованія экономическія условія создаются, можно сказать, самимъ паровымъ транспортомъ.

Но въ промышленности добывающей, какъ горные промыслы и сельское хозяйство, естественныя, равно какъ и исторически-сложившіяся экономическія условія имѣютъ несравненно болѣе важное значеніе. Теперь мы укажемъ на горную промышленность, которая должна локализироваться еще надолго въ районахъ густо населенныхъ, интенсивныхъ. Причина этаго лежитъ въ самой техникѣ послѣдней, требующей затраты большого количества живого труда, при маломъ, сравнительно, основномъ капиталѣ. Размѣръ добычи опредѣляется количествомъ рабочихъ и почти не зависитъ отъ основного капитала, поэтому горно-промышленныя предпріятія являются наиболѣе крупными по числу занятыхъ въ каждомъ изъ нихъ рабочихъ. Вотъ что даютъ наиболѣе полныя изслѣдованія въ этомъ направленіи германской статистики.

Изъ всѣхъ вообще промышленныхъ предпріятій Германіи только 2974, т. е. 1 %, имѣютъ болѣе 50 человѣкъ, и изъ этаго числа 42,9% падаетъ на горные промыслы. Разсматривая послѣдніе отдѣльно, получимъ слѣдующую группировку по числу занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Всѣхъ горнопромышленныхъ предпріятій 2016; изъ нихъ 81 предпріятіе имѣютъ болѣе 1000 рабочихъ каждое, что̀ составляетъ 4,04% всѣхъ предпріятій; отъ 200 до 1000 рабочихъ имѣютъ 412 предпріятій, что̀ составляетъ 20,78%, и имѣющихъ отъ 200 до 50 рабочихъ 611 предпріятій, или 30,3%.

Сопоставимъ эти цифры съ другими отраслями. Предпріятій, имѣющихъ рабочихъ болѣе 1000 человѣкъ, во всей Германіи всего только 127; слѣдовательно, $^2/_3$ изъ нихъ (81) горнопромышленныя. Въ машиностроеніи,—гдѣ число такихъ предпріятій наибольшее послѣ горнопромышленныхъ,—подобныя предпріятія составляютъ менѣе $^1/_2$%; въ бумагопрядильныхъ процентъ предпріятій даже второй величины (отъ 200 до 1000 рабочихъ) доходитъ только до пяти. Процентъ предпріятій, имѣющихъ болѣе 1000 рабочихъ, и число рабочихъ, приходящихся въ среднемъ на

одно предпріятіе по различнымъ отраслямъ горной промышленности, видны изъ слѣдующей таблицы:

ОТРАСЛИ:	% предпріятій, им. болѣе 1000 раб. каждое.	Средн. число рабочихъ на каждое предпріятіе.
Каменноугольная	12,33%	487
Рудное дѣло	7,04%	234
Соляныя копи	6,25%	—
Добываніе желѣза и стали . .	2,14%	136
Изъ другихъ производствъ наиболѣе крупны.		
Фабрики паровыхъ машинъ . .	2,29%	128

Число рабочихъ, занятыхъ въ крупныхъ горныхъ предпріятіяхъ, имѣющихъ каждое болѣе 50 человѣкъ рабочихъ, составляетъ 94,7% всѣхъ горнорабочихъ. На одно горное предпріятіе въ среднемъ приходится 165 человѣкъ, при чемъ минимальное считается въ 11 человѣкъ.

Всѣ эти факты говорятъ, что горные промыслы требуютъ массы рабочихъ рукъ. Располагать такою массою незанятыхъ рабочихъ можетъ только страна, въ которой земля сдѣлалась недоступной для рабочаго, и гдѣ города переполнены ищущимъ работы населеніемъ, т. е. страна интенсивная, съ развитымъ капитализмомъ. Въ странахъ же экстенсивныхъ, гдѣ капитализмъ еще не успѣлъ развиться, и земля болѣе доступна рабочему, можетъ долго лежать, не подвергаясь разработкѣ, значительный запасъ природныхъ ископаемыхъ богатствъ, и именно благодаря недостатку въ рабочихъ рукахъ.

Что, дѣйствительно, интенсивныя страны имѣютъ преимущества въ дѣлѣ добычи горныхъ продуктовъ, за это говорятъ и слѣдующіе факты. Англія гораздо медленнѣе уступаетъ свое первенство западной Европѣ именно въ отрасляхъ горной промышленности; и горное дѣло въ странахъ, бывшихъ недавно экстенсивными, развивается очень постепенно, даже и подъ вліяніемъ цѣлаго ряда протекціонныхъ мѣръ.

Единственнымъ исключеніемъ, съ перваго взгляда, являются Сѣв.-Ам. Соединенные Штаты, въ которыхъ горные промыслы развились очень быстро и достигли блестящихъ результатовъ. Однако, этотъ фактъ вполнѣ объясняется, съ одной стороны, высокимъ спросомъ на дорогіе сорта желѣза подъ вліяніемъ быстраго роста желѣзнодорожной сѣти (стальные рельсы), что̀ при такомъ далекомъ разстояніи отъ Англіи привлекло къ этой отрасли значительные капиталы, а съ другой стороны—тѣмъ, что въ Америку являются изъ интенсивныхъ странъ значительныя массы переселенцевъ, уже на родинѣ оторванныхъ отъ земли, превращенныхъ въ типичныхъ рабочихъ и часто даже ранѣе уже занимавшихся горными промыслами. Изъ европейскихъ же континентальныхъ странъ до сихъ

поръ только Германія и Бельгія производятъ достаточное для внутренняго потребленія количество угля; Франція на цѣлую треть, а другія страны еще на большую долю своего потребленія продовольствуются англійскимъ или бельгійскимъ углемъ. Кажущееся исключеніе изъ этаго правила, представляемое въ послѣднее время Россіей, объясняется, кромѣ запретительныхъ пошлинъ, еще относительно значительной лѣсистостью нашихъ промышленныхъ областей и слабымъ развитіемъ промышленности.

ГЛАВА IV.

Образованіе рыночныхъ цѣнъ товаровъ.

§ 1. Выяснивши ходъ обращенія товаровъ вообще и главныя условія современнаго обращенія ихъ, мы разсмотримъ теперь, какъ образуются рыночныя цѣны товаровъ.

До сихъ поръ мы принимали, что рыночныя цѣны продуктовъ совпадаютъ съ ихъ цѣнностью. Но уже первые классическіе экономисты указывали, что рыночныя цѣны постоянно отступаютъ отъ цѣнностей товаровъ, и что цѣнность представляетъ только тотъ средній пунктъ, около котораго колеблются цѣны. Эти колебанія вызываются именно конкуренціей или, иначе, отношеніемъ между предложеніемъ и спросомъ. Мы видѣли, что Марксъ устанавливаетъ иной средній пунктъ, около котораго должны, по его мнѣнію, колебаться рыночныя цѣны,— это такъ называемая «цѣна производства». Но, конечно, и онъ не отрицалъ вліянія конкуренціи на временныя колебанія цѣнъ. Посмотримъ нѣсколько ближе, въ чемъ должно выражаться вліяніе на цѣны товаровъ конкуренціи или колебанія соотношенія между спросомъ и предложеніемъ.

Что касается конкуренціи собственно, то сущность ея значенія сводится къ слѣдующему: каждый изъ конкурирующихъ между собою производителей желаетъ продать возможно болѣе произведеннаго имъ товара и съ этою цѣлью понижаетъ цѣны; такъ, по крайней мѣрѣ, по теоріи. Практически же дѣло стоитъ такъ: каждый производитель стремится, конечно, сбыть свой товаръ съ возможно бо̀льшей выгодой, и въ этомъ отношеніи, можно сказать, аппетитъ капиталиста совершенно неограниченъ. Потому предѣлъ повышенію цѣны полагаютъ всегда только соперничество производителей однороднаго товара,—«предложеніе» товара,—или «запросъ» со стороны потребителей товара. Естественно, когда конкуренція становится равной нулю, т. е. капиталистъ-производитель становится монопольнымъ поставщикомъ даннаго товара на

рынокъ, тогда онъ стремится получить возможно высокую цѣну. Но потребители товара, съ своей стороны, не только желаютъ пріобрѣсти товаръ дешево, но даже и вообще могутъ уплачивать за извѣстный товаръ только извѣстную максимальную цѣну: если цѣна превзойдетъ извѣстную норму, они должны будутъ отказаться отъ потребленія даннаго товара и, конечно, тѣмъ скорѣе: во 1-хъ, чѣмъ менѣе важную потребность удовлетворяетъ товаръ; во 2-хъ, чѣмъ менѣе состоятельны потребители, и въ 3-хъ, чѣмъ бо́льшая масса товара требуется для удовлетворенія потребности. Но и обратно: 1) чѣмъ болѣе настоятельна та потребность, удовлетворенію которой служитъ данный предметъ; 2) чѣмъ болѣе состоятельны потребители, и 3) чѣмъ менѣе потребуется для удовлетворенія потребности товара даннаго рода,—тѣмъ болѣе можетъ повышаться цѣна товара безъ уменьшенія спроса на него. Но повышеніе цѣны товара до крайняго предѣла возможно только въ томъ случаѣ, когда извѣстный производитель является монополистомъ по снабженію даннымъ товаромъ того или другого рынка. При обыкновенныхъ же условіяхъ рынка, т. е. при возможности конкуренціи на рынкѣ нѣсколькихъ производителей, дѣло измѣняется: каждый изъ конкурентовъ можетъ повысить цѣну товара только въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ это дѣлаютъ другіе конкуренты; иначе его товаръ не будетъ проданъ.

Но чѣмъ же руководствуются эти производители, назначая цѣну товара? По ученію классической экономіи (а еще болѣе, пародіи ея—вульгарной экономіи) выходитъ, что все дѣло здѣсь въ соотношеніи между спросомъ и предложеніемъ: повышается спросъ на товаръ, повышается и цѣна его; спросъ падаетъ, или увеличивается предложеніе,—цѣны понижаются. Марксъ, какъ было указано, вводитъ нѣкоторую правильность въ регулированіе цѣнъ; а мы старались показать, что для достиженія того результата, ради котораго Марксъ находитъ нужнымъ ввести «цѣну производства»,—т. е. для уравненія прибыли разныхъ предпріятій, нѣтъ надобности въ отступленіи цѣнъ товаровъ отъ ихъ цѣнности. Потому естественно, поскольку продажа товара по его трудовой цѣнности соотвѣтствуетъ полученію капиталистомъ средней прибыли,—онъ только въ крайности можетъ согласиться продать его по низшей цѣнѣ. Такія отступленія, конечно, довольно часто вынуждаются стремленіемъ капиталистическаго производства къ непрерывному расширенію и возникающимъ отсюда перепроизводствомъ товара. Мы видѣли, однако, что стремленіе къ расширенію производства вызывается техникой производства и обусловливаемыми той же техникой соотношеніями видовъ капиталовъ въ производственныхъ группахъ, и имѣемъ основаніе предполагать, что техника производства не можетъ оставаться безъ вліянія на уровень цѣнъ. Потому необходимо разсмотрѣть образованіе цѣнъ това-

ровъ по группамъ, соотвѣтственно характеру ихъ производственной техники. Но прежде еще нужно выяснить вліяніе на цѣны нѣкоторыхъ условій обращенія, именно транспорта.

§ 2. Подъ вліяніемъ парового транспорта и вообще улучшенія сношеній, конкуренція между производителями и потребителями, регулирующая спросъ и предложеніе, достигаетъ наивысшей степени развитія. Прежде, при невозможности далекаго транспорта товаровъ, предложеніе ихъ ограничивалось тѣмъ кругомъ производителей, которые могли доставить свой товаръ на данный рынокъ, и этотъ кругъ былъ тѣмъ уже, чѣмъ хуже были пути сообщенія;—потому легко возникала монополизація даннаго рынка. Равнымъ образомъ, и спросъ на товаръ представлялся только тѣмъ кругомъ потребителей, которымъ товаръ могъ быть доставленъ производителемъ, и потребности которыхъ были болѣе или менѣе извѣстны. При современныхъ же способахъ транспорта и сношеній, если не для всѣхъ, то для очень многихъ товаровъ районъ конкурирующихъ производителей и потребителей опредѣляется размѣрами всемірнаго рынка. Естественно, что при этихъ условіяхъ всякія временныя колебанія цѣнъ, вызываемыя несоотвѣтствіемъ между запросомъ и снабженіемъ рынка, должны были уменьшаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, то же ускореніе сношеній (особенно благодаря телеграфу и періодической печати) и удешевленіе транспорта должно было повліять нивеллирующимъ образомъ на разность цѣнъ товаровъ на разныхъ рынкахъ. Таковы общія и безспорныя вліянія улучшенія сношеній на цѣны всѣхъ товаровъ. Разсмотримъ же, какъ отразилось это вліяніе на различныхъ группахъ товаровъ, въ зависимости отъ качествъ каждаго вида товара и техники его производства.

§ 3. Первыми предметами международнаго торга въ сколько-нибудь значительномъ размѣрѣ сдѣлались произведенія мануфактуръ и фабрикъ. Это объясняется ихъ относительной дороговизной, т. е. большой цѣнностью единицы вѣса такого товара. Потому эти товары всегда были наиболѣе способны къ далекому транспорту, и потому же ихъ цѣны въ разныхъ странахъ должны были выравняться ранѣе цѣнъ другихъ товаровъ. Наибольшей полноты такое выравненіе достигаетъ, однако, только подъ вліяніемъ ускоренія и удешевленія транспорта и улучшенія сношеній, дающаго возможность болѣе точно опредѣлить запросъ того или другого рынка. Въ подобномъ же положеніи оказываются теперь и другія произведенія обработывающей промышленности, поскольку они не употребляютъ не вездѣ доступныхъ слишкомъ громоздкихъ матеріаловъ, или не требуютъ приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ, какъ это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, относительно земледѣльческихъ орудій и машинъ. Возможность распространенія продуктовъ названнаго рода въ очень

широкомъ районѣ обусловливается, помимо ихъ цѣнности, также и тѣмъ, что продукты эти выдерживаютъ долгое храненіе безъ потери своей потребительной цѣнности. Наконецъ, легкость выравненія ихъ цѣнъ на разныхъ рынкахъ обусловливается, можно сказать, самымъ составомъ ихъ цѣнности, т. е. тѣмъ отношеніемъ, въ которомъ разные элементы цѣнности товара (стоимость матеріаловъ, доля погашенія основного капитала и доля перемѣннаго капитала) входятъ въ общую сумму этой цѣнности. Цѣнность такихъ товаровъ опредѣляется, именно, на первомъ мѣстѣ цѣнностію матеріаловъ, потребленныхъ при ихъ изготовленіи, такъ какъ, вслѣдствіе огромной производительности труда въ изготовляющихъ ихъ отрасляхъ, доли основного и перемѣннаго капиталовъ образуютъ ничтожный процентъ ихъ цѣнности. А чѣмъ цѣннѣе эти матеріалы, тѣмъ менѣе вообще можетъ быть разность между цѣнами ихъ въ разныхъ мѣстахъ; разность же цѣнностей товаровъ, произведенныхъ изъ нихъ, должна быть еще менѣе, потому что (по закону установленія тарифовъ по цѣнности транспортируемыхъ грузовъ) выдѣланные товары будутъ платить большую сумму за перевозку, чѣмъ матеріалы для ихъ изготовленія. Практикуемый паровыми транспортными средствами способъ тарификаціи (по цѣнности) составляетъ, какъ мы видѣли, одно изъ условій, благопріятствующихъ развитію мануфактуры въ странахъ, еще не вступившихъ на путь капиталистическаго производства ко времени постройки желѣзныхъ дорогъ. Самое же появленіе мануфактуръ въ новыхъ странахъ, въ свою очередь, создаетъ здѣсь конкуренцію произведеніямъ промышленности старыхъ странъ и не позволяетъ имъ монополизировать рынокъ страны. Потому по отношенію къ товарамъ этой группы не можетъ быть сомнѣнія, что цѣнности ихъ быстро уравниваются въ разныхъ странахъ. Этимъ не исключается еще возможность того, что товары странъ болѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи, а, слѣдовательно, съ болѣе производительнымъ трудомъ, продаются на рынкахъ странъ менѣе развитыхъ нѣсколько выше своей внутренней цѣнности, сообразно тому, насколько трудъ въ этихъ странахъ болѣе производителенъ. Однако, принимая во вниманіе, что въ новыхъ странахъ капиталистическое производство сразу принимаетъ ту технику, при которой работаетъ и производство странъ старыхъ, производительность труда въ одной и той же отрасли не можетъ значительно разниться въ разныхъ странахъ; притомъ и происходящая вслѣдствіе различія въ производительности промышленнаго труда разность въ цѣнности продукта въ разныхъ странахъ должна отчасти компенсироваться тѣмъ, что въ странахъ съ низшей производительностью фабричнаго труда матеріалы, играющіе важную роль въ производствѣ, дешевле (напримѣръ, топливо, шерсть въ Россіи сравнительно съ Англіей),

а рабочая плата почти всегда ниже, благодаря низкому уровню потребностей рабочаго, и, во всякомъ случаѣ, тѣ расходы, которые падаютъ на всякій продуктъ въ видѣ доли ренты (подъ постройками) въ новыхъ странахъ также всегда ниже. Такимъ образомъ мы въ правѣ заключить, что цѣнность продуктовъ мануфактуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ рыночныя цѣны въ разныхъ странахъ должны уравняться, какъ только капитализмъ овладѣетъ производствомъ настолько, что цѣны товаровъ будутъ опредѣляться имъ, а не кустаремъ и ремесленникомъ.

Противъ этаго вывода можно возразить, что, признавъ его, нельзя объяснить извѣстнаго стремленія новыхъ странъ ограждать себя высокой пошлиной отъ ввоза произведеній развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ, что обыкновенно мотивируется болѣе высокой стоимостью производства товаровъ въ новыхъ странахъ, а, слѣдовательно, заставляетъ предполагать и болѣе высокую цѣнность ихъ. Это противорѣчіе объясняется слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, въ новыхъ странахъ, носящихъ характеръ странъ земледѣльческихъ, первымъ видомъ капитала, который, какъ было указано, является и опредѣляющимъ норму прибыли, всегда бываетъ капиталъ торговый. Во-вторыхъ, такъ какъ земледѣлецъ здѣсь независимый производитель-работникъ, то, какъ замѣчено Марксомъ, здѣсь почти всегда продукты земледѣлія отчуждаются производителемъ по цѣнѣ далеко низшей, чѣмъ ихъ внутренняя цѣнность. Между тѣмъ, эти товары, являясь на всемірный рынокъ, конкурируютъ здѣсь съ продуктами, продаваемыми по полной ихъ цѣнности или, во всякомъ случаѣ, по цѣнѣ, опредѣляемой капиталистическимъ расчетомъ, т. е. по цѣнѣ производства Маркса.

Обыкновенно признаютъ, что стоимость и цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ въ старыхъ странахъ выше, чѣмъ въ новыхъ; допуская это, придемъ къ выводу, что торговецъ, купивъ продуктъ новой страны ниже его дѣйствительной цѣнности и перепродавъ его въ старой странѣ по цѣнѣ, опредѣляемой цѣнностью производства въ этой именно странѣ, слѣдовательно высшей, чѣмъ цѣнность товара въ новой странѣ, долженъ получить значительную прибыль. Но, даже принимая, что цѣнность продуктовъ въ тѣхъ и другихъ странахъ одинакова, все же окажется, что капиталистъ-торговецъ, пріобрѣтая товаръ земледѣльца по цѣнѣ, едва покрывающей стоимость производства (во всякомъ случаѣ не всегда покрывающей прибыль, не говоря о рентѣ), продаетъ его на всемірномъ рынкѣ по полной цѣнности его и, слѣдовательно, получаетъ прибыль, которая значительно превышаетъ прибыль такого же торговца, а слѣдовательно, и всякаго иного капиталиста старыхъ странъ.

Потому-то въ новыхъ странахъ средній уровень прибыли, точнѣе, процентъ дохода отъ предпріятія, стоитъ выше, чѣмъ въ старыхъ, и,

чтобы капиталистъ рѣшился вложить свой (торговый) капиталъ въ промышленное предпріятіе, нужно, чтобы ему былъ гарантированъ тотъ высокій процентъ дохода на капиталъ, который онъ могъ бы извлечь, какъ торговецъ. Для этаго онъ долженъ продавать товаръ выше его цѣнности, и возможность такого повышенія достигается здѣсь введеніемъ таможенныхъ пошлинъ.

Такимъ образомъ, отклоненіе отъ цѣнности товаровъ обусловливается не условіями производства, а распредѣленіемъ капиталовъ общества и именно преобладаніемъ торговаго капитала. Но такое состояніе можетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока накопленіе капиталовъ (которое здѣсь, благодаря высокой прибыли, происходитъ быстро) не вынудитъ капиталистовъ употребить бо́льшую часть ихъ на производство, въ силу чего опредѣлителемъ уровня прибыли и процента дохода отъ предпріятій сдѣлается уже капиталъ производительный, промышленный, а не торговый.

Какъ только будетъ достигнуто такое положеніе вещей, то не останется мотивовъ для отклоненія цѣнъ отъ цѣнностей въ этихъ новыхъ странахъ, какъ нѣтъ ихъ, какъ мы видѣли, и въ старыхъ. А такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однообразіе техники и незначительность разницы въ цѣнѣ матеріаловъ, а равно и другія, указанныя выше, условія даютъ основаніе думать, что и цѣнность продуктовъ будетъ приблизительно одинакова въ разныхъ странахъ, то, слѣдовательно, разность уровней цѣнъ въ разныхъ странахъ достигнетъ своего minimum'а, опредѣляемаго стоимостью транспорта, которая теперь весьма незначительна.

§ 4. Изъ сказаннаго уже видно, что разность уровней цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ въ странахъ старыхъ и новыхъ будетъ гораздо болѣе значительна, чѣмъ продуктовъ обработывающей промышленности. Но, тѣмъ не менѣе, здѣсь остается въ силѣ законъ уравненія цѣнъ, или стремленія къ такому уравненію, подъ вліяніемъ пониженія стоимости транспорта. Правда, цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, которыя устанавливаются въ новыхъ странахъ спустя нѣкоторое время по соединеніи ихъ со всемірнымъ рынкомъ, не соотвѣтствуютъ цѣнности продукта, но, будучи убыточны для хозяевъ, онѣ и не могутъ держаться долго. Кромѣ того, сближеніе цѣнъ съ цѣнностями происходитъ здѣсь въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, съ распространеніемъ въ новыхъ странахъ промышленности и городовъ, производство главнѣйшаго продукта, поступающаго на всемірный рынокъ (особенно, если это зерно), должно нѣсколько сократиться, отчего цѣна повысится; съ другой стороны, увеличеніе раціональности земледѣлія и производительности земледѣльческаго труда, понижая стоимость производства продукта, приблизитъ цѣнность товара къ его рыночной цѣнѣ. Насколько, однако, цѣны, уста-

навливающіяся подъ вліяніемъ ввоза изъ новыхъ странъ, не соотвѣтствуютъ цѣнности производства въ старыхъ странахъ, настолько онѣ вызываютъ здѣсь необходимость огражденія страны пошлинами на земледѣльческіе продукты,—и эта необходимость тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе количество лицъ, заинтересованныхъ въ высокомъ уровнѣ цѣнъ, т. е. чѣмъ болѣе раздроблено землевладѣніе, чѣмъ болѣе господствуетъ хозяйство собственниковъ и чѣмъ менѣе развита аренда. Этимъ объясняется, почему Англія удерживаетъ свободу ввоза хлѣба, тогда какъ, напримѣръ, Германія и Франція ввели очень высокую пошлину на хлѣбъ. Въ первой странѣ господствуетъ арендное хозяйство, и введеніе пошлинъ увеличило бы только доходы незначительной относительно группы землевладѣльцевъ; въ остальныхъ же хозяйничаютъ сами землевладѣльцы, земельная собственность болѣе раздроблена, и пониженіе ренты вызываетъ уменьшеніе доходовъ весьма значительной части населенія.

Относительно цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ остается прибавить еще слѣдующее. Существовавшее ранѣе мнѣніе, будто, съ увеличеніемъ приложенія капиталовъ къ землѣ, повышается цѣнность и стоимость земледѣльческаго продукта, опровергается уже сказаннымъ объ этомъ предметѣ въ теоріи ренты. Тамъ мы видѣли, что и Марксъ не призналъ этаго положенія Рикардо, хотя и допускаетъ его возможность. Но выше мы указали, что, по крайней мѣрѣ въ извѣстный моментъ экономическаго развитія, страны новыя, съ неразвитымъ капитализмомъ, продаютъ свой товаръ—на первомъ мѣстѣ хлѣбъ—значительно дешевле странъ интенсивныхъ. Такое положеніе есть только выраженіе извѣстнаго историческаго момента, и чѣмъ быстрѣе пойдетъ развитіе новыхъ странъ и распредѣленіе отдѣльныхъ отраслей земледѣльческаго производства между различными областями, чѣмъ вообще раціональнѣе сдѣлается хозяйство всѣхъ областей, тѣмъ скорѣе наступитъ моментъ, когда такое явленіе сдѣлается невозможнымъ и ненужнымъ. Понятно, чѣмъ болѣе будетъ территорія вновь втягиваемыхъ помощью новыхъ путей сообщенія въ обороты всемірнаго рынка странъ, чѣмъ плодороднѣе, особенно относительно зерна, эта территорія, тѣмъ долѣе можетъ продолжаться этотъ порядокъ вещей. Въ послѣднія 20—25 лѣтъ такое втягиваніе все новыхъ и новыхъ странъ въ обороты всемірной торговли совершается съ поразительной быстротою, и этимъ, на первомъ мѣстѣ, объясняется то небывалое пониженіе цѣнъ продуктовъ земледѣлія, которое характеризуется именемъ земледѣльческаго кризиса. Но мы видѣли, что тотъ самый факторъ, который вызываетъ этотъ наплывъ дешеваго хлѣба въ страны съ высокоразвитой промышленностью, т. е. паровой транспортъ, можно сказать, вынуждаетъ въ областяхъ, вывозящихъ хлѣбъ, основаніе обрабатывающей и вообще внѣземледѣльче-

ской промышленности и, усиливая такимъ образомъ общественное раздѣленіе труда, съ одной стороны, повышаетъ производительность всѣхъ видовъ труда, съ другой—предъявляетъ къ земледѣлію отъ лица вновь образовавшагося городского населенія такія требованія, которыя вынуждаютъ измѣненіе характера земледѣлія, заставляя земледѣльца направить производство главнымъ образомъ на удовлетвореніе въ бо́льшей мѣрѣ требованіямъ мѣстнаго рынка и, слѣдовательно, занять почву, на которой онъ производилъ экспортируемое зерно, для производства иныхъ товаровъ. Конечно, это не значитъ, что эти страны, по переходѣ къ болѣе раціональному и болѣе интенсивному хозяйству, лишатся вообще возможности экспортировать хлѣбъ, но большая обезпеченность земледѣльца дастъ ему возможность установить и болѣе правильную цѣну за свой продуктъ, а кромѣ того и абсолютное количество вывоза можетъ нѣсколько уменьшиться, вслѣдствіе развитія внутренняго потребленія, хотя масса произведеннаго хлѣба и возрастетъ.

Спрашивается, какъ установится тогда рыночная цѣна хлѣба? Будетъ ли она опредѣляться производительностью худшихъ почвъ, какъ думаютъ Рикардо и Марксъ, или она, подобно цѣнамъ произведеній обрабатывающей промышленности, будетъ опредѣляться цѣнностью продукта? Въ сущности вопросъ этотъ уже разрѣшенъ сказаннымъ въ теоріи ренты. Если, уже при настоящемъ развитіи техники и сношеній, нельзя признать существованія разностной ренты и, слѣдовательно, опредѣленія цѣны земледѣльческаго продукта по стоимости производства на худшихъ почвахъ, то тѣмъ болѣе—съ дальнѣйшимъ прогрессомъ какъ въ земледѣльческой техникѣ, такъ и въ развитіи сношеній, когда, какъ было показано, должно возникнуть такое распредѣленіе отраслей производства и примѣненіе такой техники, что каждая область или даже каждое отдѣльное хозяйство будутъ производить наиболѣе соотвѣтствующіе даннымъ природнымъ и экономическимъ условіямъ продукты,—тогда тѣмъ болѣе нельзя представить себѣ такого состоянія. Дѣйствительно, производить наиболѣе соотвѣтствующіе продукты, при помощи наиболѣе соотвѣтствующихъ техническихъ пріемовъ, значитъ не что иное, какъ производить возможно дешево (по суммѣ затраты авансированнаго капитала). Различіе въ производительности каждаго рода почвъ и каждаго района будетъ тогда *только качественное*, цѣнность же ихъ продуктовъ будетъ совершенно одинакова. Такимъ образомъ, только отношеніе доли постояннаго капитала къ долѣ, произведенной живымъ трудомъ въ цѣнности продукта, можетъ колебаться, и въ зависимости отъ этаго будетъ колебаться и сумма прибавочной цѣнности, присвояемой каждымъ производителемъ; величина же этой суммы будетъ постольку вліять на величину ренты, поскольку прибыль на капиталъ, вложенный

въ предпріятіе, будетъ поглощать бо́льшую или меньшую долю прибавочной цѣнности. Мы видѣли, что для продуктовъ обработывающей промышленности нѣтъ основанія допускать отступленіе цѣны ихъ отъ цѣнности; точно также нѣтъ основанія для такого отступленія и по отношенію къ продуктамъ земледѣлія, ибо и здѣсь тѣ мотивы, которые приводятся въ оправданіе такого повышенія цѣнъ для продуктовъ «лучшихъ» почвъ, не выдерживаютъ критики. Поэтому, въ концѣ концовъ, мы должны признать, что продукты земледѣлія, по минованіи переживаемаго теперь переходнаго періода, будутъ обращаться по полной своей цѣнности.

§ 5. Обратимся теперь къ изученію условій, опредѣляющихъ цѣны продуктовъ горнаго промысла. Въ извѣстномъ смыслѣ совершенно вѣрно замѣчаніе Маркса, что горная промышленность отличается отъ обработывающей тѣмъ, что капиталы въ ней чрезвычайно низкаго сложенія, то есть въ составѣ ихъ перемѣнный капиталъ является значительно преобладающимъ надъ капиталомъ постояннымъ. Не менѣе вѣрно и другое замѣчаніе того же автора, что продукты (извѣстные) горнаго промысла весьма рѣдко или, точнѣе, никогда не продаются по своей полной трудовой цѣнности, а всегда значительно ниже этой цѣнности. Марксъ, однако, не объясняетъ причины такого несоотвѣтствія, такъ какъ онъ, признавая, что цѣны всѣхъ вообще товаровъ не соотвѣтствуютъ ихъ цѣнностямъ, а значительно отличаются отъ нихъ (опредѣляются цѣною производства), считаетъ этотъ случай совершенно нормальнымъ и только подверждающимъ его теорію. Между тѣмъ, вопросъ о цѣнѣ продуктовъ этаго рода рѣшается на основаніи совершенно другихъ соображеній. Прежде всего, слѣдуетъ имѣть въ виду, что горные промыслы, во 1-хъ, являются (исключая добыванія драгоцѣнныхъ металловъ, о которыхъ будетъ рѣчь въ отдѣлѣ о деньгахъ) почти исключительной принадлежностью странъ высокоразвитыхъ въ промышленномъ отношеніи и въ особенности тѣхъ странъ, гдѣ и земледѣльческій промыселъ принялъ уже рѣзко выраженный капиталистическій характеръ, а это, какъ указано выше, есть слѣдствіе именно состава капиталовъ ихъ; во 2-хъ, трудъ здѣсь хотя и можетъ быть высоко интенсивнымъ, но, благодаря почти полной невозможности примѣненія машинъ и вообще средствъ, увеличивающихъ производительность его,—трудъ этотъ является мало производительнымъ. Въ 3-хъ, продуктъ самаго промысла имѣетъ значеніе потребительной цѣнности только тогда, когда масса его значительна, а это ведетъ, въ связи съ указаннымъ выше, къ тому, что размѣры каждаго отдѣльнаго предпріятія должны быть значительны. Факты, какъ мы видѣли, подтверждаютъ, что именно въ горной промышленности число работниковъ на каждое предпріятіе болѣе, чѣмъ въ какой-либо

другой отрасли. Въ 4-хъ, будучи предметомъ массоваго потребленія, продуктъ долженъ быть дешевъ, иначе не найдетъ себѣ потребителей. Въ 5-хъ, важнѣйшія изъ произведеній горнаго промысла, по ихъ общественному значенію и по величинѣ потребности въ продуктахъ,—каменный уголь и желѣзо,—представляютъ въ гораздо большей мѣрѣ матеріалы-средства производства, чѣмъ предметы непосредственнаго потребленія. Потому потребность въ этихъ продуктахъ всегда должна быть выше въ странахъ съ высокоразвитой промышленностью, гдѣ къ тому же каменному углю и отчасти желѣзу почти не приходится конкурировать съ другими видами матеріаловъ, замѣняющихъ ихъ, каковыми въ странахъ новыхъ, еще не успѣвшихъ уничтожить свои естественные лѣса является древесное топливо и древесные строительные матеріалы.

Всѣ эти особенности производства объясняютъ намъ, почему, съ, одной стороны, эти отрасли развиваются почти исключительно въ высокоразвитыхъ промышленныхъ странахъ, съ другой—почему продукты ихъ обращаются на рынкѣ по цѣнѣ значительно ниже ихъ трудовой цѣнности. Если требуется собрать значительную рабочую армію, то это, конечно, несравненно легче въ странахъ, гдѣ низшіе классы (рабочіе) не имѣютъ доступа къ землѣ, которая вся аппропріирована капиталистами и, во всякомъ случаѣ, имѣетъ высокую рыночную цѣну. Въ странахъ же новыхъ еще относительно мало освобожденнаго отъ земли населенія, да и то, которое образуется, разсчитываетъ снова возвратиться къ земледѣлію и нерѣдко, уже проработавъ нѣсколько времени въ копяхъ, бросаетъ это занятіе, почему никогда нельзя быть увѣреннымъ въ возможности добыть необходимую рабочую силу—главный элементъ производства въ данномъ случаѣ. Наконецъ, чтобы передвинуть этотъ малоцѣнный (по цѣнѣ рынка) товаръ, нужны усовершенствованные пути сообщенія, и здѣсь—въ новыхъ странахъ зависимость горнаго промысла отъ развитія желѣзныхъ дорогъ тѣмъ больше, что, съ одной стороны, эти дороги являются, на первыхъ порахъ, главнѣйшими потребителями его продуктовъ, а съ другой—благодаря незначительному развитію промышленности вообще, продуктъ, чтобы найти потребителей помимо ближайшихъ желѣзныхъ дорогъ, долженъ быть перевезенъ на значительныя разстоянія отъ мѣста добычи.

Но если продуктъ долженъ производиться въ старыхъ странахъ, то какъ должна опредѣляться его цѣна? Чтобы установить это, нужно указать еще нѣкоторыя особенности техники производства. Если мы говоримъ, что въ этой отрасли играетъ весьма важную роль перемѣнный капиталъ, то это еще не значитъ, что здѣсь совсѣмъ не существуетъ капитала постояннаго. Напротивъ, послѣдній существуетъ и именно въ видѣ основного капитала, тогда какъ оборотный постоянный капиталъ въ

видѣ матеріаловъ (если не считать незначительнаго количества взрывчатыхъ веществъ), можно сказать, совершенно отсутствуетъ. Это обстоятельство совершенно упущено изъ виду или игнорировано Марксомъ, что̀ объясняется тѣмъ, что здѣсь основной капиталъ имѣетъ совершенно оригинальный видъ, каковымъ именно и опредѣляется характеръ производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и способъ установленія цѣны продукта. Прежде всего, основной капиталъ здѣсь составляютъ самые рудниковые ходы (штольни, шахты) со всей ихъ обстановкою. Хотя для созданія этаго капитала не требовалось почти никакого матеріала, а только приложеніе живого труда, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто при постройкѣ насыпей или выемокъ для полотна желѣзной дороги,—но тѣмъ не менѣе шахты и всѣ рудниковые ходы представляютъ основной капиталъ горнаго предпріятія. Отличіе этаго капитала отъ основныхъ капиталовъ другихъ промышленныхъ предпріятій состоитъ въ томъ, что онъ, равно какъ и вся матеріальная обстановка шахтъ и рудниковъ, характеризуется крайней непрочностью, быстрымъ изнашиваніемъ, а потому требуетъ сильной затраты на ремонтъ и возобновленіе. Сверхъ того этотъ капиталъ подверженъ огромному риску потери отъ непредвидимыхъ случайностей (взрывы газовъ, обвалы и т. п.). Понятно, что уже свойства этаго вида капитала должны побуждать владѣльца предпріятія возможно болѣе извлечь продукта въ данное время, дабы на каждую единицу его падала возможно меньшая доля погашенія цѣнности указанныхъ частей капитала. Но, кромѣ того, въ роли основного капитала здѣсь является сама земля или тѣ нѣдра ея, которыя содержатъ добываемый матеріалъ. Это утвержденіе противорѣчитъ, повидимому, сказанному ранѣе, такъ какъ мы признали, что земля, какъ часть территоріи, эксплуатируемой земледѣльцемъ, не можетъ быть приравнена къ капиталу и не играетъ роли капитала даже и въ томъ случаѣ, когда она была куплена владѣльцемъ, т. е. пріобрѣтена въ обмѣнъ за настоящій денежный капиталъ. Конечно, и въ горномъ промыслѣ земля остается произведеніемъ природы и, не будучи создана трудомъ, не имѣетъ трудовой цѣнности. Но въ производствѣ горнопромышленника земля играетъ роль капитала и можетъ быть уподоблена основному капиталу. Почва земледѣльца при нормальныхъ условіяхъ не изнашивается и потому не требуетъ погашенія: ея потребительная цѣнность не уничтожается и даже не понижается, а, по меньшей мѣрѣ, остается одинаковой или даже повышается. Нѣдра же земли, эксплуатируемыя горнопромышленникомъ, съ каждымъ извлеченнымъ изъ нихъ кускомъ руды или угля теряютъ часть своей потребительной цѣнности, какъ предметъ эксплуатаціи горнопромышленника, и эту цѣнность возстановить никоимъ образомъ нельзя. Слѣдовательно, если горнопромышленникъ пріобрѣлъ эксплуатируемую площадь за деньги,—а это

слѣдуетъ считать тѣмъ болѣе нормальнымъ условіемъ, что мы имѣемъ дѣло съ странами, гдѣ всѣ земли аппропріированы давно и имѣютъ рыночную цѣну,—то капиталистъ долженъ насчитывать погашеніе и прибыль на этотъ капиталъ, какъ и на всякую машину. Но сравнительно съ капиталистами, эксплуатирующими машины, онъ поставленъ въ менѣе выгодное положеніе, ибо, какъ тѣ потребительныя цѣнности, которыя составляютъ добываемый имъ продуктъ, такъ, еще болѣе, его основной капиталъ въ видѣ шахтъ и той обстановки, которая должна находиться въ нихъ ради возможности эксплуатаціи копей, можно сказать, ежеминутно подвергаются риску уничтоженія, отъ котораго онъ, въ противоположность владѣльцу машины, не можетъ даже застраховаться. Вотъ этотъ-то огромный рискъ, связанный съ предпріятіемъ, а также быстрота изнашиванія такихъ частей основного капитала, какъ обстановка рудничныхъ штоленъ и колодцевъ (шахтъ), заставляютъ капиталиста болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ предпріятіи, стремиться возможно скорѣе извлечь затраченный основной капиталъ. Принимая во вниманіе, что количество добытаго продукта опредѣляется, можно сказать, только количествомъ эксплуатируемыхъ рабочихъ силъ, необходимо заключить, что для достиженія указанной цѣли капиталистъ долженъ стремиться занять возможно бо́льшую рабочую армію. Но мало произвести продуктъ, нужно еще сбыть его; и, въ данномъ случаѣ, это тѣмъ болѣе важно, что продуктъ крайне громоздокъ, и хранить его трудно уже въ силу этой громоздкости. По какимъ же цѣнамъ можетъ быть сбытъ продуктъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ опредѣляется слѣдующими соображеніями: 1) Для капиталиста выгодно возможно быстрѣе извлечь матеріалъ изъ почвы; 2) онъ долженъ сбывать и производить его большими массами и, наконецъ, 3) какъ извѣстно, значительныя массы какого бы то ни было товара могутъ найти себѣ сбытъ только при условіи низкой цѣны единицы товара; — принимая все это во вниманіе, мы заключаемъ, что и данный товаръ долженъ быть дешевъ.

Разсматривая затѣмъ вопросъ, можетъ ли производитель, получая нормальную прибыль на свой капиталъ, продавать продуктъ дешево? мы находимъ слѣдующее. Для производителя стоимость единицы продукта будетъ тѣмъ ниже, чѣмъ больше извлечено такихъ единицъ въ данное время; ибо тѣмъ меньше доля тѣхъ частей погашенія основного капитала, которыя представляютъ настоящій капиталъ (обстановка копей и пр.), и тѣмъ скорѣе возвратится къ нему капиталъ, затраченный на покупку копи. Но, кромѣ того, производитель заинтересованъ въ возможно быстромъ обращеніи товара, ибо для него это означаетъ уменьшеніе перемѣннаго капитала, а слѣдовательно, и повышеніе годовой нормы прибавочной цѣнности; такое увеличеніе быстроты обращенія опять-

достижимо только пониженіемъ цѣнъ. Такимъ образомъ, техническія условія производства таковы, что, при извѣстной быстротѣ обращенія и возможности сбыта достаточно большой массы товара, окажется выгоднѣе для капиталиста установить возможно низкую цѣну продукта, независимо отъ его трудовой цѣнности. Этимъ будетъ достигнута возможность широкаго сбыта, а такъ какъ стоимость производства единицы продукта падаетъ по мѣрѣ расширенія сбыта, то и цѣна можетъ быть тѣмъ ниже, чѣмъ больше будетъ сбываться товара, и чѣмъ быстрѣе товаръ обращается.

Наконецъ, по отношенію къ цѣнамъ наиболѣе важныхъ продуктовъ горнаго промысла (каменнаго угля и желѣзной руды) нужно еще имѣть въ виду слѣдующее: какъ извѣстно, Рикардо признавалъ, что рудники приносятъ (дифференціальную) ренту на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и почвы, эксплуатируемыя земледѣлемъ, т. е. сообразно ихъ производительности (и Марксъ вполнѣ соглашается съ нимъ).

На дѣлѣ же приведенный законъ образованія цѣны продуктовъ этаго рода приводитъ насъ къ совершенно иному заключенію. Конечно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о томъ, что наиболѣе производительные рудники были первыми, которые поступили въ разработку, и Родбертусъ совершенно правъ, замѣчая, что никто не могъ заглянуть въ нѣдра земли, чтобы опредѣлить производительность того или другого рудника. Тѣмъ не менѣе, различная производительность рудниковъ мыслима, при чемъ,— поскольку рудники различной производительности снабжаютъ углемъ или рудой одинъ и тотъ же районъ,—цѣна опредѣляется наиболѣе производительнымъ рудникомъ, пока добыча его можетъ удовлетворять запросъ, и, слѣдовательно, менѣе производительный рудникъ не можетъ быть взятъ въ разработку. Но, какъ только уменьшеніе производительности болѣе богатаго рудника или увеличеніе запроса вызываетъ повышеніе цѣны продукта, въ конкуренцію можетъ вступить и болѣе бѣдный или болѣе отдаленный рудникъ, и для владѣльца болѣе богатаго рудника можетъ возникнуть рента. Однако, наблюденіе показываетъ, что до сихъ поръ нельзя констатировать сколько-нибудь прочнаго повышенія цѣнъ горныхъ продуктовъ, а наоборотъ, очень значительное пониженіе; если же повышеніе цѣнъ и имѣло мѣсто временно (напримѣръ, въ семидесятыхъ годахъ), то на относительно очень короткіе сроки, послѣ которыхъ наступаетъ обыкновенно очень рѣзкое паденіе цѣнъ. Послѣднее вызывается, съ одной стороны, тѣмъ, что улучшенія техники даютъ возможность разработывать худшіе рудники (напр. дефосфоризація желѣзныхъ рудъ), а съ другой—тѣмъ, что понижается запросъ на продуктъ именно вслѣдствіе повышенія цѣнъ, которое, между тѣмъ, вызвало приложеніе новыхъ капиталовъ въ болѣе производительныхъ рудникахъ (напр. устройство

новыхъ шахтъ), благодаря чему производительность ихъ повысилась, что̀ дало этимъ рудникамъ возможность вытѣснить съ рынка своихъ менѣе счастливыхъ конкурентовъ при первомъ, даже не очень значительномъ паденіи цѣны продукта.

Факты вполнѣ подтверждаютъ высказанныя соображенія. Въ любомъ бюллетенѣ о состояніи горнаго промысла (особенно желѣзныхъ и каменноугольныхъ рудниковъ) можно найти сообщеніе, что, кромѣ дѣйствующихъ рудниковъ и доменныхъ печей (въ которыхъ производится выплавка чугуна), имѣется весьма значительное обыкновенно количество недѣйствующихъ предпріятій того и другого рода. Эти не дѣйствующія въ данный моментъ рудники и копи отнюдь не всѣ принадлежатъ къ выработаннымъ (хотя послѣдніе и находятся въ ихъ числѣ); они только временно оставлены, такъ какъ добыча изъ нихъ матеріала невыгодна при существующемъ уровнѣ цѣнъ. Но, какъ только цѣны начинаютъ повышаться, разработка заброшенныхъ рудниковъ возобновляется, пока новое пониженіе цѣнъ не заставитъ снова закрыть въ нихъ производство. И вообще, ни въ одной отрасли промышленности не существуетъ такого рѣзкаго колебанія числа дѣйствующихъ предпріятій, какъ въ горномъ промыслѣ; это объясняется именно указанными выше условіями производства.

Возможность работать съ прибылью при относительно низкихъ цѣнахъ продукта и постоянное опасеніе появленія конкуренціи при повышеніи цѣны и ведетъ къ тому, что цѣны держатся на очень низкомъ уровнѣ, сравнительно съ цѣнностью продукта. Возникающая такимъ образомъ періодически разностная рента оказывается крайне непрочной. Кстати замѣтимъ, что, именно, въ примѣненіи къ горной промышленности, особенно къ такимъ отраслямъ ея, какъ, напр., производство каменнаго угля, разстояніе играетъ такую же роль, какъ производительность; потому весьма вѣроятно, что Рикардо, отождествляя почти вполнѣ ренту съ рудниковъ съ рентой отъ земледѣлія, этимъ именно отождествленіемъ и былъ введенъ въ заблужденіе и призналъ и въ земледѣліи отдаленіе отъ рынка равносильнымъ ухудшенію качествъ почвы. Но въ горномъ промыслѣ продуктъ совершенно однороденъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне громоздокъ, и для него отдаленіе отъ рынка и стоимость перевозки играютъ рѣшительную роль въ опредѣленіи цѣны. Въ земледѣліи же нѣтъ ни такой громоздкости продукта, ни, тѣмъ болѣе, такого однообразія качествъ продуктовъ разныхъ районовъ или даже хозяйствъ.

Желѣзныя дороги, удешевляя стоимость перевозки особенно такихъ массовыхъ и громоздкихъ продуктовъ, какъ произведенія горнаго промысла, содѣйствуютъ развитію горной промышленности; но, уничтожая

значеніе разстоянія отъ рынка, дешевый транспортъ увеличиваетъ преимущества наиболѣе производительныхъ рудниковъ и расширяетъ районъ ихъ конкурентной способности; выгоды же, получаемыя вслѣдствіе расширенія сбыта, вынуждаютъ собственниковъ такихъ рудниковъ удерживать цѣны продукта на возможно низкомъ уровнѣ, чтобы не дать возможности конкурировать на рынкѣ болѣе отдаленнымъ или менѣе производительнымъ рудникамъ.

Изъ всего сказаннаго мы заключаемъ, что тѣ низкія цѣны продуктовъ горнаго промысла,—по которымъ они теперь обращаются на рынкѣ, и которыя не соотвѣтствуютъ ихъ цѣнности,—будучи вынуждены техникой производства, подъ вліяніемъ парового транспорта должны остаться на прежнемъ уровнѣ, и что, во всякомъ случаѣ, новыя транспортныя условія не могутъ содѣйствовать ихъ поднятію, а, скорѣе, поведутъ къ дальнѣйшему пониженію. Слѣдовательно, пока не произойдетъ существенныхъ измѣненій въ техникѣ производства или передвиженія, до тѣхъ поръ нѣтъ основанія ожидать измѣненій въ способѣ установленія цѣнъ на эти продукты. А это значитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что, не смотря на то, что въ области другихъ отраслей производства современныя условія сношеній ведутъ къ тому, что цѣны продуктовъ все болѣе стремятся приблизиться къ ихъ цѣнностямъ, въ горной промышленности,—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ отрасляхъ ея, которыя доставляютъ продукты массоваго потребленія,—цѣны должны значительно уклоняться отъ цѣнностей, что, конечно, не нарушаетъ закона зависимости цѣнъ отъ цѣнностей, а только указываетъ, что эта отрасль, будучи по сложенію капиталовъ подобной земледѣлію, по роду получаемаго дохода уравнивается съ промышленностью обработывающей, т. е. не даетъ ренты, а только прибыль.

Чтобы покончить съ вопросомъ о цѣнахъ, слѣдуетъ напомнить, что политическая экономія, изучая типическія явленія общественной экономіи, не можетъ и не должна стремиться объяснять частные случаи, могущіе имѣть мѣсто при той или иной комбинаціи условій. Это особенно часто забывается, когда говорятъ о цѣнахъ продуктовъ. Отсюда попытки помощію частныхъ примѣровъ опровергнуть общія положенія науки *) и вообще неправильное отношеніе къ теоріи трудовой цѣнности. Если мы, поэтому, говоримъ, что продукты обмѣниваются на рынкѣ по ихъ цѣнностямъ, то имѣемъ въ виду только общую тенденцію цѣнъ и вовсе не утверждаемъ и не стремимся доказать, что въ каждой куплѣ-продажѣ этотъ законъ находитъ себѣ полное выраженіе.

*) Такова попытка Böhm-Bawerk'a, въ его извѣстномъ сочиненіи Kapital und Kapitalzins-theorien, — опровергнуть трудовую теорію цѣнности, исходя изъ примѣра продажи нѣсколькихъ лошадей на рынкѣ.

§ 6. Съ развитіемъ путей сообщенія тотъ факторъ, который считается регуляторомъ капиталистическаго производства, т. е. конкуренція отдѣльныхъ капиталистовъ, можетъ, какъ показано выше, получить полное развитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, только при наличности такой конкуренціи получаетъ смыслъ выраженіе «средній уровень прибыли», и вообще развиваются всѣ тѣ стороны капиталистическаго хозяйства, которыя являются наиболѣе рѣзкимъ его выраженіемъ.

Выравненіе цѣнъ въ разныхъ мѣстахъ, благодаря конкуренціи производителей, отдѣленныхъ другъ отъ друга часто огромными разстояніями, даетъ совершенно исключительныя преимущества тѣмъ мѣстамъ или тѣмъ хозяйствамъ, которыя почему-либо могутъ производить данный товаръ особенно дешево. Эти преимущества создаютъ возможность для мелкихъ капиталовъ ограничить въ нѣкоторой степени подавляющія преимущества болѣе значительнаго капитала, хотя, конечно, большой капиталъ, уже въ силу своихъ размѣровъ, имѣетъ часто возможность устранить различнаго вида faux frais (безполезныя траты) при производствѣ и легче выдержитъ и нѣкоторыя невзгоды, которыя являются пагубными для мелкихъ капиталовъ.

Конкуренція, однако, бываетъ пагубна не для однихъ только мелкихъ капиталовъ, а и для крупныхъ, когда стремленіе завоевать рынокъ или вытѣснить соперника достигаетъ слишкомъ сильнаго напряженія и ведетъ къ убыточному пониженію цѣнъ. Такое положеніе вещей всего скорѣе возникаетъ въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ производитель имѣетъ особый интересъ увеличить сбытъ продукта, хотя бы и при пониженіи цѣны его; какъ мы видѣли, таковы именно горнопромышленныя предпріятія.

Совершенно подобнымъ же образомъ относятся къ увеличенію сбыта тѣ предпріятія, гдѣ очень большой основной капиталъ соединяется съ небольшимъ перемѣннымъ или вообще оборотнымъ капиталомъ. Таковы, напр., желѣзныя дороги, пароходы, водопроводныя и газопроводныя учрежденія и нѣкоторые виды горнаго промысла (нефтяное дѣло).

Въ этихъ случаяхъ слишкомъ сильное пониженіе цѣны грозитъ разореніемъ огромному большинству предпринимателей и, будучи всегда убыточно для всѣхъ конкурентовъ,—вызываетъ необходимо,—въ случаѣ побѣды одного предпринимателя надъ другими и монополизаціи рынка,—свой противовѣсъ—очень сильное повышеніе цѣнъ, которое снова даетъ возможность появленія конкурентовъ на рынкѣ. Словомъ, является очень частое и неумѣренное колебаніе цѣнъ, связанное съ многочисленными неудобствами, какъ для потребителей, такъ и для производителей товара. Такое положеніе ведетъ, наконецъ, къ образованію союзовъ

предпринимателей данной отрасли съ цѣлью урегулированія цѣнъ. Это такъ называемые картели, синдикаты или тресты.

Какую бы форму ни принимали синдикаты, задача ихъ всегда—регулированіе цѣнъ. Достигается это помощью устраненія излишней конкуренціи, договоромъ между производителями, или раздѣленіемъ областей (рынковъ) между конкурирующими предпріятіями, или установленіемъ общей кассы, или, наконецъ, установленіемъ общаго управленія дѣлами. Въ послѣднемъ случаѣ синдикатъ монополизируетъ производство и торговлю извѣстнымъ продуктомъ, потому, казалось бы, слѣдуетъ ожидать повышенія цѣнъ выше того уровня, который соотвѣтствуетъ среднему уровню прибыли. Однако, такого повышенія фактически, обыкновенно, не происходитъ, вслѣдствіе того, что неумѣренное повышеніе цѣнъ въ однихъ случаяхъ легко вызываетъ конкуренцію, а въ другихъ (напримѣръ, при желѣзныхъ дорогахъ или вообще предпріятіяхъ, имѣющихъ очень значительный основной капиталъ), невыгодно для самихъ производителей, дѣлая невозможнымъ для потребителей пользованіе продуктами предпріятія.

Первые синдикаты, или картели, образовались въ Европѣ въ области горно-промышленныхъ, именно угле- и желѣзо-добывающихъ предпріятій. Подобнымъ образомъ въ С. Штатахъ Америки первое возникновеніе и особенно сильное развитіе trusts (трестовъ) замѣчается въ области желѣзнодорожнаго дѣла, а затѣмъ самую громкую извѣстность пріобрѣтаетъ въ 90-хъ годахъ,—такъ называемая Standard' Oil Company—союзъ керосинозаводчиковъ, достигшій почти полной монополизаціи керосиннаго дѣла. Однако, если это удалось этому союзу, то, можетъ быть, именно потому, что онъ удерживалъ цѣну продуктовъ на умѣренной высотѣ, правильно разсчитывая, что выгоднѣе стремиться къ расширенію производства и сбыта, чѣмъ къ повышенію цѣны. И дѣйствительно, для данной отрасли производства увеличеніе и обезпеченность сбыта имѣетъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что храненіе разъ добытаго продукта представляетъ значительныя трудности и вызываетъ большія потери.

Такимъ образомъ, промышленные тресты, являясь формой предпріятій, имѣющей цѣлью регулированіе цѣнъ, не могутъ быть признаны вредными съ общественной точки зрѣнія; ихъ нельзя отождествлять съ спекулятивными предпріятіями, каковыми должны быть признаны, обратно, стачки торговцевъ, которыя также носятъ названіе синдикатовъ, но имѣютъ въ виду чисто спекулятивное повышеніе цѣны извѣстнаго продукта, безъ всякаго отношенія къ условіямъ производства его, единственно съ цѣлью наживы на разницѣ цѣнъ покупки и продажи. Примѣромъ этаго вида торговыхъ синдикатовъ можетъ служить попытка извѣстнаго директора Société industrielle et commerciale des metaux въ

Парижѣ, Секретана, въ 1887—1889 году организовать синдикатъ для закупки возможно бо́льшаго количества мѣди, съ цѣлью наживы на повышеніи ея цѣны. Попытка потерпѣла крушеніе, потому что повышеніе цѣны повело, съ одной стороны, къ уменьшенію потребленія, а съ другой—вызвало новыя предпріятія, которыя не могли существовать при низкихъ цѣнахъ.

Во всякомъ случаѣ, подобные союзы торговцевъ, равно какъ и союзы производителей (тресты) доказываютъ, что поднятіе цѣнъ товаровъ выше ихъ цѣнностей достигается съ большимъ трудомъ и далеко не такъ легко, какъ считалъ это возможнымъ допустить Марксъ, устанавливая свою теорію средняго уровня прибыли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, неизбѣжность синдикатовъ при извѣстныхъ условіяхъ указываетъ, что конкуренція вовсе не такой непреложный регуляторъ, на дѣйствіи котораго могла бы основываться во всѣхъ случаяхъ нормальная (соотвѣтствующая условіямъ производства и уровню прибыли) цѣна товара.

Но что особенно важно съ теоретической точки зрѣнія,—это то, что въ необходимости основывать регулированіе цѣны продукта на соглашеніи, а не на конкуренціи, сходятся нерѣдко производства, представляющія противоположные полюсы по органическому сложенію ихъ капиталовъ. Таковы, съ одной стороны, такія, какъ каменно-угольное, являющееся представителемъ капиталовъ наиболѣе низкаго сложенія, а съ другой—нефтяное и желѣзнодорожное, какъ представители наиболѣе ярко выраженнаго высокаго сложенія капиталовъ; каковое можетъ имѣть мѣсто только при исключительномъ преобладаніи основного капитала. Это позволяетъ намъ, въ подкрѣпленіе къ сказанному въ теоріи прибыли, сдѣлать выводъ, что тѣ капиталы, цѣны продуктовъ которыхъ устанавливаются дѣйствительно подъ вліяніемъ конкуренціи, вовсе не различаются между собой по сложенію такъ рѣзко, какъ это думалъ Марксъ.

Еще гораздо важнѣе слѣдующее соображеніе. Мы видѣли, что необходимость устраненія конкуренціи, какъ фактора, опредѣляющаго цѣну товара, является выраженіемъ тѣхъ особенностей техники производства, которыя придаютъ данной отрасли ультра-капиталистическій характеръ (соединеніе огромной массы рабочихъ въ одномъ предпріятіи или, наоборотъ, огромный основной капиталъ). Это доказываетъ, что капитализмъ вынуждается въ извѣстныхъ случаяхъ уничтожать тѣ основы, которымъ онъ обязанъ своимъ существованіемъ. Пока цѣны регулируются конкуренціей капиталистовъ, стремленіе каждаго изъ нихъ получить возможно бо́льшую прибыль побуждаетъ ихъ совершенствовать технику производства. Съ уничтоженіемъ конкуренціи импульсъ къ совершенствованію техники пропадаетъ и долженъ наступить техническій застой въ производствѣ, или будутъ вводиться только улучшенія, выгодныя

для монополиста-предпринимателя. Тѣ же улучшенія, которыя особенно выгодны для общества и ко введенію которыхъ капиталистъ вынуждался конкуренціей, теперь могутъ и совсѣмъ не вводиться. Несомнѣнно, слѣдовательно, что монополизація производства синдикатами капиталистовъ окажется, въ концѣ концовъ, вредной для общества. Устраненіе этаго вреда можетъ быть достигнуто въ данномъ случаѣ только обращеніемъ монопольнаго предпріятія въ предпріятіе общественное.

ГЛАВА V.

Ученіе о деньгахъ.

§ 1. Мы видѣли, что въ современномъ мірѣ посредникомъ въ обращеніи товаровъ на рынкѣ являются деньги. Поэтому необходимо разсмотрѣть нѣсколько ближе ихъ функціи, роль въ обращеніи, тѣмъ болѣе, что эта роль дѣлается все болѣе важною по мѣрѣ развитія обращенія, причемъ пріобрѣтаютъ значеніе и такіе вопросы, какъ, напр., вопросъ: изъ чего должны быть сдѣланы деньги?

Деньги являются первоначально какъ общая форма цѣнности, какъ такой товаръ, который желательно получить всѣмъ, именно потому, что его легко обмѣнять на всякіе другіе товары. Уже и въ этомъ случаѣ деньги играютъ двоякую роль: съ одной стороны онѣ представляютъ орудіе мѣны, съ другой—мѣрило цѣнностей. Какъ орудіе мѣны, деньги могутъ и не имѣть трудовой цѣнности, или эта цѣнность можетъ не соотвѣтствовать представляемой ими цѣнности; но, какъ выразитель цѣнностей, иначе говоря, какъ такая цѣнность, съ которой сравниваются или въ которой выражаются всѣ другія цѣнности, онѣ должны непремѣнно обладать соотвѣтствующей цѣнностью. Въ разныя времена въ различныхъ странахъ роль денегъ исполняли самые разнообразные предметы: скотъ, рыба, звѣриныя шкуры (напр., въ Сибири шкуры соболя, куницы, бѣлки и теперь еще замѣняютъ деньги). Но всегда въ роли денегъ являлись тѣ товары, которые, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, считались наиболѣе удобными выразителями цѣнности. Хотя есть указанія, что еще въ глубокой древности (по библіи—во времена Авраама) драгоцѣнные металлы (особенно серебро) употреблялись въ роли денегъ, но собственно, какъ первенствующій или исключительный выразитель цѣнности, эти металлы являются исторически довольно поздно, и несомнѣнно часто ихъ предшественниками въ роли денегъ были металлы неблагородные; такъ, въ Китаѣ и до сихъ поръ главная монета мѣдная.

На рынкѣ металлы являются первоначально въ видѣ слитковъ и употребляются, хотя и въ роли денегъ, но по вѣсу, и только значительно позднѣе имъ придается форма монеты. Монета представляетъ кусокъ металла, на которомъ правительство или какое-либо компетентное учрежденіе поставило знакъ въ удостовѣреніе того, что этотъ кусокъ дѣйствительно содержитъ извѣстное количество металла, а, слѣдовательно, представляетъ извѣстную цѣнность. Формы монетъ въ разное время были различны, но теперь въ большей части случаевъ это плоскій кружокъ, на которомъ вытѣснена и его цѣнность и другіе знаки, предохраняющіе отъ возможной поддѣлки. Серебряная и золотая монета обыкновенно приготовляется не изъ чистаго металла, а изъ сплава съ различными металлами (главнымъ образомъ съ мѣдью), что̀ придаетъ большую прочность монетѣ, уменьшая ея стираніе. Металлъ, составляющій примѣсь, называется лигатурой, а число частей чистаго серебра или золота—пробой. Теперь въ европейскихъ странахъ для золота общепринятая проба 0,900; для серебра болѣе разницы: у насъ 84-я проба (т. е. 84 золотника чистаго серебра на фунтъ или $^{84}/_{96}=^{7}/_{8}=0{,}875$); въ латинскомъ союзѣ—какъ золото (0,900).

Монетной единицей называютъ ту монету, которая служитъ единицей сравненія для остальныхъ монетъ; у насъ рубль, во Франціи франкъ и т. д. Монетную систему составляетъ способъ раздѣленія основной монетной единицы на болѣе дробныя части или сочетанія ея, образующія монету болѣе высокой цѣнности. Монетныя системы крайне разнообразны и до сихъ поръ, хотя теперь все болѣе входитъ въ обычай десятичная система дѣленія основной единицы. Упрощеніе этихъ дѣленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, большая удобосравнимость различныхъ монетныхъ единицъ могли бы значительно упростить международныя сношенія, но этаго достигнуть до сихъ поръ не удалось.

Монета только постольку можетъ служить мѣриломъ цѣнностей, поскольку въ ней содержится металла, которымъ опредѣляется ея цѣнность. Въ средніе вѣка правительства ошибочно думали, что достаточно выбить на любой монетѣ орелъ или иной знакъ и цифру 5, 10 рублей или франковъ и т. п. *), чтобы монета шла по цѣнѣ, на ней обозначенной. На самомъ дѣлѣ монета всегда обращалась по своей дѣйствительной цѣнности, что формально выражалось повышеніемъ цѣнъ товаровъ при покупкѣ ихъ фальсифицированной монетой. Сказанное относится, однако, только къ той монетѣ, которую называютъ полноцѣнною или валютною монетою, которой назначеніе именно въ томъ, чтобы служить мѣриломъ цѣнности и которая дѣлается теперь почти всюду изъ золота или серебра. Но, кромѣ этой монеты, вездѣ существуетъ такъ

*) Въ Россіи это мнѣніе было очень распространено еще въ XVIII столѣтіи.

называемая размѣнная монета, или биллоны, служащіе для мелкаго обращенія и приготовляемые изъ менѣе цѣнныхъ металловъ—мѣди, никкеля и другихъ. Биллонъ представляетъ простой знакъ цѣнности, а не мѣрило ея, такъ какъ внутренняя цѣнность его, обыкновенно, не соотвѣтствуетъ цѣнности, изображаемой имъ. Употребленіе биллона вызвано желаніемъ сберечь золото (или вообще валютный металлъ), легко стирающееся при частомъ употребленіи въ мелкихъ сдѣлкахъ, и устранить неудобства чеканки слишкомъ мелкой монеты. Пріемъ биллона обязательно ограниченъ небольшими суммами.

Что касается валютной монеты, то, какъ упомянуто, драгоцѣнные металлы, золото и серебро, являются исторически въ роли денегъ и монеты довольно поздно. Во времена Гомера роль денегъ исполняетъ бронза; римляне начали чеканить серебряную монету за 260—250 лѣтъ до Р. Х., а золотую—примѣрно за 200 лѣтъ до Р. Х. Но теперь весь міръ, можно сказать, знаетъ деньги (за исключеніемъ бумажныхъ) только въ видѣ благородныхъ металловъ, золота и серебра. Такое исключительное присвоеніе функціи денегъ этимъ именно металламъ есть слѣдствіе того, что они имѣютъ незамѣнимыя свойства для службы въ роли денегъ. Свойства эти слѣдующія: въ 1-хъ, они обладаютъ болѣе постоянною цѣнностью, чѣмъ огромное большинство другихъ предметовъ; во 2-хъ, ихъ цѣнность весьма высока, т. е. незначительный вѣсъ ихъ представляетъ большую цѣнность; въ 3-хъ, они трудно поддаются окисленію и вообще порчѣ подъ вліяніемъ различныхъ дѣятелей, потому легко сохраняются; въ 4-хъ, представляя во всей своей массѣ вполнѣ однокачественный матеріалъ, при томъ легко дробящійся на произвольной величины части, они позволяютъ выражать отношеніе цѣнностей простымъ отношеніемъ вѣсовыхъ частей металла, т. е. представлять различной величины цѣнность монетой разнаго вѣса. Ко всему этому, благодаря своей мягкости, они находятъ мало примѣненія въ техникѣ и служатъ, главнымъ образомъ, для украшеній. Всѣ перечисленныя качества дѣлаютъ серебро и золото чрезвычайно удобными для роли денегъ, какъ мѣрило цѣнностей товаровъ и какъ матеріалъ для выдѣлки монеты.

§ 2. Въ теченіе долгаго времени чеканили полноцѣнную монету безразлично изъ золота или серебра. Впрочемъ, до конца среднихъ вѣковъ, до открытія Америки, золота въ Европѣ было мало, и главнымъ монетнымъ металломъ было серебро и то только въ болѣе богатыхъ странахъ; остальныя страны имѣли большею частью мѣдную монету. Хотя съ открытіемъ Америки количество золота въ Европѣ увеличилось, но ростъ обращенія шелъ такъ быстро, что все же главной монетой почти до половины нашего столѣтія оставалась серебряная монета. Только съ

открытіемъ калифорнскихъ и австралійскихъ золотыхъ розсыпей главенство перешло къ золоту, и теперь серебро, какъ главный или единственный валютный металлъ, удержалось, можно сказать, только въ азіатскихъ странахъ.

Если монета, выражающая цѣнность, приготовляется изъ двухъ различныхъ металловъ, то, понятно, содержаніе металла (по вѣсу) въ одноименныхъ монетахъ изъ разныхъ металловъ должно быть обратно пропорціонально цѣнности этихъ металловъ. Поэтому важно установить соотвѣтствующее отношеніе цѣнностей монетныхъ металловъ. Однако, пока золотая монета появлялась въ обращеніи рѣдко, въ небольшомъ количествѣ,—объ установленіи такого отношенія мало заботились: золотая монета въ сущности была товаромъ, цѣна котораго въ серебрѣ, — какъ главной монетѣ, — колебалась, въ зависимости отъ цѣнности серебра и золота. Иначе, конечно, и быть не могло при рѣдкости золота и колебаніяхъ отношенія цѣнностей обоихъ металловъ. Эти колебанія были довольно значительны въ древнемъ мірѣ, въ средніе вѣка и даже до начала XIX вѣка; но съ этаго времени отношеніе цѣнности серебра къ золоту оставалось довольно долго постояннымъ. Благодаря этому, оба металла одинаково могли выражать цѣнность, оба были «валютными». Колебанія были незначительны отъ 1 : 15 до 1 : 16 (серебро = 1). Въ началѣ столѣтія, до 1820 года, отношеніе это было около 1 : 15,5; потому многія страны приняли это отношеніе при чеканкѣ своей монеты. Но затѣмъ цѣна серебра начинаетъ подниматься и на нѣкоторое время устанавливается отношеніе 1 : 15,2, и это тотчасъ отзывается нарушеніемъ обращенія въ тѣхъ странахъ, гдѣ оба металла одинаково служили валютными. Такъ какъ серебро было оцѣнено въ ихъ монетѣ ниже своей рыночной цѣны (по нормѣ 1 : 15,5), то серебряная монета стала уходить изъ этихъ странъ, что особенно рѣзко обнаружилось во Франціи, и нѣкоторое время существовало опасеніе, что серебро, какъ монета, будетъ окончательно вытѣснено золотомъ. Во всякомъ случаѣ, однако, въ большинствѣ европейскихъ странъ золото и серебро весьма долго признавались одинаково годными для монеты (валютными), но всегда происходило колебаніе въ количествѣ той и другой монеты, въ зависимости отъ колебанія цѣнности металловъ. Англія первая (въ 1816 году) переходитъ номинально на золотую валюту и ограничиваетъ чеканку серебра; но фактически здѣсь до 1820 года держится бумажно-денежное обращеніе. Въ это время количество золота въ Европѣ было еще очень не велико; поставщицей его являлась до сороковыхъ годовъ почти одна Россія, производство которой только въ десятилѣтіе 1831—40 гг. достигаетъ 7050 килограммовъ въ годъ, раньше же было еще ниже. Но вотъ, въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ, начинаютъ разработываться

сначала калифорнскія, затѣмъ австралійскія золотыя розсыпи, а нѣсколько позднѣе—и рудники штатовъ Колорадо, Невада и Дакота, и одновременно въ Россіи добыча золота сильно возрастаетъ, достигая уже въ 1841 — 50 гг. 22.157 килограммовъ и повышаясь до 30,5 тысячъ килограммовъ въ 1870 году. Не смотря на этотъ ростъ добычи золота, Россія все же теряетъ свое первенство по поставкѣ золота на всемірный рынокъ. Эту роль принимаютъ на себя почти въ равныхъ доляхъ С.-А. Соединенные Штаты и Австралія, доставляющіе каждая въ періодъ 1851—70 гг. не менѣе 65,5 тысячъ и до 82,4 тысячъ килограммовъ въ годъ. Ежегодная добыча золота во всемъ мірѣ въ періодъ 1856—60 гг. достигаетъ 201.750 килограммовъ и спускается до 185 тысячъ килограммовъ въ 1861—65 гг., очевидно благодаря американской междоусобной войнѣ.

Добыча серебра хотя также повысилась съ сороковыхъ годовъ, но ростъ ея вначалѣ не былъ такъ быстръ (относительно), какъ ростъ добычи золота; зато онъ оказался болѣе постояненъ. Тогда какъ въ тридцатыхъ годахъ добывалось всего 600 тысячъ килограммовъ этаго металла, къ 1870 г. добыча достигаетъ уже 1339 тыс. кил. Когда начался усиленный приливъ золота изъ новооткрытыхъ рудниковъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, то явилось опасеніе, что золото понизится въ цѣнѣ, и нѣкоторыя страны пытаются установить у себя чисто серебряное обращеніе. Такъ поступила, именно, Бельгія еще въ 1848 году, но скоро должна была отказаться отъ этаго, и уже въ 1861 году возобновила чеканку золота. Другія страны, какъ Австрія (стоявшая тогда во главѣ германскаго союза), пытаются поправить свою разстроенную монетную систему введеніемъ у себя золота (1857 г.). Наконецъ, въ 1865 году, по иниціативѣ Франціи, основывается латинскій монетный союзъ, въ который вошли Франція, Италія, Бельгія и Швейцарія, а потомъ и Греція. Этотъ союзъ имѣлъ цѣлью удержать въ союзныхъ государствахъ оба вида монеты, золотую и серебряную, установивъ между металлами опредѣленное отношеніе, именно 1 : 15,5. Это такъ называемый биметаллизмъ: серебро и золото одинаковаго достоинства по содержанію чистаго металла (0,9) признавались одинаково валютными. При этомъ полноцѣнная серебряная монета чеканилась только въ 5 франковъ, а золотая — въ 5, 10, 20, 50 и 100 франковъ. Размѣнное серебро, нѣсколько болѣе низкаго достоинства (0,835), должно было чеканиться въ размѣрѣ, не превышающемъ 6 франковъ на голову населенія.

Но уже въ то время, когда образовался латинскій союзъ, а еще болѣе въ слѣдующее пятилѣтіе, отношеніе добычи бѣлаго металла къ добычѣ желтаго рѣзко измѣняется: добыча золота начинаетъ падать, и въ 1881—85 гг. количество добытаго золота падаетъ почти на 25%

противъ максимума (201.750 кил.), достигнутаго въ 1856—60 гг., составляя только 155 тысячъ килограммовъ, но повышаясь затѣмъ снова до 166,7 тыс. кил. въ слѣдующемъ пятилѣтіи. А добыча серебра, наоборотъ, чрезвычайно быстро растетъ; уже въ 1871—75 гг. она достигаетъ 1969,4 тыс. кил., а въ 1886—90 гг. переходитъ за 3655 тысячъ килограммовъ въ годъ, продолжая расти и въ послѣдующіе годы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отношеніе цѣнности серебра къ цѣнности золота на рынкѣ, бывшее еще въ 1871—75 гг.—1 : 15,97, падаетъ къ 1880 году до 1 : 18, къ 1888 году до 1 : 22, а въ 1894 г. достигаетъ 1 : 33,2.

Это быстрое крушеніе цѣнности серебра заставило почти всѣ европейскія государства перейти къ золотой валютѣ, и первой уже въ 1871 году вступила на этотъ путь объединенная Германія, воспользовавшись огромной контрибуціей съ Франціи (5 милліардовъ франковъ). За Германіей послѣдовали Скандинавскія государства, теперь готовятся то же сдѣлать Австрія и Россія (переходъ отъ бумажнаго обращенія—для обѣихъ послѣднихъ странъ). Да и страны латинскаго союза, въ сущности, находятся въ положеніи, которое нѣмцы прозвали хромающей валютой (hinkende Währung), такъ какъ настоящій биметаллизмъ имѣлъ бы мѣсто только въ томъ случаѣ, если бы каждый, явившійся въ государственный банкъ или монетный дворъ со слиткомъ того или другого металла, могъ, требовать въ обмѣнъ за представляемый металлъ соотвѣтствующее количество монеты, согласно установленному для монетъ отношенію между обоими валютными металлами. Этотъ порядокъ, однако практикуется теперь вездѣ только относительно золота и совсѣмъ не примѣняется къ серебру, которое, слѣдовательно, не признается какъ бы монетнымъ металломъ, и потому,—какъ вѣрно указываютъ защитники биметаллизма,—въ сущности, оно (серебро) является демонетизированнымъ. Мы подробно остановились на исторіи развитія добычи обоихъ монетныхъ металловъ и колебаніи ихъ цѣнностей, такъ какъ приведенныя данныя дадутъ намъ матеріалъ для рѣшенія вопроса о биметаллизмѣ или монометаллизмѣ. Въ свою очередь послѣдній вопросъ часто ставятъ въ связь съ вопросомъ о современномъ кризисѣ, выразившемся главнымъ образомъ въ пониженіи цѣнъ продуктовъ почти всѣхъ отраслей промышленности. Но это явленіе отчасти объясняется сказаннымъ выше о вліяніи парового транспорта, потому мы на немъ останавливаться не будемъ. Насъ можетъ здѣсь интересовать только вопросъ о томъ, насколько съ теоретической точки зрѣнія является раціональною та или другая система монетнаго обращенія—монометаллизмъ или биметаллизмъ.

§ 3. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому вопросу, мы должны еще остановиться на вопросѣ о цѣнности денегъ или цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ. На первый взглядъ самый вопросъ о цѣнности де-

негъ представляется какъ бы несообразнымъ: мы знаемъ, что золото, деньги—товаръ, добываемый трудомъ, и, слѣдовательно, цѣнность ихъ должна опредѣляться совершенно такъ же, какъ цѣнность другихъ товаровъ. Однако, уже съ очень давняго времени, не только среди профановъ, но и среди ученыхъ, распространено мнѣніе, что цѣнность золота и вообще драгоцѣнныхъ металловъ, особенно въ формѣ денегъ, опредѣляется иначе, чѣмъ цѣнность другихъ продуктовъ труда. Родоначальникомъ теоріи особой цѣнности денегъ слѣдуетъ, кажется, считать Джона Локка, извѣстнаго англійскаго писателя конца XVII и начала XVIII вѣка. Деньги, по его мнѣнію, не имѣютъ внутренней цѣнности. «Внутренняя цѣнность денегъ—это ихъ количество. Цѣнность денегъ зависитъ отъ обилія или недостатка ихъ по отношенію къ предметамъ и является чѣмъ-то условнымъ и воображаемымъ». Въ другихъ мѣстахъ онъ указываетъ, что количество монеты должно находиться въ соотвѣтствіи съ торговлей, но установить отношеніе монеты къ размѣру торговыхъ оборотовъ очень трудно, потому что оно находится въ зависимости и отъ быстроты обращенія монеты.

Шотландецъ Джонъ Ло, прославившійся изобрѣтеніемъ бумажныхъ денегъ, находилъ, что Локкъ неправильно отрицаетъ цѣнность серебра (или вообще монетныхъ металловъ), но, говоритъ онъ, серебро, какъ монета, имѣетъ еще придаточную цѣнность, и въ монетѣ оно дороже на $^1/_2$ или $^1/_3$, чѣмъ въ слиткахъ. Юмъ, подобно Локку, считаетъ цѣнность монеты воображаемой, но выясняетъ вліяніе количества ея на цѣны, исходя изъ того, что изобиліе денегъ возбуждаетъ предпріимчивость, повышаетъ заработную плату и, въ концѣ концовъ, ведетъ къ видоизмѣненію въ распредѣленіи богатства. Адамъ Смитъ, наоборотъ, твердо стоялъ на томъ, что деньги такой же товаръ, какъ другіе, и совершенно игнорировалъ теорію Локка и другихъ своихъ предшественниковъ.

Зато Рикардо, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можетъ быть названъ послѣдователемъ Локка въ этомъ вопросѣ. Онъ, конечно, допускаетъ, что деньги, какъ всякій товаръ, имѣютъ внутреннюю цѣнность; но, начавъ съ совершенно вѣрнаго положенія, что цѣнность золота и серебра опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на ихъ добываніе, Рикардо затѣмъ,—перейдя къ роли драгоцѣнныхъ металловъ, какъ денегъ,—дѣлаетъ нѣсколько ошибокъ, которыя приводятъ его въ заключеніе къ положеніямъ, почти совершенно тождественнымъ съ выводами Локка, т. е. къ опредѣленію цѣнности денегъ по ихъ количеству. «Количество денегъ», говоритъ онъ, «зависитъ: 1) отъ цѣнности металла» (служащаго деньгами), «2) отъ количества или цѣнности предстоящихъ платежей и 3) отъ степени экономіи, практикуемой при совершеніи этихъ платежей».

Такимъ образомъ, здѣсь количество денегъ ставится въ зависимость отъ цѣнности товаровъ, которые должны обращаться на рынкѣ. Но затѣмъ онъ приходитъ къ выводу, что товары возвышаются или падаютъ въ цѣнѣ, пропорціонально увеличенію или уменьшенію количества денегъ, и это, говоритъ онъ, «я считаю фактомъ, не подлежащимъ опроверженію». Выходитъ, слѣдовательно, что количество денегъ, которое по первой цитатѣ опредѣлялось цѣнностью обращающихся товаровъ, само, наоборотъ, опредѣляетъ цѣнность товаровъ по второй цитатѣ. Ясно, что то или другое невѣрно, иначе нужно признать, что количество денегъ само себя опредѣляетъ. Наиболѣе рѣзко выразилъ эту количественную теорію денегъ Д.-С. Милль. «Если предположить», говоритъ онъ, «по одну сторону всѣ товары данной страны, а по другую — всѣ ея деньги, то, очевидно, что при обмѣнѣ обѣихъ сторонъ цѣнность денегъ, т. е. количество товаровъ, которое на нихъ обмѣнивается, зависитъ совершенно отъ количества этихъ денегъ». На это можно отвѣтить, что изъ указаннаго факта обмѣна съ такимъ же правомъ можно заключить, что, обратно,—количество или, скорѣе, цѣнность товаровъ, вступившихъ въ обмѣнъ, опредѣляется цѣнностью денегъ. Но, кромѣ того, здѣсь предполагается, что вся масса товаровъ обмѣнивается сразу на всю массу денегъ. Хотя Милль признаетъ, что товары обмѣниваются на деньги не сразу и одна и та же монета можетъ послужить для обращенія нѣсколько разъ, но это, думаетъ онъ, ничего не значитъ, и, хотя не всѣ монеты обратятся одинаковое число разъ, но можно взять нѣкоторое среднее число обращеній для каждой монеты, напр. 10, и тогда, слѣдовательно, сумма цѣнностей товаровъ равняется удесятеренной цѣнности денегъ. Если количество денегъ увеличится, при той же цѣнности обращаемыхъ товаровъ, то цѣнность каждой монеты пропорціонально понизится. Милль забылъ уже, что заставилъ каждую монету обращаться 10 разъ и что заставивъ ее обращаться только одинъ разъ, можно ту же массу товара той же цѣнности купить въ 10 разъ большимъ числомъ монетъ, и, слѣдовательно, увеличеніе ихъ количества не поведетъ къ измѣненію цѣнъ товаровъ. Марксъ такъ резюмируетъ разсужденія Рикардо, которыя, въ сущности, только повторялись и перефразировывались его послѣдователями, въ томъ числѣ и Миллемъ: «Обращающіяся деньги находятся на нормальномъ уровнѣ, когда ихъ количество, при данной мѣновой цѣнности товаровъ, опредѣляется ихъ собственною металлическою цѣнностію. Онѣ поднимаются выше уровня,—золото опускается ниже своей собственной металлической цѣнности, а цѣны товаровъ возвышаются, — когда уменьшается сумма мѣновой цѣнности товаровъ, или увеличивается предложеніе изъ рудниковъ. Онѣ (деньги) опускаются ниже своего нормальнаго уровня, — золото поднимается выше своей собственной металличе-

ской цѣнности, цѣны товаровъ падаютъ, — когда увеличивается сумма мѣновыхъ цѣнностей массы товаровъ, или доставка золота изъ рудниковъ не возмѣщаетъ массы истертаго обращеніемъ золота. Въ обоихъ (послѣднихъ) случаяхъ обращающееся золото является знакомъ цѣнности на большую или меньшую цѣнность противъ той, которая въ немъ, дѣйствительно, содержится». Такимъ образомъ, въ сущности, и Рикардо не призналъ за деньгами самостоятельной цѣнности, а опредѣлялъ эту цѣнность отношеніемъ количества денегъ къ цѣнности обращающихся товаровъ. Потому эта теорія и получила названіе количественной теоріи цѣнности денегъ.

Ошибка Рикардо заключается въ томъ, что онъ принималъ, во-первыхъ, что все золото, появляющееся на рынкѣ, служитъ орудіемъ обращенія. При этомъ упускалось изъ виду: 1) что металлъ въ слиткахъ еще не деньги, а просто товаръ, и 2) что деньги, помимо функціи орудія обращенія, могутъ являться и въ формѣ сокровища, и въ роли капитала. Во-вторыхъ, Рикардо, говоря о деньгахъ, постоянно употребляетъ выраженіе «орудіе обращенія» или даже — «золото, *или банковые билеты*», т. е., не различаетъ функціи золота отъ функціи суррогатовъ денегъ, какими являются банковые билеты. Ошибка, заключающаяся въ такомъ отождествленіи, сдѣлается намъ вполнѣ понятной только тогда, когда мы ознакомимся съ ролью бумажныхъ денегъ и вообще суррогатовъ денегъ. Теперь же замѣтимъ, что, разъ будетъ допущено, какъ это дѣлаетъ Рикардо, что цѣнность золота (говоримъ только о немъ, разумѣя оба валютные металла), какъ товара,—въ слиткахъ или предметахъ, изготовляемыхъ изъ него,—оцѣнивается по трудовой его цѣнности,—то нѣтъ основанія допускать, что цѣнность его, какъ денегъ, можетъ быть значительно выше или ниже этой внутренней его цѣнности. Номинальная цѣна монеты можетъ, конечно, не отвѣчать цѣнности содержащагося въ ней золота (напр. благодаря ея стиранію или порчѣ), но номинальное повышеніе числа фунтовъ стерлинговъ или рублей, уплачиваемыхъ за какой-либо товаръ, не значитъ, вѣдь, что цѣна товара поднялась: количество трудовой энергіи, заключающееся въ немъ, будетъ обмѣниваться какъ разъ на такое же количество трудовой энергіи, только заключающееся въ большемъ количествѣ монеты, благодаря тому, что каждая монета заключаетъ менѣе трудовой цѣнности. Избытокъ же полноцѣнной монеты никакъ не можетъ вліять на увеличеніе цѣнъ (здѣсь можетъ быть рѣчь только о цѣнахъ, а не о цѣнностяхъ) товаровъ, ибо это означало бы пониженіе цѣны металла въ монетѣ ниже цѣны его въ слиткахъ; а при этомъ условіи ничто не препятствуетъ превратить монету въ слитки, и, такимъ образомъ, избытокъ ея, не нужный для обращенія товаровъ, просто исчезаетъ изъ обращенія, превратившись въ обыкновен-

ный товаръ—золото. Но и обратно: недостатокъ золота для обращенія товаровъ не можетъ вызвать повышенія цѣны металла въ монетѣ надъ цѣной его въ слиткахъ, ибо тогда,—при свободномъ чеканѣ монеты,—слитки стали бы обращаться въ монету до тѣхъ поръ, пока количество послѣдней удовлетворило бы потребности обращенія.

§ 4. Существуетъ, однако, мнѣніе, что и цѣна благородныхъ металловъ, какъ таковыхъ, опредѣляется не ихъ трудовой цѣнностью. При этомъ одни (американецъ Дель-Маръ) указываютъ, что золото на рынкѣ цѣнится значительно ниже того, что̀ оно сто̀итъ, т. е., ниже его трудовой цѣнности. Но, вычисляя стоимость золота, онъ сосчитываетъ все количество затратъ на добываніе даннаго количества его, считая и трудъ неудачныхъ золотоискателей, и только благодаря такому способу вычисленія оказывается, что цѣна добытаго золота не покрываетъ затратъ трудовой энергіи на его добываніе. Другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что владѣльцы благородныхъ металловъ являются, нѣкоторымъ образомъ, монополистами, а потому могутъ повышать цѣну своего продукта произвольно. Наконецъ, судя по показаніямъ экспертовъ въ англійской королевской комиссіи по вопросу о паденіи цѣны серебра, нужно думать, что цѣна, по крайней мѣрѣ этаго металла, соотвѣтствуетъ его цѣнности, такъ какъ изъ этихъ показаній слѣдуетъ, что владѣльцы серебряныхъ рудниковъ, не смотря на сильное пониженіе цѣны серебра, получаютъ все еще нормальную прибыль отъ своихъ предпріятій.

Что касается перваго изъ приведенныхъ мнѣній, будто золото обращается по цѣнѣ, низшей его цѣнности, то оно основано на неправильной посылкѣ. Очевидно, именно, что рѣчь здѣсь можетъ быть только о среднемъ типическомъ явленіи, а не о случаѣ, хотя бы имѣвшемъ мѣсто въ той или другой странѣ. Безъ сомнѣнія, въ тѣхъ случаяхъ, когда добыча золота ведется отдѣльными золотоискателями, добывающими его первобытными способами изъ розсыпей, руководясь не точными данными науки, а чисто эмпирическими правилами,—тогда, конечно, весьма нерѣдко,—скорѣе, почти всегда,—растрата силы будетъ настолько велика, что не покроется цѣною добытаго золота. Мы имѣемъ здѣсь случай, совершенно подобный тому, какой указанъ Марксомъ относительно цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ въ новыхъ странахъ: какъ тамъ—земледѣлецъ часто вынужденъ продавать свой продуктъ ниже его цѣнности, такъ точно и здѣсь—золотоискатель еще чаще вынужденъ поступать такимъ образомъ, ибо его продуктъ,—въ противоположность продукту земледѣльца,—не можетъ даже служить непосредственно для удовлетворенія его потребностей. Но подобный разсчетъ и не можетъ быть приложенъ къ опредѣленію цѣнности добываемаго золота. Цѣнность золота можетъ опредѣляться только тѣмъ трудомъ, который былъ употребленъ на его добы-

ваніе разумно, по извѣстному разсчету. Въ этомъ смыслѣ опредѣляющей величиной должна считаться затрата при добываніи капиталистическимъ способомъ, гдѣ вообще учетъ цѣнности строже и легче, уже вслѣдствіе нивеллировки тѣхъ отклоненій отъ средней, которыя необходимо должны имѣть мѣсто при разрозненныхъ, нерегулированныхъ попыткахъ вольныхъ золотоискателей, не направляемыхъ соотвѣтствующей техникой. Относительно добыванія серебра и соотвѣтствія цѣны его съ дѣйствительной цѣнностью, можетъ быть, потому и существуетъ гораздо менѣе сомнѣнія, что эта отрасль уже давно перешла въ капиталистическое производство, техника котораго регулируется научными основами, и здѣсь, можно сказать, результатъ очень мало зависитъ отъ случайности. Какъ упомянуто выше, вопросъ объ опредѣленіи цѣны драгоцѣнныхъ (монетныхъ) металловъ пріобрѣлъ въ послѣднее время особенно важное значеніе въ виду спора между монометаллистами и биметаллистами. Между прочимъ биметаллисты утверждаютъ, что цѣна серебра понизилась до того уровня, на которомъ она стоитъ теперь, единственно вслѣдствіе демонетизаціи его. Однако, стоитъ только припомнить цифру добычи этаго металла въ послѣдніе годы, чтобы убѣдиться, что это мнѣніе не имѣетъ основанія. Какъ мы видѣли, количество это достигло къ 1890 году свыше $3^1/_2$ милліон. килогр., или 213 тыс. пуд. Такое количество металла ни въ какомъ случаѣ не могло бы быть потреблено на монету, даже если бы всѣ страны міра перешли исключительно къ серебряной монетѣ. Обращеніе въ монету добычи 1886—90 г.г. обозначало бы ежегодную чеканку болѣе 410 милліоновъ русскихъ рублей, или около 1 милліарда нѣмецкихъ марокъ, что̀ равносильно стиранію около 5% всей суммы обращающейся въ мірѣ серебряной и золотой монеты, такъ какъ Зетберъ, опредѣляетъ эту сумму почти въ 22 милліарда марокъ. Съ тѣхъ поръ добыча серебра еще болѣе повысилась и составила въ 1893 г. почти 306 тысячъ пудовъ (410 милл. рублей составятъ около 222.850 пуд.). По цифрѣ 1893 г. нужно бы чеканить ежегодно болѣе 563 милліоновъ русскихъ рублей, или (по курсу 217) 1221,7 милліоновъ германскихъ марокъ, т. е. погашать $5^1/_2$ % всей монеты; иначе говоря, нужно предположить, что какъ серебряная, такъ и золотая (или замѣнившая ее серебряная) монета менѣе чѣмъ въ 18 лѣтъ совершенно уничтожается вслѣдствіе стиранія. Между тѣмъ потеря отъ обращенія монеты опредѣляется для золота (пробы 0,900) въ годъ $^1/_{840}$ вѣса, а для серебра въ $^1/_{240}$; или въ процентахъ: золота менѣе 0,12%, серебра менѣе 0,42%. — слѣдовательно, требуется для возстановленія всей монеты міра (21907 милліоновъ марокъ), — считая ее за золото, — 26.288.400 марокъ, или менѣе 2,2% добычи серебра 1893 г.; если считать всю монету въ серебрѣ, то и тогда потребуется только 92. 009.400 марокъ или немного болѣе 7,5% массы произведеннаго серебра для замѣны стертой монеты.

Гораздо болѣе вѣроятія представляло на первый взглядъ до самаго послѣдняго времени другое утвержденіе биметаллистовъ. Говорятъ, именно, что измѣненіе отношенія между цѣной золота и серебра есть выраженіе не того, что серебро пало въ цѣнности, а того, что повысилась цѣнность золота, вслѣдствіе того, что всѣ страны переходятъ къ золотой валютѣ, а добыча золота уменьшилась. Дѣйствительно, вычисленія Зетбера (Soetbeer) показали, что производство предметовъ роскоши и вообще чисто техническое потребленіе золота поглощаетъ такое огромное количество металла, что на приростъ золотого монетнаго запаса, во всемъ мірѣ остается менѣе 1% (³/₄—⁴/₅%) цѣнности обращающейся монеты. Поэтому можно усомниться, не можетъ ли общее стремленіе къ золоту, какъ къ монетному матеріалу, вызвать искусственное повышеніе цѣны его, какъ это имѣетъ мѣсто относительно всѣхъ предметовъ рѣдкости? Но, если принять во вниманіе,—кромѣ сказаннаго уже о стираніи монеты,—то обстоятельство, что, рядомъ съ переходомъ къ золотой валютѣ, является усиленное стремленіе къ экономизаціи монеты металлической, особенно золотой (мы скоро увидимъ, какъ это достигается),—то все же нужно будетъ признать, что этотъ моментъ не можетъ имѣть большого значенія въ смыслѣ повышенія цѣны золота выше его цѣнности.

Но, кромѣ того, самое указаніе на недостатокъ золота и на уменьшеніе добычи его, нужно признать устарѣвшимъ, ибо—за послѣдніе годы. открытіе новыхъ залежей вызвало вновь значительное увеличеніе добычи золота. Такъ, въ 1889 г. цѣнность добытаго золота не превышала 615 милл. франковъ; въ 1892 г. она составила уже 752 милл. фр., въ 1893 г.—805 м. фр., въ 1894 г.—913 м. фр., въ 1895 г. — 1025 м. фр., а въ 1896 г.—1120 мил. франковъ. До 1890 года, какъ мы видѣли. maximum годовой добычи золота, достигнутый въ 1856—60 годахъ, составлялъ 201.750 килограммовъ, а въ 1896 году одни только Соединенные Штаты дали 85.773 килогр., Трансвааль—78.000 килогр., Австралія—65.568 килогр. и Россія почти 51.000 килограммовъ; общая же сумма добычи во всемъ мірѣ дошла почти до 340 тыс. килограммовъ, т. е. превысила на 70% maximum конца пятидесятыхъ годовъ.

Гораздо болѣе вліянія въ смыслѣ повышенія уже не только цѣны. но и самой цѣнности золота, могло бы имѣть то обстоятельство, что золото въ большей мѣрѣ стало добываться изъ рудъ, тогда какъ прежде оно добывалось, главнымъ образомъ, изъ розсыпей, съ затратой меньшаго количества труда; при этомъ и цѣна могла прійти въ большее соотвѣтствіе съ цѣнностью, въ силу указаннаго вліянія перехода къ капиталистическому способу производства. Но и этотъ фактъ потерялъ свое значеніе въ послѣдніе годы, послѣ открытія трансваальскихъ и юконскихъ (такъ называемыхъ «аляскинскихъ») золотыхъ розсыпей. Какъ извѣстно,

трансваальскій золотоносный слой считается осадочнымъ и во всякомъ случаѣ не представляетъ никакихъ трудностей для разработки, по крайней мѣрѣ капиталистическимъ способомъ, т. е. при приложеніи выработанныхъ научной техникой пріемовъ. Юконское же золото (по рѣкѣ Юкону и ея притокамъ) такой же продуктъ размыванія золотоносныхъ кремнистыхъ горныхъ породъ (залегающихъ въ Скалистыя горахъ), какъ и калифорнскія золотыя розсыпи. Слѣдовательно, въ смыслѣ происхожденія и залеганія эти (юконскія) розсыпи не представляютъ препятствій къ разработкѣ. Правда, такимъ препятствіемъ можетъ, въ данномъ случаѣ, явиться чрезвычайно суровый,—соотвѣтственно положенію розсыпей на крайнемъ сѣверѣ,—климатъ. Надо думать, однако, что и это обстоятельство не помѣшаетъ добычѣ золота (хотя и удорожитъ его нѣсколько), какъ не мѣшаютъ подобныя же климатическія условія разработкѣ нашихъ сибирскихъ рудниковъ.

Мы приходимъ, поэтому, къ заключенію, что если нельзя отрицать, что цѣнность золота повысилась нѣсколько въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ, то это повышеніе и само по себѣ было незначительно, да къ тому же теперь уже (начиная съ девятидесятыхъ годовъ) уничтожилось. Равнымъ образомъ колебанія цѣнности золота менѣе, чѣмъ колебанія цѣнности серебра. Хотя и цѣнность золота можетъ понижаться временно подъ вліяніемъ случайныхъ открытій значительныхъ розсыпей, каковы, напр., трансваальскія или юконскія, но эта опасность не такъ велика, въ виду возрастанія потребности въ немъ, благодаря переходу новыхъ странъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, даже если опасенія истощенія розсыпей не оправдаются.

Что касается опредѣленія рыночной цѣны благородныхъ металловъ, то нужно имѣть въ виду, что здѣсь теорія ренты Маркса-Рикардо гораздо болѣе примѣнима, чѣмъ въ земледѣліи. Хотя и здѣсь замѣчаніе Родбертуса, что «никто не могъ заглянуть въ нѣдра земли, чтобъ опредѣлить, который рудникъ будетъ наиболѣе производителенъ»,—остается справедливымъ; но, по отношенію къ благороднымъ металламъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что цѣны ихъ опредѣляются цѣнностью производства при наихудшихъ условіяхъ. Это приложимо въ наибольшей мѣрѣ къ благороднымъ металламъ (а въ послѣднее время почти исключительно къ золоту), потому что для нихъ не имѣютъ значенія тѣ факторы, которые вліяютъ на цѣны другихъ продуктовъ горнаго промысла. Благородные металлы представляютъ такого рода товаръ, на который, во 1-хъ, на рынкѣ спросъ (по крайней мѣрѣ для золота), можно сказать, неограниченный, особенно въ виду возможности немедленнаго превращенія его въ монету того или другого государства. Во 2-хъ, благодаря значительной цѣнности благородныхъ металловъ, транспортные расходы не-

могутъ значительно вліять на ихъ цѣну. Поэтому понятно, что они будутъ продаваться именно по цѣнѣ наиболѣе дорогого ихъ добыванія въ данный моментъ, т. е. здѣсь будетъ существовать разностная рента для лучшихъ рудниковъ, и, можетъ быть, въ этомъ только смыслѣ имѣетъ основаніе мнѣніе, что владѣльцы золотыхъ рудниковъ являются монополистами, такъ какъ они продаютъ свой продуктъ по монопольной цѣнѣ, опредѣляемой не цѣнностью его въ данномъ предпріятіи, а цѣнностью при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ производства.

§ 5. Вопросъ о томъ, принять ли въ основу монетной системы одно золото или оба металла при извѣстномъ отношеніи цѣнностей или, наконецъ, одно серебро, возбуждаетъ въ послѣднее время массу споровъ, какъ въ ученомъ мірѣ, такъ и среди практическихъ дѣятелей,—политиковъ. Обыкновенно споръ идетъ о томъ, ввести ли одно золото или оба металла, и почти нѣтъ рѣчи о введеніи чисто серебряной валюты *).

Первоначальной причиной возбужденія или обостренія спора было то паденіе цѣнъ на всѣ продукты, которое выразилось особенно рѣзко въ послѣднія 10—15 лѣтъ, и которое объясняютъ именно вздорожаніемъ золота, прибавляя иногда, что къ этому вздорожанію присоединяется прямой недостатокъ денегъ, какъ средствъ обращенія. Послѣднее утвержденіе, поскольку оно есть выраженіе мнѣнія биметаллистовъ, а не защитниковъ кредитныхъ билетовъ, является выводомъ изъ той количественной теоріи цѣнности денегъ, о которой мы говорили выше; потому мы не будемъ останавливаться на немъ.

Разсматривая функціи денегъ, мы замѣчаемъ, что ихъ внутреннія качества, ихъ цѣнность имѣетъ различное значеніе по отношенію къ этимъ функціямъ. Какъ мѣрило цѣнностей или всеобщій эквивалентъ—деньги непремѣнно должны имѣть цѣнность и притомъ по возможности постоянную цѣнность. Какъ орудіе мѣны, въ процессѣ обмѣна, поскольку это есть внутренній обмѣнъ, и, особенно, поскольку онѣ быстро переходятъ изъ рукъ въ руки,—онѣ не нуждаются собственно во внутренней цѣнности и потому могутъ быть замѣнены простымъ знакомъ цѣнности (бумагой или малоцѣнной монетой), лишь бы только этотъ знакъ принимался, какъ таковой, въ обмѣнѣ. Отсюда именно возможность введенія биллона, а затѣмъ и разныхъ бумажныхъ суррогатовъ денегъ.

Далѣе, какъ сокровище—деньги должны, конечно, имѣть внутреннюю цѣнность, и чѣмъ болѣе этой цѣнности въ единицѣ вѣса, чѣмъ эта цѣнность постояннѣе, тѣмъ лучше деньги будутъ исполнять эту роль. Но, конечно, собираніе сокровищъ частными лицами не играетъ

*) Введеніе чисто серебрянаго обращенія рекомендовалъ въ 1886 году для Россіи Struck (въ Jahrbuch Шмоллера).

въ настоящее время большой роли, хотя роль такихъ частныхъ сокровищъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе развиты банки и другія учрежденія подобнаго рода, имѣющія цѣлью собирать въ своихъ кассахъ сокровища. Но, поскольку сами банки необходимо являются хранителями своихъ и чужихъ сокровищъ, указанныя качества монеты для нихъ желательны.

Наконецъ, роль денегъ, какъ капитала, сводится, какъ мы видѣли, съ одной стороны, къ роли сокровища—потенціальнаго капитала, а съ другой—къ роли мѣнового знака при покупкѣ капиталистомъ необходимыхъ составныхъ частей постояннаго капитала и рабочей силы.

Какой же матеріалъ наилучшимъ образомъ удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы предъявляемъ къ деньгамъ?

Уже изъ сказаннаго видно, что здѣсь рѣчь можетъ идти только о тѣхъ функціяхъ денегъ, въ которыхъ онѣ являются выразителями цѣнности, ибо мѣновыми знаками, не нуждающимися въ цѣнности, можетъ быть и болѣе дешевый матеріалъ, чѣмъ серебро или золото. Какъ мы замѣтили уже, вопросъ заключается собственно въ томъ: слѣдуетъ ли признать оба металла выразителями цѣнности (валютными), или необходимо остановиться на одномъ золотѣ? Конечно, и тотъ, и другой металлъ имѣютъ цѣнность, но цѣнность монетнаго матеріала должна быть, во-первыхъ, возможно постоянна, а во-вторыхъ, она должна быть относительно высока. Что касается постоянства цѣнности, то, какъ показано выше, въ настоящее время, безъ сомнѣнія, ею обладаетъ въ гораздо бо́льшей мѣрѣ золото, чѣмъ серебро. Мы уже видѣли, что указанія биметаллистовъ, будто это происходитъ чуть не исключительно отъ демонетизаціи серебра,—невѣрно, ибо превращеніе въ монету необходимаго для обращенія количества серебра могло бы поглотить весьма незначительный только процентъ всего производства этаго металла. Но, съ другой стороны, утверждаютъ, что цѣнность золота должна быстро расти. Это утвержденіе основывается на изслѣдованіяхъ извѣстнаго геолога, проф. Зюсса, который нашелъ, что доступнаго для разработки золота въ земной корѣ заключается очень немного, и, по его мнѣнію, большая часть этаго золота уже извлечена, и дальнѣйшая добыча его будетъ встрѣчать все бо́льшія трудности. Серебро же, какъ металлъ болѣе легкій, залегаетъ въ болѣе поверхностныхъ слояхъ земной коры и можетъ быть добыто въ количествахъ, по меньшей мѣрѣ достаточныхъ для монетнаго обращенія. Геологическія основы этаго заключенія, можетъ быть, совершенно вѣрны; но самое заключеніе о возможности недостатка золота далеко не доказано. Такъ, говоря, что все доступное человѣчеству золото будетъ скоро исчерпано, Зюссъ дѣлаетъ слишкомъ смѣлое заключеніе, которому можно противопоставить слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, сколько-нибудь энергичная разработка и исканіе золота про-

изводились и производятся до сихъ поръ только въ странахъ европейско-американской культуры; поэтому, цѣлые материки, какъ Африка, наибольшая часть Азіи, внутренность Австраліи и значительныя пространства въ Южной и Сѣверной Америкѣ, до сихъ поръ не подвергались сколько-нибудь серьезному изслѣдованію. Нѣкоторые факты, между тѣмъ, показываютъ, что въ этихъ неизслѣдованныхъ еще областяхъ находятся не малые запасы золота. Таково, напримѣръ, недавнее открытіе золота въ Трансваалѣ и въ сѣверномъ Китаѣ и еще болѣе открытіе въ 1896 г. юконскихъ копей, обѣщающихъ очень богатую добычу. Во 2-хъ, извѣстно, что многіе, разработывавшіеся ранѣе розсыпи и рудники брошены отнюдь не потому, что въ нихъ совершенно истощились запасы золота, или эти запасы можно добыть только съ недосягаемыхъ глубинъ. Нѣтъ, они брошены просто потому, что, при той низкой техникѣ, какая практиковалась особенно единичными золотоискателями, и при изобиліи еще въ окрестностяхъ болѣе богатыхъ или легче разработываемыхъ розсыпей или рудниковъ (особенно первыхъ), добыча изъ этихъ, болѣе исчерпанныхъ рудниковъ становилась невыгодной. Достаточнымъ доказательствомъ вѣрности этаго соображенія служитъ то, что многіе изъ заброшенныхъ ранѣе рудниковъ или даже перемытые пески старыхъ розсыпей поступаютъ вновь въ разработку и даютъ, при современной техникѣ, весьма удовлетворительную добычу. Наконецъ, — что особенно важно имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса,—это то, что слишкомъ большое изобиліе золота и не нужно для цѣлей монетнаго обращенія и даже нежелательно. Это слѣдуетъ изъ того, что монетный матеріалъ долженъ быть высокоцѣннымъ, чтобы удовлетворять своему назначенію. Послѣднее же качество необходимо для того, чтобы монета была не очень громоздкой, тяжеловѣсной, иначе она дѣлается неудобной для выраженія болѣе или менѣе значительныхъ цѣнностей. Если же добыча золота возрастетъ до значительныхъ размѣровъ,—напримѣръ, до размѣровъ современной добычи серебра,—то необходимо окажется, что такой массы золота, при прежней его цѣнности, не можетъ быть потреблено ни въ качествѣ орудія обращенія, ни для другихъ цѣлей. Дѣйствительно, технически-промышленное потребленіе драгоцѣнныхъ металловъ, какъ было указано, благодаря нѣкоторымъ свойствамъ ихъ, ограничено, и они оказываются пригодными почти только для изготовленія предметовъ роскоши. Слѣдовательно, потребленіе ихъ, если и можетъ расшириться, то только при условіи значительнаго пониженія цѣны металла. Но это и значитъ, что слишкомъ значительная добыча золота нежелательна, такъ какъ неминуемымъ слѣдствіемъ будетъ рѣзкое пониженіе цѣны металла, которое сдѣлаетъ его неудобнымъ для монеты.

Но, конечно, нежелательно и слишкомъ сильное уменьшеніе добычи

золота,—настолько значительное, что потребность въ немъ не была бы удовлетворена,—ибо это должно вызвать повышеніе его цѣны, при чемъ монета извѣстной цѣнности оказалась бы слишкомъ мелкой и, слѣдовательно, также неудобной для обращенія. Однако, такого повышенія цѣны до сихъ поръ, сколько извѣстно, не произошло. Дѣло въ томъ, что для опредѣленія высшей цѣнности добываемаго золота имѣется весьма хорошій указатель; таковымъ можетъ служить именно то, что металлическое золото принимается всѣми важнѣйшими банками и монетными дворами европейскихъ государствъ по цѣнѣ его въ монетѣ. Очевидно, пока слитки золота поступаютъ по указанной цѣнѣ въ названныя учрежденія, то это означаетъ, что рыночная цѣна золота отнюдь не выше банковой оцѣнки. Если бы рыночная цѣна была выше, то, во-первыхъ, слитковъ золота совсѣмъ не поступало бы въ банки, а, во-вторыхъ, даже и существующее уже въ видѣ чеканенной монеты золото стали бы переливать въ слитки для обращенія на техническія надобности. Какъ уже указано, такого явленія нигдѣ не констатировано, а потому мы въ правѣ заключить, что наивысшая цѣнность добычи и рыночная цѣна золота не выше монетной его цѣны. Говоримъ «наивысшая цѣнность добычи», основываясь на сказанномъ выше, что рыночная цѣна благородныхъ металловъ (въ частности именно монетныхъ при условіи ихъ свободной чеканки) опредѣляется, согласно теоріи Рикардо, по стоимости добыванія при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, какъ результаты добычи золота въ послѣдніе годы, такъ и только что приведенныя соображенія позволяютъ сдѣлать выводъ, что опасенія недостачи золота для обращенія пока не оправдываются, и, слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ не существуетъ препятствія для введенія монометаллизма.

Но можетъ быть, при всемъ томъ, биметаллизмъ, т. е. признаніе и серебра валютнымъ монетнымъ металломъ съ установленіемъ извѣстнаго отношенія его цѣнности къ цѣнности золота, все же представляетъ преимущества передъ исключительно золотымъ монометаллизмомъ?

Прежде всего нужно замѣтить, что никто изъ защитниковъ золотого монометаллизма не споритъ противъ того, что, признавая золото единственнымъ мѣриломъ цѣнности, необходимо сохранить и серебряную монету для такихъ оборотовъ, для которыхъ золотая оказалась бы неудобной, именно благодаря своей высокой цѣнности,—иначе говоря,—для мелкихъ сдѣлокъ. Но при этомъ серебряная монета, конечно, играла бы роль не валютной, а только размѣнной,—биллона,—была бы не выразителемъ цѣнности, а только *знакомъ* цѣнности, какимъ является всякій биллонъ, или бумажныя деньги и банковые билеты. Биметаллисты же требуютъ, чтобы серебро было признано равноправнымъ съ золотомъ валютнымъ металломъ; если же проводить эту идею строго логически, то слѣдуетъ,

вводя биметаллизмъ, допустить, что каждый владѣлецъ серебрянаго слитка въ правѣ представить его въ соотвѣтственное учрежденіе государства съ требованіемъ обмѣна на то или другое количество монетъ золотыхъ или серебряныхъ, по желанію владѣльца слитка, согласно установленному между металлами отношенію. Словомъ, нужно установить такую же свободу чеканки серебра, какая существуетъ для золота. Какого же результата мы въ правѣ ожидать отъ такой мѣры? Выше мы указали, что въ первой половинѣ столѣтія, при всеобщемъ почти господствѣ биметаллизма, было достаточно уже незначительнаго отклоненія рыночныхъ цѣнъ металловъ отъ оцѣнки ихъ въ монетѣ, чтобы слишкомъ низко оцѣненный въ монетѣ металлъ сталъ исчезать изъ обращенія и замѣняться переоцѣненнымъ. По показаніямъ нѣкоторыхъ англійскихъ банкировъ достаточно, чтобы разница между рыночной цѣной и оцѣнкой металла въ монетѣ достигла всего $^1/_2\%$, чтобы стало выгодно вывозить низкооцѣненный металлъ. А такъ какъ при всякихъ условіяхъ трудно ручаться за постоянство установленнаго между металлами отношенія, то уже это дѣлаетъ неудобнымъ введеніе двухъ валютныхъ металловъ.

Но затѣмъ возникаетъ практическій вопросъ: какое же нужно принять отношеніе между цѣнностями металловъ, чтобы по возможности уменьшить рискъ постоянной смѣны монеты? Возвратъ къ прежнему отношенію ($1 : 15^1/_2$ или 16), котораго, по понятнымъ причинамъ, особенно добиваются американскіе владѣльцы серебряныхъ рудниковъ, совершенно невозможенъ, такъ какъ рыночное отношеніе вдвое ниже, и, понятно, серебро почти моментально вытѣснило бы все золото изъ обращенія. Съ другой стороны, немыслимо и придерживаться существующаго рыночнаго отношенія обоихъ металловъ, ибо это значило бы—увеличить вѣсъ серебряной монеты по меньшей мѣрѣ вдвое противъ существующаго: напримѣръ, въ Россіи пришлось бы сдѣлать одинъ рубль вѣсомъ въ 901 долю, или почти 0,1 фунта. Такая монета будетъ настолько громоздка, что совсѣмъ не войдетъ фактически въ обращеніе, ибо и теперь уже замѣчается во всѣхъ странахъ, удержавшихъ у себя значительное количество серебряной (полноцѣнной - валютной) монеты, что эта монета стремится очень сильно накопляться въ государственныхъ и банковыхъ кассахъ, что̀ въ значительной мѣрѣ объясняется громоздкостью и теперешней серебряной монеты. Конечно, указанное накопленіе серебра въ государственныхъ кассахъ зависитъ отчасти оттого, что серебро въ монетахъ этихъ странъ оцѣнено значительно выше своей рыночной цѣны, и опасеніе не получить за него полную цѣнность или нежеланіе частныхъ лицъ принимать его въ платежъ—ведутъ къ накопленію его въ казначействахъ. Но тотъ же мотивъ очень скоро можетъ появиться и при условіи чеканки монеты при болѣе низкой оцѣнкѣ серебра. Дѣйствительно, при

современныхъ условіяхъ значительнаго недостатка сбыта серебра, добыча его, конечно, ведется не съ тою энергіей, съ какою она будетъ поведена, разъ серебру будетъ обезпеченъ всегда открытый рынокъ въ монетныхъ дворахъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. А такъ какъ количество серебра на рынкѣ и теперь уже, какъ было показано, превышаетъ далеко потребность въ немъ для монеты, то съ увеличеніемъ добычи количество его тѣмъ болѣе быстро превзойдетъ эту потребность, что повлечетъ за собою двоякаго рода слѣдствіе: во 1-хъ, государственная власть вынуждена будетъ ввести ограниченіе чеканки серебра, что само по себѣ уже равносильно отмѣнѣ биметаллизма; во 2-хъ, послѣдствіемъ такого ограниченія будетъ то, что рыночная цѣна серебра падетъ еще ниже существующей, и, слѣдовательно, окажется, что серебро въ монетѣ будетъ оцѣнено слишкомъ высоко и, въ силу указанныхъ выше мотивовъ, будетъ собираться въ государственныхъ кассахъ. Во всякомъ же случаѣ, при свободѣ чеканки, особенно, если въ монетѣ оно будетъ оцѣнено выше его рыночной цѣны (а это именно и требуется биметаллистами), необходимо произойдетъ переполненіе серебряной монетой обращенія. А такъ какъ такая монета, въ которой металлъ оцѣненъ выше его рыночной цѣны, не можетъ найти себѣ выхода естественнымъ путемъ— переливки въ слитки, то она и въ обращеніи будетъ оцѣниваться только по ея дѣйствительной цѣнности, и, такимъ образомъ, произойдетъ номинальное повышеніе цѣнъ всѣхъ товаровъ.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ соображеній болѣе благоразумные биметаллисты отказываются отъ требованія свободы чеканки серебра и настаиваютъ только на необходимости для каждаго государства пріобрѣтать ежегодно опредѣленное количество серебра для чеканки монеты, принимая, напримѣръ, отношеніе между золотомъ и серебромъ, какъ 1 : 20. При такомъ условіи, конечно, тѣ неблагопріятныя обстоятельства, которыя вытекаютъ изъ свободной чеканки, уничтожаются; но, взамѣнъ того, результатъ самой мѣры будетъ или совершенно ничтоженъ, или окажется подобнымъ тому, какой получится и при свободной чеканкѣ, въ зависимости отъ количества выпускаемаго въ обращеніе серебра. Если, именно, принять, что серебра для чекана новой монеты будетъ употребляться не больше того, что соотвѣтствуетъ стиранію всей валютной монеты, то это составитъ менѣе 100 милл. марокъ въ годъ, или менѣе 8% всей добычи серебра. Но и при этомъ уже предполагается, что серебра будетъ чеканиться столько, что цѣнность его будетъ покрывать стираніе не одной серебряной, но и золотой монеты, т. е. или количество монеты будетъ постоянно расти на всю сумму новой чеканки золота, или золото, не возстановляясь совершенно, постепенно будетъ выходить изъ обращенія. Увеличеніе количества обращающейся монеты,

по крайней мѣрѣ въ странахъ, имѣющихъ уже металлическое обращеніе, едва ли вызывается необходимостью, ибо, какъ мы увидимъ, прогрессъ экономическаго развитія ведетъ за собою уменьшеніе количества обращающейся монеты; слѣдовательно, даже въ указанныхъ размѣрахъ чеканка серебра едва ли возможна, по крайней мѣрѣ, для странъ, уже имѣющихъ металлическое обращеніе (не бумажныя деньги).

Въ результатѣ, такое повышеніе монеты повело бы только къ изъятію изъ обращенія золота, ибо опытъ показываетъ, что всегда худшая (въ данномъ случаѣ серебряная монета) вытѣсняетъ лучшую. При дальнѣйшемъ повышеніи количества монеты, по окончательномъ извлеченіи золота, оказалось бы, въ лучшемъ случаѣ, что она безполезно обременяетъ казначейства, какъ это имѣетъ мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ. Понятно, что увеличеніе чекана серебра выше указанной нормы, т. е. потребности погашенія, еще болѣе ускоритъ процессъ и вызоветъ всѣ тѣ послѣдствія, какія указаны при свободной чеканкѣ.

Словомъ, биметаллизмъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться такой монетной системой, которая бы обезпечивала правильное обращеніе.

§ 6. При всѣхъ нашихъ разсужденіяхъ о биметаллизмѣ мы предполагали, что количество обращающейся монеты не можетъ быть безгранично увеличиваемо. Посмотримъ же, чѣмъ опредѣляется это количество.

Выше было приведено мнѣніе Милля и друг., какъ опредѣляется количество денегъ, необходимое для страны. Замѣтимъ, прежде всего, что страна всегда заинтересована, чтобы количество денегъ,—металлической монеты,—было возможно менѣе, ибо, во-первыхъ, монета представляетъ непроизводительный капиталъ; во-вторыхъ, капиталъ этотъ для поддержки своей требуетъ непрерывнаго возобновленія (благодаря стиранію), т. е. траты средствъ. Изъ приведенныхъ выше разсужденій Рикардо можно сдѣлать выводъ, что необходимое количество монеты опредѣляется, во-первыхъ, цѣнностью обращающихся товаровъ, во-вторыхъ, цѣнностью самой монеты, въ-третьихъ, быстротой ея обращенія, т. е. тѣмъ количествомъ покупокъ, которыя совершаетъ каждая монета въ теченіе опредѣленнаго времени, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, развитіемъ средствъ, дозволяющихъ экономизировать количество передачъ монетъ. Первые два пункта не требуютъ поясненія. Что же касается третьяго, то нужно имѣть въ виду, что наиболѣе быстро обращаются мелкія размѣнныя монеты, такъ какъ мелочныя покупки всегда совершаются на наличныя деньги, хотя со временемъ и здѣсь можетъ происходить нѣкоторая экономія (напримѣръ, путемъ образованія потребительныхъ или производительныхъ ассоціацій); но это насъ не интересуетъ здѣсь, ибо валютная монета является въ этой сферѣ въ незначительномъ количествѣ. Что же касается быстроты обращенія, то она обусловливается раз-

витіемъ сношеній: чѣмъ скорѣе совершается транспортъ товаровъ и денегъ, чѣмъ болѣе ускоряются сношенія (почта, телеграфъ, телефонъ), тѣмъ быстрѣе обращается монета. Поэтому въ странахъ съ слабо развитымъ капиталистическимъ производствомъ,—странахъ, находящихся еще въ стадіи перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и обыкновенно имѣющихъ дурные пути сообщенія и сношеній, — потребность въ монетѣ, относительно цѣнности обращающихся товаровъ, значительно болѣе, сравнительно съ странами капиталистическими. Въ тѣхъ же странахъ менѣе развиты и средства, сокращающія потребность въ монетѣ, каковы банки, векселя и т. п.

Какое вліяніе производитъ увеличеніе количества монеты до размѣровъ, превышающихъ существующую въ ней потребность, мы уже говорили выше. Поэтому здѣсь замѣтимъ только, что если выпускъ полноцѣнной монеты въ излишнемъ количествѣ убыточенъ для государства, потому что такой излишекъ уходитъ изъ обращенія для техническихъ цѣлей, то выпускъ въ излишнемъ количествѣ монеты, внутренняя цѣнность которой не соотвѣтствуетъ ея номинальной цѣнѣ, еще болѣе неудобенъ, ибо избытокъ ея поведетъ къ общему повышенію цѣнъ товаровъ. Послѣднее обнаружится прежде всего относительно ввозныхъ товаровъ изъ тѣхъ странъ, которыя имѣютъ полноцѣнную монету, а затѣмъ распространится и на остальные товары. Рикардо думалъ, что изобиліе монеты (полагая ее полноцѣнной) поведетъ къ тому, что страна будетъ расплачиваться за ввозные товары въ бо́льшей мѣрѣ деньгами, чѣмъ товаромъ, и такимъ образомъ вновь возстановится нормальное отношеніе количества монеты къ обращенію внутри страны. Но такое уравненіе возможно только при двухъ условіяхъ: во 1-хъ, монета должна быть полноцѣнной, т. е. матеріалъ ея оцѣнивается на всемірномъ рынкѣ по той же цѣнѣ, по какой онъ оцѣненъ въ монетѣ. Во 2-хъ, ввозъ данной страны долженъ превышать ея вывозъ по цѣнности; точнѣе, платежи ея за границу превышаютъ цѣнность ея полученій изъ-за границы. Дѣйствительно, страны, вступающія въ сношенія съ данной страной, нуждаются вѣдь въ извѣстномъ количествѣ товаровъ и, поскольку имъ нужны эти товары, не имѣютъ основанія брать вмѣсто нихъ деньги. Если же онѣ возьмутъ товары, то, очевидно, деньги этимъ путемъ выйти изъ страны не могутъ, а, наоборотъ, сумма ихъ въ странѣ возрастетъ.

§ 7. Мы говорили, что деньги, какъ мѣновые знаки, могутъ замѣщаться предметами малоцѣнными, биллонной монетой, которая является не выразителемъ и носителемъ мѣновой цѣнности, а только знакомъ цѣнности. Возможность такой замѣны обусловливается тѣмъ, что эти знаки служатъ только орудіями обращенія товаровъ, настоящими мѣновыми знаками, но не исполняютъ другихъ функцій денегъ, т. е. не обра-

щаются ни въ сокровище, ни въ капиталъ. Поэтому эту функцію подобные знаки могутъ исполнять всего легче въ тѣхъ случаяхъ, когда каждый знакъ представляетъ незначительную цѣнность и быстро обращается, переходя изъ рукъ въ руки. Если получатель денегъ имѣетъ въ виду тотчасъ передать ихъ другому и увѣренъ, что тотъ приметъ ихъ, какъ знакъ опредѣленной цѣнности, то, понятно, ему нѣтъ основанія требовать, чтобы эти деньги заключали полную цѣнность, какую онѣ представляютъ.

Но затѣмъ, по мѣрѣ развитія обращенія, выясняется, что и вообще цѣнная металлическая монета во многихъ случаяхъ можетъ быть замѣнена, по крайней мѣрѣ во внутреннемъ обращеніи страны, малоцѣннымъ или почти безцѣннымъ матеріаломъ, бумагой, разъ существуетъ увѣренность, что эта бумага во всякое время можетъ быть обмѣнена на дѣйствительнаго представителя цѣнности — золото или вообще цѣнную монету. Это и есть идея, давшая поводъ ко введенію бумажныхъ денегъ.

Въ исторіи встрѣчаются, правда, указанія, что еще у карѳагенянъ существовало нѣкоторое подобіе бумажныхъ денегъ, а затѣмъ позже (въ XIII вѣкѣ по Р. Х.) у китайцевъ уже болѣе совершенная форма такихъ денегъ. Но, тѣмъ не менѣе, настоящимъ изобрѣтателемъ бумажныхъ денегъ слѣдуетъ считать шотландца Джона Ло, который далъ первую теоретическую обосновку бумажнымъ деньгамъ и затѣмъ, при Людовикѣ XV, произвелъ во Франціи грандіозную попытку введенія бумажно-денежнаго обращенія. Попытка эта, какъ извѣстно, потерпѣла фіаско, вслѣдствіе неправильнаго представленія о способахъ обезпеченія бумажныхъ денегъ. Тѣмъ не менѣе, эта неудача не повредила распространенію бумажныхъ денегъ, и онѣ вскорѣ вводятся въ разныхъ странахъ Европы. Но если въ идеѣ бумажныя деньги были ни чѣмъ инымъ, какъ суррогатомъ денегъ, т. е. знакомъ цѣнности, который можетъ быть по произволу владѣльца обмѣненъ на настоящія деньги — полный выразитель цѣнности, то на практикѣ онѣ, можно сказать, тотчасъ по рожденіи приняли совершенно своеобразный характеръ, ибо размѣнность ихъ на настоящія деньги оказалась совершенно номинальной: въ дѣйствительности правительства увидѣли въ нихъ средство покрывать свои расходы, не прибѣгая къ налогамъ и займамъ. Курсъ бумажныхъ денегъ сдѣлался скоро принудительнымъ, т. е. каждый долженъ былъ принимать ихъ наравнѣ съ полноцѣнной монетой и не какъ биллонъ, — въ ограниченномъ количествѣ,—а именно какъ полноцѣнную монету, безъ всякаго ограниченія количества. Они сдѣлались, такимъ образомъ, во всякомъ количествѣ законнымъ платежнымъ средствомъ. Не смотря на это признаніе ихъ законнымъ платежнымъ средствомъ, а слѣдовательно, и законнымъ орудіемъ мѣны, бумажныя деньги могутъ служить исклю-

чительно для внутренняго обращенія въ той странѣ, правительство которой ихъ выпустило. Дѣйствительно, самая возможность обращенія ихъ внутри страны основывается: во 1-хъ, на томъ, что онѣ представляютъ знакъ цѣнности, и во 2-хъ, на довѣріи подданныхъ къ своему правительству, что оно возмѣститъ заключающуюся въ нихъ цѣнность и, во всякомъ случаѣ, будетъ принимать ихъ въ уплату всѣхъ податей и налоговъ. Элементъ довѣрія здѣсь необходимъ, ибо, въ сущности, бумажныя деньги представляютъ не иное что, какъ долговое обязательство государства, выпускаемое правительствомъ на удовлетвореніе его нуждъ; такія обязательства выдаются всѣмъ лицамъ, доставляющимъ государству тѣ или другія цѣнности или услуги, какъ бы взамѣнъ долговой росписки.

Появленіе бумажныхъ денегъ обыкновенно совпадаетъ съ періодомъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, особенно, если этотъ переходъ совпадаетъ съ какимъ-нибудь крупнымъ переворотомъ въ народной жизни, нарушающимъ нормальный ходъ экономическихъ явленій. Впервые потребность въ увеличеніи орудій обмѣна ощущается самимъ правительствомъ, именно въ періодъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, когда является необходимость сформировать или реформировать внутренній строй. Еще болѣе обостряется эта потребность, если государство стремится расширить свои предѣлы и вступаетъ въ борьбу съ сосѣдними народами. Веденіе войны требуетъ громадныхъ расходовъ на пріобрѣтеніе самыхъ разнообразныхъ товаровъ (провіанта, оружія, транспортныхъ средствъ и т. п.); полученіе же всѣхъ этихъ предметовъ путемъ натуральной повинности въ это время (перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному) крайне затруднительно: во 1-хъ, потому, что часть необходимыхъ товаровъ вовсе не производится данной страной; во 2-хъ, отсутствіе совершенныхъ путей сообщенія крайне затрудняетъ доставку къ мѣсту потребленія и тѣхъ товаровъ, которые могли бы быть доставлены страною. Чтобы выйти изъ затрудненія, государству необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи значительное количество такихъ орудій мѣны, которыя были бы всѣми признаны, т. е. денегъ. Но именно ихъ-то въ это время очень мало, не только у правительства, но и вообще въ странѣ, гдѣ натуральное хозяйство еще господствуетъ. Поэтому извлеченіе достаточныхъ суммъ изъ населенія путемъ налога или путемъ внутренняго добровольнаго займа невозможно, ибо въ народѣ денегъ нѣтъ или такъ мало, что часто чувствуется недостатокъ въ мѣновыхъ знакахъ и для тѣхъ незначительныхъ оборотовъ, которые уже имѣютъ мѣсто. Остается одно средство — выпускъ бумажныхъ денегъ. Выпуская бумажныя деньги и расплачиваясь ими вмѣсто золота, государство какъ бы говоритъ своимъ подданнымъ,

что оно сейчасъ не въ состояніи уплатить полностью слѣдующей имъ цѣнности, но при всякомъ требованіи съ ихъ стороны оно обязуется это сдѣлать. На нашемъ кредитномъ билетѣ значится: «государственные кредитные билеты обезпечиваются всѣмъ достояніемъ государства и безостановочнымъ во всякое время размѣномъ на звонкую монету изъ предназначеннаго фонда». Иначе говоря, выпуская бумажныя деньги, государство дѣлаетъ принудительный заемъ среди своихъ подданныхъ, но занимаетъ не деньгами, а непосредственно товарами и услугами.

Каковы же слѣдствія этаго займа? Если выпускъ былъ произведенъ во время войны, то,—благодаря тому, что государству требуется значительное количество различныхъ товаровъ,—является нѣкоторое оживленіе въ ходѣ промышленныхъ дѣлъ, а, въ силу этаго, выпущенныя бумажныя деньги быстро разсѣеваются въ массѣ населенія, и, чѣмъ обширнѣе государство, тѣмъ болѣе долго незамѣтно переполненія ими рынка. Такимъ образомъ, умѣренный выпускъ бумажныхъ денегъ не влечетъ еще за собой гибельныхъ послѣдствій. Однако, государству не всегда удается или, точнѣе, почти никогда не удается соразмѣрить ихъ выпускъ съ дѣйствительными потребностями страны въ мѣновыхъ знакахъ. Это объясняется тѣми явленіями, которыя вызываютъ бумажныя деньги. Хотя оживленіе промышленности (особенно во время войны) вызвано искусственно, съ одной стороны—повышеніемъ цѣнъ цѣлаго ряда товаровъ, необходимыхъ государству, а съ другой —появленіемъ массы денегъ, но по внѣшности оно ничѣмъ не отличается отъ нормальнаго оживленія. Повышеніе цѣнъ распространяется не на всѣ товары сразу, и рабочая плата остается первоначально на прежнемъ уровнѣ. Поэтому, промышленность,—особенно тѣ ея отрасли, которыя доставляютъ предметы, потребные правительству, — работаетъ съ значительнымъ барышомъ, что служитъ стимуломъ дальнѣйшаго роста предпріятій, а, въ конечномъ выводѣ, является причиною и подъема заработной платы и, слѣдовательно, нѣкотораго повышенія уровня благосостоянія массъ или, по крайней мѣрѣ, повышенія спроса на товары, вслѣдствіе появленія въ массѣ народа бо́льшаго количества денегъ. Именно это увеличеніе спроса на товары принимается за признакъ возросшаго благосостоянія населенія, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, это явленіе есть главнымъ образомъ выраженіе усиленія потребности массы въ товарахъ даннаго рода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличенія покупательныхъ средствъ. Количество послѣднихъ въ массѣ населенія дѣйствительно увеличилось, но вызываемый этимъ спросъ на товары не выражаетъ увеличенія благосостоянія, а только усиленный переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, при чемъ многіе предметы домашняго производства замѣняются покупными товарами.

Во всякомъ случаѣ, оживленіе, слѣдующее непосредственно за выпускомъ бумажныхъ денегъ, является моментомъ соблазна, создавая въ умахъ какъ промышленниковъ, такъ и государственныхъ людей убѣжденіе, что бумажныя деньги не только не вредны, но даже полезны. А такъ какъ нужда правительства въ деньгахъ продолжается, то это даетъ поводъ повторить выпускъ бумажекъ, въ убѣжденіи, что этотъ выпускъ будетъ, по меньшей мѣрѣ, безвреденъ. Какъ сказано, появленіе денегъ въ моментъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному ускоряетъ переходъ къ денежному хозяйству: отвлеченіе нѣкотораго количества земледѣльческаго населенія къ промышленной дѣятельности создаетъ рынокъ и для земледѣльческихъ продуктовъ, а повышеніе цѣнъ на эти продукты поощряетъ производство ихъ для рынка. Поэтому деньги быстро расходятся въ народѣ, и хотя въ теоріи онѣ представляютъ непригодный для образованія сокровищъ матеріалъ, но на практикѣ онѣ отчасти обращаются въ таковой въ рукахъ земледѣльческаго населенія или же вытѣсняютъ изъ обращенія ту полноцѣнную металлическую монету, которая имѣлась до выпуска бумажекъ, теперь же частью употребляется для промышленныхъ цѣлей (какъ матеріалъ), частью обращается въ сокровище. Чѣмъ болѣе запросъ на товары, предъявляемый правительствомъ, тѣмъ бо́льшая доля денегъ (металлическихъ или бумажныхъ) скрывается изъ обращенія и, при непрекращающейся потребности государства, часто, не смотря на значительное количество выпущенныхъ бумажекъ, въ обществѣ является недостатокъ въ мѣновыхъ знакахъ, количество которыхъ въ это время должно быть тѣмъ болѣе значительно, что средства экономизаціи орудій обращенія еще не развиты. Это явленіе видимаго недостатка орудій обращенія является новымъ стимуломъ для усиленія выпусковъ бумажныхъ денегъ.

Повышеніе цѣнъ товаровъ при выпускѣ бумажныхъ денегъ, обусловливаемое вначалѣ просто усиленіемъ запроса на нихъ, поддерживается, а иногда и усиливается послѣдующими выпусками, которые для нуждъ обращенія являются, въ сущности, излишними. Здѣсь, однако, повышеніе цѣнъ выражаетъ уже паденіе цѣны денегъ, совершенно подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто при избыткѣ серебряной монеты при условіи оцѣнки металла въ монетѣ выше его рыночной цѣны,—какъ объяснено выше. Бумажныя деньги, не представляя никакой цѣнности, конечно, еще болѣе, чѣмъ серебряная монета, должны постоянно оставаться въ обращеніи, такъ какъ не могутъ быть употреблены въ качествѣ матеріала для какой-либо технической цѣли. Но, кромѣ того, повышеніе цѣнъ подъ вліяніемъ избытка бумажныхъ денегъ вызывается уже самымъ способомъ появленія этихъ денегъ на рынкѣ, который существенно разнится отъ появленія

полноцѣнныхъ металлическихъ денегъ. Та золотая монета, которую выпускаетъ правительство, пріобрѣтена имъ на средства, собранныя съ населенія путемъ налоговъ, и представляетъ, слѣдовательно, часть общественнаго труда. Если она вступаетъ въ обмѣнъ, то, значитъ, здѣсь дѣйствительно происходитъ обмѣнъ равноцѣнныхъ продуктовъ труда, и запросъ на продукты, производимый при помощи золота, не можетъ превышать извѣстнаго размѣра, обусловливаемаго количествомъ труда затраченнаго на добываніе монеты. Иное дѣло при выпускѣ бумажныхъ денегъ: являющійся здѣсь запросъ на продукты труда совершенно не соотвѣтствуетъ по цѣнности тому количеству труда, которое затрачено на приготовленіе денегъ, а во много разъ превосходитъ его. Естественно, что при этомъ спросъ на товары легко превышаетъ ихъ предложеніе и такимъ образомъ вызываетъ повышеніе цѣнъ. Подобное же явленіе наблюдается, когда наплывъ денегъ, хотя бы и настоящихъ, является случайно (какъ, напримѣръ, французская контрибуція въ Германіи) или благодаря заграничному займу для приготовленія монеты (ввозъ золота), съ тою, однако, разницею, что въ случаяхъ избытка дѣйствительной монеты повышеніе оказывается скоропреходящимъ, ибо излишекъ металлическихъ денегъ уходитъ изъ обращенія за границу или для техническихъ цѣлей. То незначительное повышеніе цѣнъ, которое происходитъ при первыхъ умѣренныхъ выпускахъ бумажныхъ денегъ, до нѣкоторой степени, желательно, являясь стимуломъ для развитія производства и первоначально именно въ сферѣ промышленности, а не земледѣлія. Но оживленіе экономической жизни здѣсь вызвано чисто искусственной мѣрой: картина быстро измѣняется, какъ только прекращается война, или вообще усиленный спросъ правительства на товары падаетъ или уничтожается. Тогда неминуемо должно произойти прекращеніе или значительное сокращеніе дѣятельности многихъ предпріятій. Продукты этихъ предпріятій, выработываемые по старому масштабу (или произведенные еще до окончанія войны), не находятъ сбыта, продаются ниже своей цѣнности, съ убыткомъ для капиталиста; сокращеніе числа занятыхъ рабочихъ вызываетъ паденіе заработной платы. Бумажныя деньги, поглощавшіяся въ моментъ оживленія, не находятъ себѣ производительнаго занятія, устремляются на спекуляцію, переполняютъ банки и внутренніе рынки. Переполненіе банковъ бумажными деньгами, въ свою очередь, содѣйствуетъ усиленію спекуляціи, ибо, стремясь освободиться отъ излишка ихъ, банки понижаютъ заемный процентъ и кредитуютъ предпріятія всякаго рода, безъ разбора. Циркулируя на внутреннихъ рынкахъ въ излишнемъ количествѣ, бумажныя деньги вызываютъ повышеніе цѣнъ товаровъ, которое обусловливается тѣмъ, что вся имѣющаяся сумма бумажныхъ денегъ непремѣнно должна вступить въ сферу обращенія,—какъ было уже объяснено

выше. Но если цѣнность всѣхъ обращающихся товаровъ составляетъ, напримѣръ, 50.000.000 рублей, то очевидно, что съ замѣной золота бумагой, напр., въ размѣрѣ 75.000.000, дѣйствительная—трудовая цѣнность товаровъ нисколько не измѣнится, и вся брошенная въ обращеніе-сумма бумажныхъ денегъ,—75.000.000 рублей,—будетъ представлять только цѣнность 50.000.000 рублей. Формально это выразится такимъ образомъ, что товаръ, стоившій по оцѣнкѣ на золото 50 рублей, будетъ продаваться за 75 рублей бумажныхъ денегъ. Другими словами, происходитъ не повышеніе цѣнности товаровъ, а паденіе цѣны бумажныхъ денегъ. Это паденіе бумажныхъ денегъ совершенно ясно выражается въ томъ случаѣ, когда рядомъ съ ними циркулируетъ полноцѣнная (золотая или серебряная) монета; такая монета обмѣнивается тогда на бумажныя деньги, какъ говорятъ, «съ лажемъ», т. е. къ номинальной цѣнѣ ея прибавляется въ бумажкахъ еще нѣкоторая сумма, которая и составляетъ лажъ, выражаемый обыкновенно въ процентахъ полноцѣнной монеты. Напр., если пятирублевая золотая монета обмѣнивается на рынкѣ за 7 р. 50 к. бумажныхъ денегъ, то лажъ на золото составляетъ 50%. Отношеніе же цѣны бумажныхъ денегъ въ золотѣ къ ихъ номинальной цѣнѣ составляетъ то, что̀ называютъ курсомъ бумажныхъ денегъ; въ нашемъ случаѣ курсъ будетъ $^{50}/_{75} = 66^{2}/_{3}\%$. Такое номинальное повышеніе цѣнъ въ странахъ бумажно-денежнаго обращенія можетъ быть очень значительно. Такъ, въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, цѣны хлѣба на нашихъ внутреннихъ рынкахъ были чрезвычайно высоки, исключительно благодаря паденію курса рубля, вслѣдствіе турецкой войны 1876-77 года. Что это явленіе дѣйствительно было слѣдствіемъ паденія цѣны бумажныхъ денегъ, доказывается тѣмъ, что въ то время цѣна хлѣба, выраженная въ золотѣ, на лондонскомъ рынкѣ оставалась почти неподвижною или даже упала сравнительно съ первой половиной семидесятыхъ годовъ. Насколько глубоко можетъ быть паденіе цѣны бумажныхъ денегъ, показываетъ примѣръ первой французской республики, бумажныя деньги которой пали такъ низко, что цѣна сапогъ выражалась въ 1000 ливрахъ (=25.000 франк.). Но и помимо такихъ исключительныхъ случаевъ, паденіе можетъ быть значительно: такъ, въ 1887 году нашъ бумажный рубль, въ переводѣ на золото, стоилъ только 50 копѣекъ.

Такое колебаніе цѣнности денегъ не можетъ не отражаться пагубно на промышленной жизни страны. Дѣйствительно, при паденіи курса въ убыткѣ оказываются, во 1-хъ, всѣ тѣ (кредиторы), кто давалъ взаймы или отпускалъ товары въ долгъ при болѣе высокомъ курсѣ, а теперь получаетъ уплату обезцѣненными деньгами; во 2-хъ, всѣ тѣ, кто получаетъ опредѣленную цифру вознагражденія—жалованье—и теперь, при повышеніи цѣнъ, не можетъ удовлетворять всѣ свои потребности въ

прежнемъ масштабѣ; наконецъ, въ 3-хъ, всѣ тѣ, кто обязался за извѣстную сумму исполнить извѣстную работу и теперь вынужденъ пріобрѣтать матеріалъ по новымъ цѣнамъ, а иногда оплачивать и рабочую силу выше, чѣмъ онъ предполагалъ при первоначальномъ разсчетѣ. Наоборотъ, при быстромъ повышеніи курса терпятъ значительные убытки или даже разореніе тѣ производители, которые употребляютъ сырье заграничнаго происхожденія, цѣны на которое (въ бумажныхъ деньгахъ) при низкомъ курсѣ значительно выше, чѣмъ при высокомъ. Эти производители терпятъ убытки, ибо цѣны ихъ продуктовъ теперь, съ повышеніемъ курса, не соотвѣтствуютъ цѣнѣ матеріаловъ. Равнымъ образомъ всѣ дебиторы (должники), сдѣлавшіе заемъ при низкомъ курсѣ, получившіе, слѣдовательно, малоцѣнныя деньги, теперь вынуждены уплатить номинально ту же сумму, но деньгами, цѣна которыхъ значительно выше.

Обыкновенно говорятъ, что бумажныя деньги служатъ только для внутренняго обращенія, и онѣ, дѣйствительно, только для этаго и предназначаются. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, какъ извѣстно, наши, напр., бумажныя деньги нерѣдко выходятъ за границу (преимущественно въ Германію), и пробовали даже объяснять колебаніе курсовъ вліяніемъ спекуляціи заграничныхъ биржъ. Чтобы понять возможность циркуляціи бумажныхъ денегъ внѣ предѣловъ выпустившей ихъ страны, надо имѣть представленіе о вексельномъ курсѣ. Мы знаемъ, что единственнымъ орудіемъ обмѣна въ международныхъ оборотахъ является золото, и чаще всего оно фигурируетъ здѣсь въ слиткахъ, такъ какъ въ монетахъ оно можетъ имѣть ходъ только въ одной изъ обмѣнивающихся странъ. Однако, въ виду трудности и риска пересылки значительныхъ количествъ золота изъ страны въ страну, сдѣлки между коммерсантами происходятъ обыкновенно въ вексельной формѣ. Положимъ, что русскій хлѣбный торговецъ A отправляетъ партію пшеницы въ Англію, на имя купца B. Въ то же время англійскій купецъ C продаетъ сукно московскому купцу D. Для того, чтобы разсчитаться по этимъ двумъ сдѣлкамъ, англійскій покупщикъ пшеницы долженъ былъ бы переслать деньги московскому продавцу ея, а русскій покупатель сукна, обратно, деньги англійскому продавцу этаго товара. Такая пересылка, очевидно, сопряжена съ расходами и рискомъ, поэтому дѣло устраивается иначе. Московскій продавецъ пшеницы A пишетъ на англійскаго покупателя ея B переводный вексель, т. е. требованіе уплаты должной суммы предъявителю этаго векселя. Но этотъ вексель онъ продаетъ московскому купцу D, который и посылаетъ его своему англійскому кредитору для полученія съ B суммы, слѣдующей A. Если требованіе A съ B и C съ D равны, то такимъ образомъ долговыя обязательства обѣихъ сторонъ погашаются безъ всякой пере-

сылки денегъ изъ одной страны въ другую: московскій покупатель сукна, чтобы уплатить свой долгъ англійскому торговцу, долженъ купить въ Москвѣ вексель на Англію. Отношеніе цѣны, за которую продается вексель, къ его номинальной цѣнѣ (валютной) именуется вексельнымъ курсомъ, который, какъ и всѣ рыночныя цѣны, подверженъ колебаніямъ.

Предположимъ, что двѣ страны, напримѣръ, Россія и Англія, ведутъ между собою постоянныя коммерческія сношенія и производятъ взаимныя расплаты черезъ пересылку векселей. Если сумма долговъ русскихъ купцовъ англійскимъ равна суммѣ долговъ англійскихъ купцовъ русскимъ, то русскіе продавцы на рынкѣ предлагаютъ векселей на Англію ровно на такую же сумму, на какую ихъ нужно купить русскимъ покупателямъ англійскихъ товаровъ. Предложеніе векселей на Англію будетъ равно спросу ихъ. Поэтому въ Россіи вексель на Англію въ 100 L. будетъ стоить ровно 100 L., т. е. будетъ продаваться al pari. Точно также въ Англіи, при этомъ положеніи дѣлъ, вексель на Россію будетъ стоять al pari. Но, положимъ, напримѣръ, что Россія должна заплатить Англіи больше, чѣмъ получить съ нея: въ такомъ случаѣ въ Россіи требованіе векселей на Англію составитъ бо́льшую сумму, чѣмъ сколько Англія должна уплатить Россіи,—спросъ на векселя превыситъ предложеніе ихъ. Вслѣдствіе этаго вексель на Англію въ 100 L. будетъ продаваться дороже 100 L., и тогда говорятъ, что векселя на Англію продаются въ Россіи съ преміей. Однако, эта премія не можетъ превышать расходовъ по пересылкѣ звонкой монеты, ибо, какъ скоро премія поднимется выше стоимости пересылки монеты, то русскіе должники предпочтутъ покупку и пересылку звонкой монеты или золота покупкѣ векселя. Если, напротивъ, Россія имѣетъ на Англію больше требованій, нежели Англія на Россію, то въ Россіи будетъ предложено къ продажѣ больше векселей, чѣмъ сколько нужно для расплаты съ англійскими кредиторами, отчего цѣна векселя на Англію упадетъ ниже pari. Вексель въ 100 L. будетъ продаваться ниже 100 L. или, какъ принято выражаться, будетъ продаваться съ «дисконтомъ». Такимъ образомъ основная причина колебанія вексельныхъ курсовъ заключается въ отношеніи взаимныхъ платежей обмѣнивающихся странъ. Хотя эта система расплаты и сокращаетъ пересылку золота, однако въ результатѣ, страна, въ пользу которой окажется платежный балансъ, получитъ приплату въ видѣ металла.

Но весь процессъ обмѣна совершается вышеописаннымъ способомъ въ томъ только случаѣ, когда обѣ вступающія въ обмѣнъ страны имѣютъ во внутреннемъ обращеніи золотую или вообще однородную полноцѣнную монету. Если же та изъ нихъ, въ пользу которой направленъ торговый

балансъ, имѣетъ въ обращеніи бумажныя деньги, то для другой часто выгоднѣе пріобрѣсти эти бумажныя деньги и ими расплачиваться со своими кредиторами, чѣмъ пересылать добавочныя суммы золота, при чемъ,—въ виду частыхъ колебаній курса бумажныхъ денегъ,—покупающій ихъ иностранный коммерсантъ можетъ разсчитывать выиграть на ихъ курсѣ и, такъ сказать, спекулируетъ на такое повышеніе курса бумажныхъ денегъ. Такъ обыкновенно ведется дѣло въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи и Германіи. Въ годы хорошаго урожая, и вообще, когда экспортъ нашего хлѣба сильно повышается, особенно въ извѣстные періоды (осенью), нѣмецкіе коммерсанты не могутъ найти на своемъ денежномъ рынкѣ достаточнаго количества русскихъ векселей. Вслѣдствіе этаго происходитъ повышеніе русскаго вексельнаго курса, и въ Германіи оказывается спросъ на русскія бумажныя деньги. Такъ какъ такое явленіе систематически повторяется, то германскіе торговцы заранѣе предусматриваютъ этотъ спросъ и запасаются бумажными деньгами. Это дѣлается отчасти путемъ прямой покупки бумажныхъ денегъ на золото, при чемъ продавцами ихъ выступаютъ русскіе импортеры, которымъ золото нужно для уплаты таможенныхъ пошлинъ; отчасти же—для этаго служитъ залогъ русскихъ государственныхъ процентныхъ бумагъ (изъ которыхъ значительная часть находится въ Германіи) въ русскихъ же банкахъ, при чемъ полученные подъ залогъ бумагъ кредитные билеты высылаются за границу (согласно правиламъ международной корреспонденціи простымъ заказнымъ пакетомъ). Наконецъ, германскіе купцы принимаютъ бумажныя деньги въ уплату за проданные въ Россію товары. Такимъ образомъ наши деньги уходятъ заграницу. Однако, тамъ онѣ фигурируютъ уже не какъ платежное средство, не какъ деньги, а какъ обыкновенный товаръ. Но такъ какъ германскіе купцы затратили на покупку ихъ настоящій капиталъ въ той или другой формѣ, то, понятно, чтобы держаніе этихъ денегъ было для нихъ безубыточно, должна существовать разность между цѣною ихъ пріобрѣтенія и цѣною продажи,—разность, которая должна покрывать, по крайней мѣрѣ, тотъ процентъ, который получилъ бы капиталистъ на свой капиталъ, отдавъ его, напр., въ заемъ. Обыкновенно низшую норму этаго процента представляетъ такъ называемый учетный процентъ, т. е. процентъ сбавки съ цѣны векселя при оплатѣ его ранѣе срока. Поэтому-то и курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ за границею колеблется обыкновенно параллельно колебаніямъ банковаго учетнаго процента. Такимъ образомъ въ Германіи идетъ биржевая игра на русскія бумажныя деньги: нѣмецкіе торговцы стараются выписать ихъ во время пониженія ихъ цѣны и, наоборотъ, сбыть ихъ при повышеніи. Для этаго и прибѣгаютъ къ полученію ихъ изъ банковъ подъ залогъ русскихъ процентныхъ бумагъ и именно въ то

время, когда банки переполняются деньгами, вслѣдствіе отсутствія спроса на нихъ для потребностей внутреннихъ оборотовъ, ибо въ это время банки берутъ наименьшій процентъ за займы. Такъ какъ важнѣйшій товаръ нашего внутренняго рынка—хлѣбъ, то и главное требованіе на деньги для внутреннихъ оборотовъ является съ поступленіемъ на рынокъ новаго урожая хлѣба, т. е. осенью; періодъ же, непосредственно предшествующій этому спросу (лѣто), отличается наименьшимъ спросомъ на деньги, и въ это-то время наши бумажныя деньги и уходятъ за границу, чтобы вернуться къ намъ обратно въ обмѣнъ за вывезенный нами хлѣбъ. Эти передвиженія неминуемо отражаются на условіяхъ внутренняго рынка: моментъ отлива бумажныхъ денегъ, какъ сказано, непосредственно предшествуетъ моменту наибольшаго запроса на нихъ для внутреннихъ оборотовъ, а, въ силу этаго, является недостатокъ денегъ для внутренняго обращенія,—недостатокъ, который вызываетъ нерѣдко такъ называемые временные выпуски бумажныхъ денегъ.

Совершенно подобное же явленіе видимаго недостатка мѣновыхъ знаковъ вызываютъ требованія на деньги, возникающія періодически изъ функціи денегъ, какъ платежнаго средства. Деньги не всегда вступаютъ въ обмѣнъ одновременно съ передачей товара изъ однѣхъ рукъ въ другія; иногда,—и тѣмъ чаще, чѣмъ больше развита экономическая жизнь,—товары передаются покупателю ранѣе, чѣмъ цѣнность ихъ, выраженная въ деньгахъ, будетъ передана продавцу; происходитъ *отсрочка платежа*. Явленіе это настолько распространено, что въ извѣстнаго рода отношеніяхъ деньги всегда фигурируютъ только въ роли *платежнаго средства*. Такъ, напримѣръ, работникъ получаетъ рабочую плату только по выполненіи извѣстнаго количества работы; равнымъ образомъ и въ отношеніяхъ между предпринимателями-капиталистами отсрочка платежа является не только очень обычной въ обыкновенныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, но считается въ извѣстныхъ случаяхъ прямо правиломъ, напр., при исполненіи строительныхъ работъ и т. п. по подряду или при поставкахъ товаровъ значительными массами. Очень обычно при этомъ, въ значительномъ числѣ случаевъ, назначеніе срока платежей на опредѣленные дни, напр., дни ярмарокъ и т. п. И вотъ въ эти-то моменты является усиленное требованіе на деньги; хотя деньги здѣсь требуются часто только на очень короткій срокъ, но, тѣмъ не менѣе, онѣ должны быть налицо, особенно при отсутствіи учрежденій, которыя бы сводили взаимныя обязательства различныхъ лицъ другъ къ другу, учрежденій, которыя въ странахъ съ малоразвитыми сношеніями обыкновенно отсутствуютъ. Но и въ другихъ странахъ подобный же отливъ денегъ вызываютъ нѣкоторые моменты хозяйственной жизни, спеціально земледѣльческой, напр., въ Англіи платежъ ренты. У насъ, какъ констатировано

Николаемъ—ономъ, главный отливъ денегъ изъ банковъ совпадаетъ съ реализаціей урожая. Деньги тогда уходятъ въ народъ и возвращаются въ центральныя, собирающія ихъ, учрежденія,—банки, — только весьма медленно: у насъ, напримѣръ, наиболѣе значительная часть ихъ поступаетъ на уплату различныхъ податей и налоговъ и концентрируется сначала въ кассахъ казначейства и, только пройдя отсюда еще разъ или болѣе въ публику, возвращается постепенно въ банкъ. Другая часть денегъ, разошедшихся въ народѣ съ осени и идущая на пріобрѣтеніе земледѣльцемъ различныхъ предметовъ, частью задерживается въ рукахъ земледѣльца на нѣкоторое время, частью поступаетъ къ различнымъ мелочнымъ торговцамъ и только черезъ нихъ къ болѣе крупнымъ торговцамъ и производителямъ-капиталистамъ, которые отправляютъ ихъ въ банки.

Какъ бы то ни было, является, во всякомъ случаѣ, значительное колебаніе въ количествѣ средствъ обращенія, которыми располагаютъ въ каждый моментъ банки, а отсюда и такъ называемые *временные выпуски бумажныхъ денегъ*. Но, кромѣ того, эти періодическіе отливы денегъ, весьма вѣроятно, вліяютъ отчасти и на цѣны товаровъ: можетъ быть въ связи съ этимъ находится тотъ общеизвѣстный фактъ (хотя зависящій, безъ сомнѣнія, и отъ другихъ причинъ), что осеннія цѣны хлѣбовъ всегда стоятъ ниже цѣнъ весеннихъ или даже зимнихъ.

Сказанное достаточно уясняетъ, насколько неблагопріятно для правильнаго обращенія, а слѣдовательно, и для всей хозяйственной жизни страны существованіе бумажныхъ денегъ. Однако, не смотря на это, сами промышленники нерѣдко являются противниками изъятія бумажныхъ денегъ изъ обращенія или даже только уменьшенія ихъ количества. Такое явленіе объясняется, съ одной стороны, непониманіемъ вліянія бумажно-денежнаго обращенія на экономическія отношенія, но, съ другой стороны, нужно признать, что бумажныя деньги и именно обиліе ихъ доставляютъ весьма существенныя выгоды промышленникамъ. Дѣло въ томъ, что, при современныхъ условіяхъ производства, почти ни одно предпріятіе не обходится безъ заемныхъ капиталовъ, а заемный процентъ,—какъ мы скоро покажемъ,—находится въ прямой зависимости отъ количества имѣющихся въ странѣ денежныхъ капиталовъ. Увеличить количество золотой монеты, обращающейся въ странѣ, выше опредѣленной нормы, невозможно, такъ какъ избытокъ ея или перейдетъ въ другія страны, или будетъ потребленъ на золотыя подѣлки. Бумажныя деньги, напротивъ, можно сказать, постоянно находятся въ избыточномъ количествѣ, потому предложеніе денегъ всегда достаточно, а это ведетъ къ значительному пониженію заемнаго процента. Это то пониженіе и доставляетъ промышленникамъ и торговцамъ значительныя выгоды; но это

обстоятельство не уничтожаетъ, конечно, вреда бумажно-денежнаго обращенія для общества въ цѣломъ.

§ 8. Сознавая вредъ бумажныхъ денегъ, правительства дѣлали много попытокъ къ устраненію его и стремились возстановить металлическое обращеніе. Казалось бы, что самымъ простымъ средствомъ будетъ изъятіе лишнихъ бумажныхъ денегъ и уничтоженіе ихъ, чего, пожалуй, можно достигнуть путемъ займа. Однако, уже самое опредѣленіе того излишка, который долженъ быть изъятъ изъ обращенія, представляетъ не малыя трудности, ибо мы видѣли, что и при избыткѣ денегъ возникаютъ періодически обстоятельства, указывающія какъ бы на существованіе недостатка въ мѣновыхъ знакахъ и побуждающія къ временнымъ выпускамъ новыхъ бумажекъ. Но затѣмъ и результаты изъятія могутъ быть далеко не всегда благопріятны. Существенное значеніе въ этомъ случаѣ имѣетъ курсъ бумажныхъ денегъ передъ изъятіемъ части ихъ. Такъ какъ этотъ курсъ опредѣляется, главнымъ образомъ, ихъ количествомъ, то, слѣдовательно, изъятіе нѣкоторой части бумажекъ должно повести къ повышенію курса остальныхъ. Если бы, напримѣръ, въ настоящій моментъ русскій бумажный рубль, цѣнимый въ 66 коп. золотомъ, повысился до al pari, т. е. сталъ бы равноцѣненъ золотому рублю, вслѣдствіе изъятія части бумажныхъ денегъ, то цѣна всѣхъ товаровъ, выраженная въ новой монетѣ, должна бы понизиться на цѣлую треть, что должно вызвать кризисъ въ промышленности. Дѣйствительно, производитель, купившій матеріалъ по оцѣнкѣ его въ старой монетѣ, скажемъ, на 100 тыс. рублей, получитъ теперь за тотъ же матеріалъ въ продуктѣ только 66 тыс. рублей. Хотя получаемыя за товары деньги и будутъ имѣть высшую цѣнность, все же предприниматель окажется въ убыткѣ, такъ какъ ему придется расплачиваться за занятый капиталъ на старыхъ условіяхъ. Столь рѣзкій результатъ получился бы, однако, лишь при очень быстромъ изъятіи значительнаго количества бумажекъ. Чтобы избѣгнуть значительныхъ и быстрыхъ колебаній въ цѣнности денегъ, стараются производить операцію постепенно, при чемъ и повышеніе курса бумажныхъ денегъ пойдетъ болѣе постепенно и въ концѣ концовъ курсъ можетъ быть доведенъ до al pari. Бунге, въ свою бытность (русскимъ) министромъ финансовъ, пробовалъ произвести подобную операцію изъятія лишнихъ бумажныхъ денегъ, выпуская такъ называемую «золотую ренту», т. е. непогашаемый (точнѣе, погашаемый по истеченіи только извѣстнаго числа лѣтъ) заемъ въ 50.000,000 рублей ежегодно, при чемъ предполагалось, что деньги (бумажныя), поступавшія въ обмѣнъ за ренту, будутъ уничтожаться. Фактически это оказалось невыполнимымъ, благодаря именно тѣмъ временнымъ требованіямъ увеличенія количества средствъ обращенія, на которыя указано выше. Но если бы

это обстоятельство не воспрепятствовало осуществленію указаннаго проекта, то въ результатѣ его выполненія явился бы тотъ же кризисъ, какъ и при быстромъ поднятіи курса, съ тою разницею, что въ этомъ случаѣ кризисъ не былъ бы острымъ, кратковременнымъ, а долженъ былъ затянуться надолго. Потому эта мѣра выполнима только въ томъ случаѣ, когда курсъ бумажныхъ денегъ близокъ къ al pari и когда, слѣдовательно, хотя также нѣкоторая группа лицъ потерпитъ убытки; но эти убытки не настолько велики, чтобы могли вызвать кризисъ въ видѣ значительнаго числа несостоятельностей среди промышленниковъ.

Другой способъ изъятія бумажныхъ денегъ состоитъ въ прямомъ обмѣнѣ ихъ на золото или вообще звонкую монету. Подобную операцію произвела Франція, которая послѣ войны 1870 г., заплативъ Германіи контрибуцію, ввела у себя бумажное обращеніе и уничтожила его 2 года спустя. Но этотъ способъ примѣнимъ также, во 1-хъ, только тогда, когда курсъ бумажныхъ денегъ стоитъ почти или совершенно al pari. Во 2-хъ, въ большинствѣ случаевъ этотъ путь оказывается невозможнымъ именно для тѣхъ странъ, въ которыхъ наиболѣе часто встрѣчается бумажно-денежное обращеніе. Какъ мы видѣли, оно характерно для странъ, находящихся въ періодѣ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, и, слѣдовательно, бѣдныхъ; способъ же этотъ требуетъ крупной единовременной затраты, для Россіи, напримѣръ, равной одному милліарду рублей. Нужно помнить, что бумажныя деньги не представляютъ реальной цѣнности. Выпуски ихъ вовсе не сообразовались съ количествомъ дѣйствительно произведенныхъ страной реальныхъ цѣнностей, а нерѣдко даже стояли къ послѣдней въ обратной пропорціи. Откуда же взять такую массу реальныхъ цѣнностей, золота, въ замѣнъ этой фиктивной цѣнности? Но если это препятствіе и можетъ быть устранено, напр., путемъ заграничнаго займа, то все же замѣна бумажекъ золотомъ возможна только, пока курсъ бумажныхъ денегъ, какъ сказано, почти равенъ al pari, иначе убытки отъ такой замѣны будутъ слишкомъ велики. Если при настоящей цѣнѣ русскаго бумажнаго рубля (66 коп. золотомъ) государство замѣнитъ 1 милліардъ бумажныхъ рублей такимъ же количествомъ золотыхъ,—то цѣнность всей суммы орудій обращенія возрастетъ сразу выше потребности въ такомъ орудіи въ данный моментъ, почему избытокъ золота уйдетъ за границу или будетъ перелитъ въ слитки для техническаго употребленія; въ Россіи же удержится только 660 милліоновъ рублей въ видѣ монеты; значитъ, государство прямо потеряетъ 340 милліоновъ рублей. Правда, отдѣльныя лица, владѣльцы бумажекъ, выиграютъ при этомъ, но это будетъ прямой подарокъ государства, къ тому же не всегда достигающій цѣли—возстановленія металлическаго обращенія. Дѣйствительно, чтобы золотая монета могла удер-

жаться въ странѣ, необходимо, чтобы международный платежный балансъ былъ въ ея пользу. Это значитъ, чтобы сумма всѣхъ платежей страны по иностраннымъ обязательствамъ,—считая не только разницу между цѣнностью вывоза и ввоза товаровъ (которая составляетъ торговый балансъ), но и всѣ платежи по заграничнымъ государственнымъ займамъ, и прибыли съ иностранныхъ капиталовъ, участвующихъ въ русскихъ предпріятіяхъ, а равно и нерегистрованный вывозъ монеты за границу,—чтобы эта сумма была меньше полученій страны изъ-за границы. Что это условіе совершенно необходимо для удержанія полноцѣнной монеты въ обращеніи, показываетъ примѣръ Италіи, которая въ восьмидесятыхъ годахъ возстановила у себя золотое обращеніе, сдѣлавъ для этаго значительныя затраты, тогда какъ международный балансъ былъ далеко не въ ея пользу. Въ результатѣ оказалось, что золото ушло заграницу, и въ настоящее время въ этой странѣ снова господствуетъ бумажно-денежное обращеніе.

Наконецъ, существуетъ еще одинъ способъ, при помощи котораго государство можетъ освободиться отъ избытка бумажныхъ денегъ. Мѣра эта—такъ называемая девальвація, которую нерѣдко отождествляютъ съ государственнымъ банкротствомъ. Сущность ея заключается въ томъ, что государство выплачиваетъ за бумажныя деньги не полную ихъ номинальную стоимость въ золотѣ, а только ихъ курсовую цѣну или, взамѣнъ того, предлагаетъ обмѣнъ на новыя бумаги, низшей цѣнности, но съ обезпеченнымъ обмѣномъ на звонкую монету. Конечно, цѣль,—т. е. возстановленіе металлическаго обращенія,—будетъ достигнута только въ томъ случаѣ, если государство дѣйствительно исполнитъ свое обязательство и не будетъ выпускать бумажныхъ денегъ больше того, что можетъ размѣнять на золото. Но, въ свою очередь, возможность для государства поддержать размѣнъ зависитъ отъ указаннаго выше характера платежнаго баланса страны, ибо при неблагопріятномъ балансѣ,—т. е. превышеніи заграничныхъ платежей страны надъ полученіями изъ-за границы,—металлъ будетъ постоянно стремиться уйти изъ страны.

Методъ возстановленія металлическаго обращенія путемъ девальваціи былъ испытанъ въ Россіи въ 30-хъ годахъ, когда по предложенію министра финансовъ, графа Канкрина, произведенъ былъ обмѣнъ прежнихъ «ассигнацій» на «кредитные билеты», размѣнъ которыхъ на серебро поддерживался въ теченіе 6 лѣтъ (съ 1837 по 1843 г.), послѣ чего новые выпуски бумажекъ и истощеніе размѣннаго фонда вынудили пріостановить размѣнъ. Тогда количество бумажныхъ денегъ достигло до 500 милліоновъ рублей, что далеко превышало потребности обращенія того времени. Поэтому курсъ бумажнаго рубля палъ до 27—29 копѣекъ золотомъ (точнѣе—серебромъ) и на этомъ уровнѣ держался нѣсколько

лѣтъ. Эта цѣна и была приблизительно принята для обмѣна ассигнацій на кредитные билеты ($3^1/_2$ рубля ассигнацій признаны равными одному рублю кредитными билетами).

Попробуемъ выяснить теоретически тѣ обстоятельства, которыя должны быть приняты во вниманіе при обсужденіи вопроса о возстановленіи металлическаго обращенія.

Какъ было сказано, появленіе бумажныхъ денегъ связано съ извѣстнымъ моментомъ экономическаго развитія страны. Совершенно подобнымъ же образомъ и возвращеніе къ металлическому обращенію вынуждается ходомъ экономическаго развитія. Дѣйствительно; по мѣрѣ экономическаго развитія внѣшнія сношенія страны все возрастаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастаютъ и убытки, причиняемые странѣ бумажно-денежнымъ обращеніемъ, ибо чѣмъ обширнѣе промышленные обороты страны, тѣмъ значительнѣе и потери, вызываемыя колебаніями курса. Къ тому же, какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ въ извѣстные моменты является усиленный запросъ на деньги, удовлетвореніе котораго путемъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ представляетъ большія неудобства въ томъ смыслѣ, что послѣдующее извлеченіе ихъ крайне трудно. Но, помимо неудобствъ, всегда присущихъ бумажно-денежному обращенію, прогрессъ экономическаго развитія вызываетъ новыя—обусловливаемыя именно этимъ прогрессомъ. Такъ, мы видѣли, что страны съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ находятся въ періодѣ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, съ неразвитымъ обращеніемъ. Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ въ этихъ странахъ развивается, особенно подъ вліяніемъ желѣзно-дорожнаго транспорта и улучшенія сношеній, промышленность, и, слѣдовательно, совершается переходъ къ хозяйству денежному, денежное обращеніе также растетъ и потребность въ деньгахъ увеличивается. Благодаря этому возникаетъ крайне оригинальное явленіе, которое можно наблюдать въ настоящій моментъ въ Австріи и Россіи. Въ той и въ другой странѣ номинально—валюта серебряная, но на дѣлѣ господствуетъ бумажно-денежное обращеніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ послѣдніе годы, съ паденіемъ цѣны серебра, курсъ бумажныхъ денегъ, номинально опредѣляемый цѣною серебра, не слѣдовалъ за паденіемъ цѣны металла, а держался выше той цѣны, какая соотвѣтствуетъ цѣнѣ полноцѣнной валютной монеты того же наименованія при настоящихъ цѣнахъ на серебро. У насъ, напр., бумажный рубль сейчасъ стоитъ въ золотѣ процентовъ на 30 болѣе того, что̀ долженъ былъ бы стоить полноцѣнный серебряный рубль, по рыночной цѣнѣ металла. Значитъ бумажный рубль цѣнится выше своего валютнаго основанія, и это обстоятельство прямо уже устраняетъ вопросъ о возможности перехода или воз-

врата къ серебряной валютѣ. При нашихъ условіяхъ это еще не вполнѣ ясно, потому что у насъ никогда не существовало ясно формулированнаго положенія о валютномъ металлѣ. Но въ Австріи такое положеніе совершенно ясно, такъ какъ по закону старый гульденъ есть серебряная монета, а теперь бумажный гульденъ по курсу дороже серебрянаго гульдена. Это странное явленіе объясняется тѣмъ, что при современномъ развитіи международныхъ сношеній монета всякаго народа, участвующаго въ международныхъ оборотахъ, оцѣнивается только въ томъ металлѣ, который служитъ специфическимъ выразителемъ цѣнности на всемірномъ рынкѣ, т. е. въ золотѣ. Съ другой стороны, это показываетъ еще, что цѣнность бумажныхъ денегъ и вообще денежнаго матеріала (орудія обращенія) во внутреннемъ обращеніи также приспособляется къ оцѣнкѣ его на міровомъ рынкѣ, вѣрнѣе—опредѣляется въ данномъ случаѣ не внутренней цѣнностью денегъ и не тою цѣнностью, которую онѣ номинально должны представлять, какъ знаки серебряной монеты, а отношеніемъ количества ихъ къ потребностямъ внутренняго обращенія, опредѣляемой цѣнностью въ золотѣ обращающихся на рынкѣ товаровъ. Оцѣнка бумажныхъ денегъ, слѣдовательно, совершается независимо отъ цѣнности того металла, знакомъ цѣнности котораго онѣ первоначально служатъ.

Рядомъ съ указанной аномаліей оцѣнки бумажныхъ денегъ наблюдается еще одно, достойное вниманія, явленіе: не смотря на то, что ни Австрія, ни Россія за рядъ послѣднихъ лѣтъ не предпринимали никакихъ мѣръ къ поднятію курса бумажныхъ денегъ (а если и предпринимали, то эти мѣры не приводили къ цѣли, вызывая только временныя повышенія курса), а только ограничили или остановили выпуски бумажныхъ денегъ и чеканку серебряной монеты,—не смотря на это, все же за эти годы курсы не только поднялись, но и обнаруживали тенденцію къ дальнѣйшему повышенію, остановленную только искусственными мѣрами. А между тѣмъ общій хозяйственный кризисъ и весьма значительное пониженіе цѣнъ огромнаго большинства продуктовъ, — особенно продуктовъ земледѣльческихъ, являющихся главнымъ товаромъ въ этихъ странахъ,—должны были бы, казалось, вызвать паденіе курсовъ, ибо, для обращенія прежней или только незначительно возросшей массы товаровъ, должно потребоваться теперь, при пониженной цѣнѣ товаровъ, значительно менѣе денегъ, чѣмъ прежде, при болѣе высокихъ цѣнахъ. Если, однако, вмѣсто пониженія курсовъ мы наблюдаемъ повышеніе ихъ или хотя бы только постоянство, то, значитъ, въ общественной жизни произошли въ это время измѣненія, создавшія весьма сильный противовѣсъ той тенденціи къ пониженію курса, которая должна быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ общаго паденія цѣнъ. Такимъ противовѣсомъ слѣдуетъ

признать то обстоятельство, что за это время переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному совершался довольно быстро и, въ частности, особенно въ новоприсоединенныхъ (у Австріи—Боснія и Герцеговина) или прежде ведшихъ, вслѣдствіе невозможности, сношеній чисто натуральное хозяйство областяхъ (у насъ — Среднеазіатскія владѣнія и Сибирь). Этотъ переходъ къ денежному хозяйству совершался настолько быстро, что ростъ потребности въ орудіяхъ обращенія не только пересилилъ тенденцію паденія цѣны денегъ, но еще усилилъ явленія временныхъ недостатковъ въ орудіяхъ обращенія. Недостатокъ въ средствахъ обращенія сталъ чувствоваться чаще и рѣзче,—благодаря тому, что при все еще недостаточно развитыхъ сношеніяхъ и распространеніи денегъ по болѣе обширной территоріи,—собираніе ихъ въ центральныхъ кассахъ сдѣлалось болѣе затруднительно.

Всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ бумажно-денежное обращеніе крайне неудобнымъ, не смотря даже на то, что бо̀льшее постоянство курсовъ уничтожаетъ одну изъ весьма важныхъ невыгодъ такого обращенія. Особенно велики при этомъ неудобства, вызываемыя періодически повторяющимся усиленнымъ запросомъ на орудія обращенія, такъ какъ удовлетвореніе этаго запроса временными выпусками бумажекъ дѣлается все неудобнѣе въ виду трудности послѣдующаго собиранія денегъ въ центральныхъ кассахъ ради изъятія временныхъ выпусковъ. Оставленіе же въ обращеніи увеличенной временными выпусками массы бумажныхъ денегъ грозитъ постоянно усиленными колебаніями курса и всѣми связанными съ такими колебаніями неудобствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь эти колебанія для государства гораздо болѣе страшны, чѣмъ въ прежнее время, ибо переходный періодъ, вызывая массу расходовъ, ввелъ хозяйство государства въ огромныя долговыя обязательства, бо̀льшею частью, заграничныя, т. е. такія, уплата процентовъ и погашеніе коихъ поглощаетъ бо̀льшую или меньшую сумму въ зависимости отъ высоты курса бумажныхъ денегъ. Но и съ общественной точки зрѣнія переходъ къ постоянному металлическому обращенію (которое, какъ мы видѣли, можетъ быть только золотое) является крайне желательнымъ. Дѣло въ томъ, что есть полное основаніе разсчитывать, что переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному будетъ совершаться у насъ въ ближайшемъ будущемъ съ возрастающей быстротой, благодаря особенно заселенію Сибири и проведенію сибирской желѣзной дороги. А, стало быть, потребность въ денежномъ матеріалѣ будетъ возрастать. Удовлетворить этой потребности путемъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ государство не можетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не можетъ или не должно прибѣгать, при существованіи неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, и къ выпуску полноцѣнной монеты, какой можетъ быть только золотая монета.

Дѣйствительно, серебро (въ томъ числѣ и такъ называемое полноцѣнное) и теперь уже играетъ роль биллона; выпускъ же золота поведетъ къ тому, что оно,—вступая въ обращеніе въ періоды усиленныхъ запросовъ на деньги,—будетъ, наоборотъ, выходить изъ него въ періоды затишья, или скрываясь въ массѣ въ видѣ сокровища (что еще представляется лучшимъ исходомъ) или, вслѣдствіе паденія курсовъ бумажныхъ денегъ въ такой періодъ, и вовсе уходя за границу. Если же ни та, ни другая изъ указанныхъ мѣръ не будетъ приниматься съ цѣлью увеличенія средствъ обращенія, то, — не говоря о періодическомъ стѣсненіи торговли,—должно произойти постепенно, по мѣрѣ вытѣсненія натуральнаго хозяйства денежнымъ, поднятіе курса бумажныхъ денегъ, что̀ отзовется неминуемо неблагопріятно на огромной массѣ населенія, такъ какъ, благодаря этому поднятію курсовъ, денежное выраженіе цѣнностей товаровъ должно еще понизиться; налоги же и подати всякаго рода, выражаясь прежнимъ числомъ рублей, на самомъ дѣлѣ будутъ представлять соотвѣтственно бо̀льшее количество труда и потому сдѣлаются несравненно тяжелѣе для населенія, чѣмъ теперь. Отягощеніе населенія налогами будетъ тѣмъ бо̀льше, что часть этихъ налоговъ была установлена въ періодъ особенно низкаго курса рубля и введена съ цѣлью сбалансированія бюджета; размѣръ налога соразмѣрялся, слѣдовательно, съ низкимъ курсомъ рубля, при которомъ налогъ могъ и не быть обременителенъ; но онъ сдѣлается таковымъ съ повышеніемъ курса. Таковы причины, побуждающія къ переходу къ золотой валютѣ. Посмотримъ, въ чемъ заключаются препятствія къ такому переходу, при чемъ будемъ имѣть въ виду Россію, чтобы иллюстрировать на конкретномъ примѣрѣ значеніе различныхъ обстоятельствъ, которыя должны быть приняты во вниманіе при такомъ переходѣ.

Мы уже указывали выше на значеніе платежнаго баланса для осуществимости перехода къ полноцѣнной монетѣ. Если разсмотримъ съ этой точки зрѣнія современное положеніе Россіи, то̀ найдемъ, что хотя торговый балансъ стоитъ въ ея пользу въ теченіе уже довольно продолжительнаго періода, но относительно платежнаго баланса можетъ быть большое сомнѣніе; къ тому же въ послѣдніе годы разница между цѣнностью вывоза и ввоза все понижается. Послѣдній фактъ есть, отчасти по крайней мѣрѣ, выраженіе указаннаго выше стремленія (а до фиксаціи курса и дѣйствительнаго движенія), въ сторону повышенія курса бумажныхъ денегъ; въ свою очередь, это движеніе есть выраженіе того относительнаго недостатка средствъ обращенія, который является благодаря развитію денежнаго хозяйства. Гораздо важнѣе то, что поддерживать преобладаніе вывоза надъ ввозомъ, при настоящемъ положеніи вещей, можно только путемъ фиксаціи курса, которая достигается тѣмъ, что бумажныя

деньги фактически обмѣниваются государственными кассами на золото по принятому курсу. Но такой обмѣнъ представляетъ не что иное, какъ выпускъ въ обращеніе полноцѣнной монеты при господствѣ бумажно-денежнаго обращенія, чтò,—какъ было указано выше, — должно вызвать отливъ золота за границу и, слѣдовательно, вести къ довольно быстрому истощенію золотого фонда. Напротивъ, возстановленіе валюты будетъ противодѣйствовать повышенію ввоза въ той же мѣрѣ, какъ фиксація курса, не угрожая, само по себѣ, потерей золота. Но, конечно, и по возстановленіи металлическаго обращенія неблагопріятный платежный балансъ можетъ повести къ тому же результату. Устранить такое положеніе можетъ только усиленная концентрація капиталовъ и увеличеніе накопленія, которыя поведутъ къ переходу бо́льшаго количества русскихъ государственныхъ процентныхъ бумагъ въ Россію. Различіе между фиксаціей курса бумажныхъ денегъ и возстановленіемъ металлическаго обращенія заключается въ томъ, что фиксація всегда будетъ разсматриваться внѣшнимъ (заграничнымъ) рынкомъ, какъ временная мѣра; а такъ какъ опредѣленіе курса кредитнаго рубля зависитъ отъ простого административнаго распоряженія, предвидѣть которое невозможно, — то, понятно, внѣшній рынокъ всегда предпочтетъ полноцѣнную монету, и отсюда стремленіе такой монеты уйти за границу. При полномъ возстановленіи металлическаго обращенія нѣтъ мѣста для опасеній, подобныхъ указаннымъ выше, и потому въ этомъ случаѣ только неблагопріятный платежный балансъ можетъ повести къ истощенію золотого фонда.

Впрочемъ, есть еще одно обстоятельство, которое (по крайней мѣрѣ если платежный балансъ будетъ въ пользу данной страны), можетъ, казалось бы, воспрепятствовать отливу золота заграницу. Мы разумѣемъ то увеличеніе потребности въ мѣновыхъ знакахъ, которое, какъ было указано, является слѣдствіемъ усиленнаго распространенія денежнаго хозяйства взамѣнъ натуральнаго. Но допустить, что это увеличеніе потребности въ деньгахъ вполнѣ компенсируетъ тѣ временныя колебанія въ количествѣ обращающейся монеты, которыя именно и должны вызывать отливъ золота за границу, едва ли возможно. Усиленный спросъ на деньги, какъ показано выше, является обыкновенно очень быстро и нерѣдко столь же быстро падаетъ. Между тѣмъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, какъ бы быстро (относительно) онъ ни совершался, все же происходитъ постепенно, безъ чувствительныхъ толчковъ и хотя и будетъ въ нѣкоторой мѣрѣ поглощать выпускаемые для временныхъ потребностей обращенія денежные знаки, но сумма послѣднихъ въ каждомъ выпускѣ будетъ настолько значительна, что нельзя допустить быстраго поглощенія ея въ силу нормальнаго расширенія потребности въ денежныхъ зна-

кахъ. Такимъ образомъ указанное обстоятельство будетъ только уменьшать отливъ золота, но не въ силахъ остановить его вполнѣ.

Но увеличеніе потребности въ денежныхъ знакахъ будетъ имѣть еще и иное значеніе при рѣшеніи вопроса о возстановленіи валюты. Оно должно быть, именно, принято во вниманіе при опредѣленіи количества золота и вообще металла, которое необходимо обратить въ монету для удовлетворенія потребностей обращенія. Попробуемъ для примѣра вычислить, какое количество золота потребуется для обращенія въ Россіи. При этомъ нужно имѣть въ виду слѣдующее. Было уже замѣчено, что чѣмъ страна менѣе культурна и чѣмъ болѣе она обширна, тѣмъ болѣе ей нужно денегъ относительно цѣнности обращающихся товаровъ, ибо тѣмъ медленнѣе совершается процессъ обращенія денегъ, т. е. тѣмъ менѣе покупокъ совершаетъ каждая монета въ данное время. Въ этомъ смыслѣ Россія поставлена особенно неблагопріятно, какъ малокультурная и весьма обширная страна, и потому ей нужно будетъ имѣть очень много монеты. Если теперь Россія довольствуется 1100 милл. кредитныхъ рублей съ нѣкоторой прибавкой серебра и золота, то количество это неминуемо должно постоянно возрастать. Франція имѣла, по исчисленію Зётбера— въ 1885 г. 4195 милл. франковъ золотой монеты и 3200 милл. франковъ серебра при 38 милліонахъ населенія, а Германія въ то же время 1774 милл. марокъ золота и 892 милл. марокъ валютнаго серебра. Сколько же нужно будетъ имѣть монеты Россіи? Конечно, цѣнность товаровъ, обращающихся въ Россіи, можетъ быть и ниже цѣнности товаровъ, обращающихся, напримѣръ, въ Германіи; но размѣры Россіи и вышеприведенныя условія обращенія позволяютъ намъ сдѣлать выводъ, что ей нужно будетъ имѣть монетъ, по расчету на голову населенія, по крайней мѣрѣ столько же, сколько имѣетъ Германія. Но Германія за послѣдніе годы, по вычисленіямъ Lexis'a (съ 1885 по 1895 включительно), чеканила ежегодно золота на сумму до 100 милл. марокъ и хотя здѣсь считается и перечеканка, но Лексисъ считаетъ несомнѣннымъ, что значительную долю составляетъ чеканка новой монеты. Принимая, однако, только норму 1885 г. для Германіи и считая населеніе ея въ этомъ году въ 47 милл., найдемъ, что здѣсь приходилось свыше 37 марокъ на голову населенія въ золотѣ и почти 19 марокъ въ серебрѣ. По этой нормѣ для Россіи нужно на 1 человѣка около 17,5 рубл. золота и болѣе 8,7 рубл. въ серебрѣ (по $2^2/_3$ франка или 2,17 марки рубль). Населеніе Россіи по послѣдней переписи составляетъ 129 милл., и, слѣдовательно, необходимо имѣть 2257,5 милл. рублей въ золотѣ и 1122,3 милл. въ серебрѣ. Между тѣмъ, по удостовѣренію нашего министерства финансовъ, у насъ имѣется запасъ золота для изготовленія 750 милл. новыхъ золотыхъ рублей и на 100 милл. рублей серебра, т. е. золота менѣе $^1/_3$, а серебра менѣе $^1/_{11}$ того,

что нужно. Конечно, вычисленное нами количество монеты потребуется не сразу, но во всякомъ случаѣ періодъ времени, въ теченіе котораго потребность въ деньгахъ достигнетъ указаннаго выше размѣра, не долженъ быть очень значителенъ, если экономическое развитіе пойдетъ нормальнымъ ходомъ. Потому, готовясь къ возстановленію металлическаго обращенія, необходимо имѣть въ виду приведенныя цифры.

Эта потребность въ огромномъ количествѣ металла для возстановленія обращенія больше чувствуется, чѣмъ понимается практиками коммерсантами и государственными людьми. Потому первые.—въ странахъ, имѣющихъ уже металлическое обращеніе,—всѣми мѣрами стараются защитить золотые запасы своихъ банковъ, разъ то или другое изъ государствъ съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ дѣлаетъ попытку перейти къ металлическому обращенію. Государственные же дѣятели странъ, готовящихся къ возстановленію валюты, стремятся ввести въ этихъ странахъ тѣ учрежденія и мѣры, которыя выработала практика болѣе развитыхъ экономически народовъ въ видахъ сокращенія потребности въ монетѣ. Главнѣйшія изъ этихъ мѣръ находятся въ связи съ кредитомъ, и мы укажемъ ихъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VI.

Кредитъ и банки.

§ 1. Какъ только деньги стали фигурировать въ качествѣ платежнаго средства, то этимъ уже положено начало кредиту. Необходимость отсрочки уплаты является слѣдствіемъ, во 1-хъ, того, что сроки появленія товаровъ разнаго рода на рынкѣ не совпадаютъ; нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть доставлены только въ опредѣленные періоды (напр. сельско-хозяйственные продукты), другіе могутъ поступать на рынокъ во всякое время года, и т. п. Во 2-хъ, получателемъ товара является не непосредственный потребитель его, а посредникъ, торговецъ, который нерѣдко пріобрѣтаетъ товаръ съ цѣлью доставленія его на болѣе или менѣе отдаленный рынокъ, и, слѣдовательно, между моментомъ пріема товара отъ производителя и моментомъ полученія посредникомъ его денежнаго эквивалента долженъ пройти извѣстный періодъ времени. Здѣсь лицо, передающее товаръ торговцу на основаніи обѣщанія позднѣйшей уплаты, оказываетъ послѣднему довѣріе—кредитъ (отъ латинскаго слова credo—вѣрю). Таково происхожденіе самаго слова, и, слѣдовательно, подъ кредитными операціями въ широкомъ смыслѣ, можно подразумѣвать всякаго рода сдѣлки, ведущіяся не непосредственно на деньги, а на основаніи взаимнаго довѣрія сторонъ.

Кредитъ въ различныхъ формахъ служитъ средствомъ для сокращенія потребности въ металлическихъ деньгахъ. Основной формой кредитнаго знака является вексель. Современный вексель представляетъ документъ, удостовѣряющій, что данное лицо,—векселедатель (трассантъ, дебиторъ). — получило отъ другого, — векселепринимателя (акцептанта, кредитора), тотъ или другой товаръ опредѣленной цѣнности (которая составляетъ цѣну (валюту) векселя) и обязуется уплатить слѣдуемую за товаръ сумму въ извѣстный срокъ или самому кредитору, или, по требованію векселепринимателя, кому онъ прикажетъ. Другими словами,

современный вексель есть платежное обязательство, возникающее изъ такихъ отношеній, которыя называются кредитными, т. е. гдѣ владѣлецъ товаровъ довѣряетъ покупателю его цѣнность, не получая въ моментъ передачи товара равноцѣнности въ деньгахъ, а только обѣщаніе уплатить требуемую сумму по истеченіи извѣстнаго срока. При такой сдѣлкѣ деньги могутъ явиться только въ моментъ уничтоженія обязательства, возникшаго изъ отстрочки, т. е. деньги являются платежнымъ средствомъ.

Но первоначальный вексель возникъ изъ другихъ отношеній, въ формѣ такъ называемаго переводнаго векселя. Въ средніе вѣка почти каждый городъ или небольшая область имѣли право чеканить свою монету, и на каждомъ большомъ рынкѣ встрѣчалась монета очень разнообразнаго вида и цѣнности, часто имѣвшая очень ограниченный кругъ обращенія, особенно благодаря развитію фальсификаціи монетъ. Потому торговцы, съѣзжавшіеся, напр., на ярмарки,— имѣвшія въ то время большое значеніе,— получая при продажѣ товара самыя разнообразныя монеты, не находили возможнымъ и выгоднымъ везти съ собою эту разнокалиберную монету, а предпочитали переливать ее прямо въ слитки металла. Но перевозка слитковъ, при небезопасности дорогъ, была рискованна; и вотъ, въ каждомъ значительномъ городѣ являются посредники (первоначально большею частью золотыхъ дѣлъ мастера —ювелиры), которые входятъ въ сношенія другъ съ другомъ и, принимая монету, выдаютъ документъ, уполномочивающій владѣльца этаго документа получить въ другомъ городѣ, отъ корреспондента даннаго посредника, равную сумму,—обыкновенно извѣстный вѣсъ золота или серебра. Эта бумага составляла, слѣдовательно, простое переводное письмо отъ одного лица къ другому и называлось векселемъ, отъ нѣмецкаго слова wechseln—мѣнять, обмѣнивать, такъ какъ именно обмѣнъ одной монеты на другую послужилъ первымъ прототипомъ сдѣлки. Посредники же, занимавшіеся пріемомъ и выдачей такихъ векселей и соотвѣтствующихъ суммъ, получили названіе банкировъ отъ слова Bank—скамья, которое обозначало мѣсто ихъ первоначальнаго появленія на рынкахъ.

Позже тѣ же банкирскія операціи начинаютъ исполнять цѣлыя учрежденія, которыя получаютъ названіе банковъ и скоро вводятъ еще спеціальную операцію—храненіе денегъ (депозиты), а затѣмъ переводъ ихъ со счета одного лица на счетъ другого,—такъ называемый трансфертъ. Такіе банки называются жиробанками, или депозитными, а депозитомъ называется сумма взноса извѣстнаго лица въ банкъ. Изъ такихъ банковъ наиболѣе извѣстны Гамбургскій и Амстердамскій, существовавшіе особенно долго. Эти банки взимали плату за храненіе денегъ и производили трансфертъ, при чемъ фактически деньги не передавались изъ

однѣхъ рукъ въ другія, не находились въ обращеніи, а только переписывались со счета одного лица на счетъ другого, но онѣ все же находились налицо, хранились въ томъ же банкѣ, который совершалъ трансфертъ. Позже банки (особенно крупный Англійскій банкъ) начали производить и другія операціи. Убѣдившись, что депозиты никогда не требуются всѣ одновременно, банкъ начинаетъ употреблять ихъ для выдачи займовъ. Эта операція оказывается настолько выгодной, что скоро уже банкъ,—вмѣсто того, чтобы взимать плату за храненіе денегъ,—самъ начинаетъ платить процентъ на вклады, чтобы вызвать большій притокъ таковыхъ въ свою кассу. Банкъ, слѣдовательно, покупаетъ у вкладчиковъ право пользованія ихъ капиталами, а затѣмъ перепродаетъ это право другимъ лицамъ, которыя являются его дебиторами. Словомъ, банкъ становится такимъ посредникомъ между владѣльцемъ денегъ и предпринимателемъ, какимъ обыкновенный торговецъ, скупщикъ товара, является между предпринимателемъ и потребителями товара.

§ 2. Такимъ образомъ организуется торговля деньгами. Но деньги становятся товаромъ, т. е. отдаются въ заемъ еще гораздо ранѣе,—исторически даже ранѣе наступленія эры капитализма. Но какъ самый товаръ рѣзко отличается отъ другихъ товаровъ, такъ и торговля имъ носитъ совершенно особенный характеръ и впослѣдствіи также входитъ въ число сдѣлокъ, получившихъ названіе кредита. Можно поэтому сказать, что всякая отдача капитала или денегъ въ заемъ, или передача извѣстныхъ цѣнностей отъ ея владѣльца другому лицу, до полученія эквивалента, представляетъ кредитную сдѣлку; въ этомъ смыслѣ всякій вексель есть кредитный знакъ. Тѣмъ не менѣе торговля деньгами довольно рѣзко отличается отъ обыкновенныхъ кредитныхъ сдѣлокъ; при передачѣ какого-нибудь товара (не денегъ) отъ продавца покупателю безъ одновременнаго полученія эквивалента, этотъ эквивалентъ — деньги — является только въ моментъ окончанія сдѣлки, какъ платежное средство; при займѣ же денегъ, деньги являются и въ началѣ, и въ концѣ сдѣлки, только въ послѣднемъ случаѣ—съ тѣмъ приростомъ, который получаетъ кредиторъ отъ дебитора за пользованіе деньгами въ теченіе извѣстнаго срока. Очевидно, возвратъ денегъ временнымъ владѣльцемъ-пользователемъ ихъ первоначальному собственнику долженъ имѣть мѣсто, чтобы право собственности капиталиста-кредитора не было нарушено. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, капиталистъ-дебиторъ, занимая деньги, обращаетъ ихъ въ капиталъ (на производство или торговлю—это все равно), а этотъ капиталъ даетъ ему прибыль. На этомъ основаніи кредиторъ,—какъ лицо, давшее возможность капиталисту-предпринимателю извлечь прибыль, — и заявляетъ претензію на часть этой прибыли. Деньги въ рукахъ кредитора играютъ роль только потенціальнаго капитала и становятся настоящимъ

капиталомъ—средствомъ производства—только въ рукахъ заемщика; вмѣстѣ съ тѣмъ капиталъ является въ формѣ товара. Точно также каждый заемъ (денегъ или капитала въ формѣ средствъ производства или предмета потребленія) рѣзко отличается отъ простой продажи; отличіе это заключается въ томъ, что при продажѣ *продавецъ уступаетъ покупателю не мѣновую цѣнность* товара, *а только его потребительную цѣнность*, такъ какъ въ обмѣнъ за товаръ онъ получаетъ эквивалентъ его мѣновой цѣнности. Но заимодавецъ денегъ даетъ заемщику именно мѣновую цѣнность въ ея наиболѣе рѣзко выраженной формѣ—общаго эквивалента, не получая въ обмѣнъ эквивалента; на этомъ и основываетъ онъ свое право на участіе въ прибыли, получаемой заемщикомъ отъ употребленія денегъ въ качествѣ капитала, тогда какъ продавецъ товара не можетъ имѣть претензіи на прибыль, извлекаемую покупателемъ путемъ эксплуатаціи потребительной цѣнности купленнаго имъ товара. Наиболѣе рѣзкій примѣръ извлеченія прибыли путемъ эксплуатаціи потребительной цѣнности купленнаго товара представляетъ покупка капиталистомъ рабочей силы. Но и помимо этаго всякій обмѣнъ равноцѣнностей предполагаетъ, что каждая изъ обмѣнивающихся сторонъ получаетъ нѣкоторыя выгоды благодаря обмѣну, напр., въ видѣ экономіи въ расходованіи своей рабочей силы.

Доля прибыли, которую капиталистъ-предприниматель уступаетъ въ пользу деньговладѣльца за пользованіе капиталомъ, называется просто процентомъ или заемнымъ процентомъ. Хотя процентъ есть несомнѣнная доля прибавочной цѣнности, добываемой капиталистомъ-производителемъ въ производствѣ обычнымъ способомъ, но какъ деньговладѣльцу, такъ и капиталисту-предпринимателю эта часть прибавочной цѣнности представляется въ видѣ самостоятельнаго продукта самого капитала. Вслѣдствіе такого представленія предприниматель, говоритъ Марксъ, хотя бы онъ и велъ производство на свой собственный капиталъ, безъ помощи заемнаго, раздѣляетъ всю сумму прибыли на двѣ части, изъ коихъ одну называетъ процентомъ, а другую—предпринимательскимъ доходомъ. Это дѣленіе, основанное на фикціи самостоятельной производительности капитала,—продуктомъ котораго является процентъ,—создаетъ, въ свою очередь, и другую фикцію: предпринимательскій доходъ представляется капиталисту его личнымъ заработкомъ, «законнымъ» и «естественнымъ» вознагражденіемъ за его предпринимательскій трудъ, и въ возрастаніи этаго заработка капиталистъ видитъ свою личную заслугу.

§ 3. Какъ же опредѣляется высота заемнаго процента, или какъ велика та доля прибыли, которую предприниматель долженъ уступить владѣльцу денегъ за право пользованія его капиталомъ?

Марксъ находитъ, что эта величина опредѣляется исключительно

конкуренціей и можетъ ограничиваться только высотою прибыли, т. е. отношеніемъ прибавочной цѣнности къ суммѣ всего капитала предпріятія; указать ближе эту зависимость процента отъ прибыли Марксъ отказывается и относится насмѣшливо къ такъ называемой «естественной нормѣ процента», которую пытались установить многіе экономисты.

Однако, нельзя признать эти указанія Маркса вполнѣ доказательными. Можно согласиться, что для нормы заемнаго процента не можетъ существовать такой строгой формулы, какъ для уровня прибыли, который, какъ совершенно справедливо указываетъ Марксъ, опредѣляется, съ одной стороны, производственными отношеніями, обусловливаемыми техникой, и съ другой—общественно-экономическими условіями, выражающимися въ отношеніяхъ между рабочими и капиталистами. Но, тѣмъ не менѣе, едва ли можно говорить, что высота заемнаго процента опредѣляется только взаимной конкуренціей капиталистовъ, и самъ Марксъ указываетъ нѣкоторыя обстоятельства, которыя, такъ сказать, обусловливаютъ эту конкуренцію. Такъ, онъ признаетъ, какъ сказано, что существуетъ зависимость между высотою заемнаго процента и уровнемъ дохода предпріятій. И несомнѣнно, эта зависимость существуетъ и только при совершенно ненормальныхъ условіяхъ (напр., въ періоды кризисовъ) заемный процентъ можетъ превышать доходъ отъ предпріятія или даже только достигать высоты этаго дохода. Но признаніе указанной зависимости позволяетъ сдѣлать выводъ, что высота заемнаго процента обусловливается между прочимъ и производственной техникой. Такъ, тотъ самый фактъ, что заемный процентъ не можетъ превышать процента дохода отъ предпріятій, объясняется, конечно, конкуренціей, какъ ближайшей его причиной. Дѣйствительно, какъ только заемный процентъ обнаружитъ тенденцію подняться до высоты предпринимательскаго дохода, то число лицъ, предлагающихъ заемные капиталы, быстро возрастетъ, такъ какъ многіе изъ прежнихъ предпринимателей предпочтутъ отдачу капитала въ заемъ вмѣсто приложенія въ производствѣ. Но это увеличеніе конкуренціи среди деньговладѣльцевъ находится въ зависимости отъ высоты дохода отъ предпріятій: чѣмъ менѣе этотъ доходъ (въ процентахъ капитала), тѣмъ интенсивнѣе становится конкуренція среди деньговладѣльцевъ. Но пониженіе % дохода отъ предпріятій есть слѣдствіе измѣненія техники, перехода капитала къ высшему сложенію, точнѣе увеличенію процента основного капитала въ капиталѣ предпріятія. Оказывается, слѣдовательно, что производственная техника,—и въ частности именно повышеніе роли основного капитала въ производствѣ, которое и вызываетъ пониженіе уровня дохода отъ предпріятій,—что эта техника должна вліять и на высоту заемнаго процента, и послѣдній долженъ понижаться въ извѣстной мѣрѣ, въ силу прогресса техники въ указанномъ направленіи. Однако,

вліяніе этаго обстоятельства на пониженіе уровня заемнаго процента далеко не столь значительно и безусловно, какъ по отношенію къ уровню дохода отъ предпріятія, такъ какъ то же преобладаніе основного капитала въ производственной техникѣ увеличиваетъ запросъ на заемный капиталъ, во-первыхъ, временно, во время созиданія основныхъ капиталовъ, какъ объяснено выше; во-вторыхъ, и постоянно, вслѣдствіе того, что значительность доли основного капитала въ производственномъ капиталѣ побуждаетъ капиталистовъ-предпринимателей въ большей мѣрѣ пользоваться заемными капиталами, имѣя въ виду, что вся разность между суммой процента на заемный капиталъ и причитающейся на него долей дохода отъ предпріятія увеличиваетъ собою сумму дохода съ капитала, вложеннаго самими предпринимателями. Такъ, если предпріятіе требуетъ 200,000 рублей капитала и даетъ прибыли 15,000 рублей, то доходъ отъ предпріятія составитъ только $7^1/_2\%$ съ капитала. Но если половина этаго капитала занята капиталистомъ изъ 5%, то на половину, вложенную самимъ предпринимателемъ (100,000) остатокъ дохода, за вычетомъ процента на заемный капиталъ, составитъ уже 10% $\left(\frac{15000-5000}{100.000}=10\%\right)$.

Вообще по отношенію къ уровню заемнаго процента нельзя установить, какъ замѣчено выше, столь строгихъ правилъ, какъ по отношенію къ уровню дохода отъ предпріятія или уровня прибыли, а можно только указать на зависимость колебаній процента отъ тѣхъ или иныхъ факторовъ. Это положеніе приложимо не только къ указанному соотношенію между высотой заемнаго процента и процентомъ дохода отъ предпріятій, но и въ другихъ случаяхъ. Такъ, выше было замѣчено, что заемный процентъ будетъ выше въ странахъ съ слабо развитымъ обращеніемъ и мало развитымъ капитализмомъ, или даже, что въ новыхъ странахъ заемный процентъ поглощаетъ большую долю прибыли, чѣмъ въ странахъ съ высоко-развитымъ капитализмомъ и быстрымъ обращеніемъ. И это положеніе въ общемъ вѣрно. Но и оно подлежитъ ограниченію въ томъ смыслѣ, что въ странахъ съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ процентъ понижается благодаря массѣ бумажныхъ денегъ, которыя должны быть пущены въ оборотъ.

Но затѣмъ, конечно, предложеніе капиталовъ на рынкѣ и спросъ на нихъ существенно вліяютъ на высоту заемнаго процента. При этомъ, однако, для высоты заемнаго процента имѣетъ значеніе не предложеніе капиталовъ въ товарной формѣ, а именно предложеніе денегъ, и потому капиталисты-предприниматели всегда заинтересованы въ изобиліи денегъ въ странѣ. Мы уже говорили, что это обстоятельство является, между прочимъ, однимъ изъ мотивовъ, побуждающихъ капиталистовъ сильно отстаивать бумажныя деньги.

Но, кромѣ того, весь ходъ экономическаго развитія создаетъ изобиліе денегъ на рынкѣ, совершенно подобно тому, какъ онъ создаетъ избытокъ рабочей силы. Этотъ избытокъ является слѣдствіемъ увеличенія размѣровъ отдѣльныхъ предпріятій. Такъ какъ при извѣстномъ уровнѣ техники и господствѣ, въ данной отрасли производства, предпріятій извѣстной крупности, болѣе мелкія предпріятія не могутъ конкурировать съ ними, то мелкіе капиталы должны предлагаться на рынкѣ въ качествѣ заемныхъ капиталовъ. Подобнымъ же образомъ, число лицъ, которыя могутъ дѣлать сбереженія, но не могутъ ихъ примѣнять въ производствѣ самостоятельно, потому ли, что сбереженія ихъ слишкомъ незначительны, или потому, что дающее доходъ занятіе занимаетъ и время сберегающаго,— число такихъ лицъ увеличивается также подъ вліяніемъ самаго капитализма, а это еще болѣе усиливаетъ предложеніе заемныхъ капиталовъ.

Наконецъ, въ томъ же направленіи вліяютъ всѣ тѣ средства, которыя даютъ возможность сокращать количество денегъ, потребныхъ собственно для обращенія товаровъ. Примѣненіе этихъ средствъ тѣсно связано съ дѣятельностью банковъ, потому мы разсмотримъ сначала организацію этихъ учрежденій. Но такъ какъ современные банки организованы по большей части въ видѣ товариществъ или союзовъ капиталистовъ, то намъ необходимо ознакомиться съ организаціей подобныхъ союзовъ.

§ 4. Современные банки представляютъ крупныя предпріятія, организованныя обыкновенно на акціонерномъ началѣ. Это значитъ, что весь капиталъ предпріятія раздѣленъ на опредѣленное число частей и принадлежитъ не одному лицу, а многимъ лицамъ, изъ которыхъ каждое является владѣльцемъ одной или нѣсколькихъ частей, опредѣленной цѣнности, именуемыхъ акціями. Каждый владѣлецъ акцій, акціонеръ участвуетъ въ раздѣлѣ общей прибыли, соотвѣтственно долѣ его капитала въ общей суммѣ капитала предпріятія, а равно можетъ, по выбору сотоварищей-акціонеровъ, принимать непосредственное участіе въ управленіи дѣлами общества. Впрочемъ, не во всѣхъ акціонерныхъ обществахъ весь капиталъ принадлежитъ акціонерамъ; во многихъ случаяхъ не малая часть его представляетъ, въ сущности, заемный капиталъ, который собирается выпускомъ такъ называемыхъ облигацій. Облигація выдается каждому лицу, внесшему извѣстную сумму, и даетъ право на полученіе установленнаго процента на капиталъ, но безъ права на бо́льшую, сверхъ процента, долю прибыли съ предпріятія, равно и безъ права участія въ управленіи дѣлами общества.

Такимъ образомъ, акція есть документъ на полученіе извѣстной доли прибыли предпріятія (такъ называемаго дивиденда), а облигація— только документъ на полученіе опредѣленнаго процента на вложенный капиталъ. Въ силу этаго, рыночная цѣна облигаціи равняется первона-

чально уплаченной за нее суммѣ, пока заемный процентъ остается на той высотѣ, какая опредѣлена для облигаціи и пока предпріятію, въ которое вложенъ капиталъ, не грозитъ банкротство. Но съ повышеніемъ рыночнаго заемнаго процента выше нормы, установленной для данныхъ облигацій, цѣна ихъ упадетъ ниже суммы, дѣйствительно уплаченной за нихъ первоначально, ибо въ это время приносимый облигаціей доходъ будетъ соотвѣтствовать меньшему капиталу. Обратно: при пониженіи рыночнаго процента облигація будетъ продаваться на рынкѣ выше своей номинальной цѣны, такъ какъ доходъ, даваемый ею, будетъ теперь соотвѣтствовать проценту съ бо́льшаго капитала; понятно, что паденіе цѣны будетъ еще рѣзче, если предпріятію грозитъ несостоятельность. Рыночная же цѣна акціи зависитъ отъ соотношенія между высотой заемнаго процента и процента прибыли предпріятія, такъ какъ послѣднимъ опредѣляется доходъ, приносимый акціей. Если, напр., на рынкѣ облигація, приносящая 5%, цѣнится во 100, соотвѣтственно ея первоначальной оплатѣ, то акція, номильная стоимость которой также 100, но которая приноситъ доходъ въ 15 рублей, можетъ быть куплена за 300 рублей, причемъ владѣлецъ денегъ получитъ на свой капиталъ тотъ же доходъ, какъ купивъ облигацію, приносящую 5% на ея номинальную цѣну. Но доходъ отъ облигацій есть величина постоянная, а доходъ отъ акцій (дивидендъ) величина измѣняющаяся, и потому рыночная цѣна акцій колеблется гораздо болѣе сильно, чѣмъ цѣны облигацій. Цѣна акціи измѣняется, во 1-хъ, съ измѣненіемъ доходности предпріятія; при данной высотѣ процента p и доходѣ отъ акціи (дивидендѣ) на 100 капитала m, цѣна акціи выразится произведеніемъ: $m \times \frac{100}{p}$. Потому, увеличеніе m на d поведетъ къ увеличенію цѣны акціи на $d \times \frac{100}{p}$. Во 2-хъ, цѣна эта, какъ видно изъ вышеприведеннаго, колеблется въ зависимости отъ колебанія высоты процента p, и именно въ обратномъ отношеніи къ измѣненію величины p: когда p повышается, множитель $\frac{100}{p}$ уменьшается, и цѣна акціи падаетъ. И обратно: съ пониженіемъ p цѣна акціи повышается. Но если акція, стоившая первоначально 100, продается за 300, то это не обозначаетъ какого-либо увеличенія капиталовъ общества и прибавокъ къ первоначальной цѣнѣ акцій представляетъ чисто фиктивный капиталъ. Такіе фиктивные капиталы играютъ огромную роль въ современномъ хозяйственномъ строѣ, и мы ниже укажемъ ихъ значеніе, а теперь возвратимся къ банкамъ.

§ 5. Коммерческіе банки, дающіе кредитъ только подъ движимость, и обыкновенно краткосрочный, рѣдко прибѣгаютъ къ выпуску облигацій, ибо у нихъ есть другой способъ добыванія денегъ. Современные бынки производятъ двоякаго рода операціи: съ одной стороны, они собираютъ

у себя деньги; ведущія къ этой цѣли операціи носятъ названіе *пассивныхъ*, или *дебетовыхъ;* съ другой—они выдаютъ деньги въ заемъ,—это—операціи *кредитовыя*, или *активныя*. Вклады въ банкъ, смотря по условіямъ ихъ помѣщенія, раздѣляются на нѣсколько видовъ: 1) *вклады срочные*, вносимые въ банкъ безъ права вкладчика до извѣстнаго срока требовать вкладъ обратно; 2) *безсрочные*, когда вкладчикъ оставляетъ за собою право въ каждую данную минуту потребовать обратно свои деньги. Вклады послѣдняго типа банки хотя и принимаютъ, но часто вовсе не оплачиваютъ процентомъ, считая для себя невыгодными подобныя условія. Среднее мѣсто занимаютъ 3) *текущіе счета*; здѣсь вкладчикъ, внося извѣстную сумму въ банкъ, пріобрѣтаетъ право во всякое время получить часть своего вклада. Съ этою цѣлью банкъ выдаетъ ему *чековую книжку;* каждый листокъ этой книжки, будучи снабженъ подписью вкладчика и обозначеніемъ опредѣленной суммы, обращается въ *чекъ;* кѣмъ бы ни былъ предъявленъ чекъ въ банкъ, послѣдній обязанъ немедленно выдать обозначенную въ немъ сумму денегъ, списывая ее съ текущаго счета лица, выдавшаго чекъ. Отличіе текущаго счета отъ безсрочнаго вклада состоитъ въ томъ, что вкладъ по текущему счету можетъ быть взятъ частями, и, сверхъ того, предполагается, что вкладчикъ будетъ не только выбирать разъ вложенную сумму, но и вновь вносить на пополненіе своего вклада или текущаго счета.

Изъ активныхъ операцій коммерческихъ банковъ имѣетъ особое значеніе учетъ векселей. Современный вексель, какъ сказано, есть обязательство уплатить извѣстную сумму по истеченіи опредѣленнаго срока. Если векселепріниматель нуждается въ деньгахъ до истеченія срока векселя, то онъ его продаетъ, уступая, конечно, покупателю процентъ, соотвѣтствующій времени, остающемуся до срока уплаты (сумма векселя заключаетъ и процентъ на капиталъ по день уплаты). Эта покупка и называется учетомъ, или дисконтомъ векселя, а процентъ скидки съ суммы векселя—процентомъ дисконта, или учетнымъ процентомъ. Такъ какъ вексель всегда есть знакъ совершившагося акта обмѣна (купли-продажи), то цѣнность векселя основана не на одномъ довѣріи къ уплатѣ, а и на вещественной товарной гарантіи, представляемой обмѣненнымъ товаромъ; потому-то вексель легко передается изъ рукъ въ руки взамѣнъ денегъ. А такъ какъ при быстротѣ перехода векселей изъ рукъ въ руки возможны злоупотребленія, то во всѣхъ государствахъ существуетъ особенная упрощенная и удобная процедура взысканія по векселямъ. Тѣмъ не менѣе, нерѣдко на рынкѣ фигурируютъ такъ называемые дутые, или бронзовые векселя, которые даются двумя лицами другъ на друга съ цѣлью учета обѣими сторонами въ банкахъ.

Кромѣ учета векселей, банки выдаютъ ссуды подъ различныя про-

центныя бумаги, какъ государственныя, такъ и акціи и облигаціи промышленныхъ предпріятій. Взносъ въ банкъ извѣстной суммы процентными бумагами можетъ дать право владѣльцу бумагъ на открытіе ему такъ называемаго кредита по книгамъ (Buchkredit), который представляетъ также своего рода текущій счетъ, но здѣсь обезпеченіемъ для банка являются вложенныя процентныя бумаги. Наконецъ, кредитъ можетъ быть открытъ извѣстнымъ лицамъ и безъ всякаго обезпеченія,—просто по довѣрію къ извѣстному лицу или торговой фирмѣ; — это такъ называемый *текущій счетъ корреспондентовъ*, или *бланковый кредитъ*.

Къ важнѣйшимъ операціямъ банковъ, доступнымъ и разрѣшаемымъ только крупнымъ и солиднымъ учрежденіямъ этаго рода, относится право выпуска банковыхъ билетовъ, или билетовъ на предъявителя, которые исполняютъ роль бумажныхъ денегъ, но, конечно, безъ принудительнаго курса, а съ обязательнымъ обмѣномъ на валютныя деньги по востребованію. Право это очень важно, такъ какъ оно даетъ возможность банку, а черезъ него и государству, регулировать количество обращающихся платежныхъ средствъ, сообразно потребности въ нихъ. Такимъ правомъ пользуются Англійскій и Французскій центральные или такъ называемые государственные банки; въ Германіи же оно принадлежитъ нѣсколькимъ старымъ банкамъ, но практикуется, главнымъ образомъ, Германскимъ имперскимъ банкомъ.

§ 6. Какъ бы ни былъ, составленъ первоначальный капиталъ банка, но, въ концѣ концовъ, опытъ показываетъ, что главныя по массѣ активныя операціи банковъ совершаются не за счетъ акціонернаго капитала ихъ, а за счетъ тѣхъ вкладовъ, которые поступаютъ къ нимъ подъ разными наименованіями. Это обстоятельство дало поводъ образоваться такимъ учрежденіямъ съ характеромъ и функціями банковъ, которыя, въ сущности, совершенно не имѣютъ собственнаго капитала, или, по крайней мѣрѣ, этотъ капиталъ совершенно не отвѣчаетъ размѣрамъ тѣхъ оборотовъ, которые производятъ такіе банки. Это такъ называемыя «общества взаимнаго коммерческаго кредита», которыя представляютъ обыкновенные коммерческіе банки, съ тою, однако, разницею, что, не имѣя совсѣмъ акціонернаго складочнаго капитала, ограничиваютъ свои операціи выдачей ссудъ только участникамъ самого банка и ведутъ всѣ операціи подъ гарантіей взаимнаго поручительства всѣхъ членовъ общества, при чемъ предполагается, что въ случаѣ несостоятельности такого банка всѣ члены отвѣчаютъ передъ вкладчиками другъ за друга обыкновенно въ размѣрѣ, въ 10 разъ превышающемъ сумму взноса каждаго члена товарищества, составившаго банкъ.

Нѣкоторое сходство съ обществами взаимнаго коммерческаго кредита имѣютъ ссудо-сберегательныя товарищества. Они основываются

обыкновенно не капиталистами, а лицами съ ограниченными средствами, съ цѣлью накопленія сбереженій и пользованія дешевымъ мелкимъ кредитомъ. Здѣсь участники взносятъ повременно незначительныя суммы, и изъ составившагося такимъ образомъ капитала тѣмъ же лицамъ могутъ быть выдаваемы, на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, незначительныя ссуды. Изъ другихъ банковыхъ операцій товарищества обыкновенно производятъ только пріемы вкладовъ, но и эта операція не играетъ здѣсь большой роли, такъ какъ, будучи составлены лицами, не обладающими большими средствами, товарищества представляютъ недостаточную гарантію въ глазахъ вкладчиковъ и потому не могутъ привлечь большого количества вкладовъ.

Банки могутъ быть и государственными учрежденіями; такимъ, именно является нашъ государственный банкъ. Въ Западной Европѣ правительства чаще не имѣютъ своего банка, а вступаютъ въ договоръ съ однимъ изъ частныхъ коммерческихъ банковъ, которому и ввѣряютъ веденіе всѣхъ кредитныхъ операцій государства и храненіе принадлежащаго государству золота. Такой банкъ обыкновенно также носитъ названіе государственнаго. Таковы королевскій Англійскій, германскій имперскій и Французскій національный банки. Подобные центральные банки, обязующіеся исполнять всѣ необходимыя для государства банковыя операціи, нерѣдко открываютъ ему въ нужныхъ случаяхъ кредитъ въ извѣстномъ размѣрѣ или даже уступаютъ долю своихъ доходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти банки пользуются извѣстными привилегіями, изъ которыхъ важнѣйшія слѣдующія: 1) банкъ является хранилищемъ всего принадлежащаго государству золота, которымъ онъ обыкновенно пользуется, какъ безпроцентнымъ депозитомъ; 2) ему предоставляется монопольное или преимущественное право на веденіе эмиссіонной операціи, т. е. выпускъ банковыхъ билетовъ, или билетовъ на предъявителя.

Благодаря этимъ привилегіямъ, центральные банки получаютъ особенное значеніе: являясь средоточіемъ металлическихъ запасныхъ фондовъ всѣхъ банковъ и банкировъ страны и самого государства, а затѣмъ и источникомъ придаточныхъ средствъ обращенія въ видѣ банковыхъ билетовъ, они, въ извѣстной мѣрѣ, регулируютъ всю хозяйственную жизнь страны и, во всякомъ случаѣ, оказываютъ на нее значительное вліяніе. Но, прежде чѣмъ обратиться къ выясненію вліянія эмиссіонной операціи, остановимся на значеніи кредита вообще, въ его главнѣйшихъ проявленіяхъ, для экономической жизни общества.

§ 7. Вмѣшательство кредита весьма осложняетъ и спутываетъ, а иногда, можно сказать, прямо извращаетъ экономическія отношенія, и, какъ мы постараемся показать, нѣкоторыя недоразумѣнія въ теоріи проистекаютъ прямо оттого, что вліяніе на экономическую жизнь кредита не было принято во вниманіе.

Начнемъ съ простѣйшаго: 1) Вліяніе кредита на потребность въ средствахъ обращенія (денегъ) и быстроту оборотовъ товаровъ.

Важнѣйшимъ и наиболѣе простымъ орудіемъ кредита является вексель. Продажа товара на вексель даетъ возможность торговцу не вносить тотчасъ въ оборотъ деньги, получая, однако, товаръ въ свое распоряженіе. Такимъ образомъ, товаръ можетъ пройти черезъ нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ онъ превратится въ деньги, отчего возникаетъ цѣлый рядъ обязательствъ, цѣлая серія векселей, которыми каждый изъ послѣдовательныхъ покупателей расплачивался съ продавцомъ товара, ранѣе пріобрѣвшимъ тотъ же товаръ такимъ же образомъ отъ предыдущаго продавца. Обязательства эти могутъ въ свою очередь, передаваться изъ рукъ въ руки. Напримѣръ, *A*, продавъ пряжу торговцу *B*, получаетъ отъ него вексель и, въ свою очередь, покупаетъ хлопокъ у импортера *C* и передаетъ ему право на полученіе съ *B* по выданному имъ за пряжу векселю (при чемъ дѣлается «бланковая надпись», т. е. на оборотной сторонѣ векселя векселепріниматель ставитъ свою подпись). Такимъ образомъ вексель можетъ пройти нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ наступитъ срокъ уплаты. Но уплата, или, точнѣе, погашеніе векселя можетъ при этомъ произойти и безъ помощи денегъ, если этотъ вексель окажется, въ концѣ концовъ, въ рукахъ торговца, на котораго векселедатель *B* имѣетъ также вексель: тогда приходится уплатить деньгами только разницу; или вексель можетъ оказаться въ рукахъ банкира или банка, у котораго векселедатель имѣетъ текущій счетъ, и тогда погашеніе производится простымъ списываніемъ по книгамъ банкира или банка.

Подобная ликвидація тѣмъ возможнѣе, что въ настоящее время конечнымъ пунктомъ этаго ряда векселевладѣльцевъ *A*, B, *C* и т. д. является часто какой-либо банкъ или банкиръ. Производитель товаровъ *A*, сдѣлавшись собственникомъ векселя на имя *C*, предъявитъ его къ учету въ банкъ, который въ срокъ перешлетъ вексель для реализаціи въ тотъ банкъ, вкладчикомъ котораго состоитъ *C*; въ свою очередь, этотъ банкъ, въ обмѣнъ за принятый къ уплатѣ вексель *C*, перешлетъ въ первый банкъ на соотвѣтствующую сумму обязательства тѣхъ лицъ, которыя являются вкладчиками перваго банка. При этомъ, слѣдовательно, устраняется необходимость пересылки денегъ и развѣ что разность въ цѣнности предъявленныхъ другъ къ другу банками и банкирами требованій покрывается наличными деньгами. Для упрощенія сводки взаимныхъ обязательствъ устраиваются такъ называемыя «разсчетныя палаты» (clearing-house). Типомъ этихъ учрежденій можетъ служить Нью-Іоркская разсчетная палата. Въ ней участвуютъ до шестидесяти крупныхъ фирмъ, и каждый день клерки (приказчики) отъ всѣхъ этихъ фирмъ собираются въ особую контору (подъ предсѣдательствомъ избраннаго банками лица), и

каждый изъ нихъ приноситъ съ собою цѣлую пачку обязательствъ всѣхъ участниковъ по отношенію къ тому банку или банкиру, котораго онъ представляетъ, и, прежде чѣмъ занять свой столъ, регистрируетъ всѣ свои бумаги у предсѣдателя. Затѣмъ, каждый клеркъ, по очереди, обходитъ столы остальныхъ, предъявляя требованія своего банка. По окончаніи этой процедуры производится свѣрка записей каждаго клерка съ предварительной записью у предсѣдателя и передача соотвѣтствующихъ обязательствъ. Въ 1879 году разсчетная палата Нью-Іорка совершила ликвидацію на 700.000,000 L., почти не употребивъ денежныхъ знаковъ. Подобныя палаты возникли теперь во многихъ европейскихъ государствахъ, чему содѣйствовало распространеніе системы чековъ.

Чеки являются въ оборотахъ представителями денегъ, составляютъ знакъ цѣнности, и ихъ обращеніе въ значительной степени сокращаетъ потребность въ монетѣ. Чеки выпускаются не только банками, но и банкирами, и въ Англіи, напр., принято платить всякія суммы свыше 10 L. чеками. При этомъ лицо, получившее въ уплату чекъ, обыкновенно, не предъявляетъ его къ уплатѣ тому банку или банкиру, на котораго онъ выданъ, а просто отсылаетъ его своему банкиру, который записываетъ соотвѣтственную сумму взносомъ на текущій счетъ даннаго лица; чекъ же предъявляетъ тому банку или банкиру, на котораго онъ выданъ, или чаще сумма его списывается при взаимной ликвидаціи счетовъ, въ разсчетныхъ палатахъ.

Такимъ образомъ, уже указанныя операціи обращенія чековъ и векселей даютъ возможность значительно сократить потребность въ металлическихъ деньгахъ. Но, спеціальнымъ средствомъ для этаго служатъ банковые билеты, или билеты на предъявителя, которые прямо замѣняютъ въ обращеніи деньги и выпускаются центральными банками, имѣющими право эмиссіонной операціи. Банковые билеты размѣнны во всякую минуту на золото, и потому банкъ долженъ имѣть постоянно наготовѣ извѣстный фондъ для обмѣна въ случаѣ надобности билетовъ, но этотъ фондъ лежитъ, обыкновенно, на мѣстѣ, монета не стирается, а потому сохраняется болѣе долго. Но роль банковыхъ билетовъ не ограничивается сокращеніемъ расходовъ на стираніе монеты,—она гораздо важнѣе. Дѣло въ томъ, что число ихъ можетъ въ извѣстной мѣрѣ превышать величину размѣннаго фонда, и такимъ образомъ они прямо замѣняютъ золото, которое нужно было бы выпустить для нуждъ обращенія, и въ этомъ превышеніи суммы банковыхъ билетовъ надъ цѣнностью золота, служащаго обезпеченіемъ ихъ размѣнности, и заключается смыслъ эмиссіонной операціи.

Долгая практика показала, что совершенно немыслимо,—при нормальныхъ условіяхъ обращенія,—одновременное предъявленіе требованій размѣна на всю сумму выпущенныхъ билетовъ. Это наблюденіе даетъ

возможность банкамъ, не нарушая принципа размѣнности билетовъ, выпускать ихъ на бо́льшую сумму, чѣмъ сколько имѣется золота въ банкѣ для размѣна ихъ. Условія выпуска банковыхъ билетовъ опредѣляются закономъ. Такъ, англійскій государственный банкъ имѣетъ право на выпускъ билетовъ на сумму, превышающую его размѣнный фондъ на 14.700,000 L. Въ другихъ государствахъ количество билетовъ, превышающихъ размѣнный фондъ, выражается въ процентахъ суммы фонда. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ право выпуска билетовъ дается цѣлому ряду банковъ, называемыхъ національными, подъ условіемъ представленія въ государственное казначейство 10% выпуска билетовъ въ металлическихъ деньгахъ и на 90% государственныхъ процентныхъ бумагъ. Такимъ образомъ, благодаря банковымъ билетамъ, оказывается, что рядомъ съ полноцѣнной золотой монетой и взамѣнъ ея обращаются бумажныя деньги, но деньги размѣнныя, и въ этой размѣнности ихъ существенное отличіе отъ настоящихъ бумажныхъ денегъ.

Въ смыслѣ же уменьшенія количества полноцѣнной монеты они имѣютъ огромное значеніе и потому являются желательными для всѣхъ странъ. Однако введеніе ихъ не такъ легко и просто, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Для правильнаго функціонированія ихъ необходимо: во 1-хъ, чтобы излишніе противъ размѣровъ золотого фонда билеты выпускались дѣйствительно только для товарнаго обращенія, а не для покрытія государственныхъ нуждъ. Во 2-хъ, существеннымъ подспорьемъ для ихъ обращенія являются чеки, а чтобы таковые могли войти въ употребленіе, необходимо быстрое обращеніе и развитіе въ обществѣ привычки пользоваться различными кредитными учрежденіями и знаками. Это же условіе, конечно, легче выполнимо въ городахъ, а послѣдніе, въ свою очередь, развиваются въ связи съ развитіемъ промышленности. Слѣдовательно, только страны съ высоко развитой промышленностью могутъ разсчитывать значительно сократить количество обращающагося золота помощью всѣхъ указанныхъ выше мѣръ. Наоборотъ, эти средства не могутъ ослабить въ сколько-нибудь замѣтномъ размѣрѣ потребность въ золотѣ для обращенія въ такихъ странахъ, которыя, подобно Россіи, только что вводятъ у себя металлическое обращеніе.

По поводу перваго изъ указанныхъ выше условій необходимо еще прибавить, что выпускъ билетовъ только для чисто коммерческихъ надобностей тѣмъ существенно отличается отъ выпуска на покрытіе государственныхъ нуждъ, что въ первомъ случаѣ,—напр., при выпускѣ билетовъ подъ учетъ векселей, — билеты, взятые изъ банка, правильно возвращаются опять въ его кассы по миновании извѣстнаго срока; во второмъ же случаѣ,—напр., при выпускѣ тѣхъ же билетовъ подъ залогъ государственнымъ казначействомъ облигацій нереализованнаго государственнаго

займа,—нѣтъ основанія разсчитывать на правильный возвратъ билетовъ, такъ какъ самый фактъ выпуска займа государствомъ указываетъ, что оно не имѣетъ возможности пріобрѣсти достаточное количество нужныхъ ему платежныхъ средствъ. Потому, для того, чтобы эмиссіонная операція велась правильно, необходима извѣстная независимость банка отъ государства.

Не менѣе важно также, чтобы банкъ, пользующійся правомъ выпуска билетовъ, не занимался спекуляціей, какова, напр., скупка на биржѣ акцій различныхъ учрежденій или государственныхъ процентныхъ бумагъ. Вообще же наиболѣе правильной является такая постановка эмиссіонной операціи, когда банкъ выпускаетъ билеты только въ обмѣнъ за внесенное золото или для чисто коммерческой операціи — учета векселей. Уже займы подъ государственныя процентныя бумаги представляютъ менѣе гарантій; ибо при денежныхъ замѣшательствахъ они массами выбрасываются на рынокъ, и цѣны ихъ падаютъ; потому возвратъ въ банкъ выпущенныхъ банковыхъ билетовъ не обезпеченъ, а это составляетъ главное условіе правильнаго дѣйствія эмиссіонной операціи, особенно въ тѣ моменты, когда банкъ вынуждается выпускать излишнее противъ нормы (указываемой золотымъ запасомъ) количество билетовъ. Такіе выпуски вызываются именно усиленнымъ запросомъ на деньги, вслѣдствіе ли отлива ихъ въ боковые каналы обращенія, или вслѣдствіе задержки въ сбытѣ товаровъ и невозможности реализировать ихъ цѣнность въ деньгахъ, благодаря переполненію рынковъ.

Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, кредитъ во всѣхъ его формахъ въ значительной степени сокращаетъ потребность въ монетѣ.

Второе, не менѣе важное вліяніе кредита состоитъ въ кажущемся увеличеніи капитала общества. Если, напримѣръ, A вноситъ 10.000 L. золотомъ въ англійскій банкъ, то онъ получитъ изъ банка въ обмѣнъ банковые билеты на ту же сумму. Эти билеты A отправляетъ къ своему банкиру B, который открываетъ для A на эту сумму текущій счетъ. Но банкиръ B не считаетъ нужнымъ хранить внесенную A сумму въ своей кассѣ въ видѣ банковыхъ билетовъ, ничего не приносящихъ ему, и пускаетъ ее въ оборотъ, напр., учитываетъ векселя или покупаетъ государственныя процентныя бумаги. Когда же ему предъявляются чеки отъ имени A, то они или погашаются обратнымъ требованіемъ со стороны B къ предъявителю чека, обыкновенно такому же банкиру, какъ указано было выше, или оплачиваются и наличными банковыми билетами, но не тѣми, которые внесъ A, а другими, которые тѣмъ временемъ могли поступить къ нему (B) въ уплату за учтенные ранѣе векселя и т. п. Во всемъ этомъ круговоротѣ операцій дѣйствительную цѣнность, настоящія деньги, представляютъ только тѣ 10.000 L. золотомъ, которые A

внесъ въ банкъ. Тѣ банковые билеты, которые *A* получилъ при этомъ,— только знаки, представляющіе именно цѣнность внесеннаго имъ золота. Но золото осталось въ банкѣ, и банкъ считаетъ его въ числѣ своихъ капиталовъ. Одновременно *A*, передавъ билеты банкиру *B*, также считаетъ, что имѣетъ 10.000 L.; въ видѣ текущаго счета у *B*; но *B* учелъ при помощи билетовъ *A* векселя *D*, *E*, *F* и пр., и эти лица, пока они не передали полученныхъ ими билетовъ далѣе, считаютъ себя также обладателями капитала. Такимъ образомъ одна и та же сумма считается за разъ многими частью ихъ капиталовъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, имѣется только одна, разъ взятая сумма 10.000 L., и только благодаря кредиту она представляется одновременно находящейся въ обладаніи нѣсколькихъ лицъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же кредитъ, создавая фикцію увеличеннаго богатства, ведетъ къ усиленію кризисовъ или прямо вызываетъ ихъ. Нашъ банкиръ *B* въ предыдущемъ примѣрѣ принялъ отъ *A* вкладъ въ 10.000 L;, но, какъ мы видѣли, у него очень скоро отъ вклада этаго не остается ничего. Во всякомъ случаѣ его наличная касса совершенно ничтожна сравнительно съ тѣми вкладами, которые онъ принялъ отъ разныхъ лицъ; и въ подобномъ положеніи находятся всѣ частные банки и банкиры. Если у нихъ и имѣется какой дѣйствительный запасный капиталъ, то онъ состоитъ изъ вклада въ центральный банкъ: въ Англіи, напр., всѣ фактическіе запасные капиталы всѣхъ банковыхъ учрежденій страны числятся вкладами въ центральномъ банкѣ, при чемъ этотъ банкъ, если и хранитъ принятое золото, то онъ взамѣнъ его выпустилъ уже банковые билеты. Во время спокойнаго хода дѣлъ это не представляетъ опасности, ибо въ обращеніи дѣйствительныя, полноцѣнныя деньги свободно замѣщаются различными суррогатами въ видѣ чековъ, векселей и тому подобныхъ кредитныхъ знаковъ. Но если рынки переполняются товарами, превращеніе товаровъ въ деньги задерживается, то и уплаты по векселямъ прекращаются, или для осуществленія этихъ уплатъ капиталисты вынуждены прибѣгать къ изъятію части своихъ запасныхъ капиталовъ, хранящихся въ видѣ депозитовъ въ банкахъ (по существу, какъ сказано, въ одномъ центральномъ банкѣ), или если ихъ запасные капиталы обращены въ государственныя или частныя процентныя бумаги, то къ продажѣ на рынкѣ этихъ бумагъ. Тогда легко наступаетъ паника, особенно если значительная часть платежей представляетъ платежи заграничные, для ликвидаціи которыхъ необходима полноцѣнная монета (золото). Въ это время частные банки усиленно требуютъ свои вклады изъ центральнаго; но, такъ какъ въ такихъ вкладахъ у нихъ имѣется только незначительная часть принятыхъ ими депозитовъ, то они не могутъ удовлетворить требованій, предъявленныхъ къ нимъ, и также вынуждены прибѣгнуть

къ продажѣ различныхъ процентныхъ бумагъ. Вслѣдствіе изобильнаго предложенія этихъ бумагъ, цѣна ихъ падаетъ, а это уже само по себѣ выражаетъ повышеніе заемнаго процента; послѣдній же въ это время повышается уже и помимо этаго подъ вліяніемъ усиленнаго спроса на деньги, и пониженіе цѣнъ процентныхъ бумагъ представляется какъ результатъ повышенія процента, хотя въ дѣйствительности оно само въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ этому поднятію уровня процента.

Но, кромѣ того, такія бумаги, какъ акціи, начинаютъ падать и вслѣдствіе того, что доходность предпріятій падаетъ. Достаточно, чтобы это паденіе процентныхъ бумагъ достигло болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, т. е. чтобы задержка платежей затянулась на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, чтобы и такіе владѣльцы процентныхъ бумагъ, которые не имѣютъ причины обращать ихъ въ деньги, вынесли свои бумаги на рынокъ изъ опасенія потерь на курсахъ и крушенія различныхъ предпріятій. Въ концѣ концовъ, возникаетъ полная паника, выражающаяся въ томъ, что всѣ стремятся получить деньги и именно настоящія металлическія деньги и обратить ихъ въ сокровище. Чтобы избѣжать опустошенія своей кассы и золотого фонда, центральный банкъ прибѣгаетъ къ повышенію процента, особенно учетнаго. Эта мѣра часто осуждается, какъ неправильная; и дѣйствительно, въ первый моментъ кризиса, когда банковые билеты требуются только какъ платежное средство и по совершеніи всѣхъ уплатъ они снова возвращаются въ банкъ,— тогда повышеніе процента только затрудняетъ переживаніе кризиса, вызывая, съ одной стороны, требованіе возврата депозитовъ, а съ другой— появленіе на рынкѣ избытка предложенія процентныхъ бумагъ, а это— въ свою очередь—усиливаетъ или даже вызываетъ кризисъ. Но разъ кризисъ уже развился, и наступилъ тотъ моментъ, когда всѣ стремятся превратить свои капиталы въ золотое сокровище,—банку ничего не остается болѣе для спасенія своего золота, какъ повысить дисконтъ. Впрочемъ, и въ это время повышеніе дисконта не всегда можетъ быть оправдано. Дѣло въ томъ, что отливъ золота представляетъ для банка опасность только въ томъ случаѣ, если золото это вывозится за границу; если же оно, какъ это часто бываетъ во время паники, обращается въ сокровище, то это не представляетъ еще никакой опасности. Дѣйствительно, во 1-хъ, взамѣнъ золота банкъ получитъ обратно свои билеты, а во 2-хъ, по минованіи паники, возвращается снова въ банкъ и спрятанное на время золото. Въ подобныхъ случаяхъ руководящій въ Европѣ, имѣющій всемірные обороты, Англійскій банкъ чаще всего дѣлаетъ ошибки, благодаря именно тому, что для Англіи требованіе на золото изъ банка чаще всего совпадаетъ съ необходимостью покрыть заграничные платежи, а отчасти, вѣроятно, и благодаря тому ограниченію, которое поставлено банку его статутомъ относительно выпуска банковыхъ билетовъ.

Во всякомъ случаѣ, однако, эмиссіонная операція и именно право выпуска билетовъ на сумму, превышающую цѣнность золотого фонда банка, является лучшимъ средствомъ регулированія монетнаго обращенія. Какъ мы видѣли, количество потребныхъ для обращенія товаровъ денегъ колеблется, и всегда и всюду являются моменты усиленнаго запроса на деньги. Удовлетворить такимъ запросамъ можно только двумя путями: 1) выпускомъ банковыхъ билетовъ въ размѣрѣ, превышающемъ количество золота, обезпечивающаго ихъ размѣнность; или 2) выпускомъ полноцѣнной монеты въ такомъ размѣрѣ, чтобы количество ея всегда было достаточно даже въ случаяхъ такихъ экстраординарныхъ запросовъ на деньги, какіе мы указывали выше. Но если количество обращающейся въ странѣ (точнѣе, выпущенной правительствомъ ея) монеты достаточно для удовлетворенія потребности въ средствахъ обращенія въ моменты усиленнаго спроса на деньги, то, значитъ, это количество должно весьма значительно превышать среднюю потребность въ деньгахъ въ обыкновенное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ спокойные моменты средней потребности въ деньгахъ оказывается избытокъ ихъ и именно въ видѣ полноцѣнной монеты, то эта монета, какъ мы знаемъ, или будетъ употреблена для техническихъ цѣлей, или будетъ скопляться въ банкахъ, въ видѣ вкладовъ разныхъ наименованій. Въ первомъ случаѣ, слѣдовательно, въ моментъ усиленнаго требованія на деньги, не окажется налицо достаточнаго для удовлетворенія запроса количества ихъ, т. е. страна будетъ находиться въ томъ же, или только немного лучшемъ, положеніи, какое должно наступить, если выпускъ монеты не превышалъ потребностей средняго обращенія; государство же потеряетъ безполезно всю сумму цѣнности, заключающуюся въ изъятой для техническихъ цѣлей монетѣ. Во второмъ случаѣ,—когда деньги будутъ накопляться въ банкахъ,—положеніе, на первый взглядъ, кажется лучше. На самомъ же дѣлѣ это накопленіе можетъ (и въ большинствѣ случаевъ—должно) повести къ еще болѣе серьезнымъ потерямъ, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Какъ было уже указано, такое накопленіе денегъ въ банкахъ побуждаетъ послѣдніе понижать процентъ на ссуды и облегчать кредитъ даже для такихъ предпріятій, которыя при отсутствіи избытка денегъ не могли бы имъ воспользоваться. Иначе говоря, банки такъ или иначе начинаютъ поощрять спекуляцію: возникаетъ масса новыхъ предпріятій, часто слишкомъ рискованныхъ, или старыя, ранѣе уже существовавшія, предпріятія начинаютъ расширять производство, исключительно въ расчетѣ на дешевый кредитъ. Все это, въ концѣ концовъ, ведетъ къ переполненію рынка товарами и вызываетъ всѣ тѣ явленія остраго денежнаго кризиса, которыя мы описали выше. Къ сказанному о такихъ кризисахъ мы прибавимъ только, что, разъ наступилъ тотъ моментъ, когда всѣ ищутъ только де-

негъ, стараясь обратить въ золото всѣ тѣ фиктивныя цѣнности, которыя представляютъ акціи, облигаціи, государственныя процентныя бумаги и т. п.,—разъ наступилъ этотъ моментъ, количество монеты никогда не можетъ удовлетворить запросу на нее, ибо номинальная (не говоря уже о рыночной) цѣна фиктивныхъ цѣнностей въ современномъ обществѣ во много разъ превосходитъ нормальную потребность въ средствахъ обращенія и можетъ быть даже сумму всѣхъ дѣйствительныхъ цѣнностей данной страны.

Такимъ образомъ, изобильный выпускъ золотой монеты ни въ какомъ случаѣ не можетъ спасти отъ кризисовъ, вызываемыхъ самымъ характеромъ современнаго способа производства и условіями обращенія. Замѣна полноцѣнной монеты въ обращеніи ничего не стоющими банковыми билетами, конечно, также не можетъ устранить кризисы. Но, при условіи возможности выпуска билетовъ на сумму бо́льшую, чѣмъ золотой фондъ, и, слѣдовательно, при устраненіи выпуска слишкомъ большого количества золотой монеты, такая замѣна до нѣкоторой степени предупреждаетъ кризисы, такъ какъ по крайней мѣрѣ одна изъ причинъ, ихъ вызывающихъ,—именно переполненіе банковъ золотомъ,—устраняется.

Словомъ, размѣнные банковые билеты при указанныхъ условіяхъ составляютъ наилучшее средство регулированія денежнаго обращенія и наиболѣе дешево снабжаютъ общество средствами обращенія.

§ 9. Одно изъ наиболѣе важныхъ вліяній развитія торговли деньгами (главнымъ образомъ чужими) при помощи банковъ выражается въ образованіи фиктивныхъ капиталовъ. Капиталъ, представляемый акціями и облигаціями, является фиктивнымъ, не только постольку, поскольку цѣны ихъ выше ихъ первоначальной стоимости, но и по самому существу акціи и облигаціи, равно какъ и государственныя и общественныя процентныя бумаги—представляютъ фиктивные капиталы, такъ какъ и первоначальная ихъ стоимость совершенно фиктивна. Акція и облигація сами по себѣ не содержатъ цѣнности, ибо та сумма денегъ, которая была за нихъ заплачена, въ дѣйствительности превратилась въ различныя части основного и оборотнаго капитала и, какъ таковой, функціонируетъ въ предпріятіяхъ, выпустившихъ эти бумаги. Послѣднія же представляютъ только документъ, санкціонирующій право владѣльца на присвоеніе опредѣленной (для облигацій—по суммѣ на каждую облигацію, а для акцій—какъ доли капитала) части общаго дохода даннаго предпріятія. Точно также и государственныя и общественныя процентныя бумаги не содержатъ дѣйствительной цѣнности, и тотъ капиталъ, взамѣнъ котораго они выданы, давно использованъ государствомъ или общественнымъ учрежденіемъ, и данная бумага только предоставляетъ владѣльцу ея право на полученіе извѣстной части общественнаго или государственнаго дохода

въ видѣ процентовъ на ссуженный имъ капиталъ и возврата этаго капитала. Но если сами по себѣ эти бумаги не представляютъ цѣнности, то тѣмъ болѣе, то наращеніе цѣнности, которое является съ повышеніемъ ихъ курсовъ, — благодаря лиц пониженію уровня заемнаго процента, или вслѣдствіе повышенія доходности предпріятій,—представляетъ настоящій фиктивный капиталъ. Дѣйствительно, капиталъ общества не увеличится ни на іоту вслѣдствіе того, что заемный процентъ упалъ, или что доходъ того или другого акціонернаго предпріятія превышаетъ въ извѣстное число разъ существующую норму заемнаго процента.

Но самый фактъ появленія фиктивныхъ капиталовъ имѣетъ огромное значеніе. Весь ходъ экономическаго прогресса побуждаетъ все болѣе расширять размѣры предпріятій, а это, въ свою очередь, необходимо ведетъ къ переходу единоличныхъ предпріятій въ акціонерныя. Разъ такой переходъ совершится, то та доля дохода, которая представлялась единоличному предпринимателю въ видѣ предпринимательскаго дохода, т. е. какъ вознагражденіе за его личный трудъ управленія дѣломъ,— эта доля становится теперь опредѣленнымъ жалованьемъ, которое получаютъ директора или управляющія дѣлами лица. Сами же капиталисты, владѣльцы предпріятія, акціонеры, могутъ и не принимать никакого участія въ управленіи; ихъ роль ограничивается, поэтому, присвоеніемъ причитающейся на ихъ капиталъ доли общей прибыли. Происходитъ, слѣдовательно, то самое явленіе, которое выразилось уже въ заемномъ капиталѣ: какъ тамъ — капиталистъ-деньговладѣлецъ (заимодавецъ) ничего не имѣетъ общаго съ самимъ производственнымъ процессомъ, изъ котораго извлекается прибыль, часть которой онъ присвояетъ себѣ какъ продуктъ, произведенный какъ бы его деньгами;—такъ и здѣсь:—акціонеръ ограничиваетъ свою роль полученіемъ дивиденда, не принимая лично никакого участія въ дѣлѣ. Разница только въ томъ, что акціонеръ несетъ и рискъ удачи или неудачи предпріятія, и потому ему предоставляется право нѣкотораго вліянія на ходъ дѣла; заимодавецъ же денежнаго капитала совсѣмъ не несетъ отвѣтственности и риска за ходъ дѣла, и даже не заинтересованъ, какъ былъ употребленъ его капиталъ, лишь бы поступалъ правильно процентъ, и возвратъ капитала былъ обезпеченъ.

Но затѣмъ, въ силу того, что рыночная цѣна акцій регулируется капитализаціей дохода, приносимаго ими, оказывается, что самая прибыль или весь доходъ отъ предпріятія получаетъ форму процента съ того капитала, который представляетъ рыночную цѣну акцій. Это ведетъ къ двоякаго рода слѣдствіямъ: во-первыхъ, самый фактъ раздробленія огромнаго капитала предпріятій на относительно незначительныя доли и появленіе этихъ долей на рынкѣ въ видѣ акцій даетъ возможность участвовать въ производствѣ и такимъ капиталамъ, которые, безъ такого

дробленія, по своей незначительности, не могли бы принять въ немъ участія. Благодаря этому, заемный процентъ поддерживается на извѣстной высотѣ (на что указывалъ еще Родбертусъ), не только потому, что возрастаетъ запросъ на капиталъ вообще, но и потому, что въ данномъ случаѣ капиталъ, который внѣ акціонерной формы долженъ бы былъ сдѣлаться просто заемнымъ, получаетъ возможность овладѣть всею прибылью, заключающей не только заемный процентъ, но и предпринимательскій доходъ. Во-вторыхъ, опредѣленіе цѣны акцій на биржѣ капитализаціей дивиденда придаетъ всей массѣ прибыли видъ процента, равнаго ссудному проценту на тотъ фиктивный капиталъ, который представляетъ собою рыночную цѣну акцій. Чѣмъ чаще дѣлается возможно такое превращеніе, чѣмъ болѣе акціонерная форма предпріятій вытѣсняетъ единичную,—тѣмъ болѣе сближаются между собою заемный или ссудный процентъ и та величина, которую мы называемъ процентомъ дохода отъ предпріятія, или уровень прибыли классической экономіи.

Такимъ образомъ, вмѣшательство денежнаго заемнаго капитала, появленіе фиктивныхъ капиталовъ, путемъ превращенія настоящаго производственнаго капитала въ форму, уподобляющуюся заемному капиталу, и, слѣдовательно, превращенія дохода отъ предпріятія въ процентъ, равный или мало отличающійся отъ ссуднаго,—это превращеніе почти совершенно нивеллируетъ разницу между производительнымъ и заемнымъ капиталомъ по величинѣ дохода, даваемаго тѣмъ и другимъ. Поэтому, въ концѣ концовъ, та *величина, которую экономисты называли уровнемъ прибыли, стремится силою вещей сравняться съ ссуднымъ процентомъ*. Это стремленіе къ выравненію увеличивается еще подъ вліяніемъ возрастающаго значенія постояннаго (особенно основного) капитала въ техникѣ производства, ибо этотъ факторъ, какъ мы видѣли, ведетъ съ одной стороны къ пониженію процента дохода отъ предпріятій, а съ другой къ повышенію заемнаго процента, т. е. также стремится уравнять обѣ эти величины.

Но, кромѣ того, пониженіе дохода отъ предпріятій, поскольку оно отражается пониженіемъ уровня заемнаго процента, ведетъ къ дальнѣйшему фиктивному росту капиталовъ акціонерныхъ предпріятій, и именно тѣхъ, которые даютъ прибыль выше средней, что, въ свою очередь, является, съ одной стороны, средствомъ для выравненія уровней дохода отъ предпріятій разнаго рода, а съ другой, содѣйствуетъ сближенію величинъ—дохода отъ предпріятій и заемнаго процента.

§ 10. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: во-первыхъ, *процессъ выравненія доходности предпринимательскаго и заемнаго капиталовъ представляетъ очень сильное орудіе въ смыслѣ уравненія доходовъ* крупныхъ (по крайней мѣрѣ) *предпріятій* и, слѣдова-

тельно, тотъ *путь, который указывается Марксомъ, какъ средство выравненія прибылей, оказывается совершенно ненужнымъ*. Во-вторыхъ, *уровень заемнаго процента, какъ величина весьма близкая къ проценту дохода отъ предпріятій*, такъ же, какъ и послѣдній, *находится въ зависимости отъ производственной техники*, и хотя въ его опредѣленіе входятъ и другіе факторы (въ томъ числѣ количество и родъ обращающихся въ странѣ мѣновыхъ знаковъ), но они производятъ только временныя колебанія его величины,—колебанія, которыя чаще и рѣзче проявляются въ процентѣ по краткосрочнымъ займамъ, каковъ, напр., учетный процентъ, и въ меньшей мѣрѣ отражаются на величинѣ процента по займамъ долгосрочнымъ, каковы всѣ государственные и общественные (облигаціонные) займы.

Все сказанное позволяетъ сдѣлать и еще одинъ важный выводъ, а именно: что *не процентъ дохода отъ предпріятія выражаетъ отличительныя свойства производственнаго капитала, а та величина, которую мы называли уровнемъ прибыли*, т. е. отношеніе $\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансированный капиталъ}}$.

Дѣйствительно, самая возможность и выгодность пользованія заемными капиталами для предпринимателя не можетъ обусловливаться высотой дохода отъ предпріятія $\left(\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{капиталъ предпріятія}}\right)$, которая, по мѣрѣ экономическаго развитія, все менѣе разнится отъ уровня процента на заемный капиталъ. Эта выгодность обусловливается и измѣряется тою разностью, которая существуетъ между уровнемъ прибыли $\left(\frac{\text{прибавочная цѣнность}}{\text{авансированный капиталъ}}\right)$ и ссуднымъ процентомъ или,—что̀ почти равнозначуще,—процентомъ на весь капиталъ предпріятія; и чѣмъ больше эта разность, тѣмъ выгоднѣе становится пользованіе заемнымъ капиталомъ; эта же разность возрастаетъ по мѣрѣ возрастанія основного капитала, какъ фактора, являющагося главнымъ орудіемъ повышенія интенсивности и производительности труда. Этимъ объясняется, почему именно предпріятія съ очень большими основными капиталами ведутся, если не исключительно, то въ весьма значительной степени, назаемный капиталъ.

Чтобы показать, какое вліяніе можетъ имѣть вмѣшательство заемнаго капитала, возьмемъ тотъ примѣръ, который мы брали (въ первой главѣ обращенія) для иллюстраціи вліянія длины рабочаго періода на величину потребности въ капиталѣ. Мы имѣли тамъ двухъ капиталистовъ, изъ которыхъ каждый затрачиваетъ въ недѣлю 1000 рублей въ видѣ рабочей платы и постояннаго капитала (въ томъ числѣ 200 рублей рабочей платы), но продуктъ одного изготовляется въ одну недѣлю, а другого въ 10 недѣль, почему оборотный капиталъ перваго обращается 50 разъ въ годъ, а второго—только пять разъ. Въ силу этаго, первый капиталистъ имѣетъ

всего 1000 руб. оборотнаго капитала, а второй—10.000 р. и годичный уровень прибыли у перваго—$\frac{10.000}{1000}$ = 1000%, а у второго—$\frac{10.000}{10.000}$=100%.

Допустимъ теперь, что второй капиталистъ, вмѣсто того, чтобы вкладывать 10.000 оборотнаго капитала, принадлежащаго ему лично, вкладываетъ, какъ и первый, только 1000 рублей собственнаго капитала, а остальныя 9 тысячъ занимаетъ, платя за нихъ 5% въ годъ. Это составитъ на всю сумму 450 рублей въ годъ, а, слѣдовательно, остатокъ прибавочной цѣнности будетъ 10.000—450=9.550 руб, и годичный уровень прибыли—$\frac{9.550}{1000}$ или 955%, тогда какъ у перваго—1000%. Слѣдовательно, огромная разница, которая существовала ранѣе (у перваго въ десять разъ болѣе) между уровнями прибыли обоихъ предпріятій, сводится къ совершенно незначительной величинѣ, которая въ дѣйствительности еще уменьшится, потому что нашъ предприниматель, конечно, не будетъ платить проценты за цѣлый годъ, а откроетъ себѣ въ банкѣ контокоррентный счетъ и будетъ брать деньги по мѣрѣ надобности. При этомъ въ первую недѣлю каждаго оборота капитала онъ совсѣмъ не будетъ пользоваться кредитомъ, пуская въ ходъ свой капиталъ, во вторую недѣлю займетъ первую тысячу, за которую ему нужно будетъ платить проценты за девять недѣль, въ третью недѣлю—еще 1000, за которую будетъ платить уже только за восемь недѣль, и т. д. Такимъ образомъ сумма процентовъ на заемъ составитъ въ каждый оборотъ товара плату съ капитала въ 1000 рублей за 45 недѣль, или въ годъ съ капитала 4135 рублей, т. е. всего 206 р., или менѣе половины того, что вычислено нами выше. А такъ какъ именно оборотный, и въ частности особенно перемѣнный капиталъ наиболѣе удобно замѣщаются заемными капиталами, то это показываетъ намъ еще разъ, что при условіи пользованія кредитомъ сложеніе капитала изъ постоянной и перемѣнной частей далеко не можетъ имѣть того значенія, какое ему приписываетъ Марксъ.

Наконецъ, необходимо указать еще на одно вліяніе вмѣшательства кредита. Мы замѣтили выше, говоря о прибыли торговаго капитала, что по существу разсужденіе Маркса относительно опредѣленія этой прибыли, какъ доли, опредѣляемой общимъ уровнемъ прибыли (т. е. процентомъ дохода отъ предпріятія) не пріемлемо, и что эта прибыль гораздо ближе стоитъ къ заемному проценту. Теперь мы можемъ точнѣе указать это соотношеніе. Во-первыхъ, какъ мы показали, самый процентъ дохода отъ предпріятій стремится уравняться съ процентомъ на ссудный капиталъ, и этимъ подтверждается, что и купеческій капиталъ не можетъ претендовать на существенно бо́льшую долю прибыли. Во-вторыхъ, совершенно ясно, что развитіе сношеній, съ одной стороны, и развитіе кредита съ другой, и, наконецъ, увеличеніе размѣровъ отдѣльныхъ

предпріятій—стремятся уничтожить значеніе торговаго капитала. Конечно, Марксъ правъ, что расширеніе предпріятія требуетъ въ извѣстной мѣрѣ отдаленія рынка и потребителя отъ производителя, и это можетъ усиливать значеніе торговаго капитала или вмѣшательства торговца. Однако, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этаго обстоятельства: вѣдь отдѣленіе производителя отъ потребителя только и возможно при условіи улучшенія сношеній и путей сообщенія. А съ этой стороны, можно сказать, современныя условія представляютъ весьма значительныя удобства и огромный прогрессъ сравнительно съ недавнимъ прошлымъ: 30—40 лѣтъ тому назадъ, безъ сомнѣнія, сношенія Англіи съ русскимъ заволжьемъ были несравненно болѣе затруднительны, чѣмъ теперь сношенія той же Англіи съ Индіею или Китаемъ, или Австраліею, и первыя требовали, въ то время, можетъ быть, не менѣе времени, чѣмъ послѣднія теперь.

Значительные размѣры предпріятій (особенно, возникновеніе такихъ союзовъ, какъ trust'ы) позволяютъ предпринимателямъ замѣнять услуги торговца услугами наемнаго commis-voyageur' а, пользуясь взамѣнъ торговаго капитала дешевымъ кредитомъ банковъ. Приведенный выше примѣръ показываетъ, что экономія въ капиталѣ не можетъ имѣть большого значенія, какъ факторъ, побуждающій передавать товаръ торговцу на время обращенія его на рынкѣ. Но, конечно, и торговцы могутъ составлять такіе же союзы, какъ и промышленные капиталисты, и такіе крупные торговые капиталы имѣютъ въ дѣлѣ сбыта товаровъ значительныя преимущества передъ представителями капиталистовъ-промышленниковъ. Во-первыхъ, союзы торговцевъ легче могутъ уничтожить разные faux frais торговли, а во-вторыхъ, они имѣютъ возможность лучше изучить рынки. Все же, однако, опытъ показываетъ, что удобства прямыхъ сношеній производителей и потребителей настолько велики, что и эти крупные посредники, въ родѣ англійскихъ импортеровъ и экспортеровъ, постепенно теряютъ значеніе.

Такимъ образомъ, торговый капиталъ, если не вполнѣ, то въ весьма значительной степени, освобождается, а это ведетъ къ тому, что этотъ капиталъ ищетъ приложенія прежде всего какъ ссудный капиталъ,—форма, переходъ въ которую для торговаго капитала наиболѣе удобенъ, потому что какъ торговый, такъ и ссудный капиталъ представляютъ капиталъ въ денежной формѣ.

Но крупные торговые капиталы, разумѣется, могутъ довольно долго конкурировать съ капиталами производительными въ дѣлѣ организаціи сбыта. Но, что они теряютъ значеніе, какъ посредники въ оптовой торговлѣ, доказываетъ, напр., фактъ обращенія ихъ къ конкуренціи съ мелкой, розничной торговлей, гдѣ успѣхъ борьбы, конечно, гораздо болѣе гарантированъ имъ. Отсюда появленіе такихъ монстръ-магазиновъ, какъ

Лувръ въ Парижѣ и проч.; при этомъ, вмѣсто спеціальной торговли однимъ какимъ-либо товаромъ, торговля въ такихъ магазинахъ становится универсальной, ибо они торгуютъ самыми разнообразными товарами.

§ 11. Чтобы покончить съ ученіемъ о кредитѣ, мы должны указать еще другія формы кредита, при чемъ постараемся быть возможно краткими.

Кредитныя учрежденія, разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ, занимаются выдачей ссудъ, обезпеченныхъ процентными бумагами или векселями и вообще «бумажными цѣнностями». Но выдача ссудъ производится и подъ залогъ матеріальныхъ цѣнностей въ видѣ земельной или вообще недвижимой собственности, или въ видѣ того или другого товара или цѣннаго предмета. Такой кредитъ носитъ названіе *вещнаго* въ отличіе отъ перваго, именуемаго коммерческимъ и иногда (неправильно) личнымъ.

Первая по времени появленія форма вещнаго кредита—*ломбардный кредитъ*. Самый терминъ, обозначающій этотъ видъ кредита (на нѣмецкомъ языкѣ Krämerkredit), свидѣтельствуетъ о близости этой формы къ средневѣковому ростовщическому кредиту. Ломбарды принимаютъ въ залогъ только ручные залоги,—мелкія, болѣе или менѣе цѣнныя вещи, которыя, конечно, они обязуются сохранять во время залога. Понятно, что это есть по существу мелочной, почти ростовщическій кредитъ. Въ позднѣйшее время изъ ломбардовъ развился такъ называемый «*варрантный*» кредитъ, который отличается отъ ломбарднаго тѣмъ, что функція храненія товара отдѣлена здѣсь отъ функціи кредитнаго учрежденія. Банкъ не отвѣтствуетъ за цѣлость товара и только,—получивши увѣренность въ наличности и доброкачественности его, а равно и въ надежности мѣста его храненія,—выдаетъ подъ него ссуду. Эта форма кредита развилась первоначально въ Англіи, и затѣмъ особенно въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, спеціально въ хлѣбной торговлѣ, въ связи съ развитіемъ такъ называемыхъ элеваторовъ, представляющихъ не что иное, какъ склады (амбары) особаго устройства. Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ: владѣлецъ опредѣленнаго количества хлѣба отправляетъ его въ элеваторъ, гдѣ достоинство товара опредѣляется причисленіемъ его къ одному изъ строго опредѣленныхъ сортовъ, а затѣмъ хлѣбъ ссыпается въ общее, безъ различія владѣльцевъ, помѣщеніе для даннаго сорта. Въ этомъ смѣшеніи заключается отличіе элеваторовъ отъ складовъ другихъ видовъ. Владѣлецъ хлѣба, взамѣнъ того, получаетъ *варрантное свидѣтельство*, или бланкъ, съ обозначеніемъ, что онъ имѣетъ право получить такое-то количество такого-то сорта хлѣба изъ выдавшаго варрантъ элеватора. Варрантное свидѣтельство состоитъ изъ двухъ частей; оно можетъ быть закладываемо въ банкъ, при чемъ одна часть—собствен-

но варрантъ—остается въ банкѣ, закладчикъ же получаетъ дубликатъ (вторую половину свидѣтельства) съ помѣткою банка, указывающей сумму, выданную банкомъ подъ залогъ товара. Варрантъ или дубликатъ его обращается на рынкѣ, переходя изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока лицо, пріобрѣвшее его, не пожелаетъ получить изъ элеватора указанное въ варрантѣ количество хлѣба. Для этаго необходимо выкупить вторую половину варранта изъ банка, иначе товаръ не выдается.

Такимъ образомъ варрантныя свидѣтельства даютъ возможность производителямъ и торговцамъ пользоваться кредитомъ подъ товаръ, еще не нашедшій себѣ покупателя на рынкѣ. Поскольку здѣсь владѣльцемъ товара является самъ производитель, превращеніе товара въ денежную форму путемъ кредита равносильно для него сокращенію періода обращенія товара на рынкѣ и, слѣдовательно, даетъ ему возможность быстрѣе обращать свой капиталъ или не вносить въ оборотъ дополнительнаго капитала, который нуженъ былъ бы ему для продолженія производства во время пребыванія продукта на рынкѣ въ товарной формѣ.

Иную болѣе важную форму вещнаго кредита представляетъ *ипотечный кредитъ*. Здѣсь ссуда обезпечиваетъ цѣнностью, заключенною въ недвижимой собственности. Обыкновенно выдача подобныхъ ссудъ составляетъ функцію спеціальныхъ банковъ.

Ипотечные банки, по роду имуществъ, которыя служатъ обезпеченіемъ залога, раздѣляются на: 1) городскія кредитныя общества, гдѣ залогами служатъ дома, и 2) земельные банки, кредитующіе собственно землевладѣльцевъ подъ залогъ земли. По способу же собиранія капиталовъ они раздѣляются на: а) общества взаимнаго кредита и б) акціонерные банки. Городскія общества взаимнаго кредита (ипотечнаго) собираютъ капиталъ, выпуская облигаціи, которыя, принося нормальный процентъ, считаются вполнѣ гарантированными, ибо цѣнность домовъ, особенно въ большихъ городахъ, постоянно возрастаетъ. Потому такія облигаціи идутъ на рынкѣ наравнѣ съ государственными бумагами; облигаціи безсрочны и погашаются ежегодными тиражами.

Общества земельнаго кредита, какъ акціонерныя, такъ и взаимныя, выпускаютъ срочные (на 10—15 лѣтъ и до 60-ти) закладные листы; сроки погашенія листовъ совпадаютъ съ тѣми сроками, въ которые заемщики банка погашаютъ свои долги банку. Банкъ здѣсь всегда является простымъ посредникомъ между владѣльцами закладныхъ листовъ, капиталистами-заимодавцами и землевладѣльцами-заемщиками. Потому считается общимъ правиломъ, что устройство такихъ банковъ на акціонерныхъ началахъ несравненно менѣе выгодно для заемщиковъ, чѣмъ устройство обществъ взаимнаго кредита. Въ послѣднемъ случаѣ группа землевладѣльцевъ, желающихъ получить кредитъ, выпускаетъ закладные листы за круговой по-

рукой всѣхъ заемщиковъ. При акціонерныхъ обществахъ главной гарантіей закладныхъ листовъ служитъ также заложенная земля, но, кромѣ того, таковой является и складочный капиталъ акціонеровъ, которые и отвѣтствуютъ передъ владѣльцами закладныхъ листовъ за ихъ цѣнность, но каждый заемщикъ отвѣчаетъ только за себя. Въ обществахъ взаимнаго земельнаго кредита тѣ суммы (какъ-то: пени, оцѣночныя деньги и т. п.), которыя при акціонерной формѣ идутъ на увеличеніе дивиденда акціонеровъ, обращаются въ пользу заемщиковъ, и, такимъ образомъ, понижается заемный процентъ. Но, съ другой стороны, если въ основѣ земельно-кредитнаго учрежденія лежитъ принципъ взаимности, то заемщики, не будучи коммерсантами, оказываются, обыкновенно, неумѣлыми руководителями и часто неряшливыми въ веденіи дѣла, вслѣдствіе чего взаимный кредитъ обходится заемщикамъ нерѣдко дороже акціонернаго. Въ дѣлѣ земельнаго кредита важное значеніе имѣетъ правильная оцѣнка земельныхъ угодій и ихъ доходности, такъ какъ послѣднею обусловливается возможность правильнаго поступленія платежей.

Банки земельнаго кредита представляютъ сравнительно новыя учрежденія. Но въ Европѣ давно уже существуетъ ипотечный кредитъ, только въ другой формѣ, которая и называется *ипотекой*. Съ этой цѣлью въ западно-европейскихъ государствахъ существуютъ такъ называемыя ипотечныя учрежденія, которыхъ функція заключается въ регистраціи долговъ, лежащихъ на каждомъ недвижимомъ имуществѣ. Эти учрежденія ведутъ книги, заключающія перепись всѣхъ имуществъ данной области, и о каждомъ займѣ, обезпечиваемомъ даннымъ имуществомъ, должно быть заявлено ипотечному учрежденію. Послѣднее вноситъ эти заявленія при описаніи соотвѣтствующаго имѣнія въ хронологическомъ порядкѣ поступленія заявленій. Въ случаѣ несостоятельности заемщика, долги погашаются въ порядкѣ ихъ записи въ ипотечную книгу. У насъ ипотека до сихъ поръ не введена.

Родбертусъ показалъ, что главная масса долга, лежащаго на землѣ, произошла отнюдь не вслѣдствіе меліорацій, какъ это предполагается обыкновенно, а благодаря условіямъ, сопровождающимъ актъ пріобрѣтенія участка. Долги, лежащіе на земельныхъ имуществахъ, составляютъ часть цѣны имѣнія, не выплаченную при покупкѣ покупателемъ прежнему владѣльцу, или, при наслѣдованіи имѣнія нѣсколькими сонаслѣдниками, доли сонаслѣдниковъ настоящаго владѣльца. Въ виду этаго, Родбертусъ находилъ, что современная организація земельнаго кредита въ формѣ, именно, ипотечныхъ записей не обезпечиваетъ интересовъ землевладѣнія.

Дѣйствительно, владѣлецъ ипотеки всегда имѣетъ право потребовать уплаты всей суммы долга и поступаетъ такъ именно въ то время, когда заемный процентъ повышается, такъ какъ тогда оказывается, что

получаемый имъ съ земледѣльца доходъ, въ видѣ процента на сумму ипотеки, меньше того, что онъ могъ бы получить, отдавая капиталъ въ заемъ. А, между тѣмъ, именно въ это время земледѣлецъ наиболѣе стѣсненъ, ибо условія слагаются тогда такъ: въ силу того, что земледѣлецъ принялъ землю при болѣе низкомъ уровнѣ процента, земля была оцѣнена выше того, что она стоитъ теперь. Потому земледѣльцу трудно добыть сумму денегъ, нужную для погашенія ипотечнаго долга, такъ какъ земля представляетъ теперь меньшее обезпеченіе долга въ глазахъ кредитора, чѣмъ прежде, при низкомъ уровнѣ заемнаго процента. Но и при банковомъ кредитѣ, землевладѣлецъ хотя и не обязанъ возвращать банку свой долгъ сразу, единовременно, но все же долженъ уплачивать ежегодно часть долга (погашать его). Между тѣмъ, земля не есть капиталъ, который погашается, изнашиваясь въ производствѣ, а есть рентное имущество, и потому, говоритъ Родбертусъ, кредиторъ землевладѣльца не долженъ имѣть права требовать уплаты капитальной суммы долга; онъ имѣетъ право не на процентъ съ капитала, — котораго онъ, обыкновенно, и не давалъ землевладѣльцу, хотя долгъ и выраженъ въ формѣ капитала, — а на извѣстную долю ренты, которая не должна повышаться въ зависимости отъ колебаній заемнаго процента, а сохраняетъ всегда опредѣленную величину. Для устройства болѣе правильнаго земельнаго кредита, Родбертусъ предложилъ цѣлый планъ организаціи такъ называемыхъ рентныхъ банковъ,—планъ, который въ главныхъ чертахъ осуществленъ недавно только въ Пруссіи. Суть дѣла здѣсь въ томъ, что кредиторы землевладѣльца получаютъ право на извѣстную сумму ренты, безъ права требовать обратно самый капиталъ. При условіяхъ современнаго обращенія это не имѣетъ значенія для владѣльцевъ рентныхъ обязательствъ, ибо они могутъ всегда реализовать свой капиталъ продажей на биржѣ рентнаго обязательства.

Во всякомъ случаѣ, какую бы форму не принималъ ипотечный кредитъ, всегда появленіе его знаменуетъ два явленія:

Во 1-хъ, на рынкѣ появляется масса «бумажныхъ цѣнностей», т. е. цѣнностей, по существу фиктивныхъ. Фиктивность этихъ цѣнностей, можно сказать, удваивается, когда мы имѣемъ дѣло съ бумагами, представляющими *цѣнность земли*, т. е. капитализированную ренту. Если бумага представляетъ цѣнность дома (или часть этой цѣнности), то здѣсь, по крайней мѣрѣ, существуетъ дѣйствительная цѣнность, если не въ бумагѣ, то въ цѣнности самаго дома. Но цѣнность земли сама по себѣ уже фикція; а здѣсь этой фиктивной цѣнности придается еще видъ «бумажной цѣнности», т. е. предмета, цѣнность котораго при всякихъ условіяхъ фиктивна.

Во-вторыхъ, ипотечный кредитъ представляетъ собою всегда (даже и въ случаѣ кредита подъ дома) по существу кредитъ, обезпечиваемый

рентой, приносимой данной недвижимостью. Это значитъ, что рента превратилась въ доходъ съ капитала, представляемаго цѣною земли. Капитализмъ превратилъ, слѣдовательно, природу (землю) въ капиталъ, а, выразивъ этотъ фиктивный капиталъ въ формѣ «бумажныхъ цѣнностей», сдѣлалъ его подвижнымъ и размѣннымъ на мелкую монету. Естественно, что и владѣлецъ земли долженъ теперь разсматривать свое имущество какъ особый видъ капитала; самъ же онъ,—изъ представителя особаго класса, интересы котораго противопоставлялись прежде интересамъ капиталиста,—становится простымъ членомъ того же класса капиталистовъ. Разъ земля есть не что иное, какъ особый видъ капитала, то она должна приносить такой же доходъ, какъ другіе, равноцѣнные ей капиталы. Земледѣлецъ, слѣдовательно, не можетъ уже разсматривать землю, какъ средство производства, даруемое ему природой для полученія необходимыхъ ему *потребительныхъ цѣнностей*. Онъ долженъ, прежде всего, стремиться произвести *мѣновыя цѣнности*, и самое количество этихъ мѣновыхъ цѣнностей, или, по крайней мѣрѣ, minimum представляемой ими цѣнности и заключающейся въ нихъ прибавочной цѣнности въ извѣстной мѣрѣ предопредѣленъ: произведенная прибавочная цѣнность или сумма чистаго дохода,—за вычетомъ прибыли на всѣ дѣйствительные капиталы хозяйства,—должна быть не менѣе процента на тотъ капиталъ, въ который оцѣнена земля. Этимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказано, что о натуральномъ хозяйствѣ при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Мало того: чѣмъ больше та сумма, которую земледѣлецъ долженъ «выработать», какъ процентъ на капиталъ въ землѣ, тѣмъ болѣе онъ будетъ стремиться эксплуатировать источникъ образованія цѣнности,—т. е. рабочую силу, и тѣмъ болѣе, его отношенія къ работнику будутъ уподобляться отношеніямъ къ послѣднему всякаго другого капиталиста-предпринимателя.

Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, мы приходимъ къ выводу, что, *при помощи кредита* разныхъ видовъ, *капитализмъ достигаетъ того, что всѣ особыя категоріи доходовъ* (исключая, конечно, заработной платы) *какъ по формѣ, такъ, въ значительной мѣрѣ, и по величинѣ, сводятся къ одной категоріи—заемному проценту*. Напомнимъ, что это именно тотъ видъ дохода, изъ-за котораго нарождавшійся капитализмъ,—въ лицѣ своего перваго представителя-ростовщика,—выдержалъ такую упорную и продолжительную борьбу. Теперь, покоривъ себѣ все, включительно до силъ природы, капитализмъ снова возвращается къ этой старой, но наиболѣе удобной, очевидно, формѣ выраженія всѣхъ видовъ капиталистическаго дохода.

ОТДѢЛЪ IV.

Потребленіе.

§ 1. Продуктъ производится затѣмъ, чтобы быть потребленнымъ. Самый актъ потребленія можетъ совершаться или каждымъ индивидуумомъ отдѣльно—личное потребленіе, или коллективно всей совокупностью даннаго общества или частью его—это будетъ общественное потребленіе. Разсмотримъ сначала потребленіе индивидуальное.

Говоря о потребленіи мы, прежде всего, должны имѣть въ виду настоящее потребленіе, т. е. такое употребленіе предмета, которое служитъ удовлетворенію тѣхъ или другихъ потребностей. Всѣ потребности человѣка могутъ быть разбиты на нѣсколько группъ, а именно: 1) потребности *эгоистическія*, т. е. такія, удовлетвореніе которыхъ имѣетъ цѣлью обезпеченіе существованія индивидуума, какъ такового. Эти потребности должны быть удовлетворены ранѣе другихъ. 2) Вторую группу составятъ потребности *альтруистическія*, удовлетвореніе коихъ доставляетъ средства для поддержанія жизни вида. Наконецъ, 3-ю группу потребностей можно обозначить названіемъ *потребности эстетическія*, удовлетворяемыя въ первое время играми, пляскою и проч., а въ наше время получившія огромное развитіе.

Всѣ эти потребности человѣкъ можетъ удовлетворять только путемъ расходованія извѣстнаго количества энергіи,—той энергіи, которая получается въ его организмѣ, вслѣдствіе перехода потенціальной энергіи пищи въ дѣятельное состояніе (кинетическую энергію) въ организмѣ человѣка, и которая проявляется въ разныхъ формахъ движенія и вообще дѣятельности органовъ тѣла. А такъ какъ количество потенціальной энергіи, которое можетъ принять въ себя организмъ въ видѣ пищи, обусловливается его устройствомъ, то и количество дѣятельной энергіи, которое можетъ обнаружить человѣкъ, ограничивается этимъ естественнымъ предѣломъ. Поэтому, между различными родами потребностей обнаруживается

нѣкоторый антагонизмъ: чѣмъ больше расходъ на одинъ родъ потребностей, тѣмъ менѣе остатокъ энергіи, который можетъ быть употребленъ на удовлетвореніе другихъ потребностей. Очевидно, что человѣкъ долженъ удовлетворить прежде другихъ свои эгоистическія потребности, т. е. тѣ, удовлетвореніе которыхъ служитъ къ поддержанію жизни индивидуума. Расходъ энергіи на удовлетвореніе этой первой группы потребностей распадается на слѣдующія статьи: a) расходъ на добываніе пищи; b) на работу органовъ въ процессѣ питанія; c) на поддержаніе нормальной температуры тѣла; d) на самозащиту и, наконецъ, e) на умственную дѣятельность въ эгоистическомъ направленіи.

Подобнымъ образомъ расходъ энергіи для удовлетворенія альтруистическихъ потребностей можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько статей: f) расходъ на размноженіе собственно; g) на сохраненіе и развитіе потомства; h) на защиту вида отъ враговъ и, наконецъ, k) на умственную дѣятельность въ альтруистическомъ направленіи. Остатокъ энергіи, по удовлетвореніи этихъ двухъ первыхъ группъ потребностей, можетъ идти на удовлетвореніе потребностей эстетическихъ. Но и эту долю энергіи можно разсматривать, въ свою очередь, какъ состоящую изъ двухъ частей, изъ коихъ одна: l) идетъ на непосредственное удовлетвореніе потребностей этой группы и расходуется въ формѣ разнообразныхъ движеній и т. п., а другая,—m) собственно на умственную дѣятельность въ этомъ направленіи.

Въ перечисленныхъ категоріяхъ расхода энергіи въ человѣческомъ организмѣ можно считать расходы: e) на работу органовъ пищеваренія и f) на размноженіе—за величины постоянныя; всѣ же остальные элементы расхода можно раздѣлить на двѣ группы, существенно отличающіяся по своему отношенію къ развитію индивидуума вообще. Очевидно именно, что чѣмъ болѣе расходъ энергіи на добываніе пищи, поддержаніе температуры тѣла, защиту индивидуума и вида отъ враговъ и на сохраненіе и развитіе потомства, — тѣмъ менѣе энергіи останется для личной жизни, т. е. для умственной дѣятельности всякаго рода и для удовлетворенія эстетическихъ потребностей; словомъ, — тѣмъ менѣе энергіи можетъ быть употреблено собственно на развитіе въ смыслѣ прогрессированія индивидуума. Увеличеніе расхода энергіи на удовлетвореніе потребностей послѣдней группы благопріятствуетъ прогрессу, тогда какъ, наоборотъ,—только уменьшеніе расхода энергіи на первые перечисленные виды потребностей будетъ способствовать прогрессу, — хотя и отрицательно,—сохраняя большее количество энергіи на фондъ индивидуальнаго развитія.

Этотъ выводъ, сдѣланный на основаніи изслѣдованія природы человѣка, подтверждается исторіей прогресса. Мы уже указывали, что про-

грессъ производства существеннымъ образомъ выражается въ увеличеніи производительности труда; а это значитъ, что уменьшаются расходы энергіи на статью a—добываніе пищи и c—на поддержаніе теплоты тѣла, вообще на удовлетвореніе всѣхъ потребностей индивидуума, какъ животнаго,—такъ какъ, вслѣдствіе увеличенія производительности труда, одежда, жилище и пр. становятся лучше и дешевле. Съ другой стороны, соединеніе первобытныхъ стадныхъ и отдѣльныхъ общинъ въ государства уменьшаетъ расходъ на защиту индивидуума (d) и вида (h). Тому же уменьшенію расхода и сохраненію энергіи для прогрессивнаго развитія вообще содѣйствуетъ улучшеніе путей сообщенія, уменьшая потерю времени на передвиженіе для различныхъ цѣлей. Всѣ тѣ расходы, которые можно назвать расходами на *саморазвитіе* (эстетическая и умственная дѣятельность), политическая экономія называетъ расходами *непроизводительными*, считая, наоборотъ, *производительными* расходы первой группы, которые можно назвать расходами на самосохраненіе, въ обширномъ смыслѣ, индивидуума и вида. Изъ сказаннаго видимъ, что стремленіе человѣка къ увеличенію богатства, которое политическая экономія принимаетъ за исходную точку всѣхъ своихъ дедуктивныхъ построеній, есть дѣйствительно стремленіе, присущее человѣку «въ силу необходимости его природы» (Милль «Логика»), и въ этомъ стремленіи къ богатству, т. е. изобилію средствъ для удовлетворенія потребностей самосохраненія съ малымъ расходомъ энергіи на добываніе ихъ,—выражается органическое стремленіе человѣка къ развитію его личныхъ силъ и способностей. Съ этой точки зрѣнія, болѣе богатымъ слѣдуетъ считать то общество, въ которомъ расходъ энергіи на самосохраненіе низведенъ до возможнаго minimum'a, а остатокъ на индивидуальное развитіе, наоборотъ, — возможно великъ. Очевидно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что если употребленіе какого-нибудь предмета сокращаетъ расходъ энергіи на самосохраненіе и увеличиваетъ фондъ индивидуальнаго развитія,—то этотъ предметъ содѣйствуетъ увеличенію богатства общества. Такъ, вопросъ,—содѣйствуютъ ли деньги, какъ орудіе мѣны, увеличенію богатства общества, — рѣшается очень просто: если употребленіе денегъ уменьшаетъ расходъ энергіи на различныя функціи самосохраненія, то они служатъ индивидуальному развитію человѣка и содѣйствуютъ увеличенію общественнаго богатства. А такъ какъ всѣ политико-экономы признаютъ, что деньги «уменьшаютъ трату времени и труда», то, очевидно, поставленный вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Точно также, такъ какъ трата времени и труда при употребленіи бумажныхъ денегъ меньше, чѣмъ при употребленіи металлическихъ, то замѣна металла бумагой также увеличиваетъ богатство общества, конечно, косвенно. Подобнымъ же образомъ обмѣнъ во всѣхъ его видахъ, давая возможность каждому производителю пріобрѣ-

тать продуктъ, производство котораго потребовало бы отъ него бо́льшаго расхода энергіи, чѣмъ производство того продукта, который онъ даетъ въ обмѣнъ,—увеличиваетъ богатство общества, ибо увеличиваетъ фондъ индивидуальнаго развитія обѣихъ обмѣнивающихся сторонъ. Оцѣнка всѣхъ экономическихъ явленій должна производиться именно съ точки зрѣнія индивидуальнаго развитія, ибо, хотя общество и есть организмъ, но «дискретный», и въ противоположность настоящимъ организмамъ («конкретнымъ»), существованіе его имѣетъ цѣлью не благосостояніе самаго организма, какъ такового, а благосостояніе каждаго члена его (индивидуума), сооотвѣтствующаго клѣточкѣ конкретнаго организма.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія явленія обмѣна или купли-продажи въ современномъ обществѣ, мы находимъ въ числѣ ихъ одно, которое противорѣчитъ принципу наибольшаго потребленія при наименьшихъ затратахъ (такъ называемому «принципу хозяйственности»). Такова именно продажа рабочей силы; какъ всякая продажа, она совершается по законамъ обмѣна эквивалентныхъ мѣновыхъ цѣнностей; значитъ, рабочая сила отчуждается ея обладателемъ за цѣнность ея производства, т. е. за средства существованія, доставляющія работнику то количество потенціальной энергіи, переходъ которой въ дѣятельное состояніе и составляетъ сущность всякой дѣятельности человѣка, въ томъ числѣ и обнаруженія имъ рабочей силы. Но всякая покупка совершается только потому, что покупатель разсчитываетъ взамѣнъ отчуждаемыхъ имъ потребительныхъ цѣнностей пріобрѣсти такое количество цѣнностей потребленія, которое онъ можетъ произвести самъ, только израсходовавъ на приготовленіе ихъ больше энергіи, чѣмъ онъ израсходовалъ на производство даваемыхъ имъ за покупаемую вещь продуктовъ. Такой же точно расчетъ заставляетъ и капиталиста покупать рабочую силу; потому время потребленія имъ рабочей силы необходимо должно превосходить время, нужное на производство продуктовъ, представляющихъ стоимость рабочей силы (необходимое рабочее время). Если же, какъ это обыкновенно бываетъ, время это растягивается на весь тотъ періодъ, въ теченіе котораго рабочая сила вообще можетъ обнаруживаться за счетъ того запаса энергіи, который произведенъ въ организмѣ рабочаго метаморфозомъ потребленныхъ средствъ существованія,—то, очевидно, при этомъ работникъ израсходуетъ и всю ту сумму энергіи, которая составляетъ фондъ его индивидуальнаго развитія. Отсюда понятно, что развитіе работника возможно только путемъ сокращенія времени работы въ пользу капиталиста, потому что только такимъ путемъ изъ запаса энергіи, пріобрѣтаемой рабочимъ въ средствахъ существованія, можетъ образоваться остатокъ, способный послужить цѣлямъ его индивидуальнаго развитія.

§ 2. Посмотримъ, какъ развивались въ исторіи формы потребленія,

или какими способами и пріемами человѣкъ достигалъ въ различные періоды удовлетворенія своихъ потребностей. При этомъ мы замѣчаемъ, что формы потребленія измѣняются по мѣрѣ того, какъ организація производства принимаетъ различныя формы на разныхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Первоначально (въ общинахъ охотниковъ и первобытныхъ земледѣльцевъ), когда орудія труда не принадлежатъ никому въ личную собственность, и работа совершается коллективно,—напр., обработка земли ведется всѣми членами общины сообща,—продуктъ принадлежитъ всѣмъ участвовавшимъ въ его производствѣ и или потребляется сообща же (напр. буйволъ, загнанный первобытными охотниками, или китъ, изловленный эскимосами), или же—на второй ступени—продуктъ раздѣляется посемейно, какъ это имѣетъ мѣсто у нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ-земледѣльцевъ и до сихъ поръ. На слѣдующей ступени развитія потребленіе начинаетъ отдѣляться отъ производства, и чѣмъ сильнѣе раздѣленіе труда въ обществѣ, тѣмъ болѣе раздѣляется производство во времени и пространствѣ отъ потребленія. При современномъ общественномъ строѣ каждый производитъ, большею частью, только одного рода предметы; предметы же потребленія пріобрѣтаетъ путемъ обмѣна, точнѣе—купли; производитель можетъ и совсѣмъ не потреблять лично производимаго имъ продукта и, наоборотъ, можетъ потреблять продукты всѣхъ производителей міра. Нельзя, однако, сказать, что при мѣновомъ (денежномъ) хозяйствѣ индивидуализація потребленія достигаетъ своего наивысшаго развитія,—наоборотъ: эта индивидуализація достигаетъ своего предѣла въ періодъ, предшествующій полному развитію мѣнового хозяйства, именно въ то время, когда въ сельскомъ земледѣльческомъ населеніи произошло уже выдѣленіе семьи, но среди членовъ общины не произошло еще выдѣленія особаго класса ремесленниковъ: всѣ или почти всѣ предметы обрабатывающей промышленности изготовляются въ свободное отъ земледѣльческихъ занятій время тѣми самыми лицами, которыя участвуютъ въ земледѣльческихъ занятіяхъ. Здѣсь, слѣдовательно, каждый потребляетъ почти исключительно только продукты, произведенные его личнымъ трудомъ и трудомъ немногихъ членовъ его семьи.

Совершенно не то уже будетъ при мѣновомъ хозяйствѣ. Хотя форма потребленія, являющаяся въ періодъ мѣнового хозяйства, отличается нѣкоторыми чертами отъ потребленія въ первобытной общинѣ, но тѣмъ не менѣе, потребленіе остается общественнымъ, и потому русскій ученый Зиберъ,—впервые указавшій на такой характеръ современнаго потребленія,—предложилъ называть форму потребленія первобытнаго—*непосредственно общественнымъ* потребленіемъ, въ отличіе отъ *посредственно-общественнаго* потребленія современнаго мѣнового хозяйства. Все отличіе современной организаціи потребленія отъ первобытной состоитъ въ томъ, что въ

первобытной общинѣ продуктъ совмѣстнаго труда членовъ общины обращался на потребленіе тѣхъ же членовъ, *непосредственно* служа для нихъ потребительною цѣнностью извѣстнаго рода; въ современномъ же хозяйствѣ производитель извѣстнаго продукта, который онъ произвелъ одинъ (въ домашнемъ или индивидуальномъ хозяйствѣ), или въ сотрудничествѣ съ другими (на фабрикѣ), долженъ реализировать предварительно свой продуктъ въ формѣ денегъ, чтобы помощью обмѣна денегъ,—слѣдовательно, *посредственно*,—вступить затѣмъ въ обладаніе продуктами труда другихъ лицъ. При этомъ, современный способъ потребленія въ нѣкоторомъ отношеніи имѣетъ даже болѣе права на названіе общественнаго, чѣмъ первобытный, ибо въ первобытномъ хозяйствѣ потребляется общественно только тотъ продуктъ, въ производствѣ котораго участвовала вся община, и, слѣдовательно, каждый участвуетъ въ потребленіи продуктовъ труда только данной общины, къ числу членовъ которой онъ принадлежитъ. Здѣсь нельзя даже сказать, что онъ потребляетъ продуктъ чужого труда, ибо въ производствѣ продукта онъ принималъ и личное участіе; слѣдовательно, потребляемую имъ часть общаго продукта можно считать продуктомъ его личнаго труда. Въ мѣновомъ же хозяйствѣ каждый продуктъ назначается для общественнаго потребленія, и каждый членъ общества можетъ принять участіе въ потребленіи того или другого рода продукта не потому, что онъ участвовалъ въ производствѣ его, а потому только, что онъ, съ своей стороны, предоставляетъ каждому потреблять въ обмѣнъ продуктъ своего труда.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ особенно ясно обнаруживается общественное назначеніе продуктовъ современнаго хозяйства; это имѣетъ мѣсто именно въ тѣхъ случаяхъ, когда единоличное потребленіе вовсе не можетъ имѣть мѣста или лишается всякаго смысла. Такъ, очевидно, что производитель машинъ и орудій не можетъ лично потребить, для удовлетворенія своихъ потребностей, продуктъ своего труда—машины. Совершенно подобнымъ же образомъ, хотя и возможно потребленіе желѣзной дороги или парохода и т. д. однимъ лицомъ, собственникомъ, но оно, очевидно, не имѣло бы никакого смысла, и лишеніе остальныхъ членовъ общества права пользоваться такимъ предметомъ и обращеніе его на личное только потребленіе является только аномаліей и исключеніемъ. Наконецъ, самый кругъ лицъ, потребляющихъ данный предметъ, становится все шире, и, напр., телеграфы потребляются совмѣстно всѣми цивилизованными людьми, безъ отношенія даже къ ихъ національности.

Такимъ образомъ обращеніе въ индивидуальную собственность средствъ производства (капитала) дѣлаетъ не только производство общественнымъ,—путемъ кооперації, но, въ концѣ концовъ, и самое потребленіе дѣлается при этомъ общественнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется значеніе самаго

права собственности, которое въ первоначальномъ своемъ видѣ есть не что иное, какъ право потребленія и произвольнаго употребленія предмета. Когда потребленіе дѣлается общественнымъ,—въ силу невозможности для собственника потребить лично произведенный продуктъ,—то элементъ потребленія какъ бы отдѣляется отъ права собственности на продуктъ, и за собственникомъ продукта сохраняется только право распоряженія предметомъ. Но метаморфозъ на этомъ не останавливается: разъ потребленіе предмета дѣлается общественнымъ, т. е. на потребленіе его общество, нѣкоторымъ образомъ, получаетъ право,—то и право распоряженія предметомъ не можетъ быть предоставлено вполнѣ произволу отдѣльнаго лица и подлежитъ ограниченію. Это выражается, напр., въ регламентаціи государственной властью распоряженія фабрикой и такими учрежденіями, какъ гостиницы, желѣзныя дороги и пр. Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ развитія потребленія.

§ 3. Классическая экономія, какъ было упомянуто, раздѣляетъ потребленіе на производительное и непроизводительное. *Производительнымъ потребленіемъ* потребительныхъ цѣнностей всякаго рода *называется* такое *потребленіе ихъ, которое имѣетъ цѣлью производство новыхъ матеріальныхъ предметовъ и необходимо для производства*. Такимъ образомъ, потребленіе дровъ, шерсти, красокъ съ цѣлью производства сукна (на фабрикѣ)—будетъ потребленіемъ производительнымъ. Равнымъ образомъ *потребленіе всѣхъ лицъ, участвующихъ въ производствѣ какого-либо матеріальнаго предмета* (будетъ ли то брилліантъ, шелковая матерія, парча или пшеница, рожь, кирпичъ—все равно), также *будетъ* потребленіемъ *производительнымъ, поскольку это потребленіе служитъ цѣлямъ производственнаго процесса*. Въ силу этаго опредѣленія, потребленіе работникомъ этихъ потребительныхъ цѣнностей будетъ производительнымъ потребленіемъ, поскольку возстановленіе и воспроизведеніе той рабочей силы, которую работникъ прилагаетъ въ производствѣ, невозможно безъ такого потребленія; но та *часть потребленія* того же *работника, которая служитъ для произведенія энергіи, составляющей фондъ его индивидуальнаго развитія, будетъ потребленіемъ непроизводительнымъ*. Само собою разумѣется, что потребленіе всѣхъ лицъ, не принимающихъ непосредственнаго участія въ производствѣ, т. е. всѣхъ такъ называемыхъ непроизводительныхъ классовъ общества, также относится къ непроизводительному потребленію; и съ этой точки зрѣнія всѣ почти или весьма значительная часть государственныхъ расходовъ должны быть отнесены къ непроизводительному потребленію.

Въ большей части случаевъ экономисты классической школы находили всѣ расходы, вызываемые непроизводительнымъ потребленіемъ,—вредными. Впрочемъ, нѣкоторые представители школы, напр., Дж. Ст.

Милль, высказываютъ предположеніе, что: «вѣроятно, часть непроизводительныхъ расходовъ работника (на удовольствія) слѣдуетъ признать необходимой для возстановленія его силъ». Не смотря на это заключеніе, Милль признаетъ, однако, нужнымъ рекомендовать возможное ограниченіе подобныхъ расходовъ.

Сдѣлавъ такой выводъ, классическая экономія просмотрѣла два обстоятельства, а именно: 1) самый крупный непроизводительный расходъ современныхъ государствъ есть, безъ сомнѣнія, расходъ на содержаніе постоянныхъ армій и веденіе войнъ, и этотъ расходъ появляется (особенно содержаніе постоянныхъ армій) въ бюджетахъ европейскихъ государствъ вмѣстѣ съ расцвѣтомъ того капиталистическаго строя, который большинство экономистовъ этой школы признаетъ чуть не идеаломъ совершенства. Войска и постоянныя арміи нужны капитализму для расширенія рынковъ сбыта, такъ какъ мы видѣли, что перепроизводство составляетъ неизбѣжное условіе капиталистическаго производства. Къ тому же арміи (и флоты) доставляютъ капиталистамъ массу обязательныхъ потребителей ихъ продуктовъ, да сверхъ того государственная власть изъ опасенія войны вводитъ разныя покровительственныя мѣры по отношенію къ туземной промышленности, не только гарантируя такимъ образомъ сбытъ продуктамъ, но и обезпечивая капиталистамъ возможно высокую прибыль. 2) Въ числѣ тѣхъ расходовъ, которые классическая экономія признаетъ непроизводительными и которые рекомендуетъ сокращать всѣми возможными способами изъ опасенія уменьшенія накопленія капиталовъ,— важную статью составляютъ расходы на образованіе, равно всѣ расходы на удовлетвореніе эстетическихъ потребностей и вообще расходы за счетъ фонда индивидуальнаго развитія. Между тѣмъ эти расходы, служа развитію индивидуальныхъ силъ человѣка, обусловливаютъ собою прогрессъ, и безъ нихъ невозможно было бы и развитіе науки, приложеніе которой къ производству даетъ капиталисту гораздо болѣе могучее средство накопленія, чѣмъ грошовая экономія расходовъ на это непроизводительное потребленіе: безъ примѣненія научныхъ знаній къ техникѣ производства, самое существованіе капитализма въ теперешнемъ его видѣ немыслимо, и, какъ мы знаемъ, расцвѣтъ капитализма связанъ съ введеніемъ техники, выработанной при помощи науки. Эти два обстоятельства совершенно ясны съ перваго взгляда, и потому классическая экономія ихъ просто просмотрѣла.

Гораздо менѣе ясна, хотя и столь же несомнѣнна связь между непроизводительными расходами рабочихъ классовъ и хроническимъ переполненіемъ рынка товарами, каковое переполненіе составляетъ сущность такъ называемыхъ кризисовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы работники имѣли возможность болѣе расходовать на «непроизводительное» потре-

бленіе, т. е. могли бы удовлетворять болѣе хорошо своимъ потребностямъ питанія и воспитанія дѣтей съ одной стороны, и доставленія себѣ нормальнаго отдыха и развитія, путемъ удовлетворенія эстетическихъ потребностей съ другой, — то кризисы, если бы и имѣли мѣсто, не могли бы принимать столь острой формы, какъ тѣ кризисы, которые переживала промышленность разныхъ странъ въ теченіе послѣдняго полстолѣтія. Зависимость здѣсь понятна: чтобы имѣть возможность употреблять часть энергіи на свое индивидуальное развитіе во всѣхъ направленіяхъ, работникъ долженъ сберегать эту энергію изъ той, ежедневно поглощаемой имъ энергіи, которую онъ теперь цѣликомъ расходуетъ на увеличеніе прибавочной цѣнности капиталиста. Иными словами: рабочій день долженъ быть сокращенъ. Точно также, чтобы воспитывать своихъ дѣтей болѣе хорошо, работникъ долженъ имѣть средства содержать ихъ во время полученія ими воспитанія, чтобы не быть вынужденнымъ отдавать ихъ до окончанія воспитанія на фабричную или иную работу. Для достиженія же этихъ цѣлей нужно, чтобы доля рабочаго въ продуктахъ труда возрасла, т. е. чтобы рабочая плата повысилась. Но, конечно, уменьшеніе рабочаго дня и параллельное повышеніе рабочей платы возможно при капиталистическомъ строѣ только въ ограниченномъ размѣрѣ, такъ какъ то и другое стремится понизить прибыль капиталиста.

Такимъ образомъ, относительно непроизводительнаго потребленія мы приходимъ къ выводу, почти прямо противоположному выводу классической экономіи, поскольку, по крайней мѣрѣ, дѣло идетъ о непроизводительномъ потребленіи рабочаго класса.

Конечно, политическая экономія, можетъ быть, болѣе права, предъявляя къ капиталисту требованія воздержанія, особенно когда дѣло идетъ о воздержаніи отъ такихъ расходовъ, какъ лукулловскіе обѣды англійской знати, устройство лендлордами парковъ для охоты, на земляхъ, съ которыхъ изгнаны фермеры, и т. д. Но, въ сущности, даже огромная доля тѣхъ расходовъ, которые идутъ на предметы роскоши, могли бы быть причислены къ расходамъ на удовлетвореніе эстетическихъ потребностей, если бы эти расходы были общедоступны. При этомъ условіи значительная часть того, что теперь называется роскошью, сдѣлалась бы просто удобствомъ, комфортомъ. Словомъ, дѣло не въ потребленіи, а въ распредѣленіи потребленія, которое, въ свою очередь, есть прямое послѣдствіе распредѣленія продукта, точно такъ, какъ послѣднее есть необходимый результатъ концентраціи средствъ производства. И, однакоже, безъ такой концентраціи нельзя себѣ представить развитія производства, а безъ развитія производства, въ смыслѣ увеличенія производительности труда, невозможно было бы и развитіе человѣка вообще.

Заключеніе.

Предыдущій краткій обзоръ типическихъ явленій современнаго общественно-экономическаго строя и развитія этихъ явленій позволяетъ, кажется, сдѣлать выводъ, что весь ходъ экономической эволюціи обусловливается тѣми немногими естественными факторами, которые были указаны во введеніи.

Исходной точкой этой эволюціи, какъ мы видѣли, является борьба человѣка съ окружающими его природными условіями, ради обезпеченія себѣ возможности существованія. Эта борьба начинается съ перваго момента появленія человѣка на землѣ, продолжается до сихъ поръ и можетъ закончиться только съ прекращеніемъ существованія человѣческаго рода. По мѣткому выраженію Родбертуса, «человѣкъ явился на свѣтъ съ крайне ограниченными силами и неограниченными потребностями». И, не смотря на такое видимое безсиліе своей природы, человѣкъ въ самыхъ свойствахъ своей натуры нашелъ средства, чтобы обезпечить свое существованіе на землѣ. Такое средство дала ему, прежде всего, его природная способность—быть «общественнымъ животнымъ», эта способность и проявилась въ соединеніи его съ себѣ подобными, дабы общими силами бороться съ неблагопріятными условіями внѣшней природы. Другое, не менѣе сильное средство для этой борьбы, человѣкъ нашелъ въ той способности своей, которую Франклинъ охарактеризовалъ выраженіемъ: «человѣкъ есть животное, дѣлающее орудія»; иначе говоря.—въ своей способности познанія, такъ какъ эта способность и дала ему возможность строить орудія и вообще примѣнять различныя мѣры для достиженія успѣховъ въ его борьбѣ съ внѣшней природой.

Но первыя соединенія людей имѣли такой же стадный характеръ, какъ и соединенія низшихъ животныхъ, и не могли еще обезпечить человѣку существованіе на землѣ. Однако, борьба между этими стадными группами приводитъ къ дальнѣйшему развитію: группы интегрируются,

соединяются въ болѣе крупные союзы, а послѣдніе, наконецъ, организуются въ государства. Такой ростъ общественныхъ единицъ могъ происходить, только благодаря параллельному развитію двухъ явленій различнаго порядка: борьба группъ между собою была очень сильнымъ стимуломъ для развитія познанія природы, а эти познанія давали возможность, помимо побѣды надъ враждебными группами, съ бо̀льшимъ успѣхомъ бороться и противъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній самой природы; съ другой стороны, соединеніе группъ только тогда являлось прочнымъ, если, параллельно съ интеграціей группъ, происходила дифференціація внутри ихъ, т. е. раздѣленіе функцій между отдѣльными членами группы или между самими группами.

Но и обратно: ростъ дифференціаціи можетъ идти только параллельно росту интеграціи. Раздѣленіе функцій не можетъ достигнуть сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ въ небольшой общинѣ и только въ организованномъ союзѣ общинъ,—государствѣ,—развивается до степени общественнаго раздѣленія труда. Мы уже видѣли, что безъ общественнаго раздѣленія труда немыслимо развитіе производительности труда, а это послѣднее является необходимымъ условіемъ и прогресса самого индивидуума, т. е. на первомъ мѣстѣ развитія его способностей познанія.

И такъ, уже съ перваго момента своего появленія на землѣ человѣкъ вынуждается изучать силы природы. Однако, пока мелкіе союзы не превратились въ организованныя государства и общественная дифференціація не позволила выдѣлиться достаточно многочисленному классу, который имѣлъ возможность посвятить свои силы изученію природы, — до тѣхъ поръ уровень знаній человѣка о силахъ и явленіяхъ природы не могъ быть высокъ. А между тѣмъ, пока человѣкъ не научился эксплуатировать силы природы, заставляя ихъ работать вмѣсто себя, до тѣхъ поръ увеличеніе производительности труда идетъ весьма медленно. Да и въ борьбѣ съ вредными для него вліяніями природы человѣкъ,—пока онъ не достигъ умѣнья управлять хотя нѣкоторыми изъ природныхъ силъ настолько, чтобы замѣстить дѣйствіемъ этихъ силъ свою ничтожную силу въ указанной борьбѣ,—достигаетъ только весьма слабыхъ результатовъ и нерѣдко оказывается побѣжденнымъ. И только тогда, когда общественная дифференціація достигла уже весьма значительнаго развитія, можетъ быть достигнута и эта ступень познанія, и человѣкъ, покоривъ въ значительной мѣрѣ силы природы, научившись управлять этими силами, становится настоящимъ царемъ природы. Конечно, этотъ процессъ еще не законченъ, но, во всякомъ случаѣ, уже покореніе человѣкомъ силы пара оказало огромное вліяніе на ходъ экономическаго развитія и въ высокой степени ускорило процессъ, именно потому, что эта сила можетъ быть вызвана къ дѣйствію по волѣ человѣка вездѣ, гдѣ онъ пожелаетъ.

Однако, еще прежде, чѣмъ были достигнуты эти успѣхи въ познаніи природныхъ силъ, общественная дифференціація и весь ходъ экономическаго развитія привели къ тому, что хозяиномъ-распорядителемъ производства сдѣлалась небольшая группа капиталистовъ, и вновь покоренныя силы природы явились новымъ могучимъ орудіемъ для усиленія концентраціи средствъ производства въ рукахъ тѣхъ же капиталистовъ. Массы же населенія, на первый взглядъ, не только не выиграли, но даже проиграли, такъ какъ,—благодаря метаморфозу производства со введеніемъ паровыхъ двигателей—зависимость массы работниковъ отъ капиталистовъ сдѣлалась еще сильнѣе, чѣмъ была передъ тѣмъ. Но то же приложеніе силы пара, какъ двигателя, вызываетъ къ жизни совершенно новыя отрасли производства, содѣйствуетъ расширенію производства въ другихъ отрасляхъ и, наконецъ, даетъ возможность избыточному населенію переселиться въ новыя страны и создать здѣсь цвѣтущія и многолюдныя государства. Говоримъ это не въ видѣ извиненія капитализму, — ибо, съ нашей точки зрѣнія, онъ не нуждается ни въ извиненіи, ни въ какомъ-либо снисхожденіи. Какъ мы видѣли, появленіе его есть неизбѣжное послѣдствіе предыдущаго развитія, и въ моментъ своего нарожденія капитализмъ является единственнымъ средствомъ для спасенія массъ населенія отъ голодной смерти. Если же въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи онъ содѣйствовалъ образованію «избыточнаго населенія» пролетаріевъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ создалъ и ту высокую производительность общественнаго труда, которая составляетъ матеріальную основу всей современной духовной культуры.

Но, конечно, общественно-экономическая эволюція не закончится періодомъ капитализма. Подобно тому, какъ предшественникъ капитализма,—ремесленно-цеховой строй,—долженъ былъ уступить мѣсто капитализму въ силу того, что логическое развитіе лежащаго въ основѣ его организаціи принципа привело къ такому состоянію производства, при которомъ послѣднее не могло удовлетворять возросшимъ потребностямъ общества; такъ точно и логическое развитіе принципа, лежащаго въ основѣ капитализма, должно привести къ тому, что эта форма хозяйствованія окажется неспособной развивать далѣе производство въ интересахъ общества и должна будетъ уступить мѣсто иной, болѣе совершенной.

Въ разныхъ мѣстахъ нашего изслѣдованія намъ приходилось указывать тѣ факторы, которые вызываютъ эту эволюцію, и отмѣчать тѣ явленія, которыя должны считаться ея предвѣстниками. Потому здѣсь мы можемъ ограничиться немногими словами.

Мы видѣли, что ремесленно-цеховой строй преслѣдовалъ принципъ—гарантировать каждому работнику (члену цеха) достаточный заработокъ. Въ стремленіи доставить такую гарантію—весь смыслъ и значеніе цеховой

регламентаціи производства. Но эта же регламентація повела къ ограниченію количества производимыхъ продуктовъ и если не къ ухудшенію, то къ остановкѣ въ улучшеніи какъ самаго продукта, такъ и способовъ производства, и, наконецъ, къ такой дробности функцій отдѣльныхъ цеховъ, которая крайне затрудняла изготовленіе многихъ предметовъ. Все это вмѣстѣ и привело къ замѣнѣ ремесленнаго строя капиталистическимъ, который въ принципѣ представляетъ полную антитезу ремесленнаго строя. Этотъ послѣдній имѣлъ въ виду, прежде всего, работника, и при этомъ, можно сказать, игнорировалъ развитіе производства. Капиталистическій строй, наоборотъ, игнорируетъ въ принципѣ работника и устремляетъ все свое вниманіе на развитіе производства. Капитализмъ, какъ мы видѣли, вызванъ къ жизни, прежде всего, необходимостью доставить на рынокъ бо́льшее количество продукта; этаго онъ достигаетъ, увеличивая производительность и интенсивность труда работниковъ. Но, какъ повышеніе производительности труда, такъ и увеличеніе интенсивности служитъ не на пользу, а скорѣе во вредъ работникамъ, какъ классу, ибо и то и другое ведетъ къ уменьшенію доли перемѣннаго капитала въ общей суммѣ капиталовъ предпріятія, а слѣдовательно, и къ уменьшенію доли работника въ цѣнности продукта. Но капиталистъ имѣетъ цѣлью, прежде всего, произвести прибавочную цѣнность; потому, для него увеличеніе производительности труда не можетъ служить цѣлью, хотя онъ и пользуется имъ временно, какъ средствомъ увеличить прибавочную цѣнность. Но скоро оказывается, что увеличеніе производительности труда ведетъ къ пониженію уровня прибыли. Испробовавъ затѣмъ рядъ мѣръ, капиталистъ находитъ, въ концѣ концовъ, что дѣйствительнымъ средствомъ для увеличенія прибавочной цѣнности можетъ служить увеличеніе интенсивности труда. Стремясь увеличить интенсивность труда, капиталистъ попутно и неизбѣжно увеличиваетъ и производительность его, такъ какъ и то и другое достигается, главнымъ образомъ, улучшеніемъ орудій и машинъ. При этомъ происходитъ, во всякомъ случаѣ, значительное увеличеніе доли постояннаго капитала или въ видѣ матеріала, или въ видѣ основного капитала. Какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, капиталистъ старается извлечь выгоду изъ всякаго новаго изобрѣтенія техники; а развитіе техники, въ свою очередь, также идетъ въ направленіи увеличенія роли постояннаго капитала въ производствѣ, и эксплуатація техническихъ изобрѣтеній послѣдняго времени (особенно связанныхъ съ примѣненіемъ электричества во всѣхъ его видахъ) требуетъ все бо́льшей суммы основного капитала, сводя къ ничтожной величинѣ не только перемѣнный, но часто и весь оборотный капиталъ, такъ какъ и потребленіе матеріаловъ разнаго рода при этомъ также не играетъ большой роли.

Какъ же всѣ эти явленія отражаются и, еще болѣе—должны отразиться въ предвидимомъ будущемъ, на судьбѣ капитализма?

Если капиталистъ вынуждается всѣмъ ходомъ развитія—или,—какъ это имѣетъ мѣсто въ однѣхъ отрасляхъ производства,—увеличивать въ огромной степени производительность труда занятыхъ работниковъ за счетъ увеличенія потребленія массы матеріала,—или,—какъ въ другихъ отрасляхъ,—вводить такіе способы производства, которые, требуя огромнаго основного капитала, почти совсѣмъ устраняютъ примѣненіе живой рабочей силы въ производствѣ,—то къ какимъ послѣдствіямъ для капиталиста должно это привести?

Мы уже говорили, что увеличеніе производительности труда приводитъ къ пониженію уровня прибыли, а еще болѣе къ паденію процента дохода со всѣхъ капиталовъ предпріятія, такъ какъ послѣдній понижается не только вслѣдствіе увеличенія цѣнности матеріала, но и вслѣдствіе параллельнаго повышенія цѣнности основного капитала.

Капитализмъ, конечно, изобрѣтаетъ различныя мѣры, при помощи которыхъ ему удается, въ извѣстной степени, парализовать вредное вліяніе развитія техники на величину извлекаемаго имъ изъ предпріятій дохода. Какъ мы видѣли, наиболѣе дѣйствительными изъ этихъ мѣръ оказываются: развитіе кредита и увеличеніе размѣровъ предпріятій. Однако, пока продолжаетъ дѣйствовать конкуренція, предпринимательскій доходъ,—не смотря на всѣ мѣры, принимаемыя капиталистомъ, — продолжаетъ падать. Такъ какъ это паденіе рѣзче обнаруживается въ отрасляхъ съ значительнымъ преобладаніемъ основного капитала, то здѣсь ранѣе проявляется стремленіе ограничить или даже совсѣмъ уничтожить вліяніе конкуренціи, достигая,—путемъ ли соглашеній между предпринимателями или инымъ способомъ,—монополизаціи производства. Въ отрасляхъ, гдѣ главная роль въ пониженіи дохода капиталиста принадлежитъ не основному, а оборотному капиталу (въ формѣ матеріаловъ), то же стремленіе къ ограниченію конкуренціи ведетъ къ увеличенію размѣровъ предпріятій, съ каковой цѣлью они преобразуются изъ единоличныхъ въ акціонерныя,—форма, которую не менѣе часто принимаютъ и предпріятія перваго рода.

Но, такъ или иначе, капиталистъ, уничтоживъ конкуренцію и сдѣлавшись монополистомъ или превратившись изъ настоящаго руководителя предпріятіемъ въ простого отрѣзывателя купоновъ, — акціонера,—тѣмъ самымъ заявляетъ, что онъ неспособенъ далѣе развивать производство въ интересахъ общества. Сдѣлавшись монополистомъ, онъ теряетъ интересъ ко введенію улучшеній въ производствѣ, ибо его главная цѣль,—полученіе извѣстнаго дохода,—гарантируется ему монопольнымъ правомъ; а, превратившись въ акціонера, онъ часто теряетъ связь съ про-

изводствомъ, и къ нему вполнѣ приложимо сказанное Марксомъ о землевладѣльцѣ: онъ можетъ всю жизнь прожить въ Константинополѣ, участвуя въ акціонерномъ предпріятіи, помѣщающемся въ Шотландіи. Онъ, конечно, заинтересованъ въ томъ, чтобы предпріятіе, въ которое онъ вложилъ свой капиталъ, давало возможно болѣе дохода; но принять дѣятельное участіе въ управленіи имъ, съ цѣлью поднятія этаго дохода, онъ, обыкновенно, не можетъ. Поэтому предпріятія этаго рода управляются (de facto если не de jure), чаще всего, лицами, совершенно не заинтересованными въ улучшеніи ихъ техники, хотя бы это и могло поднять доходность предпріятія.

Словомъ, для правильнаго хода и организаціи производства присутствіе капиталиста оказывается, по меньшей мѣрѣ, ненужнымъ или даже вреднымъ, и потому мы вправѣ ожидать, что ходъ общественной эволюціи поведетъ къ устраненію его. Какъ первыя попытки такого устраненія слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, разсматривать переходъ въ общественное управленіе тѣхъ видовъ предпріятій, которые сдѣлались монопольными, благодаря тому, что основной капиталъ составляетъ чрезвычайно большую часть всѣхъ капиталовъ этихъ предпріятій.

Интересно отмѣтить, что и ту общественную силу, которая стремится замѣстить капиталиста въ качествѣ руководителя производства, создалъ самъ же капитализмъ. Призвавъ на помощь для организаціи производства науку, капиталистъ, по мѣрѣ увеличенія роли научныхъ пріемовъ въ веденіи производства, все болѣе превращается изъ руководителя предпріятіемъ въ простого отрѣзывателя купоновъ, передавая руководство дѣломъ спеціально подготовленнымъ къ тому лицамъ. Равнымъ образомъ, въ видахъ развитія производства, капитализмъ создаетъ все увеличивающійся классъ непроизводительныхъ потребителей. Интересы всѣхъ этихъ общественныхъ группъ, въ концѣ концовъ, въ гораздо большей мѣрѣ совпадаютъ съ интересами эксплуатируемой капитализмомъ рабочей массы, чѣмъ съ интересами капиталистовъ. Наконецъ и сама эта рабочая масса не остается инертной, ибо и ее капитализмъ подготовилъ къ дѣятельной роли: нуждаясь въ болѣе интеллегентномъ работникѣ для эксплуатаціи усовершенствованной техники, капиталистъ вынужденъ дать работнику возможность поднять свое умственное развитіе. А повышеніе интеллигентности рабочихъ приводитъ ихъ къ сознанію солидарности своихъ интересовъ и создаетъ среди нихъ организацію, которая стремится все болѣе увеличивать фондъ индивидуальнаго развитія рабочаго, а, слѣдовательно, уменьшать степень эксплуатаціи его капиталистомъ.

Нельзя, однако, выводить изъ только что сказаннаго, что такое положеніе вещей предвѣщаетъ близкую смерть капитализма. Прежде всего, нужно помнить, что историческая близость измѣряется не

тѣми періодами, которыми мы привыкли измѣрять время: въ исторіи періодъ жизни нѣсколькихъ поколѣній представляетъ весьма незначительную величину. Кромѣ того, противорѣчіе между способомъ производства и способомъ распредѣленія продукта и всѣ неблагопріятныя для капитализма условія, указанныя выше, побуждаютъ и будутъ побуждать капитализмъ расширяться въ глубь и въ ширь, втягивая въ кругъ своего воздѣйствія все новыя и новыя области и народы, и только тогда, когда эволюція совершится во всѣхъ странахъ,—тогда, можно сказать, наступитъ окончательный кризисъ для этаго способа хозяйствованія. Теперь можно только усмотрѣть, что капитализму грозятъ различныя, только что перечисленныя обстоятельства, и, пожалуй, прибавить, что развитіе техники, въ направленіи увеличенія основного капитала, получитъ еще большее значеніе съ замѣной въ большей мѣрѣ или окончательно силы пара силой электричества. Утверждать больше этаго—значитъ выходить изъ рамокъ научнаго изслѣдованія. Тѣмъ болѣе нѣтъ основанія предсказывать, какой видъ приметъ общество при новомъ строѣ, и какъ близка отъ насъ предвидимая экономическая эволюція. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что крупнѣйшая отрасль производства, земледѣліе, шла до сихъ поръ въ своемъ развитіи совершенно оригинальнымъ путемъ, и мы не можемъ теперь даже предугадать, какія измѣненія должны произойти въ земледѣльческой техникѣ и въ строѣ земледѣльческаго хозяйства, чтобы и для него могла наступить та фаза развитія, которая должна замѣстить капиталистическій строй.

Но если можно предвидѣть уже теперь необходимость перехода отъ существующаго капиталистическаго строя къ иной формѣ экономической организаціи общества, то не значитъ ли это, что можно теперь же ликвидировать капиталистическій строй тамъ, гдѣ онъ существуетъ, или не допустить его развитія тамъ, гдѣ онъ еще не успѣлъ развиться, и перейти прямо къ слѣдующей фазѣ экономическаго развитія? Отнюдь нѣтъ! Мы только что сказали, что едва ли можно указать, каковъ долженъ быть тотъ новый строй, который замѣнитъ собою капитализмъ. И дѣйствительно: этотъ строй характеризуется до сихъ поръ (оставляя, конечно, въ сторонѣ разныя утопіи) почти исключительно съ отрицательной стороны: мы могли бы, пожалуй, сказать, чего *не должно быть* при новомъ строѣ, но *что и какъ должно быть*—этаго мы сказать не умѣемъ. Но вѣдь безъ плана строить нельзя! Поэтому-то, стремиться уничтожить капиталистическій строй или стараться предотвратить его нарожденіе, гдѣ его еще нѣтъ, мы не можемъ, ибо не знаемъ, что слѣдуетъ поставить на его мѣсто.

Но, кромѣ того, ясно, что подобныя стремленія могутъ зародиться только среди небольшого круга лицъ, составляющихъ интеллигенцію

страны и не заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго строя. А между тѣмъ исторію дѣлаютъ движенія массъ, а массы руководятся и могутъ руководиться въ своихъ стремленіяхъ (не говоря уже о томъ, что удается осуществить изъ этихъ стремленій) только тѣмъ, что онѣ ясно и совершенно конкретно представляютъ себѣ. Развитіе массъ, къ тому же, совершается медленно и можетъ, конечно, совершаться только постольку, поскольку это дозволяетъ и, можно почти сказать, вынуждаетъ экономическая обстановка. Послѣдняя же, въ свою очередь, измѣняется въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ измѣненія природныхъ условій, вызываемаго, хотя и безсознательно, по невѣжеству, самими же массами; это особенно относится къ земледѣльческой массѣ, которая и превалируетъ въ огромной мѣрѣ надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ въ странахъ съ неразвитымъ еще капитализмомъ.

Въ сущности, однако, отвѣтъ на поставленный выше вопросъ заключается уже въ нашемъ изслѣдованіи. Мы старались доказать, что экономическая эволюція есть необходимый результатъ того первичнаго факта, что человѣкъ вступаетъ въ борьбу съ природой. Потому и вся послѣдующая эволюція совершается необходимо при постоянномъ воздѣйствіи силъ окружающей человѣка мертвой природы, т. е. въ зависимости отъ тѣхъ законовъ, которые управляютъ силами природы. Но и самъ человѣкъ есть предметъ природы, и его развитіе направляется тѣми же законами природы, выражающимися въ различныхъ свойствахъ человѣческаго организма. Словомъ, законы общественно-экономическаго развитія представляютъ необходимые постулаты взаимодѣйствія тѣхъ естественныхъ законовъ, въ неизмѣнности коихъ никто не сомнѣвается. Если это вѣрно, то слѣдуетъ признать, что и законы экономической эволюціи столь же неизмѣнны, какъ и законы природы, а, слѣдовательно, остановить или направить иначе экономическую эволюцію—столь же неразрѣшимая задача, какъ заставить землю вращаться съ востока на западъ.

Это, однако, вовсе не значитъ, что не слѣдуетъ бороться противъ вредныхъ, съ общественной точки зрѣнія, послѣдствій капиталистическаго хозяйства или стремиться уменьшить вредныя вліянія капитализма. Во-первыхъ, такое пассивное отношеніе къ окружающимъ его явленіямъ не соотвѣтствуетъ природѣ человѣка, а потому оно вообще немыслимо; а во-вторыхъ, въ немъ не только нѣтъ надобности, но оно было бы прямо вредно для развитія самого капитализма: безъ борьбы не можетъ быть движенія впередъ; иначе говоря, борьба является столь же необходимымъ элементомъ эволюціи, какъ и всѣ другіе факторы, вызывающіе эволюцію. Но, конечно, главными дѣятелями въ этой борьбѣ всегда останутся тѣ общественные классы, которые непосредственно заинтере-

сованы въ ея исходѣ. Потому-то развитіе массъ, эксплуатируемыхъ капитализмомъ, и сознаніе ими солидарности своихъ интересовъ является наиболѣе важнымъ факторомъ эволюціи, поскольку послѣдняя вызывается и обусловливается сознательнымъ воздѣйствіемъ общества или тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ.

КОНЕЦЪ.